

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Институт географии

В. И. ГРЕКОВ

ОЧЕРКИ
ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
В 1725—1765 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1960

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

академик А. А. Григорьев

и доктор географических наук Д. М. Лебедев

ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее интересных периодов в истории русской географии является сорокалетие 1725—1765 гг. В эти годы развитие географической науки становится важным государственным делом. Были проведены большие мероприятия по ликвидации отставания в области географических знаний, унаследованного от XVII в., совершены важнейшие географические открытия и созданы основы для развития научной географии в России.

К началу рассматриваемого периода Россия в результате реформ начала XVIII в. и успехов внешней политики уже стала одним из наиболее сильных государств мира. В ней имелось свыше двухсот мануфактур, возникли новые отрасли промышленности, были созданы мощные армия и флот. Культурные реформы благоприятствовали появлению собственных подготовленных кадров. Эти успехи были достигнуты ценой большого напряжения сил всей страны и сопровождались усилением классовых позиций дворянства.

Дворцовые события 1725—1762 гг., частая смена правительств, произвол фаворитов не могли приостановить дальнейшее развитие производительных сил страны. Достаточно сказать, что выплавку чугуна Россия увеличила с 10 тыс. т в 1720 г. до 85,7 тыс. т в 1770 г., обогнав и по темпам и по абсолютным цифрам Англию (Струмилин, 1954, стр. 20). Быстро развивалась также и легкая промышленность (текстильная, кожевенная, стекольная и др.). Возросло производство продуктов сельского хозяйства. Внешнеторговый оборот России с 5,8 млн. руб. в 1726 г. увеличился до 20,9 млн. руб. в 1762 г. (Очерки по истории СССР, 1957).

Начало борьбе с отсталостью знаний о нашей стране и примыкающих к ней территориях и морях было положено при Петре Первом. При нем была начата подготовка геодезистов, печатались в России и за границей географические карты и книги, впервые стали составляться карты крупных районов России, в той или иной мере основанные на точных съемках. Он неоднократно пытался приступить к составлению карты и описанию всей России. Были организованы экспедиции для изучения Сибири, Средней Азии и т. д.

Однако важнейшие из мероприятий Петра Первого в области развития географической науки остались при его жизни незаконченными, и состояние географических знаний к началу рассматриваемого периода было

неудовлетворительным. Не были установлены точные очертания большей части северных и восточных берегов России и ее сухопутных азиатских границ; на севере Европейской России и в Сибири имелись огромные белые пятна. О некоторых странах, граничивших с Азиатской Россией, были распространены лишь смутные, а иногда даже баснословные сведения. Научного описания природы России, ее экономики, населяющих ее народов и их занятий не имелось, а сведения о естественных ресурсах были очень ограничены. Большую часть картографических материалов все еще составляли чертежи, выполненные без использования астрономических определений положения мест и без применения математически обоснованных проекций. Не было, конечно, и общей карты России, которая давала бы достоверное представление о действительных размерах территории и ее границах.

В рассматриваемый нами период борьбе с отсталостью географии благоприятствовали достигнутые Россией успехи в области промышленности, науки и техники. Окрепшее централизованное государство получило возможность планомерно проводить большие географические исследования, которые продолжались много лет и требовали крупных затрат сил и средств. В этих работах, которыми часто руководило непосредственно правительство, принимали участие выдающиеся государственные деятели, талантливые ученые и первоклассные моряки. При наличии мощного военного флота стало возможным пользоваться для географических исследований хорошо оснащенными по тому времени кораблями; для точных измерений применялись астрономические и геодезические инструменты.

Создались благоприятные условия для организации больших экспедиций в восточные и юго-восточные районы России и в прилегающие к ним страны. Ими интересовались не только в связи с желанием получить новые сведения о малоисследованных местах. Многие видные государственные деятели (обер-секретарь Сената И. К. Кирилов, президент Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головин, вице-адмирал Т. Сандерс и др.) горячо поддерживали эти исследования, видя в них один из путей к развитию торговли, расширению влияния России на востоке, усилению обороноспособности страны. Экспедициями интересовались и предприимчивые купцы и промышленники, рассчитывавшие на высокие прибыли на новых рынках и в малоисследованных странах с еще не тронутыми богатствами. Возникали проекты больших компаний для заграничной торговли, которые должны были проникнуть в Ост-Индию, Турцию, Персию, Бухару, Хиву (Семенов, 1859, стр. 173; Щеглов, 1883, стр. 191). В течение рассматриваемого нами периода были организованы крупнейшие государственные экспедиции, а также было совершено много плаваний по инициативе отдельных промышленников.

Весьма важное значение имело участие Академии наук в географических работах 1725—1765 гг.

Организация Петербургской Академии наук не была доведена при Петре Первом до конца, и довольно долгое время условия, созданные его

преемниками, не понимавшими значения Академии и чинившими различные препятствия развитию наук, не способствовали успешности ее начинаний. Но, несмотря на это, деятельность входивших в состав Академии выдающихся ученых оказала огромное влияние на успехи науки и просвещения в России XVIII в.

Академия наук выпускала, кроме трудов отдельных ученых, также научные, научно-популярные и литературные журналы на русском и иностранных языках, книги, карты, учебники. Профессора Академии читали лекции, преподавали в университете, гимназии и других учебных заведениях. Профессора и переводчики Академии много содействовали выработке русского литературного и научного языка. Велико было значение Академии наук и в развитии географии.

Уже в проекте организации Академии, одобренном Петром Первым в 1724 г., география вместе с математикой, астрономией, навигацией и механикой была отнесена к первому из трех классов, на которые были разделены все науки. Еще яснее мысль о значении географии развита в регламенте, утвержденном в 1747 г., где сказано: «Государству не может быть иначе, яко к пользе и славе, ежели будут такие в нем люди, которые знают течение тел небесных и времени, мореплавание, географию всего света и своего государства; чего ради иметь надлежит первый класс академиков, который состоять должен из астрономов и географов. Польза непосредственно та от них, что мореплаватели будут искусные в государстве, которые не токмо описания всех земель подлинны сочинить, по иногда и не знаемые изобретать могут» (Содержание ученых рассуждений Академии наук, изданных в первом томе..., стр. 14—15).

Участие Академии наук в географических работах рассматриваемого периода было весьма обширно и разнообразно. Большое внимание географии уделяли астрономы И. Делиль, И. Гейнзиус, Х. Винсгейм, математики Л. Эйлер, Ф. Майер, физики Г. Крафт, Ф. Эпинус, И. Браун, натуралисты И. Гмелин, С. П. Крашенинников, Г. Стеллер, историки Г. Миллер, И. Фишер и др. В последнем периоде своей жизни много трудился в области географии М. В. Ломоносов. С Академией поддерживали связь также и не входившие в ее состав замечательные русские ученые, занимавшиеся географией: И. К. Кирилов, В. Н. Татищев, П. И. Рычков, Ф. П. Соймонов.

Академия наук в 1725—1765 гг. играла важную роль в организации географических экспедиций, в их исследованиях, в составлении карт, разработке основ физической географии.

Если начало рассматриваемого нами периода отмечено осуществлением мероприятий, начатых еще Петром Первым,— отправление Первой Камчатской экспедиции для исследования почти неизвестных северо-восточных районов России и сопредельных с ними стран, геодезические съемки для составления генеральной карты России,— то конец этого периода определяется смертью М. В. Ломоносова, в географических трудах которого важное место занимает разработка первого научно обоснован-

ного проекта плавания Северным морским путем и создание основ физической географии. Смертью М. В. Ломоносова заканчивается также и определенный период развития Академии наук (История Академии наук СССР, 1958, стр. 9).

За 200 лет, отделяющих нас от рассматриваемого периода, накопилась огромная русская и иностранная литература, посвященная географическим исследованиям того времени. Изданы подробные описания отдельных экспедиций, монографии об ученых и путешественниках, опубликованы карты и различные архивные материалы. Особенно большое количество таких работ вышло в СССР. Многие из этих материалов еще совершенно недостаточно использованы.

В настоящей книге сделана попытка дать на основе имеющейся обширной литературы отсутствующий до настоящего времени общий обзор истории географии в России 1725—1765 гг.

При подготовке книги к печати нами учтены ценные замечания доктора исторических наук профессора А. И. Андреева и кандидатов географических наук О. А. Евтеева и Н. Г. Фрадкина.

Карты маршрутов экспедиций составлены по нашим материалам картографом Института географии АН СССР А. А. Потуловым.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ ДО ПЕРВОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Проникновение русских в Сибирь¹ было связано с торговыми и промышленными интересами. Новгородские промышленники начали проходить «за Югру и за самоедь» не позже второй половины XI в.² Широкий путь «встреч солнца» открылся перед русскими в середине XVI в. — после падения Казанского царства. Последовавшее за этим стремительное продвижение через суровые просторы Сибири является одной из наиболее интересных страниц русской истории.

В XVI—XVII вв. основным двигателем колонизации являлась погоня за ценной пушниной, которой изобиловала Сибирь того времени. В частности, предметом устремлений были соболи, встречавшиеся в большом количестве. В этот период в открытии новых земель в Сибири огромную роль сыграли промышленники и служилые люди, связанные с московскими, вологодскими, устюжскими и другими торговыми людьми. Странствиями русских землепроходцев, которые «принимали всякую нужу, ели коренья и траву, и души сквернили всякою скаредною (скверной.— В. Г.) ядью и голод и наготу терпели» (Открытия русских землепроходцев..., 1951, стр. 98), и было положено начало исследованию громадных территорий Сибири.

Высоко оценивая их деятельность, английский историк Д. Бейкер (1950) пишет: «...на долю этого безвестного воинства достается такой подвиг, который навсегда останется памятником его мужеству и предприимчивости и равно которому не совершил никакой другой европейский народ» (стр. 231—232).

В 1632 г. казачьим сотником П. Бекетовым был заложен Ленский острог (Якутск), ставший отправным пунктом для экспедиций на восток и юг Сибири (Якутия в XVII в., 1953, стр. 31). В 1639 г. отряд казаков во главе с Иваном Москвитиным выступил из Бутальского острожка, по рекам Алдану и Мае, а затем по Улье, вышел через 77 дней к берегам Охотского моря и поставил здесь зимовье и острожек³. В 1643—1646 гг. В. Д. Поярков проложил путь из Якутска к Амуру, спустился до его устья и, пройдя берегом моря до р. Ульи, вернулся обратно в Якутск. Во время этого похода были собраны сведения об о-ве Сахалине (Полевой, 1958).

Около середины XVII в. вдоль северных берегов Азии уже плавали русские суда (Русские мореходы..., 1952, стр. 328—339). Возможно, что они обходили Таймырский п-ов, у южной части которого жили русские поселенцы (Окладников, 1951; Белов, 1956, стр. 132—133). В 1648 г. С. И. Дежнев проплыл на «кочках» от устья р. Колымы к устью р. Анадырь, доказав раздельность Азиатского и Американского материков. Его спутник Федот Алексеев (Попов) был занесен бурей на Камчатку. К сожалению, географическое значение подвига С. И. Дежнева осталось в то время непонятым. Открытие же в 1650 г. С. И. Моторой, а затем М. В. Стадухиным более удобного сухого пути к р. Анадырь с притока Колымы — р. Анной⁴

лишило плавание С. И. Дежнева практического значения, и оно было забыто в сибирских и московских канцеляриях⁵.

Появление русских на р. Анадыре и основание Анадырского острога было важным шагом к открытию и освоению Камчатки, берегов северо-западной Америки и тихоокеанских островов, а также к поискам путей в богатую, сказочную Японию. Дикая северо-восточная окраина Сибири привлекла внимание Петра Первого, и в поиски новых стран и народов на востоке начинало все больше вмешиваться центральное правительство.

На Камчатке, которой было суждено служить в первой половине XVIII в. важнейшей базой экспедиций, нашли «зверей великое изобилие», и она стала в дальнейшем одним из центров колонизации. Камчатка представлялась далекой окраиной не только для Москвы, но даже и для Якутска, путь от которого до Камчатки через Анадырск (до установления морского сообщения через Охотск) составлял более 4 тыс. км и был полон трудностей и лишений.

Достоверные известия о Камчатке и окружающих районах поступали медленно, хотя в 80-х годах XVII в. совершались походы в «Коряцкую землю» к северу от Камчатки (Белов, 1957). Наиболее раннее упоминание о Камчатке в ведомственной переписке встречается в «Приговоре Якутского воеводы П. П. Зиновьева от 14 июня 1690 г. по делу о восстании в Якутском остроге» (Открытия русских землепроходцев..., стр. 477; см. также Белов, 1956, стр. 184). По свидетельству Г. Майделя (1894, стр. 528), который мог пользоваться сибирскими архивами в 60—70-х годах прошлого столетия, согласно повествованиям «старых архивных свитков», первым отправился на Камчатку казак Царицын в 1690 г. Но, несомненно, в Анадырске знали о Камчатке гораздо раньше (Крашенинников, 1949, стр. 473). Около 1672 г. р. Камчатку уже изображали на чертежах⁶.

Начало освоению п-ова Камчатки положили походы Луки Морозко в 1695—1696 гг. и В. Атласова в 1696—1699 гг. (Белов, 1957, стр. 101). История проникновения русских на Камчатку изобилует драматическими эпизодами борьбы казаков с камчадалами и коряками, а также столкновениями среди самих казаков (Сгибнев, 1869в).

В. Атласов в своих «скасках» отметил (Оглоблин, 1891а, стр. 16), что к р. Бобровой на восточном берегу Камчатки приходят «по вся годы бусы» (небольшие корабли). Таким образом, им было установлено, что эта страна с востока омывается морем и является полуостровом.

Первые изображения северо-востока Азии, в частности Камчатки, были, конечно, очень приблизительными. О них дают представление четыре чертежа из «Служебной чертежной книги» С. У. Ремезова, описанной А. И. Андреевым (1939г). На чертеже, относящемся, вероятно, к концу XVII в. (Андреев, 1939в, стр. 310), сохранились прямые отголоски похода В. Атласова в виде надписи: «Река Бобровая, не доходила за 3 дня», которая повторяет слова его «скаска»⁷. На остальных чертежах изображение территории этого полуострова, имеющее неправильные очертания, постепенно заполняется более или менее верным содержанием. Одновременно на них появляются схематичные изображения некоторых Курильских и Японских островов. На этих чертежах на северном берегу Азиатского материка, к западу от Чукотского п-ова показан мыс или с надписью «нос непроходимой», или уходящий за рамку чертежа. Этот протянутый далеко к северу нос, вероятно, и послужил прототипом несуществующего Шеллагского или Чукотского носа, долго наносившегося на карты XVIII в.

На чертежах, относимых к 1700 и к 1713—1715 гг. (Ефимов, 1948), изображен бассейн Анадыря, довольно правильно даны очертания северного берега Анадырского залива и показан залив Креста. Особенно интере-

сен чертеж 1700 г., оказавший влияние на последующие русские и западноевропейские картографические работы. Очертания Чукотского п-ова перешли с этого чертежа на чертеж И. Львова (там же, стр. 98)⁸. Сходные очертания Чукотского п-ова встречаются на картах М. Зиновьева (1726 г.) и И. К. Кирилова (1724—1730 гг.), а также на вышедшей за границей карте И. Гомана 1725 г.⁹ Очертания Камчатки с чертежа 1700 г. можно проследить на упомянутой карте И. К. Кирилова, а также на картах пленных шведских офицеров, долгое время живших в Сибири и опубликовавших в 1725—1727 гг. за границей несколько карт, и, наконец, на опубликованной около 1730 г. карте шведа Ф. Страленберга (Табберта), который также жил в Сибири.

Интересно, что на одном из чертежей «Служебной чертежной книги» С. У. Ремезова, относимом к 1705—1706 гг. (Ефимов, 1948, стр. 76), юго-восточная часть Камчатки изображена не омываемой морем. Это противоречит сообщениям В. Атласова.

Такое неверное представление, по-видимому, укоренившееся в некоторых канцеляриях, повторялось впоследствии на других чертежах¹⁰.

С первым появлением на северо-востоке Азии — на берегах Тихого океана — русских землепроходцев от них начали поступать известия об островах против Чукотского п-ова (о-ва Диомиды), населенных «зубатыми людьми», под которыми подразумевались эскимосы, продававшие сквозь нижнюю губу костяные или каменные украшения, и о «Большой земле» (северо-западной Америке). Некоторые из этих известий сохранились в дошедших до нас документах: в «отписке» С. И. Дежнева, посланной якутскому воеводе в апреле 1655 г. (Дополнения к актам историческим, 1851, стр. 26), в «скаске» В. Атласова, поданной в Сибирский приказ в феврале 1701 г. (Оглоблин, 1891а, стр. 12) и др.

Хотя расспросные сведения не были точны, они все же давали более или менее правильную географическую ориентировку.

Изображения Камчатки были вскоре значительно уточнены, но уточнение очертаний района к северу от нее было начато только Первой Камчатской экспедицией.

Важное место в истории изучения Камчатки и островов, лежащих к югу от нее, занимают донесения казака (а позже монаха) И. П. Козыревского, побывавшего во время двух плаваний (1711 и 1713 гг.)¹¹ в северной части Курильской гряды. Особенно интересен связанный с походом 1713 г. «Чертеж Камчадальского носа и морским островам» 1726 г., состоящий из нескольких листов. Он был передан И. П. Козыревским В. Берингу в Якутске. На «Чертеже Камчадальского носа...» правдоподобно изображены схематические очертания южной половины Камчатки и намечено надписями местоположение 21 Курильского о-ва, о-ва «Матмая» (Хоккайдо) и «Нифона» (Японии)¹². В надписях на месте островов, а также на территории и у берегов Камчатки содержится много ценных географических и исторических сведений, которые в части Курильских и Японских островов были собраны от пленных.

Приводим «Чертеж Камчадальского поса...» в склеенном виде (рис. 1).

Известия И. Козыревского о Курильских островах представляли в свое время большой интерес, и еще в 1758 г. их счит нужным опубликовать Г. Миллер. Они нашли отражение и в картографии. Правда, своеобразный мыс Лопатка, изображенный на этом чертеже, больше нигде не встречается. Наиболее ясно выражено сходство с чертежом И. Козыревского 1726 г. в названиях и расположении Курильских островов на «карте Шестакова», составленной около 1724—1725 гг. (Белов, 1956, стр. 258), на которой нанесен северо-восток Азии.

На других известных нам чертежах того времени такое расположение островов не встречается.

Известия о Камчатке и прилегающих странах, поступившие от В. Атласова, пленных японцев (Оглоблин, 1891а и 1891б) и И. П. Козыревского, несомненно, привлекали внимание Петра Первого, который интересовался восточными странами — Индией, Китаем, Японией — и предпринимал энергичные попытки установить с ними связи. Полагая, что путь туда может быть найден через Среднюю Азию, он направлял в нее полувоенные экспедиции, имевшие целью также изучение этой страны. В 1724 г. с теми же намерениями подготовлялась неудавшаяся экспедиция на Мадагаскар и далее в «Ост-Индию» (Заозерский, 1923). Производились поиски морского пути в восточные страны вдоль берегов Северной Азии (Северо-восточный проход)¹³, предположение о существовании которого было уже давно распространено в русском обществе¹⁴. Неудачи этих попыток заставили Петра Первого обратить внимание на путь через Восточную Сибирь и Камчатку, так как путь по Амуру был закрыт для русских Нерчинским договором (1689 г.) с Китаем. По указу Петра Первого (1713 г.), отряд якутского служилого Кузьмы Соколова с мореходом Н. Треской совершил в 1716—1717 гг. плавание на Камчатку и обратно на «лодии», построенной в 1715 г. в Охотске (Миллер, 1758, стр. 320—321). Это плавание положило начало морскому сообщению между Охотском и Камчаткой. Местные власти в Сибири по приказу правительства делали попытки разведать острова, прилегающие к берегам Северного и Тихого океанов, собрать сведения о Японии и т. д. (Памятники Сибирской истории, 1882, стр. 418, 421—422; 1885, стр. 41).

Около того же времени в правительственных учреждениях появилась мысль о необходимости больших экспедиций для исследования этих отдаленных районов, использование которых, казалось, обещало государству большие выгоды. Эти экспедиции частью являлись прообразом экспедиций рассматриваемого нами периода и объясняют их возникновение.

Первоначально были сделаны попытки проведения крупных экспедиций главным образом местными силами. В 1716 г. был снаряжен Большой камчатский наряд. Во главе его был поставлен якутский воевода Я. А. Елчин, которому, согласно инструкции тобольского губернатора М. П. Гагарина, поручалось проведение больших и сложных заданий по исследованию Камчатки «с землями чукочь, коряк, юкагир и иных». На него возлагалась также организация экспедиций к берегам «Северного и Восточного морей» и по рекам Колыме, Камчатке, Пенжинке, Чондону, Яне, Охоте, Уде и Тугуру. Большой камчатский наряд должен был строить остроги, «проводывать» неизвестные земли и острова и приводить в подданство их население. По Г. Миллеру, главнейшим делом, выяснение которого губернатор поручил Я. А. Елчину, было исследование вопроса о руде, которую берут японцы с шестого Курильского острова. Ему поручалось также проехать от Чукотского носа на расположенные против него острова и «матерую землю», исследовать Шантарские острова и «прилагать старание об учреждении купечества с японцами» (Миллер, 1758, стр. 320—321).

В экспедицию Я. А. Елчина было включено много мореходов и кормщиков: А. Буш, И. Бутин¹⁵, К. Мошков, Тарасов, Серебренников, Невейдин, Григорий Березин, Нагибин. Поскольку от р. Юдомы до р. Урак надо было проходить волоком, Я. Елчин отправил часть отряда для устройства дороги на Охотск, как впоследствии поступали и камчатские экспедиции.

Большой камчатский наряд не сумел приступить вплотную к работам. Я. А. Елчин из-за ссор с якутским воеводой был вызван в 1718 г. в Петербург, а назначенный вместо него капитан Абыштов только в 1719 г. до-

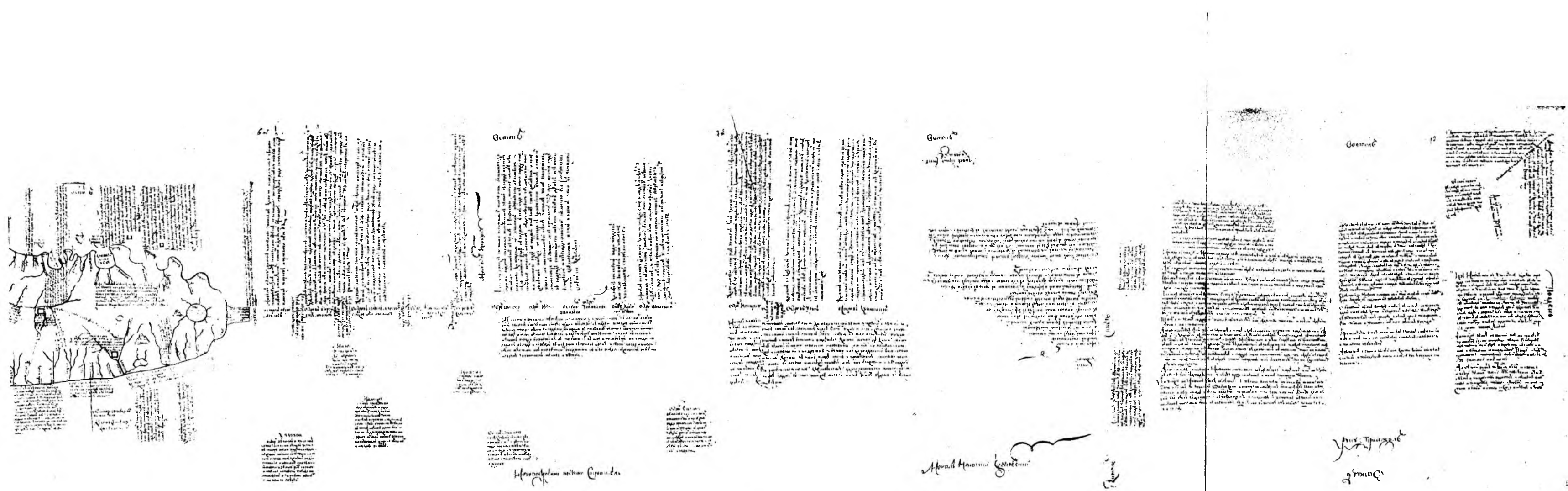

Рис. 1. «Чертеж Камчадальского носа и морским островам» И. П. Козыревского 1726 г. (Огрызко. 1953).

стиг по р. Урак моря и бечевой прошел в Охотск (Сгибнев, 1868, стр. 133—134). Сибирский приказ, узнав о трудностях, в том же году предложил прекратить экспедицию. Результаты этого большого предприятия, на которое Якутская канцелярия затратила в 1717—1718 гг. немалые средства, были невелики.

Наибольших результатов достиг отряд под командованием «боярского сына» Филькеева с участием кормщика Татарина, направленный в Удский острог и обследовавший в 1720—1721 гг. о. Большой Шантар.

В Центральном государственном архиве древних актов хранятся листы из донесения Я. А. Елчина, отправленного им в Сенат перед отъездом в Петербург. В них содержатся сведения (главным образом расспросные) о пути из Якутска на Камчатку, о Курильских островах, Японии, о возможности строительства кораблей в Охотске (ЦГАДА, кабинет Петра Великого, отд. 2, д. 43, л. 374—376). К листам донесений подшит чертеж «Карта Якуцкая и Камчатцкому мысу и прежнему пути на Камчатцкой мыс також и новой»¹⁶.

Интересны соображения Я. А. Елчина о путях к Камчатке и в другие «поморские места». Они изложены в указе Сената от 3 мая 1727 г. Вместо пути до Камчатки, «которой прежде был от Якуцка чрез Верхоянск, Индигирск, Алазейск и Колымские остроги, пустыми дальними местами со многим трудом и от противных народов с нападками», Я. А. Елчин предлагал «другой путь безопасной и ближе до Охотска верст с тысячу, а от Охотска морем переходят в Камчатку в четверы сутки». По мнению Я. А. Елчина, следовало посылать артиллерию, судовые припасы и провиант «Леною вниз, Алданом, Маею и Юдомою реками вверх до Юдомского волоку, а чрез Юдомской волок до р. Ураку лошадыми, а Ураком до моря». У устья р. Майи и у Юдомского волока он предлагал поселить русских людей и снабдить их семенами для посева, так как там «всякого угодыя довольно». По словам Я. А. Елчина, хлеб можно сеять и «при Охотском остроге и в Камчатке и на других морских островах от восточной стороны в теплых местах». Наконец, «по тому Елчина объявлению, ежели б Амур река была в российском владении и мочно б было от Нерчипска выходить судами в Амурское устье, а оттуду во все вышеозначенные поморские места ездить судами, то о вышеописанном от Якуцка до Охотска пути старания иметь не надлежало б» (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, л. 25—25 об.).

С новым путем до Охотска, описанным Я. А. Елчиным, мы будем неоднократно встречаться, рассматривая историю экспедиций на Камчатку. Хотя Сенат не оставил без внимания важное сообщение Я. А. Елчина и в том же указе предложил сибирскому губернатору «приложить старание дабы показанной путь как возможно учредить» (там же), этот путь оставался до конца рассматриваемого периода неналаженным и служил одним из главных затруднений при подготовке крупных камчатских экспедиций.

Незначительность успехов Большого камчатского наряда была в определенной мере обусловлена тем, что правительство, по-видимому, не представляло ни объема средств, которыми располагают на местах, ни масштабов мероприятий, подлежащих выполнению.

Первая, снаряженная центральным правительством экспедиция в Сибирь была отправлена в 1719 г. Во главе этой экспедиции были поставлены геодезисты (их называли также навигаторами) И. М. Евреинов и Ф. Ф. Лужин. Петр Первый сам «испытал» знания и способности геодезистов и дал инструкцию за своей подписью: «Инструкция Ивану Евреинову и Федору Лужину. Ехать вам до Таболска и от Таболска, взяв провозжатых, ехать до Камчатки и далее, куды вам указано. И описать тамошние места: сошлася Америка с Азией, что надлежит зело тщательно

сделать не только сյюд и норд, но ост и вест, п все на карту исправно поставить. А об отправлении вашем от Тоболска и о даче подвод и провожатых и прочего, в чем вам будет нужда, Сибирской губернии к лапратом и прочим управителем указ послан. 1719-го генваря 2-го дня» (Андреев, 1943а, стр. 5)¹⁷.

Выехав из Петербурга в январе 1719 г., геодезисты прибыли на Камчатку в сентябре, совершив переезд на той же «лодии», на которой туда плавали в 1716—1717 гг. К. Соколов и Н. Треска. Судно зимовало в Большерецке, а И. М. Евреинов и Ф. Ф. Лужин с частью команды экспедиции, захватив геодезические инструменты, отправились в Нижне-Камчатск¹⁸. Вернувшись в Большерецк в мае, они 22 числа без достаточного снаряжения пустились в опасное морское плавание к неизвестным местам. Судно вел К. Мошков.

Описания плавания до сего времени не обнаружено. Судя по карте И. М. Евреинова, оно совершалось вдоль Курильской гряды, в виду островов. По сообщению И. К. Кирилова, пользовавшегося в 1724 г. материалами И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина для составления по приказу Петра Первого карты восточных берегов Сибири, Камчатки и Курильских островов, геодезисты описали и положили на карту 16 островов¹⁹ (Андреев, 1943а, стр. 35). Следует отметить, однако, что на известной карте И. М. Евреинова, представляющей итоги экспедиции, нанесено только 14 крупных островов и несколько мелких.

Трудное плавание И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина, во время которого члены экспедиции несколько раз были на краю гибели, закончилось в конце июня 1721 г., когда они без якоря, с изорванными снастями добрались до Большерецка. В 1722 г. И. М. Евреинов лично представил отчет и карту Петру Первому, находившемуся тогда в Казани. Петр Первый «с великим любопытством препровел несколько времени с ним в разговорах и с удовольствием рассматривал сочиненную им и товарищем его Лужинским карту Камчатки и помянутым (Курильским.— В. Г.) островам и описание всего их вояжа» (Голиков, 1789, ч. 8, стр. 184).

Исследователей, изучавших эту экспедицию, смущало видимое отсутствие связи между плаванием вдоль Курильской гряды и поручением Петра Первого выяснить, соединяется ли Азия с Америкой, для выполнения которого как будто следовало плыть не к югу от Камчатки, а к северу.

Но не следует забывать, что в это время существовали представления о возможности связи Камчатки с Америкой. Наглядным свидетельством об этих представлениях служит найденная в бумагах Я. А. Елчина и опубликованная А. В. Ефимовым (1948) «Карта Якуцкая и Камчатцкому мысу...» (рис. 2)²⁰. Она была отправлена в 1718 г. Я. А. Елчиным в Сенат и побывала в руках у Петра Первого (Андреев, 1943б, стр. 38; Ефимов, 1948, стр. 112²¹). На ней, на перешейке, простирающемся от Камчатского п-ва и уходящем за рамку, написано: «По скаске камчатцкого казака Ивана Енисейского с товарищи, что в левую сторону (карта ориентирована севером книзу.— В. Г.) пошла великая земля и людна. Между теплым и студеным морями, и иноземцы многие им сказывали, что из моря в море чрез тою землю пролива не знают» (Ефимов, 1948, стр. 109). Не особенно далеко к югу от Камчатки изображен остров, названный Нифоном (о-в Хонсю), и показана цепь островов между ним и Камчаткой.

Вероятно, выяснение вопроса, соединяется ли Камчатка с Америкой, и исследование земель к югу от Камчатки и было задачей, порученной геодезистам Петром Первым²². Поэтому в инструкции от 2 января 1719 г. говорится о необходимости исследовать «не только сյюд и норд, но и ост и вест». Ведь на рассматриваемой карте не показано, на востоке или на

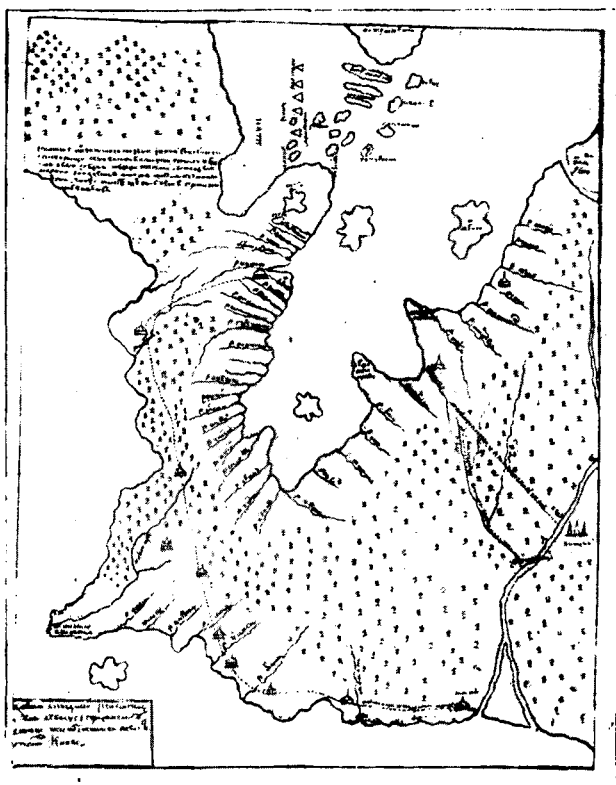

Рис. 2. «Карта Якуцкая и Камчатцкому мысу и прежнему пути на Камчатской мыс тажкож и новой», отправленная Я. А. Елчиным в Сенат в 1718 г. (Опубликована А. В. Ефимовым, 1948).

юге перешеек, отходящий от Камчатки, соединяется с расположенной против него землей. Становится ясным также, почему геодезисты по прибытии на Камчатку совершили трудное путешествие из Большерецка в Нижне-Камчатск. Им надо было выяснить, отходит ли от восточного берега полуострова перешеек к Америке. Ознакомившись с расположением восточного берега, они поплыли к югу, разведывая острова и земли, изображенные на карте.

Карта и отчет И. М. Евреинова являются главным результатом этой экспедиции. Они считались пропавшими и лишь в 1945 г. были найдены в ЦГАДА сотрудником архива В. Н. Шумиловым (рис. 3). Карта опубликована А. И. Андреевым (Русские открытия в Тихом океане..., 1948) и А. В. Ефимовым (1948, стр. 137).

На карте И. М. Евреинова впервые довольно верно, хотя, конечно, еще далеко не точно, переданы характерные особенности очертаний Камчатки и правильно показано юго-западное направление цепи Курильских островов, о взаимном расположении которых уже можно было составить представление. Начинаясь от Тобольска, карта заканчивается несколькими градусами восточнее тихоокеанского берега Камчатки. Эта часть Азии показана между 49 и 63° с. ш.; северное побережье отсутствует. Нанесены соответствующие отрезки Оби, Иртыша, Енисея, Лены с притоками. Карта снабжена градусной сеткой. Широтные определения производились «через инструмент, нарицаемый квадрант астрономический».

Впервые сделанные в Сибири и на Камчатке И. М. Еврепновым и Ф. Ф. Лужиним широтные определения представляли большую ценность²³. Для показанных на карте различных пунктов Сибири (21 пункт) и Камчатки (5 пунктов) они точны в пределах до 10'. Только широта мыса Лопатки и Курильских островов показана с ошибкой примерно на 2°. Долготы же были нанесены неправильно. Между восточным берегом Камчатки и Тобольском показано 45°, вместо (примерно) 95°, тогда как расстояние между меридианами приблизительно верное, поэтому карта сильно укорочена²⁴.

Представляющее большой интерес изображение Камчатки не могло быть точным, поскольку экспедиция заходила лишь в немногие пункты. Особенно неточно изображен восточный берег, который показан почти прямой линией. Камчатка на этой карте протягивается с севера на юг, а не на юго-запад. Грубо изображены также северный и западный берега Охотского моря, которые у Охотского острога сходятся почти под прямым углом. Расположенный в северной части моря большой залив Шелехова, переходящий в Пенжинскую губу, едва заметен. Западный берег моря показан волнистой линией, идущей прямо с севера на юг. Все же следует отдать должное геодезистам, сумевшим, основываясь на весьма неполных наблюдениях и расспросных данных, нанести на карту во многом верные очертания большой страны.

Правильное направление цепи Курильских островов свидетельствует о том, что они нанесены на основе действительных наблюдений. Об этом же говорит и паличие на карте только четырнадцати крупных островов, тогда как, по расспросным данным, они могли бы быть нанесены все. Однако изображения этих четырнадцати островов далеки от точности. Первые острова показаны гораздо дальше к западу от мыса Лопатки, чем они расположены в действительности. Расстояние между островами в отчете И. М. Еврепнова сильно преувеличено. Например, между островами Шумшу и Парамуширом показано 47 миль, вместо 1 мили и др. (Сноу, 1902, стр. 92, 96—97). Очертания и размеры островов произвольные. Все эти погрешности явились результатом трудных условий плавания, во время которого острова приходилось наблюдать на расстоянии.

Следует отметить, что ни на карте, ни в отчете острова не названы; в отчете они обозначены буквами латинского алфавита. Соответствие между островами, нанесенными на карту и упомянутыми в отчете, устанавливается по координатам. При сравнении карты И. М. Еврепнова с современной по расположению островов можно определить первые шесть. Каким островам на современной карте соответствуют остальные, можно понять, если предположить, что мелкие острова — Машауч (о-в Чирипкотан), Игайту (острова Ловушки) и Ушишир — пропущены. Тогда последние три острова на карте И. М. Еврепнова можно считать островами Расшуа, Кетой и Симушир.

Отчет И. М. Еврепнова назван так: «Реестр. Каталог, сие есть описание мест и градусов Сибирския страны и Камчатския земли и протых знатных мест, которые острова стоят в окияне-море от Болше реке промеж югом и западом, по широте от экватора и по долготе от запада счисляются от меридиана града Тоболска под коликими градусы, которое место знатное. А паче которые места лежат от града Тоболска против восточные страны zde за должность краткости чиня, сие собрание описахом, в которых городех и местах по указу его императорского величества повелено нам против данной инструкции следовать, сошлась ли Америка с Азиєю. И мы против оной инструкции, елико возмогах по науке нашей, которую мы благодатию божию и великого императора нашего повелением из дет-

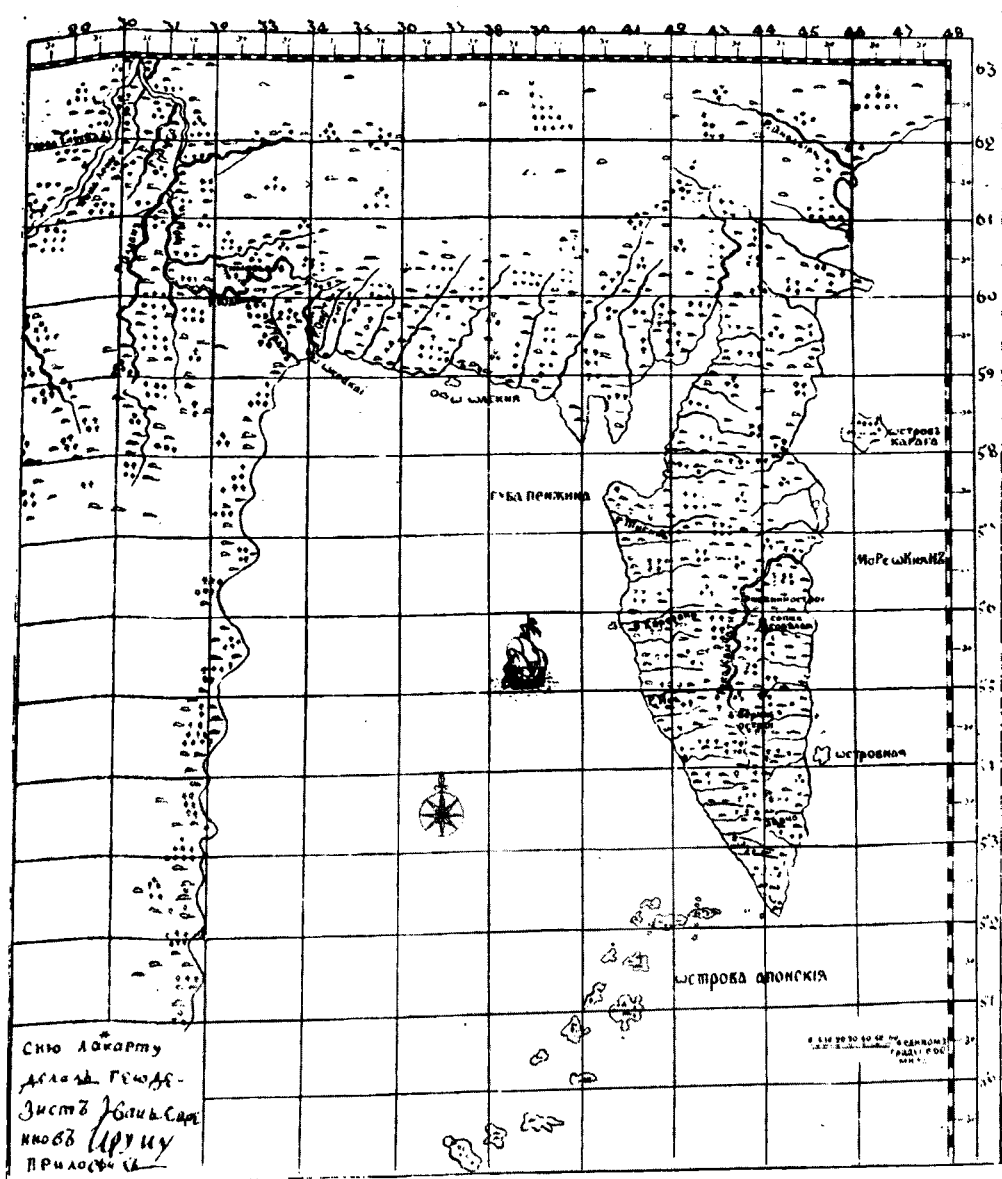

Рис. Схема части карты Камчатки и Курильских островов, составленной И. Евре-новым в 1772 г. (Русские открытия в Тихом океане..., 1948).

ска получихом, чрез изструмент, нарицаемый квадрантъ астрономический, усмотрением высоту солнца меридиональной или полуденной и склонением солнца того дня, в которой прилучилось обсервовать, обсервовали елевацию поля над горизонтом всякого места, которые писаны ниже сего, также и расстояние от места до места» (ЦГАДА, кабинет Петра Великого, отд. I, кн. 66, л. 22). В этом заголовке мы видим подтверждение цели экспедиции — исследовать, «сошлась ли Америка с Азиею». За заголовком идет перечень 47 пунктов с указанием их координат и расстояний одного от другого²⁵.

Карта И. М. Евреинова сыграла роль в развитии правильных представлений о северо-востоке Азии. Вместе с чертежом И. П. Козыревского, изображающим всю цепь Курильских островов, она вносила ясность в один из запутанных вопросов картографии того времени. Ее использовали при составлении своих карт И. К. Кирилов и И. Делиль.

В Западной Европе карта И. М. Евреинова известности не получила. На картах шведских офицеров с изображением Камчатки (рис. 4), изданных в Амстердаме в 1725—1727 гг.²⁶, очертания полуострова очень далеки от действительности; то же можно сказать и об известной карте Ф. Страленберга²⁷. На этих картах мыс Лопатка доходит почти до Японии, кончаясь несколько выше 40° с. ш. На карту Н. Гомана 1725 г. карта И. М. Евреинова также влияния не оказала.

В 1719 г. Петр Первый направил в Сибирь по договору на 7 лет доктора Даниила Мессершмидта²⁸. В инструкции был намечен следующий круг вопросов, которыми он должен был заниматься: 1) география страны, 2) естественная история во всем объеме, 3) медицина, 4) описание сибирских народов и исследование их языков, 5) изучение памятников древности и 6) прочие достопримечательные явления (Пекарский, 1862, т. 1, стр. 351).

Д. Мессершмидт работал почти все время один, лишь в течение немногим более года ему помогал Ф. Страленберг. За время работы в Сибири Д. Мессершмидт посетил многие районы в бассейнах Оби, Иртыша и Енисея. Замечательно путешествие, начатое им в 1723 г. из Новой Мангазеи (г. Туруханск). Он поднялся до верховий р. Нижней Тунгуски и волоком перебрался на р. Лену. Это дало ему возможность в 1724 г., поднявшись по Лене и переправившись через Байкал, достигнуть Даурии. Через Нерчинск, Аргунские копи и монгольские степи он добрался 14 сентября к оз. Далайнор (Pallas, 1782, стр. 135). Некоторые его маршруты долго оставались неповторенными.

В Сибири Д. Мессершмидт собрал огромные естественноисторические и этнографические коллекции, а также картографические материалы. Он сделал многочисленные филологические записи, в частности, касающиеся монгольского и тунгусского языков, а также провел более 300 наблюдений полуденной высоты солнца и определений широты мест (МАН, 1890, стр. 152)²⁹.

Коллекции, с которыми Д. Мессершмидт возвратился в 1727 г. в Петербург, по богатству превзошли все ожидания. Г. Миллер (там же), участвовавший в комиссии по их приемке, высоко оценил деятельность Д. Мессершмидта. По его словам, Д. Мессершмидт был не только прилежным коллекционером, но и ученым описателем вновь найденных редкостей «в трех царствах природы», умевшим их искусно классифицировать. Одно описание птиц (*Historia avium*), составленное Д. Мессершмидтом, состоит из девяти томов (Обозрение архивных материалов, 1933, стр. 165).

Труды Д. Мессершмидта до сего времени почти не издавались³⁰, но его рукописи использовались многими учеными (Г. Стеллером, И. Гмелиным, Г. Миллером, П. Палласом, Ф. Страленбергом и др.). Коллекции его сильно пострадали во время пожара в Академии наук в 1747 г. Важно отметить, что опыт и материалы первого ученого исследователя Сибири были учтены Второй Камчатской экспедицией.

Петр Первый предполагал производить подобные исследования и в других районах, чтобы собрать таким образом сведения о природе страны. Лейб-медик Петра Первого Л. Блюментрост в письме в Парижскую Академию наук 14 февраля 1721 г., написанном в связи с избранием Петра Первого ее членом, сообщив о посылке в Сибирь одного из медиков, отметил, что «еще двое работают в том же направлении в Астрахани и

405216

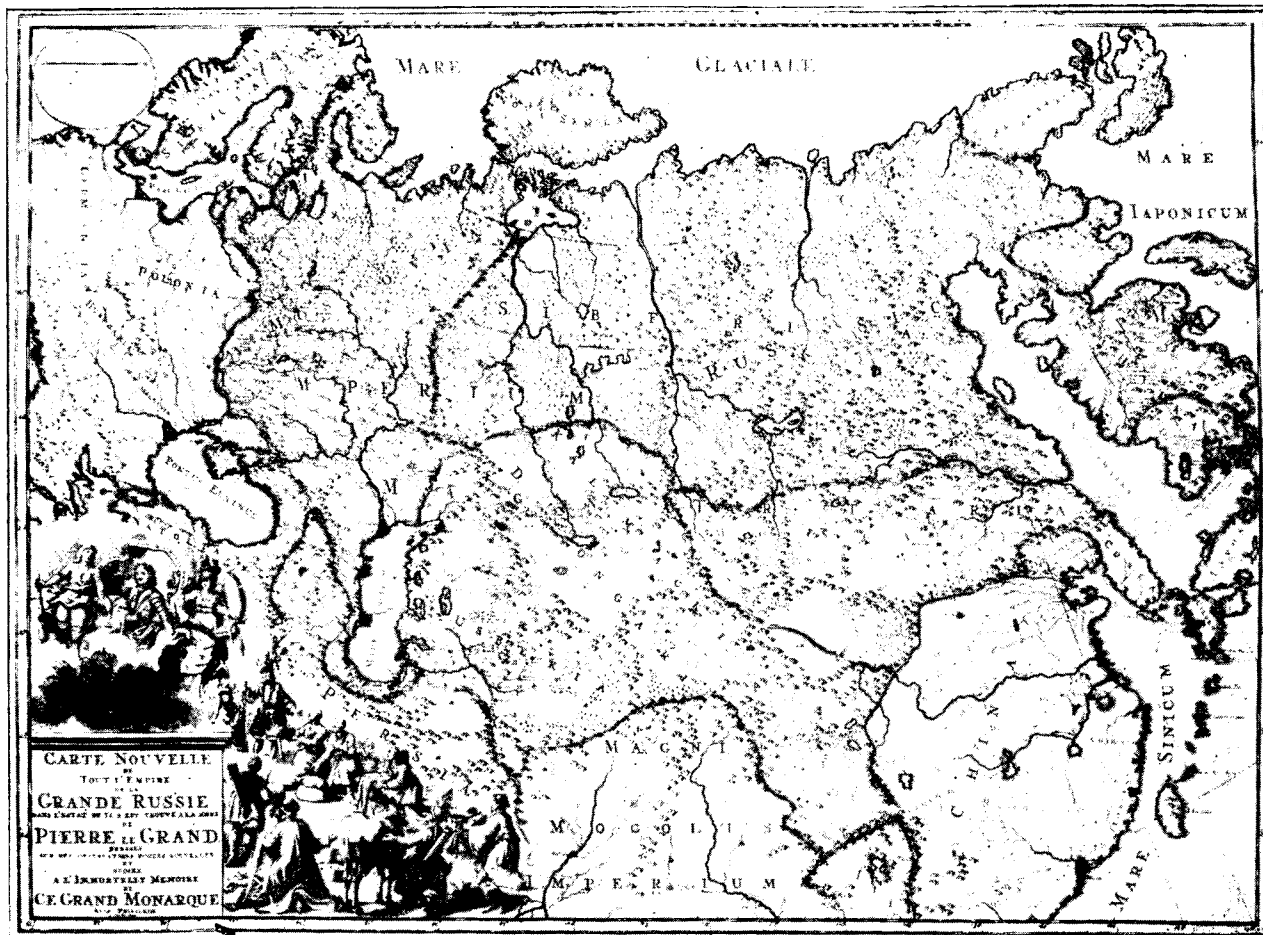

Рис. 4. «Carte nouvelle de tout l'Empire de la grande Russie dans l'estat où il s'est trouvé à la mort de Pierre le Grand». 1726 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, № 21082). Предположительно составлена пленными шведскими офицерами.

Казани, так что мы рассчитываем сообщить вам в скором времени более обширные и, я бы сказал, полные сведения о том, что производит природа обширного государства» («Histoire de l'Académie royale...», 1722, стр. 129). Но после смерти Петра Первого осуществление его планов задержалось на долгое время.

Изложенный краткий обзор государственных исследований Сибири (особенно восточной), а также стран и островов, расположенных в северной части Тихого океана, в годы непосредственно предшествующие рассматриваемому периоду, дает представление об их быстром развитии.

В то же время экспедиции землепроходцев в эти годы значительно уменьшились по сравнению с концом XVII и началом XVIII в. Это связано в значительной мере с тем, что соболиные места в пределах Сибири были уже в основном разведаны, а сведения об островах на Тихом океане и их богатствах пока были недостаточно ясны, между тем плавание к этим островам представляли большие трудности.

Приведем немногие, имеющиеся в литературе сведения о попытках подобного рода.

После отъезда И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина в Москву мореход К. Мошков обратился 25 октября 1721 г. к якутскому воеводе Измайлову с прошением дозволить ему отправиться на Курильские острова для призыва в подданство живущих там народов, а также «итти па полночь» для обследования Карагинского о-ва. Он предполагал построить суда на р. Камчатке, где много превосходного лиственного леса. (Так впоследствии и поступила Первая Камчатская экспедиция). Просьба К. Мошкова осталась неудовлетворенной (Полонский, 1871, стр. 396).

Более замечательна попытка мореплавателя Прокопия Нагибина, участника Большого камчатского наряда. П. Нагибин с приказчиком Кузачковым безуспешно искал, плывая из устья р. Колымы, острова в Северном Ледовитом океане. Вызванный в 1716 г. в Анадырьск, он узнал о земле против Чукотского носа (Америке) и решил «проведать» ее, так как там «много неясных и всякого зверя». В 1720 г. он просил дать ему 200 человек команды и пряжу для сетей, чтобы заготавливать рыбу, но требуемых средств и людей не получил. Все же П. Нагибин отправился на судне для «проведывания», но в 1725 г. был убит чукчами (Полонский, 1850б, стр. 392; Сгибнев, 1868, стр. 138).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРВАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Открытие морского сообщения с Камчаткой через Охотск и появление достоверных сведений о расположении этого полуострова подготовили возможность исследования еще не посещенных европейцами стран и морей в северной части Тихого океана, прилегавших к восточным границам России.

Проведению этих трудных и сложных работ благоприятствовали общеполитические условия, сложившиеся после успешного окончания в 1721 г. многолетней войны со шведами, которая требовала напряжения всех сил страны.

В конце 1724 — начале 1725 г. Петр Первый подготовил экспедицию, которая впоследствии получила название Первой Камчатской. Основной отряд ее выступил еще при жизни Петра Первого, скончавшегося 28 января 1725 г.

Экспедиция была направлена к северу от Камчатки и собрала ценные сведения о расположении северо-восточных берегов Азии, послужившие важным материалом для освещения вопроса о существовании пролива между Азией и Америкой.

Разрешение этой большой географической проблемы представляло не только чисто научный интерес, но имело и большое значение для перспектив плавания Северо-восточным проходом между Атлантическим и Тихим океанами вдоль берегов Северной Азии. Вопросом, соединяется ли Азия с Америкой, живо интересовались ученые, государственные деятели, купцы и мореплаватели того времени.

К моменту подготовки Первой Камчатской экспедиции в мировой литературе накопилось не мало суждений и известий по этому поводу, в том числе и «доказательства» раздельности материков. На многих западноевропейских географических картах уже с 1566 г. на месте нынешнего Берингова пролива наносился «Анианский пролив», история появления которого, однако, неизвестна¹. Существовали и описания вымышленных плаваний Северо-восточным проходом, как, например, плавания португальца Д. Мельгера, который якобы в 1660 г. прошел этим путем из Японии к берегам Португалии (Buache, 1753, стр. 138—139).

Крупные западноевропейские ученые (Г. Лейбниц, Г. Делиль), стремившиеся выбраться из лабиринта догадок, слухов и вымыслов, обращались к Петру Первому с просьбой содействовать получению достоверных сведений² (Герье, 1871, стр. 146, 187—188; Андреев, 1943а, стр. 4). Такая просьба казалась тем более уместной, что «Анианский пролив» и Северо-восточный проход находились у берегов русских владений.

В истории географии господствует мнение, что перед Первой Камчатской экспедицией Петр Первый поставил задачу выяснить, соединяется ли Азия с Америкой. Эту мысль мы встречаем уже в ближайшие годы после его смерти в постановлениях русского правительства (ПСЗ, т. VIII,

стр. 1011), в высказываниях государственных деятелей, например И. К. Кирилова (Андреев, 1943а, стр. 35), в трудах участников Второй Камчатской экспедиции (Г. Миллера, С. П. Крашенинникова, С. Вакселя, Г. Стеллера и др.). Впоследствии она повторяется многими авторами (Ефимов, 1950, стр. 21—26).

Некоторые участники Второй Камчатской экспедиции, а также исследователи (А. П. Соколов, Л. С. Берг и др.) полагали, что цели экспедиции были ограничены разрешением чисто географического вопроса. Подтверждением такого мнения, казалось, служили мысли по поводу экспедиции, высказанные Петром Первым незадолго до смерти и изложенные в известном рассказе А. К. Нартова³. Согласно этому рассказу, Петр Первый посылал экспедицию, опираясь на мнение западноевропейских ученых; он желал установить, соединяется ли Азия с Америкой и разведать путь через «Анианский пролив» в Китай и Индию.

По представлениям других авторов (А. А. Покровский, А. И. Андреев, А. В. Ефимов, Д. М. Лебедев), к посылке экспедиции побуждали Петра Первого государственные соображения (развитие торговли, расширение границ государства, оборона страны и т. д.), географические же цели имели подсобное значение.

В недавнее время А. А. Покровский сделал попытку облечь такого рода представления в конкретную форму. Он отмечает, что в период, когда снаряжалась Первая Камчатская экспедиция, Петр Первый много занимался вопросами торговли с Испанией и получения от нее американских товаров. А. А. Покровский полагал, что целью экспедиции было достижение Мексики, находившейся под властью Испании, и отыскание, таким образом, новых торговых путей в последнюю (Экспедиция Беринга, стр. 25—26).

Однако, рассматривая написанную Петром Первым для экспедиции инструкцию от 6 января 1725 г.⁴, которая является единственным подписанным им документом, содержащим указания о задачах этого предприятия, нельзя не прийти к выводу, что на понимании представлений Петра Первого о географии мест, куда направлялась экспедиция, и о ее целях отразились мнения, существовавшие в литературе, и обсуждение результатов экспедиции, которая, как первоначально предполагалось, нашла пролив между Азией и Америкой.

Приводим текст этой инструкции (Полонский, 1850а, стр. 537): «...1) надлежит на Камчатке или в другом там месте, сделать один или два бота с палубами; 2) на оных ботах (плыть.— В. Г.) возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают), кажется, что та земля часть Америки; 3) и для того искать, где она сошлась с Америкой, но и чтоб доехать до какого города европейских владений, или ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оной кюст (берег.— В. Г.) называют и взять па письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюды».

Из текста видно, что, по представлениям Петра Первого, материка соединяются недалеко от Камчатки. Он считал, что уже земля, «идущая на норд» от Камчатки, есть часть Америки. Петр Первый не упоминает об «Анианском проливе» и о пути в Индию и Китай и не предлагает искать проход между Азией и Америкой. Корабли должны были следовать вдоль берегов Азии и соединяющейся с нею Америки до ближайших европейских владений в Америке или до встречи с каким-либо европейским кораблем, который мог бы дать информацию о достигнутых экспедицией странах. Таким образом, экспедиции не поручалось разрешение географической проблемы о соединении или несоединении материков. Она долж-

на была разрешить вопросы, имеющие государственное значение: разведать путь в Америку, примыкающую к Азии, и выяснить, кто является ближайшим соседом России на этом материке.

Участники экспедиции не сомневались, что в инструкции Петра Первого было выражено мнение о соединении материков. В записке от 13 августа 1728 г. А. И. Чирикова, поданной начальнику экспедиции В. Берингу во время плаванья, когда решался вопрос о продолжении экспедиции, говорится о берегах, вдоль которых они плыли к северу: «Земля та, о которой мнение было, что сходится с Америкой» (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 87, л. 228).

Представления об отсутствии морского прохода между Америкой и Азией сложились у Петра Первого, вероятно, в связи с недостоверностью сведений, имевшихся в его распоряжении. Что касается составленных в России карт, на которых северо-восток Азии омывается морем (вариант карты Ф. Страленберга, виденный Петром Первым в 1726¹ г., карта И. К. Кирилова), то составители их могли опираться лишь на старые русские чертежи и расспросные сведения, уже не связанные с какими-либо доказательными фактами, поскольку поход С. И. Дежнева в правительственных органах в то время известен не был.

Не следует забывать, что Петр Первый располагал знаменитым «Чертежем всех Сибирских градов и земель» С. У. Ремезова, обобщившим огромный географический материал, накопленный в русских чертежах и описаниях путешествий к началу XVIII в. На этом чертеже на северо-востоке Азии протянут в море «непроходимый нос», уходящий за рамку чертежа, что означало возможность соединения здесь с другой землей (Ремезов, 1882).

Вместе с тем опыт многочисленных неудачных плаваний английских и голландских кораблей, искавших Северо-восточный проход, а также кораблей, посылавшихся с этой целью самим Петром Первым, мог вызвать предположение о существовании связи между материками⁵.

При составлении инструкции Петр Первый, вероятно, использовал виденную им карту И. М. Евреинова, которого он вспомнил в декабре 1724 г., незадолго до подписания указа об экспедиции. Требование царя найти И. М. Евреинова оказалось невыполнимым, так как последнего уже не было в живых.

Карта И. М. Евреинова срезана у 63° с. ш., т. е. на большом расстоянии от северо-восточного мыса Азии (мыса Дежнева). Но недалеко от Камчатки берег Азиатского материка круто загибается в сторону Америки. Окончание его не показано. Возможно, об этой земле, сначала «идущей на юрд», а потом загибающейся к Америке, Петр Первый говорил, что это Америка «понеже оной конца не знают».

Изложенные представления Петра Первого о связи Американского и Азиатского материков нельзя совместить с рассказом А. К. Нартова. Но следует учесть, что в «Рассказах Нартова о Петре» мы имеем дело не непосредственно с записками самого А. К. Нартова, а с обработкой их, выполненной уже в 70-х годах XVIII в. его сыном, А. А. Нартовым, причастным к литературе. А. К. Нартов не был свидетелем некоторых событий из «Рассказов...», но и там, где «мы слышим голос очевидца», он звучит «не всегда с желаемой отчетливостью» (Майков, 1891, стр. XVI). Поэтому едва ли было бы правильным предпочитать сообщения из «Рассказов...» в тех случаях, когда есть более достоверные данные.

Что касается гипотезы А. А. Покровского о том, что Первая Камчатская экспедиция должна была достигнуть Мексики, то это предположение трудно совместить с направлением экспедиции «на юрд». Нельзя также

игнорировать, что ни в одном документе, касающемся Первой Камчатской экспедиции, нет упоминания о Мексике или Испании. Когда В. Беринга упрекали в невыполнении поставленных перед Первой Камчатской экспедицией задач, то говорили не об этих странах, а о том, что он хотя «даже до ширины 67 градусов ходил», но все, что «выше той ширины от него Беринга на карте назначено от одного места между Севера и Запада до устья р. Колымы, и то де он положил по прежним картам и ведомостям, а тако о песодинении западлинно утвердиться сомнительно и не надежно» (ПСЗ, т. VIII, стр. 1004).

Мы не имеем достоверных данных для суждения о том, когда сложилась у Петра Первого мысль о посылке Первой Камчатской экспедиции. Первый из известных в настоящее время официальных документов, касающихся экспедиции, датирован 23 декабря 1724 г. Ф. Голдер (Golder, 1922, стр. 6—7) опубликовал фотокопию части этого документа. По содержанию это — справка о выполнении царского указа (написанного, вероятно, ранее) с пометками Петра Первого на полях.

Этот документ гласит:

«1. Сыскать геодезистов тех, которые были в Сибири и приехали.

По справке с Сенатом, посланы в Сибирскую губернию геодезисты: Иван Захаров, Петр Чичагов, Иван Евреинов (умре), Федор Лужин, Петр Скобельцын, Иван Свистунов, Дмитрий Баскаков, Василий Шетиллов, Григорий Путилов.

2. Сыскать из поручиков или из подпоручиков морских достойного, кого с ними послать в Сибирь на Камчатку.

По мнениям вице-адмирала Сиверса и шаутбенахта (контр-адмирала.— В. Г.) Синявина, из морских поручику Станбергу (Шпанберху), Звереву или Косенкову, подпоручику Чирикову или Лаптеву оная экспедиция годна. А не худо, чтоб де был над ними командир из капитанов, Беринг или фон-Верд; понеже Беринг в Ост-Индии был и обхождение знает, а фон-Верд был штурманом.

3. Сыскать из учеников или подмастерьев, который бы мог тамо сделать с палубою бот по здешнему примеру, какие есть при больших кораблях, и для того с ним отправить плотников 4, с их инструменты, которые б моложе были, и одного квартирмейстера и 8 матросов.

Ботовой ученик Федор Козлов имеется, который по чертежам боты с палубами и без палуб делать может.

[Пометка на полях: *Зело нужно штурмана и подштурмана, которые бывали в Нордной Америке*.]

4. И по той препорции отпустить отсюда в полтора [Пометка на полях: *«вдвое»*] парусов, блоков, шхив, веревок и прочую, и 4 фалконета с надлежащею амунициею и одного или 2 парусных шведов.

Такелаж отпустится.

[Пометка на полях: *«Прочее все хорошо»*.]

5. Ежели таких штурманов во флоте не сыщется, то немедленно писать в Голландию, чтоб 2 человек, знающих море к северу до Японии, и, чтоб оные присланы были чрез адмиралтейскую почту.

Вице-адмирал Сиверс письменно показал: штурманы такие из флотских ежели сыщутся немедленно пришлет» (Соколов, 1851 г.).

Возникновение этого документа недостаточно ясно. Пятый пункт кажется дописанным позже и относится скорее к замечанию Петра Первого по третьему пункту, чем к остальным четырем пунктам. Экспедиция в этой справке прямо не называется, но подразумевается в ряде мест в распоряжениях Петра Первого и в ответах Адмиралтейств-коллегии (о посылке поручиков и подпоручиков в Сибирь и на Камчатку, о «нордной» Америке. о В. Беринге и т. д.).

Судя по распоряжениям, зафиксированным в этом документе, некоторые детали экспедиции представлялись Петру Первому в несколько ином виде по сравнению с тем, какой они в конце концов приняли. Очевидно, первоначально предполагалось (как и в экспедиции И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина) отвести главную роль геодезистам, во главе которых поставить «морского» поручика или подпоручика. Предложение поставить

над ними «командира из капитанов» В. Беринга или К. фон-Верда исходило от Адмиралтейств-коллегии.

Главой экспедиции был назначен капитан 1 ранга Витус Беринг (1681—1741 гг.). В России его называли Витезь Беринг, или Иван Иванович Беринг. Принятый в 1703 г. на службу в Балтийский флот подпоручиком (Общий морской список, т. I, стр. 40), он неоднократно выполнял поручения Петра Первого (например, по приемке и транспортировке купленных кораблей), в частности, во время военных кампаний. По-видимому, В. Беринг был лично известен царю с хорошей стороны (Берх, 1833). Назначению В. Беринга в какой-то мере способствовали его связи: его знал вице-адмирал К. Крюйс, с контр-адмиралом Т. Сандерсом он был в родстве, его рекомендовали вице-адмирал П. Сиверс, контр-адмирал П. А. Сенявин и Я. Брюс (Weber, 1740, стр. 160; Lauridsen, 1889, стр. 30). Сыграло также роль и то, что до поступления на русскую службу В. Беринг имел опыт далеких плаваний на восток — «в Ост-Индии был и обхождение знает». Г. Миллер передает с его слов, что В. Беринг сам вызвался ехать, когда генерал-адмирал Ф. М. Апраксин обратился к морским офицерам с предложением принять участие в экспедиции (Müller, 1753, стр. 54). Благодаря своим связям с влиятельными иностранцами, служившими в России, В. Беринг оказался близок и к иностранным посольствам (в частности, к голландскому).

Деятельность В. Беринга во время Первой Камчатской, а впоследствии и во время Второй Камчатской экспедиции характеризует его как исполнительного, умного и мужественного офицера, благожелательного к подчиненным, по отношению к которым он, может быть, был даже слишком мягок и доверчив. Вместе с тем В. Беринг избегал риска и ответственности и не проявлял достаточной решительности в трудные моменты. Не имея широкой научной подготовки и склонностей исследователя, он не особенно увлекался открытием новых земель и островов и выполнял эти задачи в той мере, в какой это было необходимо, чтобы отчитаться в соблюдении данной ему инструкции.

Этими чертами В. Беринг заслужил, в конце концов, упреки современников и потомков в том, что он не справился с задачами, которые были перед ним поставлены. Но, рассмотрев деятельность В. Беринга, мы увидим, что, если он и не сделал всего, что можно было сделать для осуществления географических открытий, то его настойчивость немало помогла тому, что подготовка Камчатских экспедиций к плаванью была доведена до конца.

Однако действия В. Беринга в экспедициях, по-видимому, не дают полного представления о его личности. К такому выводу заставляет прийти установленный М. И. Беловым (1956, стр. 252) факт передачи В. Берингом в 1733 г. голландскому послу копии карты Первой Камчатской экспедиции с условием пользоваться ею «осторожно».

Помощниками В. Беринга были назначены лейтенанты датчанин Мартин Шпанберг и Алексей Иванович Чириков.

М. Шпанберг, по определению А. П. Соколова (1851в, стр. 215), был человек без образования, грубый и «жестокый до варварства, жадный к приобретениям, однакож хороший практический моряк, горячий и деятельный»; некоторые сибиряки видели в нем «генерала», другие «беглого каторжника».

Особенно проявились отрицательные черты его характера во Вторую Камчатскую экспедицию; сохранившиеся в архивах документы этой экспедиции содержат большую переписку о его самодурстве и лихоимстве. «Честь великой любитель, — писал о нем в 1742 г. А. И. Чириков, — ежели б

ему возможно было, то б он всех здесь под свою команду забрал» (Дивин, 1953, стр. 251).

Второй помощник В. Беринга — лейтенант А. И. Чириков (1703—1748 гг.) был выдающимся человеком. Его большие способности проявились уже во время обучения в Морском корпусе и Морской академии. Затем он был назначен Адмиралтейств-коллегией преподавателем в этой Академии. При назначении в Первую Камчатскую экспедицию А. И. Чириков не в очередь был произведен в лейтенанты (МРФ, 1867, стр. 698).

В Камчатских экспедициях положительные черты и способности А. И. Чирикова выявились еще ярче. Во время затянувшейся подготовки Второй Камчатской экспедиции он был одним из участников, не дававших повода к кляузным делам. В плаваниях А. И. Чириков проявил блестящие качества моряка. Этот молодой русский офицер, благодаря своему природному уму и широкому географическому кругозору, понимал огромное научное и государственное значение Камчатских экспедиций и по их окончании представил проекты освоения и укрепления далеких сибирских окраин.

Первая Камчатская экспедиция была очень сложным мероприятием, при осуществлении ее, несмотря на содействие правительства, в условиях того времени встречалось множество трудностей.

К сожалению, некоторые наиболее важные документы экспедиции (судовой журнал, рапорт В. Беринга от 10 февраля 1730 г.) известны лишь в выдержках ⁶, что послужило, как мы увидим далее, причиной недоразумений, которые и в настоящее время разрешены не полностью.

Инструкцию Петра Первого В. Беринг получил до 3 февраля 1725 г. (Экспедиция Беринга, стр. 373) ⁷. Вероятно, около этого времени ему была вручена и инструкция Ф. М. Апраксина, содержавшая перечисление всего, что было сделано для экспедиции. Но уже 24 января, до получения В. Берингом инструкций, из Петербурга выехал отряд, состоявший из 25 человек команды и обоза, возглавлявшийся А. И. Чириковым и гардемарином П. А. Чаплиным (Экспедиция Беринга, стр. 59). Выехавший из Петербурга вскоре после получения инструкции В. Беринг вместе с Шпанбергом, пятью людьми команды и остальным обозом, догнал отряд в Вологде 14 февраля.

Экспедиции предстояло преодолеть путь до Охотска, составлявший около 9 тыс. км (там же, стр. 67—68). Через Вологду, Великий Устюг и Верхотурье продвигались на лошадях. Дождавшись весны в Тобольске, 14 мая 1725 г. ⁸ отправились дальше на судах: спустившись до Оби, по ее правому притоку Кети поднялись до Маковского острога, откуда прошли волоком (123 км) до Енисейска. От Енисейска продвигались вверх по рекам Енисею, Верхней Тунгуске (Ангаре) и ее правому притоку Илимю, пока не наступили морозы. Застигнутые морозами, остановились недалеко от Илимска ⁹. Зиму 1725/26 г. провели в Илимске. Выйдя весной 1726 г. из Илимска, пошли волоком до р. Муки; по рекам Муке и Куте дошли до Усть-Кутского острога на р. Лене. Затем на судах, построенных зимой под руководством М. Шпанберга в Усть-Кутском остроге, спустились до Якутска, куда прибыли двумя отрядами 1 и 16 июня 1726 г. (Вахтин, 1890). Отсюда В. Беринг и его спутники направились в Охотск.

По этому пути двигались через Сибирь торговые караваны, военные экспедиции и почта, но он был далеко не благоустроен. За время плавания по рекам Оби и Кети от г. Сургута до Маковского острога, которое продолжалось с 30 мая по 19 июля 1725 г., на протяжении 1800 км были только три встречи с торговыми и другими судами (там же, стр. 74—75). На участке от г. Нарыма до Маковского острога, протяжением 1108 км

проехали лишь один острог, один монастырь и семь русских деревень. В пути встречались пороги и шиверы (мелкие места с каменистым дном), приходилось перегружаться с более крупных судов на небольшие.

Особенно трудно было преодолеть участок протяжением свыше 1000 км между Якутском и Охотском, где приходилось продвигаться по совершенно диким районам, пересеченным горами и изобиловавшим болотами. Здесь лишь изредка встречались кочевья тунгусов и якутов (Экспедиция Беринга, стр. 68).

Водный путь через эту территорию был известен еще со времени похода И. Ю. Москвитина в 1639 г. Он проходил вниз по Лене, затем по Алдану, Мае и Юдоме до места, называвшегося Юдомским Крестом, где р. Юдома наиболее близко подходит к небольшой речке Ураку, впадающей в Охотское море в 20 км от устья р. Охоты, где стоит Охотск. От устья Урака до Охотска суда тянули бечевой вдоль морского берега.

По рекам отправляли громоздкие грузы. Остальные (главным образом продовольствие) перевозили на лошадях. Из-за бездорожья прибегали к вьючным перевозкам, используя кожаные переметные сумы. На лошадь навьючивалось до 80 кг груза. Зимой же, когда лошади из-за глубоких снегов и отсутствия фуража выбивались из сил, их сменяли люди, перевозившие груз в 80—100 кг на нартах. Уже из Петербурга экспедиция взяла с собой довольно большой груз, занимавший 33 подводы (Полонский, 1850а, стр. 539). Этот груз состоял из пушек, ядер, парусов, якорей, канатов, инструментов и разного оборудования, которое нельзя было достать на местах. В пути обоз все возрастал. Для перевозки грузов волоком из Маковского острога в Енисейск мичман П. А. Чаплин заказал 160 лошадей. Из Якутска же только одного продовольствия взяли 6 тыс. пудов (Экспедиция Беринга, стр. 204).

Большие трудности возникали с получением на местах продовольствия, которое должно было поступать из Иркутска и Илимска, материалов для постройки судов, а также с добыванием лошадей, выделением рабочей силы, устройством дорог и др. Всем этим, по распоряжению правительства, должна была заниматься местная власть, представители которой большей частью плохо выполняли свои обязанности.

Ответственные задания были возложены на Якутскую воеводскую канцелярию. Она была обязана предоставить рабочую силу — около 250 человек для сплава судов, более 650 лошадей с проводниками из якутов для перевозки грузов вьюками, кожаные сумы и сбрую для лошадей. Якутская канцелярия должна была также обеспечить расчистку дороги от Якутска до Охотска и заготовку фуража.

Но эти задания были выполнены лишь частично, да и то с запозданием. Экспедиция была поставлена перед выбором: зимовать в Якутске или выступить с запозданием, рискуя, что придется зимовать в безлюдной местности.

В. Беринг знал от участников похода И. М. Евренова и Ф. Ф. Лужина — от самого Ф. Ф. Лужина, морехода К. Мошкова и солдат Выродова и Арапова, входивших в состав Первой Камчатской экспедиции, об условиях предстоявшего пути (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 87, л. 52—54 и 91—94). Тем не менее он решил не зимовать в Якутске. Можно предполагать, что он не представлял всех трудностей борьбы с суровой природой Сибири. Годом ранее, узнав о плаваниях, которые совершались когда-то вдоль берегов Сибири от устья Колымы к устью Анадыря, он, находясь в Енисейске, с такой же легкостью предложил Адмиралтейств-коллегии изменить маршрут экспедиции и двигаться из устья Колымы к устью Анадыря, тогда как морской путь у берегов Азиатского материка к востоку от

Колымы был исключительно труден и остался непройденным и во время Второй Камчатской экспедиции.

Тяжелые грузы были отправлены из Якутска на 13 судах под командой М. Шпанберга только 7 июля. Суда сопровождало 204 человека. Отправка остального груза на лошадях продолжалась до середины августа. Сам В. Беринг выехал из Якутска только 16 августа (Вахтин, 1890, стр. 19—20).

Поход был очень тяжелый. Суда, которыми командовал М. Шпанберг, дошли только до р. Горбен (близ устья р. Юдомы, в 450 км от Юдомского Креста), так как река замерзла. 4 ноября М. Шпанберг приказал везти дальше грузы на 100 нартах людьми. Но до Юдомского Креста дошло только 40 нарт, остальные застряли в разных пунктах. В. Беринг выслал помощь из Охотска. Это были легкоодетые и полуголодные люди с собаками. Грузы, довезенные до Юдомского Креста, были в начале января 1727 г. доставлены в Охотск (там же, стр. 29). По дороге «ели лошадиное мертвое мясо, сумы сыромятные и всякие сырые кожи, платья и обувь кожаная» (Экспедиция Беринга, стр. 61—62). Прочие грузы М. Шпанберга, разбросанные на пути на протяжении 450 верст, переправлялись уже в мае людьми, посланными из Охотска.

Не легче был и переезд на лошадях. Как писал В. Беринг в рапорте от 28 октября 1726 г., из посланных 663 лошадей в Охотск прибыли к 25 октября только 396, остальные частью были потеряны в пути, частью замерзли. Провиант везли на нартах, которые тащили собаки и люди. Мпогие из команды разбежались¹⁰. Некоторые, не выдержав трудности пути, погибли, в числе их был и геодезист Ф. Ф. Лужин (Вахтин, 1890, стр. 26 и 34).

Оставшийся в Якутске А. И. Чириков выступил в поход по рекам 2 мая 1727 г. и 3 июля прибыл в Охотск, доставив 2,3 тыс. пудов муки (Экспедиция Беринга, стр. 62).

В Охотском остроге, который в то время состоял примерно из 10 дворов, приходилось сооружать новые избы и амбары, строить и снаряжать суда к походу. Люди носили на себе камни для печей за 10 верст и глину за 5 верст, сплавляли или волокли на себе бревна, дрова, заготавливали продовольствие (рыбу, птицу и т. д.). Впоследствии с такими же трудностями пришлось встретиться и на Камчатке.

К 8 июня было спущено на воду небольшое судно, названное «Фортуна». После плавания на нем М. Шпанберга с такелажем и военным снаряжением на Камчатку, экспедиция 22 августа 1727 г. выступила из Охотска (Вахтин, 1890). «Фортуной» командовал В. Беринг, а А. И. Чириков вел отремонтированную «лодию», на которой в 1716—1717 гг. плавал К. Соколов. 4 сентября суда пришли в устье р. Большой и остановились в Большерецке.

Экспедиции предстояло плыть в расположенный на восточном берегу Камчатки Нижне-Камчатск, где должен был строиться корабль для похода на север. В. Беринг не решился отправиться туда морским путем, так как в то время были распространены преувеличенные представления об опасности прохода между мысом Лопаткой и первым Курильским островом¹¹ (Полонский, 1850а, стр. 545). Было решено пересечь полуостров на собаках, что отдалило срок начала плавания к северу в 1728 г., так как исключило возможность закладки судна осенью 1727 г. Как мы увидим далее, сокращение продолжительности плавания к северу значительно снизило результаты экспедиции.

Пересечь полуостров по рекам (Большой, ее притоку Быстрой и по Камчатке) до ледостава не удалось. М. Шпанберг, отправленный

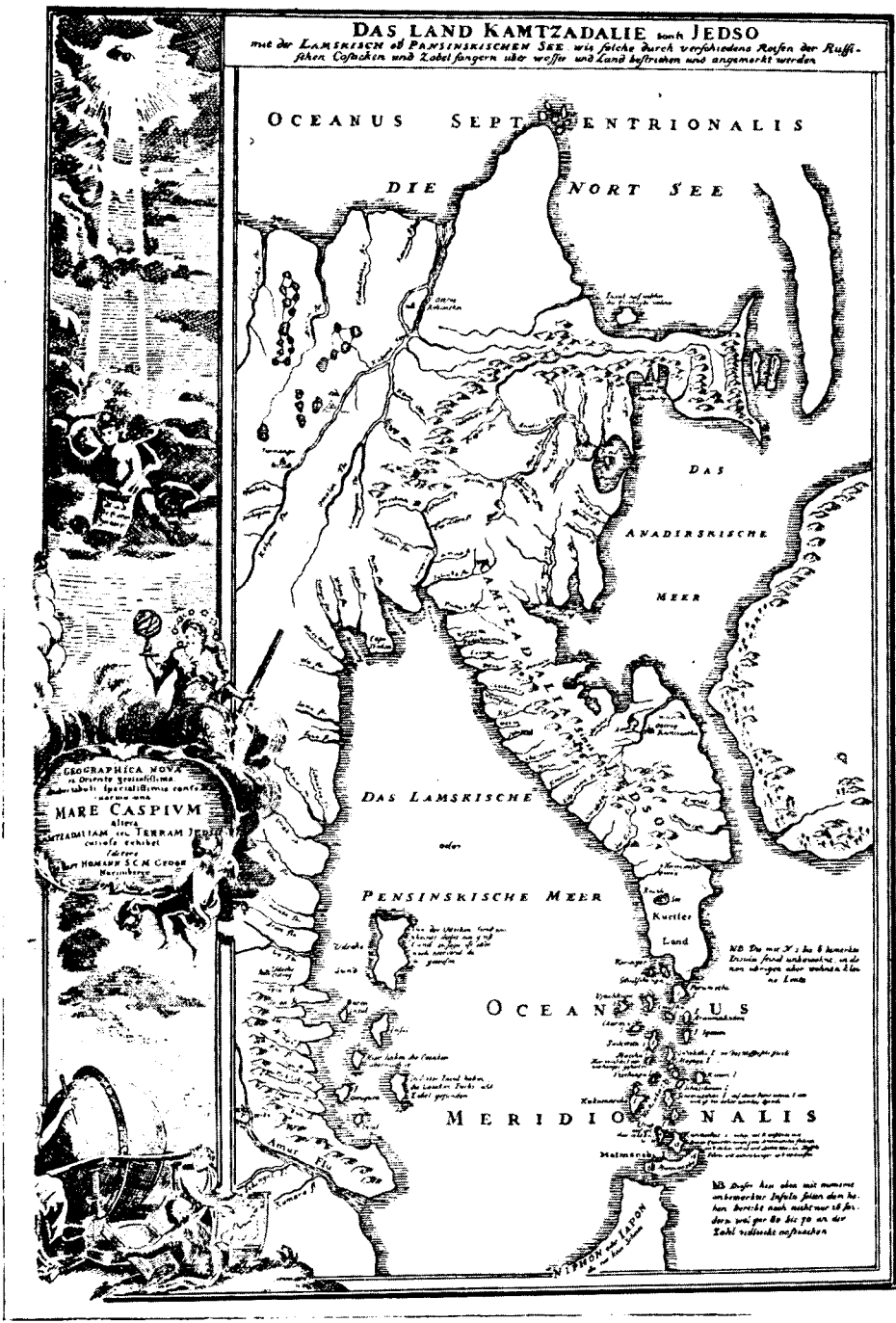

Рис. 5. Карта Камчатки из «Grosser Atlas» П. Гомана 1725 г. (Ефимов, 1950).

19 сентября с имуществом на 30 судах, был застигнут морозами и выгружен (там же, стр. 546).

Дальнейшая перевозка началась в январе 1728 г. Как сообщает В. Беринг, выехавший из Большерецка 14 января, ехали «совсем по тамошному обычаю на сабаках, а каждой вечер в пути для ночи выгребали себе станы из снега, а сверху покрывали, понеже великия живут метелицы, которыя по тамошному называются пурги, и ежели застанет метелица на чистом месте, а стану себе зделать не успеют, то заносит людей снегом, от чего и умирают» (Экспедиция Беринга, стр. 63).

К участию в перевозках было привлечено много камчадалов с собаками и санями. Эта повинность оказалась для них очень тяжелой, так как отвлекала от охоты за морским зверем — главным источником их благосостояния, вызывала потери большого количества собак (Сгибнев, 1869в, № 4, стр. 113).

В Нижне-Камчатск В. Беринг прибыл 11 марта 1728 г. Заложенный 4 апреля бот «Св. Гавриил» (длина 18,3 м, ширина 16,1 м, осадка 2,3 м) был 9 июня спущен на воду, и 14 июля экспедиция отправилась в плавание из устья р. Камчатки (Вахтин, 1890, стр. 49 и 51). Экипаж «Св. Гавриила» состоял из 44 человек¹², включая капитана В. Беринга, лейтенанта А. И. Чирикова и М. Шпанберга, мичмана П. А. Чаплина и морехода К. Мошкова.

В Берингу и другим офицерам экспедиции, конечно, были известны представления о северо-востоке Сибири, как сложившиеся в географической науке, так и распространенные среди сибиряков. Мы упоминали, что В. Беринг, когда он был в Сибири, получил известия о существовании прохода из Северного Ледовитого океана в Тихий. Офицеры экспедиции знали и о земле «против Чукотского носу», как это следует из записки А. И. Чирикова, представленной В. Берингу 13 августа 1728 г., в которой А. И. Чириков ссылается на «скаску от чукчей через Петра Татарипова»¹³.

Можно предположить, что проезжая через Тобольск, Якутск и другие города, В. Беринг и А. И. Чириков знакомились с имевшимися в то время в Сибири чертежами северных и восточных берегов Азиатского материка (чертеж И. Львова, чертежи Камчатки из «Служебной чертежной книги» С. У. Ремезова и др.), которые давали довольно верное общее представление об этих местах.

В распоряжении членов экспедиции были также и западноевропейские «новые азиатские карты» (Полонский, 1850а, стр. 549). Список их до нас не дошел¹⁴. Вероятно, среди них была и карта И. Гомана, отосланная В. Берингом 8 мая 1726 г. чрезвычайному посланнику и главе комиссии по переговорам с Китаем Савве Владиславичу-Рагузинскому. При встрече с В. Берингом в марте 1726 г. в г. Илимске (Вахтин, 1890, стр. 80) С. Рагузинский попросил прислать ему карту территории от Камчатки до Амура с береговой линией и островами. Г. Каан (Caen, 1911, стр. 172) высказывает предположение, что это была карта И. Гомана 1725 г. Отражая влияние сибирских источников, она давала сравнительно с другими западноевропейскими картами того времени наиболее правдоподобное изображение северо-востока Азии (рис. 5)¹⁵. До этой карты И. Гоман выпустил несколько других карт, на которых северо-восточная часть Азии была показана совершенно неверно.

Могла ли попасть в 1726 г. В. Берингу, выехавшему из Петербурга в начале февраля 1725 г., карта И. Гомана, изданная в 1725 г.? К сожалению, мы не располагаем данными для суждения по этому вопросу.

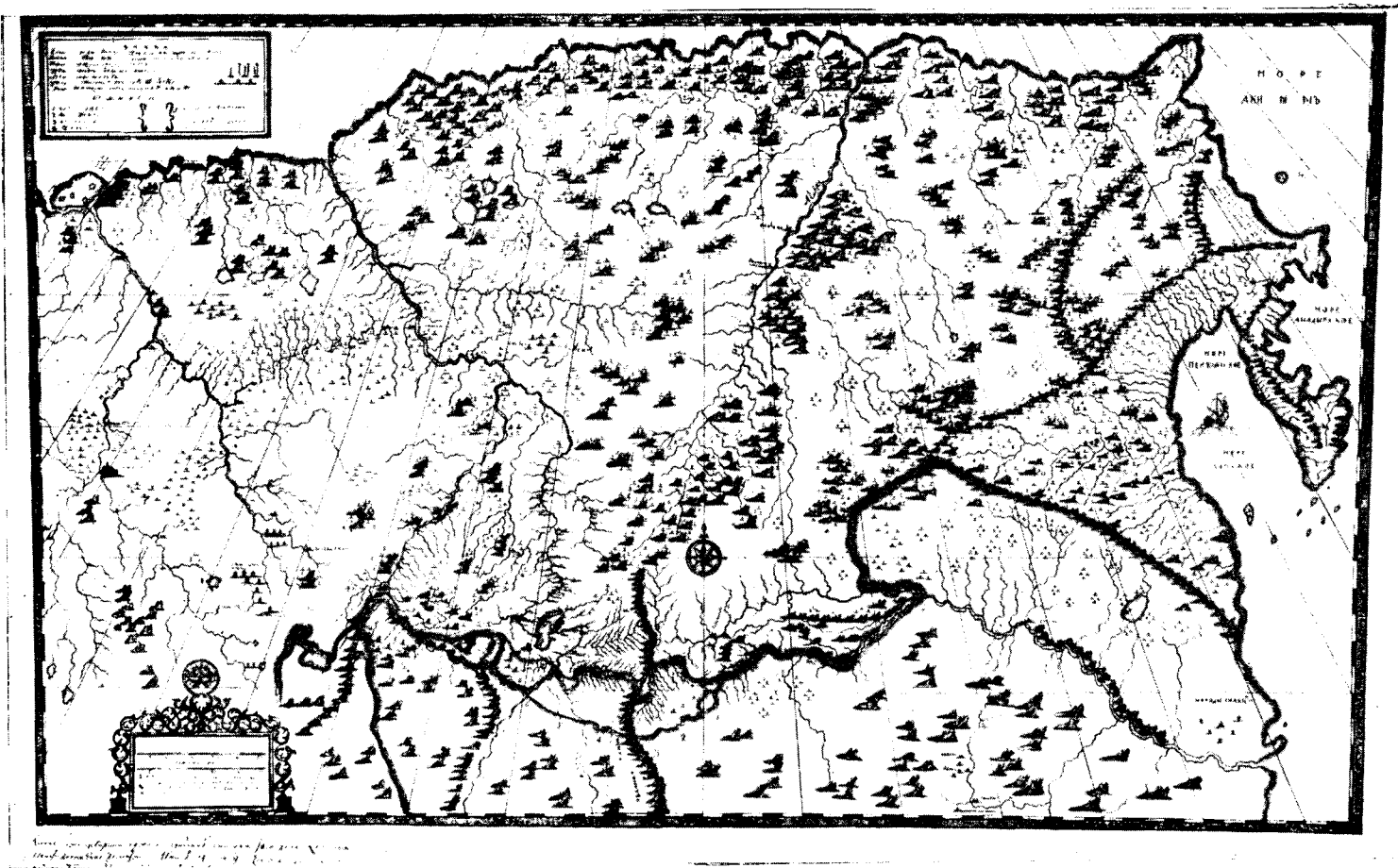

Рис. 6. Карта Сибири 1726—1727 г., геодезиста М. Зиновьева (Ефимов, 1948).

Косвенным доказательством того, что В. Беринг передал С. Рагузинскому карту И. Гомана 1725 г., может служить карта геодезиста Михаила Зиновьева, работавшего с С. Рагузинским по определению русско-китайской границы. Он составил свою карту, вероятно, в конце 1726 или в начале 1727 г. «с описи геодезиста Петра Скобельцына с товарищи и с печатных ланкарт и с разных чертежей» (Саен, 1911, стр. 160)¹⁶. Изображение на ней северо-восточной части Азии — «Шелагского мыса», Чукотского п-ова, а также Камчатки очень похоже на изображение на карте И. Гомана 1725 г.

Характерно, что на карте М. Зиновьева, так же как и на карте И. Гомана, у северо-восточного берега Азии к востоку от «Шелагского мыса» показан небольшой остров, с надписью, что там живут чукчи (рис. 6).

Можно, конечно, предположить также, что обе карты были составлены с использованием какого-то одного сибирского прототипа, оставшегося пока неизвестным. Возможно, паряду с упомянутым выше первым сообщением И. Козыревского о походе 1713 г. и другими данными, он послужил одним из источников для карты И. Гомана 1725 г. Вместе с тем, если бы этот сибирский прототип карт И. Гомана и М. Зиновьева существовал, то он, вероятно, был бы известен В. Берингу.

Изображенный на картах М. Зиновьева и И. Гомана мыс к западу от Чукотского п-ова, выдававшийся довольно далеко к северу, являлся, вероятно, отголоском «необходимых носов» русских чертежей и предупреждал экспедицию о трудностях плавания в этих местах. С этой карты или с каких-либо сибирских чертежей этот «нос» потом перешел на многие карты: он показан на карте П. А. Чаплина 1729 г., представленной В. Берингом по возвращении из экспедиции, на генеральных картах И. К. Кирилова 1734 г. и Академии наук 1745 г., на карте Морской академии 1746 г. и на карте Г. Миллера 1754—1758 гг.

Все чертежи и карты, бывшие в распоряжении экспедиции, не давали конкретного представления о пути, который ей предстоял. Если при продвижении к северу офицеры судна «Св. Гавриил» и обращались к ним, то все же каждый отрезок пути пужпо было изучать заново. Ориентировку затрудняли почти постоянные туманы, облачность и частые дожди.

Насколько трудно было даже таким опытным морякам, как В. Беринг, А. И. Чириков и К. Мошков, правильно ориентироваться в обстановке, видно из того, что, проходя 19 июля мимо Карагинского о-ва, они не поняли, что это остров. По В. Н. Верху (18236, стр. 33), в судовом журнале сказано: «Холм на берегу, от которого будто разделение земли». Также не заметили они 31 июля — 1 августа устья р. Анадырь, хотя и искали его.

Весь путь экспедиции к северу проходил вдоль берегов, на недалеком от них расстоянии; в частности, был обойден весь Анадырский залив. Путь от устья Камчатки до 67° 18' с. ш., откуда судно повернуло 15 августа (по гражданскому счету)¹⁷ обратно, был совершен в 34 дня, в течение которых «Св. Гавриил» прошел 2377 верст. Следуя обратно, моряки, торопясь уйти от осенней непогоды, сильно спрямляли свой путь, держась дальше от берегов. В Анадырский залив они совсем не заходили. Пользуясь благоприятным ветром, они 2 сентября подошли к устью р. Камчатки, закончив, таким образом, плавание в 19 дней (Экспедиция Беринга, стр. 65).

Впервые путь, пройденный «Св. Гавриилом» в 1728 г., был показан на карте А. И. Нагаева 1767 г.¹⁸ Позже В. Н. Берх (18236) составил

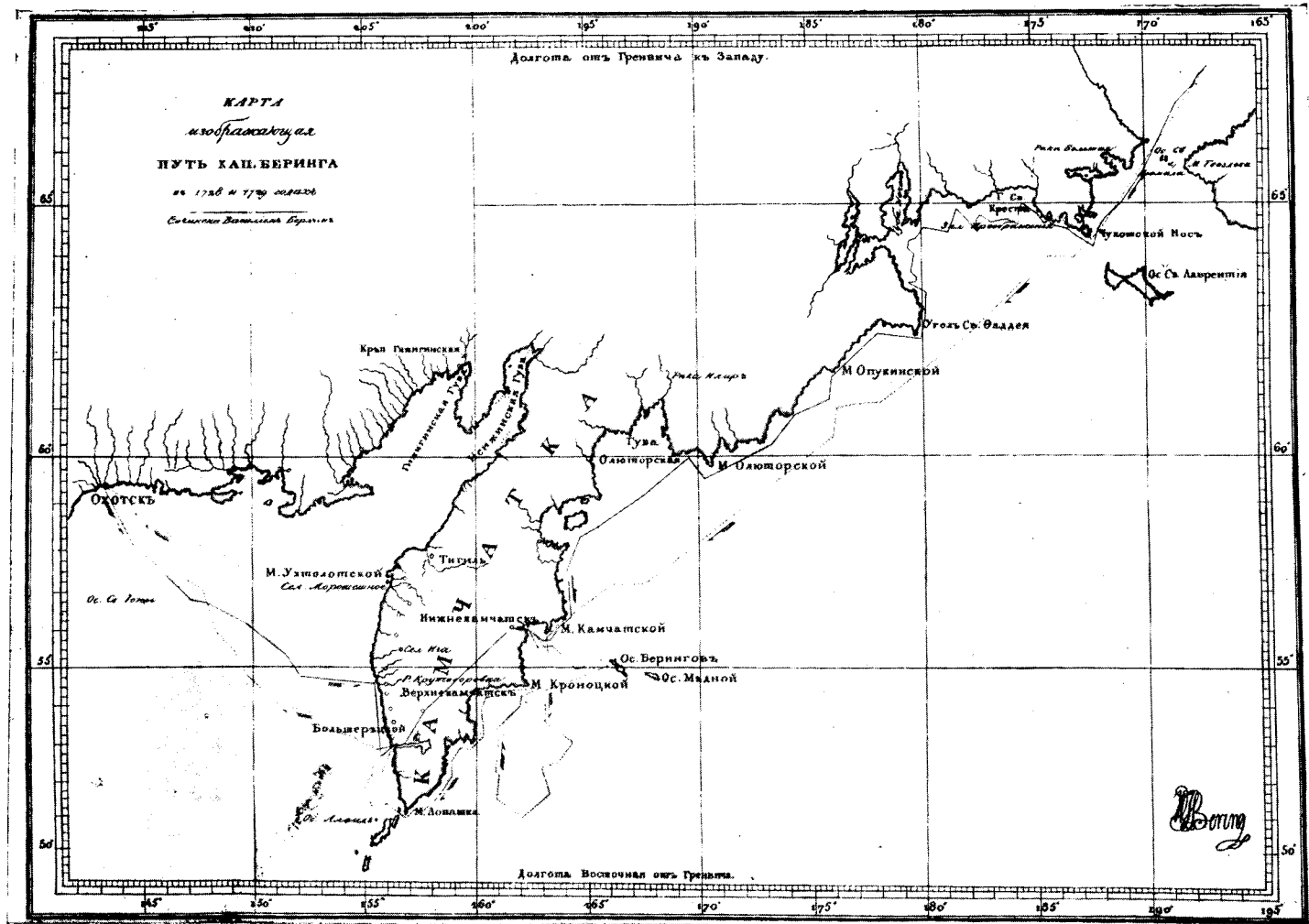

Рис. 7. Карта плаваний Первой Камчатской экспедиции в 1728 и 1729 гг., составленная В. Берингом (18235).

карту, отражавшую плавание не только 1728 г. (довольно сходно с картой А. И. Нагаева), но и 1729 г. (рис. 7)¹⁹. На обеих картах маршрут судна в 1728 г. показан неточно: судно не заходит в залив Креста, который остается к западу и назван губой Ночен; путь «Св. Гавриила» проходит довольно далеко от о-ва Св. Лаврентия, к которому экспедиция, судя по «Краткой реляции о Сибирской экспедиции» В. Беринга, подходила.

Ф. П. Литке, плававший в 1828 г. на военном шлюпе «Сенявин» у берегов Тихого океана к северу от Камчатки, восстановил по журналу «Св. Гавриила» трассу этого корабля. Согласно его данным, 1 августа мореплаватели находились уже у залива Креста, где, то входя в залив до $65^{\circ}39'$, то выходя из него, они пробыли до 4 августа. От залива Креста до Чукотского мыса прошли в 7 дней, причем 6 августа заходили в небольшую губу, названную бухтой Преображения. Посланный на берег П. А. Чаплин нашел пресную воду, а также видел место, «где иноземцы имели жилье свое сего года и по горам видели много протоптано дорог» (Вахтин, 1890, стр. 56). Наполнив 22 бочки водой, корабль отправился дальше, а 8 августа у $64^{\circ}30'$ с. ш. экспедиция встретила с чукчами, подплывшими к ним с берега на лодке. Встреча произошла, как полагает Ф. П. Литке (1835, стр. 235), у мыса Яккун или у мыса Чиньг-Ан (очевидно, около мыса Зеленого — $64^{\circ}35'$ с. ш. и $174^{\circ}15'$ з. д.). 9—11 августа обходили берег, «которого простертие к О кончалось» (Полонский, 1850, стр. 550). Подходили близко к о-ву Св. Лаврентия. В эти дни, очевидно, обогнули Чукотский мыс и мыс Чаплина, не заметив бухты Ткачен, которая разделяет эти мысы²⁰.

Современное название «Чукотский мыс» встречается уже в документах экспедиции («Чюкоцкий угол»), хотя оно возникло, может быть, не во время самого плавания, так как, по словам В. Н. Верха (18236, стр. 49), в журнале такое название не применялось. Ф. П. Литке утверждал, что, если В. Беринг «действительно называл какой-либо мыс по сему обстоятельству (встреча с чукчами.— В. Г.) Чюкоцким, то это должен быть мыс Яккун или Чиньг-Ан». Это едва ли правильно.

На карте, представленной В. Берингом вместе с отчетом об экспедиции, показан «Чукотский угол» — так обозначен мыс, выступающий к югу у восточного края северного берега Анадырского залива; это же наименование приведено и в названии карты («от Тобольска до Чукотского угла», Багров, 1914, стр. 19). Кроме того, «Чюкоцкой угол» упомянут в приложенном к отчету «Каталоге городам и знатным местам сибирским...» (Экспедиция Беринга, стр. 66). В. Беринг считал его крайним пределом берега, вдоль которого он следовал на восток, обходя Анадырский залив. В его отчете сказано: «а к Чюкоцкому или к восточному углу земли никакой не подошло» (там же, стр. 64). Таким образом, вероятно, под «Чюкоцким углом» понимался мыс, называемый на современных картах Чукотским, который, может быть, В. Беринг объединял с мысом Чаплина.

Представления участников экспедиции о географическом положении их корабля становятся понятными из их разговора с чукчами, встреченными 8 августа.

Этот разговор записан в документе, подписанном В. Берингом, М. Шпанбергом и А. И. Чириковым.

«8-го августа 1728 г. Прибыли к нам от земли в кожной лотке 8 человек, с которыми бывшие при нас толмачи... говорили с ними каряцким языком по приказу нашему, а о чем о том явствуют пункты.

Вопросы

Ответы

1. Какого звания люди?
2. Где река Анадар и далеко ль отсюда?
3. Знаете ли реку Колыму?
4. Есть у вас лес и пали с земли в море какие реки большие и куда ваша земля пошла и далеко ли?
5. От земли вашей не протянулся ли какой нос в море?
6. Нет ли в море каких островов или земли?

Чюкчи.

Реку Анадар прошли и далеко назад. Как де вы так зашли сюда далеко? Прежде сего сюда никаких судов не бывало.

Реку Колыму не знаем, только слыхали мы от аленных чюкчей, что ходят оне землю на реку и сказывают, что на той реке живут русские люди, а оная река Колыма ли или другая, про то не знаем.

Лесу у нас нет никакого и по всей нашей земле рек больших в море не пало; а есть которые и пали, то малые, а земля наша почти отсюда поворотила налево и пошла далеко, а живут по ней все паши чюкчи.

Нос никакой в море от земли нашей не протянулся, вся наша ровная земля.

Есть остров недалеко от земли и ежеле б не туманна, то б можно видеть, а на том острове есть люди, а больше земли только вся наша Чюкоцкая земля» (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 87, л. 227 и об.)²¹.

Как видим, чюкчи говорили о повороте влево от мыса Чаплина и не знали, что после этого берег опять тянется далеко к северо-востоку; острова Итыгран и Аракамчечен, расположенные недалеко на пути «влево» (к западу), были им неизвестны, не говоря уже об островах Дюмида. Не слыхали они и о р. Колыме. Другими словами, их показания относились к ближайшему району, и из их слов, конечно, нельзя было сделать вывода о разделении Америки и Азии. Но В. Беринг не мог отнестись критически к их словам, так как, обогнув 11—12 августа мыс Чаплина, он потерял из-за плохой погоды берега (Берх, 18236, стр. 53) и, не видя их, двигался к северу, считая со слов чюкчей, что обошел крайний восточный выступ Азиатского материка.

Впоследствии, как показывает составленная П. А. Чаплиным итоговая карта экспедиции, на которой берег от «Чюкоцкого угла» протягивается к северо-востоку, участники экспедиции изменили свое мнение о крайнем восточном положении этого «угла».

О плавании после полудня 12 августа опубликованы очень скудные сведения. Из них видно лишь, что 13—14 августа мореплаватели заметили позади себя «высокую землю», а несколько позже — высокие горы, «кои чаем быть на большой земле» (там же). В этот день они достигли широты $66^{\circ} 41'$, т. е. вышли в Северный Ледовитый океан, не заметив этого. 14 августа плыли, не видя берегов, а 15 августа (по гражданскому счету) в 3 часа дня, достигнув $67^{\circ} 18' 48''$ с. ш.²², решили вернуться. В журнале П. А. Чаплина сказано об этом кратко: «В 3 часа господин капитан объявил, что надлежит ему против указу во исполнение возвратиться и, поворотив бот, приказал держать на St O» (Ваггин, 1890, приложение)²³.

Прежде чем принять решение об обратном плавании, В. Беринг 13 августа, когда корабль находился у 65° (или $65^{\circ} 30'$ с. ш.)²⁴, и земли не было видно, советовался об этом с А. И. Чириковым и М. Шпанбергом и потребовал, чтобы они изложили свое мнение в письменном виде. Как говорит А. И. Чириков в составленной в связи с этим записке от того же числа, В. Беринг «объявил признание свое о земле Чюкоцкого носу (по скаскам чюкоцких жителей и по простертию земли от помянутого носа меж N и NW также и потому, что мы ныне обретаемся в ширине 65° северной), показанного носа земля та, о которой мнение было, что сходится с Америкю, разделяется морем и чтоб нам письменно свое мнение

предложить вперед в настоящей экспедиции как поступать» (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 87, л. 227 об. и 228)²⁵.

Таким образом, В. Беринг был уверен, что он уже дал ответ на второй пункт инструкции Петра Первого (так как доплыл до того места, откуда стало ясно, что Америка не сходится с Азией). В. Беринг мог думать также, что отпадает и третий пункт инструкции («доехать до какого города европейских владений»), так как Америка не «сошлась» с Азией и неизвестно, на каком расстоянии располагается.

Ответы на вопрос В. Беринга, плыть ли им дальше или вернуться, ярко рисуют представление офицеров о положении бота и интересны для характеристики самих офицеров.

М. Шпанберг, как можно понять из его ответа, составленного 14 августа, считал положение корабля неясным. Он думал о том, как выйти из создавшегося опасного положения. Этот моряк, весьма решительный на суше, был мало склонен к риску на море, что мы увидим и при изложении дальнейшей истории его плаваний. Его мнение в переводе В. Беринга, сделанном, как говорит А. С. Полонский (1850а, стр. 554), не слишком грамотно, гласило следующее: «Понеже мы пришли в вышеписанную ширину и на Чюкоцкой земле нет гавани, дров или течения (реки? — В. Г.), где мы можем охранить себя в такое зимнее время, какое случится в здешней параллели; также и люди немирные и не соседомыслились, сколько мы до сих мест обсервовали и кой ретерат (укрытие. — В. Г.), не ведаем, кажетца (или разсуждаю), когда мы еще пройдем нашего пути до 16 дня нынешнего месяца к северу, ежели невозможно дойти до 66°, мы тогда в божье имя возвратимся во время искать гавани и охранения в р. Камчатке, откуда мы вышли, для охранения судна и людей» (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 87, л. 228)²⁶.

А. И. Чириков придерживался другого мнения. Он с полной ясностью говорил, что предположение В. Беринга о разделении Азии с Америкой можно проверить, лишь обследовав северный берег Азии по направлению к западу до места, которое уже известно, т. е. до р. Колымы. «Понеже известия не имеем, до которого градуса ширины из Северного моря подле восточного берега Азии от знаемых народов европейским жителем бывали, и по оному не можем достоверно знать о разделении морем Азии с Америкой, ежели не дойдем до устья р. Колымы или до льдов, понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды; того ради надлежит нам непременно по силе данному вашему благородию... указу подле земли иттить (ежели не воспрепятствуют льды или не отведет берег на запад к устью р. Колымы) до мест, показанных в означенном указе». В случае отсутствия успеха до 25 августа или при появлении противных ветров следовало искать места для зимовки. «Наипаче против Чюкоцкого носу на Земле, на которой по полученной скаске от чюкоч через Петра Татаринова, имеется лес» (там же, л. 227 об.).

Мнение М. Шпанберга более отвечало намерениям В. Беринга, и он наложил резолюцию: «Ежели больше ныне будем мешкать в северных краях, опасно, чтоб в такие темные ночи и в туман не притить к такому берегу, от которого не можно будет для противных ветров отойти; и рассуждаю о обстоятельстве судна понеже шверец и лейваглен изламаи, также трудно нам искать в здешних краях таких мест, где зимовать, понеже иной земли кроме Чюкоцкой (неизвестно), на которой народ немирной и лесу нет. А по моему мнению лутче возвратитца назад и искать гавани на Камчатке к презимованию» (там же, л. 228).

Приблизительно те же соображения В. Беринг изложил в «Краткой реляции...» (Экспедиция Беринга, стр. 64).

Трудно упрекнуть В. Беринга за это решение, продиктованное сознанием ответственности за вверенную ему экспедицию²⁷. Но нельзя также не пожалеть, что ни слова А. И. Чирикова о земле против Чукотского мыса, ни горы, увиденные с корабля 13 августа (вероятно, северный берег Азиатского материка), ни острова Диомида, открытые на обратном пути, не заставили В. Беринга подумать о том, что командир столь ответственной экспедиции, достигшей с огромным трудом этих далеких пределов, не должен забывать и о другой обязанности — об изыскании всех возможных способов для открытия новых территорий. Затратив несколько дней на плавание к западу вдоль северных берегов Азии, куда предлагал плыть А. И. Чириков, или к востоку от одного из островов Диомиды, экспедиция могла бы убедиться в отсутствии «Шелагского мыса», так долго фигурировавшего на картах, или обнаружить Американский материк.

К сожалению, как мы увидим далее, и во время работ Второй Камчатской экспедиции В. Беринг мало сознавал эту часть своих обязанностей, упрощая и сводя к минимуму исследования.

Какого же конечного пункта достигла экспедиция в 1728 г.?

Неполнота и неясность описания пути судна «Св. Гавриил» в последние дни плавания к северу явились причиной возникновения в XVIII и XIX вв. неправильных представлений о пределе плавания. Недоразумение возникло вследствие неправильного изложения этого вопроса первым же историком путешествия — Г. Миллером (1758, стр. 392), который, по его словам, взял свое «известие» из рапорта капитана Беринга. Очевидно, этот рапорт не был «Краткой реляцией о Сибирской экспедиции», а журнала П. А. Чаплина Г. Миллер, по-видимому, не знал²⁸.

Не упоминая о мысе, обойденном экспедицией 9—10 августа, Г. Миллер пишет, что «августа 15 дня пришли они под 67 градус 18 минут высоты полюса к носу, за коим берег, как помянутые чукчи (приплывавшие 8 августа.—В. Г.) показали, простирался к западу». Здесь, по словам Г. Миллера, В. Беринг пришел к заключению, что «он достиг самого краю Азии к северо-востоку», но «обстоятельство оное... было без основания; ибо после того уведомленности, что сей мыс, от которого он поворотился есть тот, что жители Анадырского острогу по находящейся на нем каменной горе, вид сердца имеющей, Сердце-Камень называют; за ним берег моря поворачивается к западу, но сим поворотом составляет только большую губу, в середине которой по вышепоказанному объявлению казака Попова, обретается камень Матколь, а оттуда берег простирается опять к северу и северо-востоку до 70 градусов высоты полюса и больше, где лежит настоящей Чукотской нос, наподобие большого полуострова, и там только можно бы было сказать с основанием, что обе части света между собою не соединяются» (там же, стр. 393—394)²⁹.

Мыс «Сердце-Камень» и «Чукотский нос» нанесены Г. Миллером на карту 1754—1758 гг.³⁰ На ней от мыса «Сердце-Камень», показанного на месте мыса Дежнева, берег идет за 70° с. ш., образуя большой залив и мыс, на конце которого в кругу, ограниченном пунктирной линией, есть надпись «страна чукчей, которая неизвестно, до какого места простирается». Судя по приведенному выше тексту Г. Миллера, это выражение, конечно, не было свидетельством «необходимости», о которой говорится на старых чертежах, а лишь констатацией действительного состояния знаний о мысе, лежащем у «170 градусов высоты полюса и больше».

Таким образом, Г. Миллер переместил к северу место, где берег поворачивал, по словам чукчей, в западную сторону, сделал его конечным пунктом плавания и поместил здесь мыс «Сердце-Камень».

В западноевропейской литературе существовали представления о том, что В. Беринг, пройдя мыс Дежнева, плыл к западу вдоль берегов Азии. О такой концепции говорит карта в конической проекции И. Газиуса 1743 г. («Imperii Russici et Tartariae universae tabula novissima»), на которой северо-восток Азии изображен по карте П. А. Чаплина. На этой карте на северном берегу Азии недалеко от Берингова пролива, примерно на широте 67° , имеется надпись: «Terminus litorum a navarcho Beerings recognitorum» (предел, до которого мореплаватель Беринг обследовал берега, рис. 8)³¹. Вероятно, та же мысль менее ясно выражена и на копии карты П. А. Чаплина, 1729 г., опубликованной Ж. дю-Гальдом в Париже в 1735 г., на которой горы, тянущиеся вдоль северного берега Азии от мыса Дежнева, расположенного примерно на широте $66^\circ 40'$, резко обрываются несколько выше 67° с. ш., т. е. у предела, достигнутого «Св. Гавриилом». Это как бы свидетельствовало о том, что берег был обследован до этого места. Англичанин Кемпбел, приложивший к своему описанию плавания В. Беринга в 1728 г. карту, опубликованную Ж. дю-Гальдом, прямо говорит о том, что В. Беринг двигался к западу и, убедившись 15 августа в бесполезности продолжать путь, вернулся обратно (Harris, 1764, стр. 1020).

Под влиянием представлений о движении В. Беринга в западном направлении находился и Д. Кук, плававший в 1778 г. к северу от Берингова пролива. Он был знаком с описаниями Первой Камчатской экспедиции, составленными Г. Миллером и Кемпбелом (Cook a King, 1785, стр. 474).

Двигаясь с северо-запада на юго-восток, Д. Кук видел низкий берег, который (как следует из приложенной им карты) тянулся почти прямо на восток; от этого же мыса берег заметно менял направление на юго-восток и становился гористым (Cook a. King, 1785, стр. 468). Можно предполагать, что эти факты и сопоставление их с рассказом и картой Кемпбела, а также с рассказом Г. Миллера, заставили Д. Кука принять этот мыс за крайний пункт, достигнутый экспедицией, и дать ему название Сердце-Камень, которое сохранилось на географических картах.

Название Сердце-Камень явилось источником еще одной ошибки, начало которой положил Г. Стеллер, считавший, что пределом плавания Первой Камчатской экспедиции был мыс Сердце-Камень в заливе Креста, расположенный, но современным определением, на $65^\circ 36'$ с. ш. (ныне мыс Линлиней) (Steller, 1774, стр. 15). Л. С. Берг (1946а, стр. 110), упустив из виду карту 1754—1758 гг., приписал это мнение и Г. Миллеру.

При решении вопроса о крайнем пункте, достигнутом ботом «Св. Гавриил», возникали и другие недоразумения. Н. Н. Оглоблин (1890, стр. 273—276) утверждал, что В. Беринг не мог быть в проливе между мысом Дежнева и одним из островов Диомиды, так как если бы он там был, то должен был бы видеть два острова Диомиды и северо-западный берег Америки. По мнению Н. Н. Оглоблина, В. Беринг доходил до острова Кинг, расположенного в 70 км к югу от мыса Принца Уэльского. Эта гипотеза полностью исключается точностью определения широты и долготы северо-восточного мыса Чукотского п-ова на карте, представленной В. Берингом.

В. Далл (Dall, 1890, стр. 155) полагал, что северным пределом плавания «Св. Гавриила» был пункт на $67^\circ 24'$ с. ш. и $166^\circ 45'$ з. д., недалеко от американских берегов, севернее мыса Принца Уэльского.

В настоящее время этот спорный вопрос позволяют разрешить опубликованные документы. В них можно найти не только широту ($67^\circ 18' 48''$) места, от которого экспедиция повернула обратно, но и его долготу, которая была определена «в $30^\circ 14'$ длины от устья р. Камчатки», т. е. око-

Рис. 8. Часть карты «Imperii Russici et Tartariae universae tabula novissima», составленной П. Газусом в 1743 г. (Oude en Nieuwe Staat., 1744).

ло 168° з. д. по Гринвичу (Экспедиция Беринга, стр. 375). Этому приблизительно соответствует предел плавания на картах А. И. Нагаева и В. Н. Берха.

Как известно, 15 августа в 3 часа дня судно повернуло обратно. Шли быстро, с попутным ветром, и до полудня 16 августа прошли 102,7 мили. Наблюдения, сделанные при более благоприятной погоде над берегами Азиатского материка и островами в проливе, позволили лучше определить географическое положение судна и явились материалом для изображения этих мест на карте П. А. Чаплина 1729 г.

Согласно журналу П. А. Чаплина, 16 августа (по гражданскому счету), в 9 час. утра была замечена земля, «на которой живут чюхчи». В 12 час. мореплаватели увидели землю и слева, о которой в журнале записано: «чаем, что остров»³². Последний был назван островом «Св. Диомид» и нанесен на карте П. А. Чаплина на широте 66° ³³. Его расположение по отношению к северо-восточной оконечности Азиатского материка — мысу Дежнева — изображено неверно. Мыс Дежнева показан на

67° с. ш., т. е. на 1° севернее его истинного положения и почти у крайнего предела, достигнутого «Св. Гавриилом». Остров же «Св. Дномид» оказался не только заметно южнее мыса Дежнева, но также и западнее³⁴.

Продолжая путь к югу параллельно восточному берегу Азиатского материка, мореплаватели 20 августа прошли Чукотский мыс и достигли бухты Преображения, где вновь встретились с чукчами. 31 августа и 1 сентября, когда путешественники были уже недалеко от устья р. Камчатки, их стало прижимать сильным ветром к скалистому берегу, от которого они были в расстоянии полумили. Снасти были повреждены. Опасаясь аварии, мореплаватели бросили якорь. Когда ветер несколько стих и экипаж начал выбирать якорь, лопнул канат. Передавая этот эпизод В. Н. Берх (1823б, стр. 66) подчеркивает, что при более сильном ветре они должны были бы погибнуть у этого крутого и скалистого берега. Это событие показывает, что снасти были ненадежны, и осторожность В. Беринга, не соглашавшегося на зимовку около Берингова пролива, имела основания.

В устье р. Камчатки бот пришел, как уже упоминалось, 2 сентября и стал на зимовку у Нижне-Камчатского острога.

Находясь на Камчатке, В. Беринг слышал от жителей, что в ясные дни к востоку видна земля (вероятно, о-в Беринга). В связи с этим 5 июня 1729 г., починив бот, экспедиция пошла в море к востоку. Они прошли «близ 200 верст, но токмо земли никакой не видали (Вахтин, 1890, стр. 95). По карте В. Н. Верха, 8—9 июня судно было очень близко от о-ва Беринга. Однако видеть его они не могли, мешал туман. 9 июня повернули к Камчатке. От широты Кроноцкого мыса экспедиция направилась к югу и спустилась к 16 июня до 51° 59' с. ш. Но сильный юго-западный ветер заставил В. Беринга «вопреки желанию» плыть обратно. Вернувшись к Кроноцкому мысу, он пошел вдоль Камчатки до мыса Лопатки, который и обошел. 1 июля П. А. Чаплин записал в журнале: «S угол земли Камчатской от нас на NWtW в 1½ минуты. И от него песок протязуется в море близ версты» (там же, стр. 66). 3 июля пришли в Большерецк. 29 августа экспедиция прибыла в Якутск. Выступив 3 сентября по Лене, путники 1 октября остановились у д. Пеледуй, застигнутые морозом. Дальнейший путь продолжали на лошадях и 1 марта 1730 г. прибыли в Петербург³⁵.

В. Беринг представил отчет об экспедиции с пути в виде рапорта от 10 февраля 1730 г. В апреле он представил «Краткую реляцию о Сибирской экспедиции». К обоим отчетам была приложена карта плаванья экспедиции (Экспедиция Беринга, стр. 64; Андреев, 1943а, стр. 11).

Распространено мнение, что первые сведения о Первой Камчатской экспедиции появились в печати довольно поздно³⁶. Эти представления основаны на недоразумении, так как в «Санктпетербургских ведомостях» за 16 марта 1730 г. (№ 22, стр. 88) было напечатано сообщение о возвращении В. Беринга и об основных итогах работ экспедиции³⁷. В этом сообщении говорилось, что на построенных в Охотске и на Камчатке двух судах Беринг «к северо-восточной стране поехал и до 67 градуса 19 минут северной широты доехал, и тогда он изобрел, что тамо подлинно северо-восточной проезд имеется, таким образом, что из Лены, ежели бы в северной стране лед не препятствовал, водяным путем до Камчатки, и также далее до Япана, Хины и Ост-Индии доехать возможно б было; а к тому же он и от тамошних жителей известился, что пред 50 или 60 летами некое судно из Лены к Камчатке прибыло.

В прочем подтверждает он прежнее известие о сей земле, что она к северной стране с Сибирнею соединена, такожде и сверх присланной

сюда в 1728 году карты о своем путешествовании, которая от Тобольска до Охотского распространяется, еще другую весьма подлинную карту о земле Камчатке и ее водяном пути начертить, ис которой увидеть можно, что оная земля к югу под 51 градусом северной широты начинается и тако до 67 градуса к северу простирается. О географической длине объявляет он, что оная от западного берега до Тобольского меридиана 85 градусов, а от крайней северо-восточной границы до того же меридиана — 126 градусов счисляется, которое, ежели бы оное к общему меридиану от Канарских островов сократить, с одной стороны 173, а с другой 214 градусов будет»³⁸. В сообщении ошибочно говорится о плавании на двух судах³⁹.

Интересно отметить высказанное с достаточной определенностью мнение, что Северо-восточный проход открыт. Упоминание о судне, прибывшем по Лене к Камчатке, по-видимому, относится к походу С. И. Дежнева и Ф. А. Попова, хотя и не совпадает по времени. Это первое опубликованное в русской печати известие о плавании Дежнева.

Сообщение об экспедиции В. Беринга было опубликовано в том же году и в копенгагенской газете «*Nye Tidende*». Судя по содержанию этого сообщения в передаче П. Лауридсена (Lauridsen, 1889, стр. 35), оно было сокращенным изложением заметки из «Санктпетербургских ведомостей». Эти газетные сведения стали достоянием образованного общества Европы. Об этом говорит книга Х. Вебера (Weber, 1740, стр. 157—158), в которой рассказывается о плавании В. Беринга в выражениях, близких к упомянутым известиям.

Публикация в «Санктпетербургских ведомостях» не могла появиться без ведома правительственных органов. Следовательно, мнение об открытии В. Берингом Северо-восточного прохода было вначале распространено и в официальных кругах.

Представленная В. Берингом карта, надпись на которой указывала, что северный берег Азиатского материка к востоку от Колымы нанесен на основании старых карт и описей⁴⁰, заставила позже Адмиралтейств-коллегию усомниться в открытии пролива между материками (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, л. 114)⁴¹. К такому заключению пришел и Сенат, и оно было несколько раз повторено в указе от 28 декабря 1732 г. о Второй Камчатской экспедиции (ПСЗ, т. VIII, стр. 1004)⁴².

Несмотря на это, Адмиралтейств-коллегия и Сенат оценили заслуги экспедиции, наградив В. Беринга и его спутников⁴³. Положительную оценку деятельности В. Беринга следует видеть и в том, что в 1732 г. он был назначен начальником гораздо большей Второй Камчатской экспедиции.

Для нас теперь ясно, что если В. Беринг и не сделал максимум возможного, то все же научные результаты экспедиции имели первостепенное значение.

Очень большую ценность представляли картографические работы экспедиции и дополняющие их таблицы с указанием географических координат пунктов на пути экспедиции и расстояний между ними. В материалах, касающихся Первой Камчатской экспедиции, упоминаются три карты, представленные В. Берингом. О первой из них мы узнаем из протокола Конференции Академии наук от 17 января 1727 г., в котором говорится о рассмотрении И. Делилем «карты о России капитана Беринга» (Гнучева, 1940б, стр. 36—37). Вторая карта, составленная П. А. Чаплиным, с изображением пути от Тобольска до Охотска, была послана из Охотска в июне 1727 г. (рис. 9)⁴⁴. О ней упоминается в приведенном сообщении в «Санктпетербургских ведомостях». Третья (итоговая) карта

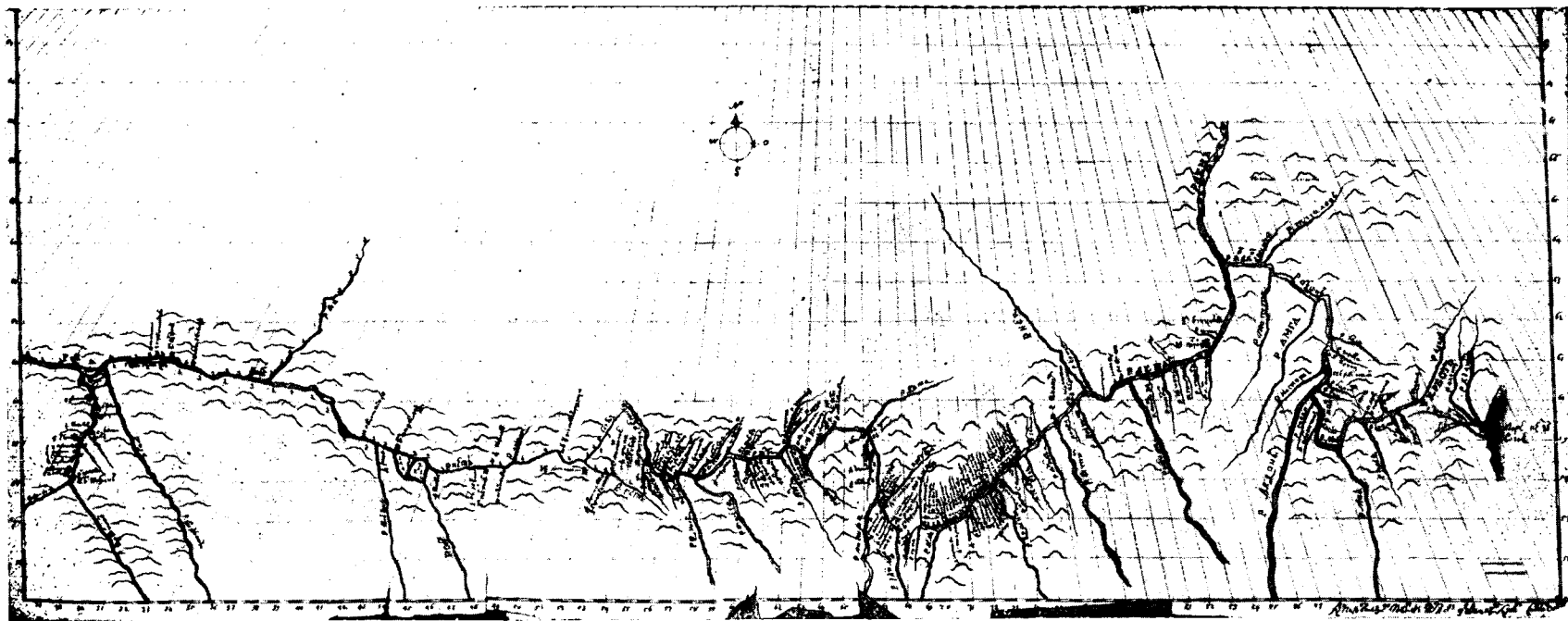

Рис. 9. Карта пути Первой Камчатской экспедиции через Сибирь. Предположительно составлена П. А. Чаплиным в 1727 г. (ЦГВИА, ф. 3 л. № 2301).

экспедиции была приложена к двум упомянутым отчетам В. Беринга (впрочем, может быть, к этим отчетам были приложены разные карты).

В настоящее время известна копия итоговой карты, составленной в 1729 г. П. А. Чаплиным, который, судя по надписи на карте, пользовался при изображении Сибири более ранними картами геодезистов, в том числе П. Скобельцына, Г. Путилова и П. Ччагова⁴⁵.

Возможно, были составлены и другие итоговые карты, которые пока неизвестны. В «Реестре географическим атласам, картам, планам и фетрам войны», выпущенном Библиотекой Московского главного архива Министерства иностранных дел в 1877 г. (стр. 52), упоминается карта, представленная в 1732 г. В. Берингом, с указанием мест, через которые он ехал из Тобольска на Камчатку. М. И. Белов (1956, стр. 252) приводит письмо голландского посла Зварта, в котором последний сообщает, что В. Беринг передал ему в 1733 г., как было сказано выше, копию составленной им во время экспедиции русской карты.

Отличались ли эти карты от карты П. А. Чаплина 1729 г. и была ли какая-нибудь из них действительно составлена В. Берингом, сказать трудно. Картами В. Беринга назывались и копии итоговой карты П. А. Чаплина, в надписи на которых сказано, что карта составлена «при команде от флота капитана В. Беринга», без упоминания фамилии П. А. Чаплина. Заслуживает внимания замечание И. Делиля на одной из копий карт Первой Камчатской экспедиции о том, что карты Беринга в действительности составлены П. А. Чаплиным (Bagrow, 1948—1949, стр. 38).

Л. С. Багров составил сводку известных ему 14 копий итоговой карты Первой Камчатской экспедиции, опубликованных, описанных или, по его предположению, хранящихся в архивах и библиотеках. К сводке приложено шесть репродукций (в том числе карта из книги дю-Гальда, не упомянутая Л. С. Багровым в его сводке). Из названных им копий 10 находятся за границей⁴⁶. В основных чертах они сходны и отличаются лишь качеством исполнения да некоторыми дополнительными специальными сведениями (по этнографии, о размещении лесов). Про французскую копию с изображением лесов, выполненную И. Делилем и хранящуюся в Национальной библиотеке в Париже, Л. С. Багров сообщает, что надписи на пей более подробны и отличаются от надписей на других итоговых картах. Обращает также на себя внимание копия дю-Гальда (рис. 10), дающая представление о плавании экспедиции на запад (см. также карту И. Газиуса, рис. 8).

На карте П. А. Чаплина 1729 г. не только довольно точно очерчены северо-восточные берега Азии, но и правильно указано положение различных мест Сибири, о которых ранее существовали неверные представления.

Русские карты Сибири XVII в. (П. И. Годунова, С. У. Ремезова и др.), в большинстве своем составленные по условному трафарету того времени и лишённые градусной сетки, не могли дать представления об очертаниях страны, так как контуры карты приравнивались к форме листа, на котором она начерчена. Показанный на этих картах поворот северного берега Азиатского материка около Лены к югу ничего не говорил о протяжении материка в восточном направлении (Миддендорф, 1860, стр. 38—39).

На карте А. Виниуса (1678—1683), имеющей градусную сетку, протяжение Азиатского материка показано удачнее, чем на некоторых более поздних картах, но расстояние между устьем Оби и восточным окончанием северного берега Азии все же составляет 95°, вместо 117°. Расположение отдельных частей Сибири относительно друг друга показано неверно, с резким уменьшением восточной части за счет увеличения западной.

Расстояние между устьями Оби и Лены на карте А. Виниуса составляет 65° , а между устьем Лены и восточным окончанием азиатского берега — 30° (действительные расстояния равны соответственно 54 и 63°).

На карте Избранда Идеса, вышедшей в 1704 г.⁴⁷, расстояние между устьем Оби и восточным окончанием северного берега Азиатского материка равно всего 57° . О неправильности карты И. М. Евреинова, на которой протяжение Сибири с запада на восток сокращено вдвое, уже говорилось выше. На карте Ф. Страленберга 1730 г. (Багров, 1914) расстояние от устья Оби до восточного края северного берега Азии составляет около 95° , как и на более ранней карте А. Виниуса.

Таким образом, все эти карты давали неправильное представление о географии Сибири, и только точные определения географического положения отдельных пунктов, которые были сделаны Первой Камчатской экспедицией, обеспечили возможность правильно ориентироваться в протяжении Сибири и во взаимоотношениях отдельных ее частей.

Итоговая карта экспедиции подкреплялась таблицей («Каталог городов и знатным местам сибирским, положенным на карту...») с определением координат 28 пунктов, из которых 15 пунктов приходится на территорию между Тобольском и Охотском, 4 пункта на Камчатку и 9 пунктов на берега Тихого океана. Для иллюстрации степени точности этих определений в табл. 1 дано сопоставление их с современными данными (для перевода долготы от Тобольска, указанной в «Каталоге», в долготу от Гринвича прибавлено $68^\circ 15'$).

Таблица 1

Сопоставление географических координат некоторых пунктов по определению Первой Камчатской экспедиции и по данным Морского атласа 1952 г.

Название пунктов в «Каталоге»	Северная широта	Восточная долгота	Северная широта	Восточная долгота
	по «Каталогу»		по «Морскому атласу» 1952 г.	
Якутск	$62^\circ 08'$	$126^\circ 08'$	$62^\circ 03'$	$129^\circ 43'$
Охотск	$59^\circ 13'$	$144^\circ 22'$	$59^\circ 21'$	$143^\circ 17'$
Устье р. Большой	$52^\circ 42'$	$158^\circ 06'$	$52^\circ 42'$	$156^\circ 13'$
Устье р. Камчатки	$56^\circ 03'$	$164^\circ 03'$	$56^\circ 15'$	$162^\circ 20'$
Угол Св. апостола Фаддея (мыс Наварин)	$62^\circ 20'$	$179^\circ 47'$	$62^\circ 15'$	$179^\circ 02'$
Чукотский угол к осту	$64^\circ 25'$	$191^\circ 10'$	$64^\circ 15'$	$186^\circ 50'$
Остров Св. Диомида (о-в Ратманова)	$67^\circ 00'$	$193^\circ 57'$	$65^\circ 45'$	$191^\circ 00'$
Камчатской земли к зюйду (мыс Лопатка)	$51^\circ 10'$	$157^\circ 08'$	$50^\circ 54'$	$156^\circ 40'$

Несмотря на встречающиеся погрешности, определения долготы Первой Камчатской экспедицией, учитывая условия, в которых они производились, можно считать удовлетворительными, что было отмечено еще Д. Куком (Cook a. King, 1785)⁴⁸. Для установления долготы экспедиция, в частности, дважды производила наблюдения затмений луны: в Илимске — 10 октября 1725 г. (Вахтин, 1890, стр. 78) и на Камчатке⁴⁹.

Важен был также расчет по пройденному пути.

Карта П. А. Чаплина 1729 г. имела большое этнографическое значение, так как на ней указаны районы размещения различных народностей, на-

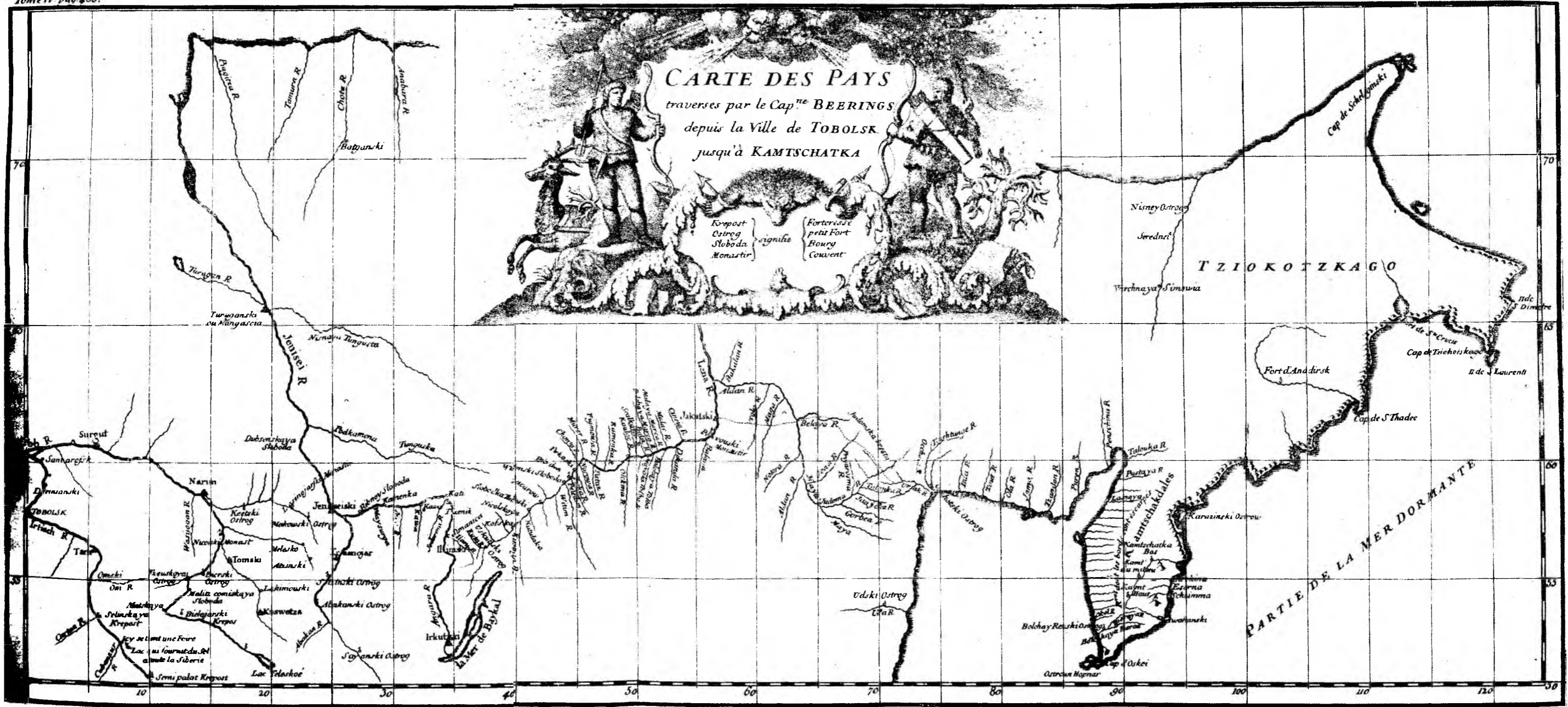

Рис. 10. Копия итоговой карты Первой Камчатской экспедиции, опубликованная дю-Гальдом (du Halde, 1735).

Рис. 11. Деталь копии итоговой карты Первой Камчатской экспедиции из Британского музея (Skelton, 1953).

селявших восточную часть Сибири. Значение, которое придавалось этнографическим материалам карты, видно из того, что на обороте экземпляра, хранящегося в Центральном государственном архиве древних актов (Картогр. б-ка МГА МИД, ф. 192, Карты Якутской губ., № 7) и не имеющего названия, помечено: «Карта, означающая кочевье остяков, тунгусов, якутов и прочих народов». На некоторых копиях, попавших за границу, сделаны ценные изображения, верно передающие типы народностей, их одежду, род занятий и предметы обихода (рис. 11) ⁵⁰.

Новые данные о протяжении Сибири быстро получили признание. И. Делиль использовал их уже в 1727 г. ⁵¹, а 10 ноября 1730 г. он докладывал Академии наук, что, основываясь на наблюдениях В. Беринга, следует отнести Камчатку гораздо дальше к востоку, чем это показано на картах современных ему географов (Протоколы заседаний..., 1897, стр. 32). И. Делиль, по-видимому, первым использовал карту П. А. Чаплина для своей карты северной части Тихого океана, составленной в 1731 г. при разработке проекта Второй Камчатской экспедиции.

По сообщению Г. Каана (Cahen, 1911, стр. 174), копия карты П. А. Чаплина была переслана И. Делилем известному географу д'Анвиллю, который уже в 1732 г. составил «Carte des pays traversés par le capitaine Bering», представлявшую собой, по его словам, «карту Беринга», приведенную им к небольшому масштабу (d'Anville, 1737a, стр. 4). Копия карты П. А. Чаплина была напечатана дю-Гальдом (Halde, 1735) ⁵² вместе с

подробным пересказом «Краткой реляции о Сибирской экспедиции» В. Беринга. В 1737 г. д'Анвиль напечатал свою карту в опубликованном им атласе Китая (Anville, 17376) ⁵³.

Карта П. А. Чаплина была использована д'Анвилем также для проверки определений положения устья Амура, сделанного французскими иезуитами, жившими в Китае. Он отметил, что «хотя на прекрасной карте Страленберга между Тобольском и Охотском расстояние составляет 65° , а на карте Великой Татарии Делиля (Гильома.— В. Г.) еще меньше, карта Беринга показывает это расстояние равным 74° , что согласуется с данными иезуитов об устье Амура» (d'Anville, 1737a, стр. 32).

Кроме общедоступных публикаций, за границей, как уже упоминалось, в разных коллекциях хранилось много копий итоговой карты Первой Камчатской экспедиции, получению которых в большой мере содействовали послы иностранных держав ⁵⁴.

Широкую известность открытия Первой Камчатской экспедиции приобрели после опубликования «Генеральной карты России» (1734 г.) И. К. Кирилова, также использовавшего карту П. А. Чаплина.

Признавая положительное значение Первой Камчатской экспедиции, М. В. Ломоносов в 1763 г. отметил, что «Беринг не напрасно думал, что он по данной себе инструкции исполнил. Одного жаль, что, идучи обратно, следовал той же дорогою и не отошел далее к востоку, которым ходом, конечно, бы мог приметить берега северозападной Америки (1952, стр. 451).

Доклады В. Беринга и журналы участников экспедиции содержали также ценные данные о населении страны и ее экономике, способствовавшие появлению правильных представлений о Сибири, хотя, конечно, участники экспедиции не успели близко ознакомиться с жизнью местных народностей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЭКСПЕДИЦИЯ Д. И. ПАВЛУЦКОГО и А. Ф. ШЕСТАКОВА В ВОСТОЧНЫЕ РАЙОНЫ СИБИРИ

Государственных людей в начале XVIII в. интересовала Восточная Сибирь, конечно, не только ради географических открытий. Как мы видели при описании Большого камчатского наряда, правительство считало необходимым направлять в Сибирь большие экспедиции с широкими полномочиями для разрешения политических и экономических вопросов. Такими мыслями руководствовался и обер-секретарь Сената И. К. Кирилов, который, «видев из отправления Берингова, что только одно известие, соединяется или не соединяется Америка, привезет, а о интересе настоящим от него ожидать нечего, то искал случая, каким бы образом туда для сыскания новых земель и иных полезных дел кого возбудить» (Андреев, 1943а, стр. 35).

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСПЕДИЦИИ И ПОХОД А. Ф. ШЕСТАКОВА

Благоприятный случай для организации такой экспедиции представился с приездом в Петербург в 1725 г. из Якутска казачьего головы Афанасия Федотовича Шестакова (Белов, 1956, стр. 258).

Как рассказывает И. К. Кирилов, «явился приежкой из Якутска казачей голова Шестаков (о котором иные сказывали добрым, а другие называли плутом) с доношением, требуя итти с партией на Камчатку для усмирения и покорения тамошних немилых народов и сыскания в подданство новых земель и островов, у коего довольно наведалься о тамошних местах, приложил стараться о исполнении делом. И как то его предложение дошло в Сенат, то довольно учинено из Сената представления тогда бывшему Верховному Совету, откуда и апробация получена» (Андреев, 1943 а, стр. 35).

Соображения Сената о посылке экспедиции А. Ф. Шестакова изложены в донесении императрице от 18 января 1727 г.

«1. Что те земли прилегли к Российскому владению и ни у кого не подвластны, и к содержанию и владению под Российскою державою нетрудны, но таковыя, каковы во всей Сибири в подданстве обретаются.

2. Для прибыли государственной, понеже в тех местех соболь и прочей зверь родится и оттуду вывозится...

3. Для познания по Восточному морю морского ходу, от которого может впредь воспоследовать коммерция с Японною или Китайскою Кореею, понеже между Камчатки и Удского и Ламского берегов море (Охотское.— В. Г.) теплое, а не ледовитое.

4. Наипаче для предбудущей заимки, пока никто других земель... в те новосысканные земли не вступили и никакой претензии не имеют...» (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, л. 7 об. и 8).

По сообщению Г. Миллера (1758, стр. 113), А. Ф. Шестаков был «такой человек, который ни читать, ни писать не умел, но по одной памяти

рассуждал». Однако А. Ф. Шестаков обладал большой энергией и умел заинтересовать своими рассказами.

Когда А. Ф. Шестаков был в Петербурге, он показывал «разные карты его сочинения», которые представляли собой грубые чертежи, но привлекли внимание и получили известность (рис. 12)¹. Некоторые данные из этих чертежей о северо-востоке Азии, об «о-ве Коная» и «Большой Земле» против Колымы попали через И. Делиля на карты Ф. Бюаша, о которых последний докладывал 9 августа 1752 г. Парижской Академии наук (Buache, 1753)². Чертежом А. Ф. Шестакова пользовался также И. К. Кирилов. Обозначенные на нем «Конаяев остров и за ним матерую землю» счел возможным нанести на свою «Полярную карту» и М. В. Ломоносов (1952, т. 6, стр. 455).

Содействие, оказанное А. Ф. Шестакову И. К. Кириловым, ускорило организацию экспедиции, и 9 февраля 1727 г. в журнале Верховного тайного совета по донесению Сената записано: «Решено дать (Шестакову. — В. Г.) солдат и при них офицера» (МФР, 1875, стр. 443). Указом Сената от 3 мая того же года, составленным по указу Верховного тайного совета от 31 марта, предусматривались меры по призыву в подданство «изменников иноземцев и вновь сысканных», которые «прилегли к Сибирской стороне», по улучшению пути из Якутска на Камчатку, устанавливалась численность служилых в Якутске с «присудствующими острогами» и т. д. Решено было «послать кого из обер-офицеров искусного человека по рассмотрению губернаторскому, с ним казачья голову Шестакова»³ с отрядом из 400 человек служилых и, кроме того, с «казачьими детьми и иноземцами» — коряками, юкагирами, ламутами. Отряд должен был восстановить разрушенные остроги на реках Непжинке и Олюторке и примирить олюторских и островных (с Карагинского о-ва) «иноземцев». Из Олюторского острога отряд должен был идти в разные места по усмотрению обер-офицера и А. Ф. Шестакова для «приведения иноземцев» в подданство, при этом следовало «поступать по тамошним случаям и местам» (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, л. 22 об. и 23 об.). Снаряжение экспедиции и руководство ею возлагались на тобольского губернатора М. В. Долгорукова.

С экспедицией поехали штурман Я. Генс, подштурман И. Федоров, геодезист М. С. Гвоздев, рудознатец С. Гардеболь.

А. Ф. Шестаков выехал из Петербурга в июне 1727 г. В Tobольске к экспедиции присоединился капитан драгунского Tobольского полка Д. И. Павлуцкий, назначенный командиром экспедиции и имеющий особую инструкцию о покорении туземцев. Заносчивый и склонный к самоуправству, А. Ф. Шестаков всю дорогу до Якутска ссорился с Д. И. Павлуцким. Дело доходило даже до драки (Сгибнев, 1869б, стр. 8). Их мирил монах И. Козыревский.

В указе от 16 сентября 1728 г., полученном экспедицией уже в Якутске, сибирский губернатор М. В. Долгоруков пишет, что Д. И. Павлуцкий и А. Ф. Шестаков своим несогласием чинят «означенной партии (экспедиции. — В. Г.) продолжение и остановку». Далее в указе сказано: «Надлежит тебе, капитану Павлуцкому и казачью голове Шестакову поступать во оной партии во всем с общего согласия и, ежели кого за вины надлежит штрафовать, и тех людей наказывать, по коих мест ты капитан и Шестаков будете в одном месте обще, а одному ему Шестакову как штурмана, так и прочих служилых людей бить без согласия твоего, капитанского, весьма не подлежит, понеже ты, капитан, по силе вышепомянутого указа, числился первым командиром, а он Шестаков — вторым. А что он Шестаков тебе, капитану, сказывал у себя особливою его императорского

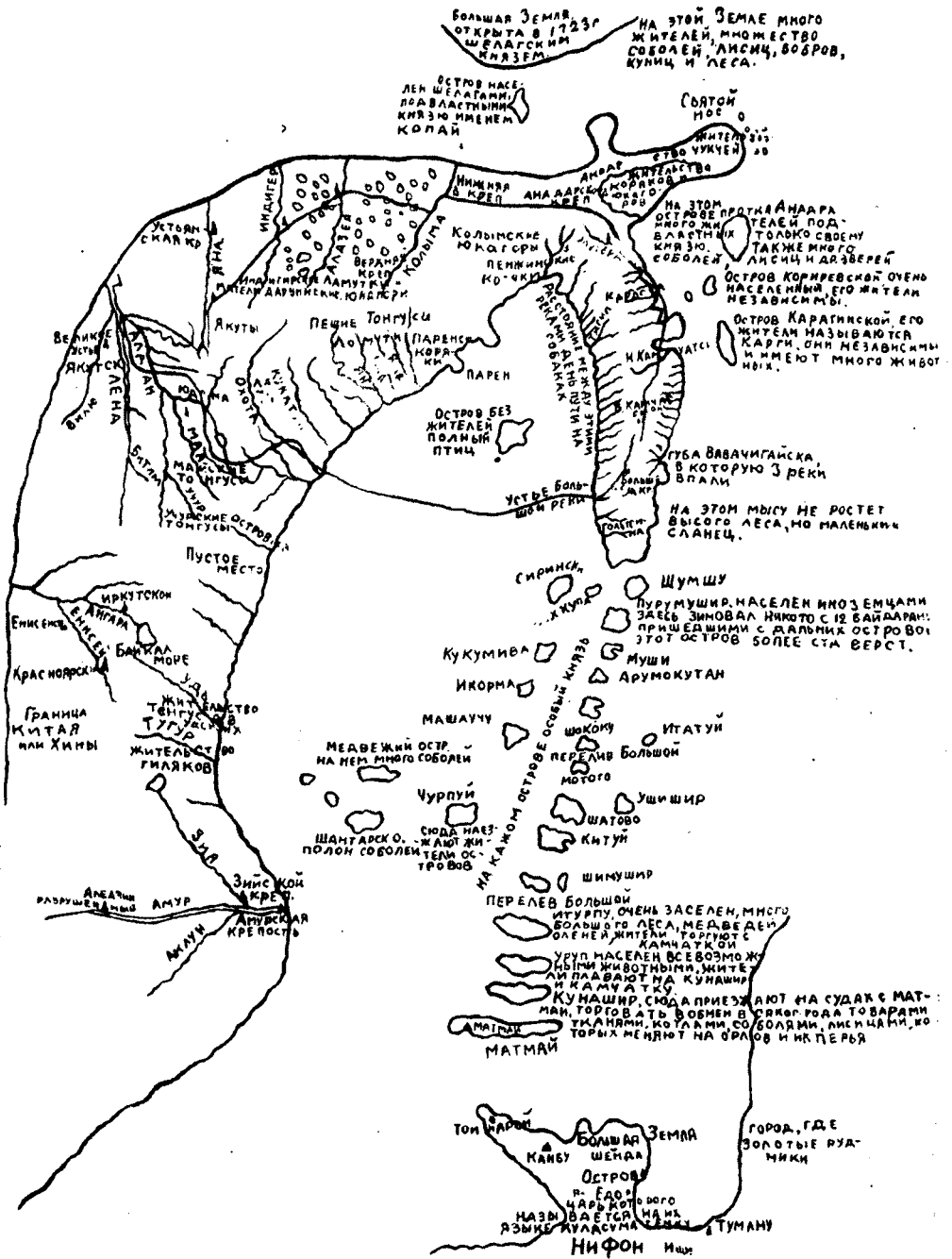

Рис. 12. Схема чертежа Камчатки и Курильских островов, привезенного А. Ф. Шестаковым в 1725 г. в Петербург (Врангель, 1948).

величества указ из Санкт-Петербурха, то ему Шестакову, буде оной указ у него имеетца, прислать в губернскую канцелярию с того указа копию, и капитану Павлутцкому (донести.— В. Г.) о немедленном отправлении своем в назначенную партию» (Экспедиция Беринга, стр. 71 и 72).

Но А. Ф. Шестаков продолжал действовать по своему усмотрению. Он прожил в Якутске целый год, ознаменовав свое пребывание там проявлением грубого самоуправства и даже присвоением казенных денег. Когда многочисленные жалобы на ого недопустимое поведение привлекли внимание правительства, он спешно выехал (в середине 1729 г.) в Охотск с частью команды. Не доезжая Юдомского Креста, А. Ф. Шестаков встретил возвращавшуюся Первую Камчатскую экспедицию (Берх, 1823б, стр. 84). Вслед за А. Ф. Шестаковым в Охотск по приказу Д. И. Павлуцкого выехали штурман Я. Генс, подштурман И. Федоров и ботовой подмастерье И. Спешнев (Экспедиция Беринга). Сам Д. И. Павлуцкий направился в Анадырск.

В Охотске А. Ф. Шестаков к осени закончил постройку двух судов: большого судна, названного «Восточный Гавриил», и судна меньшого размера, названного «Лев», а также припаял суда В. Беринга — «Св. Гавриил» и «Фортуна».

А. Ф. Шестаков намеревался плыть на «Восточном Гаврииле» в сопровождении судна «Лев» вдоль берега Охотского моря к северу, проникнуть на р. Олюторку и покорить коряков, а затем сухим путем пройти до Анадырска. «Св. Гавриил» под командой И. Шестакова должен был идти из Охотска к Камчатке и далее вдоль ее западного берега на юг, а затем до Удского острога, описывая на пути все реки, и осмотреть Шантарские острова. Оттуда он должен был пройти мимо Курильской гряды в Нижне-Камчатск, производя по пути опись всех островов и, если позволит время, исследовать «Большую землю». Наконец, «Фортуна», под командой сына А. Ф. Шестакова, В. А. Шестакова, должна была обеспечивать связь с Большерецком и обследовать Курильские острова.

Все эти планы окончились неудачей. А. Ф. Шестаков, выступивший осенью 1729 г. с мореплавателем Н. Треской, высадился из-за непогоды, не доходя Тауйского острога. Отсюда А. Ф. Шестаков с отрядом в 106 человек, вскоре возросшим до 150 человек, состоявшим почти сплошь из якутов, ламутов и тунгусов (русских было только 19 человек), двинулся 23 ноября 1729 г. сухим путем для завоевания районов до Анадырска. Но 14 марта 1730 г. в стычке с чукчами на р. Эгаче А. Ф. Шестаков был убит. Кроме него, было убито еще 30 человек, из них десять русских. Из уцелевших людей часть (в нее входили казаки) пробралась в Анадырск, доставив туда тело А. Ф. Шестакова и собранный ясаk. Часть же вернулась к Тауйскому острогу.

Выступившее вслед за А. Ф. Шестаковым в сентябре из Охотска судно «Лев», не найдя А. Ф. Шестакова, остановилось зимовать у устья р. Ямы и было здесь сожжено напавшими коряками, которые перебили почти всю команду (уцелело только пять человек).

И. Шестаков в сентябре 1729 г. отправился на «Св. Гаврииле» с мореходом К. Мошковым к югу; но 3 сентября судно, пройдя около 400 верст, было противным ветром отброшено к Камчатке и занесено в Пенжинскую губу (залив Шелехова) (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, л. 30 об.). Перезимовав в Большерецке, И. Шестаков в сопровождении штурмана Я. Генса достиг в 1730 г. Удского острога, плавал отсюда на восток и осмотрел Шантарские острова. Он заходил в устье Амура и сделал промеры глубин, о чем, пользуясь «скаской» участника этой экспедиции Ильи Скурихина, сообщал в донесении в Сенат бывший полковник Тимофей Горяистов:

«На одном устье явилось глубины пятнадцать сажень, а широты полверсты, а на других устьях ходу нет понеже мелко».

Он же сообщил, что «на том устье живут иноземцы, прозываемые гилки, тысяч с сорок по морскому берегу и по островам», которые «ни у кого не в подданстве» (там же, ф. 248, д. 28, л. 77 об.).

Отряд И. Шестакова, по-видимому, описал южную часть западного берега Охотского моря и сделал чертежи. Вернувшись в Большерецк, а потом в Охотск, И. Шестаков в сентябре 1730 г. по приказу Д. И. Павлудкого сдал судно Я. Генсу. Сюда же, по письму охотского приказчика, 6 июля прибыл из Тауйского острога бот «Восточный Гавриил».

В. А. Шестаков посетил на «Фортуне» четыре Курильских острова, где живут «иноземцы курильской породы», и взял с них ясак за 1730 г. (там же, ф. Сената, кн. 666, л. 485 об.).

Результаты плавания И. Шестакова, вероятно, нашли отражение на составленной Я. Генсом в 1733 г. в Охотске карте Камчатки, Курильских островов и Пенжинского (Охотского) моря (Русские открытия в Тихом океане..., 1948). На ней более правильно, чем на других картах того периода (И. М. Евреинова 1722 г., П. А. Чаплина 1729 г.), изображен западный берег Охотского моря, особенно его южная часть. К сожалению, эта карта не была использована при составлении других карт, появившихся в ближайшие годы. В «Атласе 1745 г.» берега Охотского моря изображаются по трафарету, принятому еще И. М. Евреиновым, в виде двух линий, идущих с запада на восток и с севера на юг и сходящихся примерно под прямым углом.

На карте Я. Генса обращает на себя также внимание изображение вдоль восточного берега Камчатки, на расстоянии, примерно равном ширине Охотского моря, полосы земли с надписью: «положено сие на знак острова или песку».

Впоследствии И. Делиль, основываясь на устном сообщении В. Беринга (L'Isle, 1753), также нанес на карте, составленной им в 1752 г., против Камчатки землю (приблизительно у 50° с. ш.). Представления о существовании к востоку от Камчатки земли отразились, как увидим далее, и в записке В. Беринга об организации Второй Камчатской экспедиции.

ПЛАВАНИЕ И. ФЕДОРОВА И М. С. ГВОЗДЕВА К БЕРЕГАМ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АМЕРИКИ

Д. И. Павлудский, выступивший из Якутска 27 августа 1729 г. с тем, чтобы идти походом на чукчей, не хотел разбрасывать свои силы. Он требовал, чтобы отряды из Охотска и с Камчатки прибыли к нему «к Анадырскому устью в самой скорости, без опущения удобного времени для проведывания морских островов» (Экспедиция Беринга, стр. 74).

18 сентября 1730 г. «Св. Гавриил» под командой Я. Генса и «Восточный Гавриил» под командой подштурмана И. Федорова вышли из Охотска к Камчатке. «Восточный Гавриил» был разбит у ее берегов, а «Св. Гавриил» благополучно достиг Большерецка. Имея на борту команду «Восточного Гавриила», он весной 1731 г. обошел мыс Лопатку и прибыл в Нижне-Камчатск. Здесь Я. Генс был вынужден задержаться, так как в это время началось восстание камчадалов и потребовалось участие команды «Св. Гавриила» в защите Нижне-Камчатского острога.

Согласно новому приказу Д. И. Павлудского, на имя Я. Генса от 11 февраля 1732 г. (Сгибнев, 18696, стр. 25), «Св. Гавриил» должен был идти к устью Анадыря и к «Большой Земле» против «Анадырского носа» (Чукотского мыса) проведывать, сколько имеется островов и какие там люди.

Экспедиция состоялась в том же году. Я. Генс был болен, поэтому командование «Св. Гавриилом» было поручено И. Федорову, помощником которого был геодезист М. С. Гвоздев. Но и И. Федоров также был болен, на бот его пришлось внести на руках; у него была язва на ноге, от которой вскоре после возвращения из плавания умер (в феврале 1733 г.)⁴.

Об этом замечательном путешествии, закончившемся открытием северо-западных берегов Америки русскими и первой высадкой их на один из островов Диомида (о-в Ратманова), к сожалению, сохранилось мало сведений. До нас не дошли ни подробное донесение о путешествии, составленное И. Федоровым и М. С. Гвоздевым, после возвращения на Камчатку и отосланное в декабре 1732 г. Д. И. Павлуцкому, ни краткое известие М. С. Гвоздева с приложением журнала плавания, представленное после смерти И. Федорова в июле 1733 г. в Охотскую канцелярию⁵.

Официальное рассмотрение вопроса о поездке И. Федорова и М. С. Гвоздева к «Большой Земле» надолго задержалось. М. С. Гвоздев и Я. Генс были подвергнуты в 1735 г. аресту по доносу матроса Л. Петрова, причем Я. Генс в заключении умер (23 октября 1737 г.), а М. С. Гвоздев был освобожден только в 1738 г. (Экспедиция Беринга, стр. 78—79). Выйдя из заключения, М. С. Гвоздев старался не распространяться об экспедиции 1732 г. Возможно, так поступать его заставили страх и осторожность, внушенные арестом. Во всяком случае такую позицию М. С. Гвоздев занял в 1738 г., когда Адмиралтейств-коллегия начала придавать значение экспедиции 1732 г. и послала предписание в Тобольск немедленно выслать Я. Генса с журналами и описями (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 24, л. 662). В показании, приложенном к ответу сибирского губернатора от 15 июня 1738 г., М. С. Гвоздев утверждал, что штурман (Я. Генс) и подштурман (И. Федоров) описей, карт и журналов не вели. О себе же сообщал, что с 1731 г. «со штурманом и подштурманом и служилыми людьми жили при том камчатском устье в юртах для примирения достальных инопоземцов же изменников по 733 г.»⁶ (Дивин, 1956, стр. 45).

Сведения об экспедиции 1732 г. были сообщены Охотской канцелярии в апреле 1741 г. участником экспедиции И. Скурихиным (Русские открытия в Тихом океане..., 1948, стр. 101). В связи с этим Охотская канцелярия потребовала объяснения от М. С. Гвоздева, который и подал в том же месяце рапорт об экспедиции.

Когда все это дело поступило в Якутскую канцелярию, последняя направила в 1742 г., а затем в 1743 г. в Охотск указы, которыми предлагалось снестись с В. Берингом по поводу «Большой Земли». Но В. Беринга уже не было в живых. М. Шпанберг, к которому поступил запрос, в 1743 г. вновь затребовал показания у М. С. Гвоздева, а по найденному журналу, который вел И. Федоров «для собственной своей памяти», приказал составить карту (далее мы называем ее картой М. Шпанберга). Это было выполнено, хотя, по словам составителей, «означенной журнал весьма необстоятельно записыван, по которому к настоящей верности карты сочинить весьма трудно» (Соколов, 1851д, стр. 84)⁷.

Судя по рапорту М. С. Гвоздева, экспедиция протекала следующим образом. Выехав 23 июля 1732 г. в составе 39 человек из устья р. Камчатки⁸, отряд И. Федорова прибыл 3 августа к «Анадырскому носу» и с помощью К. Мошкова, плававшего ранее с В. Берингом, стал искать остров, который видела Первая Камчатская экспедиция. 5 августа приплыли к «Чукотскому носу к южной стороне». Л. С. Берг (1946а, стр. 99) предполагает, что это был не мыс Дежнева, а какой-либо из мысов к северу от мыса Чаплина. Это предположение не подтверждается очертаниями западного берега Берингова пролива на карте М. Шпанберга, где, кроме мыса в

южной части западного берега Берингова пролива (очевидно, «Анадырского носа»), нанесен только один мыс, примерно на $66^{\circ}20'$ с. ш. Острова Диомиды, расположенные цепочкой с запада на восток, показаны на 66° с. ш. Таким образом, можно полагать, что экспедиция останавливалась у южного берега мыса Дежнева. Около этих мест, отплывая на короткое время к востоку или плывая вдоль берега и высаживаясь на него, отряд пробыл до 15 августа.

Отправившись 15 августа дальше, участники экспедиции осмотрели 17 августа остров (вероятно, Ратманова), но высадиться не смогли, так как поднявшийся шторм отнес «Св. Гавриила» обратно к «Чукотскому носу». Выждав благоприятный ветер, судно вновь подошло к северному концу острова. На стрелы, которыми его встретили жители, экипаж «Св. Гавриила» ответил выстрелами из трех ружей, после чего команда высаживалась на остров. С острова участники экспедиции видели «Большую Землю». Побывав и у южного конца острова, где также высаживались, они отправились 20 августа дальше и подошли ко второму острову (Крузенштерна), расположенному на расстоянии полмили от первого, но высаживаться не стали⁹. «Августа 21 дня по-полуночи в 3-м часу стал быть ветер, подняли якорь, парусы распустили и пошли к большой земле и пришли ко оной земле, стали на якорь и против того на земле жилищ никаких не значилось, и подштюрман Иван Федоров приказал поднять якорь. И пошли подле земли к южному концу. У южного конца к западной стороне видели юрты жилые версты на полторы и ко оному жилью за противным ветром в близость подойти невозможно, и пошли подле земли на южную сторону и стало быть мелко и дошли до семи и шести сажень, и от того места возвратилися назад и пошли в бейдевен¹⁰, чтобы не отдалять от оной земли, и стал быть ветер приземной крепкой от N и подштюрман велел курш держать ZW и таким крепким ветром отошли от берегу и пришли к четвертому острову августа 22 дня» (Ефимов, 1948, стр. 247—248)¹¹. Отсюда по просьбе команды направились обратно. 28 сентября «Св. Гавриил» достиг устья р. Камчатки.

«Четвертый остров», виденный экспедицией, — это о-в Кинга (64° с. ш.), расположенный недалеко от берега Аляски. Но почему М. С. Гвоздев называет этот остров, к которому они подошли после «Большой Земли», четвертым, хотя раньше упоминал только два острова?

В литературе высказывались предположения, что третьим островом участники экспедиции считали американский берег — виденную ими «Большую Землю». Еще А. С. Полонский (1850б, стр. 392) отмечал, что «пространство земли около мыса Принца Валийского (Уэльского. — В. Г.) также признавалось за остров». Такое же предположение высказал и Л. С. Берг (1946а, стр. 102). Ф. Голдер (Golder, 1914, стр. 102—103) прямо говорит, что для экспедиции 1732 г. «Большая Земля» была островом. В «промемории» начальника Охотского порта А. Зыбина от 20 апреля 1743 г., опубликованной А. В. Ефимовым, приводится выдержка из присланного М. С. Гвоздевым и И. Федоровым лагбуха, где «Большая Земля» называется «Большим островом»: «Августа де 22 числа по полуночи в 12-м часу с острова приезжал к ним иноземец чюкча... и спрашивал де оной Гвоздев у него чрез толмача... какой народ на большом острову живет и оной де иноземец чюкча сказывал чрез толмача, что на оном острову живут чюкчи ж и что самой де то Чюкоцкой нос» (Ефимов, 1948, стр. 237). Дальше говорится, что на «Большом острове» много зверей и лесов. А. Ф. Ефимов (там же, стр. 169) полагает, что эта выдержка полностью подтверждает представление М. С. Гвоздева о «Большой Земле» как о большом острове (третьем острове). Но едва ли следует придавать

значение выдержке из лагбуха. В этой выдержке большой остров, на котором много зверей и лесов, называется также и «Чюкоцким носом». А. В. Ефимов объясняет это тем, что на берегу Америки было место, имевшее название, совпадавшее с названием мыса на азиатском берегу. Но это предположение кажется менее вероятным, чем предположение о путанице в пересказе выдержки или в самой журнальной записи.

Сообщение И. Скурихина 1741 г. Охотской канцелярии свидетельствует, что экипаж экспедиции правильно представлял разницу между островами и «Большой Землей». Вот как говорит о «Большой Земле» этот рядовой участник экспедиции; «И не дошед до нее (земли.— В. Г.) в полуверсте рассмотрели, что не остров, но земля великая, берег желтого песку. Жилья юртами по берегу и народу ходящего по той земле множество. Лес на той земле великой: лиственничник, ельник и тополник, и олений многое число» (Русские открытия в Тихом океане..., 1948, стр. 101).

Удовлетворительное объяснение того, почему о-в Кинга назван четвертым островом, мы находим на карте М. Шпанберга, часть которой показана на рис. 13 и на «Генеральной карте Российской империи северных и восточных Сибирских берегов» 1746 г., составленной с использованием карты М. С. Гвоздева. На них даны не только два о-ва Диомиды, упомянутые в рассказе М. С. Гвоздева, но и третий маленький остров (необитаемый), который нанесен на карте М. Шпанберга прямо на восток от второго, а на «Генеральной карте», более правильно — на юго-восток. Таким образом, этот остров, который был упомянут в лагбухе (иначе, откуда бы он попал на карты?) и был показан на карте М. С. Гвоздева, последнему был известен. Но поскольку никаких эпизодов с этим необитаемым островом, к которому судно не подходило, связано не было, М. С. Гвоздев не упомянул о нем в своем не очень связном рассказе, а прямо перешел к четвертому острову.

У четвертого острова, к которому подошли 22 августа, стать на якорь «за великою погодою» не удалось. Но к ним пригреб «в малой лодке, называемый кукте», местный житель, который через толмача сказал о «Большой Земле», что там живут чукчи и «лес на оной земле сказывал также из ели, а про зверей сказывал, что имеются олени, куница, лисица и бобры решные» (Ефимов, 1948, стр. 248). Эти слова еще раз подтверждают, что экспедиция была у берегов Америки.

И. Федоров и М. С. Гвоздев были первыми европейцами, достигшими северо-западной Америки. Приведенные М. С. Гвоздевым сведения долгое время были единственным достоверным сообщением о расположении берегов этого материка в районе Берингова пролива.

Несмотря на то, что первые официальные данные об этой экспедиции, как уже отмечалось, не привлекли внимания местных властей, слухи о ней, вероятно, основывавшиеся на рассказах участников, распространились.

Эти сведения в довольно искаженном виде попали и за границу. На изданных в начале 50-х годов XVIII в. во Франции картах Ф. Бюаша и И. Делиля против западного берега Берингова пролива, взятого с карты П. А. Чаплина 1729 г., изображен берег Америки, отодвинутый Ф. Бюашем от Азии на 5°, а И. Делилем — на 10—12°. На одной из карт Ф. Бюаша на этом берегу написано: «Земля, открытая в 1731 г., где русские встретили человека, назвавшего себя обитателем большого материка» (Buache, 1753, стр. 12—13). И. Делиль на своей карте, приложенной к книге Ф. Бюаша, почему-то поставил надпись другого содержания: «Земля, виденная Шпанбергом в 1728 г. и посещаемая теперь русскими, которые отсюда привозят очень хорошие меха».

Сообщенный И. Делилем рассказ о путешествии И. Федорова и

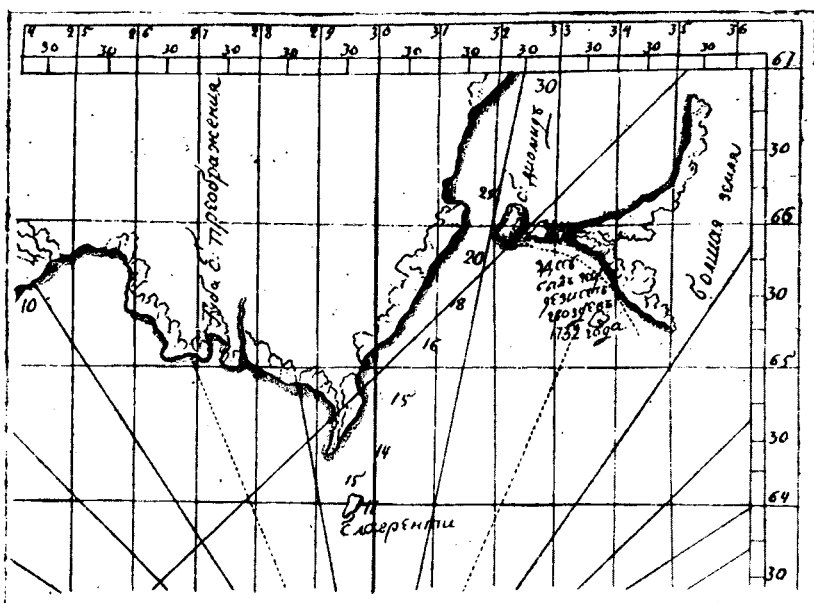

Рис. 13. Часть карты, изображающей путь экспедиции И. Федорова и М. С. Гвоздева в 1732 г. Карта составлена по распоряжению М. Шпанберга в 1743 г. (Ефимов, 1948).

М. С. Гвоздева, не содержащий фамилий участников, был очень краток и неясен и дал повод другим западноевропейским исследователям сомневаться в действительности этого открытия. И. Аделунг (Adelung, 1768, стр. 561—562) писал, что подробности, которые приводит И. Делиль об этой экспедиции, нуждаются в уточнении.

В России официальным кругам, конечно, было известно об экспедиции И. Федорова и М. С. Гвоздева, об этом достаточно убедительно говорят упоминавшаяся выше «Генеральная карта» 1746 г. Но широким кругам населения о ней не сообщалось.

Как видно из карты Г. Миллера 1754—1758 гг., на которой у берегов северо-западной части Америки, около 66° с. ш. изображен мыс с надписью «Côte découverte par le géodesiste Gwosdew en 1730», руководство экспедицией приписывалось М. С. Гвоздеву, а время совершения плавания точно известно не было. Ширипа Берингова пролива на карте Г. Миллера показана примерно в 5°, в то время как на карте М. Шпанберга она равна 2°. В своих статьях Г. Миллер приводит о плавании лишь краткие и притом не всегда точные сведения¹².

М. В. Ломоносов (1952, т. VI, стр. 451) в 1763 г. писал осторожно, что «кольдалече отстоят самые северные берега Северной Америки от сибирских, о том еще мало или почти ничего неизвестно... Что против Чукотского носу есть земля, острова или матерая, о том уверяют известия геодезиста Гвоздева».

ПОХОД Д. И. ПАВЛУЦКОГО НА ЧУКОТСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Заканчивая описание исследований, связанных с экспедицией Д. И. Павлуцкого и А. Ф. Шестакова, скажем несколько слов о походе Д. И. Павлуцкого в 1731 г. из Анадырского острога на Чукотский п-ов.

Эта экспедиция имела военный характер и, по-видимому, не вела никаких исследований. По мнению А. С. Сгиблева (1869б, стр. 33), поход Д. И. Павлуцкого в научном отношении, к сожалению, никакой пользы не принес. Однако с таким утверждением согласиться нельзя, так как в результате этого похода были получены сведения о географии Чукотского п-ова, о чем свидетельствует карта Я. Линденау, на которой изображен маршрут Д. И. Павлуцкого (Белов, 1956). О путевом журнале похода и его карте нигде не упоминается. Рассказ о походе Д. И. Павлуцкого приводится Г. Миллером (1758) и А. С. Сгиблевым (1869б), а также в «объявлении» сотников Анадырской команды Нижегородова, Попова, пятидесятника Русакова и др. (Колональная политика..., 1935, стр. 158—160). Д. И. Павлуцкий, старавшийся прежде всего укрепить Анадырский острог на случай нападения во время его отсутствия чукчей, смог выступить в поход к северу только 12 марта 1731 г. В возглавлявшемся им отряде было 215 русских, 160 коряков и 60 юкагиров.

Перейдя приток Анадыря — р. Белую, отряд пошел на север к берегу Северного Ледовитого океана, делая около 10 верст в сутки. Двигаясь вдоль берега на восток, участники экспедиции выдержали 17 июня нападение чукчей. Затем они повернули к юго-востоку, чтобы перейти через Чукотский п-ов к «Восточному океану». 29 июня на них опять напали чукчи. На «Анадырском море» у гористого мыса, называемого Сердце-Камень, 14 июля снова произошло нападение большого количества чукчей. 1 августа отряд отправился вдоль губы (вероятно, залив Креста) и 21 октября вернулся в Анадырский острог.

В те же годы, когда были совершены выдающиеся плавания Первой Камчатской экспедиции, а также походы И. Федорова и М. С. Гвоздева, пролившие свет на расположение берегов Азии и Америки на крайнем севере Тихого океана, готовилась по личной инициативе смелого служилого человека Афанасия Мельникова экспедиция от берегов Чукотского п-ова к Америке, но она не осуществилась из-за противодействия местных властей.

В донесении от 26 ноября 1730 г. Д. И. Павлуцкий сообщает, что он получил 19 ноября того же года записку от А. Мельникова о том, что «в 725-году октября... по указу государыни и по данному из Якуцкой канцелярии ему, Мельникову, инструкции велено ему идти в Новую землю, которая против устья Анадыря реки за губою» для приведения в подданство «немирных, неясашных иноземцев». А. Мельникову было разрешено набрать служилых людей и призывать охочих. Приехав «в Новымское и Алазейское зимовья», он собрал немалое число людей, но назначенный из Якутска в Анадырск комиссар Ф. Татаринцов запретил им «во одну службу ходить». Таким образом, его экспедиция не состоялась, а построенное А. Мельниковым «морское судно», оставленное из-за отсутствия людей без присмотра, разбило весенними льдами.

Затем для приведения в подданство иноземцев А. Мельников ездил в 1729 г. на Чукотский п-ов, а в апреле 1730 г. посетил «носовых» чукчей. При нем приезжали с «морского острова» два человека, которые «имеют у себя в зубах моржовое зубье». Они говорили, что до острова, на котором они живут, день ходу, а от их острова до острова, называемого «Большая Земля», где есть лес и разные звери, также день ходу. Эти два человека дали ему 14 камешков, в том числе 5 «рудожелтых», и «носовые чукчи» — 5 синих камешков, «а к чему угодны, того не знает». Чукчи не повезли его на остров к «зубатым» из-за отсутствия собак и недостатка продовольствия. «А дале де Чукоцкого носу нигде он не бывал» (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, л. 31 об.— 32 об.)¹³.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВТОРАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ¹

Вторая Камчатская экспедиция занимает в истории географических исследований совершенно особое место.

Исключительный характер этой экспедиции был ясен уже современникам, считавшим ее «самой дальней и трудной и никогда прежде не бывшей» (ПСЗ, т. VIII, стр. 1011). А. Ф. Миддендорф (1860, стр. 50), изучавший материалы Второй Камчатской экспедиции более чем через 100 лет после ее окончания, назвал ее «величественной цепью экспедиций».

Задачи, поставленные перед Второй Камчатской экспедицией, были грандиозны: они включали обследование северных берегов Азиатского материка на протяжении многих тысяч километров, изучение природы необъятной, мало освоенной Сибири, плавание к берегам северо-западной Америки и первое плавание к Японии. Впоследствии исследование этих территорий и плавание к Америке и Японским островам осуществлялось несколько раз различными экспедициями, но ни перед одной из них не ставились одновременно все эти задачи, и они ограничивались выполнением лишь какой-либо одной из них.

Проводя исследования в суровых природных условиях заполярных районов Азии и совершая плавания на тысячи километров в туманных и бурных морях северной части Тихого океана или полных льдами водах Северного Ледовитого океана, участники экспедиции располагали, по теперешним масштабам, лишь самыми элементарными техническими средствами: маленькими парусными кораблями, несовершенными астрономическими инструментами (квадрантами и гадштокками для определения широт) и такими средствами связи, с помощью которых затрачивалось около года на доставку почты с Камчатки или из Анадырска в Петербург.

Подвиги ее участников, их стойкость и преданность своему долгу, мужество и выносливость представляются нам теперь почти легендарными.

ОРГАНИЗАЦИЯ И СНАРЯЖЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Одной из особенностей Второй Камчатской экспедиции была необыкновенная сложность ее организации, крайне затянувшая начало ее деятельности.

После возвращения Первой Камчатской экспедиции обстоятельства сложились вначале неблагоприятно для продолжения исследования неизвестных стран. За пять лет, прошедших со времени отъезда Первой Камчатской экспедиции, умерла не только Екатерина I, но и Петр II. Почти одновременно с возвращением экспедиции воцарилась Анна Ивановна. Дворцовые перевороты и реорганизация учреждений отодвинули вопросы о сложных экспедициях для исследования новых районов на задний план.

Все же в конце 1730 г. Сенат предложил В. Берингу «подать известие, что в Восточном краю признаваецца к пользе государства». В. Беринг представил 4 декабря два предложения (Андреев, 1943а, стр. 12).

В одном из этих предложений были затронуты вопросы, касающиеся управления, хозяйства и транспорта в Восточной Сибири и на Камчатке, улучшения положения служилых людей и местного населения, восстановления Олюторского острога и т. д. В. Беринг указывал также на открывающиеся возможности вести с Камчатки торговлю с Японией.

В другом предложении, названном «Всенижайшее помышление не в указ, ежели воспримется намерение посылать в экспедицию особливо от Камчатки к осту» (Андреев, 1943а, стр. 12), В. Беринг выдвинул проект организации новой экспедиции на двух кораблях. Один должен был отправиться к востоку от Камчатки для «проведывания» Америки или других земель, о близости которых у В. Беринга было неправильное представление. «Понеже, выведывая, изобрел я, что далее оста то море волнами ниже подымается, також и на берег острова, именуемого Карагипской, великой сосновой лес, которого в Камчатской земле не растет, выбросило; и для того признаваю я, что Америка или иные между оной лежащая земли не очень далеко от Камчатки, например, 150 или 200 миль быть имеет». Другой корабль должен был «Охотской и Камчатской водяной проход до устья р. Амура и далее до Японских островов выведывать; понеже надежду имею, что тамо нарочитыя (богатые.— В. Г.) места можно находить» (Соколов, 1851в, стр. 435—436).

Расходы на экспедицию определялись В. Берингом в 10—12 тыс. руб., не считая жалования, а также стоимости продовольствия и материала, который следовало завезти в Сибирь для постройки обоих судов, вместимостью по «45—50 ластов» (90—100 т). Суда он предлагал строить на Камчатке. Целью экспедиции должно было быть завязывание торгов с иностранными государствами. В. Беринг писал также, что «ежели заблаго рассуждено будет», то можно «свободно и на ботах или сухим путем» разведать берег от Оби до Лены, «понеже оныя земли под высокую державую Российской империи суть» (там же, стр. 436). Описательные работы он представлял себе очень небольшими и требовал для них всего двух геодезистов.

В этих предложениях вновь проявилась уже отмеченная склонность В. Беринга преуменьшить трудности, связанные с проведением больших мероприятий в Сибири. Даже значительно позже, в предложении, поданном в Адмиралтейств-коллегию 19 сентября 1732 г., он заявлял, что для плавания от Оби до Колымы, «а оттуда до последнего угла и до Камчатцкой пристани» нужно одно судно с 26 человеками команды (Экспедиция Беринга, стр. 199).

В правительственных кругах в отношении Восточной Сибири в то время преобладал интерес к вопросам административного устройства, к развитию ее экономики и к «замирению» и подчинению местного населения. В 1731 г. Сенат издал указ от 10 мая и инструкцию от 30 июля, подготовленные обер-секретарем Сената И. К. Кириловым, об устройстве и заселении Охотского порта, улучшения путей и льготах для купечества, направляющегося на Камчатку. Начальнику Охотского порта, которым был назначен Г. Г. Скряжников-Писарев, находившийся в ссылке в Жиганске², поручалось наблюдение за деятельностью Д. И. Павлуцкого на Чукотском п-ове, восстановление Олюторского острога на Камчатке, исследование Курильских и Шантарских островов.

Предложения В. Беринга о новой экспедиции, требовавшей больших ассигнований и посылки с ней большого количества людей, обсуждались

Сенатом лишь в 1732 г., после их одобрения в учрежденном Анной Ивановной «Кабинете ея величества». В марте 1732 г. Кабинет поручил Сенату рассмотреть эти предложения, а 17 апреля 1732 г. вышел указ императрицы «капитана командора Беринга отправить паки па Камчатку и по данным от него пунктам и предложениям... рассмотря, определение учинить в Сенате» (ПСЗ, т. VIII, стр. 749) ³.

В дальнейшем (до 16 марта 1733 г.) по поводу экспедиции вышло еще пять указов и инструкций Сената. Два первых указа (№ 6041 и 6042) от 2 мая 1732 г., изданных по поручению Кабинета, очень схематичны и напоминают указы о больших, мало приспособленных к практической деятельности экспедициях (о Большом камчатском наряде, экспедиции Д. И. Павлуцкого и А. Ф. Шестакова), в которых огромные исследовательские работы объединялись с административными и военными задачами, а задания формулировались в расплывчатой форме. В руках В. Беринга предполагалось объединить как снаряжение и проведение экспедиции, которая должна была исследовать неизвестные страны и содействовать развитию торговли, так и проведение мероприятий по устройству Охотского порта. Ему поручалось назначать командиров морских судов; на него возлагалось обследование северных берегов Азии, для чего он должен был «послать добрых и знающих людей водой или сухим путем, по своему рассмотрению» (там же, стр. 773).

Окончательная формулировка задач, которые ставились перед Второй Камчатской экспедицией, была дана в указах от 28 декабря 1732 г. и от 21 февраля 1733 г. и в дополнявших их инструкциях. Благодаря И. К. Кирилову, игравшему главную роль в организации экспедиции, подготовка этих документов пошла по совершенно новому пути. И. К. Кирилов, талантливый представитель новых государственных учреждений, созданных реформами начала XVIII в., пытался использовать возможности, которые представлялись этими реформами. К обсуждению были привлечены Академия наук, Адмиралтейств-коллегия и отдельные компетентные люди (Н. Ф. Головин, Т. Сандерс, В. Беринг, А. И. Чириков и др.). И. К. Кирилов упорно стремился сделать задания экспедиции наиболее определенными и обеспечить их выполнение реальными средствами. Но, как мы увидим, ему в условиях того времени не удалось осуществить свои намерения полностью. Многие остались неясным, большую часть работ по организации экспедиции пришлось проводить на местах в условиях, намного более тяжелых, чем представлялось.

Выбор направления плавания к неизвестным берегам северо-западной Америки был связан со многими трудностями. К разрешению этого вопроса с самого начала была привлечена Академия наук, от которой Сенат требовал «известия о Камчатке и о ближних с пей странах и реках, на то время ведомых» (Миллер, 1758, стр. 10). Академия наук поручила это дело профессору И. Делилю, который составил в 1731 г. карту, рассмотренную в Сенате в середине 1732 г. (рис. 14) ⁴.

Карта И. Делиля и приложенная к ней записка, которая в современном ей русском переводе называлась «Известие о новой ландкарте, на которой представлен Восточный океан с показанием ближайшего пути между Азией и Америкою» сыграли большую роль в истории Второй Камчатской экспедиции. Эти документы представляли собой сводку сведений, имевшихся в то время в России и Западной Европе о восточных берегах Азии и западных берегах Америки, а также о землях, расположенных между ними. К сожалению, эти сведения были не полны и недостаточно верны, хотя И. Делиль и использовал обширные картографические материалы. Очертания берег в Китае и Корее он дал по китайским картам, очертания

берегов русских владений в Азии — по картам Первой Камчатской экспедиции и И. М. Евреинова, а берега северо-западной части Америки и земли между Азией и Америкой — по западноевропейским картам (голландским, Г. Делиля и др.)⁵.

Прежде чем говорить подробнее о карте И. Делиля, следует коснуться состояния географических знаний в начале XVIII в. о землях в северной части Тихого океана.

Об этой части Тихого океана были распространены фантастические представления, порожденные неточностью и отрывочностью данных немногих действительно проведенных наблюдений и рассказами о небывалых плаваниях. По словам американского историка Ф. Голдера, вероятно, ни одно другое место на земном шаре, за исключением районов Арктики, не было так картографически запутано и неясно, как северная часть Тихого океана в XVII и первой половине XVIII в. (Golder, 1914, стр. 117). Особенно много путаницы было связано с землями к северу и к востоку от Японии, в частности с «Землей Езо» (Есо, Ессо, Иезо, Иедзо). Это название и название «Оку-Езо» японцы присваивали о-ву Хоккайдо и расположенным вблизи от него Курильским островам.

Рассказы об этой земле попали в Европу через иезуитов, живших в Японии, уже в конце XVI в., а в начале XVII в. мифическое «Езо» появилось на европейских картах (L'Isle, 1732, стр. 19; Teleki, 1909).

Поводом для морских экспедиций в эти районы послужили возникшие в конце XVI в. слухи о том, что какой-то корабль, занесенный бурей к востоку от Японии, видел там между 37 и 38° с. ш. «золотые и серебряные острова» (Nachod, 1900). Неудачные попытки отыскать эти острова предпринимались с начала XVII в. В 1643 г. голландцы снарядили экспедицию Фриза и Скепа на кораблях «Кастрикум» и «Брескес», которая, конечно, таких островов не нашла, но обследовала восточный берег о-ва Хонсю. Кроме того, «Кастрикум» (под командой Фриза) прошел около о-ва Хоккайдо и островов Итуруп, Уруп, Кунашир и Шикотан, поднявшись к северу до 47°48' с. ш. (там же)⁶. На западе он был у Сахалина. Острова Кунашир, Шикотан и Сахалин этой экспедицией были приняты за часть огромной «Земли Езо»; соединяется ли она с Японией — осталось неясным. Относительно о-ва Итуруп у экспедиции сложилось представление, что он расположен около Америки или является ее частью; его называли «Землей Компании», о-ву Уруп дали название «о-ва Штатов». В 1649 г. к «землям» в этом районе прибавилась еще земля Жуана де Гама, виденная якобы этим португальским мореплавателем. Ее нанес на карту соотечественник мореплавателя — Тексейра.

В существовании «Земли Езо» не сомневался ни один географ, но среди них не было хотя бы двух, которые сходились бы во мнениях по вопросу о размерах и очертании этой земли (Golder, 1914, стр. 16). Одни наносили ее на карту в виде острова, другие — в виде полуострова, показывали ее как часть Азии или как часть Америки, то присоединяли, то отделяли от Японии. В начале XVIII в. на некоторых картах (И. Гомана, Э. Кэмифера, Ж. Беллини, Ф. Страленберга и др.) «Землей Езо» названа Камчатка.

И. Делиль разделял заблуждения современной ему географической науки. На его карте показаны берега Азии к северу от 35° с. ш. и Америки — от 20° с. ш., а также острова между ними. Наряду с верными данными Первой Камчатской экспедиции о восточных берегах Азиатского материка и западноевропейских путешественников об Америке в районе Калифорнии и о-ва Хонсю, И. Делиль нанес все упомянутые «земли», хотя, по его признанию, источник сведений о них он иногда не мог отыскать.

CARTE DRESSÉE en 1731 Pour Servir a la recherche des
 TERRES et des MERS situées AU NORD DE LA MER DU SUD

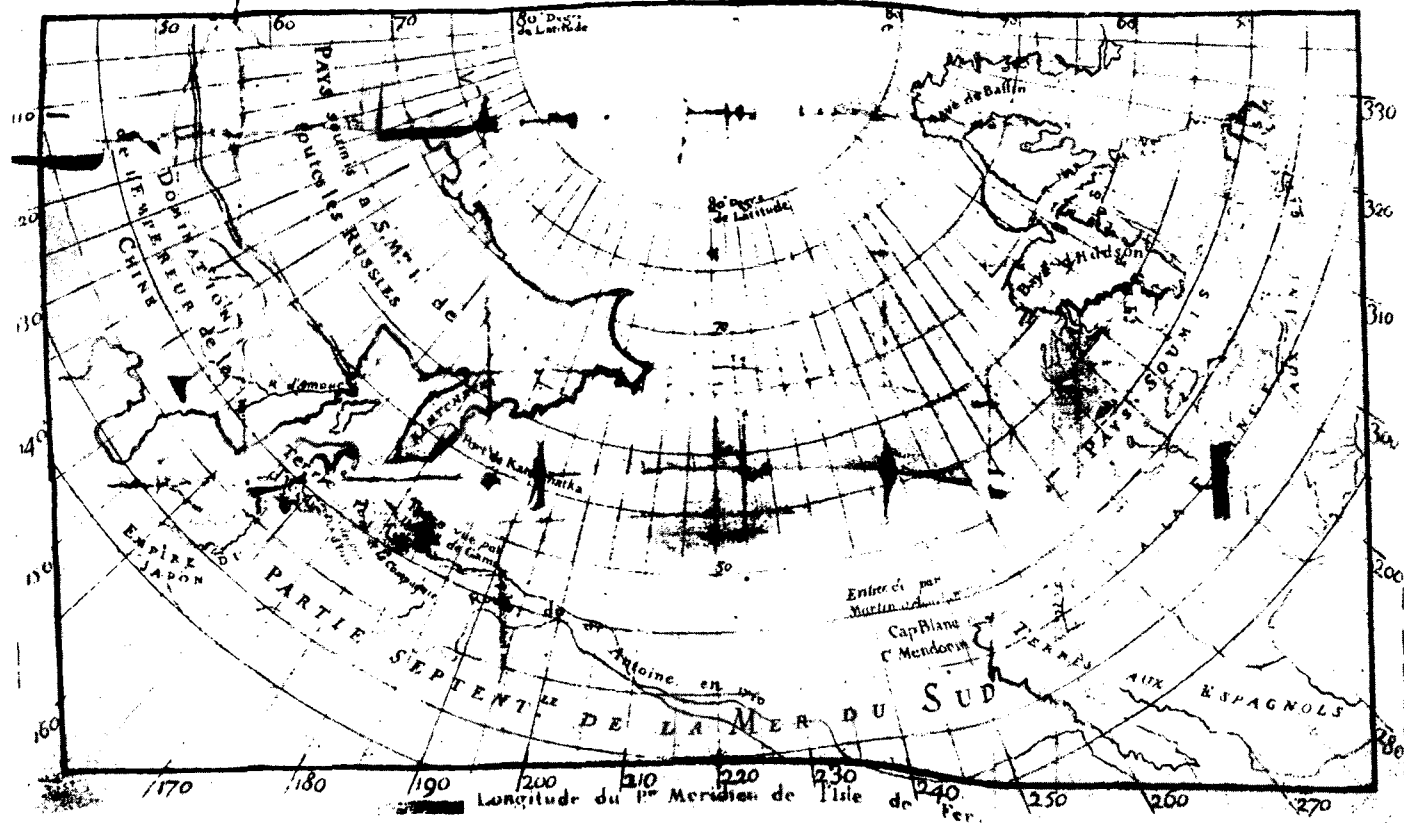

Рис. 14. Карта северо-восточной части Азии и севера западной Америки. Составлена И. Делилем в 1731 г. (Golder, 1925).

«Земли» расположены одна за другой, протягиваясь с запада на восток между 158 и 193° в. д. и 40 и 50°⁷ с. ш. и разделены узкими проливами. Западный берег Америки к северу от Калифорнии (вернее, от несуществующего пролива Мартина Дагвилара) на карте совсем не показан.

В записке И. Делиль не отделял достоверных данных от недостоверных. Исходя из наблюдений В. Беринга о возможной близости Америки к Камчатке и из других соображений, он сделал верный вывод о том, что по направлению к северу берега восточной Азии и северо-западной Америки сближаются и у крайних пределов плавания Первой Камчатской экспедиции, возможно, отделены друг от друга лишь узким проливом. Но, вместе с тем, опираясь на какую-то виденную им старую карту, И. Делиль выдвинул гипотезу о том, что «Земля де Гама» соединяется с Америкой севернее Калифорнии.

И. Делиль привел верные масштабы расстояний и указал три возможных маршрута плавания из Азии в Америку. Первый маршрут — от мыса Дежнева к Калифорнии, протяжением около 5 тыс. верст (говоря о нем, И. Делиль почему-то забыл свое предположение об имеющемся на северозукме проливе); второй — прямо к востоку от Камчатки, о чем говорил и В. Беринг, и третий — к «Земле де Гама». Последний маршрут И. Делиль считал наиболее верным: «Но может быть еще скорее и с большею достоверностью виденная Дон-Жаном-де-Гамою земля найдется, ежели опускаться будут отправлять с Камчатки на полдень» (Соколов, 1851в, стр. 441). Впрочем, И. Делиль добавляет: «Сожаления достойно, что не можно мне было сыскать о сей земле больше известий, кроме что на ландкарте показано, но и то взято из новейших ландкарт покойного моего брата, первого географа короля французского, где положение оной земли в рассуждении земель Компании и Ессо определено» (стр. 442). Считая, что положение земель «Езо» и «Компани», которое он определил, прибегая к догадкам, ему известно, он уже «подлинно» установил положение «Земли де Гама» по отношению к Камчатке и расстояние от нее.

Карта И. Делиля была полезна для ориентации в расположении известных в то время участков берегов северо-западной Америки и северо-восточной Азии. Вместе с тем, введя среди лиц, связанных с подготовкой к экспедиции, представления о землях «де Гама», «Езо» и «Компани», эта карта принесла большой вред и явилась причиной многих трудностей и трагических событий, сопровождавших плавание к Америке.

Карта И. Делиля приобрела значение для работы экспедиции не сразу. Этому предшествовало довольно длительное обсуждение маршрута экспедиции.

Сначала Сенат в указе от 28 декабря 1732 г. опирался на конкретные известия об островах против Чукотского мыса и о «Большой Земле» (Америке), сообщенные А. Мельниковым. Но утвержденный этим указом проект экспедиции слишком усложнял ее задачи, требуя плавания к северу до 67° с. ш. (как уточняла инструкция Адмиралтейств-коллегии), а оттуда к «Мексико» (Калифорнии), причем экспедиции следовало выяснить, «есть ли земли или острова между известных Камчатских и Американских берегов или одно море» (ПСЗ, т. VIII, стр. 1007). От Калифорнии экспедиция должна была плыть на Камчатку. У берегов Америки следовало достигнуть европейских владений или плыть до тех пор, пока не встретится европейский корабль.

А. И. Чириков, представивший 12 февраля 1733 г., по предложению Адмиралтейств-коллегии, замечания к указу, внес, используя свой широкий географический кругозор и опыт Первой Камчатской экспедиции, несколько существенных предложений, касающихся проекта плаваний

экспедиции. В частности, он не соглашался с теми пунктами указа Сената и инструкции (или проекта инструкции) Адмиралтейств-коллегии, в которых говорилось о плавании до 67° с. ш. и выше, а оттуда к «Мексико».

Не считаясь с «землями» И. Делиля, А. И. Чириков полагал, что Америку и располагаящиеся между нею и Камчаткой острова наиболее целесообразно искать между 50 и 65° с. ш. и что земля против Чукотского мыса на широте 64° , упоминавшаяся Д. И. Павлуцким, и есть Америка. А. И. Чириков резюмирует свои соображения следующим образом: «При сем же приобщаю на третей вышеописанный пункт экстракт, что в нем замыкается, то-есть чтоб от Камчатского устья дойти до Чукоцкой земли до 65 градуса и, взяв языка, на ост за малый остров, которой в первом походе видели, даже до Америки, потом следовать подле земли на зуйд до 50 -ти градусов и возвратиться к Камчатке» (Экспедиция Беринга, стр. 208). Это предложение имело практические преимущества, обещая относительно легкое достижение Америки через районы, уже исследованные Первой Камчатской экспедицией. Значительная часть обратного пути проходила бы вблизи берегов Америки. Наблюдая, хотя бы не очень точно, долготу во время плавания к югу, можно было бы легко установить, когда расстояние между расходящимися материками вызовет необходимость вернуться к берегам Азиатского материка.

Адмиралтейств-коллегия также полагала пужным упростить проект плаваний к Америке, утвержденный указом 28 декабря 1732 г. В донесении от 16 февраля 1733 г. она просила Сенат отказаться от посещения европейских владений в Америке, так как до ближайших из них («Мексико») — 5 тыс. верст от Камчатки, и предоставить выбор маршрута к Америке командованию на месте (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, лл. 441—442). Вместе с тем Адмиралтейств-коллегия делала большую уступку научному авторитету И. Делиля, предусматривая, чтобы «шли по предложению и мнению профессора Делиля и по их общему рассуждению» (там же). В данном случае профессором Делилем назван ехавший с экспедицией сводный брат И. Делиля — астроном Людовик Делиль Делаacroer, человек, имевший мало общего с наукой. Ему была вручена карта И. Делиля. Таким образом, мнение И. Делиля должно было стать решающим при выборе экспедицией маршрута плавания, возможность реализации плана А. И. Чирикова исключалась и обеспечивалось проведение в жизнь «наиболее достоверного» пути в поисках «Земли де Гама».

Когда будут достигнуты берега Америки, предлагалось высадиться на них, исследовать, а затем идти «сколько время и возможность допустит по своему рассмотрению, и чтобы к Камчатским берегам могли по тамошнему климату возвратиться во благополучное время и в том у них руки не связывать» (там же). Указом от 21 февраля 1733 г. Сенат утвердил эти предложения.

Так проходило рассмотрение маршрута к Америке. Довольно сложным обсуждением сопровождалась и разработка остальных заданий экспедиции.

Рассмотрение карты И. Делиля подало И. К. Кирилову мысль о том, что «надлежит быть наблюдениям в тех новых и прежде сего неизвестных местах многим и притом описанию верному о тамошних народах, обычаях, о плодах земных, чего поныне как от него Беринга в первой его экспедиции, так и до него ни от кого не учинено» (Глуцева, 1940б, стр. 40)⁸. В связи с этим Академия наук внесла ряд предложений, принятых Сенатом, и в результате возник большой Академический отряд, вошедший в состав Второй Камчатской экспедиции. Из профессоров в него вошли астроном Л. Делаacroer, натуралист И. Гмелин, а также историк и географ Г. Миллер⁹.

И. Гмелин, Г. Миллер, И. Делиль и профессор Д. Бернулли составили инструкции по сбору метеорологических, астрономических, географических, естественнонаучных, исторических и этнографических материалов. Организация Академического отряда завершилась в середине 1733 г.

Большой вклад в организацию экспедиции внесла также Адмиралтейств-коллегия, участие которой далеко выходило за пределы рассмотренного выше обсуждения пути в Америку и оценки карты И. Делиля.

12 сентября 1732 г. Сенат решил более точно определить задание морских отрядов, дать экспедиции разработанную инструкцию и включить в состав ее командования «другого из русских капитанов морских доброго» (ПСЗ, т. VIII, стр. 1003).

После совещания, проведенного в Сенате с членами Адмиралтейств-коллегии, последняя при донесении в Сенат 16 октября 1732 г. представила мнение, обсудив его с В. Берингом. В частности, она поставила четко вопрос о плаваниях у северных берегов Азии, которые В. Беринг предполагал совершить с помощью одного судна.

Адмиралтейств-коллегия, отражая, очевидно, взгляды стоявшего во главе ее Н. Ф. Головина¹⁰, выдвигала задачу — отыскать северный проход и разрешить вопрос, соединяется ли Америка с Азией. «Для подлинного известия, есть ли соединение Камчатской земли с Америкою, тако ж, имеется ль проход морем от устья Оби реки до Енисей и Лены рек», она предлагала пройти на судах от Архангельска «до Анадырского и Камчатского устьев» (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, лл. 113—117). Выполнить это предполагалось с помощью четырех отрядов, которые должны были следовать от Лены на восток к Камчатке, от Лены на запад до Енисея, от Оби до Енисея и от Архангельска до Оби. Плавание к Америке должно было совершаться обязательно на двух судах; на случай, если «учинится одному какое несчастье, то бы от другого было вспоможение и известие» (там же, л. 115 об.). К Японии же предлагалось отправить три судна. Наконец, Адмиралтейств-коллегия предлагала заранее отправить из Петербурга в Сибирь офицеров для подготовки провианта, артиллерии и прочих припасов, «дабы оные в Охотске к прибытию капитана-командора Беринга во всякой были готовности» (там же, л. 118 об.). В основном эти предложения вошли в указ от 28 декабря 1732 г.

Этим указом предусматривалось также, что во время подготовки к дальним плаваниям должны быть посланы одно или два судна для описи рек и морских берегов «от Охотска к югу до р. Уди, р. Тугура и устья Амурского» и осмотра «пустых Шантарских островов», на которых много соболей. Кроме того, предлагалось командировать геодезистов «описать все реки, впадающие с восточной стороны в оз. Байкал... и вершины рек же текущих в Лену», через которые можно пройти более коротким путем в Охотск, не заходя в Якутск (ПСЗ, т. VIII, стр. 1009).

Таким образом, Второй Камчатской экспедиции поручались следующие исследования.

1. В Северном Ледовитом океане провести экспедиции: а) из Архангельска до Оби, б) из устья Оби до устья Енисея, в) из устья Лены на запад до устья Енисея и г) из устья Лены на восток до Камчатки (если существует пролив между Азией и Америкой). При этом первый отряд подчинялся непосредственно Адмиралтейств-коллегии¹¹.

2. На Тихом океане: а) достигнуть с Камчатки берегов Америки и по возможности исследовать их, б) найти путь к Японии и исследовать Ку-

рильские острова, в) обследовать берега Охотского моря от Охотска до Амура и Шантарские острова.

3. Описать и изучить природу и народы Сибири и вновь открываемых стран силами Академического отряда.

4. Описать реки к востоку от Байкала с целью отыскать более короткий путь к «Камчатскому морю» (Охотскому морю), минуя Якутск¹².

Сенат в первом же указе от 2 мая 1732 г. предлагал экспедиции соблюдать при сношениях с иностранцами большую осторожность, не раздражать их и не открывать путь к камчатским берегам, чтобы «при нынешнем тамошнем малолюдстве через ту причину не заняли нужных пристаней» (там же, стр. 774). Задания экспедиции следовало держать в секрете, «а для публичного показания» командованию экспедицией и командиру судна, которое пойдет около северных берегов Азии к Камчатке, была дана особая инструкция, в которой говорилось, что Петр Великий, по просьбе Академии наук «для курьезите, посылал осведомиться от своих берегов, сходятся ли берега американские к берегам Азии; но тогда оное в действие не произошло», и теперь императрица повторяет эту попытку (там же, стр. 1010)¹³.

Строгие запреты разглашать сведения были установлены и для профессоров. Вся их корреспонденция должна была поступать в сенатскую канцелярию, где должен был оставаться ее русский перевод, а подлинники должны были отправляться в Академию наук. Им запрещалось что-либо публиковать или разглашать, пока на то не будет дано разрешения, «чтобы в чужих краях прежде здешнего уведано не было» (там же, стр. 1013).

Возможно, именно в связи с нежеланием открывать цели экспедиции из указа 28 декабря 1732 г. исчезло упоминание об установлении торгов, о чем говорилось в предложении В. Беринга и в указе 2 мая 1732 г.

Приводя в ясность задания Второй Камчатской экспедиции, Сенат считал необходимым освободить В. Беринга от всех административных дел, порученных в 1731 г. Г. Г. Скорнякову-Писареву, и указом 2 мая 1732 г. возложенных на В. Беринга.

Какие представления были у современников о целях и значении экспедиции?

Наиболее ясно и полно их выразил И. К. Кирилов в составленной им в 1733 г. записке (Андреев, 1943а).

И. К. Кирилов хорошо понимал значение исследований, которые он называл «оправданием» экспедиции. К ним он относил не только выяснение географического вопроса, есть ли северный проход в Тихий океан, исследование моря от Камчатки до Америки и до Японии, но и разведывание металлов и минералов; он также считал необходимым «разные обсервации астрономические как на земле, так и на воде сделать и подлинную длину и ширину сыскать... историю о древностях и новостях и натуральную сочинить и прочая».

Он ожидал в результате экспедиции территориальных приобретений. В первую очередь его интересовала Америка, где владения России могли бы, по его мнению, достигнуть Калифорнии и Мексики и где Россия современем «ласкою» распространила бы свое влияние, так как «от гишпанцев весьма тамошний народ ожесточен». И. К. Кирилов имел в виду и острова, которые до самой Японии никому не подвластны. «Тож и о Ессе и названной Земли Компании рассуждать надлежит, что все не может миновать российского владения». Кроме того, он считал, что должны открыться обширные возможности для «коммерции». Японцы, конечно, «не отринут здешнего торгу», так как «лучше им из первых рук надобные товары получить, нежели у китайцев перекупные дорожке доставать».

Большое значение должен был, по мнению И. К. Кирилова, приобрести Охотск. «Здесь же перед европейцами, кои ходят в ост и вест Индию, великая выгода, что под экватор подъезжать и солнечной зной терпеть незачем, также и алгорцев и иных морских разбойников бояться не станут». Охотск будет иметь и стратегическое значение.

Но были и другие мнения о целях экспедиции. Для характеристики некоторых из них коснемся интересных проектов организации экспедиции президента Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головина и вице-адмирала Т. Сандерса. В этих проектах в экспедицию на Камчатку предлагалось отправить из Петербурга военные корабли, которые должны были плыть вокруг мыса Горн.

Оба автора проектов рассматривали эту морскую экспедицию, которую следовало ежегодно повторять, заменяя одни корабли другими, как средство поддерживать флот на достаточно высоком уровне и в мирное время. Они придавали также очень большое значение захвату территорий в Америке, по примеру того, как это было осуществлено с большой для себя выгодой Англией, Испанией и Португалией. Помимо этих преимуществ, морская экспедиция, отправляемая прямо из Петербурга, обеспечила бы снижение расходов и быстроту выполнения операций, так как продолжительность морского пути исчислялась в 9—10 месяцев, а продолжительность путешествия через Сибирь с постройкой судов на берегах Тихого океана — примерно в шесть лет.

По проекту Н. Ф. Головина, посланные корабли могут быть использованы для исследований в Тихом океане и поисков Америки, а также помогут снабжению припасами сухопутной экспедиции на Камчатку под командой В. Беринга, которой Н. Ф. Головин придавал большое значение (Дивин, 1953, стр. 70).

Т. Сандерс не упоминает о сухопутной экспедиции, и его проект имеет более военный уклон. Посылка на Камчатку военных кораблей открыла бы, по его мнению, широкие возможности. Кроме захвата земель в Америке и охраны русских владений, можно было бы с их помощью принудить Японию установить торговые отношения с Россией, так как в случае колебаний Россия могла бы угрожать ее судоходству. Кроме того, благодаря удобному расположению Камчатки, можно было бы влиять на государства, морские и торговые пути которых к восточным и южным странам были с Камчатки легко достижимы и могли быть поставлены под угрозу русскими военными кораблями; к числу таких стран Т. Сандерс относил Данию, Швецию, Англию, Голландию, Китай (ЦГАДА, ф. XXI, д. 9, лл. 135—136а).

Как мы уже отмечали, исследования дальних окраин России, в том числе и Восточной Сибири, открывавшие перспективы расширения «коммерции» и больших прибылей, интересовали крупных вельмож, а также встречали сочувствие в кругах зарождавшейся в России буржуазии.

Г. Миллер писал в 1764 г., что «во время... императрицы Анны Иоанновны было намерение превратить казенные (ходившие в Китай.— В. Г.) караваны в компанейский торг, в который, по образцу остиндских компаний в Голландии, Англии и во Франции, определить в капитал некоторое число компанистов, из них каждый купец или другой партикулярный мог бы столько, сколько ему угодно, на себя снять долей и за то положить свои деньги в компанью» (Бантыш-Каменский, 1882, стр. 410).

Свидетельством того, что задания, возложенные на Вторую Камчатскую экспедицию, отвечали чаяниям некоторых кругов предпринимателей, явилось бурное продвижение после ее окончания «партикулярных» лиц на Алеутские острова и берега северо-западной Америки.

Вторая Камчатская экспедиция по тщательности подготовки заданий и ясности поставленных вопросов резко отличалась от более ранних экспедиций в Сибирь. Ее выгодно отличало от них и то, что поставленные перед ней вначале административные задачи были почти полностью исключены. Вместе с тем она сохранила характерную особенность некоторых из предшествовавших ей крупных сибирских экспедиций, заключавшуюся в нагромождении самых разнородных исследовательских заданий, обусловленных стремлением объединить и разрешить все вопросы, накопившиеся в этой области в ведомствах, связанных с Сибирью.

Наряду с тщательной детализацией задач экспедиции практические вопросы, касающиеся ее организации и дальнейшей деятельности, были разработаны далеко не достаточно. Эта экспедиция, выросшая в огромное предприятие, должна была, по существу, снаряжаться в Сибири, так как из Петербурга она везла лишь то, что нельзя было получить или сделать на месте: инструменты, некоторое оборудование, парусину, книги. В Сибири надлежало построить семь судов¹⁴, из них четыре в Охотске (два для плавания к Америке и два для плавания к Японии), одно — в Тобольске и два — в Якутске (для плавания у северных берегов Азии). Кроме того, в разных местах необходимо было построить большое количество речных судов для транспортировки грузов по сибирским рекам через Сибирь. Для постройки этих судов экспедиция должна была не только заготовить и сплавить значительную часть необходимого для этого леса, но и построить около Якутска завод для производства недостающего металлического оборудования, гнать смолу, изготавливать канаты, жечь уголь и т. д. (ПСЗ, т. IX, стр. 67).

Состав экспедиции, который в значительной мере формировался также на месте, непомерно возрос, причем главным образом за счет лиц, выполнявших подсобные работы. Чтобы дать представление об их численности, укажем, например, что А. И. Чириков получил из Якутской провинции весной 1735 г. только для сплава провианта от Якутска до Юдомского Креста 731 человека (Экспедиция Беринга, стр. 192). Лейтенант В. Ларионов, присланный из Петербурга для оказания помощи экспедиции, писал в 1740 г. из Якутска в Адмиралтейств-коллегию, что для работ на перевозках необходимо 1046 человек (там же, стр. 240). Численность непосредственных участников экспедиции, т. е. экипажа судов и членов Академического отряда, достигала примерно 440 человек, но многие из них ехали с семьями¹⁵.

При столь значительном количестве людей, входивших в состав экспедиции и обслуживавших ее, расход продовольствия был очень велик. «На одну экспедицию велено повсягодно, — доносила Иркутская канцелярия, — отпускать муки ржаной 50 000 пуд., круп тысяч по три, тако ж пеньки и прочих припасов немалое число». Получать эти продукты в Восточной Сибири было очень трудно (там же, стр. 365). Всякий недобор уменьшал часть, запасавшуюся для отправляемых кораблей, так как не выделять необходимый минимум продовольствия для обслуживающего персонала было невозможно.

Экспедиция обрастала хозяйственными предприятиями, так как нужно было варить соль (котлы для этого доставлялись из Екатеринбурга), заготавливать оленья мясо, сушеную рыбу, гнать вино из камчатской сладкой травы и т. д.

Местом главного строительства судов для экспедиций по Тихому океану и местом отправления наиболее громоздкой части экспедиции был Охотск; доставлять же туда грузы и продовольствие, как показал уже опыт Первой Камчатской экспедиции, было чрезвычайно трудно¹⁶.

Грузы, доставлявшиеся на небольших судах до устьев рек Майи и Юдомы и даже до Юдомекого Креста, переправлялись далее сухим путем прямо в Охотск или до р. Урак, которая бывала судоходна в течение короткого времени весной и летом после дождей. По Ураку грузы на специальных судах, вместимостью 150—200 пуд. (2,5—3 т), строившихся на «Урацком плодбище», славлялись к морю. Перевозить грузы по сухому пути от Юдомского Креста можно было только при помощи людской силы; другого способа перевозки не было. В 1737 г. людям пришлось «на протяжении шести месяцев пятнадцать раз проделать путь туда и пятнадцать раз обратно и пройти, таким образом, каждому около трехсот немецких миль и притом все время в запряжке на манер лошади» (Ваксель, 1940, стр. 34).

В связи с медлительностью работ по постройке кораблей в Охотске такие перевозки совершались в течение шести лет (1735—1740 гг.), пока, наконец, пакетботы, нагруженные положенным для путешествия в Америку запасом продовольствия, смогли отплыть из Охотска.

Во всех узловых местах этого прежде совершенно безлюдного района — при устьях Майи и Юдомы, у Юдомского Креста, на «Урацком плодбище» — пришлось построить магазины и жилые дома. Производились большие работы по строительству жилых помещений и в Охотске (состоявшем тогда из 13 домов) для команды и мастеровых, строивших суда.

Выполнение всех этих работ требовало чрезвычайного напряжения сил. Вот как описывал В. Беринг состояние команды в Охотске: «Служители претерпевают несносную нужду, и все наги и боси находятся, к тому же без харчу живучи на одном хлебе, как выше предложено, весьма изхудали..., ныне лутчево матроза от худости и от наготы признать не можно, что он матроз, а показывает якобы самой вящей невольник» (Экспедиция Беринга, стр. 225). Таковы были условия, в которых производились возложенные на экспедицию работы.

Однако правительство, а также Адмиралтейств-коллегия имели смутное представление об условиях работы в Сибири, о чем свидетельствуют попытки конкретизации некоторых директив. Например, указом от 28 декабря 1732 г. местным властям предлагалось для обслуживания отрядов, которые должны были обследовать северное побережье Азиатского материка, «объявить везде подле моря кочующим ясачникам и промышленникам, чтобы они о тех шлюпках ведали и во время какой нужды без всякого опасения им помощь чинили, а на устьях речных, где рассудят оные посланные, сделали бы маяки, а в те месяцы, как положат идти, зажигали по ночам» (ПСЗ, т. VIII, стр. 1005). Едва ли нужно объяснять, насколько это было мало выполнимо на пустынных берегах северной Азии, особенно к востоку от Енисея.

Не представляли себе в Петербурге и трудностей, связанных с заготовкой провианта и перевозкой грузов, в указе об этом говорится, как о простом деле: «А что о провианте, та ж Коллегия представляет, дабы на отправляющихся на Камчатку и в Охотск вышеписанных служителей заготовить в Якутске по приложенной росписи, и о том бы послать в тамошние места указы, а из Якутска, для отправления водой надобно построить надлежащее число судов и заготовить к перевозу того же провианта потребные припасы» (там же, стр. 1011).

В ответ на представления В. Беринга и А. И. Чирикова, имевших опыт Первой Камчатской экспедиции, Сенат предложил экспедиции договориться об удовлетворении всех потребностей с тобольским губернатором, иркутским вице-губернатором, якутским воеводой, или самим «иметь заблаговременное рассуждение».

Интересен проект члена Кабинета министров М. Г. Головкина, доложенный в Сенате 3 августа 1733 г., в котором он, напоминая об опыте Первой Камчатской экспедиции, приводит подробные соображения об организации заготовок хлеба, перевозок по рекам, строительстве пристаней и т. д. Но он сводил вопрос к тому, что «о изобретении сих способов к дешевому и к скорому провозу, хотя и писано в указе в Сибирской приказ и к Сибирскому губернатору и в инструкции капитану командору Берингу, однакож кратко» (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 664, л. 295). Он не понимал, что трудность заключалась не в отсутствии достаточно подробных инструкций, а в их осуществлении, которое нельзя было возлагать только на экспедицию.

Говоря об организации экспедиции, следует упомянуть обстоятельство, которое, по мнению А. П. Соколова (1851в, стр. 231), «имело гибельные последствия», а именно ограничение власти начальника экспедиции. В Берингу инструкциями Сената и Адмиралтейств-коллегии предписывалось совещаться не только с А. И. Чириковым, что соответствовало общему порядку того времени, но и с офицерами, а по необходимости обращаться и к академикам¹⁷. В Беринг, за редкими исключениями, выполнял эти указания. Поэтому А. И. Андреев (1943а, стр. 19) с полным основанием утверждает, что ответственность за многие неудачи, случившиеся при проведении экспедиции, особенно в 1740—1741 гг., нельзя возлагать на одного В. Беринга.

Таким образом, в организации этой величайшей экспедиции был ряд существенных недочетов, которые легко могли привести к ее полной неудаче. Если этого не случилось, то только благодаря доблести и героизму большинства офицеров, матросов, солдат и казаков, которые своим трудом и исключительной выносливостью компенсировали организационные дефекты.

Подготовка официальных документов несколько задержалась: инструкции Академии наук по сбору научных сведений были представлены в Сенат 28 ноября 1732 г. Что же касается инструкций на время плавания отрядов и на время пребывания их на суше, то составление первой из них было закончено Адмиралтейств-коллегией 28 февраля 1733 г. (Экспедиция Беринга, стр. 151), а вторая, подготовленная Сенатом, была утверждена им 20 марта 1733 г. (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, лл. 200 и 516).

Отправка членов экспедиции из Петербурга началась в феврале 1733 г. Первым в Сибирь выехал М. Шпанберг в сопровождении 10 человек команды¹⁸. Ему были поручены важные подготовительные работы. Он имел с собой специальный указ Сената от 15 февраля 1733 г. о предоставлении ему помощи местной администрацией.

Но за полтора года успехи М. Шпанберга оказались незначительными. Он сумел более или менее удовлетворительно организовать лишь строительство кораблей в Тобольске и Якутске для плаваний у северных берегов Азии. Корабли были закончены в 1734 и 1735 гг. Наиболее острый вопрос о доставке продовольствия в Охотск, где должны были строиться корабли, остался неразрешенным, так как отправленная им мука (около 40 т) застряла, не доходя до Юдомского Креста. Сам М. Шпанберг, бросив ее, уехал в Охотск. Железо и пенька были заготовлены им для экспедиции в совершенно недостаточном количестве (Экспедиция Беринга, стр. 187—191)¹⁹. Вследствие этого вся тяжесть подготовки экспедиции легла на ее главный отряд, выступивший (без Академического отряда) из Петербурга на подводах 2 марта 1733 г. (там же, стр. 97—99). От Твери он двигался по Волге и Каме, а с наступлением морозов — по саинному пути и 2 декабря

1733 г. добрался до Тобольска. В январе туда же прибыл и Академический отряд, выехавший из Петербурга 3 августа 1733 г.

В Тобольске экспедиция разделилась. В. Беринг понял, что на подготовительные работы потребуется несколько лет, и договорился с членами Академического отряда, что они поедут в Якутск, следуя избранным ими маршрутом. Был выделен также отряд лейтенанта Д. Л. Овцына, который, получив снаряжение и продовольствие, начал 14 мая 1734 г. плавание из Оби к устью Енисея. А. И. Чирикову был поручен весь обоз, сильно выросший после получения в Тобольске материалов, артиллерии, и значительно пополненная в Тобольске команда. Он выступил из Тобольска ранней весной 1735 г. на 70 судах, построенных им в Верхотуренске, и в июне 1735 г. прибыл в Якутск (Экспедиция Беринга, стр. 192). Самые мелкие суда, груженные продовольствием, были тогда же направлены в дальнейший путь, чтобы подвести провиант возможно ближе к Охотску. Однако до Юдомского Креста они смогли пройти только в 1736 г.

Сам В. Беринг с небольшой командой выехал из Тобольска 16 февраля 1734 г., чтобы провести в Якутске те необходимые подготовительные мероприятия, в которых так мало преуспел М. Шпанберг. 23 октября через Тару, Енисейск, Красноярск и Иркутск он прибыл в Якутск.

В Якутске В. Берингу пришлось задержаться, так как он столкнулся с организационными трудностями, не предусмотренными указами. Довольно долгое время успехи экспедиции были очень невелики. В донесении Адмиралтейств-коллегии 5 декабря 1737 г. В. Беринг писал: «До прибытия нашего в Якутск, не токмо в Охоцк, провианта ни единого пуда на служителей не завезено, но и судов для перевозу того провианту, тако ж и магазин на Майской пристани и на Юдоме реке ничего не построено было и работных людей не имелось» (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 24, л. 226 и об.). «И ежели б я ожидал отправления от Якутской канцелярии и от охоцкого правления, а в перевозку провианта не вступил, то всемерно и поныне жили бы празно, и судовому строению и зачину бы не было» (Экспедиция Беринга, стр. 229).

В Якутске, как и в Тобольске, В. Берингу сравнительно легко удалось отправить отряды для исследования северных берегов Азии, выступившие под командованием В. М. Прончищева и П. Лассениуса в плавание уже в 1735 г. Но задачу по снабжению Охотска продовольствием и по строительству там кораблей В. Берингу и А. И. Чирикову удалось разрешить только через 6 лет напряженной работы, производившейся в тяжелых бытовых условиях и в непрерывных столкновениях с местными властями. Вместе с тем приходилось защищаться от упреков Петербурга, не представлявшего всех трудностей этого дела.

Несмотря на большое количество продовольствия, заготовлявшегося для экспедиции, в Охотске удалось запастись 3573 пуд. хлеба (муки, крупы, сухарей) и прочего продовольствия для судов, которые должны были плыть к Японии (там же, стр. 223) только в 1738 г., когда и были отправлены суда, спущенные на воду уже в 1737 г.

Отправка зимой 1736 г. в Охотск А. И. Чирикова для ускорения строительства судов и переезд туда (под давлением Адмиралтейств-коллегии) 5 сентября 1737 г. В. Беринга не привели, конечно, к существенным результатам. Начав в Охотске строительство двух пакетботов для плавания к Америке, после того как были спущены на воду суда для плавания к Японии, В. Беринг и А. И. Чириков закончили эту работу только через три года — в 1740 г. (Ваксель, 1940, стр. 49; Экспедиция Беринга, стр. 99).

Невелики были в первое время и успехи плаваний у северных берегов Азии, так как, кроме Д. Л. Овцына, плававшего из устья Оби к устью

Енисей, остальные отряды терпели большие неудачи. Сенат и Адмиралтейств-коллегия, не видевшие в течение продолжительного времени почти никаких положительных результатов и получавшие многочисленные доносы, все резче выражали свое недовольство развитием дела.

В Сибири вокруг экспедиции сложилась нездоровая обстановка.

Возникло недовольство местных властей, для которых экспедиция создавала большие хлопоты. К тому же далеко не безупречное поведение некоторых членов экспедиции, обвинявшихся в лихоимстве, «курении» вина, торговле китайским табаком и мехами, драках и т. д., создавало повод для жалоб. Большая переписка такого рода связана с именем М. Шпанберга. Возникали доносы членов экспедиции друг на друга. Много доносов относилось к В. Берингу²⁰.

Немалую роль в создании около экспедиции атмосферы недоверия и подозрения сыграл вторично назначенный в 1733 г. начальником Охотского порта Г. Г. Скорняков-Писарев, который должен был помогать экспедиции, но плохо выполнял свои обязанности. Имеющиеся в литературе известия рисуют его опустившимся человеком (Сгибнев, 1869 г., стр. 28—32).

Серьезным поводом для нападков на экспедицию были крупные расходы, связанные с ее длительным пребыванием в Сибири, а также тяжелое положение населения, вынужденного ее обслуживать, что приводило иногда к недовольству, доходившему до восстаний.

При создавшейся неблагоприятной обстановке большую помощь экспедиции оказывала Адмиралтейств-коллегия, которая в основном и защищала ее интересы, так как в Сенате уже не было И. К. Кирилова, который в 1734 г. уехал в Оренбургскую экспедицию.

И. Ф. Головин, стоявший во главе Адмиралтейств-коллегии, как мы видели, был убежден в государственном и научном значении экспедиции. Для участников экспедиции И. Ф. Головин был больше чем официальным руководителем. Опубликованная большая переписка с ним членов экспедиции, начиная от штурмана Ф. А. Минина и кончая В. Берингом, показывает, что они относились к И. Ф. Головину с большим доверием и рассчитывали найти в нем защитника экспедиции и их личных интересов (Экспедиция Беринга).

Правда, некоторые постановления Адмиралтейств-коллегии и принятые ею меры представляются слишком поспешными: например, постановление (31 января 1734 г.), которым В. Беринг был лишен добавочного жалования, или требование о переезде В. Беринга в 1737 г. из Якутска в Охотск, хотя его пребывание в Якутске еще было необходимым. Но эти ошибки были вызваны волной разных обвинений и доносов, поступавших с мест.

Предъявляя настойчивые требования о безусловном выполнении экспедицией порученных ей заданий, Адмиралтейств-коллегия отнюдь не была простым блюстителем буквы закона, она прекрасно ориентировалась в географическом материале и данных морских наблюдений и предостерегала экспедицию от ошибок в ее работе. В 1737 г. она, вопреки представлению В. Беринга о трудности плаваний у берегов северной Азии, подкрепленному мнением офицеров Второй Камчатской экспедиции и профессоров, опиравшихся на историческую справку Г. Миллера, все же решила продолжать эти плавания, опровергнув по существу представленные ей В. Берингом доводы.

Вместе с тем Адмиралтейств-коллегия содействовала устранению многих препятствий, задерживавших работу экспедиции. В 1736 г. она решила просить Сенат снять с должности начальника Охотского порта Г. Г. Скорнякова-Писарева. В 1737 г., получив известие о переезде В. Беринга в Охотск, она просила Сенат назначить в Якутск и Охотск

надежных людей, которые добивались бы от местных властей выполнения указов о содействии экспедиции. Эта просьба, неоднократно повторявшаяся, привела (правда, с опозданием) к отправлению в 1739 г. в Сибирь лейтенантов В. И. Ларионова и Г. Толбухина (Соколов, 1851в, стр. 336).

Адмиралтейств-коллегия приходилось отстаивать интересы и в более сложной обстановке. 25 июля 1738 г. в Кабинет министров поступило сообщение из Сибирского приказа о доносе Г. Г. Скорнякова-Писарева, полученном в октябре 1737 г. В доносе писалось, что от Камчатской экспедиции «до сего никакова приращения интереса не учинено, да и впредь не надеется быть, кроме великих государственных казенных убытков», и «что та экспедиция напросилась в Сибирь ехать только для наполнения своего кармана, в Беринг уже и в Якутку великие пожитки получил». Кабинет министров предложил 19 августа Сенату рассмотреть «общее с Адмиралтейской коллегиею, возможно ли оную Камчатскую экспедицию в действо произвести, дабы от того, хотя б впредь, напрасных казне убытков не было» (Экспедиция Беринга, стр. 83—84).

«Отчет о Камчатской экспедиции», составленный в Адмиралтейств-коллегии 5 октября 1738 г. по требованию Сената, показал, насколько были ошибочны первоначальные представления о стоявших перед экспедицией трудностях и о ее стоимости. При скромных успехах, которые были описаны выше, расход на ее содержание в 1733 г. составил уже около 285 тыс. руб.²¹ Однако Адмиралтейств-коллегия, рассмотрев в декабре 1738 г. этот вопрос, написала в Сенат, чтоб «ту экспедицию действием производить, дабы издержанная па ту экспедицию немалая денежная сумма не могла остаться втуне» (МРФ, 1880, стр. 706—707). Сенат согласился с этим предложением²².

Наиболее опасное для экспедиции время наступило в 1739 г., когда состав Адмиралтейств-коллегии был обновлен и в ней началась борьба между оставшимися в ее составе старыми членами и новыми лицами, приверженцами назначенного на должность вице-президента Адмиралтейств-коллегии Ф. И. Соймонова, который был другом одного из кабинет-министров — А. П. Волынского. В качестве обер-прокурора Сената Ф. И. Соймонов выступал против непорядков в Морском ведомстве, виновником которых считал Н. Ф. Головина. Возник также проект отстранения В. Беринга, пользовавшегося поддержкой Н. Ф. Головина. В Беринга, которого упрекали в медлительности, предполагали заменить М. Шпанбергом (Андреев, 1943а, стр. 22).

М. Шпанберг, желая отгородиться от обвинений в неудачах, предъявлявшихся экспедиции, писал доклады в Адмиралтейств-коллегию (Экспедиция Беринга, стр. 268), в которых выставлял в выгодном свете свою деятельность и не упоминал об оказанной ему помощи²³. Его «гордость и ловкая похвала» создали о нем хорошее представление в Адмиралтейств-коллегии, которая предлагала в 1736 г. заменить им Г. Г. Скорнякова-Писарева (МРФ, 1880, стр. 246—247). Совершенное им в 1738—1739 гг. плавание в Японию, известие о котором было получено в Петербурге в первых числах января 1740 г., конечно, еще более улучшило мнение о нем.

В начале 1740 г. был заготовлен проект указа на имя М. Шпанберга и сочиненный Ф. И. Соймоновым проект инструкции. В этих документах предлагалось поставить М. Шпанберга на место В. Беринга, а последнего отозвать в Петербург (Экспедиция Беринга, стр. 259). Осуществление такого проекта тяжело отозвалось бы на экспедиции, так как ограниченный и грубый М. Шпанберг не был способен вести сложную планомерную организационную работу и не пользовался уважением и симпатиями офицеров и команды²⁴.

После падения А. П. Волынского и ссылки Ф. И. Соимонова в апреле 1740 г. это дело было приостановлено. М. Шпанберг, уже вызванный в Петербург, был установлен курьером, встретившим его 8 июля 1740 г. около г. Кирепска на Лене. Ему предлагалось вернуться в команду В. Беринга; тот же курьер привез предписание В. Берингу представить подробный отчет о ходе экспедиции²⁵.

Этим не закончилось разбирательство вопроса о судьбе экспедиции, так как 9 сентября 1740 г. Адмиралтейств-коллегия слушала присланный из Сената указ «О рассмотрении о камчатской экспедиции, возможно ли оную в действо произвести и о подаче о том коллегии доношения с мнением» (МРФ, 1880, стр. 706—707). Адмиралтейств-коллегия подтвердила свое мнение, представленное в Сенат в 1738 г.

Участники экспедиции, конечно, знали о предложениях по ее реорганизации, и это отзывалось на их моральном состоянии²⁶.

Вот в каких сложных и трудных условиях проходили подготовительные работы к экспедиции.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ОПИСЬ БЕРЕГОВ СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

В то время как В. Беринг и многие другие участники Второй Камчатской экспедиции вели подготовительные работы к плаваниям, рассчитанным на посещение Японии и Америки, ее северные отряды производили обследование северных берегов Евразии²⁷.

Как отмечалось выше, русские в XVI и XVII вв. уже плавали вдоль северных берегов Евразийского материка, обигали, вероятно, п-ов Таймыр и открыли пролив, названный позднее именем В. Беринга. Русские карты береговой линии до устья Енисея и до Югорского п-ова, скопированные голландцем И. Массой не позже 1609 г. (Кордт, 1906)²⁸ и шведом Э. Пальмквистом около 1673 г.²⁹, на которых ясно видны характерные особенности этих мест, подтверждают, что русские уже давно имели более или менее верные представления о берегах северной части Европы и ближайшем отрезке берегов Азии. Но чем дальше на восток, тем изображения становились все более произвольными, как это можно видеть на картах С. У. Ремезова, относящихся к концу XVII в.

Исключительную трудность поисков северо-восточного прохода между Азиатским материком и Америкой признавали и иностранные мореплаватели XVI и XVII вв. Предприняв много подобных попыток и не проникнув далеко вглубь на восток, они в конце концов надолго отказались от плаваний в этих районах.

А. П. Соколов, изучавший по архивным материалам историю плаваний северных отрядов Второй Камчатской экспедиции, пишет: «О северном берегу России, узанном плаваниями казаков по рекам и по морю в течение семнадцатого века, не было у нас никаких достоверных не токмо карт, но и ведомостей, по замечанию адм-коллегии. Поэтому наши мореплаватели отправлялись теперь в края совершенно неведомые. Страна пустынная и холодная, море, наполненное льдами, — таково место действий! Труды и лишения, беспрестанная борьба и почти беспрестанная неудача — такова участь деңтепей! Ни больших выгод им не предвиделось, ни большой славы себе они не могли ожидать. И между тем, исполняя суровый долг, они совершили такие чудные подвиги, каких очепь немного в истории мореплаваний! (Соколов, 1851в, стр. 256).

История отрядов Второй Камчатской экспедиции, плававших в этих районах, может на первый взгляд показаться несколько однообразной.

Но при более близком знакомстве с этими плаваниями нас увлекает героизм, с которым участники отрядов преодолевали величайшие трудности, и упорная настойчивость этих людей, постепенно накопивших опыт, который позволил им после долгих неудач и разочарований достигнуть крупных успехов.

Плавание от Архангельска до Оби

Для первого отряда, подчиненного непосредственно Адмиралтейств-коллегии и имевшего задачей обследование участка от Архангельска до устья Оби, указом 28 декабря 1732 г. предлагалось построить «судно легкое дубель-шлюпку или иное какое заблагоразсудят, дабы ото льду пропасть не могло» (ПСЗ, т. VIII, стр. 1005). Позднее, 5 января 1733 г., Адмиралтейств-коллегия признала необходимым построить не одно, а два судна. Строительство было поручено командиру Архангельского военного порта.

В мае 1734 г. были построены по подряду новоземельскими промышленниками два коча. Эти суда (длиной 16,5 м, шириной 6,4 м) были поворотливы, и их можно было в случае нужды поднимать на лед, но они не могли лавировать под парусами против ветра и имели сравнительно большую осадку (2,4 м) (Соколов, 1851в, стр. 258)³⁰. Из опросов населения выяснилось, что людей, которые знают путь к Оби, в Архангельске и Холмогорах нет. В экспедицию были приглашены наиболее опытные кормщики, ходившие к Югорскому Шару и к Новой Земле. Ценные сведения (о необходимом снаряжении, господствующих ветрах, местах зимовки и т. д.), полученные в результате опросов, были включены Адмиралтейств-коллегией в инструкцию экспедиции. Адмиралтейств-коллегия направила тобольскому воеводе указ о посылке людей для установки маяков. Для снабжения отряда мясом к берегам на пути плавания погнали табун оленей (Белов, 1956, стр. 274—275).

Плодотворная мысль о сочетании плаваний у северных берегов Азии с действиями сухопутных отрядов, выдвинутая уже при разработке проекта Второй Камчатской экспедиции, осуществлялась всеми северными отрядами.

Отряд возглавлял лейтенант С. В. Муравьев, командовавший кочем «Экспедицион», на котором было 26 человек команды. Вторым кочем «Обь», на котором плыло 25 человек, командовал лейтенант М. С. Павлов. Отряду предстояло проплыть берегом от Архангельска свыше 2 тыс. км. В XVI в. мореплаватели сильно сокращали этот путь. Они использовали реки п-ова Ямал, впадающие в Карское море и Обскую губу, перетаскивая суда волоком. Но отряд С. В. Муравьева не мог, конечно, следовать этим путем.

Отсутствие людей и леса на берегах, изобилие мелей, туманы и противные ветры при чрезвычайной краткости навигационного периода (с начала июля до конца августа — начала сентября) затрудняли быстрое выполнение поставленной перед отрядом задачи.

Кочи пошли в плавание из Архангельска 4 июля 1734 г. 10 июля они миновали устье Северной Двины, а в конце июля, пройдя Югорский Шар, уже вышли в Карское море. В том году море было совершенно свободно ото льда, «чему те кормщики и бывалые люди, которые из них уже ходят по 25 лет, весьма удивляютца, ибо и оне от тех льдов всегда имеют нужду и пропадают много» (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, л. 5 об.).

Тем не менее дальнейшее плавание протекало неудачно. Переплыв Байдарацкую губу у 70° с. ш., кочи 31 июля вышли к западному берегу Ямала. К 18 августа поднялись вдоль полуострова до 72° 35' с. ш. Отряд

полагал, что «от устья р. Оби в весьма недалеком расстоянии были». Но сильные встречные ветры мешали продолжению пути на север, к тому же на кочах «лаверовать и на дрейфе лежать от великого волнения ни коими мерами не возможно», а кормщики, знавшие путь лишь немногим далее о-ва Вайгач, оказались бесполезными. Во время пути почти весь экипаж переболел «тяжкими головными, грудными и цынготными болезнями, а паче горячками» (там же, л. 4 об.). На «Экспедиционе» один человек из команды (Мезенцев) умер. Все это заставило С. В. Муравьева повернуть обратно. На зимовку отряд направился к устью Печоры. Часть отряда обосновалась здесь (у д. Кельвицкой) (там же, л. 5 об.)³¹, остальные переправились в г. Пустозерск (с. Нарьян-Мар).

Адмиралтейств-коллегия удовлетворила просьбы С. В. Муравьева об установке маяков, о присылке продовольствия и медикаментов. Кроме того, в отряд были посланы для помощи в составлении карт геодезии прапорщик В. Сомов и геодезист В. М. Селифонтов (МРФ, 1879, стр. 756). Д. Л. Овцын, совершавший одновременно плавание по Оби, переслал С. В. Муравьеву сведения о ее берегах.

В 1735 г. отряд выступил с места зимовья 1 июня. Условия плавания были очень трудными. Сильные ветры задержали кочи в устье Печоры. Достигнув только 15 июля Югорского Шара, мореплаватели увидели, что Карское море заполнено льдами. Только 6 августа, после неудачной первой попытки, они смогли отправиться дальше. Временами приходилось расталкивать льдины шестами. 18 августа кочи разлучились и, двигаясь каждый самостоятельно, поднялись к северу: С. В. Муравьев до широты $73^{\circ} 14'$ и М. С. Павлов до широты $73^{\circ} 21'$, т. е. они были севернее пролива Малыгина, отделяющего о-в Белый от Ямала³².

Когда суда шли к северу и затем обратно мимо северо-западной оконечности Ямала, их видели казаки из отряда, посланного в 1735 г. из Березова для содействия мореплавателям. Можно расценивать лишь как случайность, что плавание осталось безуспешным, так как казаки жгли костры и, по их словам, льды в проливе сильно разредились.

22 сентября суда стали на зимовку в том же месте, где и в предыдущем году³³. С. В. Муравьев и М. С. Павлов отправились в Пустозерск и оттуда послали рапорты о плавании и карту, выполненную геодезистом В. М. Селифонтовым. При составлении этой карты для изображения Югорского Шара, части Карского побережья и Новой Земли были использованы главным образом старые поморские чертежи (Белов, 1956, стр. 278).

Адмиралтейств-коллегия, рассмотрев 8 декабря 1735 г. рапорт С. В. Муравьева, терпевшего неудачу в течение двух лет, назначенных для проведения экспедиции, не стала упрекать его. Вместе с тем она твердо заявила: «Дабы та, врученная ему экспедиция, в совершенство будущим летом произведена была, не отлагая в трудности и в другие времена, ибо без окончания по инструкции в совершенство оной экспедиции, возвращения ему оттуда с командою не будет» (МРФ, 1880, стр. 145—146). Вместо кочей, уже сильно поврежденных, были построены два палубных бота.

С. В. Муравьеву и М. С. Павлову не суждено было плавать в новых условиях. Они ссорились и посылали друг на друга доносы, поступало также много обвинений и жалоб на них со стороны других членов отряда и жителей Пустозерска. Предав их суду, Адмиралтейств-коллегия 28 декабря 1737 г. «за многие непорядочные и нерадетельные, леностные и глупые поступки» разжаловала их в матросы (МРФ, 1880, стр. 321)³⁴.

Начальником отряда в 1736 г. был назначен лейтенант С. Г. Малыгин³⁵, который был послан в Пустозерск для расследования дела С. В. Муравьева и М. С. Павлова.

Адмиралтейств-коллегия на всем протяжении этих сложных плаваний проявляла наряду с твердым требованием выполнения заданий гибкость при выборе способов их проведения. Она предложила С. Г. Малыгину: «Ежели за какую крайней невозможностью в одно лето опой экспедиции во окончание привести или в Тазовскую губу войти будет не можно, то для зимования обыскивать пристойного и безопасного места, не отдаляясь оттуда, где за способнее изобретено будет, и в том ему с общего с прочими офицерами рассуждения поступать как лучше и по исполнению экспедиции способнее заблагоразсудят» (там же, стр. 202).

25 мая 1736 г. С. Г. Малыгин вышел на отремонтированном коче «Экспедицион» вниз по Печоре, но уже через несколько дней судно разбило льдами³⁶. Только к 22 июля он на другом коче («Оби»), пробившись через тяжелые льды, достиг о-ва Долгого, расположенного к юго-западу от Югорского Шара. 8 августа у островов Голец и Матвеев к отряду присоединились боты, вышедшие 22 июня из Архангельска под командованием лейтенантов А. Скуратова и И. Сухотина.

Командование ботом «Первый» (длина 16,7 м, осадка 1,83 м) с 26 человеками команды принял С. Г. Малыгин, а ботом «Второй» (длина 15,2, ширина 4,6 м, осадка 1,68 м) с 24 членами команды — А. Скуратов. Коч «Обь» был отправлен с лейтенантом И. Сухотиным в Архангельск, куда судно, несмотря на открывшуюся течь, прибыло в сентябре. И. Сухотин составил тщательную опись берегов.

Боты только 25 августа смогли выйти в Карское море, где встретили льды. Попытки пробиться к р. Моржовке (севернее островов Шарановы Кошки), где С. Г. Малыгин хотел зимовать, были безуспешны. Достигнув 70° 10' с. ш., отряд повернул обратно. 17 сентября боты были у устья р. Кары, в одном из притоков которой суда зимовали. Отсюда для сбережения продовольствия отряд (за исключением 12 человек) переправился в Обдорск (г. Салехард). Присоединившийся к отряду в Обдорске В. М. Селифонтов сообщил, что он успешно выполнил задание по расстановке маяков по берегу Ямала и, кроме того, провел съемку южной части о-ва Белого. Он представил журнал с 18 рисунками и планами. В 1737 г. весной В. М. Селифонтов был вновь отправлен из Обдорска для продолжения описи этого острова, закончить которую он, однако, не смог из-за недостатка корма для оленей. Еще раз он делал попытку описать о-в Белый летом того же года, но так и не смог пересечь остров (Белов, 1956, стр. 284)³⁷.

Боты вышли с места зимовки 1 июля 1737 г., но из-за льдов смогли пройти в море только 6 июля; 21 июля они были у Мутного залива. Ветер благоприятствовал плаванию, а маяки, установленные В. М. Селифонтовым, давали уверенность в правильности курса. 23 июля боты уже достигли северной оконечности Ямала, где их встретил В. М. Селифонтов. Льдов в проливе не было, но плавание сильно затрудняли мели, туманы и сменяющиеся течения. 17 августа боты вышли из пролива и с попутным ветром поплыли по Обской губе, встречая, как и на западном берегу Ямала, маяки. В устье Оби отряд был встречен казаками. 2 октября боты пришли в Березов, где отряд остановился на зимовку (рис. 15). С. Г. Малыгин поехал из Березова в Петербург и прибыл туда 12 февраля 1738 г.

Оставшиеся в Березове боты были приведены в Архангельск лейтенантом А. Скуратовым с помощью подштурмана М. Головина. Обратный путь был не менее труден, чем путь к Оби, и был закончен в 1739 г. А. Скуратову Адмиралтейств-коллегия поручила составить общую карту пути от Архангельска до Оби.

Характеризуя работы этого отряда, Ф. П. Литке писал: «Нет сомнения, что экспедиция, продолжавшаяся сряду пять лет, могла бы совершить бо-

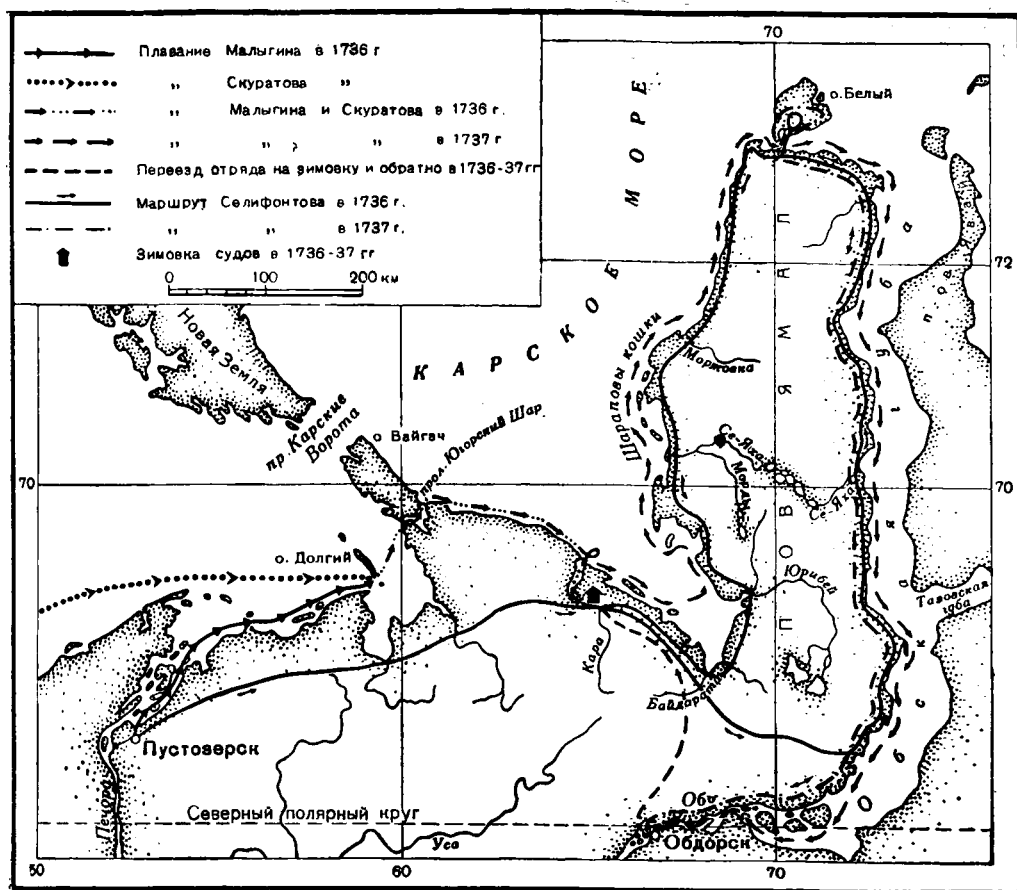

Рис. 15. Плавание отряда С. Г. Малыгина и А. Скуратова к устью р. Оби в 1736—1737 гг.

лее, чем было сделано лейтенантами Муравьевым, Малыгиным и прочими; берега, исследованиям их подлежащие, осмотрены были ими очень поверхностно, за исключением немногих мест, описанных подробно; астрономические наблюдения их были сколь малочисленны, столь же и недостоверны; наблюдения физические были как бы совершенно чуждым для них предметом; но несправедливо было бы отнести это на счет управлявших экспедицией: они исполнили все, что им было возможно; из них, наипаче Малыгин и Скуратов, отличались всеми достоинствами, коим мы удивляемся в первейших и наиболее славимых мореходцах: решительности, осторожности, неутомимости; но препятствия физические были столь велики, а напротив средства им данные столь недостаточны, что более должно удивляться тому, что совершено ими, нежели тому, что не сделано» (Литке, 1828, стр. 90—91).

Отряд составил описи и карты, из которых в настоящее время известны уже упоминавшиеся опись и карта В. М. Селифонтова, опись И. Сухотина, а также копия карты под названием «Меркаторская карта Северного океана с назначением берега от р. Печеры до р. Оби с прилежащими островами и с частью Новой Земли, зделана с карты, сочиненной с описей лейтенантами Малыгиным и Скуратовым в 1737 г.» (Белов, 1956, стр. 287).

Это первая карта п-ова Ямал; очертания южного берега Карского моря перешли с нее на сводные карты.

Описи, карты и другие материалы отряда заложили достоверные основы изучения берегов и морского пути от Архангельска до Оби.

Как сказано в надписи на «Генеральной карте северных и восточных берегов Российской империи...», законченной Морской академией 10 мая 1746 г., этот участок берега Северного Ледовитого океана изображен на ней по описям С. Г. Малыгина и А. Скуратова (Белов, 1956, стр. 336).

Плавание из устья Оби к устью Енисея

Отряды, задачей которых было обследование северных берегов Азии, обеспечивал в первые годы судами и продовольствием В. Беринг. Он назначал командиров этих отрядов и переписывался с местными властями об их нуждах. Начальники отрядов подавали ему рапорты о своих действиях. Во время пребывания В. Беринга в Якутске (1734—1737 гг.) наиболее тесная связь поддерживалась с двумя отрядами, выступавшими из Якутска и плававшими из устья Лены на восток и на запад. После пересзда в Охотск его связь с северными отрядами стала значительно слабее, а затем и совсем оборвалась. Уже в 1738 г., отправляя Х. П. Лаптева начальником отряда, плававшего от устья Лены на запад, на место погибшего В. М. Прончищева, Адмиралтейств-коллегия наряду с указом В. Берингу об удовлетворении требований Х. П. Лаптева, дала разрешение последнему самостоятельно требовать у местных властей подвод, конвой, провиант.

Плавания из устья Оби до устья Енисея, возможно, совершались и ранее, но достоверных известий об этом не сохранилось. Торговые и промышленные люди ходили в старину обычно по Оби только до Тазовской губы, пройдя которую до р. Таз, переваливали на Енисей по рекам и волокам. Обская губа, которая имеет протяжение около 750 км, была не исследована. При ее большой ширине (50—70 км) и мелководье определение фарватера представляло огромные трудности и сильно задерживало плавание. Болотистые берега были необитаемы и труднодоступны.

Начальником отряда, который должен был плыть до устья р. Оби и далее к востоку до устья Енисея, был назначен лейтенант Д. Л. Овцын, приехавший вместе с В. Берингом в 1733 г. в Тобольск из Петербурга. Отряд, состоявший из начальника отряда и 55 человек команды, включая штурмана Д. В. Стерлегова, геодезиста М. Ушакова, откомандированного В. Берингом из Академического отряда, и геодезии ученика М. Г. Выходцева³⁸, должен был плыть на двухмачтовой дубель-шлюпке «Тобол» (длина 21 м, ширина 4,8 м, осадка 2,1 м) (Соколов, 1851в, стр. 274—275).

Плавание отряда довольно долго оставалось малоуспешным. Он выступил из Тобольска 14 мая 1734 г. (ЦГАДА, ф. Сепата, кн. 669, л. 14 об.). Только 11 июня «Тобол», сопровождаемый дощаниками с провизией, на которых, начиная от Березова, ехали 84 служилых для охраны, достиг Обдорского острожка (г. Салехарда).

В урочище Семиозерном, на правом берегу Оби в 60 км ниже ее устья, были выгружены запасы продовольствия³⁹. Несколько позже Д. Л. Овцын погрузил на дубель-шлюпку провиант, предназначенный для плавания, и отправил обратно дощаники, которые с трудом могли плыть из-за волнения.

Продвижение «Тобола» к северу продолжалось до 5 августа. К этому времени дубель-шлюпка, плывшая то у правого, то у левого берега, оказалась на широте 70°4'. В последние дни плавания отряду попадались тюлени, а по берегу — мертвые моржи.

Позднее время, поломка руля и якорей, отсутствие сведений о том, где кончается губа, и близость зимы побудили Д. Л. Овцына после совета с офицерами повернуть обратно. В Обдорск отряд прибыл 4 сентября.

Плавание 1735 г. было еще менее удачным, так как Обь вскрылась очень поздно. Выйдя из Обдорска 29 мая (Соколов, 1851в, стр. 276—277), «Тобол» через некоторое время попал в ледяной затор, и иногда приходилось подолгу ожидать, когда его взломает ветром. Спустившись, наконец, к 10 июля до $68^{\circ}40'$ с. ш., отряд оказался у неподвижного льда. 38 человек из экипажа были больны цынгой, 4 человека уже умерли, тяжело болел и сам Д. Л. Овцын. 18 июля, «консилиум» офицеров решил плыть обратно. Поскольку плавание должно было быть закончено за две кампании, судно направилось прямо в Тобольск, которого достигло 5 октября (Белов, 1956, стр. 292—293).

Оправившись от болезни, Д. Л. Овцын поехал в Петербург с докладом. По его докладу Адмиралтейств-коллегия 12 января 1736 г. решила построить в Тобольске еще одно судно — бот с палубой. Были выделены дополнительные люди, в том числе штурман Ф. А. Минин и мастер флота (старший штурман) И. Н. Кошелев. Но Д. Л. Овцыну, как и С. Г. Малыгину, было сказано, что «без окончания по инструкции в совершенство оной экспедиции возвращения оттуда ему с командою не будет» (МРФ, 1880, стр. 183).

Вернувшись в Тобольск, Д. Л. Овцын, не дожидаясь окончания постройки бота, отправился 23 мая 1736 г. в третий раз в плавание на том же «Тоболе». Среди 50 человек экипажа были штурман Ф. А. Минин, подштурман Д. В. Стерлегов и геодезии ученик М. Г. Выходцев. Присоединившийся к экспедиции в начале 1735 г. геодезии ученик Ф. С. Прянишников продолжал начатые им исследования южного берега Тазовской губы. Заболевший же М. Ушаков был отправлен Д. Л. Овцыным в распоряжение В. Беринга.

5 августа отряд достиг $74^{\circ}40'$ с. ш., т. е. был почти у выхода из Обской губы в море, здесь он был остановлен сплошными льдами. (Посланные берегом казаки с оленями не могли быть полезными, так как им преграждала путь Тазовская губа). Продержавшись здесь 10 дней, Д. Л. Овцын повернул обратно «за великими на куршы к норду льдами и за опасением краткости в лете времени к возвращению для спасения судна и людей» (МРФ, 1880, стр. 309). Судно зимовало в Обдорске, сам же Д. Л. Овцын — в Березове. Здесь он познакомился с семьей ссыльных князей Долгоруких, что привело впоследствии к большому для него неприятностям.

Лето 1737 г., позволившее из-за отсутствия льдов отряду С. Г. Малыгина обойти п-ов Ямал, благоприятствовало и Д. Л. Овцыну, который тщательно готовился к новому походу, посылая сухопутные отряды для исследования берегов.

5 июня 1737 г. И. Н. Кошелев привел к Обдорску вновь построенный палубный бот, названный «Обь-почталъон» (длина 18,3 м, ширина 5,2 м и осадка 2,3 м). Д. Л. Овцын принял его под свое командование, а дубель-шлюпку передал И. Н. Кошелеву. На каждом судне было по 35 человек команды. 29 июня суда вышли в плавание и, двигаясь то вдоль западного, то вдоль восточного берега, 6 августа достигли северной оконечности п-ова Явай у мыса «Турасоль» (Туры-Сале, $72^{\circ}46'$ с. ш.). Они находились у входа в Гыданский пролив. Из-за небольших глубин Д. Л. Овцын не решил войти в него и пошел к северу. 7 августа вечером на широте $74^{\circ}02'$, находясь в открытом море, участники отряда увидели впереди льды, сковавшие море на неозримом пространстве и на севере и на западе.

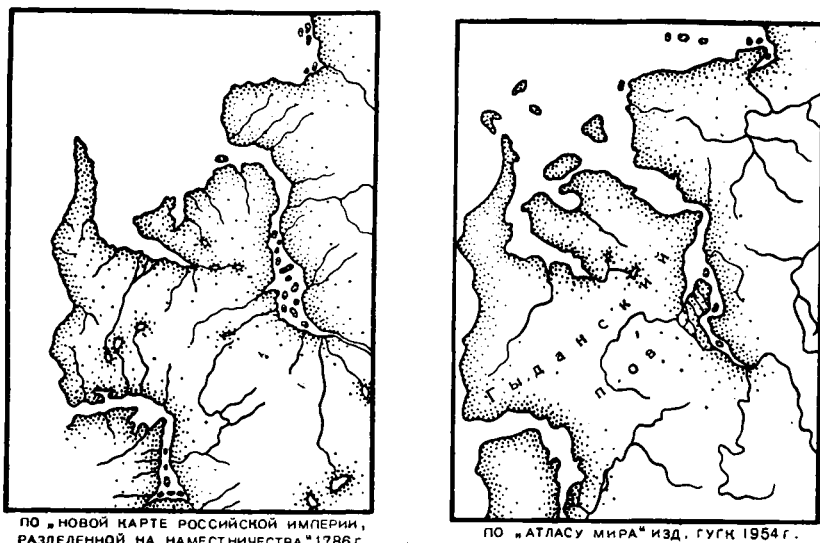

Рис. 16. Схема изображений Гыданского полуострова на «Новой карте Российской империи...» 1786 г. и карте из «Атласа мира» 1954 г.

Толщина льда достигала 2,4—2,7 м, глубина моря примерно 25,6 м (Соколов, 1851в, стр. 282—283).

Суда пошли обратно и 10 августа были задержаны противным ветром у о-ва Шокальского. Посланный на берег штурман Ф. А. Минин, возвратившись, доложил, что берег ровный, невысокий, поблизости есть шесть озер, соединенных речкой, впадающей в море, много гусей, уток и чаек. Он видел слепей и белого медведя. Земля везде «тундренная» и деревьев нет. 16 августа суда обогнули землю с севера на широте $73^{\circ}15'$, где был поставлен маяк (там же, стр. 283).

Карта плавания 1737 г. Д. Л. Овцына у берегов Карского моря не опубликована, но из сводной карты Морской академии 1746 г., для которой были использованы данные Д. Л. Овцына и И. Н. Кошелева, видно, что, огибая с севера о-в Шокальского, Д. Л. Овцын принял его за северное окончание несуществующего полуострова, который, как ему казалось, располагаясь восточнее п-ова Явай, протягивается параллельно, образуя восточный берег залива, в который впадает р. Гыда. Входом в этот залив якобы являлся пролив между о-вом Шокальского и северной оконечностью п-ова Явай. Далее до Енисейского залива Д. Л. Овцын напес еще два залива, соответствующие Гыданской и Юрацкой губам. Таким образом, на его карте оказалось, вместо двух, три залива (Колесников, 1940, стр. 43—44)⁴⁰.

Эта ошибка встречается также на картах Академии наук 1745 г. и Г. Миллера 1754—1758 гг. Она сохранялась и на позднейших картах, пока почти через 200 лет (1922—1923 гг.) посещение района Гыданского залива промысловой экспедицией Комитета Северного морского пути на шхуне «Агнесса» не позволило ее исправить (там же, стр. 49). Интересно, что на некоторых картах конца XVIII и начала XIX в.⁴¹ показано не три, а два залива, но это изображение, история возникновения которого неясна, не укоренилось в картографии того времени (рис. 16).

31 августа мореплаватели подошли к устью Енисея, которое, по их определению, располагалось на широте $71^{\circ}50'$. Здесь их ожидал геодезист Ф. С. Прянишников. Пройдя еще около 300 верст, бот Д. Л. Овцына 2 октября был застигнут морозом около г. Туруханска в устье р. Ангутихи. Ду-

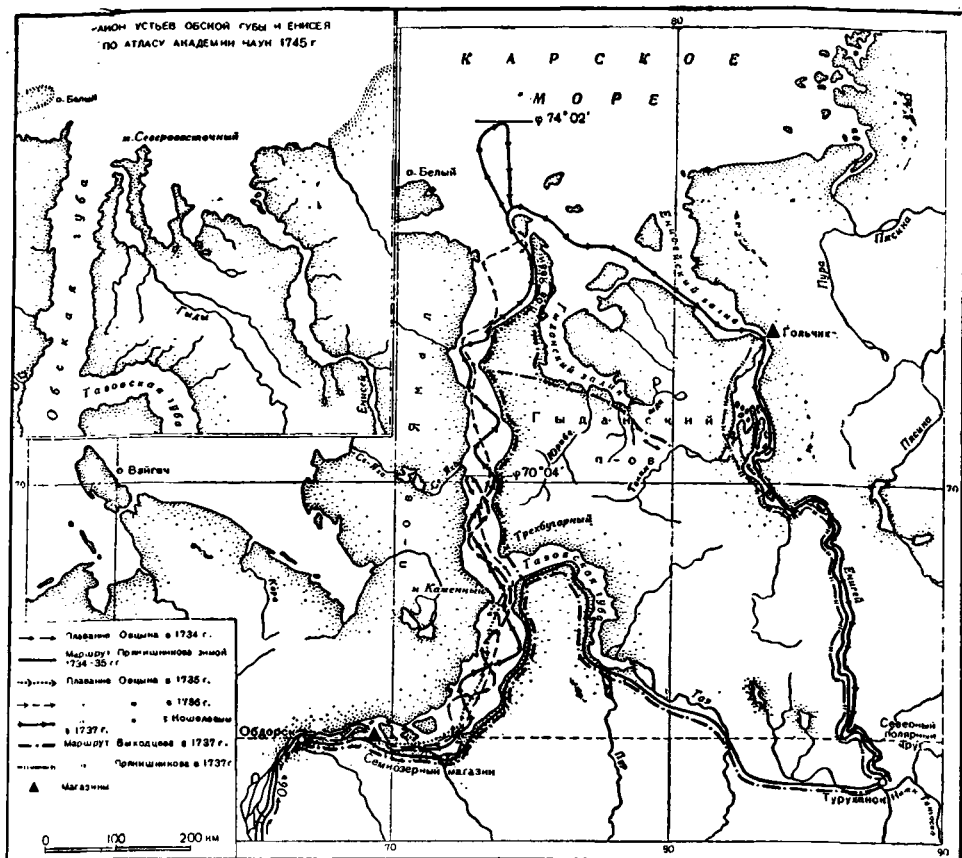

Рис. 17. Плавание от устья Оби к устью Енисея и сухопутные маршруты отряда Д. Л. Овцына 1734—1737 гг.

бель-шлюпка «Тобол» остановилась несколько севернее, у устья р. Де-нежкиной.

В результате четырехлетних упорных трудов отряд выполнил свою задачу (рис. 17). В Енисейск Д. Л. Овцын с дубель-шлюпкой прибыл 21 июля 1738 г. Но в Петербург с отчетом Д. Л. Овцыну попасть не пришлось, так как в пути (в Tobольске) он был неожиданно арестован за сношение в Березове с князьями Долгорукими. За этим последовало разжалование его в 1739 г. и передача в распоряжение В. Беринга в качестве матроса (Общий морской список, ч. 2, стр. 298) ⁴².

Успеху экспедиции энергичного и талантливое Д. Л. Овцына немало способствовала деятельность посылавшихся им и Сибирской губернской канцелярией вспомогательных отрядов на лодках и на оленях в течение всего времени, пока основной отряд вел исследования. Они должны были встречать корабли С. В. Муравьева и А. Скуратова или содействовать отряду Д. Л. Овцына своими исследованиями Обской губы, ее берегов, берегов моря и Енисея, ставить маяки, производить съемки местности, вести наблюдения за направлением ветров, сроком вскрытия реки ото льда и т. д.

Среди вспомогательных отрядов следует особо отметить отряд казачьего десятичника П. Лапотникова, совершившего в 1735 г. выдающийся поход. Продвигаясь по западному берегу Обской губы, он достиг северной:

оконечности Ямала, а потом, переправившись несколько южнее по льду через губу, направился к северу также и по ее восточному берегу (Яников. Великая северная экспедиция. Канд. диссертации. Рукопись. Гос. биб-ка им. В. И. Ленина, 1953, стр. 169—170). Немного не дойдя до северного конца Явая, он послал вперед двух казаков, поставивших знаки на западном и восточном берегах полуострова.

Большие и важные работы по изучению района были выполнены геодезистами. Ф. С. Прянишников между 9 июня 1735 г. и 16 февраля 1736 г. частью на лодке, частью на оленях совершил путь от устья Тазовской губы по ее южному берегу и по р. Таз до Мангазеи (г. Туруханск), произведя маршрутную съемку. Пройдя Тазовское зимовье, он подвергся нападению сопровождавших его ненцев и остался без продовольствия и вещей.

В 1737—1738 гг. Ф. С. Прянишников и М. Г. Выходцев, все время выполнявшие разные поручения Д. Л. Овцына, произвели новые большие исследования (там же, стр. 189, 198, 202). Д. Л. Овцын предложил Ф. С. Прянишникову, двигаясь от Енисея, а М. Г. Выходцеву — от Оби, обойти морской берег между этими реками и описать его. М. Г. Выходцев, выступивший из Обдорска 4 января 1737 г., был 24 июля на широте $72^{\circ}51'$ (считая по пройденному пути), пересек п-ов Явай и, следуя по берегу Гыданской губы и вверх по р. Гыде, 17 сентября достиг среднего течения р. Таномы. Не получая никаких сведений о продвижении Д. Л. Овцына, он повернул обратно по прежнему маршруту. В урочище Семиозерном М. Г. Выходцев узнал, что Д. Л. Овцын в Туруханске; 23 декабря М. Г. Выходцев отправился в Туруханск и прибыл туда 19 марта 1738 г., подвергнувшись в пути ограблению. В 1738 г. он выполнил по поручению Д. Л. Овцына съемку между Енисейском и Самаровским ямом (г. Ханты-Мансийск).

Ф. С. Прянишников в начале 1737 г. прошел от Енисея на оленях по берегу Гыданского п-ова до губы Каменной и затем повернул обратно к западному берегу Енисейского залива, где и встретил суда Д. Л. Овцына. Об этом его путешествии сведения неясны. Из Мангазеи, куда Ф. С. Прянишников прибыл вместе с отрядом, он был отправлен к устью Оби, чтобы описать ее и Иртыш до Тобольска. Сведений о выполнении им этого поручения нет.

Донесения вспомогательных отрядов, описи и карты геодезистов дали ценный материал о территории по нижнему течению Оби и Енисея. В связи с этим значение экспедиции Д. Л. Овцына выходит за рамки поставленной перед ним задачи — изучения морского пути из Оби в Енисей.

Обработку материалов отряда Д. Л. Овцына попытался осуществить И. Н. Кшелев, который, прибыв в 1739 г. в Петербург, подал при рапорте в Адмиралтейств-коллегию сочиненное им «Краткое описание против зее (морских. — В. Г.) карт от г. Тобольска реками Иртышем, Обью, Обским проливом и Северным морем окіяном и р. Енисеем с указанием курсов и расстояния и широты и длины, какие показывают народы, с описанием природы» (Белов, 1956, стр. 296).

Плавание из устья Енисея к востоку

Д. Л. Овцын, производивший, как мы видели, обширные исследования территории, решил ознакомиться также с берегами к востоку от Енисея. Поэтому перед отъездом из места зимовки в Енисейск он поручил штурману Ф. А. Минину плыть до р. Хатанги, т. е. обогнуть п-ов Таймыр с запада на восток, описывая берега, леса, обитающих там жителей (Яников. Великая северная экспедиция, 1953, стр. 211).

Неизвестно, насколько ясно понимал Д. Л. Овцын всю сложность этой

новой задачи, поставленной им перед отрядом. Мотивы, приведенные им Адмиралтейств-коллегии в объяснение его решения, показывают, что он не представлял себе географию мест, которых должен был достигнуть Ф. А. Минин. Эти мотивы сводились к тому, что для «сочинения плавания их зейкарты» необходимы сведения о многих местах на р. Енисее, до какого градуса к северу доходит правый берег реки «и где заворотился оный к осту и о других принадлежностях». Для этого он не мог бы потребовать плавания до р. Хатанги, если бы знал ее действительное расположение. Адмиралтейств-коллегия утвердила 17 апреля 1739 г. это решение (МРФ, 1880, стр. 677) ⁴³.

Ф. А. Минин был менее предприимчив, чем другие начальники отрядов, исследовавших северные берега Азии; ему не удалось справиться с поставленной перед ним исключительно трудной задачей.

Первый раз переданный под его командование бот «Обь-Почталюн» выступил из Туруханска 4 июля 1738 г. с экипажем в 27 человек (Соколов, 1851 в., стр. 285; Яников, Великая северная экспедиция, 1953, стр. 212) ⁴⁴, в числе которых был и подштурман Д. В. Стерлегов. Устья Енисея мореплаватели достигли только 3 августа. Обогнув мыс Северо-восточный (несколько севернее о-ва Диксона), 16 августа «пришли в острова, которых весьма множество, и оные в ширине $73^{\circ}07'$, а впереди на курш наш, тако ж и меж N и W и на W стояли льды все беспрерывные» (Экспедиция Беринга, стр. 312). После нескольких безуспешных попыток пройти среди льдов Ф. А. Минин 22 августа послал к востоку на ялботе Д. В. Стерлегова, который продвинулся примерно на 40 верст до высокого мыса на $73^{\circ}14'$ с. ш. и увидел оттуда, что земля протягивается на восток, а кругом лежат сплошные неподвижные льды, через которые невозможно пробиться.

Из-за усилившихся морозов и невозможности продвинуться вперед Ф. А. Минин решил 30 августа плыть обратно. Против стоянки корабля он поставил на материке доску с надписью: «1738 г. августа 23 дня мимо сего мыса, именуемого Енисея Северовосточного, на боту Оби-Почталюне от флота штурман Федор Минин прошел к осту оной в ширине $73^{\circ}14' N$ » (Яников, 1949, стр. 68).

Отправившись обратно, Ф. А. Минин не успел дойти до Туруханска и 19 сентября остановился на зимовку «против зимовья Исакова, Терехипс тож, которое в ширине $70^{\circ}27'$ » (Экспедиция Беринга, стр. 313).

Пребывание зимой в Исаковом зимовье предрешило неудачу плавания летом 1739 г., так как Ф. А. Минин был вынужден сначала идти к югу до Туруханска за продовольствием и смог отправиться к северу только 31 июля. Продвинувшись к концу августа лишь до $72^{\circ}09'$ с. ш. в южной части Елисейского залива, он повернул обратно и 1 октября достиг устья р. Ангутинки недалеко от Туруханска (МРФ, 1882, стр. 12). В 1740 г. Ф. А. Минин решил попытаться провести сухопутное исследование берега для установки маяков и оказания помощи двигавшемуся от Лены к Енисею отряду Х. П. Лаптева, от которого он получил зимой письмо. Д. В. Стерлегов, отправленный Ф. А. Мининим 27 января 1739 г. на собаках с заданием достичь «р. Таймуры», сделал опись берега до мыса, расположенного, по его «обсервации» на $75^{\circ}26'$ с. ш. (Соколов, 1851 в., стр. 287) ⁴⁵. На мысе был поставлен маяк. Отсюда Д. В. Стерлегов повернул обратно, так как в конце этого очень трудного пути у него и его спутников очень сильно разболелся глаз. Достигнутая Д. В. Стерлеговым широта была крайним пределом продвижения отряда Ф. А. Минина. К устью Енисея Д. В. Стерлегов вернулся 29 мая 1740 г. (Яников, 1949, стр. 72).

В начале июля того же года Ф. А. Минин вышел в плавание с намерением обойти вокруг п-ова Таймыр. 11 августа был достигнут мыс Северо-

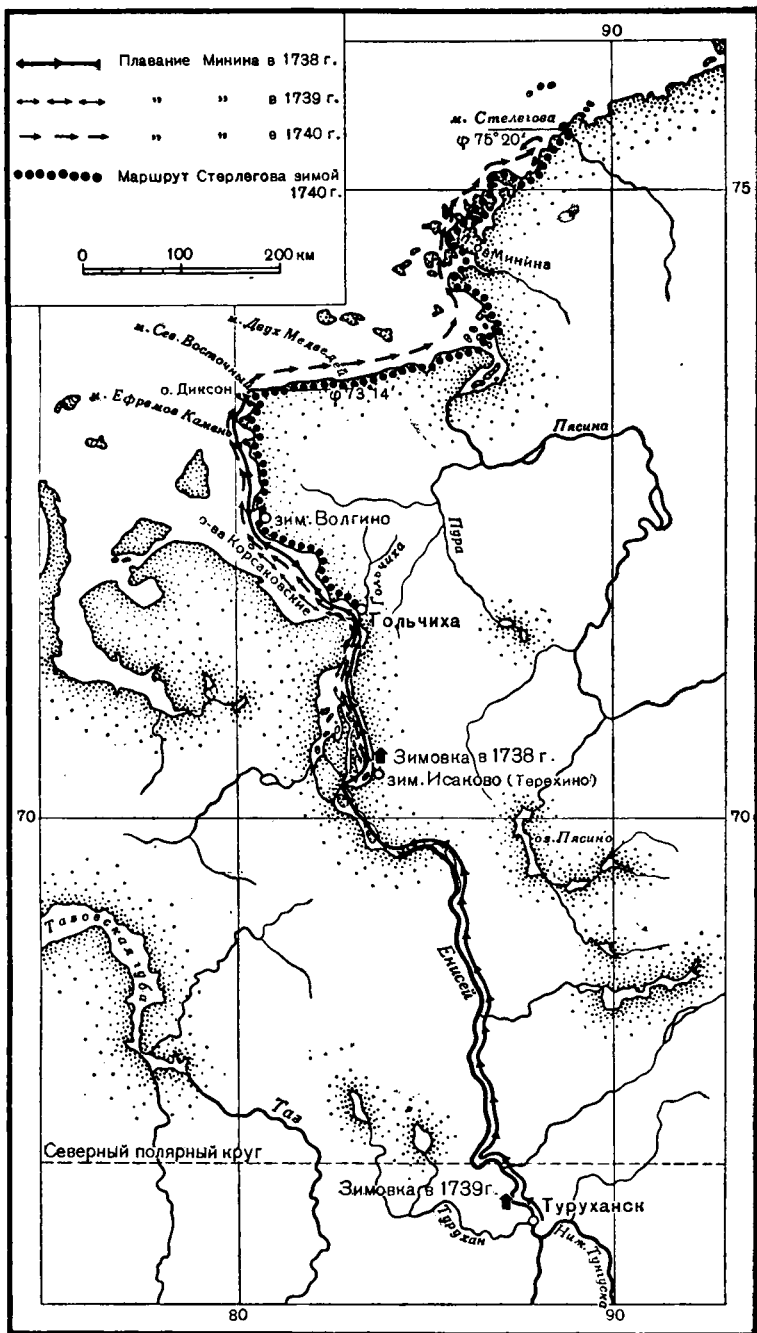

Рис. 18. Плавание Ф. А. Минина на восток от устья р. Енисея и маршрут Д. В. Стерлегова по берегу Таймырского п-ва. 1738—1740 гг.

восточный, где море было свободно ото льда. Отсюда бот поплыл при попутном ветре на восток и далее на север до $75^{\circ} 15' \text{ с. ш.}$, где встретил сплошные льды, и 21 августа был вынужден повернуть назад. 27 сентября бот был втянут для зимовки в р. Дудишку (рис. 18).

Адмиралтейств-коллегия была мало удовлетворена ходом исследований Ф. А. Минина в 1738—1739 гг. В 1740 г. она упрекала его в том, что неуспех плавания «не от иного чево, как от нерадения его Минина чинится» и предложила ему отвести бот в Енисейск и сдать местной администрации, а самому ехать в Петербург (МРФ, 1882, стр. 12—13). Ф. А. Минин отправил в августе из Енисейска отчет с Д. В. Стерлеговым.

Еще раз Ф. А. Минин вышел в плавание 10 июня 1742 г. из Енисейска. Можно предполагать, что он собирался выполнить порученное ему задание, так как взял запас продовольствия и жалованье для команды на весь следующий год. Но 29 июля у мыса «Толстый Нос» продвижение его отряда было приостановлено приказом Х. П. Лаптева, который, прибыв после отъезда Ф. А. Минина в Енисейск, узнал, что Адмиралтейств-коллегия 24 сентября 1741 г. и вторично 17 марта 1742 г. вынесла решения, которыми поручала ему рассмотреть деятельность Ф. А. Минина и в случае необходимости взять на себя руководство его отрядом (Экспедиция Беринга, стр. 285—286, 400—401).

Учитывая результаты своего похода и представляя всю трудность плавания от Енисея до Хатанги, Х. П. Лаптев не считал нужным возобновлять попытки плавания из устья Енисея для достижения Лены.

По возвращении в Петербург Ф. А. Минин по жалобам на него команды был отдан под суд и разжалован на два года в матросы (Соколов, 1851в, стр. 290).

В результате исследований Ф. А. Минина и Д. В. Стерлегова были собраны ценные сведения о берегах к востоку от устья Енисея. Описание берегов, произведенная ими во время плаваний, не потеряла своего значения и после того, как Х. П. Лаптев прошел часть того же берега (от мыса Стерлегова до р. Пясины) сухим путем. Но результаты плаваний Ф. А. Минина были менее значительны, чем результаты исследований других отрядов. Характерно, что известия Ф. А. Минина не упоминаются в числе источников, использованных при составлении карты Морской академии 1746 г. и на ней нет его подписи, хотя Ф. А. Минин представил в Адмиралтейств-коллегию карту плавания (Белов, 1956, стр. 301).

Плавания из устья Лены на запад к устью Енисея и на восток к Камчатке

Наиболее трудные задачи предстояло разрешить отрядам, которые должны были идти на запад и на восток от устья Лены. Исследования этих отрядов производились в два этапа с трехлетним перерывом, так как требовалось вмешательство Адмиралтейств-коллегии, чтобы рассеять впечатление о нецелесообразности дальнейших плаваний, создавшееся у участников после первых серьезных неудач.

Начальником отряда, отправлявшегося на дубель-шлюпке «Якутск» (длина 21,4 м, ширина 5,5 м, осадка 2 м) к западу от устья р. Лены, В. Беринг назначил лейтенанта В. М. Пропчищева. В его распоряжении было около 50 человек команды, в том числе подштурман С. И. Челюскин, геодезист Никита Чекин (направленный из Академического отряда), квартирмейстер и лекарь (Соколов, 1851в, стр. 290; Яников, Великая северная экспедиция, 1953, стр. 239). Кроме того, с В. М. Пропчищевым ехала его жена Мария Прончищева.

29 июня 1735 г. «Якутск» вышел вместе с ботом «Иркутск», имевшим задачу исследовать берега на восток от Лены. Не найдя прохода в западной протоке (Крестецкой) устья Лены, «Якутск» вышел в море через восточную протоку (Быковскую) и, выждав благоприятный ветер, 13 августа пошел в море. К 25 августа он был у устья р. Оленек, где В. М. Прончищев решил зимовать из-за позднего времени и открывшейся в судне течи.

В 1736 г. из-за льдов в устье р. Оленек отряд смог выйти в плавание только 1 августа. Дойдя до устья р. Анабары, В. М. Прончищев послал геодезиста и других людей для «описания и осмотра руды, которая была объявлена здешними обывателями» (Соколов, 18516, стр. 11). Это задержало экспедицию до 10 августа. К Хатангскому заливу «следовали между льдами с великою опасностью» (Экспедиция Беринга, стр. 158). Широта найденного прохода в Хатангский залив была, по определению В. М. Прончищева, $74^{\circ} 09'$.

После исследований Н. А. Бегичева, проведенных в 1908—1913 гг., стало известно, что посередине входа в Хатангский залив есть остров, и, таким образом, к северу и югу от него расположены проливы.

Однако В. М. Прончищев и последующие мореплаватели до Н. А. Бегичева знали только один северный пролив, который и изображен на старых картах; на месте южного пролива на них показан берег полуострова. Широту достигнутого им северного пролива В. М. Прончищев, по-видимому, сильно занизил⁴⁶, так как она близка к действительной широте южного пролива.

Дойдя к 18 августа до залива Фаддея, отряд принял его за устье реки, «которая по слуху тамошних жителей и мы надеемся быть Таймуре» (в действительности устье Нижней Таймыры расположено к юго-западу от мыса Челюскин)⁴⁷.

От «р. Таймуры» «подошли великие острова» (Экспедиция Беринга, стр. 158), между которыми и берегом залива был «стоячий» лед. «Якутск» стал огибать его, отклоняясь в море. Вдали от берега виднелись высокие горы.

Описание плавания «Якутска» в этом районе содержится в рапорте С. И. Челюскина от 24 сентября 1736 г.: «И пришли к той реке Таймуре августа 18 дня и от той реки возле льдов в море пошли, чтоб их обойти, и нашел великий туман; не видали ни берегу, ни островов, токмо шли около тех льдов миль с тридцат и оные лды нас повели в север, и был великой туман и многократно, обрасопа парусы, бросали лот; токмо целым дипломатом сто двадцат сажен земли не достали и оные лды очень глаткия и по нашему мнению мним, что их и не ломает..., и от севера уже оны лды нас отводить стали. И шли на пордост и в великой были опасности и, как стал туман подыматца, то увидели впереди себя и по обе стороны лды великие. Которые были по левую сторону от берегу, те стоят, а которые в море видены и перед нами, тех обстоятельно признать было не возможно, стояли оные или их носит; токмо которые в море близ нас были лды ис тех видели, что носит, однако, так часто, что не токмо дубель-шлюнке, ни лотке пройтти было нельзя. А берег остался и не видеть было» (ЦГА ВМФ. ф. 216. д. 24, л. 38 и об.). В это время они находились на $77^{\circ} 29'$ с. ш.⁴⁸, т. е. почти у широты мыса Челюскина ($77^{\circ} 44'$ с. ш.), вдали от берега.

Едва ли можно найти что-либо более ясно рисующее мужество отряда В. М. Прончищева, чем этот короткий рассказ о плавании маленького «Якутска» 18 августа за 77-й параллелью.

Кроме описанных тяжелых для «Якутска» условий, дело осложнялось тем, что В. М. Прончищев уже с самого выхода из р. Оленек болел цингой, принявшей тяжелую форму. Были больны и некоторые члены команды.

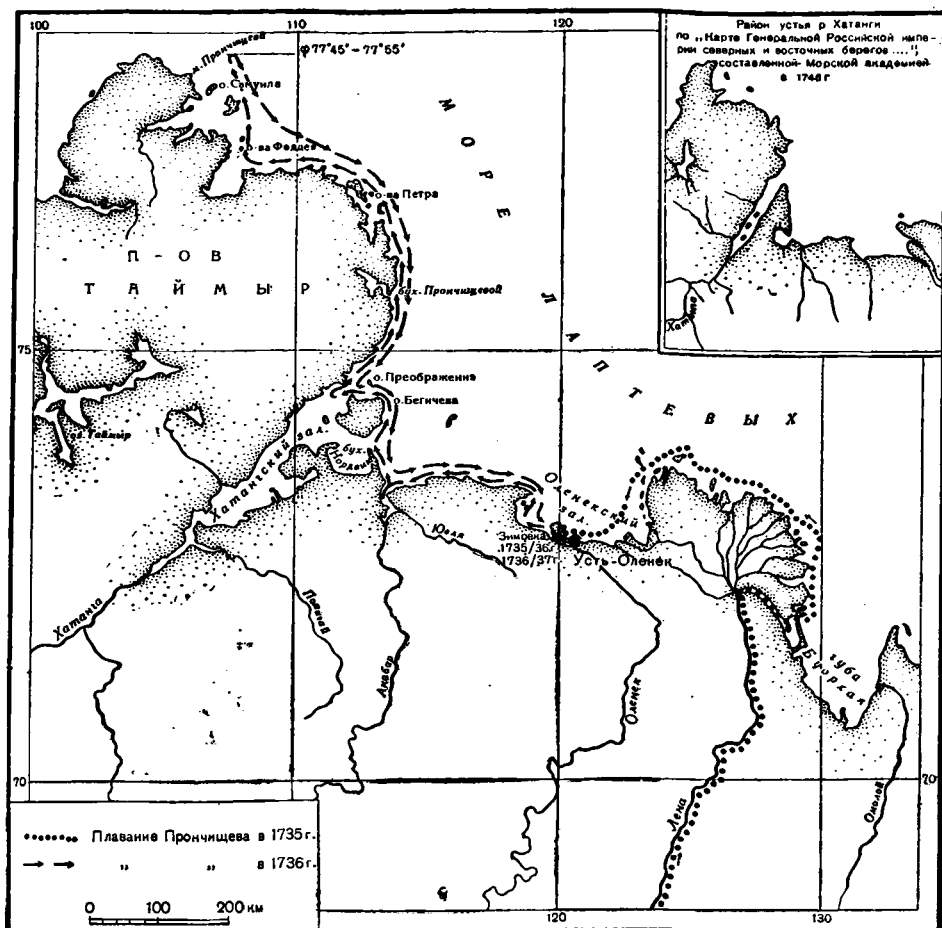

Рис. 19. Плавание В. М. Прончищева к западу от устья р. Лены в 1735 и 1736 гг.

19 августа 1736 г. В. М. Прончищев собрал совет с участием боцманмата В. Медведева, «подконстапеля» В. Григорьева, штурмана С. Челюскина, геодезиста Н. Чекина. Совет решил: «В тракт наш иттить не возможно, что великие льды не пропускают; того ради наша мнения, что надлежит ныне возвратитца назад и следовать к жилым местам» (там же, л. 314).

Когда бот был близ губы, «в которую оная река Таймура выпала, ветр затих и стало быть тихо и в то время был мороз престоки, от которого морозу по всему морю покрылось море льдом, чего ради шли на гребле и насили веслами оной лет могли разбивать, и около судна и перед носом великой от лда шум» (там же, л. 310). Отсутствие ветра в этих условиях особенно затрудняло движение.

29 августа бот подошел к устью р. Оленек (рис. 19). Как раз в этот день скончался В. М. Прончищев, а 11 сентября за ним последовала его жена (Соколов, 1851в, стр. 295)⁴⁹.

После смерти В. М. Прончищева в исследованиях берегов северной Азии от устья Лены к Енисею наступил перерыв. Чтобы понять причину этого, следует рассмотреть события, происходившие в отряде, который должен был плыть к востоку от Лены на боте «Иркутск». Его задачей было идти «подле берегов до устья Колымы реки и оттуда подле берегов к востоку,

и, обойдя угол, которой в карте показан в 73 градусах, подле берега ж до Анадырского и Камчатского устей». Предлагалось проверить также, есть ли против устья р. Колымы остров, «о котором разглашено, якобы земля великая». «А буде такое место придет, что сибирский берег с американским сошелся... то следовать подле того берега сколько возможно..., и притом выведывать, далеко-ль на другой стороне земли Полуденное или Восточное море...» (Экспедиция Беринга, стр. 92—93).

Путь от р. Лены до Камчатки, который предстоял этому отряду, составлял около 2,5 тыс. км вдоль северного берега Азии и немного меньше вдоль берега Тихого океана; он был по протяжению приблизительно равен пути, пройденному всеми отрядами от Архангельска до р. Лены.

Этот отряд должен был повторить подвиг С. И. Дежнева и обогнуть северо-восточный мыс Азии, но при этом пункты отправления и прибытия были разделены друг от друга расстоянием примерно вдвое большим, чем во время плавания С. И. Дежнева, который вышел из устья Колымы и прибыл к устью Анадыря.

Кроме трудностей, предстоявших всем отрядам, плававшим у берегов Северного Ледовитого океана, этот отряд должен был столкнуться с особым затруднением, так как на значительном протяжении берегов, окол которых ему предстояло плыть, обитали воинственные чукчи и высаживаться там было опасно.

С этими берегами сочетались разные фантастические представления. На чертеже С. У. Ремезова «Всех градов и земель Сибири» 1701 г. недалеко за Леной нанесен «неограниченный мыс», возникший, возможно, в результате объединения современного мыса Св. Нос и Большого и Малого Ляховских островов. По более поздним сведениям, имевшимся в Якутске, этот мыс доходил до $76^{\circ} 30'$ с. ш. В. Беринг оставил открытым вопрос, соединяется ли Азия севернее $67^{\circ} 18'$ с Америкой, и сохранил на своей карте пресловутый «Шелацкой Нос», доходивший до 76° с. ш.

А. И. Чириков; понимавший лучше других особенности работы этого отряда, настаивал, чтоб для него построили не дубель-шлюпку, а «бот большой препорции и при нем малую шлюпку четырехвеселную» (там же, стр. 205). Впоследствии, когда в ходе плавания выявились связанные с ним трудности, Адмиралтейств-коллегия стала вносить в свои указания поправки и ограничения.

Во главе этого отряда В. Беринг поставил лейтенанта Петра Лассениуса, шведа по происхождению. Команда бота «Иркутск» (длина 18,3 м, ширина 5,5 м и осадка 2 м) состояла из 52 человек, включая подштурмана Василия Ртищева и геодезиста Д. Баскакова.

Выше уже указывалось, что «Иркутск» вышел из Якутска вместе с дубель-шлюпкой В. М. Прончищева 29 июня 1735 г. Пройдя Быковскую (восточную) протоку устья Лены, «Иркутск» вышел 6 августа в море (там же, стр. 105). Дальнейшее плавание было непродолжительным, так как уже 11 августа судно встретило льды, пробиться через которые было невозможно, и 18 августа оно вошло в устье р. Хараулах на юго-западной стороне губы Буорхая, где команда бота построила казарму. Рассчитывая на плавание в течение двух лет, П. Лассениус сильно убавлял рацион команды. Вскоре началась цинга, от которой 19 декабря умер первым сам П. Лассениус, а к концу зимы погибло 39 человек; в числе живых остался подштурман В. Ртищев, принявший команду.

В. Беринг назначил новым командиром «Иркутска» лейтенанта Д. Я. Лаптева и выделил из состава команды Второй Камчатской экспедиции 52 человека, сменивших тяжело больных людей экипажа «Иркутск» (там же, стр. 157).

31 мая 1736 г. на трех дощаниках, груженных продовольствием, Д. Я. Лаптев выступил из Якутска и направился к устью р. Хараулах, где стоял «Иркутск». С ним был лейтенант М. Г. Плаутин. Часть команды с подштурманом М. Я. Щербининым была отправлена раньше. Из-за льдов дощаники были оставлены в устье Лены. Д. Я. Лаптев пешком отправился к месту, где стоял «Иркутск», и прибыл туда 17 июля (Соколов, 1851в, стр. 311). В поход на восток он выступил 11 августа, взяв курс «далее в море, чайли, лутче морем лед разбило» (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 24, л. 30 об.). «Иркутск» дошел до широты $73^{\circ} 16'$, т. е. оказался севернее мыса Буорхая, который нужно было обогнуть.

13 августа подошли к «стоячему» льду, конца которого к востоку и западу видно не было. Д. Я. Лаптев слышал, что впереди около мыса Св. Нос «через все лето лед стоит и не растаивает», также и «у берега, называемого Бархоу (мыс Буорхая.— В. Г.), который был от нас на зюд ост, один градус 4 минуты в расстоянии, чрез все ж лето повсягдно стоячей лед из виду не относит». Созванный 14 августа совет решил «возвратитца в р. Лену и на предбудущий 1737 г. на море не выходить, понеже к проходу до р. Колымы и до Камчатки по всем обстоятельствам ныне и впредь нет никакой надежды» (там же, л. 30 об. и 32). Того же числа, еле выбравшись из окружавших льдов, «Иркутск» пошел обратно и 6 сентября остановился зимовать в р. Борисовой (притоке Лены) на широте $70^{\circ} 40'$.

В. Беринг, имея журналы о неудачных плаваниях в 1735—1736 гг. В. М. Прончищева, П. Лассениуса и Д. Я. Лаптева и решения «консилиумов», предложил 7 февраля 1737 г. профессорам «осведомиться, хаживали ли из Ленского устья на Колыму кочи» и высказать свое мнение, следует ли отправлять Д. Я. Лаптева вновь в плавание (Экспедиция Беринга, стр. 380).

Г. Миллер составил по документам Якутского архива большую историческую справку «Известие о северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения восточных стран» (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 669, л. 150—161). Л. Делакроер, «своим и своих товарищей именем» сообщил В. Берингу, что морской ход к востоку в прежние годы «был зело труден», а теперь «по сказыванию разных людей, Ледовитого моря перед прежними годами много убыло», поэтому в узком проходе между льдами и берегом плыть большим морским судам невозможно, а вдаль от берега путь «весьма опасен и может быть непроходимой». Профессора предлагали «до указу» прекратить дальнейшие плавания (Экспедиция Беринга, стр. 380—381). Такое же мнение высказал и «консилиум» со всеми офицерами, учитывавший также, что двухлетний срок, установленный для плаваний инструкциями, уже истек.

К рапорту, направленному В. Берингом 27 апреля 1737 г. в Сенат, и к письму Н. Ф. Головину от того же числа, в которых излагалась история плаваний 1735—1736 гг., В. Беринг приложил копии рапортов офицеров о плавании 1735—1736 гг., мнение профессоров и историческую справку Г. Миллера.

В. Беринг разрешил Д. Я. Лаптеву отправиться в Петербург для личного доклада, чем последний и воспользовался в августе этого года. Еще на пути в Петербург Д. Я. Лаптев узнал о состоявшемся решении Адмиралтейств-коллегии, которая, рассмотрев 20 декабря 1737 г. представленные В. Берингом материалы, не согласилась с ними, указывая, что «будто всегда оной лед стоячий — утвердиться сумнительно», а «чтоб в море пред прежним воды было меньше, то суть невероятное известие». Что касается невозможности дальнейшего плавания, то «могут ли такие невозможности быть того неизвестно». Между тем «из давних лет незнающими навигации людьми и почитай погибельными судами... а походы в море бывали». Адмирал-

тейств-коллегия решила экспедицию «действием паки производить», допуская возможность продолжать плавание, хотя бы в течение четырех лет (МРФ, 1880, стр. 386—392).

Но Д. Я. Лаптев хотел лично доложить о положении вещей. Заслушав его, Адмиралтейств-коллегия 3 марта 1738 г. (там же, стр. 425—430) подтвердила свое решение, добавив, что в случае выяснившейся невозможности продолжать плавание по морю, Д. Я. Лаптеву и командиру отряда, который должен был плыть из устья р. Лены на запад, следует двигаться сухим путем, производя опись берегов.

Д. Я. Лаптеву в этом случае разрешалось идти от Колымского острога на Камчатку через Анадырский острог или «прямо на Камчатку». Получив в Камчатке судно и продовольствие от В. Беринга, он должен был плыть обратно к устью р. Колымы, огибая Чукотский мыс, который «по прежним недостоверным картам кажется в море далече протянулся». Наконец, если бы оказалось необходимым, Д. Я. Лаптеву разрешалось отступать от указаний Адмиралтейств-коллегии и «чинить все, как надлежит добросовестному по присяжной должности искусному морскому офицеру». О своих решениях Адмиралтейств-коллегия рапортом от 7 марта 1738 г. сообщила Сенату (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 669, лл. 188—193). Таковы были новые указания, руководствуясь которыми экспедиции из устья Лены должны были после трехлетнего перерыва возобновиться.

На место умершего В. М. Прончищева был назначен лейтенант Харитон Прокофьевич Лаптев, двоюродный брат Дмитрия Яковлевича Лаптева.

Это назначение было как нельзя более удачно, так как Х. П. Лаптев обладал необходимыми для исследователя качествами: легко ориентировался в сложной обстановке, твердо проводил свои решения, обладал огромной энергией и личным мужеством. Умея требовать от участников экспедиции крайнего напряжения их сил, он и сам делил с ними все трудности и лишения.

Приехав 25 мая 1739 г. в Якутск, он застал здесь подготовленную к новой экспедиции дубель-шлюпку «Якутск», которая была приведена из устья р. Оленек в 1737 г. боцманом Медведевым. С. И. Челюскин и Н. Чекин прибыли сухим путем несколько раньше. С командой в 45 человек Х. П. Лаптев вышел в плавание 7 июня 1739 г. Ознакомившись с обстановкой и опытом плавания В. М. Прончищева, он быстро понял, что исследования могут затянуться на несколько лет и что на п-ове Таймыр необходимо создать базу. Поэтому, выезжая из Якутска, он захватил на дощаниках большие запасы продовольствия.

Однако сначала Х. П. Лаптев сделал попытку решить вопрос сразу, и, пройдя 21 июля западной (Крестецкой) протокой Лены в море и оставив дощаники в устье р. Оленек на зимовье, он направился в дальнейшее плавание. Пройдя миль семь к западу, «Якутск» встретил плотные льды, через которые он мог пробиваться лишь с большим трудом.

27 июля «Якутск» подошел к о-ву Бегичева и Н. Чекин сделал с ялбота общее описание бухты Нордвик, название которой было заимствовано Х. П. Лаптевым у местных жителей (Соколов, 1851б, стр. 11)⁵⁰. Затем им пришлось в течение некоторого времени укрываться от льдов в небольшой бухте. 6 августа «пришли в Хатонскую губу, в которой от великого ветра с моря и великих льдов едва спаслись августа по 14 число...⁵¹ И того ж августа 21 дня пришли против Таймурской губы (залив Фаддея.— В. Г.) в ширине 76 градусов и 41 минуты ко льду стоячему, который начался от самого берега и лежит от берегу чрез вост и норд и к норд-осту неломаной» (Экспедиция Беринга, стр. 162). Подойдя к мысу «Санкт-Фаддея» (мыс Игнатия), мореплаватели соорудили там маяк. От посланных с бота людей они узнали, что когда туман на короткое время рассеивает-

ся, то с мыса к северу и северо-западу виден берег и высокие горы «милых в восьми галанских». Х. П. Лаптев 22 августа созвал совет, который решил идти обратно, так как в тихих местах вода ночью уже замерзала (там же)⁵².

Войдя в Хатангский залив, «Якутск» остановился 29 августа у устья р. Блудной, впадающей с правой стороны в р. Хатангу, недалеко от устья последней, где жило несколько семей тунгусов (эвенков) (Соколов, 1851в., стр. 301).

Х. П. Лаптев решил сделать это место базой своих дальнейших исследований и проявил в этом деле свою недюжинную энергию и организационные способности. Всю зиму он занимался перевозкой сюда грузов из устья Оленека на собаках и на оленях, причем в пути одновременно бывало около 100 собак и несколько сот оленей (Миддендорф, 1869, стр. 73 и 74). Эта работа требовала огромного напряжения сил не только от команды, но и от местного населения, которое к тому же из-за участия в перевозках пропускало сезонную охоту и ловлю рыбы. Чтобы обеспечить успех своих будущих экспедиций, Х. П. Лаптев посылал в 1740 г. местных жителей к устью р. Нижней Таймыры и на оз. Таймыр для заготовки рыбы. Цингой команда не болела, чему, может быть, способствовал непрерывный труд. Проводя труднейшие работы, Х. П. Лаптев твердо поддерживал дисциплину и применял суровые меры к тем, кто позволил себе «нерегулярные и неистовые слова» (Соколов, 1851в, стр. 302).

Кроме работ по организации своей базы, Х. П. Лаптев предпринимал в том же году попытки сухопутных исследований берегов. 21 октября 1739 г. боцман Медведев с одним солдатом ходил по р. Пясине от верховьев до ее устья, а отсюда в марте 1740 г. направился по берегу моря к р. Нижней Таймыре, но из-за стужи сумел пройти лишь 40 км и в апреле вернулся обратно. В марте был послан на нартах, запряженных собаками, геодезист Н. Чекин с солдатом. Он должен был пройти от истоков р. Нижней Таймыры до устья, а оттуда пробраться по берегу на юго-запад к р. Пясице. Сопровождавшие его тунгусы с оленями скоро вернулись, частью потеряв своих оленей. Сам же Н. Чекин, пройдя на собаках от устья р. Нижней Таймыры по берегу моря 100 км, тоже должен был повернуть обратно и 17 мая возвратился. Ни Медведев, ни Н. Чекин не столкнулись с Д. В. Стерлеговым, продвигавшимся в этих же местах в это же время.

В 1740 г., пробиваясь сквозь льды в заливе, отряд смог выйти в море только 12 августа (Белов, 1956, стр. 309). Но уже 13 августа на широте 75° 26' судно «носящими непроходимыми льдами затерло и повредило в неудобности» (Экспедиция Беринга, стр. 269). Предвидя неизбежную гибель корабля, Х. П. Лаптев выгрузил провиант на лед. До берега, отстоявшего на 15 миль, команда, использовав бывших на корабле нескольких собак, добралась 16 августа. Она построила здесь юрты и до 31 августа, когда судно было унесено льдами, занималась перевозкой сюда сложенного на лед продовольствия. Это был, вероятно, момент, когда испытания команды достигли высшего предела и среди ее членов начался ропот, «что все равно умирать, работая или не работая» (Соколов, 1851в, стр. 305). Х. П. Лаптев сумел остановить упадок дисциплины.

Ехать сразу обратно на зимовье было нельзя, пришлось дожидаться до 21 сентября, пока не стали реки, преграждавшие путь. Только 15 октября команда сумела добраться до зимовья у р. Блудной (МРФ, 1882, стр. 72). В перевозках опять помогало местное население. Команда была изнурена, многие болели цингой, четверо умерло.

Все эти препятствия и неудачи не обескуражили Х. П. Лаптева и его ближайших помощников. Созванный им 8 ноября 1740 г. совет решил в

соответствии с указаниями Адмиралтейств-коллегии организовать обследование берегов сухим путем. Учитывая местные условия, выяснившиеся из расспросов населения и проведенных отрядом исследований (особенно приходилось считать с отсутствием оленьих кормов к северу от 74° с. ш.), Х. П. Лаптев наметил провести обследование берегов по санному пути (на собаках) в апреле⁵³.

Для выполнения задуманного плана Х. П. Лаптев оставил с собой только штурмана С. И. Челюскина, геодезиста Н. Чекина, четырех солдат, квартирмейстера и плотника. Остальных людей и поклажу он отправил на оленях 15 февраля и 10 апреля 1741 г. в Дудинку на Енисее. Свой отряд он разбил на три группы, которые возглавили он сам, С. И. Челюскин и Н. Чекин. Действия этих групп начались 17 марта, когда С. И. Челюскин с двумя солдатами отправился к верховьям р. Пясины и далее до ее устья, где нужно было захватить собак и корм. Оттуда С. И. Челюскин должен был двигаться по берегу п-ова Таймыр к северу. Отправляя его, Х. П. Лаптев, конечно, не знал, что Д. В. Стерлегов уже описал берег от р. Пясины до $75^{\circ}26'$ с. ш.

15 апреля Х. П. Лаптев отправил геодезиста Н. Чекина с солдатом и якутом к устью р. Хатанги для следования по восточному берегу полуострова до залива Фаддея, который они принимали за устье Нижней Таймыры.

Сам Х. П. Лаптев хотел идти от предполагаемого устья «р. Таймуры» навстречу С. И. Челюскину. Выступив 24 апреля и достигнув 6 мая действительного устья этой реки ($75^{\circ}40'$ с. ш.), он установил «что она река Таймура не в том месте состоит, где, по чаянию, в помянутом прошлом 1739 г. в компании нами усмотрено было» (Экспедиция Беринга, стр. 270). Так как оказалось, что устье р. Нижней Таймыры расположено гораздо западнее, чем предполагал отряд, путь геодезиста Н. Чекина, казавшийся первоначально самым коротким, стал самым длинным, а путь С. И. Челюскина, наоборот, сильно сократился. Поэтому Х. П. Лаптев вместо того чтобы ехать от устья Нижней Таймыры навстречу С. И. Челюскину, отправился на восток, навстречу Н. Чекину. Он выступил 10 мая с солдатом К. Хорошевым и якутом Никифором Фоминым (Миддендорф, 1860, приб. I, стр. III).

Но выполнить намеченный план описи п-ова Таймыр не удалось: уже 13 мая, доехав по западному берегу до $76^{\circ}42'$ с. ш. (Яников. Великая северная экспедиция, 1953, стр. 274), Х. П. Лаптев был задержан сильной вьюгой, которая вызвала у него и у Н. Хорошева болезнь глаз. 15 мая он поехал обратно и через два дня прибыл к устью Нижней Таймыры. Отдохнув, Х. П. Лаптев решил продвигаться навстречу С. И. Челюскину. По пути он объехал «последней земли к северу мыс» на $76^{\circ}39'$ с. ш., который был назван «Северо-западным». В действительности Х. П. Лаптев объехал группу островов (остров Таймыр, архипелаг Норденшельда, Русский), расположенных к западу от северной оконечности полуострова, которые он и принял за мыс⁵⁴.

Начиная с карты Морской академии 1746 г., эти острова очень долго показывались как «Северо-западный мыс» п-ова Таймыр, а мыс Челюскин назывался «Северо-восточным». Только в 1860 г. А. Ф. Миддендорф высказал предположение, что «Западный мыс» п-ова Таймыр в самом узком месте перерезан проливом и что там расположен значительный остров (Миддендорф, 1860, стр. 71).

В 1878 г. А. Норденшельд на «Веге» прошел через пролив Матцсена, подтвердив догадку А. Ф. Миддендорфа. Правильное представление об архипелаге, расположенном на месте «Северо-западного мыса», дали уже экс-

педиции 1936 и 1938 гг., совершенные советскими кораблями (Косой, 1940, стр. 3—5).

Встреча Х. П. Лаптева и С. И. Челюскипа произошла 1 июня на широте $75^{\circ}21'$ (Соколов, 1851, стр. 307), т. е. недалеко от того места, куда доходил Д. В. Стерлегов. Добравшись 28 июля до Енисея, они застали там геодезиста Н. Чекина, у которого также заболели глаза. Он прошел по восточному берегу полуострова только до $76^{\circ}35'$ с. ш., не достигнув, таким образом, новых мест, не описанных еще «Якутском» с моря.

Учитывая описи, произведенные в 1740 г. Д. В. Стерлеговым до $75^{\circ}26'$ с. ш. и Н. Чекиным на протяжении 100 км к западу от устья р. Нижней Таймыры, можно заключить, что результаты работы отрядов, организованных в 1746 г., которым пришлось преодолеть огромные расстояния⁵⁵, оказались невелики: было исследовано около 200 км между мысом Стерлегова и концом пути Н. Чекина, а также участок от устья р. Нижней Таймыры на восток до $76^{\circ}42'$ с. ш., пройденный Х. П. Лаптевым. Самый трудный северный участок между мысом «Санкт-Фаддея» на востоке, до которого доходил «Якутск» ($76^{\circ}47'$ с. ш.), и пунктом на западном берегу, до которого доходил Х. П. Лаптев ($76^{\circ}42'$ с. ш.), остался неописанным.

Х. П. Лаптев задумал новый план и 29 августа 1741 г. отправился в г. Туруханск, куда к 15 февраля собралась и вся команда (Экспедиция Беринга, стр. 272).

Для проведения описи северной части Таймырского п-ова, начиная от мыса Игнатия, 4 декабря 1741 г. из Туруханска к устью р. Хатанги выехал С. И. Челюскин с тремя солдатами. Х. П. Лаптев направился в феврале через Дудинку и далее по р. Дуде (притоку р. Пясины) к устью Нижней Таймыры, чтобы его встретить (Врангель, 1948, стр. 68; Соколов, 1851в, стр. 308).

3 апреля 1742 г. «с попигайских зимовий» (в устье р. Хатанги) С. И. Челюскин на трех нартах выступил к мысу Игнатия. Отсюда 1 мая он начал опись берега. Погода часто была пасмурной с туманами и метелями; наносного леса, годного на дрова, было мало. Двигаясь к мысу Челюскин, отряд делал в среднем примерно по 16 верст в день. 6 мая они встретили четырех медведей, из которых одного убили. Воспользовавшись чистым небом, определили здесь широту — $77^{\circ}27'$. Пройдя еще 10 верст, С. И. Челюскин был выпущен остановиться «для отдыха собак, понеже собаки стали весьма худы и стояли на месте до суток». Погода была плохая «и поземная мятель великая, так что ничего не видно» (Миддендорф, 1860, прибавление 2, стр. XVII). Дальше исследователи отправились только 8 мая в 17 час. при туманной и снежной погоде и вскоре увидели, что находятся у мыса. Продвинувшись вдоль него еще на 8 верст к северу и затем к северо-западу, они, наконец, достигли места, откуда берег поворачивал на юг⁵⁶. Это был мыс Челюскин.

Вот что было записано С. И. Челюскиным в журнале об этой важной минуте: «Здесь приехал к мысу; потом берег лежит на румбы показанные, здесь поставили маяк одно бревно, которое вес с собою, а по сему берегу лесу нет ничего; по окончании сих румбов по мнению северный мыс восточной окончился и земля лежит от запада к югу.

Здесь берег высоты средней, прирый, земля глины, мелкой камень.

Сей мыс каменной, прирый, высоты средней, около одного льды гладкие и торосов нет. Здесь именован мною оной мыс: восточный северный мыс» (там же, стр. XVIII)⁵⁷.

Обратный путь был легче, отряд проходил по 40 верст в день. 14 мая путешественники встретили солдата К. Хорошева, посланного Х. П. Лаптевым от устья р. Нижней Таймыры, «а с ним новакрепленного якута»

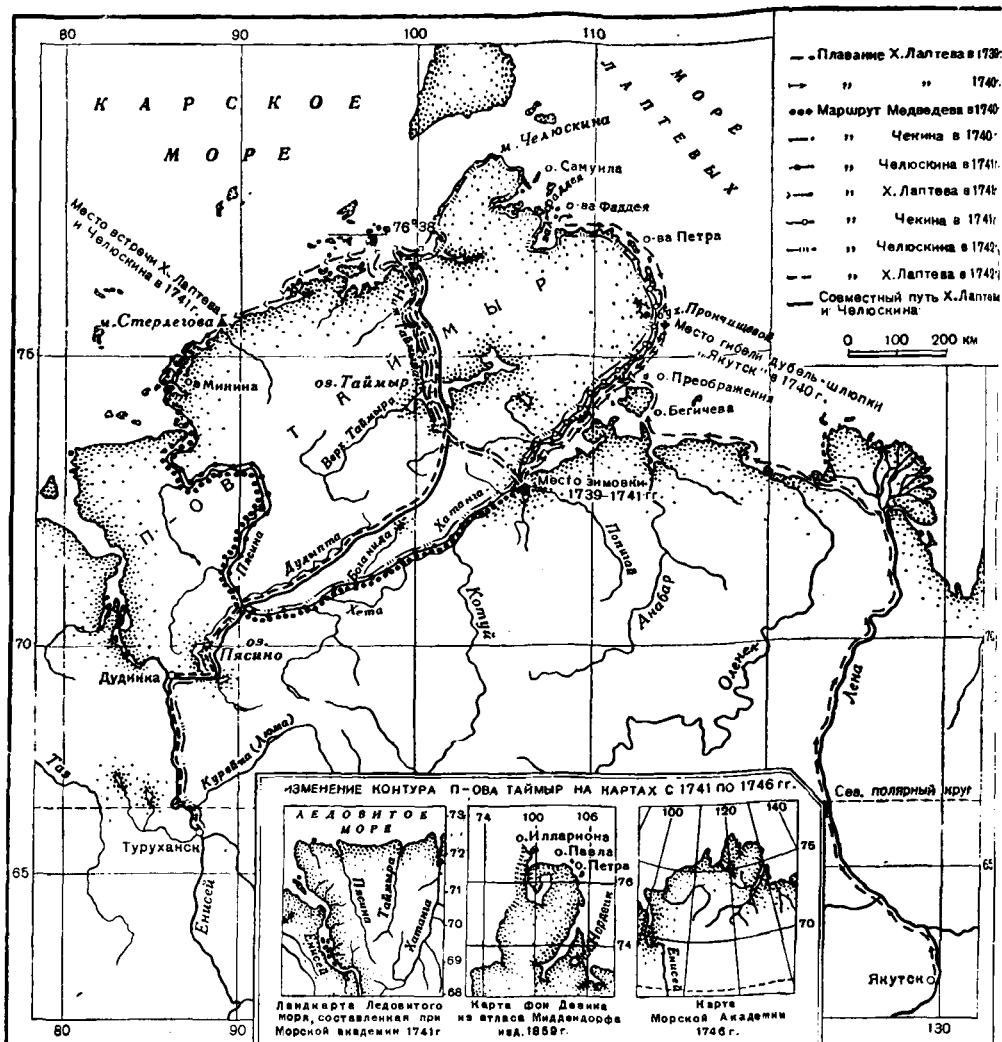

Рис. 20. Плавание Х. И. Лаптева к западу от устья Лены и маршруты его отряда по Таймырскому п-ову в 1739—1742 гг.

(рис. 20). 15 мая С. И. Челюскин остановился в зимовье этого якута (Никифора Фомина), чтобы дать отдохнуть собакам, «понеже собаки стали худы и ехать безнадежны» (там же, стр. XX). Этим была закончена его опись еще неисследованных мест.

В конце 1742 — начале 1743 г. экспедиция выехала в Петербург.

Современники не оценили исследований С. И. Челюскина, и его подвиг долго оставался забытым. В 1835 г. А. Степанов полагал, что берег Таймырского п-ова от р. Пясины к северу еще неизвестен. Передача неполный рассказ об открытии Таймырского п-ова, он говорит о Минине, Лаптеве, Прончищеве, Чекине, но о Челюскине не упоминает (Степанов, 1835, стр. 52—54). В 1841 г. Ф. П. Врангель и К. М. Бэр пренебрежительно отзывались об этом замечательном путешественнике⁵⁸. Впрочем, позднее К. М. Бэр под влиянием сообщений А. Ф. Миддендорфа признал в печати свою ошибку (см. Middendorff, 1845, стр. 151).

Впервые в защиту С. И. Челюскина выступил А. Ф. Миддендорф. Готовясь к путешествию 1842—1845 гг. на север и северо-восток Сибири, он ознакомился с журналами С. И. Челюскина и Х. П. Лаптева и составил по их описям карту. Пользуясь затем ею в местах, где он был первый раз, А. Ф. Миддендорф давал проводникам своего отряда столь поразительные по точности указания, что местные жители называли его «великим шаманом» (там же, стр. 154).

Путешествие С. И. Челюскина вокруг п-ова Таймыр А. Ф. Миддендорф считал неоспоримым. Кратко рассказывая о нем в сообщении в Академии наук, представленном в 1843 г., он отметил, что С. И. Челюскин «отличался не только большим упорством, но был также наиболее точен и аккуратен в своих показаниях» (там же, стр. 153).

Еще позже труды С. И. Челюскина подверглись серьезной проверке Р. Амундсеном. Зимую в 1918/19 г. на корабле «Мод» около мыса Челюскин, он подтвердил правильность съемки С. И. Челюскина и отозвался о нем с большим уважением (Амундсен, 1929, стр. 74). Спорам о значении открытий С. И. Челюскина положили конец выдержки из его журналов, опубликованные А. П. Соколовым (1851б, стр. 61—64) в виде пересказа и А. Ф. Миддендорфом (1860) дословно.

Заключив опись берега между Леной и Енисеем, Х. П. Лаптев больше ни в каких экспедициях исследовательского характера не участвовал. Продолжая службу во флоте, он умер в 1763 г. в чине обер-интер-кригс-комиссара (Общий морской список, ч. 2, стр. 227).

Несмотря на кратковременность экспедиции Х. П. Лаптева, Л. С. Берг (1946а, стр. 329) совершенно справедливо называет его «одним из замечательнейших русских путешественников».

Х. П. Лаптев оставил записку «Берег между Леной и Енисеем», приложенную к его отчету. Не имея специальной научной подготовки, но обладая ясным умом и наблюдательностью, он сделал много заслуживающих внимания замечаний о местах, где побывал. К сожалению, эта записка, представлявшая особенно большой интерес именно в свое время, была опубликована только в 1851 г. А. П. Соколовым. Она состоит из трех частей. Первая часть называется «Описание, содержащее от флота лейтенанта Харитона Лаптева, в Камчатской экспедиции, меж реками Лены и Енисея, в каком состоянии лежат реки, и на них всех живущих промышленников состоянии». В ней приводятся краткие замечания о берегах, виденных Х. П. Лаптевым и его спутниками с корабля или при быстром проезде сухим путем зимой; полутно кратко упоминается о жителях и их занятиях. Вот, например, описание мыса «Св. Фаддея»: «Мыс святого Фаддея лежит утесом каменным, и так простирается в губу к S и к W. На нем местами мелкой камень белой, подобно алебастру. Земля глина ...Здесь мамонтовой рог выкопали из земли длиною в 4 фута. Над сям мысом и над берегом лежат ипотенусом горы высокие, которые сошлись близко с восточными горами. У сего мыса стоя (1739 г.), видели морских зверей, великих собою, подобно рыбе, шерсть маленькая, белая, яко снег; рыло черное. По здешнему называют белуга. На сем мысу сделан от нас маяк из камня плитного, вышиною в полторы сажени. От сего мыса к северу и к NO, лед гладкой, целоманой стоит, на которой иногда полая с ветром вода выходит, понеже видели на нем лед наносной» (Соколов, 1851б, стр. 18—19).

В своих точных и правильных заметках Х. П. Лаптев констатирует явления, которые он сам осознать не мог, но которые были использованы в последующем другими учеными. Так, например, он пишет: «На помянутой большой корге (отмели.— В. Г.) сыскано нами в горе, в сыпном яру, перпендикулярно от ватер-линии, в 25 сажених вышины, из земли торчат

толстые бревна гнилые и все в лучипы раздробились; над ними земли наросло вышиной в 5 сажень» (там же, стр. 15).

В журнале Х. П. Лаптева под 24 мая записано, что, достигнув 74° с. ш. на западном берегу Таймырского п-ова, он употреблял на топливо плавник, лежавший в 10 сажнях над уровнем моря (Миддендорф, 1860, стр. 235).. А. Миддендорф, который находил в тундре на расстоянии 200 км от берега морские раковины и на основании этого строил предположение о постепенном поднятии берега Северного Ледовитого океана, видел в наблюдениях Х. П. Лаптева убедительное подтверждение своего предположения.

В журнале Х. П. Лаптева встречаются замечания, опровергавшие распространённые еще в первой половине XIX в. представления о севере Сибири, как об огромной равнине (Georgi, 1797, стр. 361—362, Соколов, 1851, стр. 83). Он писал, что «берег от реки Лены западной... пошел крут и безлесной, и над ним горы высокие, каменные (кряж Чекановского.— В. Г.).. В таком состоянии лежат до р. Оленек» (Соколов, 1851б, стр. 10).

Наблюдая в районе Хатангского залива отроги хребта Бырранга и горы к северу, Х. П. Лаптев предполагал, что «западнее Северного мыса к югу в 20 милях окончились к морю от берега в 10 верстах те горы каменные, которые лежат около моря и Хатангской губы и обошли мыс св. Фаддея. Ширипою в окончании те горы не меньше в 5 верст; собою весьма высоки и приары» (там же, стр. 20—21). Возвышенности (кряж Прончищева) он отмечал и к югу от Хатангского залива.

Эти верные наблюдения, не оцененные в свое время и затем забытые (как и наблюдения С. И. Челюскина), сыграли, однако, в конце концов свою роль. Их использовал А. Ф. Миддендорф (1860, стр. 190, 193). Обнаруженные им около Полярного круга возвышенности Сыверма и на п-ове Таймыр — хребет Бырранга дали ему основание отрицать теорию о низменном характере северной части Сибири.

Во второй части своей записки Х. П. Лаптев кратко описывает течение и берега рек Лены, Оленека, Анабары, Хатанги, Нижней Таймыры, Пясины и Енисея, попутно сообщая сведения о Якутске, о тундре около оз. Таймыр, о качестве и составе лесов и границах их произрастания, о «мамонтовых рогах», о «г. Мангазейске» (г. Туруханск) и т. д. Он пишет также и об экономике: хлебопашестве, рыбных и звериных промыслах. Его характеристики немногословны, но остаются в памяти, а описания природы и занятий населения по р. Лене дают представление о складывавшихся естественным путем районах малообжитой Восточной Сибири (Соколов, 1851б, стр. 32—37).

«С вершины Лены и наниз даже до с. Сполошна в 58° ширины, по обоим берегам реки, хотя изредко, в некоторых местах состоит жило, деревьями и жилами русских жителей, которые всякой хлеб кроме гречи пашут; в хлебородные годы, сверх своего довольства в Якуцк на плотах сплавливают» (там же, стр. 32—33). Таким образом, это был район, располагавший товарным хлебом.

От с. Сполошного до р. Олекмы идут места с более редким населением, которое живет частью на своем, но больше на привозном хлебе. Родятся главным образом ячмень и огородные овощи. «Привычная их пища из листовничной корки с молоком» (стр. 34). Рогатого скота и лошадей у них достаточно, достаточно и рыбы. Между с. Сполошным и Олекмой есть только три небольшие деревни.

От Олекмы до Покровского монастыря (в 60 верстах к северу от Якутска) «все пусто русскими жителями». «Ниже Якутска и до самого моря по р. Лене нет настоящих русских жителей, кроме что в Жиганах и в Сиктаке (Жиганске и Сектяхе.— В. Г.), набранные для промыслов зверей и

рыбы» (стр. 34—35). Здесь живут якуты-скотоводы, местами занимающиеся по берегам Лены звериным промыслом, а летом ловлей рыбы и диких гусей на островах.

Наконец, ниже урочища «Кумаксурки» (Кумах-Сурт, недалеко от устья Лены), где Лена «сошлась меж высоких гор каменных, шириною меньше версты..., пощли места без всякого лесу, а называются по здешнему тундра, не имеющая... не только лесу, но и травы низкой неудобной и редкой малое число, и то в мокрединах. Мху белого для оленей довольно». От Алдана и около моря держат только собак и оленей. «В Кумаксурке больше всех мест Ленских рыбы ловится; чего ради здесь много и Тунгусов, в лете кочующих здесь, бывает для ловли же рыбы» (стр. 36—37).

Он указывает с достаточной правильностью границу леса по Лене. Оленеку, Анабаре, Хатанге, Пясице, Енисею. Сообщает, что северный лес состоит из кедра, сосны, лиственницы, березы и других пород, «а от Русских мест разнится, не имеет дуба, клена, лип, вяза, орешника, яблонь, вишен и прочих садовых» (стр. 37).

За границей лесов «около моря по всем тундрам, кроме северных мысов, восточного и западного, т. е. до 74° ширины, на мокрых местах растет тальник не выше двух дюймов вверх, который толстыми стеблями стелется по земле, на аршин и меньше в летнее время, и малой лист издает. А на иных местах, где влажнее земля, растет березник тонкий кустами, не выше фута, по-здешнему зовется ярник, которой употребляют Самоеды в лете, вместо дров или есть варят; лист на них в копейку серебряную, больше не бывает летом. От вышепомянутой ширины к северу никакого нет лесу и с нуждою редкая трава выходит» (стр. 51).

Х. П. Лаптев обратил внимание на кости мамонтов, которые часто встречались в тундре. Он полагал, что «сей зверь мамонт, есть мнится быть и ныне в море Северном, на глубоких местах; поспеже случалось по самым берегам моря находить роги, ничего в землю не врослые, о которых уповательно волнами выбивает; а по тундре все роги находятся в земле верхним из острых концов, а тупым концом на верху земли» (стр. 45).

Наблюдательного Х. П. Лаптева поразило, что на реках, «которые известно, что из безлесных мест вышли», много гнилого плавника, а на параллели 73° было встречено «одно дерево гнилое ж, в земле подобно с корнем вверх торчит толщиною в 5 дюймов диаметру, не выше 5 фут над землею» (стр. 45—46). Он отверг объяснение этих явлений, которое давали самоеды: «будто в Ноев потоп наносило сей лес, а звери мамонты прежде потопу были ... И то невероятно и от таких людей непонятно». Сам он высказал предположение, что «по сему вышеописанному, как мамонтовым рогам и плавнику на речках и в тундре, чаятельно быть в прежних годах большим водам в море, что тундру закрывало водою» (стр. 46).

В третьей части записки Х. П. Лаптев кратко описывает быт, нравы и суеверия тунгусов (эвенков), которые «мужеством и человечеством и смыслом... всех кочующих и в юртах живущих превосходят», якутов и самоедов (эпцев). О якутах он говорит, что они «трех манеров житье имеют: первые живут около Якутска, все скотные, имеют множество коров и лошадей, на которых зверей промышляют, так что на лошади лисицу всякую угонят и стреляют. На р. Вилюе, близ вершины живущие Якуты, сами железо делают, из которого котлы и прочие вещи свои сделав, продают не дорогою ценою. Другие Якуты, близ моря живущие, и во всех тех местах где скота не водят, имеют оленей, как Тунгусы.

Третьи Якуты у самого моря и по рекам есть живущие; на собаках промышляют, а оленей же не имеют...

Сверх тех Якут новокрещенные живут по зимовьям, как и Русские» (стр. 56—57).

Х. И. Лаптев приводит также данные своих наблюдений за приливами и отливами в устьях Енисея и Пясины, в Таймырской губе и Хатанском заливе. Таковы были итоги его замечательного путешествия.

Рассмотрим далее плавание, предпринятое Д. Я. Лаптевым после трехлетнего перерыва в направлении к востоку от устья р. Лены.

Д. Я. Лаптев, получивший широкие полномочия, вернулся из Петербурга в Якутск 25 мая 1739 г., обеспечив экспедицию по дороге в сибирских городах провиантом и жалованьем на два года, а также разными припасами и различным снаряжением (Экспедиция Беринга, стр. 159). Он находился под впечатлением рассказов о невозможности обойти мыс Св. Нос. Это видно из его письма к Н. Ф. Головину от 4 марта 1739 г., в котором Д. Я. Лаптев, сообщая, что он «весьма безнадежен Святой Нос обойти», рассказывает о плане построить на р. Индигирке судно и произвести от устья р. Индигирки опись берегов Восточно-Сибирского моря до устья р. Колымы.

Главной целью предстоявшего похода на боте «Иркутск» он считал продвижение возможно ближе к Индигирке для отправки туда плотников (там же, стр. 314 и 402).

Но вскоре его собственный опыт показал, что эти опасения были напрасны. Он заранее отправил из Якутска матроса А. Лошкина для описи р. Яны и берега моря до Св. Носа, а также геодезиста И. Киндякова для описи р. Индигирки от верховьев до устья. Сам Д. Я. Лаптев вышел из Якутска на «Иркутске» 5 июня. Достигнув устья Лены, он отпустил в Якутск людей, взятых для сплава и, имея на борту «Иркутска» 35 человек и запас продовольствия на один год и четыре месяца, вышел после неудачных попыток 22 июля в море через Быковскую протоку. В его распоряжении уже были приблизительные данные о береговой линии от устья р. Лены до мыса Св. Нос, полученные от успешного присоединиться к экспедиции А. Лошкина, который прошел эти места «с компасом, полагая расстояние примером» (МРФ, 1880, стр. 684, Яников. Великая северная экспедиция, 1953, стр. 315).

Первые шаги экспедиции предвещали мало хорошего. «Иркутск» на следующий же день натолкнулся на сплошной лед, и Д. Я. Лаптев намеревался двигаться вперед «заберегою». Поднявшаяся буря прижала судно ко льду, так что оно едва не было раздавлено и спаслось только благодаря перемене ветра. Жестокий шторм заставил отряд остановиться в устье р. Омоля в восточной части губы Буорхая, где судно простояло до 4 августа. Когда же бот подошел к мысу Буорхая, то «заберега» кончилась и пришлось опять стать на якорь.

На другой день сильный ветер несколько сдвинул льды, и открылась возможность оплыть длинную мель, протянувшуюся от мыса Буорхая на 30 км к северу (Экспедиция Беринга, стр. 159—160).

Прорвавшись через эту трудную преграду, «Иркутск» подошел к устью Яны, где он вновь столкнулся с огромной массой нанесенного ветром льда. Все же упорно двигаясь вперед и спасаясь ото льда на мелких местах или отставая за большими льдинами, «Иркутск» 14 августа обошел мыс Св. Нос, оказавшийся всего лишь «в ширине 72° 47'». В журнале Д. Я. Лаптева приведено следующее описание: «Нос каменный, утес над ним и три горы высокие» (Белов, 1956, стр. 319). Около него «лед стоит неманой гладкой и здоровой как средиземней», проход был небольшой «заберегой». «И прошед самой Святой нос, берег протягался прямо к востоку самой низкой и отмелой, местами в 2-х и 3-х милях немецких от

земли, а глубина от 10 до 8 фута воды, и берега не видеть» (Экспедиция Беринга, стр. 160).

Обходя мыс Св. Нос, Д. Я. Лаптев видел остров, названный им о-в св. Диомида, замеченный позже и Н. П. Шалауровым. Впоследствии этого острова пикто больше не видел. Предполагается, что он был сложен песчано-глинистыми отложениями с ископаемым льдом и затем размыт (Хмызников, 1937, стр. 128).

Появившаяся через некоторое время более пресная вода была признаком близости большой реки, но посланные для разведывания «протоки» и жилия шлюпка, а потом и лодка, сделанная из бочечных обручей, обтянутых просмоленной парусиной, на которой отправился штурман М. Я. Щербинин, обратно не вернулись. 1 сентября море замерзло, а в ночь с 4 на 5 сентября сильный ветер взломал лед и отогнал льдины, а вместе с ними и бот от берега примерно на 40 верст. К счастью, переменявшийся ветер принес их 7 сентября опять к берегу. В эти дни «спасение их весьма де было отчаянно» (Экспедиция Беринга, стр. 169).

Вскоре удалось найти вход в устье р. Индигирки, от которого бот находился примерно в 15 км. От встреченного промышленника отряд узнал, что в 150 км вверх по реке есть поселенье «Русское жило» (вероятно, нынешнее Русское устье), где живут русские и якуты. В поселенье Д. Я. Лаптев нашел экипаж шлюпки и лодки, посланных ранее. Этим людям пришлось перенести тяжелые испытания.

Еще во время переезда на берег к экспедиции присоединился геодезист И. Книдяков, выполнивший порученную ему опись р. Индигирки. Изображение этой реки на карте Морской академии 1746 г., где Индигирка начинается почти от Полярного круга, вероятно, отражает его труды. Несмотря на достигнутые успехи, которые показали необоснованность предположения, что мыс Св. Нос обойти невозможно, огромные трудности заставляли Д. Я. Лаптева считать, что «берега оные и путь погибелной» (Экспедиция Беринга, стр. 320).

Учитывая трудность исследований берегов с моря, Д. Я. Лаптев сенью 1739 г. и в начале 1740 г. провел обследование с суши морских берегов от р. Индигирки на восток до р. Колымы и на запад до р. Яны, а также р. Хромы и дельты рек Индигирки и Яны⁵⁹.

В июне 1740 г. (Белов, 1956, стр. 321) для освобождения судна, вмерзшего в лед (толщиной 5–7 футов), пришлось прорубить, прибегнув к помощи местного населения, канал длиной в 1 тыс. сажен. После трехнедельных усилий судно было выведено в свободное ото льда пространство, но затем оттеснено льдами на мель. Только в результате длительной работы, которую иногда приходилось производить, стоя в ледяной воде, бот сошел с мели, и 31 июля отряд смог отправиться в путь к востоку, борясь с постоянными плотными льдами. Прибыв к устью р. Колымы, отряд дал о себе знать в Нижне-Колымск и 8 августа отправился далее к востоку. Плавание было очень опасным, «проходя те густые льды, часто ботом об оные стучались, и в страхе были, что проломит от тех ударов» (Соколов, 1851в, стр. 323).

14 августа «Иркутск» подошел к мысу Большому Баранову, где уже не было «ни на один вершок воды между льдом и берегом» (там же). Пришлось повернуть обратно, и 23 сентября судно остановилось на зимовку у Нижне-Колымского острога, состоявшего из 10–11 дворов (Соколов, 1851в, стр. 323–324).

Зимой 1740/41 г. в Нижне-Колымске Д. Я. Лаптев готовился предпринять еще одну попытку пройти морем к востоку. Одновременно он подготовился и к походу в Анадырский острог по рекам Колыме и Анадырю.

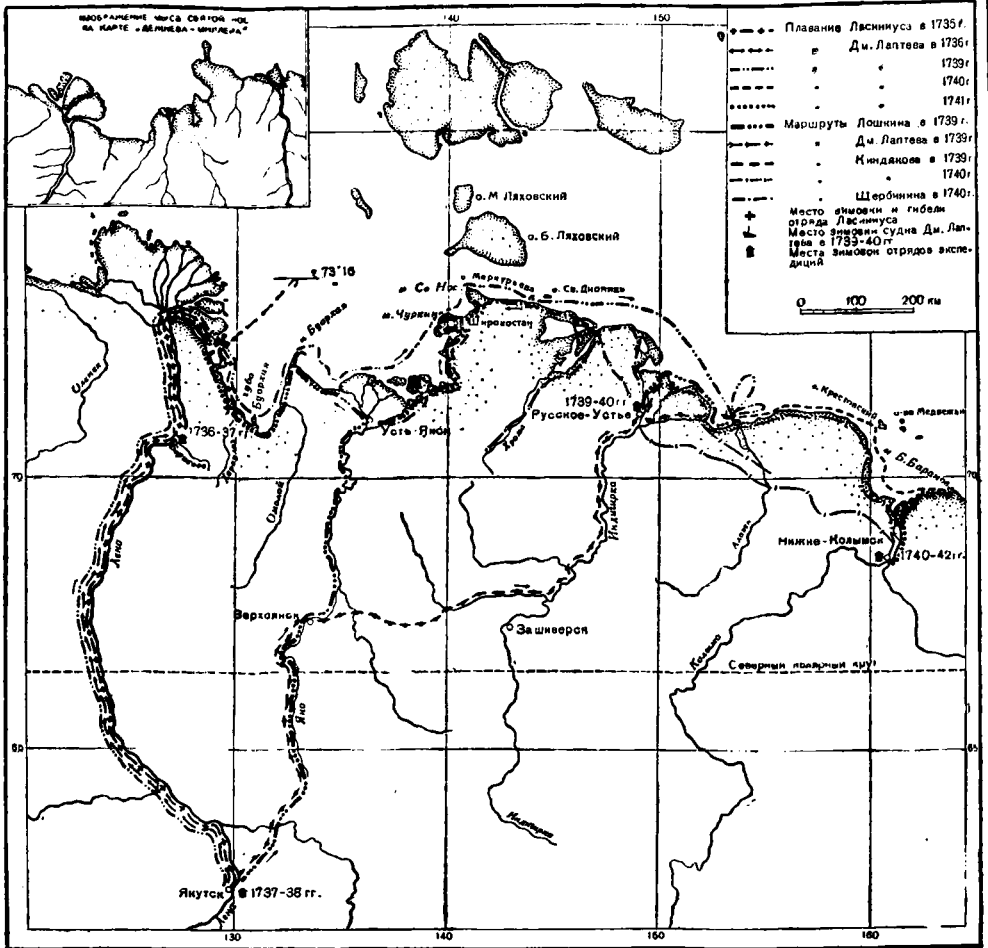

Рис. 21. Плавание П. Ласиннуса в 1735 г. и Д. Я. Лаптева в 1736 и 1739—1741 гг. на восток от устья Лены.

Осенью геодезист И. Киндяков был послан для описи верховьев Колымы, а штурман М. Я. Щербинин — для исследования дороги от р. Анадырки до Анадырска. Строились также две лодки вместимостью на 12 человек команды каждая для сопровождения «Иркутска» в его пути морем на восток.

Выйдя в плавание 29 июня, Д. Я. Лаптев добрался к 25 июля через густые льды до места, от которого в прошлом году повернул обратно. Пробыв здесь до 6 августа, безуспешно пытаясь пройти вперед, он созвал совет, который констатировал, что «прибыть на Камчатку не возможно, возвратились в р. Колыму и впредь на оное море ботом не выходить» (там же, стр. 325). 10 августа «Иркутск» вернулся к месту зимовки (рис. 21).

Отсюда 27 октября 1741 г. после трехлетних неудачных попыток пройти морем к Камчатке Д. Я. Лаптев отправился на 45 нартах в Анадырский острог сухим путем и прибыл туда 17 ноября⁶⁰.

Во время пребывания в Анадырском остроге отряд Д. Я. Лаптева произвел большие работы по географическим съемкам. Зимой квартирмейстер Ромапов и поручик Новицкий, ходившие с небольшим отрядом из Ана-

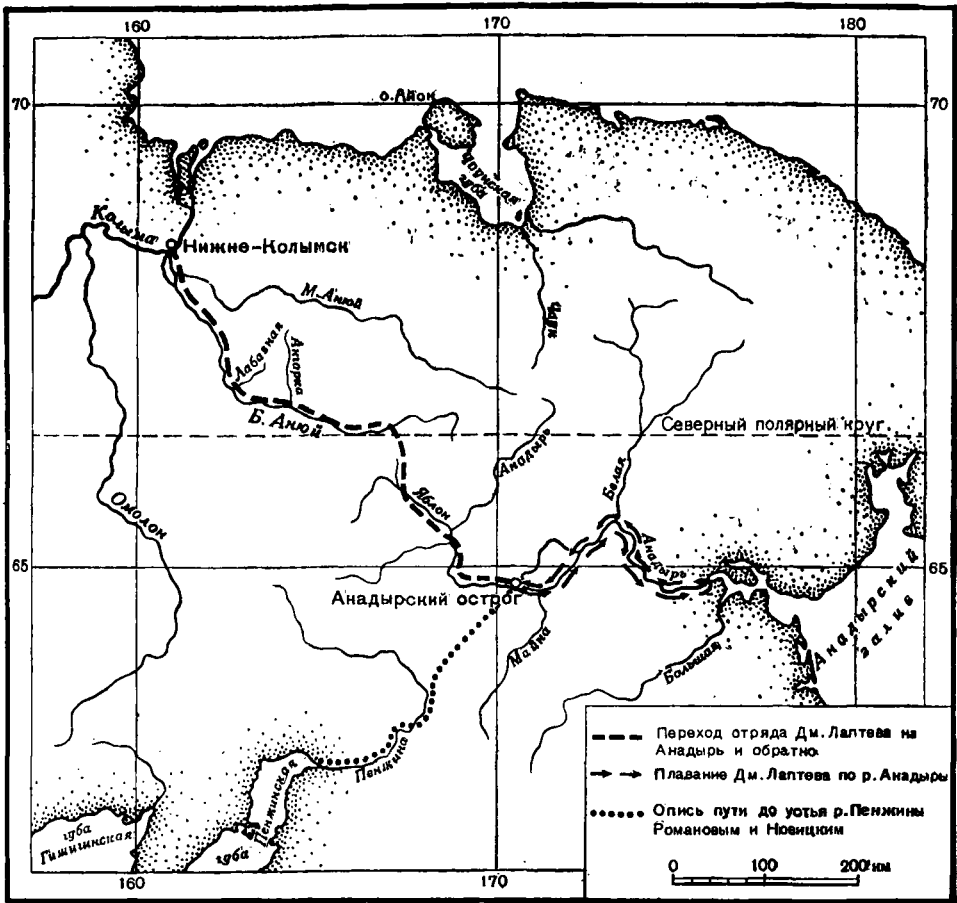

Рис. 22. Маршруты Д. Я. Лаптева от устья р. Колымы до Анадырского острога в 1741—1742 гг.

дырска для защиты бывших в русском подданстве коряков от напавших на них чукчей, описали берега моря от Анадырска до р. Пепжины. Летом же 1742 г. с 9 июня по 3 августа на двух гребных судах и четырех лодках Д. Я. Лаптев произвел опись бассейна р. Анадыря и самой реки до ее устья и составил карту. Ширина устья, по его определению, $64^{\circ}48'$. Он установил также, что небольшие морские суда могут подниматься по Анадырю на 200 км (Белов, 1956, стр. 323). Съёмки этих мест имели большое значение для картографии (рис. 22).

9 октября Лаптев выехал из Анадырска в Нижне-Колымск, а затем в Якутск, куда прибыл 8 марта 1743 г. По приказу А. И. Чирикова, заменявшего В. Беринга, Лаптев отправился в Петербург, куда приехал 1 декабря 1743 г.

Лаптев составил карты своих плаваний у берегов Азии в 1739 и 1740 гг.⁶¹ Ф. П. Врангель, который через 80 лет путешествовал в местах, посещенных Д. Я. Лаптевым, и ознакомился с его описаниями, с большой похвалой отозвался о точности географических определений Д. Я. Лаптева. Они отличались от его собственных, производившихся в лучших условиях и более совершенными инструментами, на 1—4 минуты (Врангель, 1948, стр. 73).

Интересны сообщения Д. Я. Лаптева о быте местных народов.

Вторая Камчатская экспедиция забросила в наиболее отдаленные и дикие места Сибири многих образованных людей, которые в своих записках сообщали сведения об экономике, условиях жизни этой страны, а также выдвигали предложения об удовлетворении ее нужд. Мы уже знаем о предложениях, сделанных В. Берингом. По окончании экспедиции обширную записку, содержащую ряд проектов, имевших большое государственное значение, представил А. И. Чириков. Но никто, кроме Д. Я. Лаптева, не обращал так много внимания на жизнь местных народов, поражающую его своей бедностью и тяжелыми условиями.

В записке, поданной Д. Я. Лаптевым в Адмиралтейств-коллегию 2 февраля 1744 г., он сообщает, что на всем пройденном им пути в 5 тыс. верст живут «русские, заходящие от давних лет и положены там в платеж и в службу, а подле тех же берегов в лесах кочуют якуты, тапгусы, юкагири и ламути, а меж Анадири до камчатского ведомства коряки и те оные в ясаке и в подданстве..., а в пищу в тех во всех местах кроме рыбы и мяса ничего нет и большая часть народа тех мест от непросвещения ума их и от безумства терпят всякую нужду и голод» (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 60, л. 113 об. и др.).

Зверинные промыслы, которые являются основой богатства в том краю, не охраняются и приходят в упадок. От Якутска до р. Колымы, на расстоянии 2 тыс. верст, якуты, живущие вместе со скотом «при одних местах», каждый год зажигают весной траву, причем сжигают логова зверей и гнезда птиц и их корм, «отчего меж Якуцка и р. Ковымы лисиц и протчаго зверя скудной промысл стал, а род соболий в тех местах и весьма перевелся» (там же, л. 114 об.). Он отметил также, что существует варварский способ ловли щенят песцов и лисиц путем разорения нор, что заставляет зверя уходить все дальше. И то и другое, по его мнению, следовало запретить.

Д. Я. Лаптев предлагал отменить недопустимые поборы с местного населения при взимании ясака. Наконец, он указывал на вопиющую нужду местных жителей между Леной и Колымой во всякого рода изделиях: топорах, нитках для сетей и т. д. «В Якуцке какая вещь ценою в гривну, а на реках от Лены до Ковымы... от рубля до полуторы рублей получают» (там же, л. 115). По его мнению, следовало разрешить продававшим эти изделия верхоянским крестьянам ездить не только до Якутска, но и до устья Лены.

Затянувшимся плаванием Д. Я. Лаптева была закончена определенная группа работ Второй Камчатской экспедиции. Одна из основных задач, которую должны были разрешить отряды, плававшие у берегов северной части Азиатского материка, — выяснение возможности прохода в Тихий океан, осталась невыполненной, по все же полученные результаты в виде описей и первых инструментальных съемок берега моря от Архангельска до мыса Большой Баранов, т. е. на протяжении более 120° длины, были поистине грандиозны.

Конечно, проводимая северными отрядами огромная работа, совершавшаяся слабыми силами и скудными средствами, при помощи несовершенных приборов, имела много недочетов. Одним из наиболее существенных недочетов была бедность физическими, естественно-историческими и этнографическими наблюдениями, отмечавшаяся Ф. Литке (1828, стр. 91—95) и Ф. П. Врангелем (1948, стр. 74). Было совершено немало неизбежных, иногда крупных ошибок. Но, как говорит историк плаваний этих отрядов А. П. Соколов, «при всей затруднительности работ в такой суровой стране, при всей бедности средств, представляемых тогдашним состояни-

ем науки, опись сделана очень хорошо: не многое пришлось исправлять в ней впоследствии, и пункты, определенные инструментами просто угломерными, каковы градусники и квадранты, оказывались очень близкими к определяемым потом инструментами угломерно-отражательными, каковы секстанты и круги» (1851в, стр. 327).

Совершенные отрядами съемки Крайнего Севера Сибири давали представление о труднодоступных территориях страны. Опыт отрядов и собранные ими наблюдения ясно показывали действительные трудности продвижения северо-восточным проходом в Тихий океан.

ПЛАВАНИЯ К ЯПОНИИ

Плавание судов, строившихся в Охотске, началось с экспедиции к Японии⁶².

М. Шпанберг выступил с тремя кораблями из Охотска 13 июля 1738 г. и направился в Большерецк. Бригантином «Архангел Михаил» с экипажем в 63 человека командовал М. Шпанберг с штурманом Матвеем Петровым, дубель-шлюпкой «Надежда», с командой в 43 человека — лейтенант В. Вальтон с штурманом Львом Казимеровым, а ботом «Гавриил» с таким же числом команды — мичман Алексей Шельтинг с подштурманом Иваном Верещагиным (Соколов, 1851в, стр. 346)⁶³.

Из Большерецка флотилия выступила 15 июля. Но вскоре суда потеряли друг друга: 19 июля на 50° с. ш. отстал бот «Гавриил», а 24 июля на 48° с. ш. — дубель-шлюпка «Надежда».

Бригантин под командованием М. Шпанберга «шел до 45°» и прошел, как он ошибочно считал, мимо тридцати двух островов⁶⁴. Как показано на карте М. Шпанберга, он доходил до о-ва Надежды (Итуруц).

Красноречиво описывая трудности плавания, М. Шпанберг записал в судовом журнале: «На те острова выезжать с судна невозможно было, ибо на тех островах имеются берега каменистые и утесы весьма крутые, и в море великая быстрота и колебание жестоко, на якоре стоять удобных грунтов не имеется, и очень глубоко, и большим судном, ежели к ним в близость подойти, то уже с великим трудом прочь от них отходить, того для, что с тех островов высоких ветер кругом вертит чрез камни». Время было, по его словам, «почти уже осеннее и ночи весьма темные и долгие (в конце июля! — В. Г.), и туманы завсегда с мокротою и густые, к тому ж на том море великой стром и великое течение, и погоды бывают весьма жестокие и часто переменные, и то делается, чего на других морях не видано, понеже, когда вода с водою бывает течениями сопротив друг друга и станет оттого между островами спиратца вода, тогда такое великое волнение бывает и жестокой от воды шум и говор, что уже на судне в водяном шуму человеческого разговору никак слышать невозможно». К тому же у него было мало сухарей и он опасался «нечаянного нападения от чужестранных судов» (Русские открытия в Тихом океане..., 1948, стр. 81—82).

В. Вальтон «словесно» объявил, что он прошел «от Камчацкого южного угла между зюйдом и вестом» до 43°20' с. ш. и видел «довольное число островов, о которых явствует в поданной ево карте капитану-командору, числом двадцать шесть. А людей на оных островах нигде не видал» (Экспедиция Беринга, стр. 177).

А. Шельтинг, остав 19 июля от М. Шпанберга, на следующий же день повернул обратно и уже 6 августа вернулся в Большерецк. К 24 августа в Большерецке собрались все суда.

Таким образом, первое плавание М. Шпанберга было мало успешным: Япония не была достигнута, а о Курильских островах было получено

лишь весьма смутное представление. Следует согласиться с М. С. Бергом, который считает, что уважительных причин для этого не было, так как погода стояла тихая (Берг, 1946а, стр. 173).

Перезимовав в Большерецке, отряд 21 мая 1739 г. вновь вышел в поход к Японии, на этот раз уже в составе четырех судов, так как зимой был построен шлюп «Большерецк», командование которым было поручено квартирмейстеру Василию Эрт (Русские открытия в Тихом океане..., 1948, стр. 86)⁶⁵. Когда суда через несколько дней достигли первых Курильских островов, по требованию М. Шпанберга, В. Вальтоп, командовавший дубель-шлюпкой «Надежда», и А. Шельтинг, возглавлявший бот «Гавриил», менялись судами (Экспедиция Беринга, стр. 234—235).

От Курильских островов суда «пошли в путь обще... и имели разные курши между Z и O» и следовали, не разлучаясь, июня до 14 числа, пересекли 47° с. ш., где на карте И. Делиля была нанесена «Земля де-Гама», затем взяли курс к юго-западу. 14 июня на 39°29' с. ш. В. Вальтоп на боте «Гавриил» отстал и поплыл далее отдельно (там же, стр. 394)⁶⁶.

Остальные суда, дойдя до 39° с. ш., направились прямо на запад к Японии. 16 июня они «усмотрели японской земли берега», около которых стали лавировать. «А с 18 числа, понеже стала быть благополучная погода, то уже мы шли блись самой земли Японских берегов и имели курш на ZW и ZZW, расстоянием около полтораста верст. И в том нашем хождении видели мы подле тех Японских берегов на море в разных местах малых судов или японских бус, ходящих под парусами и лежащих на якоре, многое число. Места по тем берегам каменистые, и на тех камнях растет великой лес, а какой, того признать нам было невозможно..., усмотрели мы жилые места, четыре великие деревни, строение у них в тех местах каменное, а круг всего того жилья усеяно хлебом со удовольствием, под тем хлебом пашни видели по жеребьям так, как и в российских местах, десятинами или четвертьми разделено» (Русские открытия в Тихом океане..., 1948, стр. 87).

Двигаясь далее в южном направлении, суда дошли до 37°30'⁶⁷ с. ш. 22 июня они стали на якорь в 1 версте от берега. Во время остановки происходило оживленное общение с японцами, которое М. Шпанберг описывает следующим образом: «Тогда приезжали к нам на лотках с тех японских берегов японские рыболовы, из которых многие у нас и на судах были, а привозили рыбу камболу и протчие большие и малые рыбы. И оных мы чествовали вином. И желали было мы еще, чтоб более нам их японцев видеть. Того ради расцветили брегапдин Архангел Михаил всеми имевшимися у нас российскими флагами и гуйсы... И были у нас многие японские жители и привозили к нам на суда: шпено сорочинское, агурцы соленые и редис большей свежей, табак листовой, широкие листы, и протчей овощ и вещи; у которых мы, брав в чем нам нужда была, за то дарили их и принимали их со всякою дружескою ласкою, и гостили их, которое наше угощение и подарки каждой принимал со всякою учтивостию, и что которой примет, то все прижимали руками к своим грудям». Подплывали также суда, которые торговали различными изделиями, а покупая русские вещи, платили за них «залотыми червонцами, которые японского хар[ак]тира: пораллелографные, четырехугольные, но токмо против российских червонцев весом лехче» (там же, стр. 88—89). Около русских судов собралось 79 японских, причем на каждом из них было по 10—12 человек. М. Шпанберг, опасаясь нападения, не решился посылать команду на берег.

Описывая японцев, М. Шпанберг сообщил в своем рапорте: «Оные японцы росту среднеча и малова. Платья у них много схожа на тотарское.

Ходят босые, штанов и портков никаких не имеют. С полуголовы ко лбу волосы стрижены и подклеяны клеем, назади завязываются кустиком, которой торчит кверху. Шляпы у них великие, тровишные, плоские, из которых носят те шляпы, привязав под бороду, а у которых шляп нет, те головы повязывают плотками. Вместо епонечь имеют вощанки, сделаны из бумаги... А телом оные японцы некоторые из бела, а более смуглых, глаза малые, волосы черные, бороды бреют» (там же, стр. 90).

Взяв курс на северо-восток, экспедиция к 3 июля 1739 г. оказалась под $44^{\circ}24'$ с. ш. у островов, которые были названы «Фигурный, Трех сестер и Цитронный». 7 июля был открыт «о-в Зеленый», расположенный к западу на широте $43^{\circ}15'$, а 8 июля — «о-в Нудкам», расположенный примерно в 60 верстах «между зюйдом и вестом» от «о-ва Зеленого». Условия плавания были тяжелые, и почти все время был сильный туман. Несмотря на то, что на судах стреляли из пушек и били в барабаны, 3 июля шлюп «Большерецк» отстал (там же, стр. 91).

Определить в таких условиях положение островов и хорошо рассмотреть их не удалось. По мнению Л. С. Берга (1946а, стр. 178), теперь трудно сказать, какие именно это были острова.

На о-в Фигурный был послан 4 июля пробирных дел мастер Гардеболь «для обыскания на том острове металлов и менералов», а 6 июля — штурман Матвей Петров для описания губы. Последний нашел там жилище, но жители убежали (Русские открытия в Тихом океане..., 1948, стр. 91—92).

С «о-ва Нудкам», на который был послан мичман с подарками, вместе с ним на судно приплыло восемь человек местных жителей. Они были «сходны по персонам с курильским народом. И те жители носят долгое платье, портки и штанов не имеют, ходят босые, на платье у них напшты лоскутки камчатные разных цветов, по ногам у них и по всему телу шерсть, бороды у них великие, продолговатые, черные; а которые престарелые, у тех с сединою белою как бороды, так и на теле волосы. Також у некоторых имеютца в ушах колцы серебряные. Лотки у них так же, как у наших курильских мужиков, бойдары. Язык у оных жителей походит на курильской.

...объявили они по компасу кругом блись их лежащие острова..., [подарки] принимали со учтивостию и обе свои руки, сжав, приносили ко лбу и так кланялись. Також становились они на колени перед петухом. Увидя его, поднимали руки кверху» (там же, стр. 93—94).

24 июля суда подошли к о-ву Матмай и видели множество судов с грузом, прибывших из Японии или отправлявшихся туда. На следующий день отряд пошел в обратный путь, так как команда была изнурена и имелось более 20 больных. С 31 июля М. Шпанберг плыл уже один, так как на широте $44^{\circ}24'$ дубель-шлюпка «Надежда» отстала.

В Охотск М. Шпанберг вернулся 29 августа, потеряв во время пути 13 человек. Дубель-шлюпка «Надежда» после долгого блуждания по Охотскому морю пришла в Большерецк, где и зимовала, в Охотск она вернулась в июле 1740 г. (Соколов, 1851в, стр. 360).

М. Шпанберг составил карту своего плавания, названную «Новая табула от Охотского порта и до Большерецкого Камчатского острогу от большой реки между Курильскими и японскими островами и до самой Японии ходил. Табуль или дилиниат сочинил от флота капитан 1738—1739 год». Копия карты М. Шпанберга имеется в ЦГВИА (ф. ВУЛ, № 23745).

В. Вальтон, отставший от М. Шпанберга 14 июня, увидел японский берег 16 июня на $38^{\circ}29'$ с. ш.⁶⁸ Затем он направился вдоль берега к югу.

19 июня к боту пригребло «судно, на котором людей было осмнадцать человек, и за немением толмачей, на их языке разговоров никаких не было, толко имели собою рассуждение руками, и знатно, что звали ево. Валтона, на берег» (Экспедиция Беринга, стр. 180—181). На берег были направлены штурман Л. Казимеров и квартирмейстер с шестью солдатами за водой. Возвратившись из этой поездки, Л. Казимеров рассказал, что «как де он на ялботе поехал к берегу и стал приближатца, тогда отвалили от берегу мелких судов к нему навстречу около полутора ста на греблях, на которых людей было человек по пятидесять (по пятнадцати. - В. Г.)⁶⁹ и болше в долгом китайском платье, которое подобно быть нашим шлафроком, а гребцы были все наги, и пригребли блиско ялбота и казали они с судов им золото». Когда ялбот пристал к берегу, японцы, увидя на нем две пустые бочки, взяли их «и понесли к одному двору и налили полторы бочки водою и принесли возвратно на ялбот, а он, штурман, между тем временем пришел в тот же дом, где воду наливали, и хозяин того дому встретил ево у дверей изрядно со всякою учтивостию и ввел в свои покои и, посадя, подчивал ево и бывших с ним служителей виноградным вином ис фарфоровой посуды, и поставили ему закусок: шепталу моченую, будто в патоке, и редис резаной, потом табак и трубки китайские». Штурман заходил еще в один дом, где его тоже хорошо встречали. Он, со своей стороны, дарил кисер и корольки (бусы). Походив по «слободе», он определил, что в ней «дворов около полуторы тысячи, строение во оной слободе деревянное и каменное, полаты устроены вдоль по берегу близ моря, например версты на три, и жители той слободы имеют в домах чистоту и цветники в фарфоровых чашках, также и лавки в домех с товарами, в которых видел он цестреди бумажные и шелковые, а иного в скорости ему рассмотреть некогда было; скота имеют у себя коров и лошадей, також и куриц. А хлеба, по-видимому, кроме пшена и гороху, у них нет; из овощей имеют они виноград, помаранцы, шепталу и редис». С Л. Казимеровым на «Гавриил» прибыл японец, которого на корабле признали за «воеводу», потому что «провожали ево от берегу болше ста судов» (там же, стр. 181). В. Вальтон поил его водкой и «камчатским вином», а японец, в свою очередь, угощал В. Вальтона и команду виноградным вином.

Опасаясь большого скопления лодок, В. Вальтон, несмотря на хороший прием, пошел далее к югу. Он пытался зайти в какую-то гавань, и его туда уже вели на буксире два японских судна, но затем им встретилось еще одно судно, на котором было пятнадцать вооруженных японцев, приказавших В. Вальтону идти обратно. В. Вальтон пошел вдоль берега к югу и доходил до широты 34°30', а отсюда «имели курш меж NW» (там же, стр. 395)⁷⁰. Но если верить публикуемой нами карте В. Вальтона (рис. 23), бот «Гавриил», отойдя от берега о-ва Хонсю у 34°30' с. ш., плыл далее в юго-западном направлении, минуя небольшие острова, до 33°30' с. ш. На карте В. Вальтона около острова, показанного на 33°30' с. ш., написано: «В сем месте ходил ялбот и нашли на берегу жемчужную раковину»⁷¹.

Эта надпись соответствует рассказу из рапорта В. Вальтона о том, что 22 июня лекарь Дягилев сходил на какой-то остров и «привез оттуда разных трав и при том объявил, что де видел он на означенном острове жителей японских в белом холстинном платье и скота, а именно лошадей шерстью бурых и каурых и коров черных; да он же, Дягилев, привес ветвь древа ореховова, толко какие, того знать невозможно, да ветку сосновую, да две жемчужные раковины» (там же, стр. 395).

От этого острова В. Вальтон пошел 24 июня к Камчатке, держась «более

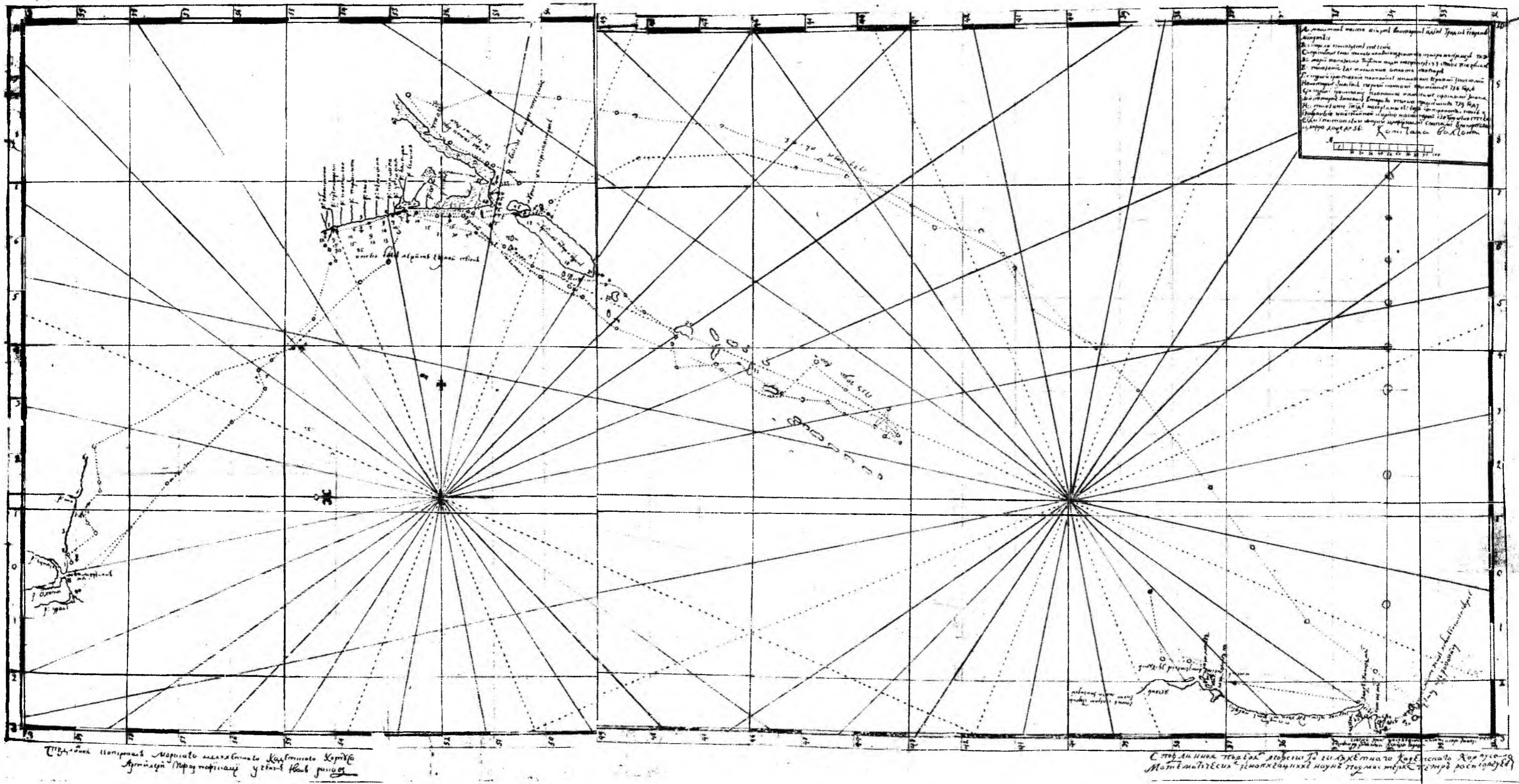

Рис. 23. Карта плавания В. Вальбона к Японии в 1738—1739 гг. (ЦГА ВМФ, Архив Гидрогр. управления, № 256).

восточной стороны для того, чтоб осмотреть, нет ли в той стороне еще какой земли, но токмо земли никакой не видали». Так они «иришли близь от Ваченской (Авачинской.— В. Г.) губы и стали быть в ширине 52°28'» (там же). 23 июля бот вошел в устье р. Большой, куда 26 июля пришел и шлюп «Большерецк». 22 августа оба судна прибыли в Охотск. После окончания экспедиции 1739 г. в плаваниях М. Шпанберга наступил перерыв.

Два года, назначенные инструкцией для проведения исследования, уже истекли. Поэтому В. Беринг не дал согласия на новую экспедицию, предложенную М. Шпанбергом для приведения в подданство курилов, и отпустил его в Петербург для переговоров о дальнейших действиях.

Однако поездка М. Шпанберга не удалась, так как, приехав в Якутск в октябре 1739 г., он получил там в ответ на посланную им ранее просьбу указ, запрещающий ему ехать в Петербург (Русские открытия в Тихом океане..., 1948, стр. 96—97).

Не удалась его поездка в Петербург и в начале 1740 г. по вызову Кабинета министров в связи с проектом о смещении В. Беринга. Указом ему было предложено продолжать свои работы в экспедиции.

Вернувшись в Охотск, М. Шпанберг вынужден был приступить к строительству еще одного судна, так как бот «Гавриил» был во время его отсутствия отправлен на Камчатку под командованием штурмана И. Ф. Елагина для подготовки зимовки экспедиции, направлявшейся в Америку, и задержался там в связи со строительством помещений и складов в Авачинской бухте.

Приготовления к новой экспедиции М. Шпанберга были закончены во второй половине 1741 г. Переправившись осенью этого года в Большерецк на четырех судах — пакетботе «Святой Иоанн» (вновь построенном), бригаantine «Архангел Михаил», дубель-шлюпке «Надежда» и шлюпе «Большерецк», которыми командовали М. Шпанберг, А. Шельтинг, штурман В. Ртицев и боцманмат Козин, и перезимовав там, отряд 23 мая 1742 г. отправился в плавание. К отряду присоединились присланные из Петербурга специально обученные японскому языку два переводчика (Соколов, 1851в, стр. 417).

Как и во время предыдущих плаваний, М. Шпанберг скоро (9 и 13 июня) потерял сопровождавшие его суда, чему немало способствовали его плохие отношения с подчиненными.

Во время этого плавания М. Шпанберг был более чем когда-либо склонен к осторожности и предусмотрительности. 21 июня он созвал совещание обер- и унтер-офицеров, на котором сообщил, что, по его мнению, виденные в море рыбы свидетельствуют о близости Японии, как это говорит и пленный японец. Однако, находясь «всегда неотменно в сумнении», он отметил, что «время остается почти короткое», так как, учитывая противные ветры, неизвестно, скоро ли они доберутся до Японии. На обратном пути их также могут встретить противные ветры, может случиться и «болезнь служителям». М. Шпанберг требовал, чтобы совет высказался, следует ли идти вперед, а если идти, то в течение какого времени (Экспедиция Беринга, стр. 289).

Совет предложил следовать вперед до 6 июля. Но 30 июня на широте 39°35', когда берега еще не были видны, на судне обнаружилась сильная течь, и М. Шпанберг повернул обратно. 14 июля пакетбот пришел к первым Курильским островам, где уже собирались остальные суда, из которых бригаantine «Архангел Михаил» доходил до 38°30' с. ш. Участники экспедиции решили, что вследствие плохого состояния судов продолжать экспедицию в будущем году «резонов не имеется», и 26 августа все суда вернулись в Охотск (Соколов, 1851в, стр. 421).

Этим закончились плаванья к Японии Второй Камчатской экспедиции.

Из этих плаваний наибольшее значение имело плавание, совершенное в 1739 г. Рапорты о нем, полученные от В. Вальтона и М. Шпанберга, были отправлены В. Берингом 3 и 10 сентября того же года в Адмиралтейств-коллегию. Кроме того, М. Шпанберг от себя послал в Адмиралтейств-коллегию упоминавшийся выше рапорт от 19 ноября 1739 г., журнал и карту (Экспедиция Беринга, стр. 411).

Как уже отмечалось, эти материалы были рассмотрены 8 января 1740 г. Адмиралтейств-коллегией. Они стали известны и в правительственных кругах.

Отношение, установившееся в то время в правительственных кругах к М. Шпанбергу, видно из проекта указа о замене В. Беринга М. Шпанбергом: «Со всемоштивейшим нашим удовольствием уведомилесь, какие вы в 1738 и 1739 гг. вояжи морем к японской стороне имели, и особливо zelo приятно нам из оного рапорту видеть было, коим образом вы во втором вояже не токмо многие острова японские видели, но и к самым берегам японской земли приближались... Ис чего признаваем мы милостиво вашу к нам ревностную службу и к ползе интересов наших прилежное рачение и тщание» (там же, стр. 259).

Но вскоре в работе М. Шпанберга стали выявляться существенные недочеты, которые сильно снизили его заслуги. Уже Ф. И. Соймонов, который был хорошим моряком, в инструкции, приложенной к благоприятному для М. Шпанберга проекту указа, отметил грубые ошибки в журнале плаванья и на карте. Так, например, он указывал на неумение М. Шпанберга составить меркаторскую карту, отсутствие в ряде случаев пеленгов и измерения глубин, па встречающиеся в журнале противоречия и непонятные места. «А паче то за первое и за главнейшее в навигации правило почитается, а имянно склопенне компаса, на чем все мореплавание зависит, порядочно и окуратно не обсервовано..., и потому по какому склонению компаса та карта учинена, о том здесь и познать невозможно». Отмечалось также «не без удивления», что М. Шпанберг не прислал журнал В. Вальтона, который «ниже вас был около четырех градусов» (там же, стр. 264).

Г. Г. Скорняков-Писарев, собрав слухи о главных румбах экспедиции, в августе 1740 г. написал, «боясь бога», донос в котором, опираясь на карту, приложенную к какой-то «Японской истории», где Япония нанесена к югу от Камчатки, доказывал, что экспедиция ходила не к Японии, а к Корее (Соколов, 1851в, стр. 362).

В. Беринг, которому М. Шпанберг передал журнал и карту, только 21 августа 1740 г., вернувшись с пути в Петербург, писал, в отчете 18 апреля 1741 г., что, «по свидетельству всех экспедиционных офицеров», журнал и карта «явились неисправны; однако же можно по тому же журналу видеть, что он около тех мест ходил, как сочиненною своею картою показывает, точию со оного карты обстоятельной, за неисправностию того журнала сделать невозможно» (Экспедиция Беринга, стр. 167). Опись неисправностей была отослана вместе с журналом и картой М. Шпанберга в Адмиралтейств-коллегию, где она рассматривалась 28 декабря 1741 г. М. Шпанберг со своей стороны представил целую тетрадь замеченных противоречий в журналах В. Вальтона и написал на него жалобу, обвиняя в умышленном отставании последнего во время походов.

Все дело так запуталось, что его разрешила только в 1746 г. специальная комиссия, в которую входили капитаны Д. Я. Лаптев и А. И. Нагаев, преподаватель Морской академии Шишков и «подмастерье» Бильцов. Комиссия, рассмотрев журналы экспедиции 1739 г., пришла к следующе-

му заключению: «Без всякого сомнения признается, что капитан Вальтон по всем обстоятельствам был подлинно у восточных берегов Япона, а не у Корен... Что же касается до вояжа капитана Шпанберга, по всем его журналам обстоятельствам едва ли бы возможно было кому поверить, что он, Шпанберг, подлинно коснулся плаваьем своим северного угла острова Япона, если бы он ходил на море один». По мнению комиссии, по журналу М. Шпанберга нельзя нанести «не токмо другому кому, но и ему самому Шпанбергу, ни верную трассу пути, ни положения виденных островов и Япона» (Соколов, 1851в, стр. 363—364).

Плавания, проведенные под командой человека с ограниченным кругозором, не дали того, что могли бы дать. Курильские острова были осмотрены и описаны поверхностно и в значительной мере неверно, не было собрано почти никаких сведений об их обитателях. Сведения о берегах Японии почти не превышали тех сведений, которые можно получить, рассматривая берега с корабля, подошедшего на близкое к ним расстояние. Ф. И. Соймонов отмечал в 1761 г., что «хотя в бывшую Камчатскую экспедицию капитан Шпанберг и неоднократно сквозь все те острова проходил, однако из содержанных им журналов ни о народе, на оных островах живущем, неудобностях в проходе между ими, ни о удобствах, о глубинах и грунтах ничего не объявлено» (Полонский, 1871, стр. 406).

Все же значение походов М. Шпанберга было очень велико.

Корабли его экспедиции впервые прошли по тем местам, где, судя по картам западноевропейских географов, располагались земли и острова, и доказали, что этих островов не существует. Вместо них между Камчаткой и Японией была нанесена Курильская гряда. Эти плавания заставили окончательно отказаться от представлений, что Япония лежит восточнее Камчатки. Насколько последний взгляд упорно держался, видно из того, что даже И. К. Кирилов, опровергавший его на карте 1724—1730 гг. и в упоминавшейся выше записке 1733 г., на генеральной карте 1734 г. сделал уступку и сблизил долготы этих стран, поместив их почти на одном меридиане. Кроме того, экспедиция М. Шпанберга с беспорностью установила наличие морского пути из Камчатки в Японию и отсутствие здесь соединения с Америкой.

Из карт М. Шпанберга и В. Вальтона была, по словам Г. Миллера (1758, стр. 116), «сложена одна и напечатана в Российском атласе», изданном Академией наук в 1745 г. Его слова следует, очевидно, понимать в том смысле, что эти карты были использованы для составления карт атласа 1745 г. (генеральной и карты «Устья реки Амура с южной частью Камчатки...»), так как карты, упомянутой Г. Миллером, в атласе нет. Данные карт М. Шпанберга и В. Вальтона были использованы и на карте Г. Миллера 1754—1758 гг.

Известия, хотя и отрывочные, о плавании М. Шпанберга быстро проникли за границу. Уже 13 января 1740 г. голландский представитель в России Шварц писал из Петербурга об открытии М. Шпанбергом 34 островов (Harris, 1764, стр. 1023). В названии карты Й. Газиуса, составленной в 1743 г., упоминается об экспедиции М. Шпанберга, хотя приведены лишь немногие его известия, притом не точно («Oude en Nieuwe Staat...», 1744). Ф. Бюаш (Buache, 1753, стр. 8) опубликовал часть генеральной карты Петербургской Академии наук (1745 г.), но в отношении северной части Тихого океана пользовался своей картой, на которой, как и на карте И. Делиля (1750 г.), Курильские острова, кончая островом «Козой» (по М. Шпанбергу), протягиваются от Камчатки к югу только до 47° с. ш., а дальше показаны земли «Компани», «Ессо», «де Гама».

В пояснениях к своему докладу в Парижской Академии наук от 9 ав-

густа 1752 г., опубликованных в 1754 г., Ф. Бюаш (Buache, 1753, стр. 125—127, 129), полемизируя с Г. Миллером, доказывает, что плавание М. Шпанберга не опровергло представления о существовании земель «Ессо», «Компании» и «де Гама», и что острова, виденные экспедицией, были разными частями этих «земель». «Земля де Гама» изображена на карте Вогонди (Vaugondy, 1744).

Заключив рассмотрение плаваний М. Шпанберга к Японии, отметим, что участиями их были также проведены исследования берегов Охотского моря.

4 сентября 1741 г. М. Шпанберг послал из Охотска мичмана А. Шельтинга и геодезиста М. С. Гвоздева с инструкцией описать берега Охотского моря до устья Амура. Отправившись на дубель-шлюпке «Надежда», они через пять дней прибыли к Шантарским островам, а затем к устью р. Уды, широту которого определили в $55^{\circ}30'$, т. е. на $45'$ севернее истинного положения. Поднявшись на двух ботах до Удского острога, А. Шельтинг выяснил, что река неудобна для крупных судов, а окрестности мало подходящи для поселения. Побывав 22—28 сентября снова около Шантарских островов, он из-за течи в судне отправился обратно и 9 октября прибыл в Большерецк (Соколов, 1851в, стр. 418—422).

Вторично А. Шельтинг был отправлен М. Шпанбергом для продолжения описи берегов от р. Уды до устья Амура в 1742 г., когда корабли экспедиции М. Шпанберга на обратном пути из третьего плавания к Японии собрались у первых Курильских островов. А. Шельтинг отправился 24 июля на той же дубель-шлюпке «Надежда» с штурманом В. Ртищевым и геодезистом М. С. Гвоздевым. 1 августа он подошел к восточному берегу Сахалина на широте $50^{\circ}10'$ и следовал вдоль него к югу до $45^{\circ}34'$ (пролив Лаперуза) при постоянных противных ветрах и туманах, редко видя берег. 17 августа экспедиция повернула обратно и к 10 сентября была в Охотске. По словам А. Шельтинга, плавая у Сахалина, он побывал и у устья Амура, но видеть его не мог из-за тумана (Дивин, 1956, стр. 35). По отзывам позднейших исследователей, эти съемки производились поверхностно (Соколов, 1851в, стр. 422; Тебеньков, 1852, стр. 142).

В. Вальтон в 1741 г. производил из Охотска исследования берегов к северу до р. Ини на отрезке в 95 верст и к югу до р. Ульи на отрезке в 114 верст в поисках места, удобного для устройства порта.

Исследования берегов Охотского моря, проведенные участниками походов М. Шпанберга, были пополнены другими членами Второй Камчатской экспедиции, составившими описи северного и западного берегов этого моря и восточного берега Камчатки.

Поверхностную опись северного берега Охотского моря от Охотска до р. Вилиги, а затем западного берега Камчатки от р. Кахтаны до Большерецка сделал в 1743—1744 гг. мичман В. Хметевский на боте «Большерецк» (Соколов, 1851в, стр. 424).

Опись западного берега Камчатки была произведена геодезистом М. Ушаковым, прошедшим в 1742 г. на собаках от р. Воровской до р. Паланы. Вернувшись отсюда обратно из-за недружелюбного отношения местного населения, он поехал от р. Воровской к югу и описал берег до Большерецка. Эта опись производилась с применением астролябии и мерительной цепи (Соколов, 1852а, стр. 136—137).

Восточный берег Камчатки был описан от Авачинской бухты до Кроноцкого мыса гардемаринном Юрловым (карта опубликована Дивинным, 1953), а от Авачинской бухты до Большерецка — штурманом И. Ф. Елагиным.

ПЛАВАНИЯ К БЕРЕГАМ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ
АМЕРИКИ

Суда для плавания в Америку были спущены на воду 29 июня и 2 июля 1740 г. и названы «Св. Петр» и «Св. Павел» (Экспедиция Беринга, стр. 163). Это были двухмачтовые пакетботы, каждый из которых был снабжен 14 небольшими пушками. Пакетботом «Св. Петр» командовал В. Беринг, а пакетботом «Св. Павел» — А. И. Чириков.

Благодаря усилиям лейтенантов В. И. Ларионова и Г. Толбухина, которым, для того чтобы заставить иркутскую и якутскую канцелярии действовать более энергично, было дано право «присутствующих держать под караулом неисходно», в Охотск к лету 1740 г. были завезены все необходимые для экспедиции грузы. Таким образом, В. Беринг мог бы выступить уже в начале августа 1740 г., но ему пришлось задержаться, чтобы дожидаться «лейбгвардии каптенармуса Авраама Друкорта» — курьера с указом из Петербурга, о прибытии которого предупредил М. Шпанберг, вернувшийся 10 августа в Охотск из Якутска. Поэтому В. Беринг вышел в Авачинскую бухту из Охотска только 8 сентября (там же, стр. 123—124) ⁷². Оставив в Большерецке членов Академического отряда Л. Делаacroера и Г. Стеллера, присланного Академией наук на смену И. Гмелину, отряд на кораблях «Св. Петр» и «Св. Павел» 6 октября прибыл в Авачинскую бухту и там зазимовал. Проходя между мысом Лопаткой и первым Курильским островом, «Св. Петр» едва не потерпел крушение. Находившийся на этом пакетботе С. Ваксель писал: «За всю мою жизнь (а я ведь почти сорок лет плаваю в море), мне никогда не приходилось подвергаться такой серьезной опасности» (1940, стр. 49). Но гораздо существеннее для экспедиции были затруднения, возникшие с отправкой кораблей, перевозивших продовольствие для экспедиции, — дубель-шлюпки «Надежды» под командой С. Ф. Хитрово и галиота «Охотск» под командой В. Ртищева.

Дубель-шлюпка «Надежда» при выходе из Охотска села на мель, причем погибла часть ее груза. Когда «Надежда» все же добралась до Большерецка и попыталась продолжать плавание, она снова потерпела неудачу и вернулась в Большерецк. Поэтому командование не рискнуло отправить суда с продовольствием дальше ⁷³ и, несмотря на огромные трудности, предпочло, как и во время Первой Камчатской экспедиции, перевезти необходимые грузы зимой на собаках; морем предполагалось отправить лишь оставшуюся часть. Вероятно, этим пужно объяснить то, что при наличии в Охотске продовольствия для экспедиции на один год восемь месяцев — на суда «Св. Петр» и «Св. Павел» перед походом в Америку был погружен только шестимесячный запас (Экспедиция Беринга, стр. 327 и 256) ⁷⁴.

Недостаточный запас продовольствия был одной из причин, заставивших суда спешить с возвращением на Камчатку и затруднивших возможность зимовки в Америке, хотя в инструкции Адмиралтейств-коллегии от 28 февраля 1733 г. предусматривалось, что экспедиция будет длиться два года.

4 мая 1741 г. В. Беринг собрал совещание, чтобы уточнить путь следования экспедиции. На этом совещании присутствовали офицеры, Л. Делаacroер, присоединившийся к этому времени к отряду, и штурман (Ваксель, 1940, стр. 161). При выборе маршрута важную роль сыграла карта И. Делиля, представленная Л. Делаacroером.

Соображения участников совещания изложены в рапорте А. И. Чирикова в Адмиралтейств-коллегию от 7 декабря 1741 г.: «Согласно поло-

жили... курш: сперва зюйд остен остен по правому компасу (т. е. с учетом магнитного отклонения.— В. Г.) и иттить оным румбом, ежели земли не найдем, до сорок шестого градуса северной ширины [понеже от здешней гавани на оной румб на сорок седмом градусе северной ширины по карте астрономии профессора Делиль де ла Кроера лежит земля, именуемая Иан де Гама, о которой чаели, что оная часть Америки. Ибо по генералным картам от самой Калифорнии до оного места, где показана земля Иан де Гама, положен вид земли, которой вид изображен и на карте профессора Делиль де ла Кроера, да и для того оной путь принять положили, рассуждая о земли Иан де Гама, хотя оная с Америкою и не сообщается и лежит особливим островом, то по инструкции, должно и о островах, лежащих на пути американском, разведывать]. А от вышепоказанной ширины, ежели земли не найдем, положили иметь курш остен норден⁷⁵ непременно, докамест получим землю... И хотя мы притом рассуждали, что может быть способнее б нам было, по надежде короткого расстояния, прежде иттить к Чюкоцкой земле и потом искать американских берегов, как я предлагал перед отправлением нашим из Питербурха и в государственную адмиралтейств-коллегию, точю оное не принято, опасаяся, дабы ранним летним временем у Чюкоцкой земли не воспрепятствовали ходу нашему лды, понеже оная лежит к северу близ 65-го градуса» (Экспедиция Беринга, стр. 273—274).

А. И. Чирикову не удалось подкрепить свое предложение конкретными доводами. Он пытался это сделать еще весной 1740 г. в Охотске, попросив «словесно» у В. Беринга согласия на плавание, чтобы «осмотреть места, лежащие от Камчатки меж норда и оста, против Чюкоцкого носа и прочие западной стороны Америки». Но В. Беринг «сего учинить... не смел. объявляя, что оное з данную инструкцию несогласно» (там же, стр. 325).

Тем не менее из приведенного решения совещания офицеров ясно видна их твердая уверенность, что по курсу «остен норден» должна быть «получена земля». Отклонение же к югу, которое имело очень плохие последствия, было вызвано указом Сената, обязывавшим считаться с мнением И. Делиля (Ваксель, 1940, стр. 161)⁷⁶.

При выходе в плавание экипаж пакетбота «Св. Петр» состоял из 77 человек⁷⁷. В командный состав, кроме В. Беринга, входили лейтенант С. Ваксель, мастер С. Ф. Хитрово, штурман А. Эйзельберг, подштурман Х. Юшин. В составе экипажа находились также натуралист Г. Стеллер и живописец Ф. Пленнсер. Среди матросов был разжалованный лейтенант Д. Л. Овцын. Экипаж «Св. Павла» состоял из 75 человек (Лебедев, 1951, стр. 135). Кроме командира судна А. И. Чирикова, на нем были лейтенанты И. Л. Чихачев и М. Г. Плаутин, мастер А. М. Дементьев, штурман И. Ф. Елагин. В отряд входил также профессор Л. Делаacroer.

Утром 4 июня 1741 г. пакетботы, наконец, вышли в плавание (Экспедиция Беринга, стр. 256). 6 июня В. Беринг приказал А. И. Чирикову следовать вперед. Этим, по словам А. П. Соколова (1851в, стр. 377), В. Беринг как бы признал преимущества А. И. Чирикова в отношении его опытности и умения плавать.

Держась принятого на совещании курса, корабли уже через 8 дней (13 июня), пройдя свыше тысячи километров параллельно цепи Алеутских островов, были у 46°05' (Golder, 1922, стр. 58), т. е. в том месте, где на карте И. Делиля нанесена «земля, усмотренная доном Жуаном де Гама». При приближении к этому месту велись тщательные промеры глубины, с салангов высматривали землю, но ничего, конечно, не увидели. 13 июня (там же) в 4—5 час. пополудни решили, как это было предусмотрено «консилиумом», переменить курс на ОтN по правому компасу.

Перестав следовать параллельно дуге островов, корабли были на верном пути к группе Андреяновских островов, расположенных на самом южном изгибе Алеутской гряды (около $51,5^{\circ}$ с. ш.). Но 18 июня, находясь на 49° с. ш., В. Беринг стал сомневаться, выполнили ли они задание по разведыванию «Земли де Гама», повернув на широте $46^{\circ}5'$ к северу. В этот же день с пакетбота «Св. Петр» запросили командование «Св. Павла», согласны ли они идти «против прежнего определения» к югу, «понеже еще против того определения по длине (по долготе.— В. Г.) не исполнено (Экспедиция Беринга, стр. 345) ⁷⁸.

А. И. Чириков ответил, что при господствующем юго-восточном ветре поворачивать к югу нет смысла, и следует плыть хотя бы до 53° с. ш., пользуясь ветром. Но юго-восточный ветер продержался только до 20 июня и сменился на северо-восточный. Корабли продвинулись лишь до $49^{\circ}22'$ с. ш. и не дошли до Алеутских островов, которые были уже недалеко (Golder, 1922, стр. 65).

В этот же день суда в сильном тумане потеряли друг друга ⁷⁹.

Проискав друг друга в течение нескольких дней, В. Беринг и А. И. Чириков решили продолжать плавание. «Св. Петр» двинулся дальше в 5 час. утра 22 июня, а «Св. Павел» сутками позже (Экспедиция Беринга, стр. 345).

Но оба корабля отклонились от прежнего курса к северу. В. Беринг немедленно приступил к осуществлению своего намерения выполнить «определение» и пошел опять к югу, а потом на восток, все больше склоняясь к северу. А. И. Чириков, стараясь максимально использовать ветер, почти до конца июня плыл прямо на восток, потом стал держать курс несколько севернее.

Таким образом, плавание к «Земле де Гама» имело следствием то, что суда обошли выгибающуюся к югу Алеутскую гряду.

Судьба пакетботов, после того, как они поплыли отдельно, была различна, хотя они оба выполнили возложенное на них поручение и побывали у берегов Америки. Обстоятельства не благоприятствовали проведению исследований открытых ими стран. Большие результаты для науки дало плавание «Св. Петра», имевшего на борту талантливого натуралиста Г. Стеллера, который к тому же почти в течение целого года проводил наблюдения природы на о-ве Беринга после того, как судно потерпело крушение.

Поэтому мы в первую очередь рассмотрим плавание «Св. Петра» ⁸⁰.

Достигнув к 25 июня $45^{\circ}16'$ с. ш., экипаж «Св. Петра» обнаружил много плавающих птиц, в связи с чем было решено двигаться дальше к югу (Экспедиция Беринга, стр. 345). Однако уже 26 июня, не найдя «Земли де Гама», В. Беринг признал, что карта И. Делиля неправильна и, что нужно идти на северо-восток (Golder, 1922, стр. 71).

Принятый в дальнейшем курс плавания встречал на корабле глухую оппозицию, главным представителем которой был Г. Стеллер. У командования «Св. Петра» с самого Петропавловска сложились с ним плохие отношения, что принесло большой ущерб экспедиции. Г. Стеллер отличался большой наблюдательностью и умел угадывать с редкой проницательностью по немногим признакам существо явлений природы. Это был рожденный исследователь, вооруженный знаниями, искренне и ревностно, не жалея сил и здоровья, относившийся к своей работе, но требовавший уважения и внимания к своим начинаниям.

В. Беринг взял Г. Стеллера в плаванье по формальным соображениям, поскольку среди экипажа «Св. Петра» не было «рудознатцев и пробовальщиков», которых он должен был иметь по инструкции Сената для поисков

руд и минералов (Экспедиция Беринга, стр. 141). Научными исследованиями ни сам В. Беринг, ни тем более другие офицеры «Св. Петра» (С. Ваксель и С. Ф. Хитрово) особенно не интересовались. Они смотрели на Г. Стеллера несколько свысока, поскольку он был лишь адъютантом, а не профессором⁸¹. Это оскорбляло Г. Стеллера⁸².

Во время пути Г. Стеллер составил, основываясь на своих наблюдениях, собственное представление о расположении земли, которую искала экспедиция, и о курсе корабля. На пути к Америке он неоднократно наблюдал и указывал признаки, по которым можно было, по его мнению, определить, что корабль идет недалеко от земли (Steller, 1793, т. V, стр. 148—152). К таким признакам относились наблюдавшиеся иногда в большом количестве морские растения, частое появление тюленей и встречавшиеся временами на воде большие стаи чаек, которые улетали всегда только в северном направлении⁸³. По-видимому, не один Г. Стеллер считал, что земля недалеко⁸⁴. Но В. Беринг и офицеры «Св. Петра» высмеивали Г. Стеллера, высказывавшего такие предположения. В известной мере это было связано с неудачным выступлением Г. Стеллера 12 июня, когда пакетбот был на 46° с. ш.; он заявил тогда, что вблизи к югу и юго-востоку должна быть земля (там же, стр. 144).

Г. Стеллер сам относился неприязненно к офицерам пакетбота, особенно к С. Ф. Хитрово и С. Вакселю, причем часто бывал неправ. Он высказывал свою неприязнь в рапортах, письмах и литературных работах. Одним из последствий недоверия к Г. Стеллеру было то, что В. Беринг держал, как мы уже отмечали, курс параллельно Алеутской гряде, несмотря на то, что Г. Стеллер указывал на признаки, свидетельствовавшие о близости берега в северном направлении.

Наконец, более чем через месяц плавания (14 июля) офицеры пакетбота, созванные на совещание, решили, что поскольку плавание по принятому направлению остается безрезультатным, а запас пресной воды уже наполовину израсходован, следует держать курс на восток-северо-восток, а также исследовать, нет ли земли в северном направлении (Golder, 1922, стр. 90).

16 июля (по гражданскому счету) в первом часу пополудни с корабля увидели, как записано в журнале С. Вакселя и С. Ф. Хитрово, «высокую сопку» (Экспедиция Беринга, стр. 346). Это была одна из высочайших вершин (5520 м) Северной Америки — гора Св. Ильи⁸⁵. Корабль находился в это время на $58^{\circ} 17'$ с. ш. и $142^{\circ} 10'$ з. д. по Гринвичу (Bertholf, 1922, стр. 332).

Из-за изменчивости и слабости ветра пакетбот смог достигнуть берега только 20 июля. В этот день «вечером в 6 час. бросили якорь на глубине двадцати двух сажен на мягком глинистом грунте вблизи довольно большого острова, расположенного неподалеку от материка» (Ваксель, 1940, стр. 57). Перед экипажем открылся берег Америки, и «можно было наслаждаться видом прекрасных лесов и больших равнин, расположенных под горами. Самый берег был плоский, ровный и, сколько можно было судить, песчаный» (Steller, 1793, т. V, стр. 155).

Пакетбот остановился, как это впервые определил Г. А. Сарычев (1952, стр. 163—164), около юго-западной оконечности о-ва Каяк⁸⁶. Правильность этого определения подтверждает зарисовка береговой линии в журнале С. Ф. Хитрово, опубликованная А. П. Соколовым (1851в). Место, у которого стоял корабль, было названо экспедицией мысом Св. Ильи⁸⁷.

Таким образом, пробыв в пути более чем 1,5 месяца, «Св. Петр» достиг широты $56^{\circ} 44'$, пройдя от Петропавловска (по судовому журналу) 2950 км (Берг, 1946а, стр. 193).

Что именно должна была выполнить экспедиция, прибыв к берегам Америки, было указано в инструкции Адмиралтейств-коллегии от 28 февраля 1733 г. «Когда самые американские берега там, как чаецца, найдете, то на оных побывать и разведать подлинно, какие на них народы и как то место называют и подлинно ль те берега американские и, учиня то и разведав, с верным обстоятельством поставить все на карту, и потом итти для такого ж разведывания подле тех берегов, сколько время и возможность допустит по своему рассмотрению...» (Экспедиция Беринга, стр. 163—164).

Однако В. Беринг, так же как и во время плавания в 1728 г., больше всего интересовался вопросом об обратном пути. Ему уже исполнилось 60 лет, он был не очень здоров и во время плавания почти не выходил из каюты, а на корабле распоряжались С. Ваксель и С. Ф. Хитрово. Открытие берегов северо-западной Америки мало радовало В. Беринга. Когда 16 июля с корабля впервые увидели землю, все стали поздравлять В. Беринга; он же не только отнесся к этому равнодушно, но даже пожимал плечами, глядя на берег. «В каюте он сказал мне (Стеллеру.— В. Г.) и Плениснеру: мы считаем, что мы все открыли и многие строят воздушные замки, но никто не думает, где мы достигли земли, как мы далеко от дома, что еще придется перенести. Может быть начнутся пассаты, которые не позволят нам ехать обратно. Страну мы не знаем и не обеспечены провиантом для зимы» (Steller, 1793, т. V, стр. 154). В таком настроении В. Беринг, не посоветовавшись с офицерами, дал 21 июля команду плыть обратно к Камчатке, даже не наполнив всех бочек водой, не говоря уже о высадке на землю.

Через несколько дней В. Беринг высказал мысль, что «на этот год следует ограничиться уже сделанным открытием» и плыть обратно тем же путем, каким они плыли, разыскивая Америку (там же, стр. 172). Г. Стеллер говорил с возмущением, что их плавание совершилось «яко бы только для взятия и отвозу из Америки в Азию американской воды» (Пекарский, 1869, стр. 19). Позже П. Паллас писал: «Невозможно понять, каким образом случилось, что не было принято никаких попыток к серьезному исследованию открытой земли и овладению ею; можно допустить, что имел место какой-то недостаток в инструкции или что в этих отдаленных местах дисциплина и боязнь ответственности исчезли» (Steller, 1793, т. V, стр. 157).

Производить какие бы то ни было исследования на о. Каяк В. Беринг не собирался и не разрешил Г. Стеллеру съехать на берег, хотя 20 июля послал на большом боте С. Ф. Хитрово для подыскания бухты, а малый бот послал за водой (Экспедиция Беринга, стр. 347). Только настойчивости Г. Стеллера мы обязаны тем, что ему все же удалось побывать на берегу. Видя, «что ласковыми словами ничего учинить не мог, употребил уже жестокие слова ему, капитану командору Берингу», после чего и был отпущен на берег в сопровождении казака Фомы Лепехина (Пекарский, 1869, стр. 18). Но возможность заняться хотя сколько-нибудь серьезными исследованиями ему не была предоставлена. Попросив через возвращавшихся на корабль матросов, чтобы ему на некоторое время дали ялбот и несколько человек команды, Г. Стеллер получил ответ, что он должен как можно скорее явиться обратно, так как его не будут ожидать и оставят на берегу.

Все же Г. Стеллер успел сделать за 6—10 час.⁸⁸ проведенных на берегу, много наблюдений. Достаточно сказать, что он составил список, включающий около 160 видов растений (Литвинов, 1909, стр. 281). Пребывание Г. Стеллера на о-ве Каяк представляет большой интерес, поэтому остановимся на нем несколько подробнее.

Высадившись на берег и пройдя около версты, Г. Стеллер нашел остатки костра, разводимшегося местными жителями, очевидно, недавно; тут же было корыто, выдолбленное из большого бревна, в нем варили еду, бросая в налитую туда воду раскаленные камни. Разбросанные кости с остатками мяса, принадлежали, видимо, оленю. Вокруг костра была рассыпана юкола. Там же Г. Стеллер нашел много моллюсков-гребешков, шириной 8 дм, и голубых ракушек. Употребление в пищу сырых ракушек и юколы (сушеной рыбы) напоминало обычай населения Камчатки. Но камчатскому же образцу была приготовлена сладкая трава, лежавшая на ракушках. Недалеко от костра Г. Стеллер нашел и огниво; отличавшееся от камчатского главным образом трутом, который был сделан из мха. Рассматривая срубленные деревья, Г. Стеллер определил, что топоры у «американцев», как и у камчадалов, каменные или костяные.

Пройдя еще около 3 км, Г. Стеллер заметил замаскированную травой тропинку, которая привела его и Ф. Лепехина в лес, где они обнаружили погреб, прикрытый травой. В погребе, глубиной 2 сажени, были найдены следующие предметы: «1) Лукошки... около 1½ аршин высотой, наполненные копченой рыбой, вроде камчатских лососей, ее в Охотске зовут по-тунгусски штерка, а на Камчатке она идет под общим названием красной рыбы, но найденная нами рыба на вкус гораздо лучше камчатской, 2) некоторое количество сладкой травы, из которой гонят вино..., 3) различные травы, с которых снят был лубяной покров, как с конопли. Я принял их за крапиву, встречающуюся здесь в большом изобилии, как и на Камчатке; здесь могли использовать ее для рыболовных сетей; 4) сушеная заболонь лиственницы или сосны, скрученная трубками и засушенная; она употребляется во время голода не только на Камчатке, но и везде в Сибири и даже в России до Хлынова и всюду около Вяжки; 5) большие кипы веревок из морской травы, которые мы, испытав, нашли необычайно крепкими и твердыми. Под этим я нашел несколько стрел, которые по размерам значительно превосходят камчатские и похожи на тунгусские и татарские. Они были очень чисто выструганы и покрашены в черный цвет. Это наводило на мысль, что у местных жителей есть железные инструменты и ножи» (Steller, 1793, т. V, стр. 162).

Г. Стеллер отослал Ф. Лепехина с некоторыми из найденных предметов для передачи их В. Берингу через матросов, набиравших воду, в качестве образцов сделанных находок. Сам же он смело пошел вперед и, пройдя еще около 6 верст, вышел к крутой скале, выступавшей в море и преграждавшей путь в этом направлении. От мысли пересечь остров и идти по другому берегу Г. Стеллер отказался, опасаясь потерять связь с пакетботом.

На расстоянии нескольких километров от этого места он увидел дым, подымавшийся с холма, заросшего елями. Г. Стеллер решил попросить В. Беринга прислать ему несколько человек и затем попытаться встретиться с местными жителями. Поспешив обратно к матросам, он просил передать эту просьбу В. Берингу, но через час получил ответ, о котором говорилось выше. Все же Г. Стеллер не прервал своих наблюдений и вернулся на пакетбот только к закату солнца, получив еще одно предупреждение.

С. Ф. Хитрово, вернувшийся несколько позже Г. Стеллера, ездил в пролив, отделяющий о-в Каяк от материка, для поисков «якорного места». Он нашел такое место за одним из островов, отстоящим мили на две от берега материка, который «весь имеет высокие хрепты и сопки, покрытые снегом». На этом острове он видел «юрту, сложенную из досок тесонных, в которой и пол намощен досками ж, а вместо печи складена в ней, в одном углу, каменка. Около юрты найдены лукошки деревянные, в которых

имелись морские раковины, которые видно, что употребляют здешние жители в пищу. Людей никаких не видели, а видно, что жили незадолго перед нашим приездом». Он привез с собой одно лукошко, лопатку и небольшой камень, «на котором обтира́на была (точилась? — В. Г.) медь» (ЦГАДА, разр. 21, д. 9, л. 38). В. Беринг послал на остров несколько матросов, которые должны были отнести к погребу, найденному Г. Стеллером, разные подарки взамен взятых вещей.

Л. С. Берг, анализирувавший с привлечением обширного этнографического материала наблюдения Г. Стеллера и С. Ф. Хитрово, предполагает, что в 1741 г. на острове жили эскимосы, подвергшиеся влиянию тлинкитов (Берг, 1946а, стр. 214).

Сам Г. Стеллер, учитывая сходство предметов обихода и некоторых привычек «американцев» и камчадалов, делает более широкие выводы «об общем происхождении народов этой части американских берегов с камчадалами..., а если так, то следует предположить, что Америка простирается дальше на запад, притом по направлению к северу становится гораздо более близка к Камчатке, так как невозможно предположить, чтоб камчадалы на своих жалких суднах смогли проехать те же 500 миль, которые проехали мы» (Steller, 1793, т. V, стр. 160). Несмотря на несколько упрощенную аргументацию, предположение Г. Стеллера было довольно правильным; представления об общем происхождении жителей этих берегов с камчадалами придерживается и современная наука, которая, однако, отодвигает переход обитателей восточной Азии в Америку в довольно далекое прошлое (Берг, 1946а, стр. 205). Верны были и предположения Стеллера о значительной протяженности Америки на запад (если считать вместе с ним выступом Америки Алеутские острова) и о близости ее на севере к Камчатке.

Описывая природу острова, Г. Стеллер отметил, что климат северо-западной Америки мягче климата Азии на широте Камчатки, что доказывает растительность, значительно более богатая, чем на берегах Азиатского материка. В Америке на широте 60° прекрасные леса растут прямо на морском берегу, тогда как на Камчатке, даже в более южных широтах, они растут гораздо дальше от берега. По его мнению, в северо-западной Америке в связи с более мягким климатом ход рыбы в реки к местам нерестилищ начинается раньше, чем на Камчатке. Г. Стеллер полагал, что это климатическое различие в большой мере определяется различным характером гор на берегах Азии и Америки. В Азии они более «разрушены и рыхлы, поэтому в них нет свободного движения прогревающих их минеральных газов, и они лишены внутреннего тепла» (Steller, 1793, т. V, стр. 168). В Америке же горы расчленены гораздо меньше. Кроме того, Г. Стеллер отмечал, что берега Азии и северо-западной Америки неодинаково защищены от ветра. Если берега Камчатки, особенно в районе Охотского моря, открыты северным ветрам, то берега Америки в районе мыса Св. Ильи защищены материком, протягивающимся к северу несколько далее 70° с. ш.

Замечания Г. Стеллера о более мягком климате и более богатой растительности на берегах северо-западной Америки совершенно правильны, так же как и его догадки о том, что они более защищены от северных ветров. Конечно, не следует упускать из виду, что, приходя к таким заключениям, Г. Стеллер мог руководствоваться и наблюдениями во время обратного плавания вдоль Алеутской гряды.

Замечание Г. Стеллера о более раннем ходе рыбы в реки, по мнению Л. С. Берга, неправильно (Берг, 1946а, стр. 215). Его представление о «прогревании гор минеральным газом», вероятно, было связано с распространенной в то время идеей о влиянии находящихся в недрах земли лавы,

газа и пара на процессы горообразования, высказанной в конце XVII в. датским ученым Н. Стеноном.

Из виденных на острове и около него морских зверей Г. Стеллер отметил тюленей, китов и большое количество морских бобров. Из зверей, живущих на суше, ему попадались черные и красные лисицы, которые были не очень пугливы.

Из птиц он видел обычных ворон и сорок и, кроме того, около десяти странных, ярко окрашенных птиц. По описанию Г. Стеллера впоследствии удалось установить, что это были хохлатые сойки, названные *Cyanocitta Stelleri*. Это одна из характернейших птиц берегов северо-западной Америки. Она не пуглива, весьма любопытна, шумлива и, летая стаями, всюду бросается в глаза (Берг, 1946а, стр. 218). Г. Стеллер, вспомнив ее изображение, виденное «в каком-то описании Каролины», правильно оценил ее появление: «Эта птица подтвердила мне, что мы действительно в Америке» (Steller, 1793, т. V, стр. 171).

Таковы наблюдения, сделанные Г. Стеллером за время его короткого пребывания на о-ве Каяк.

К сожалению, работам Г. Стеллера по изучению встреченных островов не суждено было получить во время следования корабля широкого развития. Им был положен предел в официальной форме 2 августа, когда пакет-бот подошел к большому лесистому острову и Г. Стеллер вновь попросил у В. Беринга бот на несколько часов для продолжения научных наблюдений. Г. Стеллер пишет, что они «вступили в небольшое пререкание, в результате чего он (В. Беринг.— В. Г.) созвал совещание, на котором было принято, что впредь никто не предъявит ко мне претензий за то, что я будто быне хотел выполнять самым ревностным образом свои обязанности при всяком удобном случае. Это все обещали, и я решил дело так и оставить» (там же, стр. 173—174).

«Св. Петр» отправился в обратный путь в 9 час. утра 21 июля (Экспедиция Беринга, стр. 347).

Обратное плавание не отличалось большой последовательностью. Сказалось то, что все усиливавшаяся болезнь В. Беринга вскоре совершенно приковала его к постели, и управлению кораблем производилось через младших офицеров, согласовывавших свои решения с В. Берингом и друг с другом.

Убедившись после приближения к земле (о-в Кадьяк) 22, 24 и 26 июля, что берег отводит их от северного направления, по которому судно должно было следовать до 65°, командование «Св. Петра» решило идти «между зюйда и веста, как оная земля простираетца, для описания» (Ваксель, 1940, стр. 140).

Но уже 31 июля «Св. Петр» переменил курс на северо-западный. Плывя в этом направлении, он едва не натолкнулся в ночь со 2 на 3 августа, когда был сильный туман, на берега о-ва Туманного (о-в Чирикова)⁸⁹. В эти же дни были замечены пять островов, названных отрядом Евдокеевскими (острова Семиди) (Экспедиция Беринга, стр. 349). Затем «Св. Петр» вновь переменил курс и до 10 августа шел к югу и юго-западу (Golder, 1922, стр. 113).

10 августа вопрос о курсе корабля опять пересматривался, и командование решило плыть на запад, опасаясь появления западных ветров. Обследование «берегов Америки» становилось опасным из-за сильных осенних бурь и постоянных туманов. К тому же 21 человек на корабле уже были больны цингой.

Роковой для «Св. Петра» западный ветер отмечается в записях журнала Х. Юпина уже с начала августа. С 8 августа он стал преобладающим, п

за время с 10 по 27 августа корабль, взяв направление на запад, смог продвинуться примерно на 450 км, тогда как с 21 июля по 10 августа двигаясь на юго-запад, он приблизился к Камчатке почти на 1000 км, хотя и делал рейсы в сторону (там же, см. карту Бертольфа).

Но, несмотря на это, 27 августа было принято новое решение: отклониться от курса на запад, идти к северу и искать землю, чтобы пополнить запасы воды, так как ее осталось только 25 бочек (там же, стр. 138).

Потеряв на это плавание, во время которого пакетбот доходил до островов, названных отрядом Шумагинскими⁹⁰, 12 дней, отряд вернулся 9 сентября примерно к тому же месту, откуда он направился к северу. Это имело для «Св. Петра» тяжелые последствия.

Сравнение обратного пути «Св. Петра» и «Св. Павла» показывает, что до 30 августа «Св. Павел», который отправился в обратный путь на 5 дней позже (26 июля) и от более восточного пункта, шел сзади «Св. Петра». Но с 30 августа их взаимное расположение изменилось. По записям в журналах А. И. Чирикова и Х. Юшина, 31 августа ветер изменился на восточный, и «Св. Павел» прошел до 9 сентября 1300 км к западу, т. е. немногим менее половины расстояния, отделявшего его от Камчатки 30 августа. На такое же расстояние он оторвался от «Св. Петра», потратившего время на плавание к северу.

Но главное преимущество, которое получил А. И. Чириков, сильно продвинувшись к западу, заключалось в том, что он в меньшей степени испытал действие ужасающего шторма 24 сентября — 15 октября, разыгравшегося в местах, оставленных «Св. Павлом» далеко сзади. Задержавшийся же здесь «Св. Петр» хотя и спасся от гибели, но за 22 дня не только не продвинулся вперед, но даже был отброшен на 500 км к востоку.

Во время плавания корабля «Св. Петр» в этом районе Г. Стеллер сделал странное наблюдение, которое стало предметом довольно широкого и безуспешного обсуждения в литературе. По словам Г. Стеллера, 10 августа он и матросы «Св. Петра» в течение двух часов наблюдали в море (более чем в 400 км от земли) необыкновенное и неизвестное животное, которое описывается им следующим образом: «Оно было длиною около двух аршин, голова, как у собаки, с острыми прямыми ушами. На верхней и нижней губе свисали усы и борода. Глаза большие, тело длинное, толстое и круглое, суживающееся к хвосту. Кожа, по-видимому, густо поросла волосами, которые на спине серого цвета, а на брюхе — беловато-красные. В воде все животное кажется красным, как корова. Хвост разделен на два плавника, из них верхний, как у петухов, в два раза длиннее нижнего. Особенно меня поразило отсутствие передних ног, на месте которых не было видно и плавников... Более двух часов плавало оно вокруг корабля, с удивлением рассматривало то одного, то другого из нас. Временами оно подплывало так близко к кораблю, что его можно было достать шестом, но лишь кто-нибудь шевелился, как оно отплывало подальше. Оно могло подняться на $\frac{1}{3}$ своей длины из воды, как человек, и оставаться так несколько минут. Насмотревшись на нас с полчаса, оно бросилось, как стрела, под корабль и появилось с другой его стороны; вскоре затем, нырнув, оно появилось опять на прежнем месте. Так оно ныряло раз 30. Тут появилась морская трава... Животное, увидев ее, тотчас бросилось к ней и, ухватив ее в рот, поплыло с ней к кораблю. При этом оно делало движения и обезьяньи ужимки, смешнее которых трудно себе что-либо представить» (Steller, 1793, т. V, стр. 175—176)⁹¹. Г. Стеллер сравнивает это животное с «морской обезьяной» К. Геснера⁹².

Впоследствии многие ученые по этому описанию пытались определить, о каком животном идет речь. Американский зоолог Л. Стейпегер высказал

предположение, что это был морской кот, которого раньше Г. Стеллер не видел «ни живого, ни мертвого» (Stejneger, 1936, стр. 281). Представление об отсутствии передних лап Л. Стейнегер объяснял тем, что морской кот, плавая, поджимает их, а за раздвоенный хвост были приняты задние лапы. Л. Стейнегер отмечает, что такое же представление о «морской обезьяне» имел и Тилезиус, писавший о ней в 1835 г.⁹³ Но это объяснение основано на недоразумении, так как предположение, что Г. Стеллер не видел до 10 августа котиков, неверно⁹⁴. Кроме того, трудно представить, чтобы такой острый наблюдатель, как Г. Стеллер (а вместе с ним и вся команда «Св. Петра»), не заметил передних лап у животного, которое подплывало на расстояние «длины шеста» и на одну треть высывалось из воды, оставаясь в таком положении по нескольку минут. Что касается задних пог, то котик вытягивает их во время плавания и они действительно в это время похожи на хвост, раздвоенный в горизонтальной плоскости, но у Г. Стеллера сказано, что у этого животного хвост, как у петуха, и верхний плавник вдвое длиннее нижнего.

Вопрос осложняется тем, что сам Г. Стеллер считал свое описание «морской обезьяны» несовершенным⁹⁵. Отметим также, что в судовых журналах, а также в записях С. Вакселя упоминания о «морской обезьяне» нет. По-видимому, приходится признать, что невозможно определить, какое именно животное видел Г. Стеллер⁹⁶.

У о-вов Шумагина, где «Св. Петр» остановился 30 августа и набирал воду, удалось сделать новые наблюдения природы и населения берегов, около которых проплывал пакетбот.

В этой группе 22 острова, из них 15 довольно больших. Они безлесны, покрыты травой, изобилуют птицами. Предполагают, что «Св. Петр» приставал к одному из больших островов, называемому теперь о-в Нагай. Пребывание у этих островов неожиданно затянулось, так как С. Ф. Хитрово, отправившись 30 августа с целью встретить людей на один из островов, на котором был виден огонь, смог вернуться из-за разыгравшейся бури только 3 сентября (Ваксель, 1940, стр. 60—63). После этого плаванию препятствовали ветры.

Высаживался (30—31 августа) на один из островов для натуралистических наблюдений и Г. Стеллер. Его поразило отсутствие деревьев, с чем он потом сталкивался и далее по пути к Камчатке. Между тем до 4 августа примерно в 280 км к востоку он видел на островах растительность. В связи с этим Г. Стеллер вспомнил, что все виденные им ранее острова были вытянуты или с северо-востока на юго-запад или с северо-запада на юго-восток и очень узки.

Характерные для этих мест исключительно сильные бури на дают возможности растительности укрепиться. Возвращаясь к высказанной ранее мысли о значении защиты от ветров материком, он сделал заключение, что этим и следует объяснять лесистость восточных островов, «так как, по моему предположению, выступ Америки к Азии, суживается в западном направлении» и, таким образом, западные острова менее защищены от ветра (Steller, 1793, стр. 185).

На острове Г. Стеллер видел черную лисицу, но испугавшуюся людей; он принял ее сначала за собаку. Здесь было много сусликов и красных лисиц. Его поразили следы неизвестного животного, замеченные им на глинистом берегу небольшого озера. Они были похожи на след волка, но по их размеру можно было заключить, что здесь водится другое крупное животное или очень большой волк⁹⁷. Особенно много было водяных птиц (лебедей, уток, чаек, гагар, куликов и др.). Наблюдения Стеллера были прерваны штормом, начавшимся 31 августа.

4 сентября 1741 г.⁹⁸ в 5-м часу пополудни, когда «Св. Петр», пытаюсь после шторма опять выйти в море, бросил якорь у самого южного из островов Шумагина, неожиданно произошла встреча с «американцами». Сначала на корабле услышали громкий крик с расположенных к югу скал. Через некоторое время появились две небольшие лодки, приближавшиеся к пакетботу со стороны берега. На некотором расстоянии от корабля алеуты, сидевшие в лодках по одному, «продолжая грести, начали вместе громко без перерыва что-то говорить». По мнению Г. Стеллера (там же, стр. 192), это была «молитва и заклинание или церемония приветствия нас как друзей», так как и то и другое принято на Камчатке и Курильских островах⁹⁹. Приближавшихся людей никто не мог понять.

Один из алеутов подплыл ближе и бросил в воду по направлению к кораблю одну из лежащих в лодке сосновых палок, похожую на бильярдный кий, «длиной в 3 локтя», выкрашенную в красный цвет. К пей были прикреплены посредством китового уса два соколиных крыла.

Алеуту также были брошены с корабля на воду подарки, привязанные к доске (две китайские курительные трубки и стеклянные бусы). Подъехав еще ближе, алеут протянул людям на корабле другую палку с привязанным к ней выпотрошенным соколом¹⁰⁰, которую, по мнению Г. Стеллера, он не собирался отдавать¹⁰¹, а хотел, чтобы в когти соколу всунули материю и зеркало (которые, очевидно, ему показывали с корабля). Когда же за палку стали тянуть, и алеут стал приближаться с лодкой к кораблю, он бросил палку и отплыл. Получив материю и зеркало, алеуты поплыли к берегу, приглашая жестами за собой.

Вслед за поплывшими к берегу алеутамп к острову был послан бот под командой С. Вакселя. С ним направились Г. Стеллер, девять матросов и переводчик (Ваксель, 1940, стр. 64). Волны и скалы не позволили боту подойти к берегу ближе, чем на 3 сажени. На берегу стояло девять местных жителей, делавших дружелюбные жесты. Они очень приветливо встретили двух матросов и переводчика, которые, раздевшись, вилась добрались до берега. Их водили в становище, подарили им китовый жир и краску цвета железа, но, когда приехавшие захотели возвратиться, алеуты стали их удерживать силой¹⁰². Несколько алеутов, ухвативши канат, стали тянуть бот к берегу. С бота дали залп вверх из трех ружей, после чего алеуты в испуге попадали на землю, что дало возможность высадившимся матросам и переводчику убежать. Канат же, за который тянули алеуты, пришлось обрубить.

Еще раз команда «Св. Петра» увидела «американцев» на следующий день (5 сентября) около 5 час. пополудни. Они плыли к кораблю на 9 лодках¹⁰³, вытянувшись цепочкой, с теми же криками и церемониями, как и в первый раз. На них были шляпы из коры, выкрашенной в зеленый и красный цвета. Шляпы служили, по-видимому, для защиты глаз от солнца, так как у них не было верхушек. У каждого алеута между шляпой и лбом были засунуты пестрые соколиные перья или пучки травы. Алеуты подарили экипажу корабля две шляпы (к одной шляпе была прикреплена сидячая фигурка идола из кости), палки с крыльями сокола и краску цвета железа. Алеутам подарили несколько медных котлов, пять иголок и немного ниток. Затем алеуты отплыли обратно к берегу, зажгли на нем костер и начали опять кричать. Кричали они и 6 сентября, когда «Св. Петр», направившись в море, проходил мимо острова.

Так закончилась встреча с алеутами, которая была одной из целей экспедиции¹⁰⁴.

Г. Стеллер интересовался, знакомы ли алеуты с выплавкой железа. Он пишет, что у двоих алеутов «за поясом висели, как у русских крестьян,

длинные железные ножи в ножнах. Они были очень плохо сделаны. Можно было сделать вывод, что у «американцев» не только есть железная руда, которой на Камчатке мало или даже нет, но что они умеют плавить ее и обрабатывать железо. Исходя из того, как гладко обструганы были стрелы и дома у мыса Св. Ильи, кажется бесспорным, что дикари имели железные или медные ножи» (Steller, 1793, стр. 198—199) ¹⁰⁵.

Он придавал широкое значение подарку палок с птичьими перьями. В описании Камчатки он отмечал, что «обычай дарить крылья орла и сокола чужестранцам, как знак мира и дружбы, принят у американцев как в Новой Англии, так и на островах Шумагина, то же принято у курилов на Лонатке» (Steller, 1774, стр. 252) ¹⁰⁶. Этот обычай Г. Стеллер использовал как один из доводов для утверждения, что «американцы» являются выходцами из Азии.

За короткое время встречи с алеутами Г. Стеллер успел собрать данные для подробного описания их лодок, одежды, украшений, наружности. Его рассказ подробно комментирован Л. С. Бергом (1946а, стр. 228—247), сопоставившим данные Г. Стеллера со сведениями об алеутах, встречающимися в трудах других исследователей и путешественников (П. Палласа, Г. А. Сарычева, Г. И. Шелихова, Г. И. Давыдова, И. Е. Вениаминова, В. И. Иохельсона и др.). Это сопоставление показало достоверность наблюдений Г. Стеллера ¹⁰⁷.

После того, как «Св. Петр» 9 сентября, спустившись от островов Шумагина к югу, направился к Камчатке, плавание в первое время протекало довольно успешно. К 24 сентября пакетбот прошел по направлению к западу несколько более 1000 км. 25 сентября мореплаватели видели землю: высокую сопку и острова. С. Ф. Хитрово и С. Ваксель полагали, что «сопка» расположена на материке, Х. Юшин утверждал, что она находится на островах. Вероятно, «Св. Петр» был у о-ва Атха (Golder, 1922, стр. 168). С. Ваксель нанес «сопку» на карту под названием горы Св. Иоанна, поместив ее у южного конца выступа, идущего к западу от Америки.

25 сентября начался необычайной силы шторм. У Г. Стеллера (Steller, 1793, т. V, стр. 210—211) записано: «30 сентября около 5 час. утра шторм с юго-запада усилился и достиг мощи, какой нам не приходилось видеть ни до, ни после этого. Бури сильнее этой мы не могли себе представить и не считали, что способны выдержать ее. Каждую минуту мы ждали, что наш корабль будет разбит. Нельзя было ни лежать, ни сидеть, ни стоять. Мы неслись по воле бога, куда нас направляло разгневанное небо. Половина команды была больна и беспомощна, другая половина — хотя от нужды и могла работать, но была доведена до неизменяемого состояния ужасными волнами и качкой корабля..., в море за кораблем мы не видели ничего на расстоянии сажени, так как корабль все время зарывался между свирепыми волнами. Готовить пищу было невозможно, но невозможно было и достать какую-нибудь холодную еду, кроме полусожженных сухарей, подходивших уже к концу. Мужество оставило всех, и не было возможности что-нибудь придумать... Прошу не считать, что преувеличиваю опасность положения; могу уверить, что самое красноречивое перо слишком слабо, чтобы описать ужас нашего положения».

Шторм продолжался много дней. 10 октября офицеры решили предложить В. Берингу пристать к берегу северо-западной Америки и перезимовать там, так как плыть к Камчатке было, по их мнению, невозможно из-за плохого состояния корабля и команды (там же, стр. 213—214). Однако В. Беринг, податливый во многих случаях, проявил в эту тяжелую минуту твердость и не согласился с офицерами. С 11 октября ветер несколько стих, но лишь около 18 октября, после 25 дней борьбы с штормом,

«Св. Петр» достиг примерно того же меридиана, откуда его понесло в сторону Америки.

Шторм сильно подорвал моральные и физические силы экипажа, чему способствовала и усилившаяся цинга. По журналу С. Вакселя и С. Ф. Хитрово, 13 октября больных было 21 человек, «прочие весьма нездравы»; 14 октября — 24 человека; 16 октября — 28 человек; 18 октября — «господин капитан-командор, прочих служителей 32 человека» (Экспедиция Беринга, стр. 355).

В дальнейшем корабль продолжал бороться с сильным западным ветром. Время от времени со «Св. Петра» видели землю. Так, 25, 28 и 29 октября были усмотрены острова, которым дали наименования Маркиана, Стефана и Авраамия. Л. С. Берг (1946а, стр. 249) отождествляет их с островами Кыска и Булдыр из группы Крысьих и самым восточным из островов Семичи, принадлежащих к группе островов Ближних. К концу пути в связи с ошибками в счислении началась путаница в представлениях о том, где находится корабль и в каком направлении следует плыть. Г. Стеллер и некоторые члены команды, считавшие, что пакетбот находится на 50° с. ш., приняли острова Семичи ($52^{\circ}44'$ с. ш.) за два первых Курильских острова, которые в действительности расположены примерно на 1000 км к западу от островов Семичи.

Плохо ориентировались в положении пакетбота и офицеры. Разыскивая Авачинскую бухту, расположенную примерно на широте 52° , они повели корабль от островов Семичи почти до 55° с. ш., а 1 ноября повернули прямо на запад в твердой уверенности, что 5 ноября увидят Авачинскую бухту. По словам С. Вакселя (1940, стр. 144), на корабле считали, что «Св. Петр» находится в $40'$ от Вауа (маяк у входа в Авачинскую губу). 5 ноября утром был дан приказ спустить часть парусов, чтобы не разбиться о прибрежные скалы. Около 9 час. действительно появилась земля. «Невозможно описать всеобщую огромную радость при ее виде. Полумертвые выползли на палубу. Капитан-командор, который был очень болен, сильно подбодрился. Все говорили о том, как они, перенеся ужасные страдания, теперь будут стараться поправиться и отдохнуть. Для большего подъема духа появились небольшие количества водки, припрятанные у того или другого... Добыли чертежи Авачи и находили полное совпадение с нею. Указывалось место нахождения мыса Исопа, Шипунского мыса, входа в бухту маяка» (Steller, 1793, т. V, стр. 223).

Однако скоро наступило разочарование. Ясное небо, которого они уже давно не видели, позволило в полдень определить широту. Выяснилось, что до Авачинской бухты далеко и что это какой-то другой берег, может быть, на Камчатке. На корабле было смятение. Надо было решать, что делать, тем более что у грот-мачты сорвало ванты, так как команда не смогла убрать их перед налетевшей бурей.

5 ноября было созвано совещание всего экипажа судна, на котором обнаружилось отсутствие единства в мнениях офицеров корабля. В. Беринг предлагал плыть к Авачинской бухте, а С. Ваксель и С. Ф. Хитрово войти в простиравшуюся перед ними бухту. Что касается команды, перенесшей тягчайшие испытания, то дух ее не был сломлен, и она готова была на дальнейшие усилия и борьбу, если того потребуют обстоятельства. В результате бурных прений восторжествовала точка зрения С. Вакселя и С. Ф. Хитрово. Следует признать, что это решение наиболее соответствовало состоянию пакетбота и членов экспедиции, так как корабль был сильно поврежден, 49 человек из команды болели¹⁰⁸, воды оставалось только в бочек, а провианта почти не было (Экспедиция Беринга, стр. 358).

Приближаясь к берегу, чтобы стать на якорь, пакетбот едва не погиб, так как, по описанию Г. Стеллера, на нем царили суматоха и растерянность. Положение было спасено только благодаря присутствию духа некоторых членов команды, в частности Д. Л. Овцына¹⁰⁹.

Утром 6 ноября Г. Стеллер, Ф. Плениснер и несколько больных съехали на берег (Экспедиция Беринга, стр. 359)¹¹⁰.

Высадившись на остров, Г. Стеллер был поражен множеством голубых лесцов, не боявшихся людей, морскими коровами, которых путешественники раньше не видели, и полным отсутствием деревьев и кустов. Все это мало напоминало Камчатку. В сомнение приводила и найденная Г. Стеллером часть западни для лисиц, зубья которой были сделаны не из железа, известного на Камчатке, а из не встречающихся там ракушек. Вместе с тем растения на острове были похожи на камчатские. Поэтому Г. Стеллер, хотя и сильно подозревал, что земля, на которую они высадились, не Камчатка, окончательно не был в этом убежден. Отрады, которые во время пребывания на острове неоднократно посылались для его обследования, уже в конце декабря высказали предположение, что высадка произошла на остров, но окончательно это было установлено лишь спустя несколько месяцев (7 апреля 1742 г.), когда вернулся боцманмат А. Иванов, отправленный 22 марта обследовать остров (Golder, 1922, стр. 233).

Высадка больных тянулась, как сказано в журнале С. Вакселя и С. Ф. Хитрово, до 22 ноября. Первое время положение было крайне тяжелое. Беспомощные больные лежали под открытым небом; мертвых не успевали хоронить (Steller, 1793, т. V, стр. 235). Несколько человек, оставшихся работоспособными, выбились из сил. Корабль нельзя было ни вытащить, ни разгрузить, и все со страхом ждали, что его унесет в открытое море. Большим облегчением было, когда в конце ноября его выбросило на берег (Ваксель, 1940, стр. 146—147).

Из-за господствовавших на острове сильных ветров помещение для людей пришлось устраивать в ямах, которых было много на берегу. Ямы накрывали парусами. 8 декабря 1741 г. умер в своей яме В. Беринг. Г. Стеллер, много раз отзывавшийся о В. Беринге с раздражением, после его смерти отдал ему должное: «Всякий справедливый человек скажет, что возложенные на него обязанности он всегда старался выполнять со всем напряжением сил и способностей, хотя и признавался часто с сожалением, что силы его уже недостаточны для такой трудной экспедиции. Она развернулась шире, чем он предполагал и, сознавая свой возраст, он хотел бы, чтобы это дело взяли из его рук и передали молодому энергичному человеку из русских» (Steller, 1793, т. VI, стр. 89).

Г. Стеллер отмечает, что В. Беринг не был склонен к быстрым решениям и действиям, но отличался беспристрастием и большой осмотрительностью. «Он также чрезмерно ценил своих офицеров и был слишком хорошего мнения об их способностях и опыте» (там же).

Место могилы В. Беринга точно неизвестно. Впоследствии Российско-Американская компания, руководствуясь описанием Г. Стеллера, поставила на предполагаемом месте погребения В. Беринга деревянный крест. В 1944 г. на этом месте был поставлен стальной крест на цементном фундаменте (Берг, 1946а, стр. 255).

После смерти В. Беринга командование принял С. Ваксель как старший по рангу.

В условиях жизни на необитаемом острове, когда приходилось бороться за свое существование, отношения между членами экспедиции изменились. Ранги и чины потеряли прежнее значение. Как говорит С. Ваксель, нельзя было распознать, «кто из них командир или прочие афицеры, или

матроз, или плотник или кто господин или слуга; ... понеже всякому и во всем до себя пришло, и афицеры и господа, лишь бы на ногах шатались, также по дрова и на промысл для пищи туда ж бродили и лямкою на себе таскали ж, и с салдатами и с слугами в одних артелях были» (Экспедиция Беринга, стр. 299).

Продовольствия, снятого с пакетбота, было немного, поэтому питаться приходилось главным образом мясом морских зверей. Но охота вскоре стала представлять большие трудности, так как животные, вначале совершенно не боявшиеся людей, начали через некоторое время избегать их. Поэтому на охоту приходилось отправляться за много километров. Мясо морских зверей, добывавшееся с таким трудом, было жестко и отличалось скверным запахом. «А мы и то все ели, хотя мерско и нездорово, того не разбирали, лишь бы только было» (там же, 299). Не менее трудно было добывать и топливо, которое приходилось приносить на себе вест за десять и больше. Если морозы стояли и не особенно сильные, то постоянно были жестокие ураганы и штормовые ветры, сопровождавшиеся обильным снегопадом и густыми туманами.

Несмотря на крайне тяжелую обстановку, команда, благодаря свежему мясу, хорошей воде и брусничным листьям, которые добывались из-под снега, все же несколько оправилась от цинги.

В мае, когда путешественники научились ловить морских коров, мясо которых было очень вкусно, положение с едой стало гораздо легче. Морские коровы, несмотря на их огромные размеры и силу (длина до 16 м, вес около 3,5 т), были почти беззащитны. Они держались в тихих заливах, где поедали огромное количество морской травы и при нападении оказывали лишь пассивное сопротивление.

С весны появились травы и коренья, которые окончательно избавили людей от цинги.

Еще в январе осмотр пакетбота показал, что он к плаванию непригоден. 9 апреля 1742 г. на собрании команды после долгого обсуждения было решено, что наилучшим выходом было бы разобрать корабль и построить новый, на котором и вернуться на Камчатку. Строить судно взялся матрос Савва Стародубцев, участвовавший в таких работах в Охотске.

Новое судно, которое было спущено на воду 10 августа, оказалось меньших размеров, чем прежнее, и было пазвано также «Св. Петр». Размер личного багажа (состоявшего в значительной мере из шкур бобров), который люди могли взять с собой с острова, был ограничен. Из-за этого Г. Стеллеру не удалось захватить чучела и скелеты морских животных.

В путь к Камчатке вышли 13 августа. В дороге испытали большую тревогу в связи с появлением сильной течи, которую с трудом удалось остановить. 27 августа бросили якорь в Петропавловской гавани. Выступить в том же году в Охотск, где находился А. И. Чириков, не удалось из-за обна-ружившейся течи.

С. Ваксель составил рапорт о плавании и отправил его в Петербург вместе с журналом плавания и картой 15 ноября 1742 г. Повез рапорт боцманмат Алексей Иванов, который «в самых наших нужнейших случаях многое в работе чинил собою вспоможение». С ним был послан солдат Иван Окулов (Ваксель, 1940, стр. 151). Карта С. Вакселя, на которой впервые были отражены результаты плавания «Св. Петра», опубликована не была¹¹¹. По содержанию она, вероятно, была сходна с появившимися вскоре картами Х. Юшпина (1742 г.), С. Вакселя и С. Ф. Хитрово (1744 г.), а также С. Вакселя, приложенной к «Извлечению из моего журнала...», на которых впервые появилось изображение простирающегося далеко к западу

выступа Американского берега, нанесенного вместо Алеутских островов (рис. 24 и 25).

В Охотск «Св. Петр» прибыл 27 июня 1743 г. (Экспедиция Беринга, стр. 297)¹¹².

Совсем иначе протекало плавание «Св. Павла».

Расставшись с В. Берингом, А. И. Чириков сразу отказался от дальнейших попыток искать «Землю де Гама» у 46° с. ш., так как убедился, что она не существует. «Открылось, что земли Иан де Гама нет, понеже мы место, где надлежало ей быть, перешли все через» (там же, стр. 274). Зато он с большой энергией стремился выполнить вторую часть решений «консилиума» от 4 мая 1741 г., в которой предлагалось искать Америку «остеп-порден». В возможность этого А. И. Чириков, предлагавший, как мы видели, следовать вдоль берегов Америки от 65 до 50° с. ш., очевидно, верил. С самого начала (с 23 июня) своего плавания к Америке он почти совершенно не изменял курса.

О внутренней жизни корабля во время плавания не сохранилось таких документов, как о плавании «Св. Петра». Можно предполагать, что на «Св. Павле» она протекала проще и дружнее.

На «Св. Павле», конечно, не меньше, чем на «Св. Петре», ждали встречи с землей, но хотя она и находилась в начале плавания пакетбота всего в 3° к северу, экипаж «Св. Павла» встречал мало признаков ее или не уделял им внимания. Возникавшие предположения о близости земли становились предметом открытого рассмотрения и разрешались так, что поводов для скрытой глухой оппозиции не возникало. Такой вывод можно сделать, основываясь на некоторых скудных записях в журнале «Св. Павла». Например, 26 июня в 12-м часу «меж N и NO оказался вид подобно горам, того ради для подлинного рассмотрения, стали держать по компасу на NO», но около 16 час. пополудни «узнали, что пред полуднем в 12-м часу казались нам наподобие гор облака, того ради с пятого часу поворотили на настоящий курс» (Лебедев, 1951, стр. 177—178).

7 июля в море были встречены и тщательно рассмотрены плавающие в воде цветы «видом в воде зеленые и желтоватые, которые надеялись, что трава». Ожидая берега, произвели проверку глубины лотом, но «ста саженими земли не достали». «Цветы» же оказались «не травяные, токмо сгустившаяся вода, наподобие киселя (т. е. медузы.— В. Г.), каких ordinarily много выбрасывает на морские берега» (там же, стр. 193).

С 13 июля признаки земли стали более определенными: встречались птицы, плавающие в воде деревья, изменился цвет воды и т. д. Наконец, как писал А. И. Чириков, в 2 часа утра 15 июля «в северной ширине в $55^{\circ}36'$ получили землю, которую признаваем без сомнения, что она часть Америки, понеже по картам издания норимберского географа Иоанна Баптиста Гоммана и по прочим от сего места отстоят уже не очень далече известные некоторые американские места» (Экспедиция Беринга, стр. 274).

Д. М. Лебедев и Г. К. Шумейко на основании записей виденных мест и пеленгов, взятых на «Св. Павле», предполагают, что это были острова Форрестер, Бейкер и Нойес у берегов Америки, которые расположены между $54^{\circ}50'$ и $55^{\circ}40'$ с. ш. В это время «Св. Павел» находился на $55^{\circ}11'$ с. ш. и $133^{\circ}57'$ з. д. от Гринвича (Лебедев, 1951, стр. 44 и 46). Таким образом, А. И. Чириков увидел впервые берега Америки в районе на $8^{\circ}13'$ (примерно на 500 км) дальше к востоку, чем В. Беринг, и на полторы суток раньше его.

А. И. Чириков намеревался описать «немалую часть Америки» и до 18 июля двигался параллельно берегу (Экспедиция Беринга, стр. 275). Перед тем как направиться к северу, он хотел более внимательно исследовать

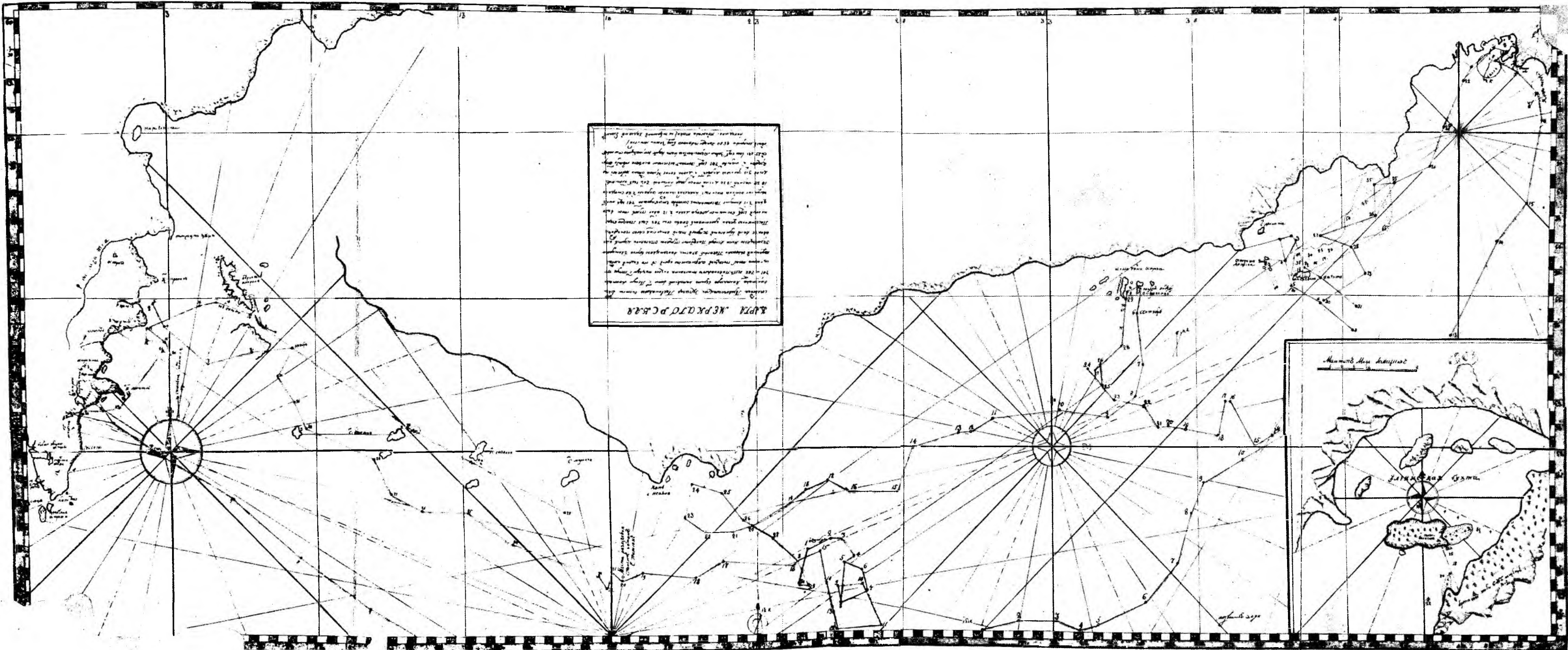
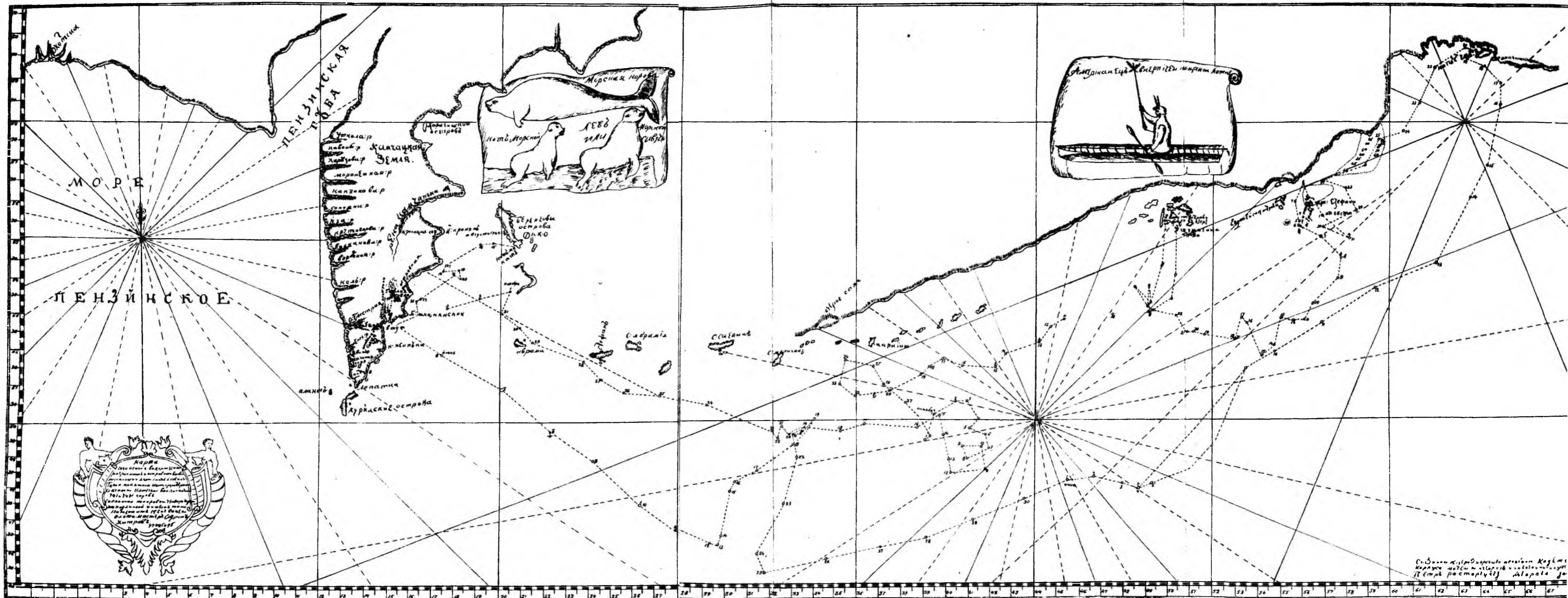

Рис. 24. Копия «Карты меркаторской плавания «Св. Петра» к берегам Америки». Составлена Х. Юшиным в 1742 г. (ЦГА ВМФ, Архив Гидрогр. управления, № 440).

Уменьшена в 2,7 раз и сопоставлена с картой при Главном гидрографическом Управлении М.Ч.М. в 1867 г.

районы, в которых находился. После безуспешных поисков места для стоянки судна он послал 17 июля для осмотра залива, где думал стать на якорь, флотского мастера А. М. Дементьева с десятью вооруженными людьми. Как полагает Д. М. Лебедев (1951, стр. 54), место, о котором идет речь, находилось в районе бухты Таканис у юго-западного конца о-ва Якоби.

Это место оказалось роковым для всего дальнейшего похода «Св. Павла». С корабля видали, как бот подходил к земле, но высадки людей не видели; бот на корабль не вернулся. 22 июля на берегу появился огонь. 23 июля (по гражданскому счету) А. И. Чириков, полагая, что бот поврежден, послал для помощи ему последнюю маленькую шлюпку с тремя человеками под командой боцмана С. Савельева. Так же как и бот, она была видна, только пока подilyвала к берегу, сигналов о прибытии не подала и с тех пор известий о ней не было. «Св. Павел» стрелял из пушек, якорь же бросить не мог из-за большой глубины и плохого грунта. На берегу, как казалось, стреляли из ружья и появлялся огонь.

Наконец, 24 июля из губы вышли две лодки: одна побольше, другая поменьше, в которой было четыре человека. Когда небольшая лодка, которая шла быстрее, приблизилась, люди, находившиеся в ней, встав на ноги, крикнули по два раза «агай, агай», махая при этом руками; затем они стали грести к берегу. Из всего этого на пакетботе сделали вывод, что «с посланными от нас людьми от них на берегу поступлено неприятельски, или их побили или задержали» (там же, стр. 233).

Вечером 25 июля «Св. Павел» поплыл дальше. Остается неизвестным, погибли ли шлюпки в водовороте, образующемся у берегов встречными течениями, или же посланные были убиты или задержаны местными жителями. Это событие едва не привело к гибели корабля и экипажа. Из-за потери шлюпок стало невозможно пополнить запасы воды, так как глубоко сидевший в воде «св. Павел» не мог приближаться к берегу. Между тем воды осталось уже меньше половины.

26 июля командование «Св. Павла», пройдя около 400 верст вдоль берегов Америки и взяв пеленги многих мест, решило прервать обследование вновь открытого материка и идти обратно. Одновременно было дано распоряжение собирать в посуду стекающую с парусов и снастей воду (там же, стр. 235—238).

Виденную землю И. А. Чириков описывает следующим образом: «А при земле, при которой мы ходили и осмотрели около 400 верст, видели китов, сиучей, моржей, свинок, птиц, уток белошпеких множество, да другого роду, у которых красные кривые носы, и чаек множество разных родов. По земле оной везде высокие горы и берега к морю имеет крутые и весьма приглубы; а на горах, близь того места, где пришли к земли, как выше показано, лесу довольно большого росту, на них же и снег изретка виден был, а что севернее шли, то больше на горах снегу оказывалось. А от места, с которого мы уже возвратились, были от нас в виду на норд и три четверти оста на берегу превысокие горы, которые высотой своею Камчацких высоких гор превосходят, и все покрыты снегами» (Экспедиция Беринга, стр. 279).

Обратный путь «Святого Павла», так же как и путь «Святого Петра», протекал в тяжелых условиях и был полон неожиданностей.

С конца первой декады августа ветер стал западным и все более усиливался. С 10 по 30 августа «Св. Павел», с трудом борясь с противным ветром, прошел к западу только на 300 км. При этом, двигаясь между 58 и 59-й параллелями, пакетбот все время встречал землю, которая заставляла его делать обходное движение к юго-западу.

С 21 августа А. И. Чириков уменьшил количество выдававшейся воды, что означало и уменьшение количества горячей пищи. Теперь каша вари-

лась по два раза в сутки только каждый третий день. Воды для питья выдавали «мерюю, которою могли токмо жажду утолять» (там же, стр. 279). Это ограничение было своевременным, и без него «Св. Павел», конечно, не смог бы благополучно окончить путь. Сокращение порций выдаваемой воды А. И. Чириков распространил сразу и на офицеров. Возможно, что это было одной из причин высокой смертности среди них к концу плавания.

С 30 августа по 9 сентября «Св. Павел» значительно продвинулся к западу. 8 сентября в тумане при уменьшавшейся глубине стал слышен шум буруна. Решили бросить якорь «и мало б об сию землю в тумане судна не разбили» (Андреев, 1943а, стр. 39). Они находились у одной из южных бухт о-ва Адах из группы Андреяновских островов на 51,5° с. ш. и 177° з. д. (Лебедев, 1951, стр. 75).

Здесь, 9 сентября (по гражданскому счету), произошла встреча с местными жителями; их видели сначала на берегу, а потом они два раза подплывали к кораблю на лодках. В первый раз утром подошло семь небольших лодок, в которых сидело по одному человеку. Они вели себя во многом подобно «американцам», встреченным «Св. Петром». Возможно, у них уже был какой-нибудь неприятный опыт, так как, не имея луков, они «руками разводили наподобие, как лук растягивают», из чего па «Св. Павле» догадались, что они опасаются, «дабы от нас по ним не было стрелено» (там же, стр. 308.)

Из различных подарков, которые были предложены алеутам, когда, наконец, они подплыли к судну, большую радость вызвали только ножи, которые алеуты и сами знаками просили, а также топор. При обмене показали, «что они люди совести худой», так как, получив за пузырь с водой нож, воду не отдали и стали требовать еще ножей (там же, стр. 312). У них удалось получить коренья, подобные тем, которые они втыкали себе в нос, а также «некакой минерал»¹¹³, несколько стрел и головной убор, сходные с описанными Г. Стеллером. После полудня 9 сентября алеуты подплывали уже на 14 лодках. Дальнейшие сношения были прерваны поднявшимся ветром, с которым «Св. Павел» и ушел от острова (Экспедиция Беринга, стр. 281).

Последующее плавание было самым тяжелым периодом для экспедиции.

Проверка запасов воды 13 сентября показала, что, несмотря на большое сокращение ее расходования на обратном пути, воды осталось мало (Лебедев, 1951, стр. 320). Между тем до Петропавловска было еще далеко, так как, по расчетам А. И. Чирикова, 10 сентября осталось 1484 версты до Вауа. Учитывая это обстоятельство, А. И. Чириков решил на жестокую меру, которая обрекла на страдания от жажды и голода и на заблуждение экипаж корабля, но была единственным путем к спасению. Он отдал приказ с 14 сентября «варить и давать людям в неделю токмо одну кашу, а шесть дней питались почти все холодным..., чтоб в крайнее изнеможение не пришли люди, приказал давать рядовым сверх определенной порции вина простого, по две чарки на день, а унтер-офицерам по чарке» (Экспедиция Беринга, стр. 280). А. И. Чириков не упускал ни малейшей возможности облегчить положение экипажа и организовал перегонку морской воды («через котлы огнем»), но, очевидно, пресной воды получали мало¹¹⁴.

С таким установленным для экипажа режимом «Св. Павел» плыл еще почти целый месяц.

Состояние команды было тяжелым. В журнале «Св. Павла» от 27 сентября записано, что «из служителей рядовых 12 человек жестоко одержаны цынготною болезнию, а протчие все служители от безводия чрез ве-

ликую возможность ходят и все из силы выходят» (Лебедев, 1951, стр. 343). Особенно тяжело переносили лишения офицеры. Сам А. И. Чириков «от цыги изнемог и находился в отчаянии жизни и уже по обычаю был приготовлен к смерти, а на верх не мог выходить сентября з 21 числа и по самый возврат наш в гавань» (Экспедиция Беринга, стр. 283). Его помощники лейтенанты И. Л. Чихачев и М. Г. Плаутин также были тяжело больны.

А. И. Чириков, лежа в каюте, продолжал жить жизнью корабля и руководить наиболее ответственной частью плавания — установлением его курса: «смотря счисления по журналу пути нашего приказывал..., какой иметь курс». Повседневное руководство кораблем легло на штурмана И. Ф. Елагина, который сам совершенно больной «по крайней возможности, преодолевая свою немощь, почти несходно был для управления наверху». Как свидетельствует А. И. Чириков, «всего судна правление на нем лежало» (там же).

Утром 21 сентября со «Св. Павла» увидели «берег земли..., которой нам кажется, по-видимому, что не Камчатская земля» (Лебедев, 1951, стр. 334). Она была в южной части ровная, а в северной представляла собой невысокие горы без снега. Далее к северу тянулись высокие снежные горы. В том же направлении как будто был виден и небольшой остров. Это был восточный берег о-ва Агатту; на северо-западе вдаль возвышались горы о-ва Атту, а на севере виднелись острова Семичи. По-видимому, с корабля острова Атту и Агатту казались одной землей. Они видели эту землю и 22 сентября. В дальнейшем ее поиски были предприняты в 1742 г.

С 23 сентября «Св. Павел» испытал в более слабой форме натиск того жестокого шторма, который истребал «Св. Петра». Особенно трудно было бороться с ветром с 25 сентября по 1 октября; за эти дни, то плывя вперед, то отступая обратно, корабль прошел к западу только на 2° долготы. Наконец, утром 8 октября «увидели землю, горы высокие, покрыты все снегами» (там же, стр. 359) и скоро убедились, что это Камчатка. 11 октября бросили якорь в Петропавловской гавани.

Как писал Г. Миллеру студент А. П. Горланов, находившийся на Камчатке, «едва только в губу объявленной господин капитан Чириков вошел, как зачался великой быть ветер противной, что едва на якорях судно стоять могло» (Андреев, 1943а, стр. 41).

К этому времени команда была крайне изнурена, несколько человек умерло.

Первым умер еще 16 сентября парусник Михаил Усачев, 26 сентября умер подконстапель Осип Калчинов, 6 октября — денщик Василий Нижегородов и лейтенант Иван Чихачев, 8 октября — лейтенант Михаил Плаутин, 10 октября — астроном Л. Делаacroer¹¹⁵.

Рапорт об экспедиции с приложением журнала и карты (рис. 26), составленной И. Ф. Елагиным, был послан А. И. Чириковым в Адмиралтейство-коллегию 7 декабря 1741 г. с морским солдатом Семеном Плотниковым.

А. П. Соколов (1851в, стр. 408) справедливо видит в плавании А. И. Чирикова «истинное торжество морского искусства». Но едва ли следует для доказательства этого сравнивать сроки плаваний обоих кораблей, как это он делает, отмечая, что «Св. Павел» вернулся на Камчатку и на месяц раньше, чем «Св. Петр», достиг о-ва Беринга, отстоящего на 8° к востоку. Трудно сказать, как сложилось бы плавание «Св. Павла», если бы он не был вынужден вследствие потери обеих шлюпок, как можно скорее возвращаться на Камчатку. Можно думать, что, задержавшись для исследования берегов Америки, он попал бы в тот же шторм, как и «Св. Петр». Гадать о последствиях этого бесполезно, но, несомненно, что в этом случае

«Св. Павел» пришел бы к Камчатке позже, чем это произошло в действительности.

Плавание А. И. Чирикова не прошло мимо внимания М. В. Ломоносова, который в замечаниях на первоначальную редакцию составленной Вольтером «Истории России при Петре Великом», в 1758 г. написал: «В американской экспедиции через Камчатку не упоминается Чириков, который был главным и прошел далее, что надобно для чести нашей, и для того послать к сочинителю карту оных мореплаваний in 4» (Андреев, 1943а, стр. 33).

Одним из результатов плавания было создавшееся у А. И. Чирикова убеждение, что все виденные им земли представляют собой единое целое, или, если некоторые из них и были островами, то во всяком случае расположены близко от материка. По поводу земли, виденной 21 сентября (о-в Агатту), он говорит: «Я признаваю, что виденные нами земли в настоящем сентябре месяце 4-м, 9-м и 21-м числах меж собою соединенные имеют, ибо, хотя оную не всегда в виду имели, чему, чаятельно, что много и туманы мешали, точно признаков близости земной довольно и часто видели. И не бес чаяния, что и вся земля, виденная нами, меж собою соединенные имеет, ибо на пути нашем от земли, которую оставили августа 6 числа, до земли, увиденной сентября 4 числа, означенных же признаков к близости земной видно было нами нередко. А за болшей признак соединения земли вмению обретшихся жителей на земле, у которой мы были сентября 9 числа, ибо, когда б оная земля удаленной был от болшей земли остров, то б как возможно на нем быть людем? И потому признается, хотя оная и земля и остров, то положение свое имеет близ земли великой и может вменяться за ту ж великую землю, точно за подлинно сего утверждать не можно» (Экспедиция Беринга, стр. 282).

Сделанные им наблюдения не охватывали всего района, который он хотел исследовать согласно проекту, поданному в Адмиралтейств-коллегию перед выездом экспедиции. Кроме того, они не позволили судить достоверно о виденных землях. Вероятно, поэтому на карте И. Ф. Елагина берег виденной ими земли не протягивается к западу сплошной линией, а местами прерывается. Была необходима какая-либо проверка. Такой проверкой могли бы служить материалы «Св. Петра», но он не возвращался.

Рапортом от 9 декабря 1741 г. А. И. Чириков сообщил Адмиралтейств-коллегии, что считает себя обязанным обследовать землю, расположенную «против чукчей», и землю, открытую им в 956 верстах от Камчатки (острова Агту и Агатту) (Golder, 1922, стр. 324—326). Испытывая недостаток в людях, продовольствии и снастях, он предполагал просить помощи у М. Шпанберга, находившегося в Большерецке с 5 судами, а также передал Адмиралтейств-коллегии список нужных ему людей.

Помощи А. И. Чириков не получил, но, пользуясь тем, что инструкцией Адмиралтейств-коллегии от 28 февраля 1733 г. ему предоставлялось право закончить экспедицию на другое лето, он решил действовать, «не ожидая указа». Несмотря на плохое состояние своего здоровья и здоровья своего соратника И. Ф. Елагина, имея неполный состав команды, к тому же утомленной, А. И. Чириков все же направился «к той земле»¹¹⁶, которую мы в прошлом 741-м году компании сентября 22 дня оставили», чтобы «учинить об ней разведывания, сколько всей возможности нашей будет» (Экспедиция Беринга, стр. 290).

2 июня 1742 г. «Св. Павел» вышел в плавание¹¹⁷, имея на борту 67 человек (65 человек команды и двух денщиков). С А. И. Чириковым ехали И. Ф. Елагин и «шхипор» Коростелев.

Уже 9 июня они увидели на юго-востоке землю, которую искали, и признали, что это остров. Его назвали о-в Св. Федора (о-в Атту). А. И. Чириков хотел обойти его, а также послать на него шлюпку, но этому воспрепятствовали туманы и противные ветры. На острове не нашли жилья, не видели также леса и «зелености никакой нет, и весь состоит в горах каменных, на которых множество снегу, и отлогих берегов нет же». При «всегдашней малослыханной от туманов темноты» затруднились наблюдения, и плавание было опасным. Из-за создавшейся обстановки и слабости А. И. Чирикова и И. Ф. Елагина после перенесенной ими болезни, на совещании 17 июня было решено идти обратно.

По пути к Петропавловску 22 июня мореплаватели увидели землю, которую назвали «о-в Св. Иулиана». По их предположению, они были около нее 23 июня (там же, стр. 292). Д. М. Лебедев (1951, стр. 102—103) полагает, что остров, виденный 22 июня, был о-вом Беринга, а 23 июня они видели о-в Медный. Таким образом, случай привел А. И. Чирикова к месту, где в то время находились потерпевшие кораблекрушение люди со «Св. Петра», но, пройдя около острова с противоположной стороны, он не заметил их. Остальную часть пути шли в тумане, и 1 июля «Св. Павел» вошел в Авачинскую бухту.

Второе плавание «Св. Павла» показало, что часть той земли, в непрерывности которой А. И. Чириков был убежден, являлась островами. Это, казалось, говорило против гипотезы А. И. Чирикова. Но поступившие через некоторое время известия от членов экипажа «Св. Петра» вновь укрепили А. И. Чирикова в сложившемся у него мнении.

Карта, представленная С. Вакселем, убедила А. И. Чирикова, что берег Америки протягивается к западу, но кончается не там, где он видел землю 21 сентября 1741 г. (острова Атту и Агатту), а дальше к востоку.

В письме от 15 мая 1743 г. Н. Ф. Головину А. И. Чириков писал, что хотя на карте пути «Св. Петра» значительная часть береговой линии нанесена только «по достоверному признанию», так как корабль был от нее в 200 верстах, но «оною своею картою, премилостивый государь, утверждают и мое мнение, что видимая мною земля в разных местах меж собою неразделная». Больше же всего, по его мнению, это подтверждалось виденными «однообычными людьми нами в расстоянии от помянутой гавани святых апостол Петра и Павла в 1500, а ими в 2000 верстах» (Экспедиция Беринга, стр. 338).

Таким образом, участники плаваний «Св. Петра» и «Св. Павла» полагали что «земли», лежавшие к северу от их пути к Америке, т. е. гряда Алеутских островов, непрерывны. Эта ошибка вполне понятна, поскольку плавание вдоль Алеутских островов совершалось быстро, море было бурное и длительных высадок на берег не производилось.

Возвратившись из второго плавания, А. И. Чириков 12 июля 1742 г. вышел на судне «Св. Павел» из Петропавловской гавани в Охотск, куда и прибыл 16 августа. Оставя в Охотске часть команды для охраны пакетбота, он с остальными людьми 24 августа отправился в Якутск. Отсюда 18 октября им был послан с И. Ф. Елагиным в Петербург отчет, в котором он высказывал ряд соображений об экспедиции (там же, стр. 293). Сам он просил об увольнении в отставку по состоянию здоровья. Эта просьба, которую он повторял неоднократно, была удовлетворена 6 марта 1744 г., когда вышел соответствующий указ Сената. Но сдать С. Вакселю дела А. И. Чирикову удалось только 29 июня 1745 г. в Енисейске (Дивин, 1953, стр. 191). В Петербург А. Чириков, вернулся 13 марта 1746 г.¹¹⁸

Возвратившись в Петербург, А. И. Чириков, согласно предложению Адмиралтейств-коллегии, представил ей в июле (16 и 25-го) проекты

мероприятий по экономическому развитию и укреплению обороны районов Восточной Сибири. Он писал о развитии сельского хозяйства, рыболовства, об освоении богатых морскими зверями вновь открытых островов к востоку от Камчатки, о развитии торговых отношений с Америкой и Японией и о значении р. Амур как важного водного пути. Для защиты и развития края он намечал строительство крепостей и портов. Указывая на богатства Сибири рудами, он предлагал производить разведывание их с помощью местных жителей (Соколов, 1851 в, стр. 453—469).

ПУТЕШЕСТВИЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ОТРЯДА

Первоначально ядро научных работников Академического отряда Второй Камчатской экспедиции состояло из профессоров Г. Миллера, И. Гмелина и Л. Делакроера. В отряд входили также пять студентов (Степан Крашенинников, Федор Попов, Лука Иванов, Алексей Горланов, Василий Третьяков), четыре геодезиста (Андрей Красильников, Александр Иванов, Никифор Чекин, Моисей Ушаков), один переводчик (Илья Яхонтов) и два живописца (И. Беркан и И. Люрсениус)¹¹⁹.

Позже к Академическому отряду присоединились адъюнкты естественных наук Г. Стеллер и адъюнкты исторических наук И. Фишер, а выдвинувшиеся во время экспедиции студент С. П. Крашенинников и геодезист А. Д. Красильников стали выполнять самостоятельную научную работу. Геодезисты Н. Чекин и М. Ушаков были в 1734 г. откомандированы в распоряжение отрядов, плававших у северных берегов Азиатского материка.

Выдающимся результатам деятельности Академического отряда мы обязаны, прежде всего тому, что его руководители — Г. Миллер и И. Гмелин, а также некоторые из его участников — С. П. Крашенинников, Г. Стеллер, А. Д. Красильников — были одаренными людьми, с большой энергией занимавшимися исследованиями. Для них Вторая Камчатская экспедиция стала в конце концов самым важным делом их жизни. Именно, изучая природу и народы Сибири, ее историю и экономику, работая над собранными материалами, они создали труды, прославившие их в русской и мировой науке.

Следует отметить, что работа профессоров протекала в исключительно хороших условиях. Г. Миллер и И. Гмелин в течение всего времени пребывания в экспедиции (с августа 1733 г. до февраля 1743 г.) путешествовали только по Сибири, они не переезжали на Камчатку и не принимали участия в трудных плаваниях; начиная с 1734 г. они были свободны в отношении выбора маршрута, а с 1737 г. освобождены от всякого подчинения В. Берингу.

Какие условия были созданы для профессоров, дает представление письмо Л. Делакроера к сестре, написанное перед выездом из Петербурга в Сибирь: «Теперь вы видите, что относительно продовольствия, дорог и безопасности, мы... снабжены всем, что только можно было предвидеть: мы даже имеем повара, прачку, портнова, плотника, столяра и других мастеровых, причем из наших слуг некоторые умеют печь хлебы, делать пиво и т. п.» (Соколов, 1851в, стр. 240). То же отмечает и И. Гмелин: «Читатель увидит, что все путешествие в самых отдаленных странах я имел возможность устраивать очень удобно. Поэтому я не могу говорить о мнимых трудностях там, где их нет, и вновь подымать старые жалобы на дикие и грубые условия Сибири» (Gmelin, 1751. Предисловие).

Специальный указ Сената от 24 июня 1733 г., посланный «господам губернаторам, воеводам и прочим управителям и кому ведать надлежит», обязывал местные власти сообщать профессорам по их запросам

различные сведения, предоставлять в их распоряжение архивы, присылать толмачей, представителей местных народностей и сведущих бывалых людей, обеспечивать квартирами, предоставлять речные суда, направлять в распоряжение профессоров на неограниченное время необходимых им ремесленников и рабочую силу, давать конвой в количестве до 12 человек во главе с капралом. Каждому профессору полагалось 10 подвод (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, лл. 250—251). Все же Г. Миллер и И. Гмелин этим не довольствовались и, освоившись с правами Сибири, не стеснялись расширять свои и без того широкие права¹²⁰.

Из Петербурга вместе с Академическим отрядом была отправлена большая библиотека, пополнявшаяся Академией наук по требованию профессоров. Среди их снаряжения было много астрономических приборов.

В первое время совершавшееся с удобствами путешествие по незнакомой стране, исследование которой сулило интересные открытия, вызывало у талантливых Г. Миллера и И. Гмелина, которые были в то время молоды и энергичны, большое воодушевление. Это настроение хорошо передал Г. Миллер, рассказывая о путешествии в 1734 г. от Тобольска вверх по Иртышу: «Здесь все было ново, и мы находились в первом пылу, когда никакие лишения или опасности не могли умерить наш порыв. Мы очутились в раю среди цветов в большинстве еще неизвестных растений, в зоологическом саду, где для нас были собраны редкие животные Азии, в кунсткамере старинных языческих гробниц и сохранившихся в них редкостей; одним словом — в местности, где еще никто не был с целью ее изучения. Открывавшиеся возможности к новым изысканиям и открытиям побуждали нас к величайшему усердию» (МАН, 1890, стр. 352).

Академический отряд выступил из Петербурга в начале августа 1733 г. (первая партия выехала 3 августа, последняя — 8 августа). Во второй половине (15—30) января 1734 г., проехав через Тверь, Казань, Кунгур, Екатеринбург, где были осмотрены заводы, отряд прибыл в Тобольск (там же, стр. 279 и 342).

Прибыв в Казань 20 октября 1733 г., Г. Миллер и И. Гмелин тотчас послали «проме́морию», чтобы им «по силе публичного указа из здешнего архива те известия сообщены были, которые во оном имеются о истории здешнего города и земли, о первом завоевании оных, о населении русскими жителями, о пристроении новых городов и прочая; также генеральный стат о всех до Казанской губернии принадлежащих городах, о ситуации или положении оных, о числе имеющих в тех городах домов и принадлежащих до оных деревень и крестьян, сколько подушных денег платится и сколько людей в каждом городе и деревне по сие время, считая за 10 лет родилось и умерло и прочая». Затем они требовали прислать «здешних татар, черемис, чуваш и мордвин по одному или по два старых и умных человека», чтобы расспросить их о вере, торгах, промыслах, нравах и обычаях. Им нужны были переводчики и человек, хорошо знающий окрестности и достопримечательности. Они хотели также, чтобы им доставили «для намеренного сечения, особливо в здешней стране находящихся зверей» (там же, т. II, 1886, стр. 403—404). Находясь в Казани, они составили «генеральный проспект» всей Казани и отдельно план «Зилантова монастыря» с расположенными по соседству деревнями и слободами; зарисовали древние татарские монеты и якутского мальчика и девочку, «у которых на лице различные фигуры вышиты» (там же, т. II, 1886, стр. 408). Они переписали также рукописную историю Казанского царства, которую удалось получить у какого-то купца, и начали составлять словари черемисского, чувашского, вотяцкого и мордовского языков.

И. Гмелин делал также «обсервации о силе магнита» и подыскал здесь, как впоследствии и во многих других крупных городах, человека, которому поручил вести метеорологические наблюдения.

Еще более широкая деятельность развернулась в Тобольске, где Г. Миллер приступил к изучению сибирских архивов, что было одной из основных его задач.

В Тобольске профессора выяснили у В. Беринга, что отправление экспедиции на Камчатку задерживается на несколько лет. Г. Миллер и И. Гмелин решили, следуя совету тобольского губернатора А. Л. Плещеева, совершить путешествие водой к верховьям Иртыша, посещая по пути крепости, построенные Петром Первым, а также осмотреть колыванские медные и серебряные рудники в Алтайских горах. Л. Делаacroep отправился с караваном судов, который А. И. Чириков вел в Якутск.

На путь от Тобольска до Иркутска Г. Миллер и И. Гмелин затратили около десяти месяцев (24 мая 1734 г. — 8 марта 1735 г.). Плыв по Иртышу, они продвигались вдоль почти незаселенных берегов: «За Омском встречали маленькие крепости на расстоянии верст 200 друг от друга, где можно было получить свежие съестные припасы. Остальная страна — пустыня» (там же, 1890, стр. 351). Посетив Тару, Омск и Железницкую, Ямышевскую, Семипалатинскую, Усть-Каменогорскую крепости, они проехали уже сухим путем к колыванским заводам и далее на Кузнецк, Томск и Енисейск. Затем поднялись по Енисею до Красноярска и, пересев в повозки, направились через Канск и Удинск в Иркутск.

Из Иркутска Г. Миллер и И. Гмелин выехали 24 марта в Забайкалье к русско-китайской границе. Они пересекли по льду оз. Байкал и через Селенгинск, Кяхту, Читинск и Нерчинск (посетив по пути нерчинские серебряные рудники и пограничную слободу Цурухайту) 29 июля добрались до горы Абагайтуи (на русско-китайской границе). Отсюда они повернули обратно и 20 сентября вернулись в Иркутск. 26 января 1736 г. Г. Миллер и И. Гмелин отправились через Илимск и Усть-Кут в Якутск. Г. Миллер приехал туда 31 августа, а И. Гмелин — 11 сентября, в Якутске они застали прибывшего ранее Л. Делаacroepa (Gmelin, 1752, ч. 2, стр. 394).

Якутск, где Г. Миллер и И. Гмелин пробыли до июля 1737 г. и успели собрать интересовавшие их материалы, стал переломным пунктом их путешествия. Из Якутска по существу начался их обратный путь в Петербург. Оба эти профессора хорошо понимали, что по ходу их научной работы, они могут обойтись без поездки на Камчатку. Для изучения истории Сибири Г. Миллеру было гораздо важнее посещать архивы в городах, расположенных по Енисею, в Западной Сибири и на Урале, и заниматься исследованием этой страны и обитающих здесь народов, чем ехать в Охотск и на Камчатку. И. Гмелин уже располагал богатыми материалами о природе огромной территории Сибири и мог удовлетвориться их пополнением и обработкой.

Из пяти лет, которые они, выезжая в Сибирь, собирались провести там, прошло уже около четырех. Быть вечными гражданами Сибири, по выражению И. Гмелина, они не имели никакого желания. Воодушевление, с которым они вначале занимались исследованием Сибири, в значительной мере остыло, так как их утомила борьба с разными мелкими препятствиями, которые приходилось преодолевать, несмотря на созданные для них хорошие условия. Вероятно, на этой почве Г. Миллер тяжело заболел в Якутске «гипохондрической болезнью», сопровождавшейся сердечными припадками¹²¹.

На их настроение, несомненно, повлияли и соображения, что, переехав на Камчатку, они не только будут лишены тех удобств, которыми

пользовались в Сибири, но и будут терпеть лишения и подвергаться опасностям¹²².

В июне 1737 г. В. Беринг официально известил Г. Миллера и И. Гмелина, что заявка на продовольствие, необходимое для путешествия на Камчатку, поданная ими еще в Тобольске, удовлетворена не будет и что он не может предоставить в их распоряжение судно для переезда туда из Охотска. Обращения к якутскому воеводе по поводу продовольствия и к бывшему в Якутске пачальнику Охотского порта по поводу судна также остались безрезультатными. Г. Миллер и И. Гмелин решили отложить свою поездку на Камчатку. Они послали туда 9 июля 1737 г. С. П. Крашенинникова, который особенно выделялся среди других студентов своими способностями. На С. П. Крашенинникова они возложили подготовку помещения для профессоров, сбор различных коллекций, проведение метеорологических наблюдений, а также наблюдений за приливами и отливами и другие работы.

Сами профессора разъехались из Якутска. Л. Делаacroer направился на р. Оленек, чтобы провести астрономические наблюдения, Г. Миллер и И. Гмелин выбрали путь, приближавший их к Петербургу, и зимовали — И. Гмелин в Киренском остроге, Г. Миллер в Иркутске.

Не изменил их решения вернуться в Петербург и указ Сената от 7 сентября 1737 г., написанный в связи с донесениями профессоров. Этот указ, освобождая профессоров от подчинения В. Берингу, разрешал им вести работы совершенно самостоятельно. Вместе с тем он обязывал В. Беринга предоставить в Охотске в распоряжение Академического отряда особое судно, продовольствие, деньги и «работных людей», а также предлагал «профессорам Гмелину и Миллеру описывать в Сибирских местах, а в мореплавании с ним Берингом быть одному профессору дела Кроеру» (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 24, л. 1).

Весной 1738 г. И. Гмелин и Г. Миллер, находясь в Иркутске, обратились в Сенат за разрешением вернуться в Петербург и просили назначить им помощников, рассчитывая, что последние смогут стать их заместителями. Полагая, что обследование Камчатки может быть проведено С. П. Крашенинниковым и Г. Стеллером, они рассчитывали на обратном пути в Петербург продолжать обследование еще не посещенных ими районов Сибири.

В ожидании ответа Г. Миллер и И. Гмелин постепенно продвигались на запад. Совершив плавание по Ангаре, они остановились в Енисейске, где пробыли с 25 августа 1738 г. до 27 мая 1739 г. 20 января они встретили здесь Г. Стеллера, схавшего на Камчатку.

В 1739 г. Г. Миллер и И. Гмелин совершали экспедиции по Енисею. Сначала они спустились к г. Туруханску, в котором пробыли месяц, затем поднялись по Енисею до Саянского хребта и оттуда поплыли 19 августа в Красноярск, куда добрались к 7 ноября. Во время плавания, когда они делали остановку в Енисейске, их настигло извещение Сената об освобождении Г. Миллера от продолжения экспедиции, тогда как И. Гмелину предлагалось срочно следовать на Камчатку.

Г. Миллер выехал из Красноярска 2 февраля 1740 г., избрав маршрут на Томск. И. Гмелин остался в Красноярске и опять обратился в Петербург с просьбой об освобождении его от поездки на Камчатку в связи с направлением туда Г. Стеллера.

На обратном пути в Петербург Г. Миллер, желая более полно ознакомиться с архивами Сибири, посетил в 1740 г. города по Оби (Березов, Парым, Сургут)¹²³, а в 1741 г. (перезимовав в Тобольске) отправился в Тюмень и Екатеринбург. Выехав из Екатеринбурга, где перенес тяжелую болезнь, Г. Миллер посетил екатеринбургские казенные заводы, Далматов

монастырь, новые крепости — Миасскую, Челябинскую и Еткульскую, а также Ялуторовский острог. Зиму 1741/42 г. он провел в Тобольске.

В 1742 г. в Туринске в течение трех недель Г. Миллер опять сильно болел «простудной горячкой», свирепствовавшей по всей Сибири. В Петербург он вернулся 14 февраля 1743 г., после почти десятилетнего отсутствия (Пекарский, 1870, стр. 332).

И. Гмелин, расставшись с Г. Миллером, совершил из Красноярска летом 1740 г. ряд экскурсий, а в сентябре решил продолжать постепенное продвижение к Петербургу. Через Томск и Барабу он добрался до Иртыша и спустился по нему. Затем, проехав по сухому пути через Убинский и Косинский остроги, пересек р. Омь и, повернув к северу, 1 июля 1741 г. прибыл в Тару. 18 сентября он встретился около Ялуторовска с Г. Миллером. Проведя совместно зиму в Тобольске и проехав затем до Туринска, в мае они опять расстались. И. Гмелин отправился на юг и к 15 июля добрался по верховью р. Яика (Урала) до горы Магнитной, которую, однако, не смог осмотреть, опасаясь башкир. На обратном пути в Туринск он осмотрел ряд екатеринбургских заводов. Наконец, в октябре, когда И. Гмелин, по его словам, решил ехать обратно и без разрешения, в Туринск пришел указ о возвращении его в Петербург. И. Гмелин прибыл в Петербург вместе с Г. Миллером, с которым встретился в Верхотурье.

Как видим, Г. Миллер и И. Гмелин довольно широко охватили своими маршрутами территорию Сибири (рис. 27), за исключением районов за р. Леной и Крайнего Севера.

Географическое описание страны не было главной целью ни для историка Г. Миллера, ни для натуралиста И. Гмелина.

Г. Миллер¹²⁴ отличался необыкновенной многогранностью своих интересов. «История, география, этнография, статистика, языкознание, естественные науки — все это входило в круг его ведения, во все он вносил тот неутомимый *Forschungsgeist*, который руководил им в течение всей его жизни» (Голицын, 1899, стр. 3). Собранные им в Сибири материалы поражают своим разнообразием и обилием.

За 10 лет пребывания в Сибири он провел огромную работу. Он просмотрел до 20 архивов в городах и острогах. Общее количество сделанных им выписок составило, по его словам, «больше сорока больших книг в десть» (Бахрушин, 1937, стр. 23). Он разыскал несколько летописей (в том числе знаменитую Ремезовскую), использовал для своих исследований источники на азиатских языках. Не ограничиваясь письменными сведениями, он тщательно собирал устные предания о происхождении и истории народов. Г. Миллер привез с собой много рисунков древних сооружений («Семипалат», «Аблай Кит», Калбасунской башни и др.) и древних надписей, высеченных на скалах (на реках Томи и Енисее), коллекцию древностей из могильников в верховьях Иртыша и в степях в районе Абакана, а также два ящика с тангутскими и «мунгальскими» письменами. В числе других археологических памятников им были обследованы остяцкие, вогульские и татарские городища.

Уделяя много времени этнографии, он всюду записывал обычаи и обряды сибирских народов, собрал коллекцию платьев и «вещей идолопоклоннических». Для выяснения происхождения и родства народов Сибири он составил несколько словарей.

Насколько тщательно и обдуманно подходил Г. Миллер к своим исследованиям и какова была его эрудиция, видно из того, что шестая и последняя часть инструкции, составленной им для сменявшего его И. Фишера, касавшаяся вопросов только этнографии, состоит из 923 пунктов и в напечатанном виде занимает 46 страниц (Müller, 1900).

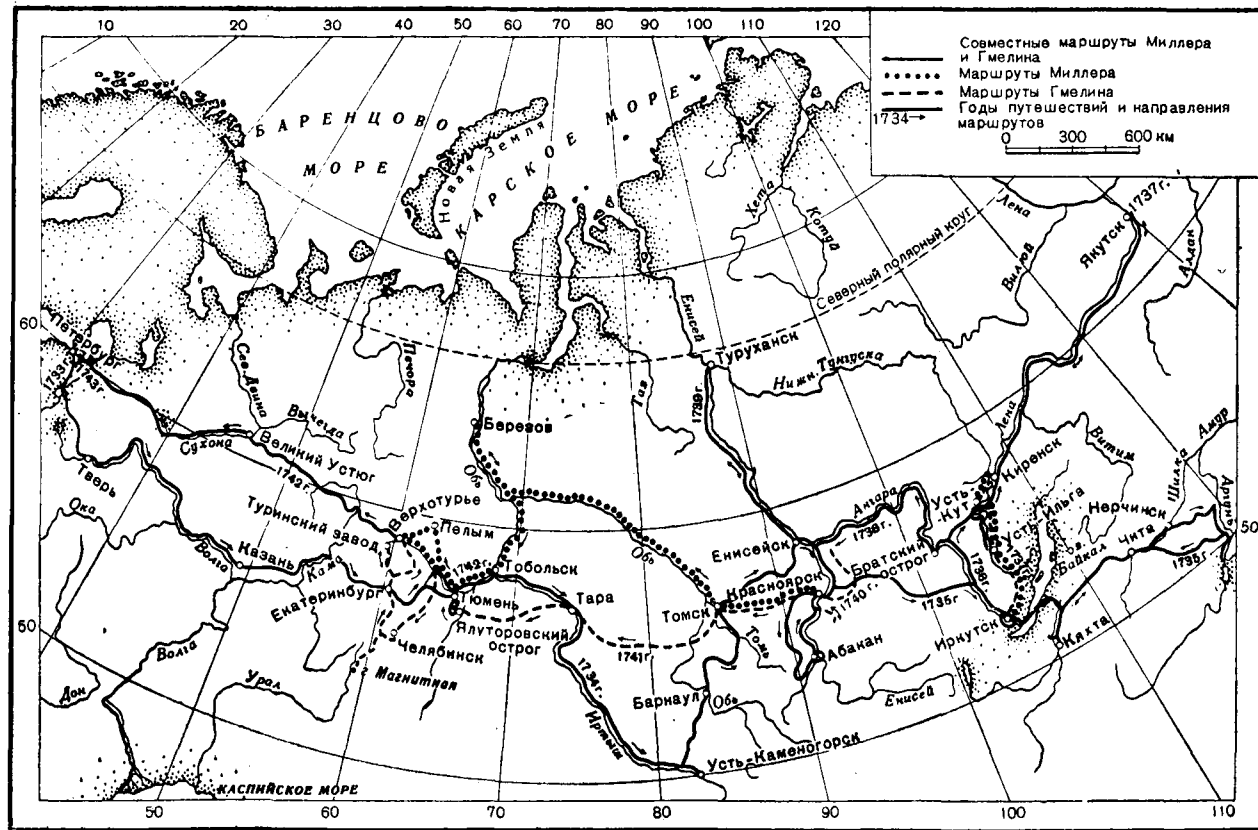

Рис. 27. Маршруты Г. Миллера и И. Гмелина по Сибири в 1733—1743 гг.

Собранные им во время Второй Камчатской экспедиции материалы занимают большое место в «Портфелях Миллера», содержащих много до сего времени не исчерпанных сведений¹²⁵.

В основном эти работы велись для составления «Истории Сибири», главного труда его жизни. Эта работа до настоящего времени представляет большой интерес.

Занимаясь изучением истории Сибири, Г. Миллер интересовался и историей географических открытий. Он собрал по этому вопросу обширные материалы (в частности, он обнаружил в якутских архивах документы о плавании С. И. Дежнева). Но Г. Миллер обогатил не только историю географии. Стремясь к всестороннему познанию страны, он не отрывал изучения ее истории от изучения ее географии и экономики. Указывая на необходимость географического изучения России, он писал: «...такого же состояния (неудовлетворительного.— В. Г.) есть и география Российской империи. Что чужестранцы об ней писали, о том и упоминать нечего, потому что они о подлинном разделении государства, о течении рек, о положении места городов и других знатных мест обстоятельного известия не имели. Отчего не токмо там многие из знатнейших городов, но и целые провинции и губернии пропущены. А паче не могли они объявить о особых нужнейших обстоятельствах каждого места, а именно: о способностях и неспособностях оных, о укреплениях, о величине, о публичных строениях, церквях и монастырях, о числе жителей или дворов, о их торгах и промыслах и о прочих происходящих из истории или до оной касающихся достопамятных обстоятельствах, умалчивая о бесчисленных погрешностях в именах» (МАН, 1895, стр. 185). Г. Миллер указывал также на необходимость составления ландкарт и описаний к ним¹²⁶.

В описаниях путешествия по Сибири он отмечал, что «никогда не упускал случая узнать географические сведения, особенно от людей, которые совершали далекие путешествия» (там же, 1890, стр. 345). Свидетельством постоянного внимания во время путешествия к вопросам географии Сибири являются сохранившиеся в его портфелях многочисленные работы, в том числе около 50 географических описаний, составленных Г. Миллером или студентами под его наблюдением. Эти описания относятся к территории от Твери до Цурухайтуй и далее от Якутска и Березова. Миллер собрал ответы от 21 сибирской канцелярии на различные пункты составленного им вопросника, касающиеся истории, географии, экономики и статистики. В «Портфелях» имеются описания уездов и районов Сибири, «Примечания» (более чем на 500 листах), включающие перечни отдельных пунктов, описания рек, карты отдельных районов Сибири, составленные Г. Миллером и другими лицами; географические материалы, собранные по программе Г. Миллера переводчиком Я. Линденау; разные географические и экономические заметки и т. д. (Бакланова и Андреев, 1937, стр. 543 и сл.).

Особого упоминания заслуживают работы Г. Миллера по изучению природных богатств и производительных сил Сибири. Во время путешествия он проявлял большой интерес к заводам и рудникам, о чем свидетельствуют заметки, сохранившиеся в его рукописях (там же, стр. 548, 550, 551, 567). Эти вопросы рассматриваются и в двух опубликованных работах (Миллер, 1755 б и 1757 д)¹²⁷.

Работы Г. Миллера, написанные на основе материалов Второй Камчатской экспедиции, положили начало истории географических открытий в Сибири, основанной на собранных в России критически проверенных сведениях.

Еще в Сибири, во время экспедиции, Г. Миллер составил по архивным

материалам описание Камчатки «Geographie und Verfassung von dem Lande Kamtschatka», напечатанное в книге Г. Стеллера (Steller, 1774). Ему принадлежит также очерк «Известия о северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения восточных стран», приложенный к письму В. Беринга от 27 апреля 1737 г., адресованному Н. Ф. Головину. В очерке рассказывается о плаваниях в XVII и XVIII вв. у северных берегов Азиатского материка. Эта работа послужила основой для известной статьи Г. Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных», опубликованной в 1758 г.¹²⁸

Вернувшись в Петербург, Г. Миллер выпустил в свет несколько трудов по истории географических открытий, географии и экономике Сибири.

В портфелях Г. Миллера хранятся и неопубликованные географические труды: «География Сибири 1743 года» (в шести частях), «Особенная география Сибири» (география рек) и «Описание путешествия по Сибири»¹²⁹. Неопубликованной осталась также большая этнографическая работа, представляющая интерес и для географов: «Описание сибирским народам вообще с приобщенным к оному особливим известием о живущих около Казани языческих народах и с показанием что при описании народов примечать должно» (Бакланова и Андреев, 1937, стр. 560). Печатные работы Г. Миллера и собранные им документы и чертежи, оставшиеся неопубликованными, и в настоящее время служат важным источником для исследователей, занимающихся историей географии в России.

На основании своих наблюдений в Сибири Г. Миллер внес много ценного и в картографию. Под его руководством была составлена карта 1754—1758 гг., которая из всех опубликованных в то время карт давала наиболее правильное изображение Сибири и мест, посещенных Второй Камчатской экспедицией (Büsching, 1785, стр. 110).

Собранные Г. Миллером историко-географические материалы не только обогатили сравнительно точными географическими данными науку, но и явились пособием при рассмотрении государственных вопросов (например, статьи «Известие о песочном золоте в Бухарии, о чипенных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше...», 1760 и «Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами...», 1757в).

И. Гмелин¹³⁰ был хорошо образованным натуралистом. Имея звание доктора медицины, он с успехом пробовал свои силы во многих отраслях естественных наук. О разнообразии его научных интересов свидетельствуют его работы по химии, физике, зоологии, медицине и минералогии. Более всего И. Гмелина привлекала ботаника. В результате поездки в Сибирь им был создан составленный на основе обширных коллекций четырехтомный труд «Flora sibirica» (Gmelin, 1747—1769), изданный Академией наук¹³¹. В этой работе приводится описание 1178 видов растений и 294 зарисовки отдельных растений. В расположении растений И. Гмелин пользовался системой Д. Рея (История Академии наук СССР, 1958, стр. 111; труд К. Линнея «Species plantarum» вышел в 1753 г.). Ф. Рупрехт называл труд И. Гмелина «поистине классическим творением» и отмечал, между прочим, что в нем «мы находим первые шаткие попытки растительной географии Сибири, основанной на обширной наблюдательности: граница обыкновенных европейских растений отодвинута до Енисея и уже подмечено сходство азиатских и американских пород» (Рупрехт, 1865, стр. 4)¹³². Для истории географии наибольший интерес представляет введение к первой части этого труда, которое является первой появившейся в печати в России попыткой дать физико-географиче-

ское описание района. Эта работа обратила на себя внимание Академии наук, которая решила издать ее русский перевод отдельной книгой (Гмелин, 1749). Перевод предисловия был сделан С. П. Крашенинниковым¹³³.

Эта замечательная для своего времени работа читается с интересом и в настоящее время, так как в ней много верных и выразительных характеристик, свидетельствующих о большой наблюдательности и ясном обобщающем уме автора.

Вот как, например, И. Гмелин определяет, исходя из природных условий, границу между Европой и Азией: «Не могу пременить, чтоб не учинить общего примечания; в чем у географов покорно прошу прощения, которое и получить надеюсь, тем наипаче, что оное не от склонности моей мешаться в чужие дела, но от одной ревности к истории натуральной, в чем состоит моя должность, происходит. Мне не казалось, что я в Азии нахожусь пока до Енисея реки не доехал. Не видел я до тех мест почти никаких зверей, которых бы и в Европе или по последней мере на степях вниз по Волге реке не было, никаких особливых трав, земли, камней. Весь вид земли до означенной страны казался мне европейским. Но от Енисея реки как на восток, так на юг и на север, земля другой вид и не знаю какую другую силу получила; хребты и холмы сперва попадались местами, а там уже вся страна была гориста и красотою долин и степей между гор лежащих никакой стране не уступала. Оказывались звери нигде еще неизвестные, как, например, кабарги, или степные бараны. Не попадались уже травы везде в Европе растущие, но вместо них новые и в Европе не знаемые по малу появлялись. Сверх того, чистые, светлые и здоровые воды, вкусные рыбы и птицы и самый различный род тамошних народов, довольно доказывали, что там особливая часть света» (там же, стр. 44—45).

Это описание, которое напоминает попытку ландшафтной характеристики, вызвало замечание О. Пешеля, что «до Гмелина ни один географ не думал о такой характеристике различий между районами» (Peschel, 1865, стр. 413).

Впоследствии к этому описанию географы обращались неоднократно. Его вспомнил, например, в конце XIX в. Э. Реклю (1895, стр. 51—52), когда ему пришлось писать о природных особенностях Европейского и Азиатского материков, некогда разделявшихся морем. В наше время приведенные выше слова И. Гмелина цитировал, описывая природу Сибири, Л. С. Берг (1947, стр. 112).

Описание огромной территории Сибири И. Гмелин начинает с подробного очерка речной сети и характеристики рельефа. Он упоминает главные реки: Яик, Иртыш, Обь, Енисей, Лену, Селенгу, Шилку, Аргунь, их крупнейшие притоки и много более мелких рек (всего 130), отмечает их истоки и устья, причем дает до 40 определений широты и долготы, указывает озера в их бассейнах, места сближения рек (волоки), приводит сведения об их судоходности, особенностях русел и берегов.

Переходя к описанию рельефа, И. Гмелин останавливается сначала на двух основных хребтах. Первый из них — Уральский хребет, северную часть которого он называет Верхотуринскими горами. Он указывает, что хребет простирается до Оренбургского уезда и снижается к западу. Другой хребет «отделяет Сибирь от Калмыцкой и Мунгальской земель и пока он между Иртышом и Обью реками идет, Алтанским, то есть золотым, а в других местах и особливо между Енисеем рекою и Байкалом озером, Саянским хребтом называется. От сих хребтов в обе стороны простираются другие хребты, а именно на юг в Калмыцкую и Мунгальскую земли, и на север, и окружают отчасти Обь и Том, особливо ж Енисей реку...

А больше знатен хребет, разделяющей реки, впадающие в Восточное и Ледовитое море, которой начинается в Мунгальской земле и кончится по край Сибири в северо-восточной стороне. По-русски, особливим именем называется оной Становым, а около Ингоды реки, где едучи в Нерчинск через него переезжают, также между Колымою и Анадырем реками, от множества по нем камней, препятствующих пути, будто бы яблокам подобны — Яблонным хребтом». Он упоминает также и менее значительные хребты по р. Тунгуске, «отчего оная река и Подкаменной называется» и к северу от Алдана, с которого текут реки в Северное море «и от Яны реки Верхоянским именуется» (Гмелин, 1749, стр. 19—21).

Затем И. Гмелин описывает другие стороны физической географии Сибири. Наиболее подробно он говорит об ее южной (обжитой) части — от Урала до р. Енисей, отмечая характерные особенности отдельных районов этой обширной территории.

Он выделяет «пространнейшие степи», «песчаные и сухие» к востоку от нижнего течения Урала. Описывает местность «между вершинами Яика, Уфы, Чусовы, Туры и Тобола» (Челябинская область и северо-запад Кустанайской), где множество озер, богатых рыбой, и есть соленые озера (особенно на юге), а также заболоченные места. Здесь «по большей части земля тучная, поля плодородные и для того к земледельству весьма способные и луга сочную траву произрастающие, особливо для содержания скота удобные, по чему оные и прекрасными кажутся, и нет почти ни в чем там недостатку, что к житью человеческому и довольству потребно» (стр. 25—26).

Между Тоболом и Иртышом (восточная часть Курганской, юг Тюменской, западная часть Омской областей) «прилегли степи, из которых южные сухи и почти без лесу, а восточные плодородны». От Ишима почти до самой Железинской «хлеб родится и лес растет, а ниже того по большей части болотные места» (стр. 27—28). Места между Иртышом и Обью (Новосибирская область, часть Томской области и Алтайского края) «состоят из пространных степей, которые от живущих на оных Барабинских татар Барабинскими называются». Тут много болот и рыбных озер, есть и плодородная земля, на которой мог бы родиться хлеб, «ежели б живущим там татарам оной нужен был». Руд там «неудобверимое доволство, что имя Алтай несколько изъяснить может» (стр. 31—33).

Между Обью и Енисеем (юго-восток Томской области, Кемеровская область, юго-западная часть Красноярского края) местность становится гористой, «ибо там Саянский хребет начинается, в котором богатая медная руда везде находится». Горы около р. Томи ему показались замечательны тем, что хотя они и «нарочитой вышины, однако ж тучною землею покрыты, а особливо, около г. Кузнецка». В районе верхнего течения Енисея степи «вверх по Абакану и Юсам рекам несколько сухи, однако ж в редких местах к земледельству неудобны. Впрочем, водою они весьма изобилны и озерами не недостаточны» (стр. 34, 35—36).

Описание других частей Сибири И. Гмелин дает более схематично, но здесь тоже содержится много верных замечаний. Он, например, указывает, что в гористых местах между Тунгуской, Ангарой и Иркутом есть «тучная черная земля», которую можно было бы обрабатывать, но «теснота места препятствует столько оного сеять, сколько для содержания жизни потребно». От устья Тунгуски к северу и от устья Лены до р. Куты «все места больше бесплодные, гористые, и никто там не живет, кроме зверей да тунгусов» (стр. 41).

По хлебу «особливо славны места по Илге реке и, как оные, так и другие, вверху Лены лежащие, почти соединены с теми местами, которые на

восточной стороне Ангары реки находятся; так что всю страну с Брацкого острога вверх по Ангаре и от вершин Лены до Орленской слободы, включая в то число и лежащие между оными степи до самого хребта Байкалозеро окружающего, не без причины, назвать можно житницей всей почти Иркутской провинции» (стр. 39—40).

За Леной «от Ледовитого и Восточного океана до самой Камчатки и от Пенжинской губы и Камчатского моря до устья Амура реки, и все места, окруженные Становым хребтом, гористы и хребтисты, и никто почти там не живет, кроме диких народов». «Вся сия страна, как весьма гористая и чрезмерно холодная, к произращению хлеба почти неспособна, выключая впадающую в Алдан Амгу реку, где издавна пашня заведена и хлеб изрядно родится», также и по верховьям р. Индигирки (стр. 45—46 и 47). Между Якутском и Охотском он отмечает места, где и летом «бывает великая стужа и лед никогда не тает. Такой лед назван русскими «пакинным», а якуты называют эти места «тарынами» (стр. 48).

Что касается Забайкалья, то эта страна «вообще гористою назваться может, однако ж между горами во многих местах есть весьма пространные степи», которые «по большей части сухи и солнечным жаром выжжены», во время пути через эти степи «по одному, по два и по три дни, ни воды, ни дров найти неможно. Солонцы там нередко попадают, также и многие озера от солнечного жара пересохшие», на дне которых лежит соль. «Горы означенной страны, особливо Удинские, весьма бесплодны и не столь высоки, как в других местах» (стр. 49—50). Всего плодороднее места по Аргуни и ее притокам Урюмкану и Газимуру, где «земля безмерно тучная и черная», и хлеб на ней родится в количестве, превышающем потребности местного населения.

О высокоширотных районах он говорит кратко, что места между Обью и Енисеем «моховаты и болотны», а между Енисеем и Леной «по большей части болотны, а иногда и очень гористы» (стр. 36 и 44).

Как мы видим из приведенных кратких выдержек, И. Гмелин в общем верно уловил и выделил некоторые особенности различных районов Сибири.

И. Гмелин указал также на отдельные характерные черты природы Сибири, до него никем не отмечавшиеся. Он пришел к выводу, что «земля забайкальских мест в рассуждении других знатно высока». К такой мысли его привело сильное падение рек Прибайкалья, например Ангары, и их быстрое течение. За Байкалом местность еще более повышается, о чем свидетельствует большое падение впадающей в него Селенги. Произведенное им измерение барометрического давления в Иркутске, Селенгинске, Кяхте, Нерчинске, на Аргунских заводах подтверждало это наблюдение.

По поводу проведенных в Енисейске наблюдений температуры воздуха в январе 1735 г., когда птицы замерзали на лету, он писал, что «стужа сибирского воздуха, паче всех качеств его достойна примечания, от которой реки рано становятся и поздно проходят и снега еще в сентябре месяце нередко выпадают, напротив того и в мае не везде сходят. Хлеб, ежели в августе месяце не созреет, едва надеяться можно, чтоб дошел, а в Енисейском некогда случилось, что он снегом запал, когда время жатвы еще не наступило» (стр. 68—69)¹³⁴.

И. Гмелин впервые в литературе подробно остановился на явлениях вечной мерзлоты¹³⁵, указав, что в Якутске земля на высоких местах оттаивает летом только на 4 фута, а на низких еще меньше — на 3 фута. Поэтому здесь роют погреба на глубину всего одной сажени. В другом труде он сообщает о попытках, сделанных в Якутске, дойти до основания слоя

мерзлоты: в 1685/86 г. здесь был вырыт колодезь в 13 сажень, но все же до конца мерзлого грунта не дошлн (Gmelin, 1752, ч. 2, стр. 522).

Основываясь на личном опыте, И. Гмелин не преминул отметить правильность своего общего наблюдения, что «восточные страны в одной широте лежащие, холоднее западных» (1749, стр. 72). Очень интересно его попутное замечание (основанное на барометрических наблюдениях И. Лерхе, проводившихся в Астрахань с декабря 1745 г. до ноября 1746 г.) о том, что уровень Каспийского моря ниже уровня океана.

Четырехтомная работа И. Гмелина «Reise durch Sibirien» (1751—1752), написанная после возвращения его в Германию, имеет совершенно другой характер. Значительное место в этой книге занимает чрезвычайно подробное описание самого пути. По словам автора, эта работа представляет собой ежедневные записи путешествия, которые он вел просто для собственного удовольствия. «Поскольку моя работа представляет собой ежедневные записи, в ней содержится смесь бесчисленных обстоятельств различных стран, народов, природы, затронутой и не затронутой культурой» (1751. Предисловие).

К первым трем томам приложены карты отдельных частей Сибири, представляющие собой, как отмечает автор, несколько пополненные и исправленные карты из «Атласа Академии наук 1745 г.»

В этом труде также содержится много подробностей о быте сибирских жителей, городах, промыслах, торговле в первой половине XVIII в. Эти записи, сделанные талантливым ученым, служат важным источником для ознакомления с Сибирью той эпохи (Пекарский, 1870, стр. 448). Работа И. Гмелина интересна для историка, который найдет в ней описание городов и заводов Сибири, сведения о сельском хозяйстве, путях сообщения и торговле, о быте и правах. Она интересна и для этнографа, так как включает подробные сведения об обрядах, одежде, жилищах, предметах обихода, религии и суевериях населявших Сибирь народов. Его наблюдения гораздо точнее и полнее, чем описания, которые мы находим в трудах долго живших в Сибири Г. Новицкого и Ф. Страленберга¹³⁶.

В эту работу И. Гмелина включены также интересные археологические материалы, описания и зарисовки древних надписей, остатков старинных построек и т. д. И. Гмелин отмечал все сколько-нибудь интересовавшие его явления природы — не только белые ночи, сибирские морозы и явления побочных солнц, но и наблюдавшийся им необыкновенный удар молнии, случай заболевания сибирской язвой, бурю на оз. Байкал. Он пишет о находках мамонтовых костей, о землетрясении, описывает барана аргали и кабаргу, паводок на р. Лене и т. д. В работе И. Гмелина много интересных замечаний о границах земледелия и распространении растительности, о сроках вскрытия рек и ходе их разливов. Он приводит метеорологические сводки за некоторые периоды и по расспросным данным дает описание природы северных берегов Азиатского материка.

Во время своего путешествия И. Гмелин многое сделал для организации первой в России метеорологической сети. Начиная с Казани, он подыскивал во многих городах среди местных жителей людей, которые соглашались вести систематические метеорологические наблюдения по установленной программе при помощи приборов, получаемых от Академии. С 1734 г. в Академию начали поступать данные этих наблюдений из Казани, Екатеринбурга (Свердловска), Тобольска, Иркутска и других городов (История Академии наук СССР, 1958, стр. 94).

Отдавая должное научным работам И. Гмелина, следует отметить, что он все же оставался иностранцем-путешественником, который, прожив в России 20 лет, не сжился с ее интересами. Его не захватило величие

русской истории, и он не оценил тяжелого труда людей, отвоевавших сибирские земли у суровой природы и строивших города, заводы и дороги в этой полудикой стране. Поэтому наряду с верными описаниями быта сибиряков того времени у него встречается много утрированных рассказов.

Работа С. П. Крашенинникова¹³⁷ и Г. Стеллера, отправившихся на Камчатку, протекала в иных условиях, чем работа Г. Миллера и И. Гмелина. Это в особенности относится к С. П. Крашенинникову, который как студент не мог по своему положению рассчитывать на особые условия.

Обучение в Славяно-греко-латинской академии, откуда он был вызван вместе с одиннадцатью другими студентами в Петербург в Академию наук, дало С. П. Крашенинникову хорошее знание латинского языка, но, конечно, не подготовило его к ведению этнографических и натуралистических наблюдений, так как естественная история в Славяно-греко-латинской академии не проходила (Смирнов, 1855, стр. 109—110). Что касается физики, то, по отзыву академика Г. Байера, экзаменовавшего в январе 1733 г. присланных студентов, их сведения об этой отрасли знаний настолько устарели, а термины были так неточны, что он и сам не мог разобраться в их представлениях (МАН, 1886, т. II, стр. 96).

Пополнить недостаток знаний путем обучения в Академии наук, длившегося всего несколько месяцев (с января по август), было, конечно, невозможно. Только очень одаренному и исключительно упорному человеку было под силу, имея подобную подготовку и находясь в постоянных разъездах, подняться до такого научного уровня, который позволил создать «Описание земли Камчатки»¹³⁸.

В Сибири, до отправления из Якутска на Камчатку, С. П. Крашенинников и студент В. Третьяков находились в ведении И. Гмелина и выполняли главным образом его поручения. С Г. Миллером работали студент А. П. Горланов и переводчик И. Яхонтов (МАН, 1890, стр. 349).

Кроме совместного маршрута с профессорами до Якутска, С. П. Крашенинников самостоятельно или с другими студентами и геодезистами совершил несколько поездок по Сибири, выполняя разнообразные работы. Он составлял для профессоров описания пути, теплых ключей, словарь бурятского языка, «реестр деревьям, зверям, рыбам и птицам» около Баргузинского острога, архивные справки, описывал «братских мужиков иркутского ведомства» и т. д. (Андреев, 1939а, стр. 561; Степанов, 1949, стр. 25—27).

Его склонность к точным натуралистическим и этнографическим описаниям, которая так ярко отразилась в книге «Описание земли Камчатки», определилась уже в то время. Это подтверждают опубликованные Н. Н. Степановым выдержки из «Дорожного журнала» за 1734—1736 гг., содержащие описание обычаев населения (1949, стр. 27—28), и написанный в 1736—1737 гг. очерк «О соболином промысле», в котором собраны наблюдения за соболем, накопленные промышленниками (Крашенинников, 1949, стр. 671).

Из Якутска на Камчатку С. П. Крашенинников выехал 5 июля 1737 г. Он должен был добраться туда через Охотск. Судно «Фортуна», на котором он 4 октября отправился из Охотска, дало во время плавания течь. Для спасения от гибели «все, что было на палубах, также и из судна груз около четырехсот пуд, в море сметали и так едва спаслись». У устья р. Большой «Фортуна» села 14 октября на мель, с которой удалось сняться только 21 октября. В Большерецкий острог С. П. Крашенинников прибыл 22 октября (Крашенинников, 1949, стр. 555).

Во время почти четырехлетнего пребывания С. П. Крашенинникова на Камчатке его жизнь была полна лишений. Он быстро израсходовал остат-

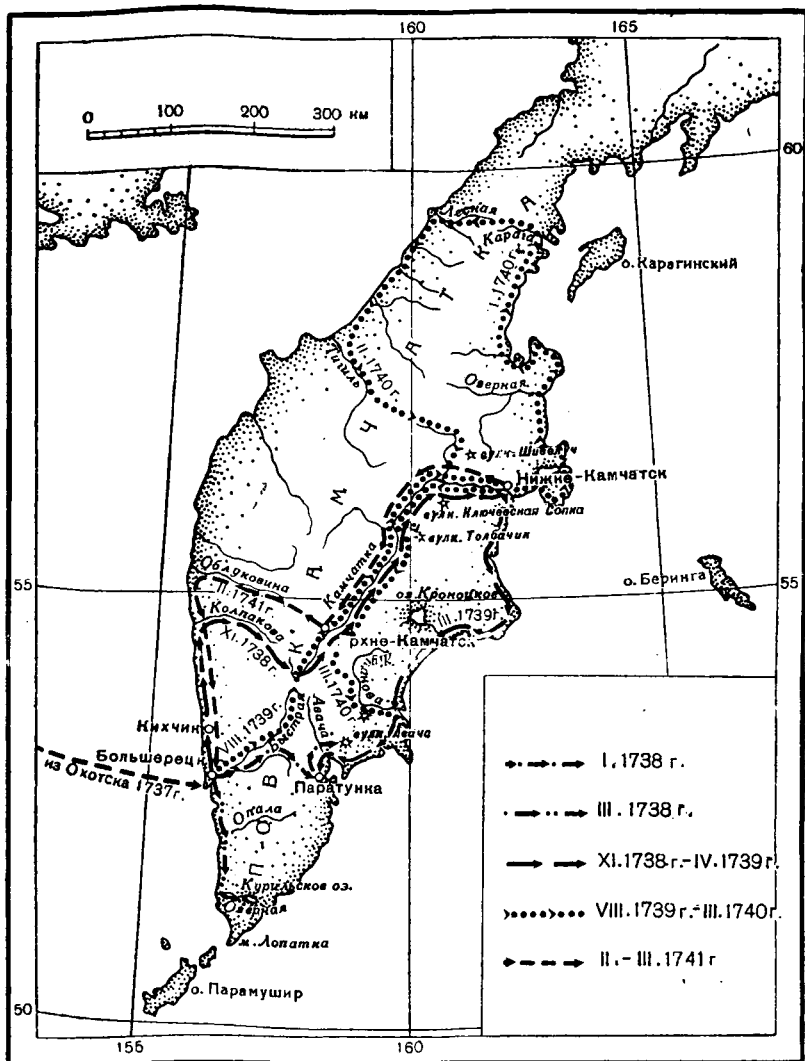

Рис. 28. Камчатские маршруты С. П. Крашенинникова в 1737—1741 гг.

ки привезенного хлеба. 25 пудов хлеба, посланные ему Г. Миллером и И. Гмелиным, дошли до него в начале 1740 г., и только в октябре того же года ему было выдано жалование за 1739—1740 гг. Об условиях его жизни можно судить по тому, что хлеб на Камчатке стоил 5 руб. за пуд, а жалование он получал 100 руб. в год. Почти в течение всего пребывания на Камчатке С. П. Крашенинников питался рыбой, к которой никак не мог привыкнуть, терпел «немалую нужду и паляся в долги» (там же, стр. 606). Жилищные условия на Камчатке, где почти все избы топились по-черному, были также очень плохи.

Выполняя работы по описанию страны, С. П. Крашенинников должен был проводить их самостоятельно, так как первая почта от Г. Миллера и И. Гмелина была получена им только 4 января 1740 г. (там же, стр. 604). У него была инструкция, состоявшая из 89 параграфов, которую ему перед отъездом вручили Г. Миллер и И. Гмелин, и присланные

в начале 1740 г. дополнения к ней (Андреев, 1939 а, стр. 11—13). Эти документы давали представление об объеме работы, но, конечно, успех зависел от умения разобраться в окружающих новых явлениях и выделить из них наиболее существенное, в чем С. П. Крашенинников был полностью предоставлен себе. Не имея людей, с которыми можно советоваться, он вел работы по истории, географии, этнографии, лингвистике, метеорологии, ботанике, зоологии, ихтиологии.

Из Большерецка, где С. П. Крашенинников обосновался, он совершал экспедиции по полуострову (рис. 28). Некоторые из них продолжались по 5—7 месяцев. Он объехал западный берег Камчатки от р. Озерной до р. Оглукоминой (Облуковиной) и от р. Лесной до р. Тигиль и восточный берег — от р. Авачи до р. Караги. Кроме того, он несколько раз пересекал полуостров в различных направлениях, посещал то «теплые ключи», то «горящую гору», то ехал на север собирать материал для описания нравов коряков, то направлялся в какой-нибудь острог для ознакомления с архивами и т. д.¹³⁹

Он сумел привлечь к работе местных служилых¹⁴⁰, которые вели для него метеорологические наблюдения, собирали растения и животных, покупали у местного населения одежду и предметы обихода, собирали путем расспросов местного населения сведения об истории Камчатки и быте местных народов.

Научные занятия затруднялись хлопотами о постройке «хором» для профессоров, об отказе которых от поездки на Камчатку С. П. Крашенинников долгое время не знал. Кроме того, он занимался устройством огорода, для чего использовал высланные ему семена.

Так С. П. Крашенинников работал до 27 сентября 1740 г., когда на Камчатке появился Г. Стеллер. В течение именно этого времени он собрал материалы и написал много работ, послуживших основой для «Описания земли Камчатки». Из 153 рукописей научных трудов С. П. Крашенинникова, о которых в настоящее время имеются сведения, 53 написаны им на Камчатке¹⁴¹. Среди них 15 работ содержат описание пути. Много работ по «натуральной истории»: описание теплых ключей, птиц, зверей, метеорологические наблюдения, наблюдения за приливами и отливами, кошки с которых, снятые И. Гмелиным, составили около 100 листов (Гнучева, 1940б, стр. 58). К этому периоду принадлежит и «Описание камчатского народа, сочиненное по сказанию камчадалов», законченное в 1740 г., которое потом было использовано в «Описании земли Камчатки». Сюда же относятся словари и исторические работы.

С приходом Г. Стеллера и студента А. П. Горланова (27 сентября 1740 г.) С. П. Крашенинников, руководивший до их приезда всеми работами, перешел на положение подчиненного.

Его сотрудничество с Г. Стеллером было непродолжительно. Через месяц после приезда (27 октября) Г. Стеллер направил С. П. Крашенинникову «ордер» следующего содержания: «Господин студент Крашенинников. Понеже по силе 37 пункта данной мне от господ профессоров Гмелина и Миллера инструкции велено по приезде моем в Большерецкий острог принять вас в мою команду и пересмотреть у вас всякие вами с приезде вашего на Камчатку по сих пор чиненные наблюдения и исследования по данной вам от оных господ профессоров инструкции и письменным наставлениям; которые мне сомнительны покажутся ваши наблюдения, те исправить, чтоб никакого сомнения не осталось. Чего ради по получении сего быть вам у меня в команде и чиненные вами наблюдения с приезде вашего сюды на Камчатку по сих пор мне при репорте объявить, а при том какие у вас имеются казенные книги и материалы и сколько при

вас имеется служивых, реестр объявить (Степанов, 1949, стр. 42). С. П. Крашенинников исполнил требование Г. Стеллера на следующий же день¹⁴².

Вскоре Г. Стеллер, договорившись с Л. Делакроером, откомандировал С. П. Крашенинникова с Камчатки в Иркутск, чтобы ускорить получение денег для экспедиции. Согласно инструкции Г. Стеллера, С. П. Крашенинников должен был осенью 1742 г. вернуться (Андреев, 1939в, стр. 32). С. П. Крашенинников выехал из Большерецка 12 июня 1741 г. и прибыл в Иркутск 6 ноября. Обрато на Камчатку он не поехал, а направился к вызвавшему его Г. Миллеру. Догнав Г. Миллера и И. Гмелина в Верхотурье в поябре 1742 г., он поехал с ними в Петербург.

По расчету С. П. Крашенинникова, он проехал за время пребывания в экспедиции в совокупности 25 073 версты.

Взаимоотношения в научной работе С. П. Крашенинникова и Г. Стеллера, написавших книги на одну и ту же тему — о Камчатском п-ове, уже давно были предметом обсуждения в литературе. И. Шерер, издатель книги Г. Стеллера о Камчатке, высказал в посвящении, предпосланном книге, мнение, что С. Крашенинников «был учеником Г. Стеллера», «использовал его материалы, заимствовал у него карты и рисунки» и что «книга С. Крашенинникова — кастрированный, сокращенный труд, составленный из произведения Стеллера (Steller, 1774). Но это мнение было опровергнуто в немецкой же литературе в 1774—1775 гг. А. Бюшпнгом и другими учеными, показавшими, что труд С. П. Крашенинникова самостоятелен (Büsching, 1774, стр. 186—187). Позднее, когда стал известен факт передачи С. П. Крашенинниковым материалов Г. Стеллеру, возник вопрос об использовании Г. Стеллером его работ. Известны высказывания, что эта передача была трагедией для С. П. Крашенинникова (Степанов, 1949, стр. 42).

Нам представляется, что оба автора были достаточно одаренными и умелыми наблюдателями, и работа каждого из них является в первую очередь результатом собственного труда. Вместе с тем оба они использовали материалы друг друга¹⁴³.

Так, например, С. П. Крашенинникову Академия наук прямо предложила объединить материалы с наблюдениями Г. Стеллера, представленными в Академию, сделав ссылки, которых в книге С. П. Крашенинникова очень много (без упоминания отдельных трудов Г. Стеллера). Он обращался, конечно, и к другим материалам¹⁴⁴. А. Бюшпнг, отвечая на приведенное выше заявление И. Шерера, писал, что С. П. Крашенинников не искажал и не сокращал сочинения Г. Стеллера, «но выбрал из стеллеровской рукописи то, что он находил в ней хорошего» (Büsching, 1774, стр. 186).

Но и Г. Стеллер, в распоряжении которого с самого начала его пребывания на Камчатке были материалы С. П. Крашенинникова, в том числе и «Латынские обсервации до истории натуральной касающиеся», также не мог в той или иной мере не использовать эти оригинальные наблюдения. Д. И. Литвинов отмечает, что текст главы о растительности Камчатки в книге Г. Стеллера почти полностью совпадает с соответствующим текстом в «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова. Найденная Д. И. Литвиновым в архивах рукопись С. П. Крашенинникова «Descriptiones avium, piscium, animalium et vegetabilium» доказывает, что автором описания растительности Камчатки был именно С. П. Крашенинников (Литвинов, 1909, стр. 110, 278—279).

Труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1949) состоит из двух томов, включающих четыре части¹⁴⁵.

В первой части много места уделено физической географии полуострова, особенно описанию рек. Кроме того, в эту часть включены описания Курильских островов и «Америки» (Аляски и Алеутских островов) и их населения, описание о-ва Беринга, а также сведения о дорогах Камчатки.

Во второй части помещены дополнительные сведения о природе Камчатки, ее климате, размещении плодородных земель, вулканах, горячих ключах, металлах и минералах. Кроме того, сообщаются сведения о флоре и фауне полуострова и о приливах и отливах «Пенжинского и Восточного» морей, приводятся также описания землетрясений. Эта часть занимает важное место в книге и долгое время служила для многих исследователей основным источником сведений о полуострове.

В «Описании Земли Камчатки» содержатся ценные сообщения, восстанавливающие картину необычайного изобилия животных, которым отличалась в те времена Камчатка. Так, например, С. П. Крашенинников говорит о соболе, что «в местах, от жилья несколько отдаленных, попадает собольих следов так много, что по Лене и белых едва столько примечается». Птицу, называемую «старик», ловят очень просто: «надев па себя шубы, куклянками называемые, садятся в удобных местах, рукава спустя, и ожидают вечера. Когда птицы прилетают с моря, то в темноте, ища себе нор для убежища, в великом числе в шубы к ним набиваются». Рыбы корюхи (корюшки) «временами выкидывает из моря столько, что берега Восточного моря верст на сто в колено бывают ими покрыты» (1949, стр. 244, 309, 314).

Заслуживает внимания, что, пользуясь во многих случаях описаниями животных Г. Стеллера, С. П. Крашенинников неизменно опускает его телеологическую философию.

О точности некоторых наблюдений С. П. Крашенинникова свидетельствует описание им рощи пихты у устья р. Шемечь (Семечь) на восточном берегу полуострова, не встречающейся больше нигде на Камчатке. Она была обследована специалистами и описана только в 1938 г. и признана реликтом третичной доледниковой флоры. В. Д. Троицкий (1941, стр. 445) полагает, что наиболее правильно местоположение этой рощи указал С. П. Крашенинников.

С. П. Крашенинников описал многие полезные ископаемые Камчатки и наиболее распространенные там горные породы. Геологические коллекции, в которых было также много образцов, собранных во время путешествия по Сибири, он отсылал в Кунсткамеру Академии наук.

Описание природы полуострова, сделанное С. П. Крашенинниковым, может показаться недостаточно полным. У него нет подробного описания рельефа, далеко не полно описаны вулканы и горячие ключи. В очерке, посвященном растительности Камчатки, С. П. Крашенинников ограничивается теми растениями, которые наиболее широко использовались местными жителями, но ничего не говорит, например, о таком дереве, как ель. Из рыб описаны только те, которые служили пищей населению. О беспозвоночных, амфибиях и рептилиях материал очень скуден и т. д. Но, конечно, от С. П. Крашенинникова, который первым из ученых посетил этот полуостров и основывался главным образом на личном четырехлетнем опыте, и нельзя было ждать более полного описания. Уже одно накопление значительного материала наблюдений было большим достижением.

В третью часть книги включены наблюдения, которые имеют особое значение, так как отражают быт камчадалов, каким он был до распространения русского влияния. Можно предполагать, что М. В. Ломоносов признавал эти сведения наиболее ценной частью книги. В «Экстракте», из нее

составленном при участии М. В. Ломоносова и переданном Вольтеру, полнее других представлен именно этот раздел (Андреев, 1940б, стр. 296; 1940 в, стр. 301). Значение этнографических описаний С. П. Крашенинникова отмечал и Д. Н. Анучин (1889, стр. 3): «Это описание, появившееся в печати ранее, чем совершились знаменитые кругосветные экспедиции Лаперуза, Кука, Форстера, не утратило своего интереса и в настоящее время как одно из древнейших, правдивых и обстоятельных изображений быта и нравов неизвестного дикого народа на берегах Восточной Азии».

Наблюдения С. П. Крашенинникова были использованы в работах выдающихся представителей этнографической науки — А. Бастиана и Э. Тэйлора (Никольский, 1939, стр. 83).

Сам С. П. Крашенинников хорошо понимал значение своих наблюдений для науки, чем и можно отчасти объяснить высокое качество их выполнения. Он считал необходимым описывать все обряды камчадалов подробно, «понеже всему у них непрременной порядок» и «наипаче для того, чтоб не погибла память толикого их заблуждения..., ибо ныне все оные языческие обряды оставлены, и чрез несколько лет совершенному предадутся забвению к некоторому ущербу истории» (1949, стр. 415).

Он тщательно описал камчадалские острожки и обычаи камчадалов (особенно ценны записи религиозных церемоний, которые удалось сделать только С. П. Крашенинникову). Его описания позволяют восстановить картину существовавшего у камчадалов до прихода русских родового строя, хотя С. П. Крашенинникову, конечно, еще не было известно такое понятие.

Во многих местах своей книги С. П. Крашенинников высказывает мысли, показывающие его склонность к материалистическому пониманию явлений общественной жизни. Так, например, отмечая, «как они без железных инструментов могли все делать, строить, рубить, долбить, резать, шить, огонь доставать, как могли в деревянной посуде есть варить», причем всего этого достиг «не разумной или ученой народ», а «дикой, грубой и трех перечесть неумеющий», он делает заключение, что «столь сильна нужда умудрять к изобретению потребного в жизни» (там же, стр. 379—380).

С. П. Крашенинников возражает против мнения Г. Стеллера, что причиной взаимной вражды местных народностей были «две внутренние страсти: ненависть и роскошь» и что их побуждали к неприятельским действиям «женщины, властолюбие и всякие домовые вещи и уборы». С. П. Крашенинников предполагал, что «разделение народов и расселение по разным местам Камчатки, могло сделаться и по другой причине, как, например, по тесноте места, по недостатку довольного к пропитанию для множества, и прочая» (там же, стр. 405—406).

Большой заслугой С. П. Крашенинникова было составление словарей языков камчадалского, коряцкого, курильского (айнского). Для камчадалского языка он привел три наречия (северное, южное, западное), а для коряцкого — пять наречий. Собранные им материалы по языку обитателей Карагинского о-ва тем более интересны, что, к настоящему времени люди, говорившие на этом языке, исчезли (Берг, 1948, стр. 60).

Успеху этнографических наблюдений С. П. Крашенинникова содействовало то, что в его отношениях к местному населению не было никакого оттенка расовых предубеждений. Не закрывая глаза на отрицательные черты их быта, он считал, что при просвещении население от многих из них избавится.

В четвертой части своего труда С. П. Крашенинников дает исторический очерк событий на Камчатке, начиная со времени ее посещения

Федотом Кочевщиком (Ф. А. Поповым), соратником С. И. Дежнева. Составляя этот очерк, С. П. Крашенинников использовал устные предания местных жителей и казаков, которые он подверг обработке, а также к настоящему времени уже исчезнувшие источники. К ним относятся документы из Большерецкого, Верхнекамчатского и Нижнекамчатского архивов, судьба которых неизвестна, а также документы из якутских архивов.

С. П. Крашенинников дал много сведений о камчатской казацкой вольнице и о восстаниях камчадалов.

Таково богатое и ценное содержание книги С. П. Крашенинникова, сохранившей свое значение как научный труд и как увлекательное чтение.

Г. Миллер, стремившийся уменьшить заслуги С. П. Крашенинникова и подчеркивавший, как сказано выше, значение сделанных ему указаний и привлеченных материалов, не мог, однако, не отдать должного «Описанию земли Камчатки», когда оно вышло в свет. По его мнению, это произведение должно служить образцом для других работ в этой области: «Оно приятно будет читателям, по причине особенных тамошних земель обыкновенней разными и еще неслыханными достоверными известиями, каких в других географических описаниях не много находится. Кто желает оное читать для увеселения, тому большая часть содержания оного имеет служить к забаве; кто же смотрит на пользу, тот без труда найдет оную, хотя бы похотел он пользоваться чем-нибудь до наук или до употребления в общем житии касающемся. Надобно желать, чтобы предприемлющие впредь намерение упражняться в описании незнаемых или не с довольными обстоятельностью описанных земель, труды свои располагали по примеру сего сочинения» (Крашенинников, 1949, стр. 93).

Исследователи истории России давно оценили значение этой книги. Ее в той или другой степени использовали все историки, писавшие о Камчатке (А. С. Сгибнев, С. Б. Окунь, Ф. Голдер и др.). Но едва ли не лучшей характеристикой достоинств «Описания земли Камчатки» является то, что оно произвело большое впечатление на А. С. Пушкина, подробно конспектировавшего его (особенно историческую часть) незадолго до своей смерти и сделавшего набросок начала статьи о Камчатке, навеянной содержанием книги С. П. Крашенинникова.

Для эпохи, в которую жил С. П. Крашенинников, его книга имела особенный интерес, так как была первым комплексным описанием страны, вышедшим на русском языке, и содействовала изучению России, необходимость которого остро ощущалась государством и культурными людьми того времени. Именно желание служить делу познания родины одушевляло С. П. Крашенинникова при создании его труда. В своем незаконченном предисловии к «Описанию земли Камчатки» он писал: «Какая от того прибыль, когда кто знает, что делается в Индии и Америке, а о своем отечестве столько имеет понятия, что едва известно ему то место, где он живет и где его поместье» (там же, стр. 88).

«Описание земли Камчатки» было издано Академией наук в 1755 г. и переиздано в 1756, 1818, 1819 и 1949 гг. За границей оно было издано в XVIII в. на немецком, английском, французском и голландском языках (Андреев, 1939 б).

К концу жизни перед С. П. Крашенинниковым, имевшим звание профессора и приобретшим научные связи¹⁴⁶, открывались перспективы дальнейшего развития его научных работ. Несмотря на плохое здоровье, он намечал провести большие исследования по ботанике.

С 1749 по 1752 г. он совершил несколько экспедиций до Старой Ладogi и Новгорода. Материалы этих экспедиций были изданы после его смерти,

в 1761 г., в обработке почетного члена Академии наук лейб-медика Д. Гортера, который перестроил их в соответствии с принципами Линнея (Бобров, 1955, стр. 623)¹⁴⁷. Еще за несколько дней до смерти С. П. Крашенинников просил Академию наук разрешить ему отправиться с целью ботанических наблюдений в экспедицию по Малороссии и Новороссии (Гучева, 1940б, стр. 78—79).

Умер С. П. Крашенинников 44 лет, в полном расцвете своих творческих сил.

Среди ученых, участвовавших во Второй Камчатской экспедиции, своеобразной фигурой является натуралист Г. Стеллер¹⁴⁸. Он был единственным участником Академического отряда (не считая Делаacroера), которому пришлось побывать у берегов Америки. В феврале 1737 г. Академия наук заключила с Г. Стеллером договор о поездке на Камчатку и включила его как «адьюнта истории натуральной» в состав экспедиции с жалованьем 660 руб. в год. Г. Стеллер выехал из Петербурга между 12 и 30 января 1738 г. (МАН, 1886, т. III, стр. 457 и 1890, стр. 465).

Весной он спустился по Оке через Рязань и Касимов до Нижнего Новгорода и далее по Волге до Казани, затем по Каме и через земли башкир добрался до Екатеринбурга. Отсюда он направился в Тобольск, затем в Нарым и в конце 1738 г. прибыл в Томск¹⁴⁹. Здесь Г. Стеллер едва не умер от горячки, но, оправившись, от тотчас же поехал дальше и уже 20 января 1739 г. был в Енисейске, где находились Г. Миллер и И. Гмелин (Шекарский, 1870, стр. 590).

Г. Стеллер произвел на Г. Миллера и И. Гмелина благоприятное впечатление. В противоположность им он не боялся трудностей путешествия на Камчатку. Вот как описывает его И. Гмелин: «Ему можно было рисовать какие угодно трудности. Это только подбодрило его к тому, чтобы взяться за трудное предприятие, для чего он уже создал себе некоторые навыки во время совершенного им пути. Он не отягощал себя одеждой. Так как свое хозяйство нужно было везти через Сибирь с собой, то он максимально ограничивал его размеры... У него была одна посуда, из которой он ел и в которой приготавливал все свои кушанья. Повар ему был не нужен. Он готовил себе пищу сам, причем приправы были так несложны, что суп, овощи, мясо — все варилось в одном горшке. Чад от приготовления пищи в комнате, где он работал, нисколько не мешал ему. Он не носил париков и не употреблял пудры... Необходимость терпеть лишения его не расстраивала, он всегда был в хорошем настроении и чем труднее были его обстоятельства, тем веселее был он сам... При этом мы заметили, что при всей беспорядочности в его образе жизни он мог быть очень точен в своих наблюдениях и неутомим в работе и на него можно было вполне положиться. Ради какого-нибудь дела, которое могло принести пользу науке, ему нетрудно было терпеть голод и жажду весь день напролет» (Gmelin, 1752, ч. 3, стр. 177—178). Впоследствии невзыскательность Г. Стеллера к бытовым условиям увеличилась до такой степени, что он стал приближаться в этом отношении к обитателям Камчатки.

Г. Миллер и И. Гмелин снабдили его инструкциями и географическими и историческими сведениями о Камчатке, составленными Г. Миллером, и он выехал со студентом А. П. Горлановым и живописцем И. Берканом в дальнейший путь.

В Иркутске Г. Стеллер задержался почти на год (с 23 марта 1739 г. до 5 марта 1740 г.). Отсюда он совершил в 1739 г. поездку через оз. Байкал, по р. Баргузин к Баргузинскому острогу и побывал в близлежащих горах (Литвинов, 1909, стр. 275—276). Из Киренска, где до него дошли слухи о состоявшейся в 1738—1739 гг. экспедиции М. Шпанберга,

30 апреля 1740 г. он отправил в Сенат просьбу разрешить ему ехать с М. Шпанбергом в Японию: «Я, как силою, здравием, а паче несказанным желанием ко всяким трудностям и трудам, как водою влеком, и притом намерен я в тех новоизобретенных местах побывать, понеже без того едва быть может, чтоб туда кто не был отправлен» (Пекарский, 1870, стр. 593).

В пути через Сибирь он уделял много времени сбору ботанических коллекций и научным наблюдениям.

На Камчатку Г. Стеллер, как уже указывалось, прибыл 27 сентября 1740 г. В марте 1741 г., не дождавшись ответа на свою просьбу, посланную в Сенат, Г. Стеллер, получив предложение от В. Беринга, согласился отправиться в плавание на «Св. Петре» к берегам Америки (Пекарский, 1869, стр. 14—15). Его путешествие описано выше.

Стремление Г. Стеллера к изучению природы и новым открытиям, которое он не мог удовлетворить во время плавания, сказалось особенно на о-ве Беринга. Характерны строки предисловия к его труду «*De bestiis marinis*»: «Не следует думать, что здесь не было больше необыкновенных и удивительных зверей, кроме тех, о которых я сейчас сообщаю. Если бы погода, место и время более благоприятствовали моим намерениям, то может быть я смог бы обогатить науку чудесными сокровищами, как я и желал, отправляясь в это длительное путешествие в неизвестные места... Мы не знаем, не исследуем и позволяем относить к сказкам то, что можно найти без труда в местах, где мы, любознательные люди, обитаем» (Steller, 1751, стр. 292—293).

В «*De bestiis marinis*» Г. Стеллер рассказывает, как он вел наблюдения над сивучами: «Хотя эти звери очень боятся человека, по я заметил, что они при частых встречах с людьми, которые их не пугают, привыкают и приучаются, особенно, если они еще молоды и не научились плавать. Однажды, расположившись на возвышенном месте, я прожил среди них целых шесть дней и наблюдал из своей палатки их поведение. Они лежали кругом меня, рассматривали огонь и все, что я делал. Они не убежали, когда я ходил среди них, брал их молодняк, убивал и описывал их» (там же, стр. 364). Огромные трудности представляло анатомирование таких больших животных, как морские коровы, под открытым небом, причем необходимо было отбиваться все время от стай назойливых псов¹⁵⁰.

Исключительно тяжелые условия жизни и работы не помешали Г. Стеллеру составить на острове замечательное описание жизни морских животных и сделать многочисленные наблюдения, послужившие материалом для интересного описания природы о-ва Беринга (см. ниже).

Все же экспедиция, на которую Г. Стеллер возлагал так много надежды и к которой усердно готовился, его разочаровала, так как ему не удалось заняться во время плавания достаточно серьезно научными наблюдениями и побывать на Американском материке. Вместе с тем он признавал, что эта экспедиция его многому научила, он приобрел навыки в исследовании и жизненный опыт.

Возвратясь 26 августа 1742 г. на Камчатку, Г. Стеллер пробыл там почти два года до 3 августа 1744 г. (Пекарский, 1870, стр. 598).

Он совершал поездки по полуострову. На севере побывал в районе р. Олоторки¹⁵¹. Возвращаясь оттуда в конце лета 1743 г., он чуть не утонул, пытаясь перебраться по льду на Карагинский остров, и потерял при этом всех собак и большую часть вещей (Stejneger, 1936, стр. 420—422). Он плывал также в мае 1743 г. на Курильские острова, к чему его побудило желание сделать рисунок морского бобра, чтобы приложить к описа-

нию этого животного, составленному на о-ве Беринга (Пекарский, 1869, стр. 25).

3 августа 1744 г. он выехал из Большерецка в обратный путь в Петербург и 19 августа прибыл в Охотск (Пекарский, 1870, стр. 592).

Результатом его наблюдений была написанная на полуострове книга «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka...» (1774), в которой он дает географическое описание Камчатки, приводит ценные описания жизни животных, а также сообщает интересные сведения о ее обитателях, их происхождении и языке.

Во время пребывания Г. Стеллера на Камчатке в его деятельности проявились черты, которые показывают, что он, несмотря на свое иностранное происхождение, принимал близко к сердцу вопросы экономического развития Камчатки и судьбы ее обитателей, а также интересы Русского государства.

17 апреля 1741 г. Г. Стеллер отправил в Сенат из Петропавловска большое «покорнейшее доношение». В нем он предлагал меры по улучшению управления этой далекой страной. Он писал, что народ, населяющий Камчатку, «самой смирной, верной и к измене не склонной, во всем, сколько им возможно, а не против силы, послушной, не воистой, но токмо в ловле рыбы и зверей упражняющейся, простой, приемной и к восприятию лучших обычаев и обхождений весьма склонной. Также понеже никакого закона и идолов не имеет, к восприятию самой христианской веры тем охотнейшей, чем больше не знающей». Сокращение численности камчадалов произошло, по мнению Г. Стеллера, в результате беззаконий и насилий, вызывавших восстания, «которые столь же кровопролитны оному (камчатскому населению.— В. Г.) были, сколь бедственно житие». Наиболее важной мерой он считал назначение на Камчатку «человека доброго разумного, не лихоимца и не пьяницу, не на 2 или не на 3 года, как поныне обычай был, но на время определенное, которой бы о сей земле совершенно узнать мог. А никто никогда не повредил так Камчатку, как жители города Якуцка, в прикащики или в ясашные зборщики сюды присылаванные», которые «ничего иного не делают, разве чтоб собрать им в 2 года столько, сколько б им и их детям на несколько лет довольно было» (ЦГАДА, ф. 248, д. 180, лл. 550—552).

Сбор ясака, по его мнению, следовало поручить тоенам каждого камчадальского острожка; нужно было также строго запретить все незаконные поборы.

Далее он писал «об учреждении коммерции в здешних местах», для чего следовало ежегодно отправлять из Иркутска на Камчатку товары за счет поступлений в казну от сборов десятой части с привозимых китайских и русских товаров. «Коммерция» по справедливым ценам не только установила бы добрые отношения с камчадалами, но и возместила бы казне убытки, возникавшие в связи с тем, что при переходе в христианство они на 10 лет освобождались от ясака.

Г. Стеллер указывал на необходимость поддерживать русское население, часто подвергавшееся нападениям чукчей, и предлагал построить на р. Тигил острог. Чукчей Г. Стеллер называл «непокорливым пародом». Он послал Синоду свои предложения об обращении камчадалов в христианство и об устройстве школ на Камчатке.

Конечно, предложения ликвидировать взятки на Камчатке путем посылки туда честных людей были в то время наивны. Нельзя было принять без ряда оговорок и его рекомендации о направлении на Камчатку большого количества товаров, которые пришлось бы доставлять через совершенно безлюдные местности. И. Гмелин с насмешкой отзывался

в письме к Миллеру от 13 октября 1741 г. о «прекрасных мыслях» Г. Стеллера (Пекарский, 1870, стр. 595).

Г. Стеллер не ограничивался одними словами. Им была открыта в Большерецком остроге первая на Камчатке школа, которую он содержал на личные средства, пригласив учителем И. Гуляева, отбывавшего на Камчатке ссылку (Базанов, 1939, стр. 179). Симпатию к камчадалам он выражал и позже в своей книге об этой стране (Steller, 1774, стр. 78—79).

Учитывая такое настроение Г. Стеллера, мы не найдем неожиданным, что в 1743 г. он решил своей властью освободить 17 арестованных камчадалов, которые были, по его мнению, неправильно обвинены в восстании и присланы к нему в Большерецк для рассмотрения дела.

Таким образом, приехав в Россию для новых открытий и научной работы, Г. Стеллер в конце концов стал жить интересами страны, огромные возможности которой он не мог не сознавать.

Из Охотска Г. Стеллер, следуя по рекам Юдоме, Мае, Алдану, прибыл 21 октября 1744 г. в Якутск, где и пробыл зиму (Пекарский, 1870, стр. 599).

В литературе нет подробного описания его научной деятельности во время пребывания в Большерецке и Якутске (1744—1745 гг.). Но по сохранившимся в архиве материалам можно заключить, что она и в это время была так же интересна, как и в другие периоды. В частности, он был организатором проведенного в 1744 г. исследования малоизвестного района р. Уды, которому правительство в то время стало уделять внимание. До нас дошли относящиеся к этому исследованию документы, поступившие на имя Г. Стеллера в 1744—1745 гг.: «промемория» начальника Охотского порта А. Зыбина и документы об экспедиции переводчика Я. Линденау. Первый, по запросу Г. Стеллера, сообщал сведения, полученные им от сборщиков ясака Тауйского и Удского острогов (Архив Академии наук, ф. 3, д. 800 а, л. 309—315, 386). Эти сведения были собраны путем опроса служилых и тунгусских князьков и касаются довольно широкого круга вопросов. В них говорится о Шантарских и других островах, об истоках р. Уды и расстоянии от ее устья до устья Амура, о дельте Амура и возможности совершать там плавания, о народах, живущих в тех местах, их нравах и обычаях, о дороге к р. Зее и др.

Я. Линденау сообщает, что он отправился по приказу Г. Стеллера к р. Уде 25 июня 1744 г. и, прибыв туда 10 сентября, уже 20 февраля 1745 г. направился обратно и 8 апреля вернулся в Якутск (там же, лл. 396 и 399). Поэтому, надо полагать, представленные им сведения (кроме описания пути) были собраны преимущественно путем опроса. Восемь документов об экспедиции, представленных Я. Линденау, содержали описание рек Алдана и Уды от верховьев до моря, характеристику местности по берегу моря от р. Тугур до р. Амур и от верховьев Уды до Амура, сведения о Шантарских островах, а также о тунгусском народе. Все эти сообщения представляли ценный материал о мало известных районах.

Из Якутска Г. Стеллер выехал в 1745 г., как только установилась навигация. В Иркутске его ждала неприятность: вице-губернатор Л. Ланг потребовал у него, по предписанию Сената, объяснений по поводу освобождения арестованных камчадалов. Донос об этом в Сенат поступил от мичмана В. Хметевского, с которым у Г. Стеллера, обладавшего вспыльчивым характером и чувствительного к уколам самолюбия, произошла на Камчатке ссора, после которой они стали писать друг на друга доносы. Представленные им Л. Лангу разъяснения были признаны недостаточными, но, к сожалению, доклад об этом был направлен в Сенат более чем через

месяц после отъезда Г. Стеллера из Иркутска, состоявшегося 24 декабря 1745 г. (Пекарский, 1870, стр. 600).

Сенат, не получая сведений от Л. Ланга, отправил курьера Захара Лупандина с приказом встретить Г. Стеллера и доставить его в Иркутск для расследования. Встреча З. Лупандина с Г. Стеллером произошла 16 августа 1746 г. около Соликамска в имении Демидовых, в котором был замечательный сад, теплицы и гербарий (Лепехин, 1780).

В имении Демидовых Г. Стеллер жил уже с апреля, занимаясь исследованиями «Пермии» и приведением в порядок своих коллекций и заметок. Им была здесь написана, между прочим, «Flora Permiae» (не опубликована), в которой перечислено 680 видов растений из разных областей России. Эта работа представляет собой нечто вроде обзора ботанических наблюдений Г. Стеллера за время пребывания его в России. Она дает некоторое представление и о географии растений¹⁵².

Г. Стеллер выехал с З. Лупандиным из имения Демидовых 18 августа 1746 г., но уже в Таре их нагнал другой курьер из Петербурга с указом об освобождении Г. Стеллера. На обратном пути в Петербург Г. Стеллер заболел «горячкой» и 12 ноября 1746 г. умер в Тюмени (Пекарский, 1870, стр. 604)¹⁵³.

Такова была короткая и бурная жизнь этого ученого.

В течение девяти лет своей научной экспедиционной работы он совершил огромные маршруты и собрал обширные материалы (рис. 29)¹⁵⁴. Но смерть настигла его как раз в то время, когда он собирался привести в порядок и систематизировать накопленные им наблюдения, являвшиеся большим вкладом в изучение природы Сибири и географического распространения в ней животных и растений. Многие из его работ остались в виде разрозненных рукописей и заметок, использованных другими исследователями. Все же его труды заслужили вскоре после его смерти признание выдающихся ученых. Содействием С. П. Крашенинникова и М. В. Ломоносова мы обязаны тем, что некоторые работы Г. Стеллера были напечатаны Академией наук¹⁵⁵.

П. Паллас называл Г. Стеллера «человеком совершеннейшей учености, величайшего рвения к науке и подлинных заслуг» (Предисловие П. Палласа к кн. Steller, 1781). Он полагал, что из 241 вида рыб России 25 были впервые описаны Г. Стеллером. На Камчатке Г. Стеллер изучил и описал около 80 видов позвоночных (История Академии наук СССР, 1958, стр. 112).

В описаниях животных Г. Стеллера знания и метод, которые давала современная ему наука, сочетаются с необыкновенно острой наблюдательностью и блестящим даром изложения. Он уделил много внимания биологии и морфологии животных, применяя сравнительный метод. Работы его имели всегда практическую направленность. В «De bestiis marinis» он дает описание образа жизни морских животных, их внешнего вида, скелета, внутренних органов и приводит от 30 до 40 измерений каждого из них.

В «Содержании ученых рассуждений Академии наук, изданных во втором томе Новых комментариев», об этой работе говорится: «В сем рассуждении описывает покойный господин автор четырех морских зверей, а именно маната или морскую корову, морского медведя (котика.— В. Г.), морского льва (сивуча.— В. Г.) и выдру морскую с толь великим рачением, что едва чего больше желать возможно, что касается до совершенной истории животных. Ибо он расположение тела весьма точно и живо изображает, о каждом составе или члене, об их положении, величине и пропорции рассуждает основательно... Но не оставляет он и внутренних частей без изъяснения... Показывает употребление частей их в пище,

в лекарстве и в других вещах, а, наконец, объявляет о движении, натуре и о нравах оных животных» (стр. 35—36).

Натуралист Г. Тилезиус (Tilesius, 1810, стр. 351) писал, отдавая должное этим качествам Г. Стеллера, что он предпочитает приводить в своих статьях описания рыб Г. Стеллера, чем составлять собственные. Неподражаемые рассказы о поведении и образе жизни животных Г. Стеллера многократно цитировались А. Ф. Миддендорфом, Л. С. Бергом, Л. Стейнегером и другими учеными. Характерно, что даже в наше время, когда понадобилось составить описание биологии морского бобра, то оказалось целесообразным использовать работу Г. Стеллера «*De bestiis marinis*». Заимствованное оттуда описание, составленное около 200 лет назад, было впервые опубликовано на русском языке Б. М. Житковым в 1939 г.¹⁵⁶

Г. Стеллеру наука обязана описанием морской коровы. Принято считать, что это странное морское животное водилось в то время только около Командорских островов, хотя есть указания на возможность обитания его и в некоторых других местах (Греков, 1958). Это животное было совершенно истреблено около 1770 г.

Значение ботанических описаний Г. Стеллера также было признано и оценено такими крупными учеными, как К. Линней и И. Гмелин (Gmelin, 1747, стр. XC; Stejneger, 1936, стр. 53).

В трудах Г. Стеллера содержится много географических описаний, в которых он от наблюдений легко переходил к гипотезам, часто делая верные выводы.

Выше мы уже останавливались на работе Г. Стеллера «*Tagebuch seiner Seereise...*» (Steller, 1793). В другой работе Г. Стеллера «*Topographische und physikalische Beschreibung der Beringinsel...*» (1781) дается всестороннее описание о-ва Беринга (его рельефа, климата, гидросети, животного и растительного мира)¹⁵⁷. Описание этого острова Г. Стеллер считал тем более интересным, что остальные виденные им во время плавания острова казались ему похожими на о-в Беринга. Г. Стеллер предполагал, что эти острова, возможно, представляют собой остаток материка, соединявшего Азию с Америкой. Берега острова поражали его крутизной, а также причудливыми формами скал, напомиавшими то бастионы крепостей, то арки или колонны. Он описывает террасы, лежащие на высоте около 60 м. По его представлению, площадь острова, окруженного прибрежными рифами, была когда-то гораздо больше.

Г. Стеллер высказывает также замечание о климате о-ва Беринга, который, по его мнению, довольно сходен с климатом Камчатки.

За время пребывания экспедиции на острове наблюдалось три землетрясения. Самое сильное из них было 7 февраля 1742 г. в 13 час. и продолжалось 6 мин. Ветер в это время был западный. За несколько минут перед землетрясением Г. Стеллер, находившийся в своей землянке, услышал свист и гул как бы сильного подземного вихря, который, казалось, усиливался с юга к северу. Толчки начались после прекращения гула. Они были очень сильны: столбы в землянке закачались, и все затрепало. Выбежав на берег, Г. Стеллер увидел, что, несмотря на продолжавшиеся толчки, море сохраняло свой обычный вид. Погода была ясная.

Г. Стеллер приводит в этой книге описание морских животных: морских выдр и коров, сивучей, котиков и кита, которое в основном повторяет описание в «*De bestiis marinis*». Он описывает единственного четвероногого наземного млекопитающего острова — голубокого песка. А. Ф. Миддендорф (1869, стр. 295) считает это описание классическим и говорит, что оно «забавно и ужасно», но вместе с тем поучительно.

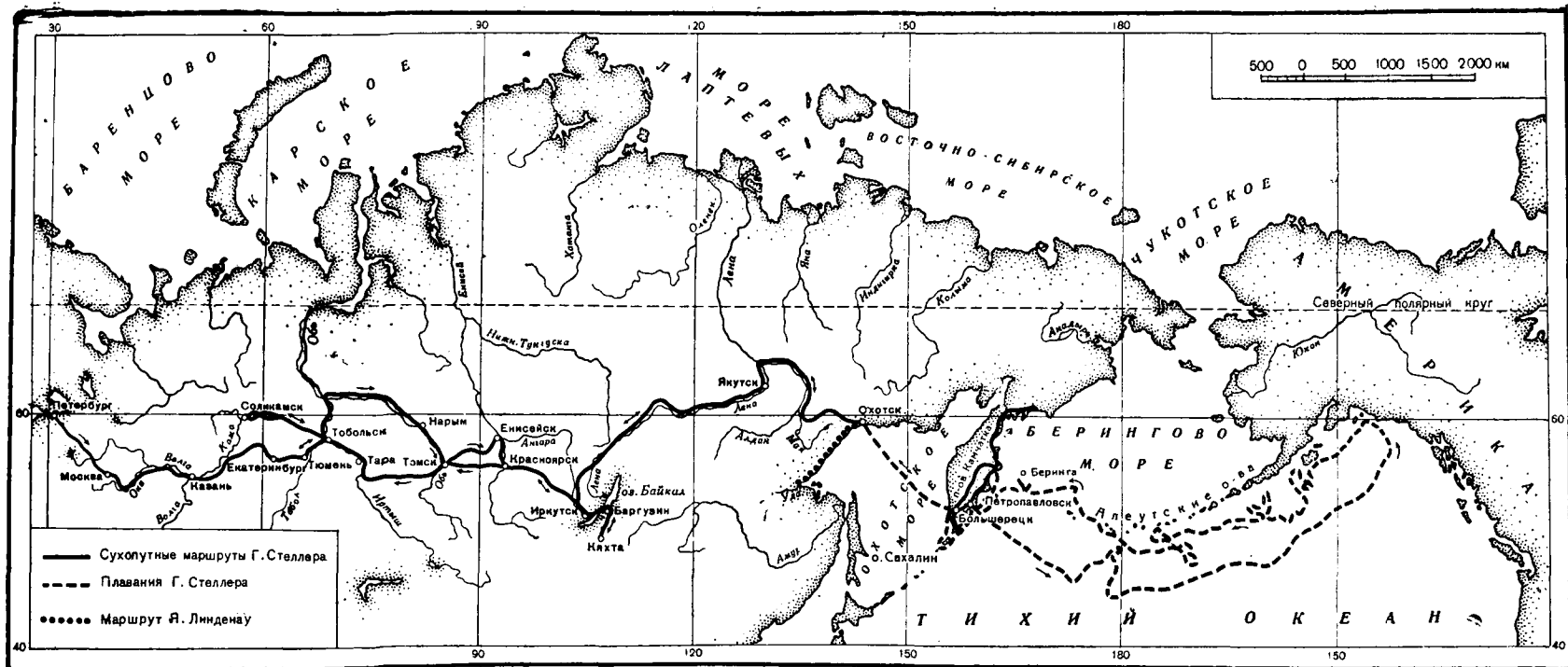

Рис. 29. Маршруты путешествий Г. Стеллера в 1738—1746 гг.

Из морских птиц на острове, кроме уже встречавшихся на Камчатке, водились очковый баклан, к настоящему времени вымерший, и «белый баклан». Какую именно птицу Г. Стеллер называл «белым бакланом» — неизвестно (Берг, 1946а, стр. 276).

Растительность острова описана Г. Стеллером очень тщательно. За десять месяцев пребывания на о-ве Беринга он нашел там 211 видов¹⁵⁸. Около 100 из них произрастает, как отмечал Г. Стеллер, не только в Сибири, но и в гористых местностях Европы. Остальные встречаются реже, они их наблюдал в горах Восточной Сибири или около Охотска и на Камчатке. Часть видов была встречена им на островах у берегов Америки. Поскольку некоторые из этих видов по мере продвижения в глубь Сибири исчезают, он полагал, что они американского происхождения.

Таким образом, природа о-ва Беринга описана им довольно всесторонне.

Опубликованное в 1774 г. описание Камчатки (*Beschreibung von dem Lande Kamtschatka...*) не является вполне законченной работой, что сразу заметно по расположению материала и его изложению. П. Паллас в предисловии к «*Torographische und physikalische Beschreibung der Beringinsel...*» упрекал издателя этой книги — И. Шерера — в том, что он не потрудился ее отредактировать и представил Г. Стеллера читателям в невыгодном свете.

В этой книге Г. Стеллера отражена та же тонкая наблюдательность и проникательность при описании и объяснении различных природных явлений, которой отмечены и другие его произведения. Примером может служить хотя бы изложение биологии лососевых. Несмотря на отдельные слабые места, связанные с тем, что за короткое время наблюдений на Камчатке Г. Стеллеру трудно было проследить многолетний цикл развития вида, он все же верно подметил наиболее важные черты этого процесса. По словам Л. Стейнегера (Stejneger, 1936, стр. 530), описание Г. Стеллера явилось «откровением для западного мира».

Много интересного содержат этнографические и антропологические наблюдения Г. Стеллера и его оригинальные описания быта и занятий камчадалов.

Во взглядах на расположение американского материка и островов, находящихся между ним и Азией, Г. Стеллер разделял ошибку других участников экспедиции, полагавших, что Алеутские острова являются частью Американского материка, обращенной в виде выступа в сторону Азии. Он полагал, что берега выступа простираются примерно параллельно берегам Азии и что пролив между материками заполнен островами. По ряду признаков Г. Стеллер полагал, что Америка и Азия когда-то соединились друг с другом.

Эти взгляды приведены С. П. Крашенинниковым, который изложил то, что «в записках господина Стеллера по разным местам собрано» (Крашенинников, 1949, стр. 175).

Г. Стеллер признавал также существование «Земли Компании» и других мифических «земель».

Эти не соответствующие действительности представления нашли отражение и на картах, составлявшихся уже после окончания экспедиции (в 1741—1742 гг.), на которых берега северо-западной Америки нанесены примерно в соответствии с изложенными выше представлениями Г. Стеллера (карты С. Вакселя, Морской академии 1746 г., Г. Миллера 1754—1758 гг. и др.).

Наименьшую пользу для науки из участников Академического отряда принес Л. Делаacroep.

По замечанию Г. Миллера, «он несколько превосходил своего брата»

(И. Делиля.— В. Г.) летами, но не ученостью», иначе говоря, не имел достаточной научной подготовки (МАН, 1890, стр. 52). В молодости Делаacroер готовился к духовному званию, но оказался на военной службе в Канаде, где пробыл 17 лет. Возвратившись оттуда, он приехал в Россию со своим братом, который передал ему кое-какие сведения по астрономии. И. Делиль, используя свое влияние и скрывая прошлое брата, устроил его в 1727 г. в Петербургскую Академию наук на должность экстраординарного профессора с оплатой по ставке адъюнкта.

Стремясь скрыть невежество брата, И. Делиль старался держать его главным образом в экспедициях. В 1727—1730 гг. Л. Делаacroер выезжал в Архангельск и на Кольский п-ов для определения положения мест и астрономических наблюдений, не принесших существенных результатов.

Во Второй Камчатской экспедиции он также всячески избегал случаев, при которых ему пришлось бы обнаруживать свое невежество, и ссылаясь на условия, затруднявшие производство наблюдений. Г. Миллер относился с большой подозрительностью к его работам. «Я имел много случаев,— писал Г. Миллер,— убедиться в его слабости. Если бы ему не помогал умелый и трудолюбивый геодезист-лейтенант, а потом майор Красильников, то для астрономии и географии не было бы почти ничего сделано» (там же). Г. Миллер вместе с И. Гмелиным дважды (из Казани и из Тобольска) писал президенту Академии наук, выражая опасение, что Л. Делаacroер не справится с работой, но в ответ было прислано примиряющее письмо (МАН, 1890, стр. 416).

Маршрут Л. Делаacroера по Сибири был следующим. Расставшись с Г. Миллером и И. Гмелиным в мае 1734 г., он вместе с А. И. Чириковым проплыл из Тобольска до Илимска и затем направился в Иркутск, куда прибыл в октябре. Из Иркутска он зимой и весной 1735 г. совершал поездки в Нерчинск, Селенгинск и Кяхту¹⁵⁹. Он не посылал в Академию наук сведений о своей работе, как это периодически должны были делать все профессора.

В 1737—1738 гг. Л. Делаacroер ездил через с. Сектях на р. Оленек, но привез незначительные наблюдения (Gmelin, 1752, ч. 3, стр. 145). 1739 год он провел в Якутске, а летом 1740 г. переехал в Охотск. Он совершил, как уже описывалось выше с А. И. Чириковым плавание на «Св. Петре», болел цингой и умер по возвращении, когда его переносили с пакетбота на берег.

В результате восьмилетнего путешествия по Сибири, во время которого Л. Делаacroер проехал больше 10 тыс. км, он сделал четыре определения долготы: в Казани, Тобольске, Кяхте и в Петропавловской гавани («Астрономические и геодезические инструменты...», 1849, стр. 540).

Несмотря на то, что Л. Делаacroер мало соответствовал своему назначению, произведенные во время Второй Камчатской экспедиции астрономические определения положения географических пунктов явились крупным вкладом в географическую науку. Эти определения были в основном сделаны геодезистом А. Д. Красильниковым¹⁶⁰.

В Сибири А. Д. Красильников пробыл с 1733 по 1746 г., был на Камчатке, но в морских плаваниях не участвовал. Ему приходилось вести работы не только по определению координат различных мест, но и по составлению карт (Веселаго, 1852, стр. 107). За это время он сделал десять полных астрономических определений в Сибири и на Камчатке и 33 пункта определил по широте (Миллер, 1757ж, стр. 492—499). Небольшое число определенных долгот объясняется тем, что их получение представляло в то время большие трудности. Долгота устанавливалась путем сравнения времени затмений спутников Юпитера или случавшихся гораздо реже затмений луны в данном месте со временем, в какое то же явление наблюдалось

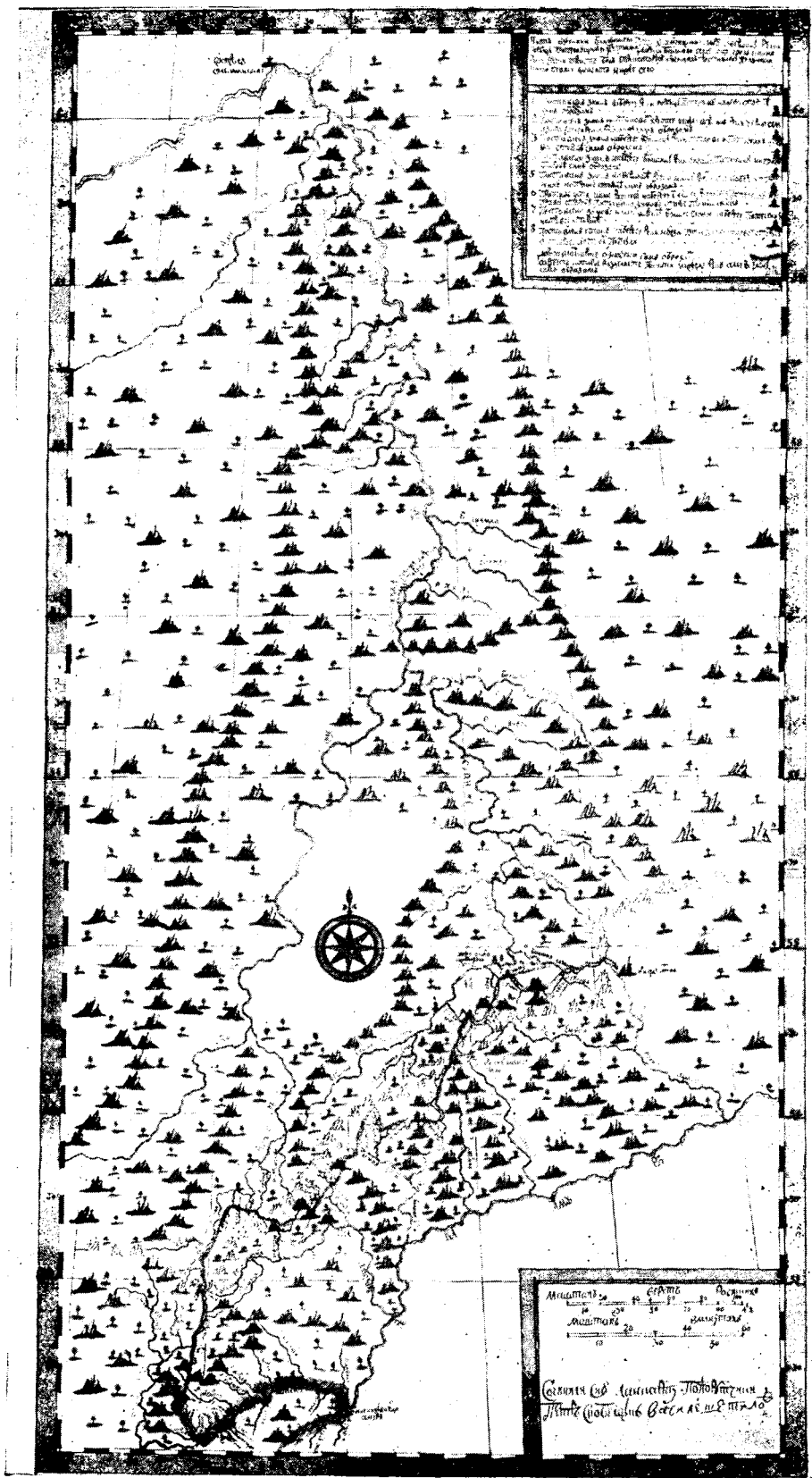

Рис. 30

в каком-нибудь месте, долгота которого известна. Для этих работ нужно было возить громоздкие инструменты (квадранты по 4 фута в полуперечнике и 20-футовые неахроматические трубы), строить в местах наблюдения временные обсерватории и оставаться там по нескольку месяцев для неоднократных наблюдений над затмениями (Струве, 1846).

Эти сложные работы производились А. Д. Красильниковым с большим умением и точностью, что было впоследствии отмечено. Так, например, Т. Шуберт в 1858 г. писал, что «истинные заслуги перед астрономией в этой экспедиции имеет бесспорно неутомимый Красильников. Его наблюдения... дали первые достаточно точные определения для Сибири и Камчатки, хотя долгота определялась наблюдением спутников Юпитера» (Schubert, 1858, стр. 4; ср. также Шибанов, 1958а, стр. 38—40). Определения А. Д. Красильникова сыграли немаловажную роль при составлении Атласа Академии наук (1745 г.).

Заканчивая описание работ Второй Камчатской экспедиции, следует упомянуть еще о поисках пути к «Камчатскому морю», минуя Якутск¹⁶¹. Проведению этих исследований оказывали содействие во время своего пребывания в Нерчинске и участники Академического отряда (Г. Миллер, И. Гмелин и Л. Делаacroer), уточнявшие маршрут, подыскивавшие проводников и помогавшие получать необходимое снаряжение.

В. Беринг возложил эту трудную задачу на геодезистов П. Скобельцына и В. Шетилова, но она осталась невыполненной. По Амуру, который протекал по территории Китая, им плыть не разрешалось. Путь от Нерчинска до верховьев р. Уды проходил по совершенно безлюдным неосвоенным местам и был труднодоступен. По этому пути еще в 1726 г. пытались пройти посланные С. Рагузинским геодезисты В. Шетилов и И. Свистунов (Сапен, 1911, стр. 158), которым предстояло описать территорию к востоку от р. Горбицы, оставшуюся неразграниченной по договору с Китаем, заключенному в 1689 г. (Соловьев, б/г, кн. 4, стр. 1135—1136). Но геодезисты не смогли пересечь горную местность на левом берегу Амура.

П. Скобельцын и В. Шетилов выехали из Иркутска 10 августа 1734 г. Прибыв в Нерчинск, они два раза (в 1734 и 1735 гг.) делали попытку выполнить поставленную перед ними задачу. Первая поездка окончилась неудачей из-за отсутствия проводников. О пути, который они совершили, выступив второй раз после совещания с Г. Миллером и И. Гмелиным, можно судить по составленной ими карте. Двигаясь от р. Горбицы по «хребтам», они миновали верховья рек Амазары, Урки, Мутной (Омутной) и их притоков. Достигнув верховьев «Алдекона» (р. Ольдой), они в первых числах апреля 1736 г. повернули обратно¹⁶², так как проводники не знали пути, а люди, посланные с ними, разбежались. Перейдя на обратном пути на левый берег р. Нюкжи (р. Нюкжа, приток р. Олекмы), они спустились по ней, а затем по Олекме и Лене добрались до Якутска, куда прибыли 3 июня (рис. 30).

13 августа того же года геодезисты были вновь отправлены через Иркутск и Нерчинск. На этот раз они дошли до р. Зеи, но, исчерпав запасы продовольствия, были вынуждены повернуть обратно, следуя для сокращения пути через китайские владения — по «Амурзее, Хаяне, Албазихе», Гилюю и другим рекам. 24 декабря 1737 г. они вернулись в Нерчинск (Экспедиция Беринга, стр. 132—133, 252—253). Г. Миллер отмечал, что геодезисты хорошо обследовали течение р. Гилюя (правого притока Зеи) и поднялись от его устья вверх по р. Зее на 40 верст (Müller, 1769,

Рис. 30. Путь геодезистов П. Скобельцына и В. Шетилова на левом берегу р. Амура в 1736 г. (Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 39 (71)).

стр. 498—499) ¹⁶³. По словам геодезистов, «помянутой тракт... ко ближайшему пути быть негоден, понеже де много непроходимых мест и гор каменных и болот топких, что с великою нуждою переправитца можно, и каменные россыпи вострые, также в корму лошадям и быкам имеется немалая нужда, и ход на них самой тихой, толко верст по 8 и 9 в день» (Экспедиция Беринга, стр. 133). Продвигаясь по этим местам, геодезисты встречали время от времени лишь убогие жилища промышленников.

В ответ на запрос В. Беринга, продолжать ли эти экспедиции, Адмиралтейств-коллегия в 1741 г. предоставила ему решить этот вопрос «по общему его с профессорами и прочими морскими офицерами рассуждению». Попыток найти этот путь, по-видимому, больше не предпринималось. О своем путешествии геодезисты представили «карты, каталоги и журналы», отправленные В. Берингом в Адмиралтейств-коллегию.

В 1739 г. эти же геодезисты отправились из Иркутска, по предложению Г. Миллера и И. Гмелина, описывать путь по р. Ангаре в Илимск и дорогу сухим путем через Верхолениск, а оттуда Леной до устья р. Илги. Они должны были также описать некоторые реки, впадающие в Ангару и Лену, и волоки между ними (там же, стр. 134 и 254).

ПРЕКРАЩЕНИЕ ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ И ПУБЛИКАЦИЯ СООБЩЕНИЙ О СДЕЛАННЫХ ЕЮ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЯХ

Мы рассмотрели историю всех отрядов Второй Камчатской экспедиции. Остановимся теперь на вопросе об ее прекращении.

18 октября 1742 г. А. М. Чириков в своем рапорте о плавании к Америке писал, что, хотя сам он и не предлагает продолжить экспедицию, но представляет соображения о том, что потребуется, если это будет признано необходимым (Экспедиция Беринга, стр. 293) ¹⁶⁴. Он полагал, что продолжительность экспедиции к Америке не следует ограничивать одним-двумя годами и что число кораблей нужно увеличить до трех, из которых один — небольшой — мог бы служить для обследования берегов.

Он не мог не сказать о тех затратах, которых потребует экспедиция, и отмечал, что ее содержание и обслуживание явятся тяжелым бременем для русских крестьян и местного населения Сибири, особенно в связи с недородом в тот год хлеба. Затем он указывал, что прежде чем производить дальнейшие затраты на продолжение экспедиции, надо освоить уже достигнутые ею результаты (Соколов, 1851в, стр. 459—460).

Взгляды в правительственных кругах на целесообразность продолжения экспедиции в то время совершенно изменились.

А. Остерман был в ссылке, а Н. Ф. Головин, оставшийся во главе Адмиралтейств-коллегии, потерял прежнее влияние. Некоторые из врагов, приобретенных экспедицией в Сибири и на Камчатке из числа ссыльных, были реабилитированы, возвращены из ссылки в Петербург и заняли высокие посты. Они, конечно, старались выставить экспедицию в черном цвете. В этом отношении характерна подробная записка, поданная в Сенат одним из деятелей петровского времени Г. Фиком, который свыше 10 лет находился в Якутии в ссылке. В ней он указывает на вред, приносимый государству экспедицией, на которую расходуется много средств и которая налагает непосильное бремя на местное население (Андреев, 1943а, стр. 23). Появился также «Краткий экстракт» о «Камчатской экспедиции» без даты и указания фамилии автора, приписываемый Г. Г. Скорнякову-Писареву, в котором с большими искажениями подводятся итоги деятельности Первой и Второй Камчатских экспедиций и говорится о «раззорении

от Беринга с товарищи самого лутчаго Сибирского края» (Экспедиция Беринга, стр. 368).

Сенат начал с конца 1742 г. настойчиво требовать от Адмиралтейств-коллегии сведений о деятельности экспедиции. Собранные данные, а также сообщения, поступившие во время обсуждения в Сенате вопроса о Второй Камчатской экспедиции, показали, что результаты ее работы были весьма значительны. В Сенат были представлены донесения о плаваниях у берегов Северного Ледовитого океана от Архангельска до Лены, о плаваниях М. Шпанберга и В. Беринга, об обширных исследованиях, произведенных в течение 10 лет в Сибири Г. Миллером и И. Гмелиным (Андреев, 1943а, стр. 23).

Несмотря на это, Сенат в докладе, представленном в сентябре 1743 г. императрице Елизавете Петровне, стал на сторону недоброжелателей экспедиции. К докладу был приложен упомянутый «Краткий экстракт». В докладе говорилось, что «ту экспедицию, от которой Сенат нималога плода быть не признавает, надлежит вовсе отставить». Сенат предлагал также «до воследования об отставке оной экспедиции или о дальнейшем произвождении указу...» послать указы с нарочным курьером, «велеть им Чирикову и Шпанберху более в морские вояжи не ездить, и оному Шпанберху из Большерецка со всею командою возвратиться и быть им всем до указу в Сибирских городах, кроме Иркутской провинции» (Экспедиция Беринга, стр. 366—367). Всех людей, привлеченных для работ в экспедиции, предлагалось отпустить, а продовольствие и материалы впредь до особого указа не предоставлять. Этот доклад был Елизаветой Петровной одобрен, и 26 сентября вышел указ Сената о прекращении экспедиции. Адмиралтейств-коллегия направила соответствующие указы А. И. Чирикову и М. Шпанбергу (Андреев, 1943а, там же стр. 24).

С тех пор экспедиции никакие исследовательские работы не поручались. Только в октябре 1753 г. была сделана попытка начать новые исследования, но это намерение осуществлено не было.

Оценка результатов Второй Камчатской экспедиции правительственными органами во времена Елизаветы Петровны была слишком близорука. Уже в указе Екатерины II от 4 мая 1764 г. говорилось «о полезном открытии донные неизвестных разных островов, которое все за плоды употребленного труда и положенного немалого иждивения, прошедшей Камчатской экспедиции почестъ должно» (Перевалов, 1949, стр. 293). Однако история Второй Камчатской экспедиции еще долгое время не привлекала к себе должного внимания.

Не будем останавливаться на политическом значении Второй Камчатской экспедиции, которая сыграла очень большую роль в укреплении русского влияния в северной части Тихого океана, и рассмотрим лишь ее научное значение.

Проведенные отрядами Второй Камчатской экспедиции исследования берегов Северного Ледовитого океана от Архангельска до мыса Большого Баранова, плавания к северо-западной Америке и открытие островов между нею и Камчаткой, а также экспедиции к Японии внесли огромный вклад в географическую изученность России, а также стран и морей, расположенных к востоку от нее.

В результате проведенных Второй Камчатской экспедицией работ были собраны ценные гидрографические наблюдения¹⁶⁵, получены сведения по истории и экономике Сибири и Камчатки, о населяющих их народах, о климате, растительном и животном царстве и геологическом строении этих территорий, а также о народах, флоре и фауне земель, открытых во время плаваний.

Исключительное значение имели картографические материалы экспедиции, участники которой составили 62 карты Сибири и Камчатки, дающие правильное изображение этих труднодоступных и почти не исследованных в то время районов (Белов, 1956, стр. 334).

Большие работы по составлению сводных карт берегов Сибири и сводных карт морских плаваний Второй Камчатской экспедиции производились в Морской академии уже в 1740—1742 гг.¹⁶⁶ Но на картах, составленных Морской академией в эти годы, материалы, представленные экспедицией, еще не нашли полного отражения. На карте, помеченной 19 февраля 1741 г., Таймырский п-ов совершенно отсутствует и берег между реками Пясиной и Хатангой показан почти ровной линией (Белов, 1954а, стр. 136—137). На карте П. фон-Дезина, составленной также в 1741 г., п-ов Таймыр уже показан, но изображение его очень неправильно: он простирается примерно на 8° с запада на восток; его самый северный мыс (Челюскина) расположен несколько севернее 77° с. ш. К юго-востоку от него изображено оз. Таймыр, из которого вытекает «р. Таймыра», впадающая в губу «Св. Фаддея» (Middendorf, 1859, tf. 2).

На генеральной карте 1742 г., составленной в полярной проекции, изображение п-ова Таймыр во многом напоминает карту П. фон-Дезина. В Тихом океане нанесены острова, открытые В. Берингом, А. И. Чириковым, М. Шпанбергом, но вместе с тем там изображены «земли, виденные Жуаном де Гама, земля Ессо и т. д.» (Белов, 1954а, стр. 144—145).

Наконец, по распоряжению Адмиралтейств-коллегии от декабря 1745 г. Морская академия приступила к составлению уточненной генеральной карты, подводившей итоги открытиям Камчатских экспедиций. Работой руководил А. И. Нагаев; это видно из рапорта в Адмиралтейств-коллегию А. И. Чирикова, А. И. Нагаева и С. Ф. Хитрово, написанного 23 мая 1746 г. по окончании работы (там же, стр. 140). К составлению карты были привлечены участники плаваний Второй Камчатской экспедиции, поставившие свои подписи на ней (А. И. Чириков, С. Г. Млыгин, Д. Я. Лаптев, Х. П. Лаптев, Д. Л. Овцын, С. Ф. Хитрово и И. Ф. Елагин). Некоторые из них были специально вызваны в Петербург. Участие А. И. Чирикова значительно ускорило окончание работ, так как помогло разобраться в расхождениях карт тихоокеанских плаваний А. И. Чирикова и В. Беринга. За основу были приняты данные А. И. Чирикова «как многим превосходного перед Беринговым плавания». Завершенная карта, составленная в меркаторской проекции, была передана 23 мая 1746 г. в Адмиралтейств-коллегию для представления Кабинету министров. Эта карта до сего времени не найдена (там же, стр. 134).

Найдена и опубликована карта, по-видимому, сходная с упомянутой, подписанная теми же участниками экспедиции и помеченная 10 мая 1746 г. Она была выполнена в полярной проекции В. Красильниковым и П. Расторгуевым (там же). Ее название — «Карта генеральная Российской империи северных и восточных Сибирских берегов»¹⁶⁷. На ней довольно правильно изображен берег Северного Ледовитого океана до р. Колымы. Далее нанесен «Шелагский мыс», показанный на карте П. А. Чаплина 1729 г. Курильские острова и Япония положены по картам М. Шпанберга и В. Вальтона. Используются сведения И. Федорова и М. С. Гвоздева об открытой ими северо-западной Америке. У южного берега огромного выступа Америки, начинающегося у Берингова пролива и вытянутого почти параллельно Тихоокеанскому берегу Азиатского материка, нанесена прерывающаяся цепь островов. Довольно правильно показано расположение островов Беринга и Медного, по около них помещена группа несуществующих островов. В свое время сводная карта, отражающая все наиболее

Рис. 31. Карта северо-восточных берегов Азии и северо-западных берегов Америки, составленная И. Деллием в 1750 г. (Breitfuss, 1939).

ценное, что дали плаванья Камчатских экспедиций, очевидно, так же как и карты плаваний отдельных отрядов, считалась секретной. Она опубликована уже в наше время. Это, конечно, затрудняло использование наукой открытий Камчатских экспедиций. В «Атласе Российском», составленном в 1745 г. Академией наук, которая не располагала всеми материалами, не отражены многие сведения о Сибири. Берег северной Азии представлен еще очень неправильно. Составлением карты Сибири и итогов Второй Камчатской экспедиции занимался также Г. Миллер. Однако законченная им в 1746 г. карта Сибири, в которой исправлены ошибки атласа Академии наук 1745 г., была затребована из Академии вместе с другими картами в Кабинет, в связи с подозрением, что секретные данные из карт разглашались за границей. В Академию наук карта Г. Миллера вернулась в 1752 г. и была использована автором для составления карт, приложенных к труду С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» и для составления новой карты в 1754 г.; работа над ней была связана с появлением за границей неправильных представлений о русских открытиях (Миллер, 1937, стр. 150—151; Андреев, 1959, стр. 9).

Несмотря на секретность материалов экспедиции, сообщения о ней появлялись за границей сначала в виде газетных заметок, а потом в виде статей и карт. В «Gazette de France» 27 февраля 1740 г. было помещено сообщение об открытиях М. Шпанберга, а 16 ноября 1743 г. — краткое известие об экспедиции В. Беринга и А. И. Чирикова (Golder, 1914, стр. 326—327 и 370). Более подробные и довольно верные сведения об организации и истории Первой и Второй Камчатских экспедиций появились в 1747 г. в Копенгагене. Они были опубликованы на датском языке П. фон-Хавеном. Автор, дважды побывавший в России, познакомился в 1744 г. с Шпанбергом и с каким-то «курляндским дворянином», бывшим в ссылке в Сибири и вернувшимся в Москву. От них он, вероятно, и получил все сообщенные им сведения. В своей статье П. фон-Хавен приводит также выдержки из доклада от 15 ноября 1742 г., представленного С. Вакселем (Stejneger, 1934a, стр. 638—639, 641—642).

Наряду с правильными сведениями печаталось и много отрывочных и неверных известий, и отличить правду от вымысла было нелегко. Бюффон, например, ссылался в 1749 г. на заметку в амстердамской газете от 24 января 1747 г. о том, что Г. Стеллер открыл за Камчаткой один из островов Северной Америки и указал, что из русских владений путь туда недалек (Buffon, Histoire naturelle, 1799, стр. 323).

И. Делиль, уехавший в 1747 г. в Париж, составил там в 1750 г. вместе с Ф. Бюашем карту под названием Carte des nouvelles découvertes au Nord de la mer du Sud... (рис. 31), которую он представил в апреле того же года в Королевскую Академию наук вместе с докладом (Breitfuss, 1939, стр. 92). В 1752 г. он издал эту карту в несколько переработанном виде, назвав ее «Carte générale des découvertes de l'Amiral de Fonte et autres navigateurs Espagnols, Anglois et Russes...» (рис. 32) и присоединив к ней в виде пояснения статью: Explication de la carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud, которая, впрочем, была более связана с картой 1750 г. ¹⁶⁸

Об открытиях русских в статье сказано мало, причем история Второй Камчатской экспедиции сильно искажена. По словам И. Делиля, поводом к ее посылке была составленная им карта. Затем он указывал, что В. Беринг погиб на острове, не доплыв до северо-западной Америки, которую посетили А. И. Чириков и брат И. Делиля — Л. Делакроер. Зато И. Делиль уделил большое внимание полученному им в 1739 г. из Лондона вымышленному сообщению о плавании адмирала де Фонта. Последний якобы

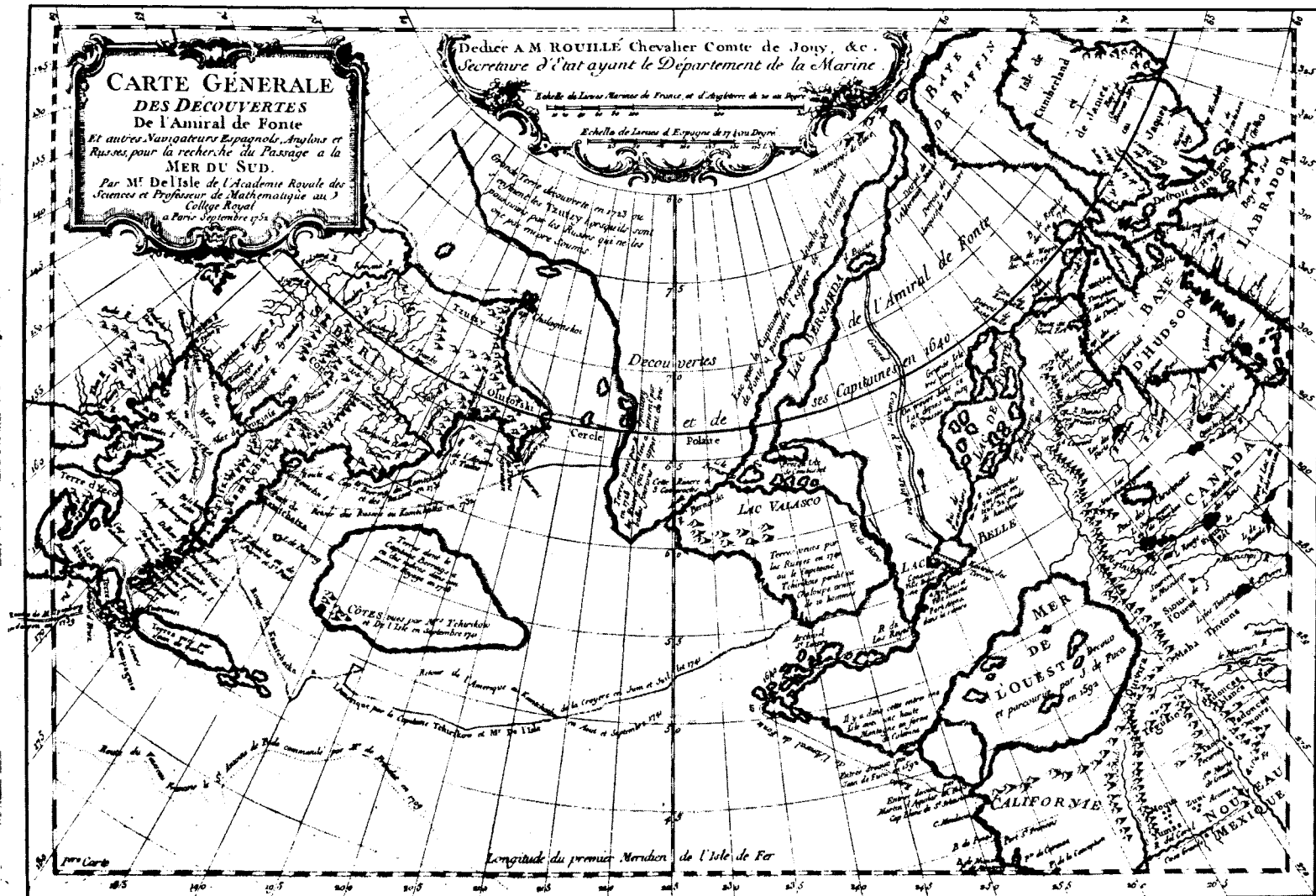

Рис. 32. Карта с изображением «открытий адмирала де-Фонта» и других мореплавателей, составленная И. Делилем в 1752 г. (Виаше, 1753).

видел у берегов северо-западной Америки заливы и устья рек. Плывая по этим рекам, будто бы можно достигнуть Гудзонова залива, чем разрешалась задача отыскания водного пути между Атлантическим и Тихим океанами. Это сообщение было использовано И. Делилем при составлении карты.

На этой карте, изображающей северо-восток Азии и северо-запад Америки, показаны маршруты адмирала де Фонта и Второй Камчатской экспедиции. Берег Америки простирается на северо-запад и далее на запад вдоль берега Азиатского материка. Против «Шелагского мыса» на нем сделана надпись: «Большая Земля, открытая в 1723 г., куда скрываются чукчи, когда их преследуют русские...» Аляска, показанная против Чукотского п-ова, названа «Земля, виденная Шпанбергом в 1728 г.». Примерно в 15° к востоку от Камчатки показан большой остров с надписью: «Берега, виденные Чириковым и Делилем в сентябре 1741 г.». Южная часть этого острова была изображена, очевидно, по сообщениям о земле, встречавшейся на обратном пути пакетботу «Св. Павел» в 1741 г. Маршрут А. И. Чирикова назван «Путь от Камчатки к Америке капитана Чирикова и Делиля». Статья И. Делиля привлекла к себе в Европе внимание и была переведена на немецкий и английский языки (Андреев, 1943а, стр. 49).

Сообщение И. Делиля было использовано Ф. Бюашем, который увидел в нем подтверждение своих идей о том, что горы, опоясывая земной шар, пересекают моря, из чего следует, что Азия и Америка должны быть соединены перешейком или мелководным морем. Ф. Бюаш составил карту, на которой, вместо большого острова к востоку от Камчатки, показанного на карте И. Делиля, изобразил часть Американского материка в виде большого выступа (Buache, 1753, стр. 5). В 1752 г. Бюаш доложил свою карту Парижской Академии наук и опубликовал ее в 1753 г.

Трудно сказать, было ли изображение большого мыса, являющегося продолжением Аляски, впервые опубликованное Ф. Бюашем, результатом его собственной догадки или он имел сведения о русских картах (например, о карте С. Вакселя и С. Хитрово 1744 г., карте Морской Академии 1746 г.).

Президент Академии наук К. Г. Разумовский поручил Г. Миллеру написать на статью И. Делиля опровержение. Это опровержение без указания автора было опубликовано в 1753 г. на французском языке за границей в виде отдельной брошюры (Миллер, 1937, стр. 150)¹⁶⁹. В ней Миллер отметил ошибки и намеренные искажения И. Делиля и восстановил действительную историю экспедиции.

В 1754 г. Г. Миллер закончил начатую им годом ранее сводную карту русских исследований в Сибири и Тихом океане на французском языке. Она вышла в том же году (Андреев, 1959, стр. 7)¹⁷⁰. С внесенными в нее поправками она была опубликована под тем же названием (с изменением года) в 1758 г. По-видимому, Г. Миллеру были известны некоторые сводные карты Адмиралтейств-коллегии и отдельные карты отрядов Второй Камчатской экспедиции (рис. 33)¹⁷¹.

Однако полными данными в результатах плаваний морских отрядов Второй Камчатской экспедиции Г. Миллер не располагал вследствие отказа Адмиралтейств-коллегии предоставить их Академии (Белов, 1954б, стр. 141). Этим, конечно, следует объяснить многие неточности, имеющиеся на карте 1754—1758 гг., особенно в изображении берегов Северной Азии. Некоторые из них дали повод Д. Куку критически отозваться о работе Г. Миллера (Cook a. King, 1785, стр. 473—474). Все же карта 1754—1759 гг., несомненно, давала лучшее представление о Сибири и северной части Тихого океана, чем все предыдущие опубликованные карты.

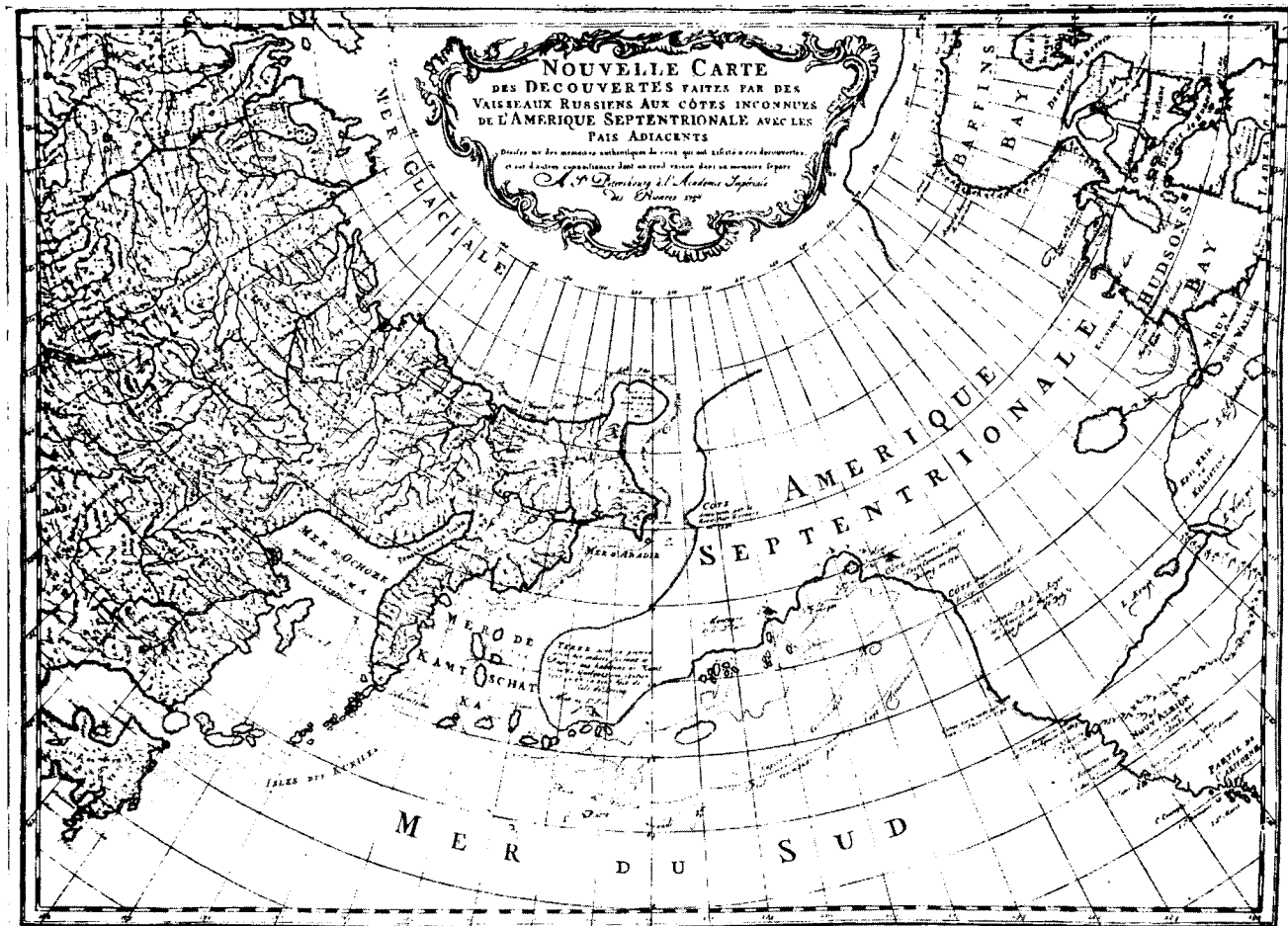

Рис. 33. Карта Г. Миллера, изображающая открытия Второй Камчатской экспедиции, составленная в 1758 г. (Nordenskjöld, 1897).

Картой 1754—1758 гг. пользовались не только в России, но и в Западной Европе. Об этом свидетельствуют ее копии, приложенные к английскому переводу статьи Г. Миллера «Описание морских путешествий...» (1758) и к «Histoire générale des voyages» А. Ф. Prevost (Андреев, 1937б, стр. 105). В русской картографии влияние карты Г. Миллера отразилось на картах И. Фишера¹⁷², И. Трускотта и др.

Описания деятельности отрядов Второй Камчатской экспедиции и ее результатов появились далеко не сразу.

Первое описание Второй Камчатской экспедиции было подготовлено Г. Миллером в 1752 г., но осталось неопубликованным (Андреев, 1959, стр. 4—5). В 1758 г. вышло сначала на немецком языке в «Sammlung Russischer Geschichte» (Müller, 1758) и позднее в том же году — на русском языке «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны učinенных». Оно должно было служить описанием к карте 1754—1758 гг. (*mémoir séparé*, о котором сказано в надписи на карте). Содержавшийся в статье Г. Миллера богатый материал по истории русских плаваний у северных и восточных берегов Сибири, основанный на ранее не использованных архивных документах, придавал ей гораздо более широкое значение; она явилась первой сводной научной работой, охватившей большой раздел истории русской географии. Однако из истории Второй Камчатской экспедиции в этой статье затронуты преимущественно плавания отрядов к Америке и к Японии. Источниками для составления этой статьи наряду со сведениями из Якутского архива и документами о Второй Камчатской экспедиции служила работа С. Вакселя, которой располагал Г. Миллер. Она была опубликована А. И. Андреевым только в 1940 г.

О публикации трудов участников Академического отряда сказано выше. Г. Миллер составил историю путешествия этого отряда, часть которой значительно позже была напечатана (МАН, 1890).

Несмотря на опубликование опровержения статьи И. Делиля, атлас Академии наук 1745 г. и карту Г. Миллера 1754—1758 гг., а также его статью, представления, укоренившиеся главным образом во французской картографии, еще долго не исчезали, и открытия Камчатских экспедиций не получали правильного отражения. Отрицательную роль в этом отношении сыграла и карта Академии наук, опубликованная в 1773 г., с нанесенными к северу от Алеутских островов несуществующими большими архипелагами, протягивающимися до Берингова пролива¹⁷³. Для составления ее была использована карта 1758 г. На карте Вогонди 1774 г. показаны и эти архипелаги и «Земля де Гама» (Breitfuss, 1939).

В. Робертсон (Robertson, 1780, т. II, стр. 478) писал в 1777 г., что земли, посещенные В. Берингом и А. И. Чириковым в 1741 г. при их плавании на восток, были не Америкой, а продолжением цепи островов. Даже П. Паллас в 1781 г. счел возможным сказать, что «и поныне заподлинное еще неизвестно, к Америке ли принадлежала та земля, которую видели Беринг и Чириков» (стр. 6).

Во второй половине XVIII в. сообщения о русских открытиях на северо-востоке Азии выдержали нападки и с другой стороны. Швейцарский географ С. Энгель, энергично боровшийся с неправильными представлениями французских картографов, утверждал на основании справок перуанских и испанских архивов, что адмирал де Фонт никогда не существовал. Вместе с тем, будучи горячим сторонником идеи о возможности плавания Северо-восточным проходом, он упрекал авторов русских карт в том, что они с целью преувеличения трудностей морского пути вдоль берегов Азии, а также увеличения владения Российской империи, берег

Азии удлиняли на 30° (Engel, 1772, стр. 34). Его мнение разделял Вогонди, считавший, впрочем, что это удлинение составляет не 30° , а только 20° (Vaugondy, 1768, стр. 6). Эти упрёки встретили возражения со стороны Г. Миллера (Müller, 1793, стр. 6—10).

Идеи С. Энгеля, обладавшего большой эрудицией и энергично отстаивавшего возможность плавания Северо-восточным проходом, привлекли внимание ученых. В литературе 60—70-х годов XVIII в. возник оживленный обмен мнениями по поводу карты Г. Миллера 1754—1758 гг. (Андреев, 1959, стр. 9—13).

После карты Г. Миллера в конце XVIII и начале XIX в. изображения северных берегов Азии с использованием материалов северных отрядов Второй Камчатской экспедиции публиковались в России неоднократно: на изданной Академией наук «Новой карте Российской империи, разделенной на паместничества, сочиненной в 1786 г. (Лебедев, 1937, фиг. 14), на «Географической карте части Северного полушария от полюса до широты 60 и 66, составленной при чертежной адмиралтейского департамента» (Записки, издаваемые Гос. адм. департаментом, 1820), на «Генеральной карте азиатской России, составленной поручиком Позняковым, изд. Военно-топографическим депо», 1825 г. и др. Эти изображения во многом отступали от материалов Второй Камчатской экспедиции и не совпадали друг с другом (Соколов, 1851а, стр. 74—75), но были широко использованы западноевропейской картографией (Weiland, 1823—1833; Arrowsmith, 1837; Brué, 1838 и др.).

Карты, составленные отрядами и отдельными участниками плаваний к северо-западной Америке и Японии, появились в печати только в начале 50-х годов XIX в. (в обработке А. П. Соколова). Позже копии карт плаваний к Америке и Японии, составленных участниками экспедиции, воспроизводились В. Андреевым (1893) и Э. Егерманом (1914). Некоторые же из карт плаваний отрядов были опубликованы только в 1954—1956 гг. (Белов, 1954б и 1956).

Изложенное показывает, каким тернистым путем проникали в науку сведения о великих географических открытиях, совершенных Второй Камчатской экспедицией.

Географические открытия Второй Камчатской экспедиции становились достоянием науки не только через публикацию картографических материалов и описаний путешествий. Хранившиеся в архивах материалы плаваний (карты, журналы, гидрографические наблюдения) оказывали огромную помощь последующим экспедициям, плававшим у берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов, и частью нашли отражение на составленных в результате этих плаваний картах¹⁷⁴.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПЛАВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННИКОВ К АЛЕУТСКИМ ОСТРОВАМ

Сведения, привезенные Второй Камчатской экспедицией о новых землях, изобилующих пушным зверем, меха, доставленные экипажем «Св. Петра» с о-ва Беринга, заинтересовали предприимчивых промышленников. Они поняли, какие огромные богатства там скрываются¹.

Промысел мехов, особенно морских бобров и котиков, сулил огромные доходы. Стоимость мехов, добытых на о-ве Беринга одной из первых экспедиций, плававшей в 1745—1746 гг., достигла 112 200 руб. (Макарова, 1950, стр. 35). Цены на меха оставались высокими и гораздо позже, когда плавание промышленников участились и мехов стало добываться значительно больше. В 70-х годах XVIII в. лучшие бобры ценились на Камчатке по 30—40 руб., а самые дешевые — по 15—25 руб. В Кяхте же, через которую экспортировалось около 70% русских мехов, добытых на островах Тихого океана, они ценились уже в несколько раз дороже: средние бобры — по 80—100 руб., а самые плохие по 30—40 руб. (Паллас, 1781, стр. 20). При удачном промысле на пай выдавалось после выплаты десятой доли в казну по 800—1000 руб. Это были очень большие деньги, если принять во внимание, что, например, годовое жалование геодезиста в 30—40-х годах XVIII в. составляло 72 руб. (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, л. 542—543).

Интерес к промыслам «мягкой рухляди» увеличивался также тем, что в этой области в первое время не было никаких монополий и привилегий, с которыми предприниматели сталкивались в других отраслях промышленности в России того времени.

Правда, этот промысел был далеко не всем доступен. Снаряжение судна для плавания обходилось очень дорого, так как на Камчатку нужно было завозить все необходимые для его постройки материалы (кроме леса и смолы). Стоимость снаряжения судна П. Паллас (1781, стр. 17) определяет в 15—20 тыс. и даже до 30 тыс. руб., а Ф. И. Соймонов (1764, стр. 51) в 10 тыс. руб. Кроме того, промышленные экспедиции к «незнаемым островам» вследствие трудных условий плавания, неопытности многих мореходов, частых столкновений с местными жителями представляли большой риск.

Поэтому с самого начала выработалась компанейская форма организации промыслов. Учредители вносили деньги и выставляли рабочую силу, становясь держателями того или иного количества паев. Участвовавшие в этих компаниях купцы собирались из самых различных мест: от Нежина до Архангельска и от Москвы до Камчатки². Наряду с купцами, естественно, игравшими главную роль в этих предприятиях, требовавших значительных средств, в компанию входили люди и из других слоев общества — крестьяне, посадские, казаки и служилые, имевшие по одному и по два пая (Щукинский сборник, 1906, стр. 164—165). Некоторые из таких участников выступали одновременно в качестве «работных людей», которых должны были выставлять пайщики. Паи выделялись также кузнецу, мореходу

и передовщику. Держатели этих паев не выставляли рабочей силы на судно (Макарова. Открытие и освоение русскими Алеутских островов во второй половине XVIII в. Канд. диссерт. Рукопись. Госуд. биб-ка им. В. И. Ленина, 1949, стр. 198 и 200).

«Работные люди» вербовались главным образом из крестьян (более 50%) и посадских (около 30%). Собирались они также со всей России, но больше из ее северных районов и из Сибири. Среди них попадались и беглые. Много было камчадалов, нанимать которых считалось выгодным, так как они отличались большой выносливостью, а труд их оплачивался дешево. Русские «работные» обычно рядились за полную (другая половина шла хозяину), а камчадалы за 50—60 руб. в год (Медушевская. Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке. Канд. диссертация. Рукопись. Гос. биб-ка им. В. И. Ленина, 1952, стр. 260). Конечно, «работные люди» большей частью попадали в кабалу к хозяевам, так как вынуждены были покупать у них в счет будущего заработка одежду и брать в ссуду деньги, чтобы обеспечить свою семью.

Руководителем экспедиции был передовщик, выбиравшийся из бывалых людей, знавших промысел, но во время плавания главную роль играл мореход. От казны на судно назначались надежные люди из служилых для приведения в подданство жителей открываемых островов, сбора с них ясака, а также для контроля за действиями промышленников.

Суда этих компаний были, особенно вначале, очень примитивны. Так, например, судно «Св. Петр», на котором плавал Е. Басов, имело, как сообщалось в рапорте Охотской канцелярии, в длину (по килю) 12,8 м («шесть печатных сажений»), в ширину (внутри) — 5 м и осадку — 2,1 м (ЦГАДА, ф. 248, д. 182 д, л. 960). Для шпаклевки, наряду с паклей применялась крапива. Такие суда назывались шитиками, так как они строились почти без гвоздей, как бы сшивались ремнями и китовым усом (Паллас, 1781, стр. 16). Несмотря на это, они были довольно прочны. Например, шитик «Св. Петр» участвовал в пяти плаваниях (1743—1752 гг.).

Небольшие размеры судов и их ненадежность заставили мореплавателей выработать особые приемы. Описание некоторых из этих приемов приводится в записке «О купечестве», приложенной к реляции сибирского губернатора Д. И. Чичерина, относящейся к 1766 г.: «Мы от привычки уж приметили, что как у Камчатки, так и у Командорского и Медного о-ва бывают прибылые и убылые морские воды, иногда так, что, когда прибылою водою судно трех аршин в грузу стоит еще на воде, то в убылую воду уже осушается. И так дважды в сутки бывает с некоторою только переменною времени. А к берегам призыбы большие валы с гребнями, то есть... бурюны бывают великие. И в таком случае не можно там, когда бы они на якорях стояли, на наших лодках... ни на берег съезжать, ни с берегу на судно приезжать. Да и якори и канаты у нас ненадежные. И так за нужное почли наши мореходные судна, как они притом еще и малы, высматривая к зимовью удобное и ровное место, при самой полной и большой воде, буде ветер позволяет, то и под парусами, всходим на мель, чтоб крепче стояло, и большою прибылою водою и волнами снять и повредить бы не могло; и при убыли стараемся подставлять деревянные подпоры... итак судно на зимовье отправляем» (Медушевская, Русские географические открытия..., стр. 252).

Сами мореходы часто не были достаточно опытны, о чем свидетельствует большое количество кораблекрушений и разных неожиданностей, происходивших во время плаваний³, да и команда судов состояла в значительной мере из людей, не знающих моря.

Хотя промышленные экспедиции на острова Тихого океана начались

не по инициативе правительства, оно благожелательно относилось к такого рода предприятиям, так как их результатом должно было обычно явиться расширение владений государства, увеличение числа плательщиков ясака и поступлений дохода в виде одной десятой от добытой пушнины, стоимость которой достигала сотен тысяч рублей ⁴.

Так, уже в 1733 г. указ Сената «не повелевал» запрещать плавания «на лежащие острова и к Японии» и отнимать охоту к таким предприятиям «по тому резону, что удобные без убытку казенного сами купцы и промышленники в отдаленные места пути сыщут» (Медушевская. Русские географические открытия..., стр. 192).

Устанавливавшиеся время от времени ограничения посещения Командорских и Алеутских островов, возникавшие в связи с намерением ввести выдачу привилегий на использование промыслов и по другим причинам, не превратились в серьезные препятствия для промышленников. Они легко обходили запреты, посещая острова якобы для охоты с целью заготовки продовольствия ⁵.

Поддержка экспедиций промышленников стала особенно заметно проявляться около 60-х годов XVIII в., когда губернатором Сибири был Ф. И. Соймонов (1757—1763 гг.), который старался расширить государственную помощь и упорядочить проведение экспедиций. Он давал, между прочим, промышленникам указания о пути: «Назнача на карте линию, за которую ему без позволения Правительствующего Сената ходить запретить в рассуждении некоторых опасностей, что в бытность при тех землях капитана Чирикова 15 человек безвестно пропали». К картам прилагалось наставление «в предосторожность во изыскании» (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 76, л. 4) ⁶. Карты с упомянутой «линией» сохранились в архивах (рис. 34).

Около того же времени вошла в практику выдача ссуд торговым компаниям. Так, например, ссуду в 6 тыс. руб. получила в 1758 г. компания, снаряжавшая судно «Св. Иулиан» (промышленники И. Никифоров, И. Снегирев, Н. Трапезников и др.). В дальнейшем выдача ссуд практиковалась все шире (Макарова. Открытие и освоение русскими Алеутских островов..., стр. 219—220).

Плавания промышленников, начатые в 1743 г. сержантом Емельяном Басовым, быстро превратились в огромный поток, двигавшийся к новым землям в погоне за барышами, которые обещал промысел на впервые посещаемых островах. В некоторые годы в плавание находилось одновременно до 10—12 судов ⁷.

История этих плаваний изобилует сообщениями о частых авариях и кораблекрушениях маленьких судов, которыми руководили смелые, но малоопытные мореходы, о добровольных или вынужденных высадках на совершенно неизвестные острова, о встречах с местным населением. Эти встречи заканчивались или к обоюдному удовольствию обменом товарами и мирным «объясчиванием» или столкновениями, в которых отряды промышленников, более организованные и имеющие огнестрельное оружие, большей частью получали перевес, но иногда, захваченные врасплох, терпели большой урон и даже почти поголовно погибали. Бывали случаи, что отряды промышленников добирались обратно на Камчатку с какого-либо неизвестного острова, около которого разбился их корабль, только через несколько лет. Потерпевшие кораблекрушение или строили из обломков судна еще меньшее суденышко, на котором отваживались пускаться в обратное плавание, или, терпя голод и нужду и отбиваясь от нападений местных жителей, дожидались прибытия какого-либо другого промышленного корабля.

Часто путешественники возвращались невредимыми с богатой добычей, которая щедро вознаграждала их за перенесенные труды и опасности.

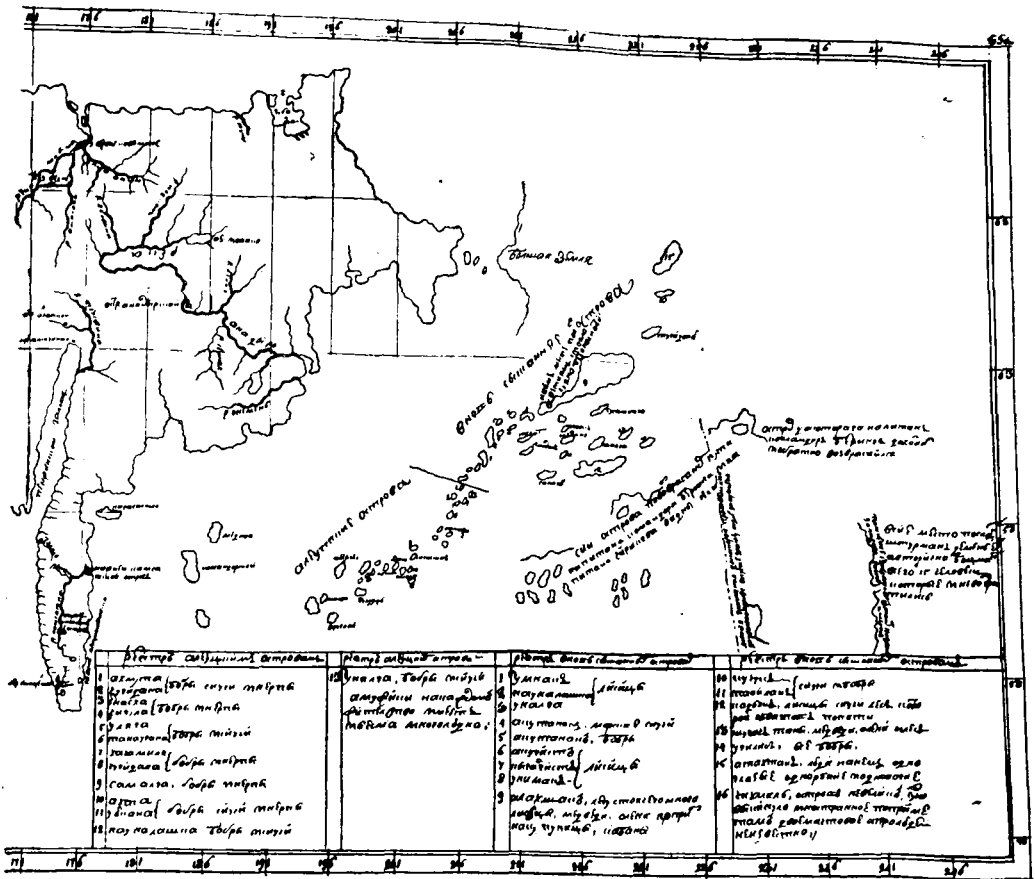

Рис. 34. Карта Алеутских островов с линией, отмечающей установленный для промышленников предел плаваний к востоку. Составлена около 1762 г. (ЦГАДА, ф. 192, Картограф, отдел биб-ки МГА МНД, Иркутская губ., № 65а).

Иногда же из плавания возвращалось всего несколько человек, изнуренных и голодных, у которых не было ничего, кроме оружия и поношенной одежды.

Читая описания плаваний, нельзя не восхищаться бесстрашием, находчивостью и здравым смыслом промышленников.

К сожалению, в своих сношениях с алеутами они не всегда пользовались мирными средствами, хотя, как показывает деятельность наиболее передовых промышленников, этим путем можно было достигнуть больших результатов.

Полная история плаваний промышленников к Алеутским островам выходит за пределы рассматриваемого нами периода. Остановимся лишь на плаваниях, совершенных с 1745 по 1764 г., во время которых была открыта вся цепь Алеутских островов и Аляска. Сохранились сведения о 42 экспедициях, относящихся к этому времени⁸. Не приводя истории всех этих плаваний, ограничимся описанием их общего хода и освещением наиболее характерных эпизодов, а также отметим открытия, имеющие наиболее важное значение для истории географии⁹.

В течение первого периода (1743—1752 гг.), когда состоялось 17 экспедиций, промышленники плавали к Командорским островам и группе

островов Ближних. Плавание к более далеким группам Алеутских островов¹⁰, если они в этот период и совершались, имели случайный характер.

В результате бессистемного истребления запасы морского зверя сильно уменьшались. Например, в 1756 г. на о-ве Беринга уже не было добыто ни одного бобра (Суворов, 1912, стр. 228)¹¹. Одновременно происходило усовершенствование судов — в начале 50-х годов шитики начали заменять «гвоздяниками» с деревянным креплением (Полонский. Перечень путешествствий..., л. 27 об.).

Поэтому промышленники, имея опыт плаваний, начали предпринимать все более настойчивые попытки проникнуть далее к востоку от островов Ближних, и примерно с 1753 г. начался второй период, в течение которого и были совершены наиболее значительные открытия.

Как уже указывалось, первое плавание к островам к востоку от Камчатки совершил сержант «камчатской нерегулярной команды» Е. С. Басов, с 1726 г. служивший в Якутске, Охотске и на Камчатке (там же, л. 4)¹². Об этой поездке сохранился рапорт от 29 июня 1744 г. канцелярии Охотского порта, направленный в Сибирский приказ. Из него видно, что Е. С. Басов еще до плавания В. Беринга и А. И. Чирикова к берегам Америки добился в Сибирском приказе разрешения плыть «па Курильские и прочие морские острова для призыву иноземцев невподанстве... в подданство» (ЦГАДА, ф. 243, д. 180, л. 960)¹³. Таким образом, вероятно, первоначально он не собирался плыть к востоку от Камчатки. Мысль о плавании в этом направлении могла возникнуть уже под влиянием плаваний «Св. Петра» и «Св. Павла». Во всяком случае среди сего команды был Петр Верхотуров из экипажа «Св. Петра», побывавший на о-ве Беринга (Полонский. Перечень путешествствий..., л. 4).

Собственных денег на организацию экспедиции у Е. С. Басова не было, и он вступил в компанию со служивым Евтихием Санниковым и с несколькими посадскими людьми и крестьянами. Компания построила судно, названное «Петр» (ЦГАДА, ф. 243, д. 180, л. 960 об.; Полонский. Перечень путешествствий..., л. 4). Мореходом был Е. Санников, умевший плыть по компасу. 1 августа 1743 г. «Св. Петр» с командой в 20 человек вышел в плавание, а 6 августа судно было выброшено на о-в Беринга. Здесь команда судна зимовала. Верстах в 70—80 видели остров, а к северу, как им казалось, «великую и высокую землю», с которой, по их мнению, приносило лес и «резанных» морских коров.

Пустившись снова в плавание в июне 1744 г., промышленники из-за ненадежности снастей не решились осмотреть виденные с острова земли и поплыли прямо к Камчатке. 13 июня судно было сильным ветром выброшено на берег у устья р. Камчатки. Промышленники привезли из этого плавания меха 1200 морских бобров и 4000 песцов (Полонский. Перечень путешествствий..., л. 5).

Так совершилось первое плавание на «неизвестные острова» к востоку от Камчатки. В 1745 г. состоялось уже два плавания, из которых одно было совершено опять Е. С. Басовым на шитике «Св. Петр», мореходом на котором был тот же Е. Санников.

«Св. Петр» сначала понал к о-ву Медному, здесь была впервые совершена высадка и поставлен крест. Но, не найдя удобной бухты для стоянки, промышленники поплыли на о-в Беринга и провели там зиму. Е. С. Басов осмотрел остров и определил, что он имеет более 200 верст в длину и неравномерную ширину — «как па 25, и инде где и на 5 верст». Он отмечал, что «вокруг острова — бобры, коты, сивучи: нерп довольно, а морских коров множество. Если их промыслять, то уповательно хотя бы и множество народа прокормить можно». В 1746 г. «Св. Петр» поплыл «на полуночник»

и «меж полуночником и востоком», но, проблуждав около месяца, в конце концов оказался опять у о-ва Медного. Здесь пробыли недолго и вернулись на Камчатку 31 июля с большой добычей: 1670 бобров, 1600 бобровых хвостов, 2200 котиков и 2240 голубых песцов (там же, л. 5 об.).

Эта добыча долгое время оставалась непревзойденной и, конечно, не мало содействовала привлечению к промыслам других предпринимателей.

После этого шитик «Св. Петр» плавал еще три раза: в 1747—1748, 1749—1750 и 1750—1752 гг. Во время последнего плавания он разбился около о-ва Атту, а команда вернулась на Камчатку на чужом судне (там же, л. 7 об.—10 об.).

В последних двух плаваниях Е. С. Басов уже не принимал непосредственного участия. В компанию, организовавшую эти экспедиции, входил Никифор Трапезников, один из наиболее активных деятелей начального периода плаваний — представитель торгового капитала, начинавшего все больше проникать в эти предприятия. Карьера Е. С. Басова окончилась печально: постоянно нуждаясь, он сделал попытку заняться подделкой денег и попал на каторгу на Нерчинские заводы (Макарова. Открытие и освоение русскими Алеутских островов..., стр. 95).

Другая экспедиция 1745 г. проложила путь к островам Ближним на судне «Евдоким». Она была организована компанией, в которую входили купец А. Чебаевский, Н. Трапезников и др. Мореходом они взяли М. Невочкина¹⁴. Передовщиком был назначен Я. Чупров. Кроме того, с экспедицией плыл от Большерецкой канцелярии казак Сила Шевырин, который должен был приводить население островов в ясак и записывать все достопримечательное для доклада начальству (там же, стр. 86).

Судно «Евдоким» вышло 19 сентября из устья Камчатки и проплыло мимо островов Беринга и Медного к северо-востоку. 24 сентября¹⁵ мореплаватели увидели о-в Атту и, миновав его, бросили якорь у о-ва Агатту, который и был, таким образом, первым из островов Ближних посещен русскими. Столкновение с местными жителями, окончившееся ранением одного из них, заставило промышленников перебраться на о-в Атту, где они пробыли до 14 сентября 1746 г. (J. L. S., 1776, стр. 12—17). Местное население встретило их дружелюбно.

Но затем начались столкновения. В результате было убито много алеутов, которым было трудно обороняться, так как их вооружение состояло из каменных топоров и костяных ножей. Столкновения произошли по вине промышленников. Например, по инициативе и при участии передовщика Я. Чупрова, участники экспедиции в одном селении стали отбирать у жителей продовольствие и убили 40 мужчин, затем вывели из юрт женщин, старых убили, а молодых оставили себе (Полонский. Перечень путешествий..., л. 12 и об.). Насилия над местным населением впоследствии разбитым судом на Камчатке.

Отправившись обратно на корабле, тяжело нагруженном добытыми шкурами, промышленники скоро попали в бурю, которая носила их по морю. 30 октября судно, потерявшее паруса и якорь, было разбито о камни у Карагинского о-ва.

Сначала команда «Евдокима» жестоко голодала, но через некоторое время натолкнулась на селение коряков, которые приняли их и накормили. От коряков промышленники узнали, где они находятся.

Летом на коряков напали высадившиеся на остров «олюторцы». Промышленники помогли корякам отбить нападение и прогнать «олюторцев» с острова, за что получили две байдары, на которых 21 июля 1747 г. вернулись на Камчатку, привезя 320 бобровых шкур. За время плавания погибло 12 участников экспедиции (J. L. S., 1776, стр. 17—18).

М. Невочиков составил первую карту Алеутских островов, показав острова Атту, Агатту и один из Семичей. Карта была послана в Сенат в 1751 г. (Полонский. Перечень путешествий..., л. 13 об.).

Кроме описанных плаваний в 1743—1745 гг., до 1752 г. были совершены плавания в 1747, 1749 и 1750 гг.— по четыре плавания в год, и в 1751 и 1752 гг.— по одному плаванью в год. Из них отметим плавание судна «Иоанн», принадлежавшего купцам Ф. Холодилову и А. Толстым. Выйдя в море в 1747 г., участники этой экспедиции перезимовали на о-ве Беринга и весной 1748 г. направились не к северу, а к юго-востоку. На Камчатку судно вернулось осенью того же года (J. L. S., 1776, стр. 19—20). Это плавание, как и некоторые другие, совершенные в том же направлении, свидетельствует о том, что на Камчатке было распространено представление о землях, расположенных к югу от Алеутских островов¹⁶.

Отметим также первую попытку получения права на монопольное использование пушных богатств к востоку от Камчатки. В 1751 г. купец Е. Югов предложил Сенату, в случае предоставления ему монополии, выделять в пользу казны не десятую часть добытой пушнины, а треть. Сенат указом 1748 г. разрешил Е. Югову «с товарищи» вести на этом условии промыслы монопольно на четырех кораблях в течение одного года (ПСЗ, т. XII, стр. 830). Но компанейщики сумели подготовить к 1750 г. только одно судно «Иоанн», плававшее в этом году неудачно. В следующем году судно «Иоанн», на котором плыл и сам Е. Югов, а мореходом был Г. Нпзовцев, достигло о-ва Беринга. Здесь экспедиция занималась промыслом три года и вернулась в 1754 г. на Камчатку с добычей, оцененной в 65,4 тыс. руб. Этими действиями компании и ограничились, так как Е. Югов умер на острове, а его товарищи прекратили дело (Полонский. Перечень путешествий..., л. 19).

Во втором периоде (1753—1764 гг.) было совершено 25 плаваний, из них в 1753, 1754, 1756 гг.— по два плавания, в 1757 г.— одно плавание, в 1758 г.— четыре, в 1759 г.— два, в 1760 г.— три, в 1761 г.— одно, в 1762 г.— четыре, в 1763 г.— одно и в 1764 г.— три плавания.

К 1753 г. относится смелая экспедиция архангельского купца морехода П. Башмакова на судне «Иеремия», принадлежавшем компании московских купцов И. Рыбинского и А. Серебренникова. По словам В. Н. Берха (1823 в, стр. 25), П. Башмаков хотел найти «Большую землю», т. е. Америку. Выйдя в июле из устья р. Камчатки, П. Башмаков поплыл на восток и обнаружил в разное время восемь островов, к которым не приставал из-за сильного ветра: 2 сентября корабль был выброшен на девятый остров и разбился¹⁷. Команда построила из обломков новое судно, назвав его «Петр и Павел», и на нем вернулась в 1755 г. в Нижне-Камчатск.

Другая попытка плавания в 1753 г. к востоку, предпринятая на судне «Иоанн» Ф. Холодиловым и А. Толстым с мореходом Ф. Жуковым, из-за ветхости судна была неудачна. Промышленникам пришлось зимовать в 1753/54 г. на о-ве Беринга, а в 1754/55 г. на о-ве Атту (Полонский. Перечень путешествий..., л. 22).

Еще одна попытка плавания к востоку была совершена в 1754 г. на судне «Петр», принадлежавшем С. Красильникову и Н. Трапезникову. Были замечены острова, но высадка не производилась, а на обратном пути судно разбилось у о-ва Медного. Переправившаяся на о-в Беринга команда добралась затем до Камчатки на разных кораблях.

Открытие новых островов на востоке, сопровождавшееся длительной высадкой на них, было произведено только экспедицией, отправившейся в 1756 г. на судне «Петр и Павел» компании И. Рыбинского с мореходом П. Башмаковым и передовщиком А. Всевидовым. Перезимовав на о-ве

Беринга, П. Башмаков поплыл сначала на юг по следам А. Толстых, но потом повернул на север и пристал к «о-ву Кикигаласк». З. Н. Зубкова (1948, стр. 22), на наш взгляд, правильно предполагает, что это был о-в Кагалакса, находящийся к востоку от о-ва Адах (Андреяновские острова). По Л. С. Бергу (1946а, стр. 287), это, возможно, был о-в Кыска из группы островов Крысых. Двигаясь дальше, экспедиция открыла сначала четыре, а потом еще три «изрядных» острова и на одном из последних — о-ве Танага — она зазимовала. За время пребывания в этом районе было открыто всего 13 островов. Таким образом, были открыты Андреяновские острова. На Камчатку судно «Петр и Павел» вернулось в 1758 г. (Полонский. Перечень путешествий..., л. 25 об. и 26).

Последующие плавания к более отдаленным островам принесли новые открытия. Некоторые из них сопровождались драматическими эпизодами, связанными с трудностью дальних рейсов. На более крупных и населенных островах Лисьих и на о-ве Кадык произошли столкновения с местными жителями.

Начало таким плаваньям было положено в 1757 г. несчастливый рейсом бота «Капитон», полученным купцом И. Жилкиным от Большерецкой канцелярии (Макарова. Открытие и освоение русскими Алеутских островов..., стр. 94). Едва он вышел в море, как был выброшен на берег, и команда смогла отправиться в плавание только в 1758 г. Запасшись мясом морских коров на о-ве Беринга, экспедиция в августе прибыла к о-ву Кыске (из группы островов Крысых), но экипаж не смог высадиться на землю, так как местные жители встретили прибывших с оружием в руках. Отойдя от о-ва Кыски, корабль потерпел крушение около расположенного поблизости небольшого скалистого острова. Здесь на промышленников напали приплывшие вслед за ними с о-ва Кыски алеуты, но их удалось отбить. Команда провела на этом острове две зимы, охотясь на бобров. Почти все время участники экспедиции сильно голодали: их пища состояла из ракушек, морской травы и кожи животных. Положение облегчил выброшенный на остров мертвый кит. На новом судне, выстроенном из обломков старого, экспедиция переправилась к островам Ближним, где вновь потерпела крушение. Те, кому удалось спастись, были подобраны судном «Петр и Павел» и в 1761 г. прибыли на Камчатку. Из 39 человек вернулось только 13 (J. L. S., 1776, стр. 45—48).

Открытие Лисьих островов — самой близкой к Аляске группы Алеутских островов — было совершено экспедицией, плававшей на корабле «Иулиан», снаряженном компанией с участием купца Н. Трапезникова (Полонский. Перечень путешествий..., л. 27 об.). Передовщиком и мореходом был С. Г. Глотов, для сбора ясака был назначен казак Савин Пономарев. Орденом из Нижнекамчатской приказной избы последнему предлагалось «следовать... неизвестные морские острова для привола тамошнего неясашного народа в подданство и в платеж ясака» и «сыскивать земных и морских курьезных и иностранных вещей и золотых и серебряных руд, жемчугу, камня, свинцу, железа, слюды, краски и прочих узорочных вещей» (Архив адмирала Чичагова, 1885, стр. 127).

Судно вышло в море 2 сентября 1758 г. и на девятые сутки было выброшено на о-в Медный. Здесь команда зимовала, занималась промыслом зверей и ремонтом судна. Отправившись 1 августа 1759 г. снова в путь, промышленники плыли, «не касаясь к известным морским к яко то Алеутским островам между север и восток» (там же, стр. 129). 1 сентября судно пристало к о-ву Умнак, за которым, по сообщению С. Г. Глотова, примерно в 15 верстах лежит большой о-в Упалашка; дальше к востоку, как он слышал от жителей, есть еще восемь островов, на одном имеется «лес

стоячий». На всех этих островах «много морских бобров, лисиц, чернобурых и бурых и крестовых и красных», а на том острове, где «лес стоячий», есть и олени, медведи, волки и горностаи. Вероятно, это была Аляска. Население о-ва Умнак С. Г. Готовым определялось в 400 человек, а на о-ве Уналашка — в 300 человек, «а точно изчислить и показать за пространностью того острова к тому ж и те люди с острова на остров перезжают часто никак было невозможно» (там же, стр. 129).

Первая встреча с обитателями о-ва Умнак была недружелюбной. Алеуты напали на прибывших и метали в них с помощью дощечек стрелы, которыми нескольких человек ранили, в том числе С. Т. Пономарева и С. Г. Глотова, а одного из промышленников убили. Дав залп из ружей, промышленники заставили алеутов разбежаться. Несмотря на эту стычку, команда «Иулиана», проявляя выдержку, избегала дальнейших столкновений. Установив через некоторое время мирные отношения, экспедиция стала получать от алеутов путем обмена звериные туши и меха. На островах Умнак и Уналашка были приведены в подданство тойоны этих островов и с ними 28 человек. В «Изъяснении» С. Г. Глотова отмечается, что у жителей о-ва Умнак есть железные ножи и что железо привозится с острова, на котором есть «стоячий лес». На островах Умнак и Уналашка своего леса нет, и жители пользуются лесом, выкидываемым морем. Огонь они высекают с помощью небольших белых камней, которые собирают на берегу и раскалывают пополам. Реки богаты красной и белой рыбой, много рыбы и в окружающем море. Зверей много, из птиц есть «морские урилы, топорки, ары, савки и кулики, речные утки, гоголи, селезни, крохали, чирки, по большей части и гуси белые, которые завсегда зимуют, а весною до зимнего времени отлетают. Бывают же серые и черные гуси, точию пролетные, чаек всегда во весь год бывает довольно и орлов» (там же, стр. 131). Из кожи птиц жители шьют себе одежду — парки; идут на это и шкуры бобров.

Команда «Иулиана» пробыла на островах почти 2 года и 9 месяцев (1759—1762 гг.) и «тамошних 2 островов (Умнака и Уналашки.— В. Г.) народ ласкою привели в подданство и ясак». На обратном пути, в который отправились 26 мая 1762 г., они «имели провеликие недостатки в воде и пище, так что последнюю с ног обувь варили и в пищу употребляли» (там же, стр. 132). 31 августа 1762 г. промышленники вернулись на Камчатку, потеряв за все время плаванья трех человек. С. Г. Готов представил «Изъяснения» и «Реестр» островов (Перевалов, 1949, стр. 272—273).

Плававший с экспедицией тотемский купец Петр Шишкин представил на основе опроса «мужика Кашмака» с о-ва Уналашки, сведения об островах, расположенных далее к востоку, и об островах, мимо которых проплывал «Иулиан» по пути к о-ву Умнак. Он упоминает об о-ве Алахтах¹⁸, на котором много леса, оленей, медведей, кабанов и других зверей, об о-ве Кадьяк, который «в боку с полдни», и об о-ве Унимак. Наряду с этими сведениями Петр Шишкин сообщал и о фантастических землях, например об «о-ве Атахтак», на котором живут одноглазые, однорукие, одноногие люди (Шукинский сборник, 1906, стр. 172—173).

С. Т. Пономарев и П. Шишкин составили чертеж (рис. 35), не имеющий градусной сетки (Русские открытия в Тихом океане..., 1944, стр. 9). На нем впервые, вместо огромного выступа северо-западной Америки, фигурировавшего на итоговых картах Второй Камчатской экспедиции (карта С. Вакселя и С. Ф. Хитрово 1744 г., карты Морской академии 1746 г. и Г. Миллера 1758 гг.), появилось очень грубое изображение Алеутской гряды, а также островов Кадьяк и Алахшах, за которыми, впрочем, к северо-востоку изображены еще какие-то острова. Основной ошибкой этого черте-

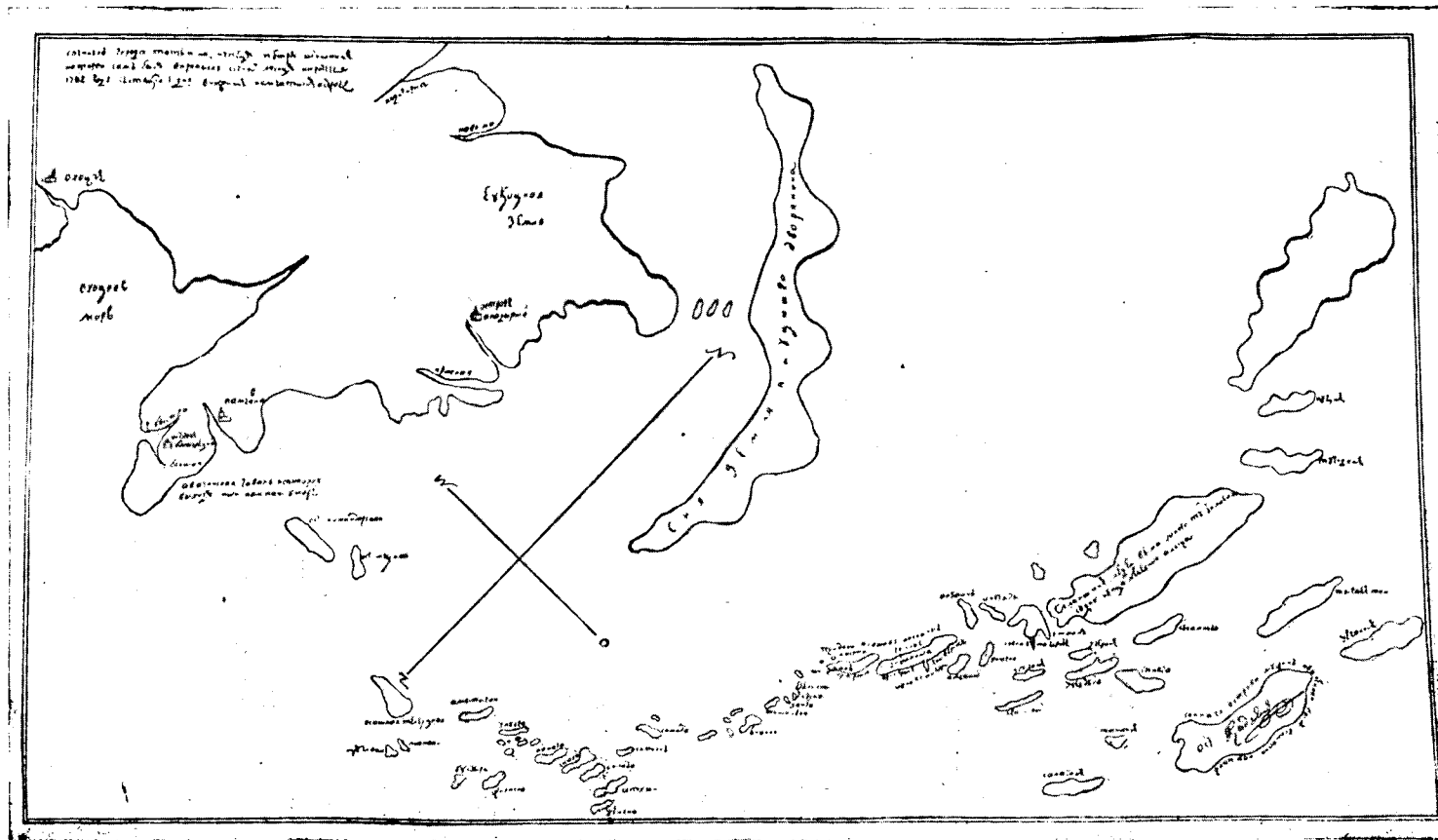

Рис. 35. Карта Алеутских островов промышленника купца Петра Шипкина 1762 г. (Русские открытия в Тихом океане,...., 1948).

жа является то, что п-ов Аляска нанесен против Чукотского п-ова и всей цепи Алеутских островов придано слишком северное направление. Между Чукотским п-овом и Аляской помещена «Земля Якутского дворянина», от которой к Чукотскому п-ову тянутся еще три острова меньшего размера¹⁹. В названиях Алеутских островов мы находим отзвуки показаний «мужика Кашмака». Попытку их расшифровки сделала З. Н. Зубкова (1948, стр. 24).

Смелое путешествие С. Г. Глотова и С. Т. Пономарева не только послужило примером для других промышленников, но и стало известно в правительстве. Сообщение о плаваниях промышленников и чертеж островов, исправленный в Тобольске, были направлены 11 февраля 1764 г. Д. И. Чириным в Петербург при его «реляции», в которой он поздравлял Екатерину II с открытиями, совершенными «через самых простых и неученых людей» (МРФ, 1886, стр. 104—106)²⁰. Кроме того, промышленники послали свою карту Ф. И. Соимонову, находившемуся уже в Петербурге. Ф. И. Соимонов тоже, в свою очередь, направил эту карту (или копию ее) Екатерине II²¹.

Для характеристики карты и впечатления, произведенного путешествием С. Г. Глотова в Петербурге, приведем выдержку из письма, написанного Ф. И. Соимоновым Г. Миллеру в 1764 г.: «Хотя она почти углем рисована и глиною раскрашена, однако ежели впредь удача будет, я за достойное признаю в честь и память таких неустрашимых и ревностных, на оной карте все изъясня и золотыми лаврами раскрася, в Государственной архиве содержать. Столько то я за их ревность и претерпенные голод и смертные страхи благодарнейшим их себя признаваю» (Медушевская, 1954, стр. 105).

Все эти сведения послужили поводом к посылке в 1764 г. специальной правительственной экспедиции (П. К. Креницына и М. Д. Левашова) для описания Алеутских островов (Перевалов, 1949).

В 1758 г. было начато еще одно богатое событиями плавание к дальним островам на судне «Владимир», принадлежавшем компании тульского купца Семена Красильникова. Во время этого плавания была посещена группа Андреяновских островов, на которых в 1758 г. побывал П. Башмаков. Мореходом на «Владимире» был подштурман Дмитрий Пайков (Берх, 1823в, стр. 37), передовщиком — С. Полевой и сборщиком ясака — С. Шевырин²². Перезимовав на о-ве Беринга, экспедиция отправилась сначала на юг, но, не найдя никаких островов, поплыла на северо-восток. 1 сентября 1759 г. «Владимир» пристал сначала к о-ву Атха, а потом к о-ву Амля, на котором промышленники и обосновались. Зимой 1759/60 г. экспедиция, разделившись на три отряда, промышляла на островах Атха, Большой Ситхин и Амля. Один из отрядов, в который входило 12 человек во главе с С. Шевыриным и С. Полевым, был перебит алеутами.

Несмотря на это, «Владимир» остался у островов, так как к этому времени сюда пришло судно «Гавриил», и обе экспедиции в 1760 г. провели промысел совместно. В 1761 г. суда двинулись на восток. «Владимир» достиг о-ва Ушмак, где экспедиция провела зиму 1761/62 г., а «Гавриил» отправился далее. На следующий год промышленники зимовали на о-ве Кыска. В 1763 г. команда «Владимира» вернулась на Камчатку.

Судно «Гавриил», встреченное промышленниками с судна «Владимир», вышло в плавание в 1760 г. из устья р. Большой. Судно было снаряжено купцом И. Бечевиным, предполагавшим «плыть к полуденным и северным странам на известные и неизвестные острова и земли, до Анадырского устья, а если будет возможность, то и далее вокруг Чукотских мысов, до рек, впадающих в Ледовитый океан, даже до устья Лены (Полонский. Перечень путешествий..., л. 33 и об.). И. Бечевин получил на плавание разре-

шение от Сената, который предложил Ф. И. Соймонову оказывать этому предприятию содействие. Судно «Гавриил», снаряженное И. Бечевиным, имело в длину 18,9 м и превышало все другие суда промышленников, плававшие до этого времени к Алеутским островам. Мореходом на нем был Г. Пушкарев, участвовавший в 1741 г. в походе В. Беринга.

Однако эта экспедиция не состоялась, так как И. Бечевин был арестован, и судно конфисковано в казну²³. Впоследствии «Гавриил» был возвращен владельцу, но И. Бечевин ограничился посылкой его на Алеутские острова (Медушевская. Русские географические открытия..., стр. 194).

После промысла на о-ве Атха «Гавриил», как уже отмечалось, направился на восток на другой остров. Этот «остров» был Аляской, что следует из сведений, сообщенных впоследствии командой «Гавриила», отметившей наличие на нем оленей, медведей, кабанов, волков, выдр и длинноухих, очень диких собак (J. L. S., стр. 56—77). Большинство этих животных на островах Лисьих, к западу от Аляски, никогда не встречалось, на Аляске же они действительно водятся.

Таким образом, после В. Беринга и А. И. Чирикова, побывавших у берегов Аляски в 1741 г., этот полуостров был впервые посещен русскими в 1761 г. Но теперь мореплаватели имели уже более широкое представление об этой части Тихого океана и об островах, лежащих между Аляской и Камчаткой, к которым были совершены многочисленные плавания.

К сожалению, команда «Гавриила» на Аляске и на о-ве Умпак своими насилиями вызвала восстание первоначально дружелюбно настроенных местных жителей. Они убили нескольких русских; в ответ команда «Гавриила» убила семь алеутов, которых держала у себя заложниками. Отправившись в обратный путь в мае 1762 г., промышленники силой захватили около 20 алеутов и алеуток.

В сентябре 1762 г. «Гавриил», сильно пострадавший от бурь, возвратился на Камчатку. Почти все захваченные алеуты были убиты, так как промышленники хотели скрыть свои бесчинства на Аляске (Полонский. Перечень путешествий..., л. 35). Но это им не удалось, о чем можно судить по инструкции, написанной в 1776 г. командиром Охотского порта Саввой Zubовым, в которой подчеркивалась недопустимость «неописанных обид, разорения и смертоубийств», чипенных «бичевинской компанией» (Берх, 1823в, стр. 50—51).

Результатом другого плавания, начатого в 1760 г., было описание шести Андреяновских островов²⁴. Это плавание было совершено Адрианом Толстых на судне «Андреян и Наталия», на котором А. Толстых был мореходом и передовщиком. Выйдя в море 27 сентября, он зимовал на о-ве Беринга, а в 1761 г. побывал на о-ве Атту, но, встретив там три судна других промышленников, пошел далее к востоку и в августе того же года пристал к о-ву Адах (Андреяновские острова). Здесь он провел три года, промышляя на островах Аях (Адах), Канага, Четхина (Большой Ситхин), Тагалах, Атха, Амля. Он добыл пушпины на 120 тыс. руб. и привел в подданство население всех шести островов, на которых жило свыше 3 тыс. человек²⁵. Обратное плавание в 1764 г. было несчастливо: в июле судно было сильно повреждено у о-ва Семичи, а 17 сентября его разбило, когда оно уже находилось у устья р. Камчатки. Большую часть груза удалось спасти, но многое погибло, в том числе коллекция, составленная А. Толстых на островах, и описание путешествия, островов и алеутов, которое он вез в особом ящике (Берг, 1924, стр. 122)²⁶.

На Камчатке участники плавания — казаки М. Лазарев и П. Васютинский — дали сведения об этом плавании; кроме того, были использованы данные из журналов А. Толстых. Эти сведения, карта посещенных островов

и привезенные вещи были направлены Д. И. Чичериным вместе с написанной им «реляцией» Екатерине II (там же, стр. 123)²⁷.

Адриан Толстых выделялся среди промышленников и принадлежал к числу наиболее активных участников плаваний. В 1747 г. он вместе с Е. С. Басовым и Н. Трапезниковым был участником компании, организовавшей экспедицию на о-в Медный на шитике «Петр». Одновременно он был членом компании, снарядившей в том же году судно «Иоанн».

В 1749—1764 гг. А. Толстых совершил не менее четырех плаваний, сначала на том же «Иоанне», а затем на «Андреяне и Наталии» и стал известным мореходом. Потеряв в 1764 г. свое судно, он в 1765 г. отправился из Охотска мореходом на судне «Петр» купцов И. Лапина, В. Шилова и А. Орехова с 63 человеками команды. Перезимовав на Камчатке, экспедиция в 1766 г. поплыла к югу мимо Курильской гряды в поисках «Земли де Гама». Судно останавливалось у островов Четыре брата (Черные братья), а через четыре дня подошло к какому-то большому острову. Продолжавшаяся долгое время плохая погода не позволила совершить высадку и заставила экспедицию отказаться от намерения здесь зимовать. На обратном пути «Петр» был разбит недалеко от Камчатки (у Шипунского мыса) жестоким штормом, причем вся команда, кроме трех человек, погибла, в том числе и А. Толстых (Полонский. Перечень путешествий..., л. 60 и об.).

В противоположность большинству участников экспедиции, у которых преобладала жажда наживы, и в отличие от складывавшегося типа промышленников, стремившихся захватить открытые острова силой оружия, А. Толстых обладал интересами исследователя. При посещении Андреяновских островов он собрал коллекцию различных предметов быта алеутов, в которую входили, между прочим, спасенные во время крушения «Андреяна и Наталии» в 1764 г. алеутская байдара, обтянутая кожей, с двумя небольшими выкрашенными веслами, деревянная шляпа и «поводок с костяными удами».

А. Толстых интересовался возможностью размножения животных, подвергавшихся в результате промыслов на островах сильному истреблению. Как сообщает в «скаске» Степан Черепанов, А. Толстых перевез с Командорского о-ва (о-в Беринга) гнездо молодых песцов на о-в Аттаку (Атту), «где чрез немногие годы размножились до тысячи, и оттуль ныне промышленники улавливаютца...» (Русские открытия в Тихом океане..., 1948, стр. 119).

По отношению к алеутам А. Толстых придерживался гуманных взглядов. По его словам, жительствующие на островах люди «видом грубы, а по разговорам и обхождению ласковы и приятны, а притом ко всему понятны и смысленны» (Берг, 1924, стр. 128). А. Толстых старался установить с алеутами добрые отношения и доказал, что это вполне возможно.

Уезжая в 1764 г. с Андреяновских островов на Камчатку, А. Толстых спросил у приглашенных с соседних островов тойонов, не было ли алеутам от русских обид. Тойоны «единогласно при всех тогда находящихся людях объявили, что как тойонам, так и прочим никакой обиды, кроме одного оказуемого им всем всякого благосклонного благодеяния и приязни, чинено не было» (Берг, 1924, стр. 124). Таким образом, А. Толстых и его помощники сумели склонить в русское подданство жителей островов, поддерживая с ними мирные отношения.

Таковы черты характера этого «неученого, но предприимчивого и разного мореплавателя» (Берг, 1823в, стр. 54).

Конечно, действуя такими методами, А. Толстых все же отнюдь не забывал про наживу. Ему удавалось, благодаря услугам дружески расположенных алеутов, собирать пушнину в самых больших количествах.

Кроме А. Толстых, известны и другие промышленники, стремившиеся при освоении Алеутских островов устанавливать мирные отношения с населением. К числу таких промышленников относятся, например, С. Г. Глотов и казак Сила Шевырин.

К сожалению, далеко не всегда у промышленников хватало желания и умения для установления дружеских отношений с местными жителями. Возникавшая неприязнь приводила к тяжелым последствиям. Так, в 1762—1763 гг. алеуты напали на четыре судна, приставшие к островам Лисьим (Умнак и Уналашка), перебили почти всю команду и уничтожили корабли²⁸. Что послужило поводом к этому — неизвестно. Вероятнее всего, какие-либо неосторожные поступки вновь прибывших промышленников обострили вражду, посеянную экипажами ранее побывавших здесь судов.

Попав как бы в западню на неизвестном острове, небольшая группа уцелевших промышленников с этих четырех судов должна была бороться с подавляющими силами алеутов, которые пытались их взять то открытыми атаками, то длительной осадой, то внезапными ночными нападениями, то поджогами (Русские открытия в Тихом океане..., 1948, стр. 120—146).

Спасшись после всех испытаний от гибели одиннадцать человек (пять русских и шесть камчадалов) присоединились к командам кораблей С. Г. Глотова «Андриан и Наталия» и И. М. Соловьева «Петр и Павел», которые также пришли к Лисьим островам.

Начатое в 1762 г. путешествие С. Г. Глотова на корабле «Андриан и Наталия», принадлежавшем В. Попову, отличалось той же смелостью, как и его плавание в 1758—1762 гг., когда, отправившись в неизвестные районы, он открыл о-в Умнак. Перезимовав на о-ве Медном, С. Г. Глов в августе 1763 г. достиг о-ва Умнак, но, не приставая к Лисьим островам, пошел далее к востоку. Миновав несколько мелких островов, он увидел большой гористый остров. Это был лежащий к востоку, уже за пределами Алеутской гряды, о-в Кадьяк, открытый В. Берингом в 1741 г. К нему С. Г. Глов пристал 5 сентября 1763 г. (Полонский. Перечень путешествий..., л. 47).

Жители, язык которых был совсем не похож на алеутский, сначала посещали корабль небольшими группами, а 1 октября на утренней заре они внезапно напали на корабль с целью поджечь его. Залп из ружей, с которыми они, по-видимому, еще не были знакомы, разогнал их, но нападения повторялись и в другие дни; в них участвовало одновременно до 200 человек. 26 октября жители о-ва Кадьяк появились на заре, двигая перед собой толстые деревянные щиты. За щитами шло по 30—40 человек с копытными копьями. Пули не пробивали щитов. Видя, что стрелять с корабля бесполезно, С. Г. Глов с командой сделал вылазку и отбросил нападавших.

В связи с враждебным отношением местных жителей команде долгое время разрешалось отлучаться только на рыбную ловлю. Началась цинга, от которой умерло девять человек. Постепенно все же отношения с местным населением улучшились. Весной 1764 г. даже установился обмен, и отряд стал приобретать меха. От жителей острова были получены, между прочим, два ковра, сделанные с большим искусством; одна сторона их была покрыта, как бархатом, густым мехом бобра. Один из этих ковров позже был отправлен Екатерине II (Макарова. Открытие и освоение русскими Алеутских островов..., стр. 119).

Этот остров отличался от посещенных ранее островов своей фауной. Здесь водились горностаи, ласки, речные бобры, выдры, куницы, волки,

медведи и кабаны, не встречавшиеся на Алеутских островах. Для одежды жители острова употребляли меха оленей и песцов. На Кадьяке росли ивы и ольха, которые могли попасть сюда только с материка. По словам местных жителей, остров был расположен недалеко от берегов обширной лесистой земли.

С. Г. Гловот покинул о-в Кадьяк в 1764 г. и возвратился на Лисьи острова. Его появление на о-ве Умнак было очень своевременно для оставшихся в живых членов команды судов, разбитых алеутами.

Пробыв на Лисьих островах два года, С. Г. Гловот сумел наладить с населением островов обмен и собрал с них ясак. В 1766 г. он вернулся на Камчатку (J. L. S., стр. 104—130).

Высадка С. Г. Глотова на о-в Кадьяк была важным этапом на пути продвижения к берегам северо-западной Америки. Сведения, сообщенные вернувшимися из плавания промышленниками, ясно подтверждали близость материка. По мнению историка Г. Банкрофта (Bancroft, 1886, стр. 140), эта экспедиция составляет эпоху в продвижении русских промышленников на восток.

Экспедицией С. Г. Глотова по существу были завершены наиболее крупные открытия промышленников, создавшие возможность для дальнейшего освоения Алеутских островов и проникновения русских в северо-западную Америку. Промышленники дали много верных сведений об островах, лежащих к востоку от Камчатки, об их природе, богатствах и народах, их населявших.

Эти открытия создали условия для возникновения в 80-х годах XVIII в. Северо-восточной компании И. И. Голикова и Г. И. Шелихова, которая развернула обширную деятельность вплоть до постройки крепостей в Америке. Г. И. Шелихов перебрался на побережье северо-западной Америки с о-ва Кадьяк, на котором он обосновался в 1784 г. В 1799 г. (уже после смерти Г. И. Шелихова, последовавшей в 1795 г.) компания получила покровительство государства. Ей было предоставлено на 20 лет монопольное право на эксплуатацию богатств этого района, и она стала называться Российско-Американской компанией.

Сообщения промышленников, среди которых не было образованных людей, хорошо подготовленных моряков и геодезистов, не содержали, конечно, систематических описаний природы и точного изображения посещенных островов. Их деловые отчеты представляли собой рассказ о событиях во время плавания и о промысле. Описания местных жителей и природы были связаны с этой основной темой. Однако, несмотря на отсутствие специальной подготовки, промышленники совершенно правильно отмечали в своих сообщениях наиболее существенные черты природных условий и приводили интересные этнографические сведения, которым уделяли значительное внимание. Это объяснялось не только интересом к обычаям другого народа, но и необходимостью, поскольку отношения с алеутами во время высадок имели жизненно важное значение. Этнографические сведения, сообщенные промышленниками, пытались обобщить в своих работах В. Кокс, П. Паллас и другие ученые, и они стали известны мировой науке.

Особенно следует выделить упомянутые выше показания об Андреевских островах А. Толстых и казаков П. Васютинского и М. Лазарева. Они свидетельствуют о выдающихся способностях этих промышленников. Правда, описание природы — рельефа островов, рек, вулканов, горячих ключей и растительности — они дают кратко и схематично. Зато рассказ об алеутах содержит богатый материал об их быте и нравах и представляет большой интерес, так как относится к периоду, когда обычаи местного

населения еще мало изменились под влиянием русских. Их описания неоднократно опубликовывались и использовались исследователями (Я. Штелиным, В. Н. Берхом, А. С. Полонским, С. М. Соловьевым, Л. С. Бергом, А. И. Андреевым и др.). Содержательно также описание островов Умнак и Уналашка, представленное С. Г. Глотовым.

Кроме описаний, промышленники составляли также и карты плаваний (М. Невочиков, С. Г. Глотов, А. Толстых, П. Шишкин и др.). Некоторые из этих карт были направлены в Тобольск и Петербург. Отдельные сведения и карты были еще до их опубликования использованы М. В. Ломоносовым, который учел сообщение С. Г. Глотова при разработке в 1764 г. проекта Северного морского пути. Познакомившись с материалами С. Г. Глотова, он высказал предположение, что «лесной остров» («Алахшак») может быть мысом (Ломоносова, 1952, стр. 511). По его соображениям, направление плавания С. Г. Глотова было не к северо-востоку, а, с учетом склонения компаса, к востоку-северо-востоку, чему соответствуют и данные об относительно теплом климате посещенных мест. Он высказал также предположение, что на месте изображавшейся в то время на картах северо-западной части Америки, протянутой в сторону Камчатки, расположены в действительности в основном острова (там же, стр. 512).

Следует отметить, что составленные промышленниками карты с изображением открытых островов, не отличавшиеся большой точностью, не сразу были приведены в связь с данными Камчатских экспедиций и привели к неверным представлениям, господствовавшим некоторое время. Например, на приведенной выше карте (см. рис. 34), с начерченной на ней «линией», до которой можно плавать к востоку, показаны отдельно острова, открытые промышленниками и Второй Камчатской экспедицией.

Неясность представлений о расположении островов отразилась и на меркаторской карте берегов Северного Ледовитого океана, составленной в 1765 г. В. Красильниковым «с круглой географической карты» (Перевалов, 1949, стр. 378). Красильников пытался подытожить все сведения, поступившие уже после Второй Камчатской экспедиции. Он использовал чертеж П. Шишкина или других промышленников, на котором цепи Алеутских островов придано слишком северо-восточное или северное положение. На карте В. Красильникова Алеутские острова начинаются около 55° с. ш. и простираются к Чукотскому п-ову, около которого значительная часть их расположена в направлении с запада на восток, в том числе острова Умнак, Уналашка, «Алакшан». Очертания северо-западного берега Америки неясны, а острова заходят далеко к востоку за меридианы «Чирикова берега» и «Берингова берега».

На карте, которая была привезена в Петербург в 1767 г. купцом Василием Шиловым (рис. 36), несмотря на слишком северное направление Алеутской гряды, нанесенной между 54 и 64° с. ш., ее расположение более правдоподобно²⁹. Но в то же время на сводной карте северо-востока Азии, составленной в том же году Ф. Вертлюговым (Ефимов, 1950), участвовавшим в экспедиции Н. П. Шалаурова, изображение Алеутских островов напоминает карту В. Красильникова, с тем, однако, отличием, что положение американского берега Берингова пролива по отношению к Азиатскому материка более близко к действительности.

Адмиралтейств-коллегия в объяснении, приложенном к докладу от 23 февраля 1767 г., находилась, может быть, на пути к правильному разрешению вопроса. В этом объяснении говорилось, что острова, изображенные Василием Шиловым, составляют часть той группы, южные острова которой являются землями, виденными В. Берингом и А. И. Чириковым

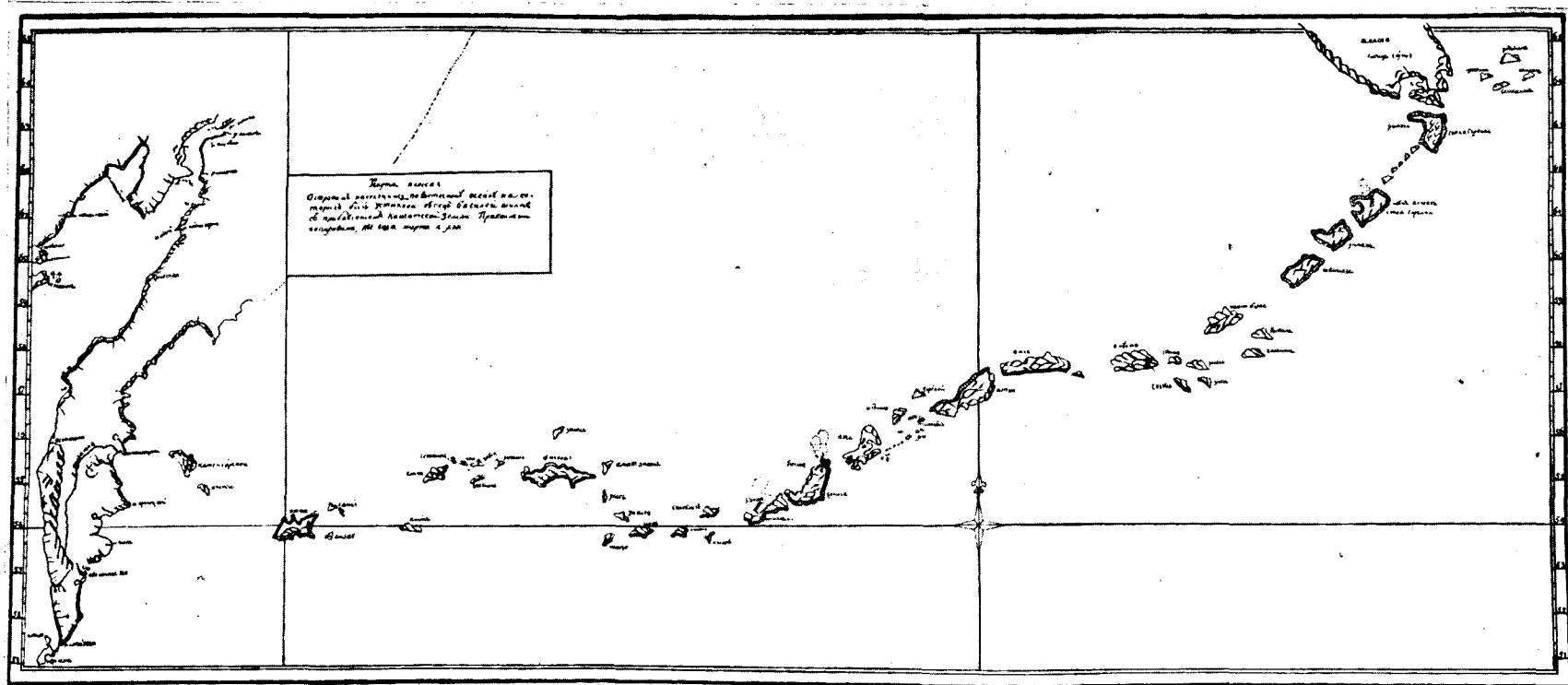

Рис. 36. Карта Алеутских островов, составленная промышленником купцом Василием Шиловым. 1767 г. (Русские открытия в Тихом океане..., 1948).

(Русские открытия в Тихом океане..., 1948, стр. 173). Но неверные представления о направлении Алеутской гряды были в то время слишком распространены и в конце концов отразились на карте Академии наук (1773 г.).

История ее возникновения не освещена. Но можно отметить влияние на нее некоторых существовавших карт. Составителям ее была, по-видимому, известна карта плавания лейтенанта И. Синдта в Берингов пролив в 1764—1767 гг., на которой был изображен «открытый» им в южной части пролива несуществующий архипелаг. Но, к сожалению, авторы не знали или не использовали карту путешествия капитанов П. К. Креницина и М. Д. Левашова (1768—1770 гг.), предпринятого для исследования Алеутских островов. На этой карте острова Лисьи впервые нанесены примерно на верной широте. Карты И. Синдта и П. К. Креницина и М. Д. Левашова были опубликованы В. Коксом (Сохе, 1780).

На карте 1773 г. расположение берегов Азиатского материка соответствует карте Г. Миллера 1758 г. Но северная часть Тихого океана отражает, вероятно, влияние карты, переработанной В. Красильниковым: от островов Беринга и Медного к «о-ву Аляшке», помещенному в Беринговом проливе, тянется цепь Алеутских островов. Чтобы показать в Беринговом проливе «о-в Аляшку», протянувшийся с запада на восток на 10° , авторы перенесли берега Америки у Берингова пролива от 210° почти к 225° от Ферро³⁰. Карта 1773 г. под названием «Карта нового северного архипелага, изобретенного Российскими мореплавателями в Камчатском и Анадырском морях», вместе со статьей, содержащей неточности в описании организации экспедиций, плаваний и расположения островов, была опубликована Я. Штелиным в «Географическом месяцеслове на 1774 год»³¹. Одновременно статья Я. Штелина вышла на немецком, английском и французском языках³².

Близкое к действительному положение Алеутской гряды изображено на карте П. Палласа («Карта новых открытий на Восточном океане»), опубликованной в 1781 г. Он, впрочем, оговаривает, что не может показать «ничего совершенно исправного и достоверного» (1781, стр. 140—141). Берега северо-западной Америки нанесены на этой карте по данным Д. Кука, и в соответствии с ними Аляска изображена полуостровом. По данным Д. Кука, показан и о-в Уналашка, а ближайшие к Камчатке Алеутские острова изображены в соответствии с картой А. Очередина. Остальные острова нанесены по «Скаске, взятой господином статским советником Миллером с одного алеута». Таким образом, П. Паллас очень мало использовал сведения промышленников, а П. К. Креницина и М. Д. Левашова даже не упомянул. Кроме того, на его карте в южной части Берингова пролива, очертания которого показаны правильно, изображены пунктиром острова «из карт лейтенанта Зинда». К югу от 50° с. ш. пунктиром намечена земля, признаки близости которой видел Г. Стеллер во время плавания с В. Берингом (Лебедев, 1957).

Более точные очертания островов и берегов северной части Тихого океана появились на картах Г. И. Шелихова и Г. А. Сарычева только в 1793 и 1802 гг.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ И СОСЕДНИХ РАЙОНОВ в 1748—1765 гг.

Одновременно с освоением Алеутских островов и Аляски производились попытки исследования северной части Тихого океана и морского прохода из Лены к Камчатке, а также северо-восточных территорий Азии и берегов северо-западной Америки.

В отдельных случаях поводом к новым исследованиям послужили открытия, совершенные Второй Камчатской экспедицией, а некоторые исследования были начаты в связи с деятельностью «Секретной и о заграничных обращениях комиссии», организованной при сибирском губернаторе (Белов, 1956, стр. 409). Иногда исследования преследовали узкую цель — отыскание удобного и дешевого пути для доставки продовольствия и других грузов в города и остроги на северо-восточных берегах Азиатского материка.

ПЛАВАНИЯ С. НОВИКОВА и И. Г. БАХОВА

В 1748—1749 гг. было совершено плавание из Анадырского острога к Камчатке купцов С. Новикова и И. Бахова на судне «Перкун и Занат». В этом плавании принял участие Н. П. Шалауров¹. С ними плывал «за подпрапорщика казак Тимофей Перевалов». И. Г. Бахов, игравший в этой экспедиции ведущую роль, писал, что он имеет «рачительное желание о проведывании из Анадыря реки морской коммуникации в Камчатку» (Оглоблин, 1902, стр. 275). Так же освещала цель этого плавания и Иркутская канцелярия, добавляя, что дело шло о поисках пути, которым «в Анадырск на партию способнее будет ставить провиант»² (Сенатский архив, 1897, стр. 372). Продовольствие предполагалось возить из Охотска в Петропавловск, а оттуда морем к устью Анадыря и далее в Анадырский острог, так как путь по суше из Якутска был труден и опасен из-за случившихся нападений чукчей.

Организация такой экспедиции не противоречит тому, что В. Беринг уже доказал в 1728 г. наличие морского пути у берегов Берингова моря между Анадырским заливом и Камчаткой, поскольку он не заходил тогда в устье Анадыря. Кроме того, для установления постоянного морского сообщения между Анадырским острогом и Камчаткой было необходимо более подробное описание берегов.

Выступив 30 мая 1748 г. (там же) из Анадырского острога, экспедиция достигла устья Анадыря и, выждав удобное время, пошла 10 июня в море. Обогнув мыс Фаддея (Наварин), она остановилась в устье р. Катырки (Хатырки), а 15 сентября подошла к о-ву Беринга. Здесь 26 сентября произошла авария, судно разбилось о скалы. В течение зимы И. Бахов и Н. П. Шалауров «в 5 человеках» построили небольшое судно «Капитон», используя найденные ими обломки пакетбота «Св. Петр», на котором плывал В. Беринг. Остальная часть экипажа в постройке судна не участво-

вала, так как между членами экспедиции возникли несогласия. Весной 1749 г. новое судно пошло со всей командой на северо-восток, «наки ко 2-му вояжу дались ко взысканию неведомой земли» (Оглоблин, 1902, стр. 279).

Заслуживает внимания, что на карте (рис. 41), составленной в 1764 г. (вероятно, Т. Переваловым)³, изображена вдали от берега на широте 60° земля, которая, как гласит надпись, была увидена экспедицией в 1748 г. По всей вероятности, это был о-в Св. Матвея, честь открытия которого принадлежит, таким образом, И. Г. Бахову, С. Новикову и Н. П. Шалаурову, а не плававшему позже И. Синдту, как полагают некоторые исследователи (Сгибнев, 1869в, стр. 40; Берг, 1946в, стр. 100; Белов, 1956, стр. 420). «Земля, найденная в 1748 г.», изображена на карте В. Красильникова 1765 г.

Очевидно, участники экспедиции считали открытую ими «неведомую землю» берегом Америки, так как на упомянутой карте, эта земля обозначена между двумя несомкнутыми отрезками линии берега Америки, из которых южный обрывается, не очертив полностью выступ Америки, взятый со сводной карты Второй Камчатской экспедиции (С. Вакселя и С. Ф. Хитрово 1774 г. или какой-либо другой), а северный оканчивается против Чукотского п-ова. С северным отрезком «неведомая земля» соединена пунктиром.

Не решаясь пускаться на построенном ими судне в далекое плавание, путешественники направились к о-ву Медному, а 24 августа 1749 г. прибыли в Большерецк.

В 1750 г. И. Г. Бахов, получив разрешение Большерецкой канцелярии, плавал где-то около Камчатки и Курильских островов (подробности этого плавания неизвестны), а зиму провел в Нижне-Камчатске (Оглоблин, 1902, стр. 279).

Охотская канцелярия, которая отказалась от организации перевозок продовольствия из Охотска в Анадырский острог вокруг Камчатки, выдвинула проект доставки его по рекам Аклапу и Таловке, впадающим в северную часть «Пензынского» (Охотского) моря. В свое время такой маршрут был одобрен А. И. Чириковым, М. Шнанбергом и Д. Я. Лаптевым (Оглоблин, 1902, стр. 280—281; МРФ, 1883 стр. 167). Поэтому, когда И. Г. Бахов вновь обратился в 1751 г. за разрешением плавания, ему было предложено во главе с Т. Переваловым разведать упомянутый путь. Одновременно Охотская канцелярия приказала И. Г. Бахову сдать судно «Капитон», поскольку оно было построено из обломков накетбота «Св. Петр», принадлежавшего казне.

От предложения плыть по рекам в Охотское море И. Г. Бахов отказался, сдал судно и через некоторое время предпринял с Н. П. Шалауровым плавание из устья Лены к Камчатке.

ПОПЫТКИ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

8 июня 1753 г. П. И. Шувалов поднял в Сенате вопрос о необходимости продолжить «бывшую Камчатскую экспедицию», от которой «оказался и великий капитал в одних бобрах с Берингова о-ва получен». Сенат поручил сибирскому губернатору В. А. Мятлеву «стараться о способнейших перед прежним провозах и прочих потребностях к той экспедиции, дабы через оное к бессмертной... славе и пользе империи действо произвести и более о неизвестных сторонах открытость получить, а от обретенных пользоваться» (Сенатский архив, 1901, стр. 93—95).

Последовавшие мероприятия по возобновлению деятельности Второй Камчатской экспедиции имели мало общего с тем, что предпринималось в 1733—1743 гг., и не дали существенных результатов.

В конце 1753 г., по представлению В. А. Мятлева, Сенат утвердил проект строительства судов в районе слияния Ингоды и Аргуни. Одним из мотивов этого решения опять-таки было желание палатить снабжение хлебом населения острогов на восточных берегах Тихого океана, перевоза (при согласии Китая) грузы по Амуру и далее по морю. Кроме того, имелось в виду удобство снаряжения из этого района морских экспедиций для поисков неизвестных земель. В дальнейшем предполагалась постройка верфи и крепости у устья Амура, откуда и должны были совершаться плавания.

Постройка первых двух судов была поручена Ф. И. Соимонову. Участие в возобновлении деятельности Второй Камчатской экспедиции было первой порученной ему правительством работой, после того как он был реабилитирован.

В распоряжение В. А. Мятлева передавались четыре офицера геодезии, оставшиеся в Сибири офицеры и служители Второй Камчатской экспедиции, а также пленные японцы в качестве переводчиков. Адмиралтейств-коллегия должна была направить в Иркутск людей, необходимых для постройки судов (Сенатский архив, 1901, стр. 206—215).

Все дело держалось в строгом секрете. Ф. И. Соимонов, назначенный «экипажмейстером», выехал в 1754 г. из Тобольска в Нерчинск, куда прибыл во главе команды из 51 человека, в которую входили и двое его сыновей. По пути он организовал в Иркутске и в Нерчинске две навигационные школы. Приехав в Нерчинск, Ф. И. Соимонов сделал опись и промеры р. Шилки и ее устья, а также устья Аргуни и выяснил, в каких районах возможно хлебопашество. Результаты этих исследований были направлены в Сенат (Берх, 1833, стр. 151—152). Грузовые суда были заложены в устье р. Нерчи.

Но этим мероприятиям не суждено было развиваться, так как в 1757 г. китайский богдыхан не разрешил русским плавать по Амуру, протекавшему, начиная от р. Горбицы, по территории Китая (Бантыш-Каменский, 1882, стр. 278). В связи с этим указом от 17 июня 1765 г. было предложено «учрежденную Тобольскую секретную комиссию уничтожить», а лиц, участвовавших в ее работах, использовать по усмотрению тобольского губернатора (Сгибнев, 1870, стр. 78—79).

ЭКСПЕДИЦИИ Н. П. ШАЛАУРОВА

В 1757—1763 гг. несколько плаваний было совершено устюжским купцом Никитой Павловичем Шалауровым⁴, в которых на первом этапе принимал участие и И. Г. Бахов. Эти плавания замечательны тем, что являются первой, после Второй Камчатской экспедиции, попыткой продолжить исследование пути из Северного Ледовитого океана в Тихий океан, предпринятой по инициативе «партикулярных» людей.

Начало экспедициям положила «Всеподданнейшая челобитная» И. Г. Бахова, поданная им в 1754 г. Он заявлял, что хочет весной 1755 г. плыть по Лене к устью, а оттуда по Северному морю в «Восточное или Тихое море» до Камчатки и «до прочих тамошних мест к сысканию новых неизвестных до его островов и земель и для промыслу на оных всяких зверей» (Оглоблин, 1902, стр. 281)⁵. Описание «земель», какие «вновь изобретены будут», он намеревался производить сам и не требовал геодезиста.

В. А. Мятлев 31 января 1755 г. дал согласие на проведение этого плавания. Решение В. А. Мятлева было одобрено Сенатом 13 апреля того же года. И. Г. Бахов вместе с Н. П. Шалауровым построил в верховьях Лены (в Илимском уезде) «своим коштом» судно длиной по килю 19,2 м, с осадкой 6,4 м, названное «Вера, Надежда, Любовь». Но до 1761 г. успехи экспедиции были очень незначительны. Выступив в плавание в 1757 г., она только к зиме 1758 г. добралась до устья Лены, а в море вышла 12 августа 1759 г., имея на борту 53 человека команды⁶.

Во время зимовки в устье р. Яны, куда отряд прибыл в том же году, экспедиция пришла в тяжелое состояние. За время отсутствия Н. П. Шалаурова, который отправился почти на год в Нижне-Колымский острог, где безуспешно пытался организовать ремонт бота «Иркутск»⁷, оставленного там Д. Я. Лаптевым, И. Г. Бахов уехал⁸, а из команды осталось в наличии только 17 человек; многие материалы исчезли.

В донесении Н. П. Шалаурова в Иркутскую канцелярию, направленном в 1761 г., которое служит главным источником для истории экспедиции в этот период, виновником затруднений выставлен И. Г. Бахов. Неладья с ним началась у Н. П. Шалаурова с начала плавания и кончилась полным разрывом. Но, как справедливо замечает Н. Н. Оглоблин (1902, стр. 287—288), трудно составить верное представление, основываясь только на донесении одной стороны. Во всяком случае несомненно, что в экспедиции были враждовавшие группы, и это отразилось на успешности ее действий.

Н. П. Шалауров к концу декабря 1760 г. скомплектовал команду из 29 человек и заключил с ними соглашение, по которому из общего числа паев, установленных по числу «работных людей», последние должны были получить половину, другая половина оставалась Н. П. Шалаурову. В упомянутом донесении Н. П. Шалауров писал, что морское плавание он может проводить один, надеясь без И. Г. Бахова вести «исчисление и описание и примечание, хотя и не против ученых людей» (Оглоблин, 1902, стр. 293).

Плавание из устья р. Яны началось 29 июля 1761 г.⁹ Продвижение около мыса Св. Нос совершалось с большим трудом, из-за плотных льдов, через которые приходилось проталкиваться, помогая судну шестами.

6 сентября, находясь на $72^{\circ}33'$ с. ш. и 148° в. д., мореплаватели видели «великую землю з горами о семнадцати верхах» (первый Ляховский о-в). 16 сентября прошли мимо исчезнувшего теперь о-ва Диомида¹⁰, который видел и Д. Я. Лаптев 1739 г. Дальше судно шло по чистому морю. 18 сентября экспедиция вошла в устье р. Колымы для зимовки (Белов, 1954 а, стр. 170). Как гласит надпись на карте плавания от р. Яны, «близь судна проходят олени неудобчислимое множество... В реке рыба — осенью нелмы, моксуны, омули, чрез всю зиму сетями можно промыслить» (Медушевская. Русские географические открытия..., стр. 212).

Начальство Нижнеколымского острога относилось неприязненно к экспедиции и создавало ей препятствия. Поэтому в 1762 г. экспедиция вышла в море из устья Колымы только 26 июля¹¹, задержавшись на 20 дней и пропустив благоприятные ветры.

18 августа экспедиция достигла северной части о-ва Айон. По представлению участников плавания, западная сторона этого острова вместе с п-овом Карчык, к которому она прилегает, составляла «песчаный мыс», нанесенный на «Карте меркаторской», составленной Ф. Вертлюговым и подписанной Н. Шалауровым (Греков, 1958). Восточная часть о-ва Айон на этой карте изображена в виде «о-ва Заведей», отделенного от «Песчаного мыса» очень узким проливом.

От «мыса Песчаного» экспедиция направилась к востоку. Но с 20 августа курс изменился на северо-восточный: «от сего течением к горе (вероятно, Шелагскому мысу.— В. Г.) притеснило в лдах, за покрытием туманом горы мыс не миновали». Как видно из маршрута, изображенного на карте, экспедиция не дошла ни до западного берега, ни до северного окончания Шелагского мыса, который на карте расположен примерно у $71^{\circ}41'$ с. ш. Поэтому сообщение М. И. Белова (1945а, стр. 171) о том, что Н. П. Шалауров достиг $72^{\circ}15'$ с. ш., следует считать неточным. 23 августа судно повернуло к югу.

В Чаунской губе, названной на карте Ф. Вертлюгова «губа Отчай, в которой множество китов», экспедиция обследовала устье четырех рек (АВПР МИД СССР, ф. Росс. Америк. компании, д. 8, л. 170 об. и 171). Из-за отсутствия на побережье леса Н. П. Шалауров решил зимовать на Колыме, куда судно и прибыло 11 сентября.

В донесении от 23 сентября 1762 г. (которое Ф. Плениснер пересказывает в рапорте Ф. И. Соимонову от 31 октября 1763 г.), Н. П. Шалауров сообщает также об обилии морских зверей (китов, моржей, белух, нерп). Очень интересно его упоминание о морских коровах и морской капусте, виденных им у Шелагского мыса (там же, л. 164 об.). На отрезке пути от Колымы к востоку глубина моря все более увеличивалась, «и вода, что далее ж, то солонее становилась, а у Шелагского носу оказалась настоящая морская горькая и соленая, а лед, хотя и был, однако весьма реткой» (Белов, 1954а, стр. 181).

Неуспех экспедиции, на которую Н. П. Шалауров затратил все свои средства, заставил его искать помощи, и в этот период его целеустремленность проявилась, возможно, наиболее ярко. Попытки изыскать средства на продолжение плавания он начал с Нижне-Колымска, где в это время находился начальник Анадырского острога Ф. Плениснер. Но последний не удовлетворил ходатайства Н. П. Шалаурова, просившего выделить ему необходимых для нового плавания людей, опытных в рыбной ловле, и 200 пудов муки. Н. П. Шалауров решил отправиться с двумя членами команды пешком в Якутск (Белов, 1956) и тянуть при этом на себе нарты (на протяжении свыше 1 тыс. км). 1 декабря началась сильная пурга, и путешественники пролежали в снегу два дня, их «платье все обмокло, руки и ноги познобило», они едва не умерли, (Белов, 1954а, стр. 172). Часть имущества пришлось бросить в дороге. Не получив продовольствия и в Якутске, Н. П. Шалауров продал все имущество и 12 марта 1769 г. отправился в Тобольск, куда добрался частью на лошадях, частью пешком.

Ф. И. Соимонов, состоявший в то время сибирским губернатором, был увлечен перспективой промысла китов и моржей в Чаунской губе, «по примеру, как голландцы и англичане теми промыслами пользуются в Гренландии» (Медушевская. Русские географические открытия..., стр. 223). Он отпустил Н. П. Шалаурова в Москву, куда выехал и сам. В Москве Ф. И. Соимонов энергично поддерживал проект плавания Н. П. Шалаурова вокруг Чукотского п-ова, так как, по его мнению, такое плавание позволит ознакомиться с Америкой, которая богата пушниной и лесами и «по изобилию зверей, а паче по такой близости, что от Анадырского устья в виду, вторую Камчаткою быть может» (там же, стр. 222).

В ноябре 1763 г. был подписан указ Сенатской конторы о выделении Н. П. Шалаурову за счет сибирских запасов хлеба и другого продовольствия. Ему был дан открытый указ, который должен был оградить его от препятствий, чинимых местными учреждениями. Возникали проекты организации китового промысла в Чаунской губе. В инструкции, данной при отъезде Н. П. Шалаурову, предлагалось «обстоятельно осмотреть» Большую

Землю и плыть берегом «до параллели ширины устья Анадыря реки», а потом вернуться в Колыму (Белов, 1954а, стр. 175).

Из Москвы Н. П. Шалауров выехал 26 декабря 1763 г. с сержантом Заевым. Подготовить и отправить в плавание судно «Вера, Надежда, Любовь» с командой в 53 человека удалось только 17 июля 1764 г. Н. П. Шалауров был в то время болен.

На этом кончаются сведения о Н. П. Шалаурове и его судне, так как из экспедиции никто не вернулся.

О дальнейшей судьбе его отряда известны рассказы чукчей, сохранившиеся в передаче казаков, которые были посланы по указу Сената на поиски исчезнувшей экспедиции. Известны также сообщения путешественников, посещавших эти места, — казачьего сотника И. Кобелева (Черненко, 1957, стр. 130), Ф. Ф. Матюшкина и Ф. П. Врангеля (1948, стр. 304 и 314). И. Биллингса (Белов, 1954 а, стр. 177) и Г. А. Сарычева (1952, стр. 258) и их спутника М. Зауера (Sauer, 1802, стр. 70 и 97), а также Г. Майделя (Maydell, 1893, стр. 335 и 683). За исключением М. Зауера, который на основании неясных рассказов жителей Анадырского острога предполагает, что Н. П. Шалауров обогнул мыс Дежнева, все путешественники (а также казаки) соглашались на том, что отряд Н. П. Шалаурова погиб во время зимовки у Шелагского мыса, где чукчами была найдена последняя стоянка экспедиции. Расходятся только сообщения о месте, где была найдена стоянка. Г. А. Сарычев и И. Биллингс пишут, что изба, построенная экспедицией, была найдена к западу от Шелагского мыса на р. Еловке, или Елькан (Алькаквунь), впадающей в Чаунскую губу, т. е. к западу от Шелагского мыса. И. Кобелев передает, что экспедиция Н. П. Шалаурова погибла у устья р. Хиват, что, по мнению М. Б. Черненко (1957), подтверждает показания И. Биллингса¹². По сообщению же казаков, искавших экспедицию, а также Ф. Ф. Матюшкина, Ф. П. Врангеля и Г. Майделя, изба, в которой были найдены останки погибших путешественников, находилась недалеко от устья р. Веркон (Пегтымель) к востоку от Шелагского мыса.

Последнее мнение, по-видимому, является правильным, так как Ф. Ф. Матюшкин, Ф. П. Врангель и Г. Майдель побывали у устья р. Веркон и видели избу Шалаурова. Карта Ф. П. Врангеля (1948, стр. 408), на которой показано место, где находится эта изба (современный мыс Изба Шалаурова), и сделанное Г. Майделем описание района исключают возможность сомнений, что найденные ими развалины жилища расположены к востоку от Шелагского мыса. В пользу того, что эта изба была построена экспедицией Н. П. Шалаурова, говорит совпадение ее местонахождения с местом гибели отряда Н. П. Шалаурова в рассказе казаков, искавших экспедицию вскоре после постигшей ее катастрофы. Ф. П. Врангель ссылается также на слышанные им рассказы чукчей; им были найдены около избы Шалаурова человеческие черепа и деревянный патронташ.

Что касается р. Еловки, или Елькан, то каких-либо свидетельств путешественников-очевидцев о нахождении там следов экспедиции Н. П. Шалаурова в литературе не имеется.

Рассказ чукчей, послуживший основой для такого предположения, впервые приведенный в книге Г. А. Сарычева в 1802 г., с тех пор не обогатился никакими новыми фактами; недавно опубликованная М. И. Беловым (1954а, стр. 177) выдержка из журнала И. Биллингса содержит этот же рассказ в другой редакции. Путешественники могли также не понять точного смысла местных географических названий, в которых разобраться подчас бывает нелегко. Так, например, Г. Майдель пишет, что река, которая в нижнем течении называется Веркон, в верхнем известна под

названием Куэт, или Хуата (Кувет), и под последним именем упоминалась И. Биллингсом (Maydell, 1893, стр. 335). Возможно, что и И. Кобелев, писавший про р. Хиват, имел в виду р. Хуату-Веркон¹³.

Место последнего пребывания Н. П. Шалаурова «на р. Веркуни» казаки описывали со слов чукчи, который побывал в 1765 г. в избе: «По приходе увидал в оной (избе.— В. Г.) человеческие мертвые тела, коих было 40 человек, причем в той же палатке имелось ружей до шестидесяти... копей железных троюгранных с зазубринами — 40, и на тех людях платье было из разных портяных и суконных вещей, а на бедрах небольшие ножи». Там же были топоры, обухи, остроги и большой медный куб. «При означенной палатке присмотрел тот чукча множество собачьего костья, признав, что они тех собак употребляли от имеющегося тогда глада в пищу..., и тех мертвых людей признавали они чукчи российскими, и умерли в тех местах по неимению корму, коего в той палатке нисколько не найдено» (Медушевская. Русские географические открытия..., стр. 230—231).

✓ Экспедиция Н. П. Шалаурова по своему значению занимает почетное место среди других экспедиций, завершившихся открытиями у северных берегов Азиатского материка. Ее исследования отражены на трех картах, которые впервые правильно изображают берега между мысом Большим Барановым и Шелагским. На одной из них показаны берега от устья Колымы, на другой — от устья Яны и на третьей — от устья Лены. Появлением этих карт мы в большой мере обязаны «пицику» Ф. Вертлюгову¹⁴.

В донесении от 10 марта 1764 г. Н. П. Шалауров писал Ф. И. Соимонову о Ф. Вертлюгове, что ему «неотменно настоят при описании Чауна и прочих с берегу от Ковымы до губы Шелатской речек, а каким подобием будем описывать, писанные им изустно правила к рассмотрению Вашему высокопревосходительству прилагаются при сем» (АВПР МИД СССР ф. Росс.-Америк. компании, д. 8, л. 164 об.). Эти правила были изложены Ф. Вертлюговым на 3,5 листах с расчетами, требующими знания логарифмов и тригонометрии (там же, л. 165—168)¹⁵.

О личности и судьбе Ф. Вертлюгова известно мало. Вероятно, к нему относится замечание В. Кокса (Сохе, 1780, стр. 323—324) о ссыльном мячмане, встреченном Н. П. Шалауровым в Якутске, которому мы обязаны картой экспедиции. Он был хорошо подготовленным, способным картографом, умевшим делать сложные сводные карты.

Большой интерес для истории экспедиции представляет карта от устья р. Яны (Белов, 1954а). В настоящее время можно указать местонахождение в архивах шести копий этой карты. В верхней части ее слева и справа приведены расчеты и пояснения, которые, как и надписи на пути следования, говорят об использовании для ее составления материалов Ф. Вертлюгова. Последний и сам в пояснениях, данных на карте 1767 г., отметил, что им составлена опись пути от р. Яны до губы Ачай (Чаунской). Вместе с тем Ф. Вертлюгов едва ли был автором этой карты. Сомневаться в этом заставляет расположение расчетов, которые закрывают верхнюю половину Шелагского мыса, хотя их можно было бы сдвинуть левее. В них дано определение долготы этого мыса, являвшегося конечным пунктом, достигнутым экспедицией. Едва ли автор расчетов (к тому же участник экспедиции) избрал бы такое расположение.

По очертаниям берегов и надписям все шесть копий очень сходны. Об общности их происхождения и об их взаимосвязи говорит одна и та же ошибка — восточный рукав р. Яны назван «большее устье Лены». Эта ошибка вошла в название, приведенное на некоторых копиях; она вводила в заблуждение пользовавшихся этой картой, так как некоторые считали, что на ней изображен путь от Лены¹⁶.

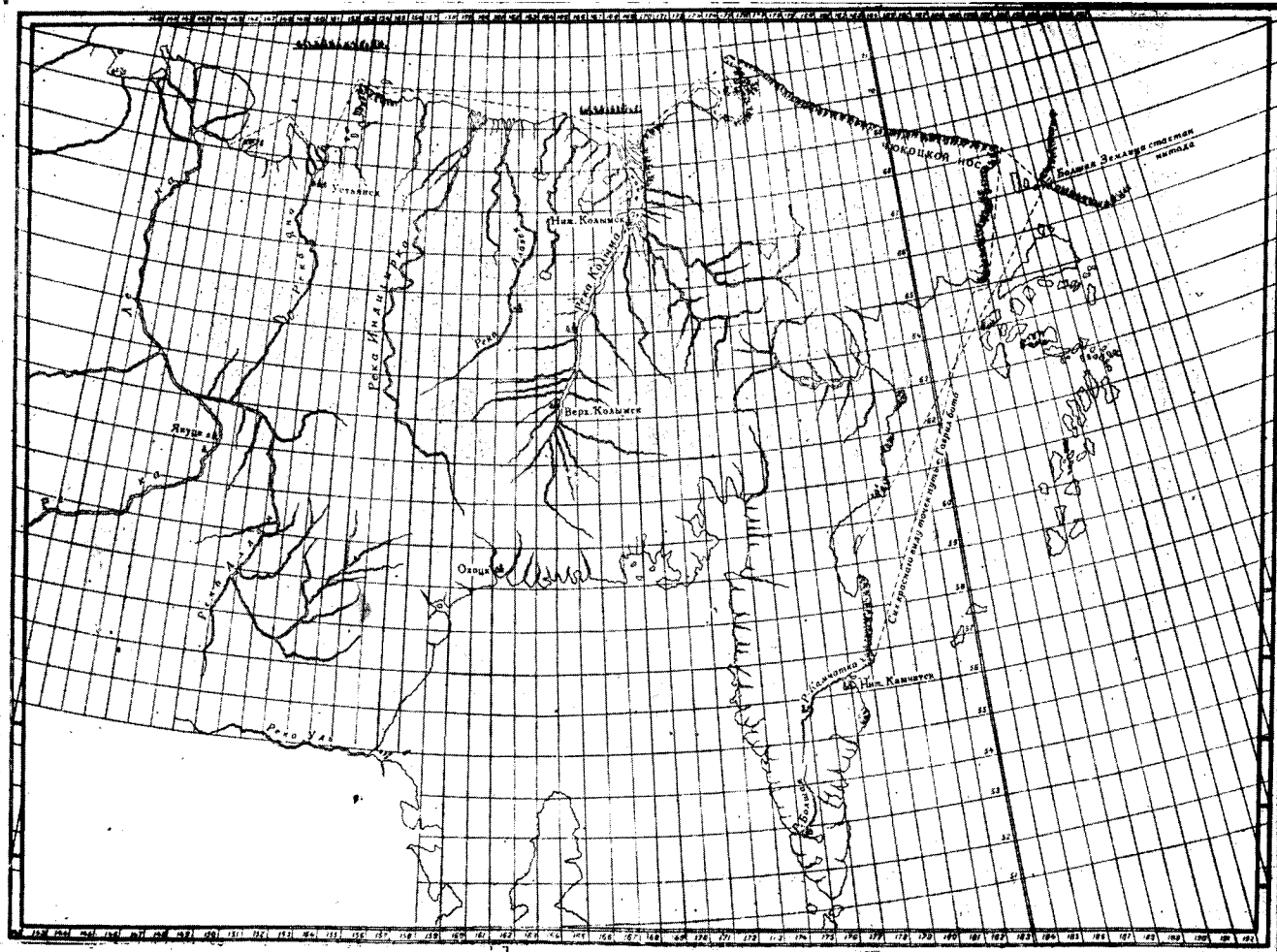

Рис. 37. Схема карты северо-восточной Сибири, составленной Ф. Вертлюговым в 1767 г. (Ефимов, 1949а).

Беднее историческими сведениями составленная Ф. Вертлюговым карта, дошедшая до нас в подлиннике. На ней изображен путь экспедиции от устья Колымы до Шелагского мыса. Внизу написано: «Карта меркаторская, учиненная следования сыскателя Северным морем нового пути устюжского купца Никиты Шалаурова от усть Ковымы до Шалацкова носу в 1762 г.» Далее следует подпись Н. П. Шалаурова, а еще ниже очень мелко написано: «Сочинял пищик Филип Вертлюгов». Надписей на карте мало, градусной сетки нет, но на рамке карты нанесены деления (АВПФ МИД СССР, ф. Росс.-Америк. компании, д. 8, л. 170—171) ¹⁷.

На третьей карте изображен путь экспедиции от р. Лены. Она также составлена Ф. Вертлюговым и дошла до нас в копии, на которой есть надпись: «Сочинена сия карта морским служащим Филипом Вертлюговым 1767 г. С подлинной Иркутской навигацкой школы ученик Иван Ребров 1769 г. ноября 18» (рис. 37).

Составляя карту, автор преследовал более широкие задачи, чем изображение пути экспедиции Н. П. Шалаурова. Карта захватывает территорию Сибири от р. Оленек, включает американский берег Берингова пролива и острова в северной части Тихого океана. К югу изображена территория до первых Курильских островов. На карте нанесена трасса следования Н. П. Шалаурова от устья р. Лены и трасса «Гавриила бота» (И. Федорова и М. Гвоздева). По сообщению автора (в левом нижнем углу карты), р. Лена описана «при следовании сыскателя северо-восточным морем неизвестного пути купца Никиты Павлова сына Шалаурова». Участок от р. Яны до Шелагского мыса с устьями рек, «Святым Носом», губой Ачленай, островом против Св. Носа и четырьмя «Крестовскими» (Медвежьими) островами «описаны сочинителем». В качестве других источников использованы материалы Второй Камчатской экспедиции, экспедиции из р. Анадырь к Камчатке 1748 г. и «скаски» промышленников.

О приемах работы составителя карты, стремившегося к точности, дает представление его замечание на карте 1767 г. об описаниях промышленников: «а те острова, в какой ширине и длине состоят за незнанием тех промышленников во описании уверится до учинения на тех островах обсерваций исправно не можно».

В. Кокс (Сохе, 1780, стр. 322—323) впервые, не называя автора, опубликовал карту Ф. Вертлюгова 1767 г. и ознакомил, таким образом, широкий круг читателей с итогами экспедиции Н. П. Шалаурова ¹⁸. По словам Ф. П. Врангеля (1948, стр. 76), «на карте Шалаурова берег Ледовитого моря от р. Яны до Шелагского мыса изображен с геодезической верностью, делающей немалую честь сочинителю».

Однако едва ли можно согласиться с М. И. Беловым и считать карту экспедиции Н. П. Шалаурова значительным шагом вперед по сравнению с картой Д. Я. Лаптева в отношении точности изображенных на ней районов. Как карта Д. Я. Лаптева, так и карта экспедиции Н. П. Шалаурова, составлена с большой точностью, трудно достижимой в условиях их работы. Едва ли нужно противопоставлять их друг другу. Если можно найти недочеты в картографических работах Д. Я. Лаптева, то они присущи и карте экспедиции Н. П. Шалаурова ¹⁹.

ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТРОВОВ У СЕВЕРНЫХ БЕРЕГОВ АЗИАТСКОГО МАТЕРИКА

Об островах, которые тянутся вдоль северного берега Азии, различные слухи ходили уже давно.

Казак М. В. Стадухин в 1647 г. сообщал про «остров-пояс», который тянется с «Поморья» до устья Лены (Открытия русских землепроходцев...

стр. 222). Рассказы про острова у устья р. Колымы и к востоку от р. Лены встречаются и позже, в донесениях, представлявших в Якутскую канцелярию (М. Наседкина, Мальгина, Я. Вятки). Якутский воевода Ф. Траурнихт по приказу сибирского губернатора должен был в 1710—1711 гг. заняться поисками этих островов.

Первым русским, посетившим Медвежий острова, был И. Вилегин. Он не смог определить, является ли земля, которой он достиг, островом или материком. Со слов «шелагского мужика» Коная, И. Вилегин передавал, что «протянулась земля оная мимо р. Индигирки и Святого Носу до устья р. Яны, а с другой стороны простирается мимо Колымского устья, до жилищ шелагов, которые суть род чукчей» (Миллер, 1758, стр. 113). Островной характер этой земли определил в 1724 г. Федот Амосов.

Связь с рассказами о плаваниях к Медвежьим островам имела, вероятно, карта А. Ф. Шестакова 1725 г. (см. рис. 12): на ней несколько к востоку от устья р. Колымы нанесен остров, который «населен шелагами, подвластными князю именем Копай», а севернее показана уходящая за рамку карты «Большая земля, открытая в 1723 г. Шелагским князем».

Задача разведать эту землю или остров ставилась указом от 28 декабря 1732 г. перед В. Берингом и Д. Я. Лаптевым, которые не смогли выполнить это поручение.

Новые экспедиции к неизвестным землям в районе устья р. Колымы связаны с деятельностью Ф. Плениснера, который был назначен в 1760 г. начальником Анадырского острога. Ф. И. Соймонов поручил ему разведывать земли не только к востоку от Чукотского п-ова, но и к северу от берега Азиатского материка.

Поводом к этому послужил слышанный Ф. Плениснером во время пребывания в Нижне-Колымском остроге рассказ казака Ф. Татарина и новокрещеного юкагира Е. Коновалова о поездке к островам, расположенным против устья р. Колымы. В «скаске» от 29 ноября 1762 г. Ф. Татарин и Е. Коновалов показали, что, занимаясь промыслом песцов у р. Крестовки в марте 1756 г., они посетили пять островов, расположенных к северу от р. Крестовки (Зубов и Бадигин, 1953, стр. 82—84). Поездку к островам их побудил совершить рассказ промышленника И. Вилегина. В их редакции этот рассказ мало похож на приведенное выше сообщение И. Вилегина. По словам Ф. Татарина и Е. Коновалова, И. Вилегин был на пяти островах и на «Большой Земле», увиденной им «к северной стороне с пятого острова». На этой земле много всякого леса и есть жилые юрты, в которых побывал И. Вилегин. Сами они «Большую Землю» не видели, так как были отозваны местными властями в Нижне-Колымск, в связи с запрещением промысла в районе р. Крестовки, где несколько промышленников были убиты чукчами.

Ф. Плениснер опасался, однако, что сведения об островах и «Большой Земле» вымышлены и сообщены с целью получить под этим предлогом возможность проехать на промысел к р. Крестовке, «а по приезде объявили, якобы на тех островах были и большую с стоячим лесом землю видели». Поэтому он решил «за неимением тогда в команде к оному описанию учеников, отправить команды моей сержанта Андреева», о чем 13 января 1763 г. послал последнему инструкцию (Гельмерсен, 1876, стр. 457—458). В 1764 г. он направил С. Андреева в то же путешествие вторично.

Таким образом возникла экспедиция, породившая слухи о «Земле Андреева» и попытки ее открытия. В связи с вопросом о существовании «Земли Андреева» возникла большая литература.

В настоящее время опубликованы журналы и рапорты С. Андреева о поездках, совершенных им с 22 апреля по 2 мая 1763 г. и с 10 апреля по

1 мая 1764 г. от устья р. Крестовки²⁰. Он путешествовал на нартах в собачьей упряжке, его сопровождали Е. Коновалов, Ф. Татаринцов и еще три казака (Белов, 1952, стр. 474—477).

В журнале 1763 г. С. Андреев описывает виденные им пять Медвежьих островов. Они в большей или меньшей степени гористы. Земля на них «песчанина», желтого или темно-серого цвета. О положении пятого острова С. Андреев говорит, что он «много подшился против устье речки Чауну или, можно сказать, и к Чюкоцкому носу» (Зубов и Бадигин, 1953, стр. 91).

На трех (первом, третьем и пятом) островах С. Андреев обнаружил остатки юрт и погребов; кроме того, у третьего острова он видел в 3 саженьях «отпрыдыш» с небольшой, сильно разрушенной крепостью, построенной, видимо, не русскими. На пятом острове «в полугоре стоят два камня, называемые кекуры, сыздале видимы в подобие человеков» (там же, стр. 92). «Лесу стоячего» не нашли; трава — «одна щетка», как в тундре. Видели очень много медвежьих следов, что дало повод Ф. Плениснеру называть эти острова Медвежьими; признаков пребывания на острове людей не встречали (Соколов, 1852г, стр. 123).

Знаменательным событием первого путешествия была замеченная путешественниками вдалеке, когда они поднялись 26 апреля на пятом острове на высокую гору, еле видимая «синь» и «чернь», о которой они не могли решить, является ли она землей или морем: «в полуденную сторону видеть голоменит камень, которой по рассуждению нашему тот ковымской камень, а влево, к восточной стороне, едва чуть видеть, синь синее или назвать какая чернь, что такое, земля или полое море — о том в подленик обстоятельно донести не имею». Поездка туда была совершена лишь в 1764 г., когда они усмотрели 16 апреля с пятого острова «в полуношник в леву руку синть или чернь и дались прямо на усмотренное место». Остров, к которому они подъехали 22 апреля, был «весьма немал. Гор и стоячего лесу на нем не видно, одним концом на восток, а другим на запад, а в длину, так, например, быть имеет верст восемьдесят» (Зубов и Бадигин, 1953, стр. 96—97).

Прибыв к этому острову, они «наехали на незнаемых людей свежие следы от того острова на землю, и ехали того ж дни на восьми санках аленьми». Участники экспедиции, «хотя и пришли в некоторой страх», однако направились «к западной изголовье» острова. Тут юкагир Е. Коновалов «одержим стался болезнию весьма жестоко». Побоявшись оставить его одного, С. Андреев решил ехать обратно, не добравшись верст двадцать до острова. Всего с 16 по 22 апреля ими было пройдено около 550 верст²¹. На обратном пути, «смотря по сонцу и держась правой руки, на полдень бежали» и 1 мая возвратились к р. Крестовке (там же, стр. 97—98). При этом «в пресильной пурге в торосах» С. Андреев «повредил правую руку да левую ногу» (Белов, 1952, стр. 475).

Ф. Плениснер остался недоволен донесением С. Андреева о втором походе, так как, хотя он и описал острова, но «по незнанию наук, какое положение они имеют на карте, изъяснить не мог». Поэтому Ф. Плениснер просил губернатора Сибири Д. И. Чичерина о присылке «знающих науку людей» (Гельмерсен, 1876, стр. 460). Последний удовлетворил эту просьбу, выделив геодезистов, а С. Андреева произвел в подпоручики и предложил Ф. Плениснеру продолжать исследования. Об этом с приложением документов Д. И. Чичерин счел нужным донести Екатерине II, одобжившей его действия (Соколов, 1852е, стр. 105 и 118).

С. Андреев, однако, в новых экспедициях, снаряженных Ф. Плениснером в 1769, 1770 и 1771 гг., уже не участвовал. Во главе их стояли пра-

порщики-геодезисты И. Леонтьев, И. Лысов и А. Пушкарев, которых сопровождали Ф. Татаринев, Е. Коновалов и несколько казаков.

К этому времени Ф. Плениснер получил чертеж Н. Дауркина, на котором вдоль восточной части северного берега Азиатского материка был показан противлежащий берег Америки с несколькими выступающими к югу мысами. Наиболее близкий к Азии мыс расположен к западу от устья р. Чаун и пятого Медвежьего острова. Восточнее р. Чаун и дальше от азиатского берега нанесен мыс с надписью: «Земля Китиген, живут люди. Живут олени люди кракай». Руководствуясь этим чертежом, Ф. Плениснер предложил геодезистам «с того пятого острова простираться к изысканию Американской матерой со стоячим лесом земли» (Гельмерсен, 1876, стр. 460).

Данные отправившихся в экспедицию геодезистов о расстояниях и размере островов сильно разошлись с показаниями С. Андреева. А когда, находясь в 1769 г. на пятом острове, они стали допрашивать Ф. Татаринова и Е. Коновалова о виденном С. Андреевым шестом острове, то те заявили, что сообщение о нем было ложно. По их словам, направившись с пятого острова «в полуношную сторону, для осмотра виденной де нами в той стороне черни», они натолкнулись на щель во льду и повернули обратно (Зубов и Бадигин, 1953, стр. 109). Эти показания подтвердили и другие ездившие с С. Андреевым люди.

Неизвестно, как отнесся Ф. Плениснер к сообщению о ложности показаний С. Андреева. В рапорте от 6 октября 1771 г. иркутскому губернатору А. Брилю он не упоминает об этом²². Мы можем лишь констатировать, что в заключительном рапорте геодезистов от 17 апреля 1771 г. шестой остров уже не упоминается, а речь идет о карте этих мест, врученной Ф. Плениснером геодезистам, и «Америке», изображенной на ней против устья р. Чаун в недалеком расстоянии от пятого острова.

После безрезультатных попыток в 1770 и 1771 гг. достичь «Америки», расположенной к северу от Медвежьих островов, геодезисты были отозваны Д. И. Чичериным, что и положило конец экспедициям на острова, организованным Ф. Плениснером.

Из сообщений об этих походах к следующим поколениям перешло представление о какой-то «Земле Андреева» к северу от Медвежьих островов.

Поручение искать эту «землю» давалось в 1785 г. И. Биллингсу. В 1810 г. ее поисками занимались М. Геденштром, в 1821—1823 гг.—Ф. П. Врангель, а в 1822 г.—П. Ф. Анжу. А. Норденшельд даже нанес ее на карту, приложенную к описанию плавания «Веги» в 1878—1879 гг. В 1880 г. «Землю Андреева» искал Д. Делонг, потом Э. Толь. В 1913—1914 гг. ее пытались найти ледоколы «Таймыр» и «Вайгач», а позже ледокол «Челюскин» (Визе, 1933, стр. 20—25; Черников, 1936, стр. 368). Разведки совершались и советскими морскими летчиками, пока, наконец, не было твердо установлено, что никакой земли к северу от Медвежьих островов нет. Впрочем, еще в 1940 г. сотрудники полярной станции Главного управления Северного морского пути на о-ве Четырехстолбовом наблюдали, как им казалось, землю, расположенную к северо-востоку (Воробьев, 1940, стр. 353).

Вопрос о походах С. Андреева к открытой им «земле» рассматривался в литературе неоднократно. Ясность суждений в значительной мере затруднялась отсутствием полных материалов о его экспедиции²², так как только в 1951 г. К. С. Бадигин обнаружил хранившиеся в архивах копии журнала путешествия С. Андреева 1764 г., его рапортов Ф. Плениснеру от 6 мая 1763 г. и 22 сентября 1764 г. (краткий) и «скаски» казака Ф. Татаринова и юкагира Е. Коновалова²³.

В первое время сомнений в правильности сведений, сообщенных С. Андреевым, не возникало (Берх, 1821, стр. 147—150)²⁴.

Эти сомнения были высказаны Ф. П. Врангелем (1948, стр. 80 и 154), который в 1820—1824 гг., следуя сухим путем, описал берега Северного Ледовитого океана от р. Индигирки до о-ва Колючина и совершил поездки в море по льду для поисков неизвестных земель. Ф. П. Врангель не только не нашел «Земли Андреева», но и обратил внимание на сильное преувеличение расстояний в журнале С. Андреева и на то, что жители Нижне-Колымска хорошо помнили об экспедиции геодезистов, но имели лишь смутное представление о походе С. Андреева и не знали об открытой им «земле». В 1868 г. К. М. Бэр (Вагг, 1868, стр. 14 и 20), используя материалы Ф. П. Врангеля, назвал сообщение С. Андреева неправдоподобным. В 90-х годах XIX в. с подобным же утверждением выступил Г. Майдель (Maydell, 1896, стр. 197), посетивший северное побережье Азиатского материка. Но некоторые ученые придерживались противоположного мнения (А. Норденшельд, А. Петерман).

Из советских исследователей «лживыми» считал сообщения С. Андреева Л. С. Берг (1956, стр. 44).

В. Ю. Визе (1933, стр. 17), не имея журнала второй экспедиции С. Андреева, полагал, что «кто-то мистифицировал в отношении результатов второй поездки Андреева, но неизвестно, кто был этим мистификатором, сам ли Андреев, прапорщики Леонтьев, Лысов и Пушкарев или Плениснер». По его мнению, С. Андреев, являясь «скромным исследователем», никаких сообщений об открытии несуществующих земель не делал, и они были изобретены скорее всего Ф. Плениснером.

Возникали и попытки объяснить отсутствие «Земли Андреева» ее последующим исчезновением. В. Н. Степанов (1948, стр. 324—329) полагал, что земля состояла из ископаемого льда и была разрушена водой, а В. Бурханов (1955, стр. 29—30) утверждал, что «Земли Андреева и Санникова» представляли собой гигантские дрейфующие ледяные острова.

Не так давно вновь возникла дискуссия об экспедиции С. Андреева. Участники дискуссии уделили много внимания толкованию крайне своеобразных и неясных терминов, применявшихся С. Андреевым для обозначения направлений. Так, например, написав в журнале 1763 г., что видел «синь» «влево к восточной стороне», он в рапорте от 6 мая 1763 г. Ф. Плениснеру «поясняет» это направление: «влево накосе севера в южную сторону или по здешнему назвать к полуношнику». Направление своего пути в 1764 г. он называет «в полуношник в леву руку» (в рапорте 1764 г. добавлено «к северу»). На одном из этапов пути к острову отряд двигался в «западный полуношник».

Опираясь на толкование терминологии, применяемой С. Андреевым, Н. Н. Зубов и К. С. Бадигин выступили в 1953 и 1954 гг. с утверждением, что С. Андреев двигался не на северо-восток, а на северо-запад, и что открытым их шестым островом был о-в Новая Сибирь. Но, как убедительно показал М. И. Белов (1952, стр. 462—469), эти построения основаны на трудноприемлемых допущениях. Нельзя, например, согласиться, что у С. Андреева «влево» и «вправо» во всех случаях означает «к западу» и «к востоку», а «полуношник» — не северо-восток, а северо-запад, что выражение «смотреть по солнцу и держась правой руки на полдень бежали» применялось им в смысле на юго-восток, а не на юго-запад и т. д.

Впрочем, М. И. Белову и самому в некоторых случаях не удалось разобраться в терминах С. Андреева. Противоречивое выражение «западный полуношник» им не расшифровано. Недостаточно убедительно объясняет М. И. Белов и выражение «влево накосе севера в южную сторону или по

здесь назвать к полуношнику», примененное С. Андреевым для обозначения направления, в котором он видел землю в 1763 г. с пятого острова, стоя, как полагает М. И. Белов, лицом к югу (стр. 465—466). По мнению М. И. Белова, так определял С. Андреев направление под большим углом к северу, ближе к «полуношнику»; под последним же следует понимать одно из трех северо-восточных направлений. Но если согласиться с этим, то окажется, что С. Андреев, который стоял лицом к югу, видел землю позади себя.

Для решения вопроса, о каком направлении говорил С. Андреев, описывая свое путешествие, следует, вероятно, отказаться от попыток расшифровки всех его определений и рассмотреть те случаи, когда положение экспедиции наиболее ясно, а выражения С. Андреева не допускают разных толкований. По-видимому, так было 22 апреля у шестого острова, имевшего в длину с запада на восток примерно 80 верст. Тогда экспедиция направилась «к западной изголовье», которое, очевидно, было ближе (Зубов и Бадигин, 1953, стр. 97). Но в таком положении по отношению к острову С. Андреев мог оказаться лишь в том случае, если остров находился к востоку от места отправления экспедиции, что, понятно, исключает возможность движения к Новосибирским островам. Еще одну возможность определения направления движения по рассказу С. Андреева дает один из вариантов расширенного рапорта 1764 г., где сказано, что того же числа, т. е. 22 апреля, находясь у острова, они «в самый полдень, ехав к востоку, наехали на незнаемых людей свежие следы» (ЦГА ВМФ, ф. 172, д. 408, ч. 1, л. 65). Двигаться к острову в восточном направлении они могли только с запада.

Следует отметить также, что на публикуемой ниже (см. рис. 41) местной карте, относящейся, по-видимому, к 1764 г., к северо-востоку от пятого Медвежьего острова нанесена земля с надписью, напоминающей донесения С. Андреева: «Видно было с Медвежьих островов в подобие земли, как синьт синее» (Из истории освоения Северного морского пути, 1936, стр. 160—161).

Большого внимания заслуживают замечания Ф. П. Врангеля о преувеличении С. Андреевым пройденных расстояний; это отмечает и М. И. Белов (1952, стр. 470—471), не делая, правда, должных выводов. В табл. 2 сопоставлены расстояния между различными пунктами отдельных островов, указанные С. Андреевым и геодезистами И. Леонтьевым, И. Лысовым и А. Пушкаревым, об измерениях которых Ф. П. Врангель (1948, стр. 81) отзывался с похвалой²⁵.

Расхождения между показаниями С. Андреева и геодезистов настолько велики, что здесь не может идти речь о простых ошибках. Вспомним, что С. Андреев заявлял, будто пятый Медвежий остров лежит у Чаунской губы, т. е. на несколько сот верст дальше к востоку, чем в действительности. Очевидно, в основе этого лежит неверный рассказ, возможно, придуманный еще Ф. Татариповым и Е. Коноваловым. Вероятно, отсюда и путаница в терминологии С. Андреева, относившейся частично или полностью к вымышленным событиям.

Что же дал С. Андреев истории географии? В его сообщениях трудно отделить правду от вымысла. Если экспедиция не вымышлена, а состоялась, то сообщения С. Андреева, не указавшего правильных размеров островов и их положения и относившего пятый остров к Чаунской губе, мало обогатили географию. Он не был также первым, посетившим все пять островов, так как в 1755 г. там были Ф. Татаринов и Е. Коновалов. Первая (правда, очень несовершенная) попытка изобразить Медвежий острова была сделана на карте экспедиции Н. П. Шалаурова, 1762 г.²⁶ Карта,

Таблица 2

Промеры в пути, сделанные С. Андреевым и геодезистами И. Леонтьевым,
И. Лысовым и А. Пушкаревым
В верстах

Промеры	Данные С. Андреева	Данные гео- дезистов	Промеры	Данные С. Андреева	Данные гео- дезистов
Расстояние от р. Крестовки до первого острова	90	39,0	Ширина третьего острова .	30	3,5
Ширина первого острова .	50	4—6	Длина третьего острова .	60	11,0
Длина первого острова .	50	15,0	Расстояние от третьего до четвертого острова . . .	30	2,6
Расстояние от первого до второго острова	40	26,0	Ширина четвертого острова	20	0,8—1,2
Ширина второго острова .	30	2,5	Длина четвертого острова .	40	3,5
Длина второго острова . .	30	8,0	Расстояние от четвертого до пятого острова . . .	100	17,5
Расстояние от второго до третьего острова	40	7,0	Ширина пятого острова . .	50	до 3,0
			Длина пятого острова . .	70	12,0

составленная С. Андреевым, пока не найдена, а из слов Ф. Плениснера неясно, то ли С. Андреев ее совсем не составлял, то ли составил плохо.

Надо полагать, что наибольший интерес этой экспедиции для истории географии заключается не в ней самой, а в тех исследованиях, которые она вызвала.

Приблизительно верное изображение Медвежьих островов появилось на карте геодезистов И. Леонтьева, И. Лысова, А. Пушкарева, составленной в 1769 г. (Черников, 1936, стр. 368—369). Выкопировка Медвежьих островов с этой карты с трассой пути геодезистов, но без берегов материка, была приведена В. Коксом (Сохе, 1780, стр. 522—523) в виде врезки на чертеже плавания Н. П. Шалаурова, без указания даты и происхождения этого изображения (врезка подписана «*Ostrova medviedskie or Bear Islands*»).

Кроме попыток исследований Медвежьих островов, в рассматриваемый период было положено начало освоению Ляховских островов, открытых Меркурием Вагиным, который в 1712 г. посетил Большой Ляховский и видел Малый Ляховский остров, но не довел до конца исследований, так как был убит спутниками во время зимовки на материке (Миллер, 1758, т. VII, стр. 107—108).

В 1759 или 1760 г. о-в Большой Ляховский был вновь открыт устьянским якутом Этериканом. Затем его посетил в 1770 г. купец И. Ляхов, получивший право промыслять там песцов. Впоследствии он посетил и о-в Малый Ляховский (Спасский, 1822, стр. 119—120).

Другие острова (Новосибирские, Врангеля) остались, по имеющимся сведениям, не обследованными, хотя промышленники, как сообщает Ф. И. Соймонов, доходили от устья р. Индигирки и от Шелагского мыса до 80° с. ш. (Берх, 1828, стр. 290).

СВЕДЕНИЯ О ЧУКОТСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ,
«БОЛЬШОЙ ЗЕМЛЕ» И ПРИЛЕГАЮЩИХ ОСТРОВАХ,
СОБРАННЫЕ Ф. ПЛЕНИСНЕРОМ

Ф. И. Соймонов поручил Ф. Плениснеру добиваться приведения в подданство чукчей и примирения их с коряками, попытаться найти путь из Якутска в Анадырский острог через Охотск морем или по рекам и, наконец, указал, что «за великую интересную ползу почитается то, чтобы о лежащей земле на восток или между севера и востока от Анадырского устья, разведать и осмотреть» (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 76, л. 18).

Ф. Плениснер собрал много материалов о «Большой Земле» и островах, слухи о которых давно уже ходили по Сибири и попадали в допесения «землепроходцев», мореплавателей и сибирских канцелярий, и организовал несколько экспедиций. Он получил сведения от спутников походов Д. И. Павлуцкого в 1731 и 1744 гг., от «лучшего человека сидячих чукчей» — Хехигиша, встреченного Ф. Плениснером во время путешествия в низовьях р. Анадыря, от казака Бориса Кузнецкого, пробывшего более полутора лет в плену у чукчей, и от «девки Иттени» — уроженки «Большой Земли»²⁷.

Много сведений о чукчах, островах и «Большой Земле» доставил анадырский казак Н. Дауркин, родом из чукчей, взятый ребенком в плен Д. И. Павлуцким. Посланный Ф. Плениснером для разведывания о чукчах и «Большой Земле», Н. Дауркин симулировал в 1763 г. побег от русских и был охотно принят чукчами. Они повезли его к своим становищам. По данным М. Б. Черненко (1957, стр. 123), Н. Дауркин побывал у Мечигменской губы и на о-ве Инвучнек (Св. Лаврентия). В 1765 г. Н. Дауркин вернулся и представил доклад и карту²⁸, на которой было сделано 122 примечания, иногда с довольно обширными пояснениями к географическим объектам²⁹.

Материалы Ф. Плениснера подтверждали близость к Чукотскому п-ву «Большой Земли», лежавшей напротив него к востоку, и наличие островов между ними³⁰, причем переезд между «Большой Землей» и Чукотским п-овом мог быть совершен в несколько дней. «Большая Земля» рисовалась обширной страной, в которой много лесов и обилие разных зверей: соболей, куниц, белых и голубых песцов, росомех, медведей, волков; считалось также, что там есть речные и морские бобры. Реки на «Большой Земле» велики и богаты различной рыбой. Существенное значение имело утверждение Н. Дауркина (Pallas, 1781 а), что северная часть «Большой Земли» расположена в «Ковымском море» (Северном Ледовитом океане), а восточная часть в «Анадырском море» (Беринговом море). Это сообщение подкрепляло сложившуюся с давних времен легенду о земле, которая тянется вдоль берегов Сибири.

Жители «Большой Земли» и островов отличаются по языку и обычаям от чукчей. Чукчи, по сообщению Н. Дауркина, делятся на оленных, обитающих в горах, в глубине полуострова и занимающихся оленеводством, и пеших, держащихся у берегов моря и живущих промыслом морских зверей.

О земле, протянувшейся к северу и к берегам Сибири, он приводил слухи, в которых было много неясного и сказочного. По его словам, в северной стороне есть «земля Тикиген, которая при сильных ветрах перемещается на одну версту дальше, а при тихой погоде возвращается обратно». На ней живут люди — «храхан», имеющие «копья и ножи медные, а медь у них красная», говорящие по-чукотски и имеющие много оленей. Есть особая земля, «на коей живут весь женский пол, а плод имеют от

морской волны и рождаются все девки». Есть люди которые «питание имеют такое — когда сварят оленье мясо, то нюхают, а в рот глотают от мяса один горячий пар», Есть земля с «маленькими людьми», называемыми «пячучаны» и т. д. (Гельмерсен, 1876, стр. 462).

Ф. Плениснер собрал также материалы о географии труднодоступного Чукотского п-ова и о территории между Анадырским острогом и Камчаткой. Он представил в Сенат (по-видимому, не указывая автора) относящиеся к 1742 г. записки переводчика Второй Камчатской экспедиции Я. Линденау, жившего в 1741—1743 гг. в Охотске и Охотском крае. В эти записки входило «Географическое описание р. Анадыря и в ней впадших речек и ручьев...»; «Описание о Чукотской земле, где она имеетца»; «Дорога из Анадырского острога в полуденную сторону». Первые две работы опубликованы³¹.

«Географическое описание...» дополняет описание р. Анадырь, сделанное ранее Д. Я. Лаптевым (Соколов, 1852в, стр. 164). В работе Я. Линденау перечисляются все притоки Анадыря, начиная с р. Яблон, и упоминается место, где Анадырь поворачивает к востоку. Анадырь отличается медленным течением; на реке много островов, а ее русло сильно занесено песком. В «стране чукчей» леса нет, а встречается только ивовый кустарник; много ровных, покрытых желтым и белым мхом пространств, на которых пасутся бесчисленные стада оленей. К югу — у истоков рек Майны, Пенжины, Оклана — в изобилии встречается высокоствольный лес. Описывается охота на диких оленей во время их переправ через Анадырь на лето к северу, ближе к морю, а на зиму к югу.

В «Описании о Чукотской земле, где она имеетца» в краткой форме сообщаются сведения об этой территории. Интересно, что в «Описании» упоминаются не только четыре острова к востоку от Чукотского п-ова, но и один остров к северу (возможно, о-в Врангеля). С расположенной недалеко «Большой Земли» привозят деревянную посуду, наподобие русской.

Из русских источников передается рассказ о походе 12 кочей, которые были разнесены бурей в разные стороны, причем часть судов попала на Камчатку, часть же пристала к острову, называемому «Большой Землей», где некоторые из казаков женились. В «Описании» приводится также рассказ о походе А. Мельникова к «Большой Земле» и указан маршрут отряда, который ходил под предводительством Д. И. Павлуцкого на чукчей.

Получив в 1764 г. назначение на должность начальника Охотска с поручением одновременно управлять Камчаткой, Ф. Плениснер перед выездом из Анадырского острога поручил сотнику Куркину разведать путь от Анадырского острога до Гижигинской крепости. Куркин выехал из Анадырска 10 февраля 1765 г. и вернулся обратно 26 марта. Он представил поденные записи о пути до Гижигинской крепости с 10 по 25 февраля с краткими сведениями о рельефе, лесах, встречавшихся реках и с обозначениями расстояний между пунктами (Сгибнев, 1864, стр. 94—100).

Рассматривая исследования внутренней части Чукотского п-ова, следует упомянуть военные походы Д. И. Павлуцкого в 1744 и 1746 гг. Во время первого похода путь проходил из Анадырского острога к бухте Ночен (залив Креста). Отсюда «гористыми и каменистыми местами», оставляя юго-восточную часть полуострова справа, отряд Д. И. Павлуцкого дошел до Мечигменской губы, а потом частью берегом моря — до губы «Анахья, то есть Белое море» (до Колючинской губы). Затем отряд пошел к Анадырскому острогу.

Сведения участников похода 1744 г. — сотников Попова, Нижегородова, Павлова, пятидесятника Русакова и других лиц, сообщенные в 1763 г., содержат подробное перечисление чукотских названий пунктов, через которые прошел отряд (Колониальная политика..., 1935, стр. 163).

О самом Чукотском п-ове сказано лишь, что «предъявленная же Чукоцкая земля вся болотная, каменистая и весьма кочковатая и мокрая, никакого лесу и травы, кроме моху нет» (Колониальная политика царизма..., 1935, стр. 164).

Во время второго похода отряд направился к северу от Анадырского острога. Достигнув р. Чаун, он переправился через нее несколько выше устья и направился к востоку, но, пройдя гораздо меньше половины пути до Колочинский губы, повернул обратно.

Д. И. Павлуцкий выступил в поход и в 1747 г., но вскоре был убит в бою с чукчами.

Одним из участников походов, подпрапорщиком Переваловым, были составлены чертежи экспедиций 1744 и 1746 гг., в которых отражено большое количество географических сведений, добытых экспедициями Д. И. Павлуцкого в 1731, 1744 и 1746 гг. о прибрежной полосе от р. Колымы до р. Олюторы и о глубинных районах в бассейнах рек Чаун, Амгуэма, Анадырь и др.

ПЛАВАНИЕ И. СИНДТА

В 1761 г. Ф. И. Соимонов предложил лейтенанту И. Синдту, плававшему с В. Берингом в 1741 г., плыть к берегам Северной Америки против Чукотского мыса. Плавание это было неудачно и привело к неверным представлениям о северной части Тихого океана.

Из Охотска И. Синдт выступил в 1764 г. на галиоте «св. Павел» поздно — 18 сентября, потерпел аварию и зимовал в устье р. Хариузовой. Построив к 4 августа 1765 г. новое судно — галиот «Св. Екатерина», он обогнул Камчатку и доплыл до устья р. Уки (не доходя 58° с. ш.), где зимовал. Возобновив 26 июня 1766 г. плавание, он направился к северо-востоку. Из-за штормовой погоды И. Синдт к 1 сентября доплыл только до Берингова пролива. 3 сентября, находясь на широте 64°59', недалеко от своей цели — берегов Америки³², он решил вернуться обратно, так как команда была изнурена, многие болели, продовольствия осталось мало, а судно было повреждено.

На Камчатку Синдт прибыл 21 сентября того же года, а в Охотск вернулся 24 сентября 1768 г. (Белов, 1956).

В отчете он сообщил о «частых, видимых по прочищении мрачности, утесистых и каменистых островах», за которые он принимал мысы о-ва Св. Лаврентия (Медушевская. Русские географические открытия...). Эти «одинадцать островов» И. Синдт изобразил на карте (Сохе, 1780). Маршрут его плавания нанесен на эту карту так, что несколько раз пересекает место, где в действительности расположен о-в Св. Лаврентия. Неверно изображены на ней и острова Диомиды. О материках Азии и Америки трудно сказать, в какой части изображение их берегов основано на наблюдениях самого И. Синдта, так как на его карте показаны места, которых он не видел (мыс Дежнева, берега северо-западной Америки) и очертания которых мог взять только с других карт (см., например, карту Ф. Вертлюгова, 1767 г., рис. 37). Представляет интерес изображение на карте И. Синдта о-ва Св. Матвея, который впрочем, был открыт и нанесен на карту до него экспедицией С. Новикова и И. Г. Бахова.

С карты И. Синдта, которую Д. И. Чичерин переслал вместе с рапортом в Адмиралтейств-коллегию, «Синдовы острова», как мы видели,

попали на сводные карты и долго обозначались и на других картах (например, на картах Г. И. Шелихова 1793 г.).

Безуспешные действия экспедиции И. Синдта, ее сомнительные результаты мало говорят в пользу его способностей как организатора и моряка.

КАРТЫ И ЧЕРТЕЖИ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ И ПРИЛЕГАЮЩИХ РАЙОНОВ

Постепенно совершенствовавшиеся изображения малоисследованных районов Чукотского п-ова и окружающих его островов, начиная с чертежей С. У. Ремезова и кончая картой Первой Камчатской экспедиции, отличались тем, что давали в общих чертах правильное, но не детальное очертание берегов и мало верных данных о географии внутренней части полуострова. Кроме того, почти на всех чертежах и картах в небольшом расстоянии к западу от Берингова пролива изображался огромный «Шелагский мыс», ограниченный или не ограниченный рамкой карты.

Обследования, организованные Ф. Плениснером, и военные походы Д. И. Павлуцкого дали некоторые материалы для восполнения этого пробела. К сожалению, эти материалы были отражены на последующих картах недостаточно.

Карты, изображавшие северо-восток Сибири, составленные в рассматриваемый нами период, довольно не совершенны. Они лишены градусной сетки и градусных делений. Произвольные очертания Чукотского п-ова свидетельствуют о том, что карта Первой Камчатской экспедиции была авторам местных карт неизвестна. К этим картам относятся чертеж Я. Линденау 1742 г.; чертежи 1744 и 1746 гг., составленные участником походов Д. И. Павлуцкого Т. Переваловым³³, чертеж Н. Дауркина³⁴.

Чертеж Я. Линденау отличается наиболее тщательным оформлением. Правда, контуры северо-востока Азии, к северу от устья Анадыря, совершенно неверны, детали береговой линии почти не показаны и данных о внутренней части Чукотского полуострова очень мало. Зато районы, примыкающие к Чукотке, изображены с большой нагрузкой: нанесено много рек, гор, дорог, мысов, показаны Чукотский, Корякский, Колымский хребты. Но Чаунская и Колючинская губы еще отсутствуют. «Шелагинский нос» у устья р. Колымы имеет вид широкого, но недалеко выдающегося в море полуострова. Не обошлось и без ошибок; так, например, р. Колымой ошибочно назван ее крупный приток р. Омолон. Колыме же выше впадения Омолона, присвоено название ее притока р. Ожгиной, которая имеет в действительности иное направление. Подробно описавшая этот чертеж Е. П. Орлова (1957, стр. 123) отмечает большое количество заключенного в нем исторического, географического и этнографического материала.

Детальное изображение прибрежной полосы полуострова и некоторых частей его внутренней территории дано на чертежах Т. Перевалова 1744 (рис. 38) и 1746 гг. Как сообщает автор в надписи на чертеже 1744 г., он не имел подготовки, необходимой для выполнения чертежных работ: «Делал сей чертеж не из обученных партии из служилых подпрапорщик Тимофей Перевалов». Можно предположить, что Т. Перевалов — это тот же «подпрапорный», который участвовал в походе И. Бахова и С. Новикова и был автором еще одной, более полной карты, составленной после 1763 г.

Чертежи 1744 и 1746 гг. отличаются один от другого главным образом тем, что на втором чертеже в результате похода 1746 г. заполнен (частью

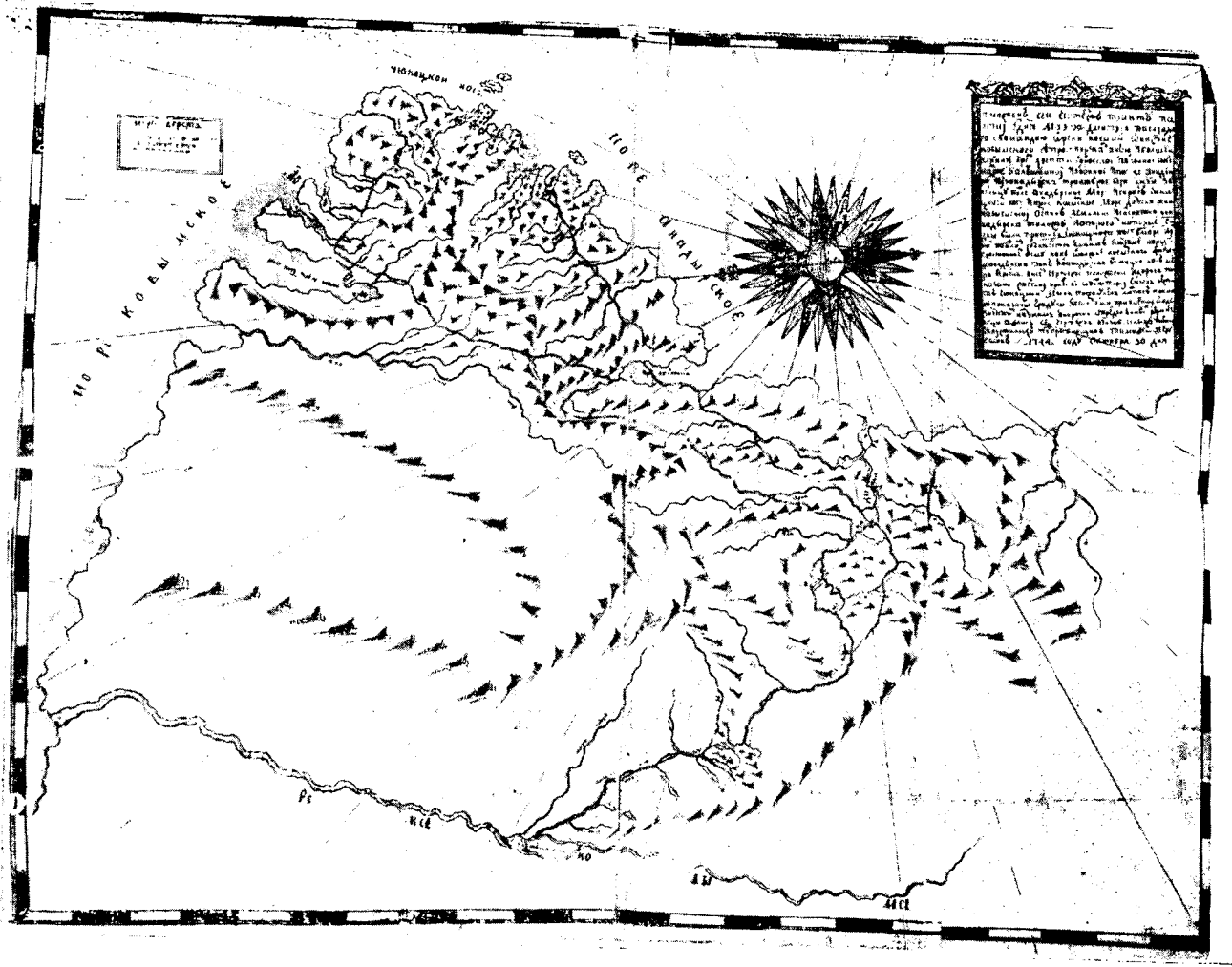

Рис. 38. Чертеж походов Д. И. Павлуцкого на Чукотский п-ов, составленный Тимофеем Переваловым в 1744 г. (Орлова, 1957).

по расспросным данным) участок от р. Омгаян (Амгуема) до р. Кольмы, представляющий на чертеже 1744 г. белое пятно. На чертеже 1746 г. впервые, по мнению И. Вдовина (1943, стр. 54), появилась р. Чаун.

Контуры Чукотского п-ова на этих чертежах неточны, так как, судя по маршруту, изображенному на чертежах, отряд не прошел вдоль всего берега, а срезал юго-восточный и северо-восточный углы, которые и не нанесены на чертежи.

Название «Камень Ногакан», нанесенное в южной части мыса Дежнева и сходное с названием расположенного там ныне с. Наукан, делает вероятным предположение, что отряд побывал в этой крайней части полуострова. Под губой Теняхой следует, очевидно, понимать залив Лаврентия. На обследованном участке к северу от Мечигменской губы, а также к востоку от Колючинской губы изображено много мысов и бухт с чукотскими названиями, частью повторяющимися в сообщениях сотников Попова, Нижегородова и др. На всей территории полуострова нанесены реки, встреченные партией Д. И. Павлуцкого.

Интересно, что на северном берегу полуострова, изображение которого основано на сведениях побывавших там людей, нет мысов, которые нельзя или трудно обойти.

Наиболее примитивен составленный позже других чертеж Н. Дауркина (рис. 39), который отражает географические представления чукчей, части местного русского населения, а может быть, даже и жителей «Америки» (Журнал Анадырской команды..., 1823, стр. 72).

Очертания Чукотского п-ова на этом чертеже очень фантастичны. К северу от Сибири показаны несуществующие берега «Большой Земли» с мысами, протянувшимися далеко в сторону Азиатского материка, и «земля Тикиген». Несколько западнее Чаунской губы нанесен «о-в Ным-Ным», через который олени переходят с «Большой Земли» на р. Омвая (Амгуема) и т. д. Вместе с тем чертеж дает много ценных сведений. На нем помечены номерами 122 объекта, к которым впису справа в списке, озаглавленном «Описание сей ландкарты по нижепоименованным номерам о Чукотской земле и протчих островах и Большой земле», даются обширные пояснения.

Чертеж Н. Дауркина особенно интересен тем, что южные и юго-восточные берега полуострова изображены с большой детализацией, позволяющей заполнить пробел на чертежах Т. Перевалова. Для чертежа Н. Дауркина характерно, что в число географических объектов вошли главным образом мысы, заливы, горы. Рек показано немного. О внутренней части Чукотского п-ова почти никаких данных нет.

Многие из чукотских названий, приведенных на этом чертеже, сохранились до настоящего времени. В описании дан перевод их на русский язык. Так, например, крайний северо-восточный мыс, откуда чукчи ездили на первый остров, назван Нухен (Наукан), что значит переправа. Около острова в Колючинской губе имеется надпись — Колючин, т. е. остров. Река на «Большой Земле» называется Хеуверен, что означает глубокая. Так же называется и река, впадающая в залив Лаврентия.

В «Описании» дано много сведений об «Америке» и ее обитателях, об островах, упомянутых в опубликованных записках Н. Дауркина. В «Описании, между прочим, сообщается, что крепость, нанесенная у устья р. Хеуверен на «Большой Земле», построена в 1761 г.

Кроме чертежей, изображающих крайний северо-восток Сибири, имелись сводные карты, составленные в Восточной Сибири. Оформление их гораздо лучше, в частности, они снабжены градусной сеткой. К числу их

Рис. 39. Чертеж Чукотского п-ова, составленный Н. Дауркиным в 1765 г.
(ЦГВИА, ф. ВУА, № 23435).

следует отнести карту 1749 г. (рис. 40) геодезии поручика Ивана Шахонского, охватывающую территорию к востоку от р. Лены (ЦГВИА, ф. 416, № 521). На ней Камчатка и Чукотский п-ов заимствованы с карт П. Скобелыны и, как гласит надпись на карте, с «Чертежа о тракте капитана майора Павлуцкого с командою» (составленного, вероятно, Т. Переваловым). В списке, помещенном на карте вгизу шправа, указаны долгота и широта отдельных пунктов.

Большой интерес представляет изображающая примерно тот же район Сибири «Карта уезду города Якуцка, Чукоцкой земли, земли Камчатки с около лежащими местами и части Америки с около ее лежащими островами» (рис. 41). «Последний от человек подграпорный», упомянутый в не полностью сохранившейся надписи как составитель, вероятно, был Т. Перевалов (Из истории освоения Северного морского пути, 1936, стр. 160.) Если это так, то после 1744 и 1746 гг., когда т. Перевалов составлял упомянутые выше элементарные чертежи, он достиг в картографии значительных успехов³⁵.

Эта карта объединяет большой материал по Восточной Сибири и демонстрирует успехи, достигнутые в ее изучении. Проведенным после Второй Камчатской экспедиции исследованиям на северо-востоке Азиатского материка уделено большое внимание. Показаны трассы путешествий и открытия И. Бахова и С. Новикова, Н. П. Шалаурова, С. Андреева, Д. И. Павлуцкого. Сведения Н. Дауркина отразились в названиях островов Диомиды: Магли и Игалги. Эти острова в других документах назывались также Имяглином и Инахлином.

Итоги Камчатских экспедиций, наоборот, не выдвигаются на первый план. Открытия Первой Камчатской экспедиции не показаны совсем, а изображение Чукотского п-ова взято с чертежа Т. Перевалова. Едва ли можно предположить, что открытия Первой Камчатской экспедиции автору были неизвестны, поскольку выступ Америки, острова около него, контуры западного берега Охотского моря, Сахалина и т. д. свидетельствуют о знакомстве с картой Г. Миллера 1754—1758 гг. или какой-либо другой сводной картой Камчатских экспедиций. Характерно отсутствие Алеутских островов, открытых экспедициями промышленников. Изображения их в то время уже появились (например, упоминавшийся чертеж П. Шишкина 1759—1762 гг.).

Изображение района к востоку от р. Колымы отличается подробностями, которые не встречаются на других картах. Особенно детально показаны правые притоки р. Колымы. Шелагский мыс отсутствует, но за Чаунской губой берег образует широкий полуостров, западный берег которого отстоит от восточного примерно на 15°, северный берег Шелагского мыса ограничен пунктиром.

Специфический подбор географического материала заставляет предположить, что к возникновению этих карт мог иметь отношение Ф. Плениснер. Эта сводная карта могла быть одной из двух карт, отправленных им в Сенат, Тобольск и иркутскому губернатору А. Брилю. О них Ф. Плениснер говорит в рапорте от 6 октября 1771 г. (Зубов и Бадагин, 1953, стр. 120). Второй картой мог быть вариант чертежа Н. Дауркина, которому Ф. Плениснер придавал большое значение и ознакомил с ним Академию наук.

Еще одна местная сводная карта северо-востока Сибири принадлежит Ф. Вертлюгову и уже упоминалась нами. Но этот квалифицированный картограф, очень критически отбиривший материал, не воспользовался детальными картами Т. Перевалова и Н. Дауркина, не имеющими координат, и отразил на своей карте данные Камчатских экспедиций и

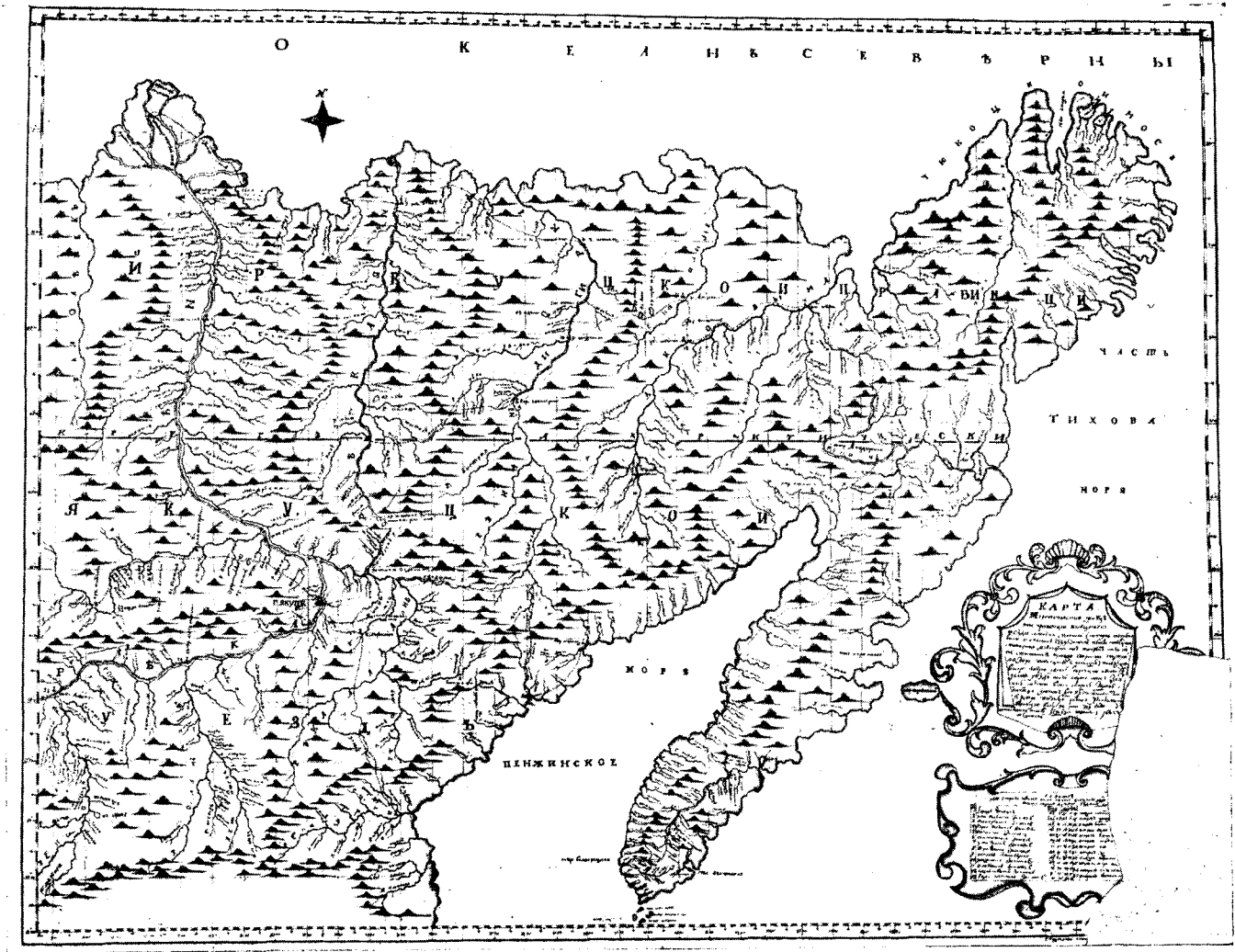

Рис. 40. Карта северо-востока Азии, составленная геодезистом поручиком Иваном Шахонским (ЦГВИА, ф. 416, № 521).

экспедиций Н. П. Шалаурова. Влияние чертежей Т. Перевалова сказывается на карте Ф. Вертлюгова лишь в отсутствии на ней Шелагского мыса.

Благодаря тому, что карта Ф. Вертлюгова была, как указано выше, опубликована В. Коксом, представление об отсутствии на северном берегу Азии к западу от Берингова пролива «Шелагского мыса» приобрело известность.

Таким образом, на местах не использовали верных очертаний Чукотского п-ова для нанесения собранных детальных сведений. Этого не сумела сделать и Академия наук, которая при составлении Генеральной карты Российской империи 1776 г. ограничилась включением в нее изображения северо-востока Азии из карты Т. Перевалова 1764 г. (Лебедев, 1957, фиг. 14), отказавшись, таким образом, от приближающихся к действительности очертаний западного берега Берингова пролива, обозначенных на карте П. А. Чаплина 1729 г.

Если вариант чертежа Н. Дауркина привлек к себе большое внимание в Тобольске и Петербурге, то это внимание обуславливалось интересом к злободневному вопросу о поисках берегов Америки к северу от Сибири. В заметке, сопровождавшей публикацию представленного Ф. Плениснером варианта чертежа Н. Дауркина в «Месяцеслове» на 1780 г., речь шла о «земле в рассуждении Чукотского носа в северной части», которую Ф. Плениснер считал частью Северной Америки, при этом выражалось сомнение, чтобы «земля, за Америку почитаемая, протянулась на запад даже до р. Ковыма».

В связи с поисками земли к северу от берегов Сибири М. Геденштром нанес в 1811 г. на своей карте против Чаунской губы «Большую Землю» с чертежа Н. Дауркина, снабдив ее неверной надписью: «По описанию сержанта С. Андреева 1762 г. земля Гихиген, обитаемая народами, называемыми Храхай» (Врангель, 1948, стр. 91).

Менее увлекавшийся непроверенными данными, П. Паллас полагал, что чертеж «Плениснера — Дауркина», помещенный в «Месяцеслове» на 1780 г., по своим низким качествам совершенно не заслуживал опубликования (Гнучева, 1946, стр. 91).

Значительную часть вины в том, что полезные сведения о Чукотском п-ове, имевшиеся на чертежах Т. Перевалова и Н. Дауркина, не вошли в науку, следует отнести за счет Ф. Плениснера, не понявшего их значения.

Мы рассмотрели ход географического изучения Сибири экспедициями в 1725—1765 гг.

Результаты этих исследований были огромны. Их правильно охарактеризовал Г. Миллер, написав в 1746 г. о Сибири, что «сия отдаленная земля в рассуждении всех ее обстоятельств учинилась известнее, нежели самая середина немецкой земли тамошним жителям быть может» (МАН, 1895, стр. 186).

Впрочем, нельзя утверждать, что знания, в особенности о внутренней части Сибири, были приобретены только в результате экспедиций. Богатые материалы дали съемки геодезистов. Большое значение для географического изучения Сибири имела также и повседневная работа по освоению страны — разведывание дорог, строительство заводов, крепостей. О том, какие обширные сведения о географических особенностях Сибири, природе и экономических возможностях ее районов были у некоторых государственных служащих, свидетельствует работа В. де-Геннина (1937), управляющего государственными горными заводами на Урале (который в то время относился к Сибири), содержащая описание этих заводов³⁶.

АВАРИНОЕ МОРЕ;

МОРЕ;

МАВЕЛЬ ШИРОКО

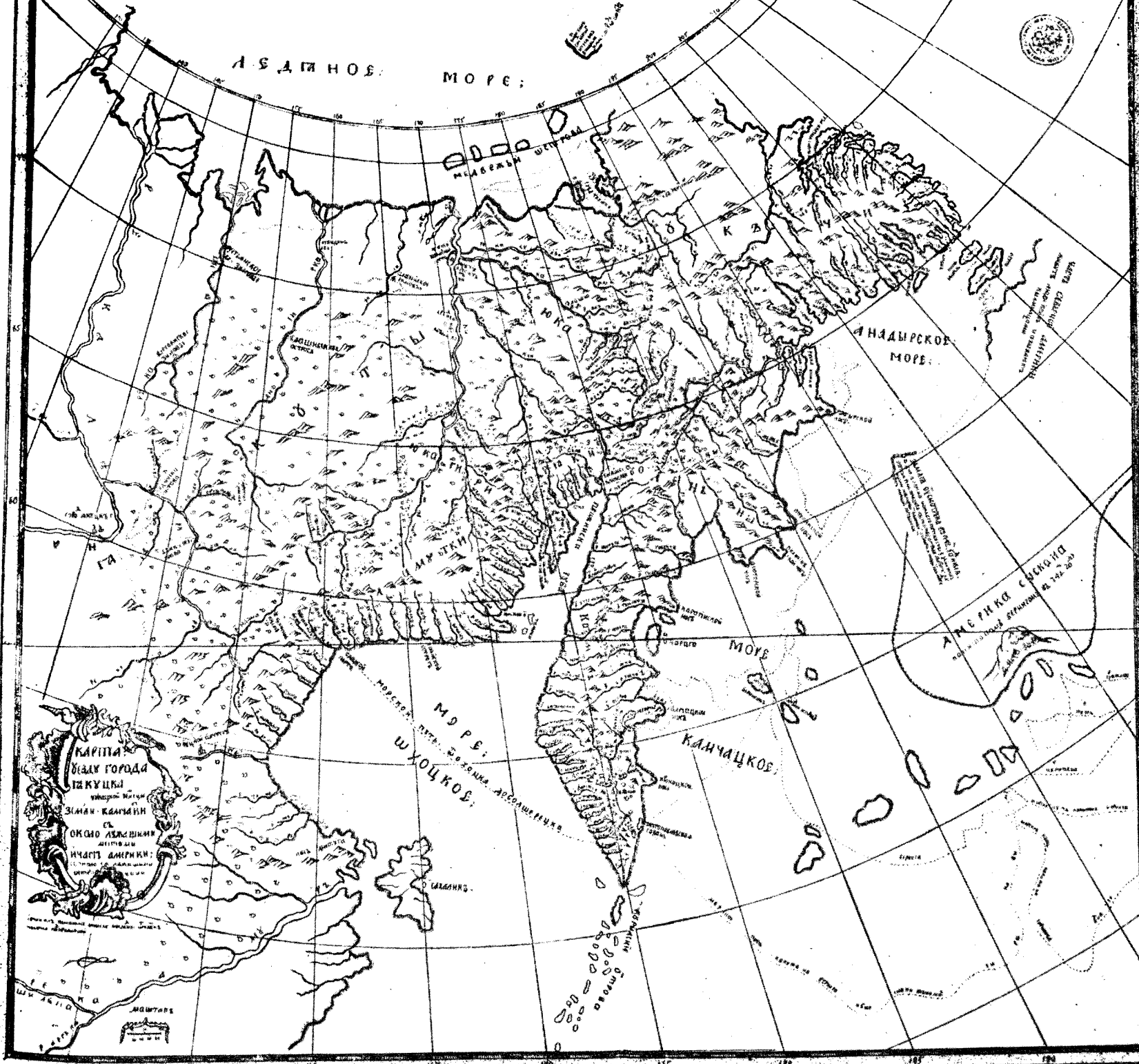
АНДЕРСКОЕ МОРЕ;

АМЕРИКА СЕВЕРНОЕ

МОРЕ;
ШОЦКОЕ;

КАНЧАЦКОЕ

КАРТА
ОБЛАСТИ ГОРОДА
ТАКУЦЫ
 Уездной Матцы
 ЗЕМЛИ КАМАНИ
 СЪ
 ОКРЕСТНОСТЯМИ
 ЧАСТИ АМЕРИКИ

В описании Урала и прилегающих мест, которое В. де-Геннин нашел нужным предпослать изложению основной темы, он говорит о протяженности «Уральского камня», который «зачинаетца от Каспийского моря», а через 700 верст у «Кленовой горы» разветвляется: один кряж идет «Козацкою ордою... и до Мунгалских краев», а другой «через Чюсовую реку мимо заводов дворянина Демидова и Верхотурье до самого Северного моря» (Геннин, 1937, стр. 69—70). Затем В. де-Геннин приводит обстоятельную характеристику природных богатств района Екатеринбурга. Медные и железные руды «лежат великими обрывными гнездами, из которых бывает в выборе около ста тысяч пудов и больше и меньше и находятца почти наруже земли...» Район богат и другими залежами: известью, «тумпасом», который лучше богемского хрустала, мрамором, асбестом и т. д. (там же, стр. 70—72).

Описывая природные условия территории уральских заводов, В. де-Геннин указывает, в частности, что много «равных мест, где хлеб родитца довольной без росчистки лесу и протчего и без навоза» (там же, стр. 72—73).

Такого же типа описания даются и для других заводов, в том числе и Нерчинского, расположенного в другом районе.

В. де-Геннин был незаурядным человеком, но он не производил, конечно, специальных географических исследований мест, о которых писал. Все эти материалы он нашел в Тобольской и других канцеляриях. Они показывают, насколько хорошо были в то время известны многие районы Сибири и насколько эти сведения были полезны для практических работ.

ПЛАВАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ ВОДАХ СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

Кроме плаваний участников Второй Камчатской экспедиции С. В. Муравьева и С. Г. Малыгина, у европейских берегов Северного Ледовитого океана, а также у лежащих против них островов совершались многочисленные плавания поморов, обогативших своими наблюдениями знания современников об условиях плавания в арктических водах и о природе этих районов. Сведения, сообщенные поморами, использовались при снаряжении экспедиций, а также послужили М. В. Ломоносову материалом при составлении его географической работы «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию».

О том, как проходили эти смелые плавания и каким испытаниям при этом подвергались моряки, дает представление сохранившийся рассказ о путешествии четырех поморов к о-ву Шпицбергену³⁷. Штурман Алексей Химков и три матроса — Иван Химков, Степан Шарапов и Федор Веригин — отстали на о-ве Эдж от корабля, отправившегося в плавание в 1743 г. В дальнейшем этот корабль, по-видимому, погиб (см. Леруа, 1933, стр. 23). У оставшихся моряков было только одно ружье, пули и порох на 12 зарядов, топор, маленький котел, 20 фунтов муки, ножик и пузырь с табаком. Найдя на острове хижину, они прожили в ней шесть лет и три месяца, научившись изготовлять все необходимое для жизни. Они ковали наконечники для стрел и рогатин, с которыми ходили на охоту, шили из добытых шкур самодельными металлическими иглами одежду и обувь. Во время полярной ночи они определяли сутки, наблюдая движение звезд с помощью сделанного ими градусника (простейший

угломерный инструмент). Разница в счете с календарем составила за все время их пребывания на острове только два дня.

Ф. Веригин умер от цинги, а остальные поморы были вывезены с острова 15 августа 1749 г. судном, которое вел помор А. К. Корнилов. Впоследствии А. К. Корнилова высоко оценил М. В. Ломоносов за его знания условий плавания в районе Шпицбергена (Перевалов, 1949, стр. 247—248).

Заслуживает внимания плавание кормщика Саввы Лошкина около 1760 г. у Новой Земли. Обогнув ее с юга, он прошел вдоль восточного побережья, подтвердив, таким образом, ее островное положение (Крестинин, 1789, стр. 8—9).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЭКСПЕДИЦИИ НА ЮГО-ВОСТОК РОССИИ, В СРЕДНЮЮ АЗИЮ И НА ПОБЕРЕЖЬЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

КРАТКИЙ ОБЗОР СОСТОЯНИЯ ЗНАНИЙ О ГЕОГРАФИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ ДО 1725 г.

В России уже в XVI в. имелись довольно обширные сведения о Средней Азии. В «Книге Большому чертежу» (1950) приведено описание территории от Урала на восток до рек Ишима и Сарысу и до горы Улытау и хребта Каратау, а на юг до гор в районе Ташкента, Самарканда, Бухары и до г. Куня-Ургенч. Положение гор Мугоджары, Улытау и хребта Каратау определено довольно верно. Из рек описаны все важнейшие (кроме Зеравшана) и почти всегда правильно¹. Но изображение Среднеазиатских стран даже на русских чертежах конца XVII и начала XVIII в. еще очень несовершенно. Так, например, на чертежах из атласа С. У. Ремезова 1701 г. («Чертеж всех Сибирских градов и земель» и «Чертеж земли всей безводной и малопроездной степи») показано много рек, озер, гор и городов (Яркенд, Кашгар, Бухара, Хива, оз. Кукупор, «море Тенгиз», реки Аму-Дарья, Сыр-Дарья, Сарысу, Чу, Или и др.), но расположение их мало соответствует действительному.

К продвижению в Среднюю Азию русских побуждала прежде всего необходимость обезопасить от нападений кочевников границы Сибири и Поволжья, где развивалось земледелие и строились города. В Средней Азии тогда кочевали киргиз-кайсаки, распадавшиеся на три орды — Большую, Среднюю и Маленькую, (которая на самом деле была самой крупной), а далее к востоку — джунгары. Не менее важную роль играло также стремление завязать торговые отношения с ханствами на юге Средней Азии (Бухарой и Хивой) и с Индией.

Попытки проникнуть в Среднюю Азию с целью наладить торговые сношения и разведать о золоте, которое там, по слухам, добывалось, производились неоднократно еще при Петре Первом. В связи с его указом от 14 февраля 1697 г. тобольскому воеводе А. Нарышкину в том же году было составлено на основе опросов подробное описание пути до Казачьей орды и далее до Бухары. К описанию был приложен чертеж, выполненный на бязи. Это был, вероятно, «Чертеж земли всей безводной и малопроездной степи» С. У. Ремезова, отправленный в Москву из Тобольска в 1697 г. (Сыскное дело..., 1867, стр. 402).

В начале XVIII в. по указанию Петра Первого в Среднюю Азию было направлено несколько экспедиций.

В 1714—1715 и в 1716—1717 гг. были совершены экспедиции А. Бековича-Черкасского, выступившего оба раза из Астрахани. В 1717 г. его отряд был уничтожен хивинцами, причем погиб и он сам. В результате этих экспедиций появилось довольно точное изображение восточных берегов Каспийского моря. Более удачно было путешествие, совершенное в 1719—1725 гг. через Астрахань в Персию и далее в Бухару и Хиву,

итальянца Ф. Беневени, состоявшего на русской службе. Он сообщил много интересных сведений об этих странах (Попов, 1853; Лебедев, 1950).

Экспедиции в Среднюю и Центральную Азию совершались также со стороны Тобольска. В 1713 г. состоялась экспедиция Ф. Трушникова, в 1715—1716 гг. — подполковника И. Бухгольца, в 1720 г. — генерал-майора И. М. Лихарева и, наконец, в 1722—1724 гг. — капитана И. Унковского (Миллер, 1760; Лебедев, 1950). После этих путешествий появились новые сведения о северной части Средней Азии и Джунгарии, но вместе с тем и стала ясна трудность экспедиций в эти районы.

Вскоре начались попытки составления на основе полученных сведений чертежей. Заслуживает внимания хранящийся в ЦГАДА (рис. 42) чертеж, ориентированный севером вниз, не имеющий градусных обозначений и сетки. Он был составлен геодезистом П. Чичаговым. Судя по надписи на его оборотной стороне, гласящей «Чертеж о Сибири и о Контайшинной земле бытности в Сибири Лихарева», он относится к 1719—1720 гг.² В его левом углу написано: «Сия хартина делана по скаскам разных чинов людей: тобольского жителя дворянина Федора Трушникова, да бухаретина муллы Халпеста, да которой от контайши из полону вышел мулла Нурзен, да тобольского жителя сына боярского Григория Яицкова, да красноярского жителя дворянина Ильи Напивошникова, да барабинских жителей». Таким образом, чертеж был составлен по расспросным данным.

На чертеже показаны верхние отрезки рек Оби, Иртыша, Енисея. В верхней части чертежа составитель попытался дать схематичное изображение Средней Азии и Западного Китая, начиная от Каспийского моря до владений «Дала Иламы» на юго-востоке, и даже дальше этих пределов. Наиболее легко узнать пустыню Такла-Макан, окруженную подковой хребтов, концы которой обращены к востоку. Большую часть имеющихся на чертеже названий можно найти и на современной карте. На северной части горных хребтов (Тянь-Шань) написано «Камень Му-сарть (Музарт.— В. Г.), на котором лед», на южной (Кунь-Лунь) — «Камень Мустак» (хребет Музтаг). Довольно правильно изображено взаимное расположение рек Кашгар, Эркенъ (Яркенд), Аскуть (Аксу), Хотанъ (Хотан), которая «впала в песок», и городов Карья (Керия) и Пурфан (Турфан), показанного во впадине с тем же названием. Город Курля, «крайний город Контайшина владения», нанесен по отношению к Турфану слишком далеко на восток.

У верхнего края чертежа сделаны, протягивающиеся с запада на восток надписи: «Индистанд, особливое владение Эуренча, Дала Илама, китайское владение град Даба». Эти надписи говорят лишь о направлении, в котором расположены указанные страны. Изображение Средней Азии, занимающее небольшую часть чертежа, мало соответствует действительности. На чертеже отсутствует Аральское море. Об Аму-Дарье сказано: «в какую сторону течет, о том в скасках не сказано». Сыр-Дарья начинается и кончается в песках и т. д.

Несмотря на многие недочеты, рассматриваемый чертеж некоторое время пользовался известностью. Это показывает надпись на обороте одной из копий, хранящихся в ЦГАДА: «Сей чертеж дан был при отправлении к Контайше посланником Маэору Угрюмову, а по возвращении паки возвращен».

Несколько позже (1723 г.) появилась карта «Контайшинных владений», составленная И. Унковским, прожившим в Джунгарской орде около года³. На этой карте была показана примерно та же территория.

ОРЕНБУРГСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В первой четверти XVIII в. Большая орда и значительная часть Средней были завоеваны джунгарами. В 1726 и 1729 гг. джунгары были разбиты и отброшены, но опасность нового вторжения заставила в 1731 г. хана Меньшой орды — Абулхаира — обратиться к русскому правительству с просьбой о приеме в подданство и о постройке для сношений с ним города у устья р. Ори, впадающей в р. Яик. Большую роль в завершении этого дела сыграл переводчик Коллегии иностранных дел (впоследствии генерал-майор) Мегмет Тевкелев, посланный в 1731 г. к хану Абулхаиру и пробывший у него два года.

В связи с просьбой Абулхаира у И. К. Кирилова возник план перенесения линии крепостей, проходившей по Каме, к юго-востоку от Башкирии, для распространения русского влияния в Средней Азии. Он полагал, что это мероприятие будет иметь для России первостепенное значение. Его записка 1733 г., о которой уже упоминалось, начинается следующими словами: «Два дела великой и бессмертной нетоко славы, но и к расширению империи и к неисчерпаемому богатству открываются: первое известное, Сибирская и Камчатская экспедиция, второе еще не открытое, киргиз-кайсацкое и кара-калпацкое» (Добросмыслов, 1900, стр. 1).

Далее И. К. Кирилов, обнаруживая большую осведомленность о политическом и экономическом состоянии Средней Азии, описывает преимущества сложившейся там обстановки для России. Он полагал, что построенный русскими по просьбе хана Абулхаира новый город будет удобен для торговых сношений с Бухарой и Индией, где есть золото, серебро, драгоценные камни. По его мнению, наличие этого города поможет привести в русское подданство страны до самой Персии и Индии (там же стр. 18). Путь в эти страны из нового города безопаснее и удобнее, чем из Астрахани. 1 мая 1734 г. предложение И. К. Кирилова об организации для этой цели экспедиции было одобрено правительством. Во главе экспедиции был поставлен сам И. К. Кирилов.

Экспедиция выступила из Петербурга в 1734 г. Несмотря на то, что проведение работ вскоре было затруднено необходимостью участвовать в действиях против восставших башкир, экспедиция все же выполнила поставленную перед ней задачу — были построены город у устья р. Ори (перенесенный затем на место, занимаемое ныне г. Оренбургом) и линия крепостей по р. Яику. Это оказало большое влияние на развитие производительных сил Башкирии и содействовало присоединению к России сначала Казахстана, которому угрожали джунгары, а в последующем и всей Средней Азии⁴.

Руководили Оренбургской экспедицией одаренные люди. После смерти И. К. Кирилова (1737 г.) экспедицию до 1739 г. возглавлял В. Н. Татищев. После него ею руководили менее значительные лица — Урусов и генерал-лейтенант Соймонов⁵, а в 1742 г. был назначен энергичный и умный И. И. Неплюев, ставший затем первым губернатором Оренбургской губернии.

Участие в руководстве этой экспедицией инициативных людей, интересовавшихся географией, привело к тому, что это мероприятие, преследовавшее политические цели, дало много и науке.

И. К. Кирилов с самого начала стремился обеспечить Оренбургскую экспедицию научными силами. Им были приглашены ботаник И. Гейнцельман, сведущий в астрономии англичанин Д. Эльтон, девять геодезистов, в том числе и ездившие с М. Тевкелевым (Добросмыслов, 1900, стр. 88—89). И. К. Кирилов, составивший в 1727 г. статистико-экономи-

ческий обзор губерний России (см. ниже), занялся и изучением Башкирии, а также Средней Азии. Оренбург стал тогда центром торговли с этой страной, отсюда направлялись торговые караваны, посольства и экспедиции. В портфелях Г. Миллера хранятся «Известия гг. Кирилова и Гейнцельмана о Сибирских и других азиатских народах» (Июфа, 1949, стр. 36). С. М. Соловьев (б/г, кн. 4, стр. 1530) приводит сделанное И. К. Кириловым описание строя жизни башкир и их экономических отношений. Под руководством И. К. Кирилова были произведены большие съемочные работы и составлены карты, на которых, по его словам, во многих случаях «все новое явилось» (Свенске, 1866, стр. 112). Уточнением этих карт занимался затем В. Н. Татищев, который составлял также и новые карты.

Впоследствии все эти и другие материалы послужили основой для выдающихся трудов: «Атласа Оренбургской губернии» геодезиста И. Крайильникова и описания к нему, составленного П. И. Рычковым (1887).

Первоначальные проекты проникновения в Среднюю Азию были довольно упрощены, но уже в них предусматривалось описание страны. В инструкции Анны Ивановны от 18 мая 1734 г., переданной И. К. Кирилову, было сказано: «Нужно сделать на Аральском море с нашу сторону в киргиз-кайсацком владении пристань и завезти свои суда с пушками, и тем морем действительно овладеть». Корабли предлагалось переправить туда в разобранном виде «и, собрав, ходить по морю, осматривая и описывая, и притом показывая нашим в подданство пришедшим народам защиту» (Добросмыслов, 1900, стр. 70—74). Позднее, указом от 20 августа 1739 г. распоряжение об открытии пристани было отменено (Макшеев, 1851, стр. 35). В дальнейшем связи со Средней Азией развивались довольно медленно.

ЭКСПЕДИЦИИ К. МИЛЛЕРА В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

В 1738 г. В. Н. Татищев по договоренности с ханом Абулхайром отправил в Ташкент первый купеческий караван под начальством поручика К. Миллера. Караван вез и казенные товары. В составе отряда находился подпоручик геодезии А. Кушелев (Ханыков, 1850а) или Кошелев (Рычков, 1896, стр. 39). К. Миллеру поручалось добиться льгот для русской торговли, постараться посетить бухарские города и собрать сведения о состоянии Среднеазиатских государств (Соловьев, б/г, кн. 4, стр. 1550—1551). По дороге следовало описывать реки, озера и горы и записывать расстояния, особенно на Сыр-Дарье.

Караван благополучно миновал Меньшую и Среднюю орды и г. Туркестан, но недалеко от Ташкента был разграблен киргизами Большой орды, причем все, кроме К. Миллера, были взяты в плен. В Ташкенте К. Миллер добился освобождения спутников и в июне 1739 г. вернулся в Орск (Ханыков, 1850а, стр. 661).

Подробный маршрут А. Кушелева и журнал К. Миллера до нас не дошли. П. И. Рычков (1896, стр. 39—40) приводит выдержки из сообщений, представленных, как говорит Я. В. Ханыков (1850а, стр. 662), в Оренбурге К. Миллером и А. Кушелевым, а также Степаном Чулпановым, который был захвачен в 1722 г. в плен на Каспийском море и вернулся вместе с экспедицией. По этим сообщениям видно, что К. Миллер насчитывал от Орска до Туркестана 1546 верст. В сообщениях даны некоторые сведения о городах Туркестане и Ташкенте. Туркестан по размеру и значению заметно уступал Ташкенту и имел только около тысячи домов и три мечети, тогда как в Ташкенте было до 6 тыс. домов, и 150 мечетей. Дома даже в Ташкенте, где они были лучше, чем в Туркестане, глиняные и по одному только окошку в хоромине, да и наверху, делаются

крышки из камыша, которые служат токмо от ветру, а когда дождь случится, то все пробивает». Кроме нескольких больших улиц, все остальные были «безмерно тесны, сажени по полторы и меньше». В то время Ташкент, который был завоеван сначала киргиз-кайсаками, а потом джунгарами, находился в упадке. В городе было несколько «старинных и хорошей архитектуры храмов, наподобие христианских церквей, кои имеют главы, а внутри изрядною работою украшены». «Однако один из них, в котором был погребен хан Барак и было «много золоченой и костями выкладенной работы», использовался как хлев.

Утрата материалов этой экспедиции тем более досадна, что до половины XIX в. Ташкент очень редко посещали европейцы. Кроме К. Миллера и А. Кушелева, там побывали лишь Пospelов и Бурнашов в 1800 г. и Назаров — в 1813 г. (Ханыков, 1851а, стр. 44).

В 1742 г. К. Миллер был отправлен еще раз в Среднюю Азию для переговоров с «Зюнгорским ханом» по вопросам, возникшим в связи с принятием русского подданства ханом Абулхайром. Записка об этой поездке также до нас не дошла, но Я. В. Ханыков нашел карту — маршрут К. Миллера, с обозначением широт и долгот (Ханыков, 1850а, стр. 663). Она названа: «Ланкарта тракту через орд киргиз-кайсацкие и до Зюнгорского владения и обратно до Орской крепости, 1743 г. май 12 числа. Составлена майором Миллером» (рис. 43). Карта охватывает территорию от 44 до 52° с. ш. По долготе она простирается от Орска, через который проходит полевой меридиан, на восток на 21°. На карте изображена территория, по которой проходил К. Миллер; путь его показан пунктиром. Подробно нанесены горы, реки, озера, колодцы и т. д. От Орска путь идет на юго-восток, пересекает р. Тургай на 48° с. ш. и р. Сары (Сырысу) и ведет к г. Туркестану, широта которого показана довольно верно — 48°28'. Далее маршрут раздваивается. Западная ветвь ведет через Бет-Пак-Дала к северо-востоку и пересекает реки Талас и Цуй (Чу).

Восточная ветвь продолжается еще на 6°30' к востоку до р. «Ергату», или «Ергайту», на широте 46° и затем поворачивает на запад. Эта часть маршрута, очевидно, нанесена неточно, так как, побывав за р. Чу, где-нибудь у 46° с. ш., К. Миллер должен был выйти к оз. Балхаш, но оно на карте не показано. Скорее всего он прошел южнее Балхаша. Я. В. Ханыков полагает, что К. Миллер доходил до верховьев речки Дусарташкан — Карасу, впадающей в юго-западный угол оз. Балхаш. Западная ветвь маршрута поворачивает обратно около 47° с. ш. на 2° западнее, чем более восточный маршрут.

Материалы К. Миллера в течение длительного времени были единственным источником достоверных сведений о восточных районах Средней Азии. Его данными пользовались для картографических работ. Маршрут этой экспедиции нанесен на картах из атласа И. Красильникова.

ЭКСПЕДИЦИИ В ХИВУ.

В рассматриваемый нами период на картах впервые появились очертания восточных берегов Аральского моря, а также были значительно пополнены сведения об обитавших там народах. Правда, изображение Аральского моря, напоминающее действительное, было приведено еще на карте 1715 г. А. Бековича-Черкасского, составленной в этой части, очевидно, на основе расспросных данных (Шафраповский и Княжецкая, 1952, стр. 548). Но это изображение не оказало большого влияния на картографию, и на карте капитана Марка Дубровина, командированного впоследствии Петром Первым, вновь приведено неправильное изображение

Аральского моря. Сведения об экспедиции М. Дубровина и о карте, с ней связанной, крайне скудны. Едва ли не наиболее полным источником сведений о них является надпись на приписываемой М. Дубровину карте, подготовленной И. К. Кириловым в 1731 г. для своего атласа (Берг, 1939). Эта надпись гласит: «Астраханского владения часть и калмык российских и их данников трухменцов кочевье и с ними пограничных бухарской, хивинской и иных провинций; даже до персидского и могольского владения и озера, называемого моря аральского и знатных рек в него впадающих и из него, где в прежние времена течение реки было в море Каспийское, еже все через Марку Дубровина бывшего в службе российской морской капитана. А случившагося во всех тех провинциях быть в 1729 г. описано, ныне же в Российском атласе напечатана коштом обер-секретаря Иоана Кирилова в Москве 1731».

На этой карте, лишенной градусной сетки, Аральское море, в которое впадают Аму-Дарья, Сыр-Дарья, «Ор-Дарья» и безымянная река, имеет небольшие размеры. Оно нанесено к востоку от Кара-Богаз-Гола, вытянуто с северо-запада на юго-восток и усеяно островами. С Каспийским морем оно соединено каналом, который назван сухим; он начинается двумя рукавами из Аральского моря и одним из Аму-Дарьи. Эти русла сливаются между морями в одно, оканчивающееся у Балханского порога. От северного берега Аральского моря почти до Кара-Богаз-Гола протягивается горная цепь.

На карте приведены также сведения о Средней Азии и ее народах. В частности, на ней дан довольно большой перечень городов и населенных пунктов.

Экспедиция, до некоторой степени уточнившая очертания Аральского моря, была отправлена из Оренбурга в 1740 г., в связи с тем, что хан Абулхаир обратился с просьбой приступить к постройке города близ устья Сыр-Дарьи. 5 сентября 1740 г. для осмотра места строительства были отправлены поручик оренбургского драгунского полка Д. Гладышев, геодезист И. Муравин, «инженерный надзиратель» Назимов, переводчик и несколько казаков. 7 октября (Ханыков, 1850б, стр. 519 и 525)⁶ они достигли ставки хана, потеряв в пути двух человек, которых забрали в плен напавшие на них киргиз-кайсаки. Хана в ставке не было. Экспедиция присоединилась к нему в «Аральском городке», и они поехали вместе в Хиву. (Хивинцы, которым угрожал персидский шах, звали Абулхаира на ханство.) В Хиву экспедиция прибыла 7 ноября (там же, стр. 520). На следующий же день И. Муравин, по просьбе Абулхаира, поехал к персидскому шаху, находившемуся в близлежащем г. Ханки, с тем, чтобы уговорить его отказаться от нападения на Хиву. Обратный И. Муравин вернулся 11 ноября. Случайно узнав о недружелюбных намерениях шаха, Абулхаир и русский отряд в тот же день бежали к аральцам. Отсюда Д. Гладышев и И. Муравин вернулись в апреле 1741 г. в Орск.

Д. Гладышев представил «Показание...» об экспедиции и письмо толмача М. Нурлина со сведениями о родах, на которые делятся кара-калпаки, аральцы, туркмены, о разных владениях Хивинского ханства, о персидских и «индийских» городах.

И. Муравин также составил «Показание...», подробно описав путь и приложив таблицу, в которой указано расположение отдельных пунктов (румбы и градусы) и расстояние между ними (в верстах). Кроме того, он представил «Журнал трактам с румбами», «Журнал описаниям киргиз-кайсакам, кара-калпакам, аральцам и хивинцам, и кто какое имеет довольствие и каким манером носят платье...» и «Опись как ездил с грамотой к персидскому шаху от Абул-Хаира хана геодезист Муравин», а также

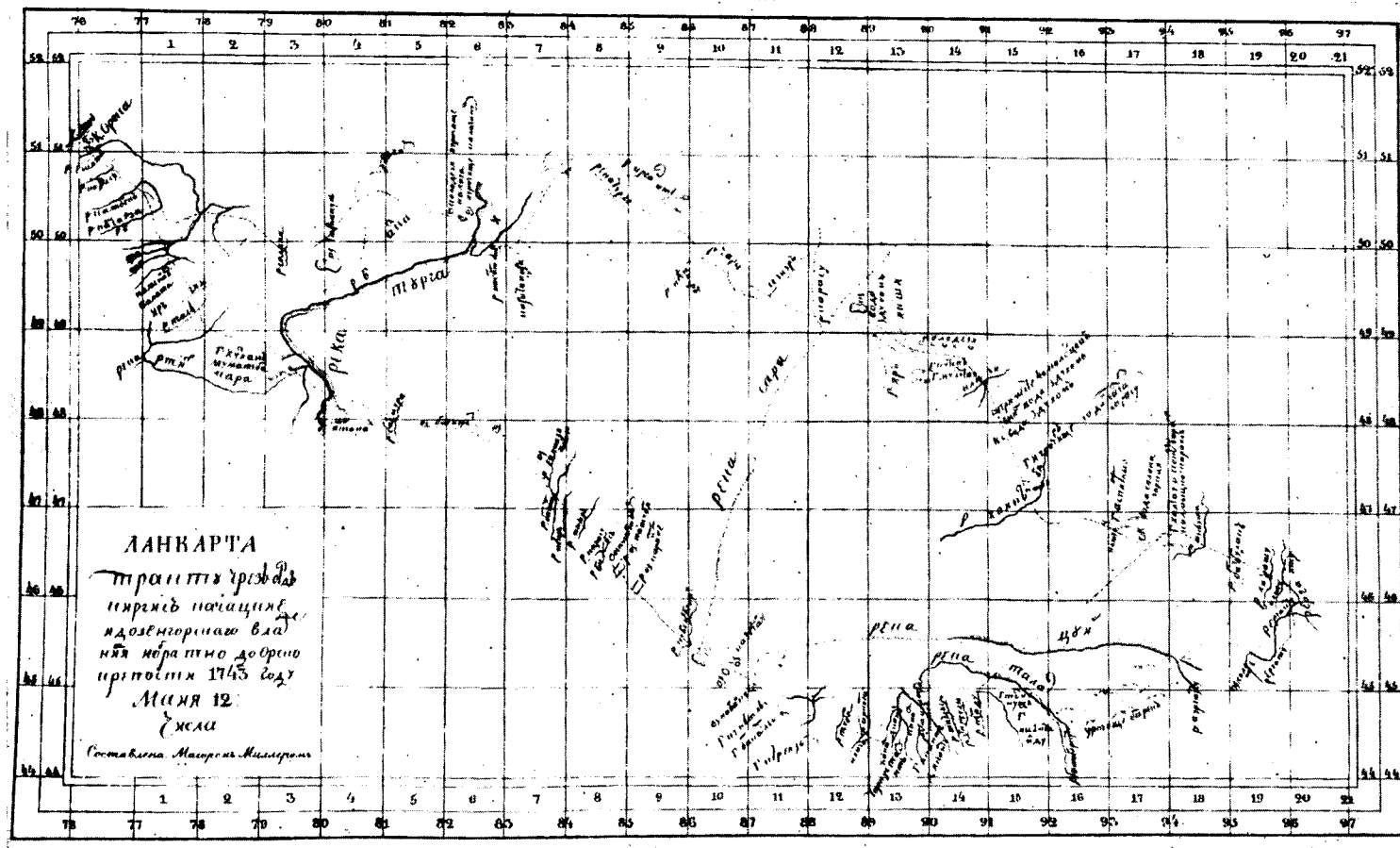

Рис. 43. Карта экспедиции К. Миллера в Среднюю Азию в 1742 г. (Ханыков, 1850а).

«Ланкарту тракту от крепости Орской через киргизское, каракалпацкое и аральское владения до г. Хивы»⁷. На этой карте впервые были показаны правильные очертания восточной части Аральского моря. В документах Д. Гладышева и И. Муравина, опубликованных Я. В. Ханьковым, приводится много верных сведений о природе и народах, обитавших в посещенных ими местностях.

В географическом отношении более интересны сведения и карта И. Муравина, имеющая градусную сетку, которая, по мнению Я. В. Ханькова (там же, стр. 523), была нанесена или автором карты, или одним из его современников (рис. 44). За нулевой принят меридиан, проходящий через г. Хиву. На рамке карты нанесены также долготные деления от о-ва Ферро.

На карте изображен путь экспедиции от Орска до городов Хивы и Ханки, где находился персидский шах, реки, урочища, горы, озера и города, которые встречала экспедиция. Нанесен весь восточный берег Аральского моря до Аму-Дарьи и часть северного берега. Протяжение всего нанесенного на карту берега составляет 809 верст, из них 97 верст описаны при продвижении экспедиции вдоль самого моря, а остальная часть, когда «оное не видно было, однако (находилось.— В. Г.) не в дальном расстоянии» (там же, стр. 552).

Около моря идут надписи: «Степь кочующих киргиз-кайсаков», «Каракалпацкое владение», «Степь пустая», «Аральское владение». По Аму-Дарье написано: «Хивинское владение». Показаны города Хива (Шават), «Кент», Гурлян (Гурлен), «Адарис», Урганичь (Ургенч) и Ханки. Несколько западнее с левой стороны от устья Аму-Дарьи сделана надпись: «Кочевье Трухменское».

Большинство определений географического положения изображенных на карте объектов сделано с удовлетворительной точностью. Северный край залива Сары-Чаганак протягивается почти до 47° с. ш. (на современной карте до 46°50′). Южный берег нанесен приблизительно на 30′ южнее, чем на современных картах. Долгота северного края залива Сары-Чаганак до о-ва Ферро составляет 79°30′ (около 62°10′ по Гринвичу) и не совпадает с современными определениями (61°45′), но при оборудовании, которым располагал И. Муравин, едва ли можно было достигнуть большей точности. Очертания восточного берега Аральского моря близки к действительным.

Карта И. Муравина уже в 1755 г. нашла отражение в атласе Оренбургской губернии И. Красильникова и стала известна ученому миру. Ее данные были использованы в дальнейших работах по определению береговой линии Аральского моря. Она интересна и для исторической географии: на ней приведены названия бывших когда-то поселений на левом берегу Аму-Дарьи и обозначен некогда располагавшийся там г. Визирь (Веселовский, 1877, стр. 193).

В путевом журнале И. Муравина приводится краткая характеристика однообразной природы: «От речки Иргиза до Аральского моря урочища — горы Тыштыргичь 243 версты; дорога местами песчаная, бугорки, корм (для лошадей.— В. Г.) и лес есть, токмо лес такой, что только на варение годен, а воды нет; однако сказывали, что по нужде, можно в низких местах копать колодези, глубиною сажени в две; а они сами ехали зимою и вместо того снегом довольствовались» (Ханьков, 1850б, стр. 549).

Аральскому морю И. Муравин посвятил более подробное описание: «Вода в нем соленая, только опую от нужды можно и в кушанье употреблять... Глубоко ли оное море или нет и какое дно, не знает и слышать было не от кого; только по берегам, где они были, видели, что тут дно песчаное и мелкой камень; островов видели они два, так как

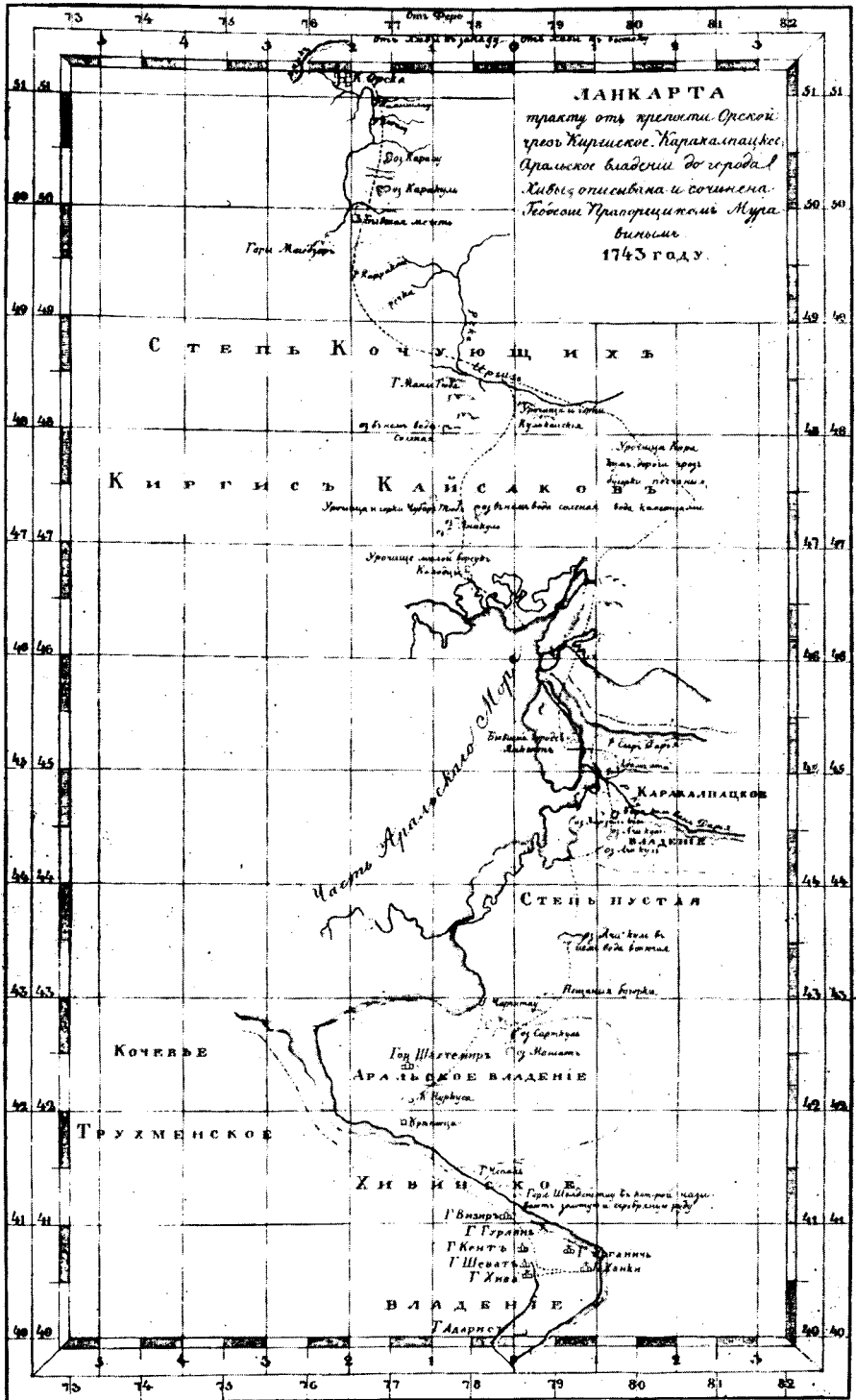

Рис. 44. Карта экспедиции в Хиву в 1740–1741 гг., составленная И. Муравинным (Ханьков, 1850б).

чуть можно было видеть; пески великие и мели; также судовой ход есть ли, не знают и слышать было не от кого; токмо сказывали Каракалпаки, что они по тому морю в лодках сажени в три малыми парусами подле берегу и камышов ходят в Аральцы, от устья р. Сыр-Дарьи до устья Улу-Дарьи (Аму-Дарьи.— В. Г.) и поспевают, ежели благополучная погода, в два дни, а ежели неблагополучная, то дней в семь и восемь. Оное море, как признать можно, было очень велико, и мнится им, что и большими судами ходить не невозможно...

В вышеписанном море Аральском и впадающих в нем реках рыбы всякой довольно; птицы обыкновенные — лебеди, гуси и утки с довольством; около тех мест звери в камышах барсы; по степям — волки, чекалки, лисицы и корсаки» (там же, стр. 552—553 и 556).

Довольно подробно говорится и о реках Сыр-Дарье и Аму-Дарье.

И. Муравин описывает одежду народов, живших у Аральского моря, а также характеризует образ их жизни (там же, стр. 586—593). Он сообщает, что «киргисцы» кочуют по верховьям Ори, по Иргизу, Тоболу, Тургаю, Ишиму, хлеба не сеют и сена не косят, держат лошадей, овец, коз, изредка коров и «по малому делу верблюдов». Кара-калпаки живут около Сыр-Дарьи и Чуван-Дарьи, сеют пшеницу, ячмень, просо, пашут на быках; «на пашню из рек и из озер напускают воду». Среди прочего скота у них есть и коровы, но коз меньше, чем у киргизов. Аральцы живут близ Аральского моря вверх от устья «Улу-Дарьи». Город «Шахтемир» расположен на канале в 53 верстах от Аму-Дарьи, его глиняные дома совсем развалились, и теперь в нем «построения нет, кроме кибиток». Аральцы кочуют кибиток по 100—500 и занимаются, как и кара-калпаки, поливным земледелием, выращивают и овощи. Скота держат мало, но есть лошади — аргамаци.

У хивинцев он отмечает несколько групп населения: «Узбеки, т. е. дворяне или служивой люд, сарты, т. е. купцы и оные у них знатные люди»; они лучше одеваются и имеют богатое оружие («чинжалы»). «А простой народ ничем отмены не имеет от простого народу Аральского». Хивинцы живут близ Аму-Дарьи по каналам на ее правом берегу; у них есть восемь городов, которые окружены глиняными стенами вышиной 5—6 сажень, а кругом вырыты каналы. «И имеют своего хана деньги медные; и делают порох, а серу горючую покупают в Бухарии». В этой стране есть мельницы и толчеи, приводимые в движение верблюдами, лошадьми и быками. Сеют «кунзют, хлопчатую бумагу и табак». Есть скот и птица; разводят сады и выращивают овощи. В садах «овосчевые деревья сажают, дерево тут, на котором рождаются ягоды тут, и делают на оном дереве черви шолк». Около садов стены глиняные, туда «пропущены каналы».

В донесениях экспедиции есть также некоторые данные о хивинских городах и о порядке управления ими: «Хиве подсудных городов 11, из которых на пути, едучи от Оренбурга — Гурлянь, Везирь, Кент, Шабас, Казабат; по ту сторону Хивы — Ханки (оные города сами видели), Ургенч, Адарус, Бетняк, Аксарай (об оных слышали), в которых во всех главные тутошние князьки, а не хивинские, токмо во владении хивинском считаются» (Ханыков, 1851б, стр. 276).

Гораздо меньшее значение для географии имело путешествие купца Данилы Рукавкина, отправленного в 1753 г. из Оренбурга с купеческим караваном в «опыт к свободной с бухарскими и хивинскими народами коммерции»⁸.

Этот караван шел западным берегом Аральского моря «дикую киргизкайсацкою степью и мимо аральского и трухменского народов» в сопрово-

ждении киргиз-кайсаков, «во всегдашнем ожидании разграбления и побития нас» (Рукавкин, 1776, стр. 204). По прибытии в Хиву хан задержал караван и отобрал товары, оплатив их только через 10 месяцев, после того как оренбургский губернатор, в свою очередь, задержал в Оренбурге хивинцев.

Вернувшись в 1754 г. в Оренбург, Д. Рукавкин представил описание своего путешествия. Так как он содержался в Хиве «под присмотром», условия для наблюдений и получения сведений были неблагоприятны. Кроме того, он мало уделял внимания географическим вопросам.

Д. Рукавкин сообщил, что, перейдя р. Еньбу (Эмбу), караван шел «два дни до горы, называемой Юрняк», которая «между Каспийского и Аральского морей простирается сыртом, хребтом, а склонность имеет от Аральского к Каспийскому морю». Затем он шел «низкими местами, склоняющимися к Аральскому морю, три дни до крепости Ургенич, которая пуста». Она стоит на реке, о которой Д. Рукавкин говорит «из Аральского в Каспийское море течение имеет небольшая речка, (по-видимому, Узбой.— В. Г.), которую мы переезжали⁹. Она прежним течением, как видно по берегам, не менее десяти сажень была, но при самом исходе из Аральского моря завалена хивинцами по опасности от бывшего на Каспийском море разбойника Стеньки Разина, в 1670 г. разбой чинившего..., однакож и ныне та речка не малое течение воды имеет, при оной лесу имеется довольно, называемого тамошними саксаульника» (там же, стр. 207—208 и 212—213). Кроме того, он упоминает впадающие в Аральское море Аму-Дарью, Сыр-Дарью и Кувандарью. Расстояние от Оренбурга до Хивы он определил примерно в 1 тыс. верст.

Хивинское ханство, по его рассказу, рисуется слабым, с плохо организованным управлением. Торги бывают в установленные дни, особенно большой торг бывает в Ургенче, куда съезжаются киргиз-кайсаки, бухарцы, туркмены, «каралыцы». Промышленность незначительная: «парчицы шелковые и бумажные» весьма посредственного качества, которые возят в Оренбург.

ИЗВЕСТИЯ О БУХАРЕ И ТАШКЕНТЕ, СООБЩЕННЫЕ КУПЦАМИ Н. ГРИГОРЬЕВЫМ И НУТОМ МУХАМЕДОМ

Сведения, которые доставляли экспедиции о странах и народах Средней Азии, дополнялись сообщениями купцов или выходцев из этих стран в Россию. Некоторые из этих сообщений сохранились. Так, например, 8 декабря 1752 г. в Оренбургской канцелярии была получена «скаска» грека Николая Григорьева, в которой рассказывается об отдаленной Бухаре (Вельямитов-Зернов, 1853).

Н. Григорьев был родом из Ясс, жил в Нежине и Астрахани. Попад в бухарскими купцами в Бухару, он обзавелся имуществом и семьей, но лет через десять решил ехать обратно. По его словам, в Бухаре, население которой равно примерно 15 тыс. человек, кроме небольшого числа чиновных людей, «все почти торговые, мастеровые и ремесленные». От р. Куян (Зеравшан) до города проведен канал длиной верст 12. Вода в нем очень нездорова: «ежели кто невываривая, просто в пищу употреблять ее станет, у того через год в ногу или в руку или в бок из тела выходят тонкие и длинные черви». Промыслы «больше в хлебопашестве состоят», но много и скота. Из-за отсутствия «натуральной травы» там распространены посевные травы, которые дают урожай в течение шести лет. Наибольшее значение имеют орошаемые каналами «сады и овощи». Есть шелковое производство

и «хлопчатая бумага родится» (там же, стр. 15, 17 и 18). Промышленность незначительна.

Бухаре подвластны небольшие города и деревни, расположенные поблизости. Отпавшие крупные города — Ташкент, Ходжент (Ленинабад), Кукан (Коканд), Наманган, Балх (Вазирабад) и некоторые другие никому не подвластны. В военном отношении Бухара слаба и боится соседей.

Н. Григорьев довольно подробно останавливается на торговле, которую Бухара вела с Ташкентом, Персией и Индией. Перспективы торговли России с Индией, по мнению Н. Григорьева, невелики. Что касается до торговли России с Бухарой, то «впредь как туда здешние караваны отправлять, так и их сюда приездам быть не без пользы признавает» (там же, стр. 30).

Подобного же рода сообщение о Ташкенте, записанное 15 марта 1735 г. в г. Уфе, представил «сарт» Нут Мухамед. Он приводит сведения о расположении города, его управлении, садах, посевах, торгах, русских товарах, которые там идут, и т. д. (Добросмыслов, 1912, стр. 14—37).

Перечисленные описания показывают, что в первой половине XVIII в. в России имелись довольно разнообразные сведения о южной части Средней Азии, которые использовались при разрешении вопросов о политических и торговых сношениях с ней. В той или иной мере их могли использовать также географы и картографы (Г. Миллер, П. И. Рычков, И. Крайский). Таким путем они становились достоянием широкого круга читателей и исследователей.

Экспедиции в северную часть Средней Азии и в западный Китай в рассматриваемый период не совершались. Интерес к этим странам и обитающим в них народам, постоянно угрожавшим южным границам Сибири, приходилось удовлетворять путем сбора различных расспросных сведений, карт и т. д.

КАРТЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР (Собрание рукописных карт. Дополнение) хранится интересная копия старинной карты с надписями латинскими и русскими буквами (рис. 45)¹⁰. Латинские надписи передают названия мест более точно (Balchasch — Балхасх, Chaschchar — Хасххар и т. д.).

Карта охватывает с севера на юг территорию от верховий Иртыша и р. Chatun (Катуни) до хребта Mustak (Музтаг), а с запада на восток от оз. Chargolschin (Кургальджин) до г. Chamil (Хами) и хребта Barcol (Баркультаг). На современной карте эта территория находится примерно между 36—48° с. ш. и 70—94° в. д. Здесь была расположена Джунгария и прилегающие к ней районы.

На этой копии градусной сетки нет, даны лишь градусные деления между 41—45°15' с. ш. и 89—111° в. д. Если предположить, что нулевой меридиан проходит через Капарские острова (о-в Ферро), как было принято в то время, то может показаться, что долготы определены более или менее удовлетворительно. Но грубые ошибки в определении широт в южной части карты, вследствие чего расстояние с севера на юг очень сокращено, свидетельствуют о том, что правильность в определении долгот случайна.

На карте довольно подробно изображены горные хребты и речная сеть. Показаны населенные пункты Самарканд, Ош, Кашгар, Choton (Хотан), Керия, Тигман (Турфан) и ряд других, а также озера — Балхаш, Lacus Tuscul (Иссык-Куль), Зайсан, Лопнор (Лобнор) и др. Реки, текущие в оз. Лобнор с запада, — Тарим, Кончедарья, хотя и нанесены, но не назва-

пы. С восточной стороны в озеро впадает река «Balangir». Изображение оз. Лобнор, протягивающегося с запада на восток, напоминает изображение на карте Н. М. Пржевальского (1947), и его очертания отличаются от очертаний на современных картах.

Название карты и автор ее не указаны. Возможно, об этом было сказано в ее левом нижнем углу, который заклеен. На обороте есть надпись: «Копировал Семен Старых августа 24 д. 1742 г.»

Рассматривая вопрос о происхождении карты, следует отметить почти точное совпадение ее в отношении показанных географических объектов и их расположения с картами, связанными с именем сержанта шведской артиллерии И. Рената, попавшего после Полтавской битвы в русский плен, а потом захваченного в Сибири калмыками, продержавшими его у себя 17 лет (1716—1733 гг.).

И. Ренат привез из плена две карты, изображавшие районы Центральной Азии и некоторые прилегающие места. Надписи сделаны на калмыцком (ойратском) языке. Одна из этих карт, изображавшая территорию от г. Хами на востоке до г. Самарканда на западе, скопированная джунгарами с китайской карты, была получена И. Ренатом от хана Галдан-Цэрэна. Другая карта, более мелкого масштаба, на которой показана более обширная территория (от Улан-Батора до Турфана), была захвачена у китайского отряда, на который напали калмыки. Таким образом, «калмыцкие» карты китайского происхождения. И. Ренат, вернувшись из плена, сделал с первой из них копию, которая несколько искажена и содержит некоторые дополнения, но в общем близка к подлиннику. Обе «калмыцкие» карты и копия И. Рената были найдены в шведских библиотеках писателем И. Стриндбергом в 1878—1879 гг. Фотокопии с них были пересланы в Русское географическое общество (Рорре, 1955; Макшеев, 1891, стр. 582-583).

Сначала пользовалась известностью шведская копия, найденная раньше «Калмыцких» карт. Считалось, что эта карта была составлена И. Ренатом. Она была воспроизведена в 1888 г. в России и приложена к статье А. И. Макшеева (1888). Краткое сообщение о «калмыцких» картах было опубликовано в России в 1891 г. (после получения фотокопий из Швеции) А. И. Макшеевым (1891) и Д. М. Позднеевым (1891, стр. 580—582). В последние годы фотокопии «калмыцких» карт были опубликованы Л. С. Багровым (Bagrow, 1951) и Н. Поппом (Rorre, 1955).

Копия С. Старых более близка к «калмыцким картам», чем к копии И. Рената. На последней нанесены границы владений, чего нет на копии С. Старых, и гораздо больше населенных пунктов, а также показаны территории, занятые песками и лесами. От «калмыцких» карт копия С. Старых отличается тем, что имеет градусное деление. Более подробное сопоставление с «калмыцкими» картами затруднено неудобочитаемостью слишком мелких надписей на опубликованных копиях.

Таким образом, копия С. Старых могла быть копией одной из карт, вывезенных И. Ренатом из Джунгарии. Вместе с тем обращает на себя внимание резко различная манера изображения горных цепей, которые у С. Старых показаны в виде нагромождения близко примыкающих одна к другой горных вершин.

Возможно, историю возникновения копии С. Старых может разъяснить латинская рукопись из архива петербургского академика Г. Байера, найденная академиком И. Гамелем за границей в 1845 или 1846 г. (Котвич, 1919, стр. 797—798). В ней приведены в латинской транскрипции (как и на копии С. Старых) ойротские названия с «калмыцких» карт. Можно предполагать, что И. Ренат, проезжая через Петербург в 1734 г., показывал карты кому-либо из академиков, в результате чего возникла

упомянутая выше рукопись, а также связанная с ней копия С. Старых. Своеобразное изображение на последней гор, может быть, подтверждает, что была еще одна, до настоящего времени не обнаруженная «калмыцкая» карта.

По содержанию «калмыцкие» карты (а также копии С. Старых и И. Рената) очень интересны. А. И. Макшеев (1888, стр. 116) писал про копию И. Рената, что если бы она не затерялась, то в течение целого столетия (до появления карт Клапрота) была бы лучшим изображением западной части Центральной Азии.

Все же, признавая достоинства «калмыцких» карт и их копий, очень богатых подробностями, следует сказать, что китайская карта, составленная иезуитами в царствование императора Као-Си и изданная в Париже в 1734 г. Ж. д'Анвилем, изображала южную часть Джунгарии и пустыню Такла-Макан, хотя и менее подробно, но гораздо точнее.

Карты Као-Си с надписями на китайском языке хранятся в ЦГАДА¹¹. Некоторые названия на них даны также и по-русски. На карте, названной «Ландкарта Зюнгорского владения», в северной части показана р. Боротала, в ее южной части — «степь пустая, гели Гобеашам» и р. Дариму (Тарим) (рис. 46).

Копия С. Старых, несмотря на содержащиеся в ней ценные сведения, не пользовалась в России широкой известностью. Например, она не оказала влияния на карту, составленную около 1760 г. в Тобольске «при секретной экспедиции», изучавшей вопрос о необходимости проведения новой оборонительной линии между р. Иртышом и Телецким озером, впоследствии названной Колыванской линией. На карте есть подписи Ф. И. Соимонова, генерал-майора Г. Веймарна и бригадира К. Фрауендорфа (рис. 47).

О целях, преследовавшихся при ее составлении, и использованных источниках, говорят сделанные на ней надписи и две наклейки, исправлявшие ошибки, допущенные на карте. Она называется «Карта полуденной части Сибирской губернии от 51° северных широты с частью Иркутской до Колыванской, Воскресенской и Кузнецкой линий». От оных она продолжена далее полудни до 49 градуса с показанием всего Зюнгорского владения и смежными с ней... владениями, обратная из разных имеющих здесь при секретной экспедиции о тех землях путешествственных карт, из полученных от вышедших из той земли в Всероссийское подданство Зюнгорских калмык известиев».

Как сказано в тексте на верхней наклейке, на карте намечено расположение проектируемых крепостей, которые должны были предохранять от угрозы нападения серебряные рудники «и впредь производимое хлебопашество».

В надписи на нижней наклейке сказано, со слов выходцев из г., Заир, что в 400 верстах от Усть-Каменогорской крепости у «оз. Халтир-Ишига» расположены места «равные и хлебородные с пресными текущими ключами и озерками наполненные», что там есть город, производится торговля с киргиз-кайсаками и имеется «немалое хлебопашество». Под «оз. Халтир-Ишига» следует, вероятно, понимать оз. Эби-Нур (примерно в 500 км от Усть-Каменогорска), в которое впадает р. Барастала (Боротала). К северу от этого озера находится перевал Джаир.

В юго-восточной части изображенной на карте территории нанесены города Камиль (Хами) и Турфан, в ее северо-западной части — степь кочующих киргиз-кайсаков с р. Тургай. На юго-западе показаны часть «Большой Бухарии» и р. Сыр-Дарья с крупными притоками. Нанесен г. Ташкен», а также небольшая часть «Крыкалпацкого» владения.

Рис. 45. Копия одной из калмыцких карт И. Рената, снятая С. Старых, 1742 г.
(Библиотека АН СССР, Отдел Рукописной книги, Собрание рукописных карт, Дополнительная часть № 133).

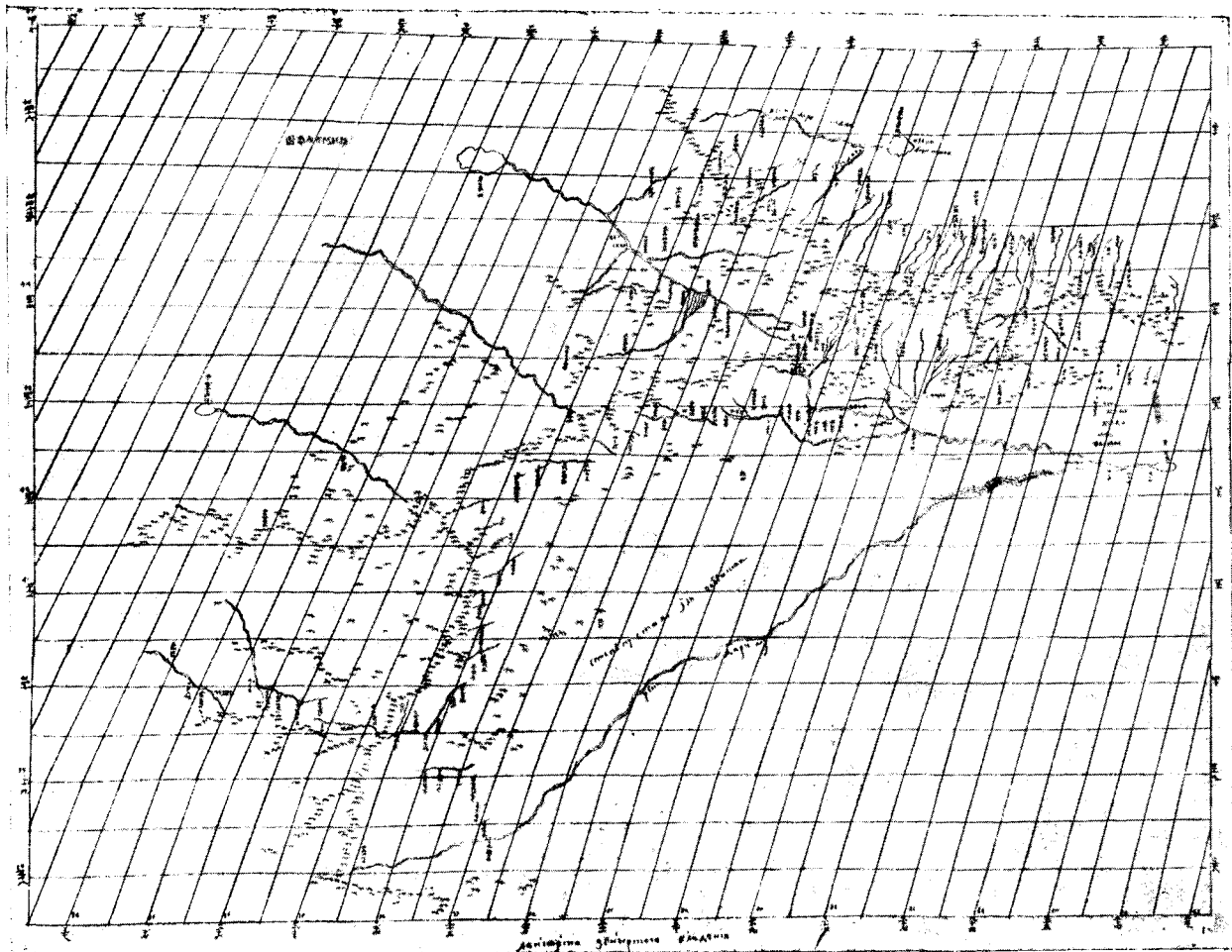

Рис. 46. Китайская карта Джунгарии, составленная в начале XVIII в. для императора Кан-Си (ЦГАДА, ф. 192, Картограф. биб-ка МГА МИДХ, карты Китая, № 3),

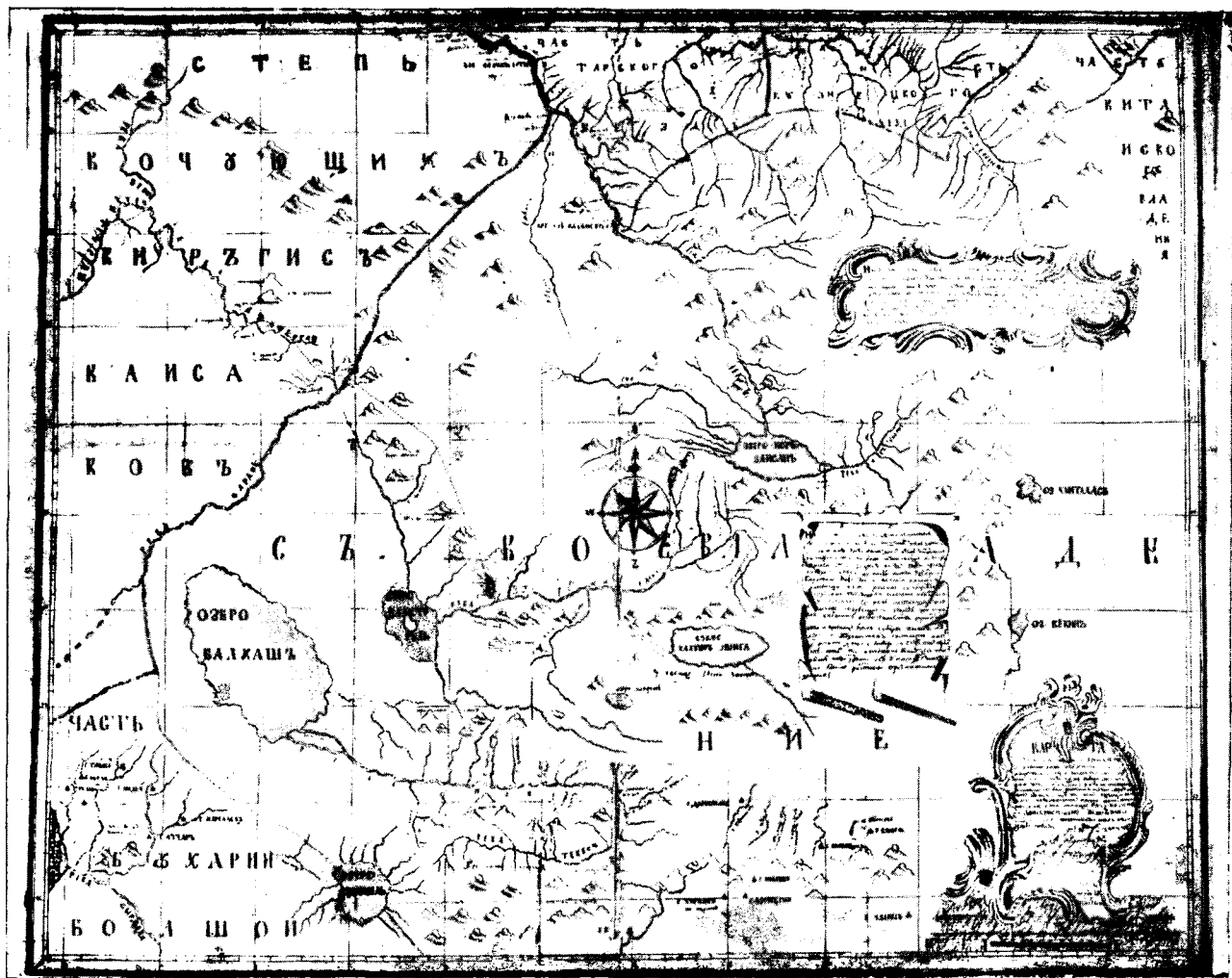

Рис. 47. Карта южной части Сибирской губ., подписанная Ф. И. Соймоновым, Г. Веймарном и К. Фрауендорфом. Около 1760 г. (ЦГВИА, ф. 3 л, карты Сибири, № 2350).

Многие из названий этих объектов соответствуют современным или легко с ними отождествляются, например, оз. Балхаш, р. Иля (Или) с притоком Текес, р. Имиль (Эмель). Некоторые названия, однако, сильно отличаются от современных: оз. Алактоголь (Алаколь), оз. Тускель (Иссык-Куль), «оз. Кингалас» и т. д. Очертания озер неверны, а расположение их и других географических объектов иногда очень неточно. Например, место слияния рек Тургая и Каратургая показано почти на одном меридиане с западным берегом оз. Балхаш, тогда как в действительности между ними почти 8° долготы. Несмотря на все эти недостатки, карта свидетельствует о том, что в то время уже существовало общее представление об огромной территории, примыкающей к южной границе Западной Сибири.

ЭКСПЕДИЦИИ В РАЙОНЫ ЗАПАДНОГО И ЮЖНОГО ПОБЕРЕЖИЙ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

В царствование Петра Первого русское правительство уделяло большое внимание расширению своего влияния на западном побережье Каспийского моря. К этому его побуждало укрепление русских в Астрахани, открывавшее возможность развития судоходства на Каспийском море и торговых связей с восточными странами, необходимость обезопасить в этих местах границы с Персией и Турцией и желание усилить русское влияние на Кавказе. Эти соображения заставили Петра Первого сделать попытку занять южный и западный берега Каспийского моря, которые, начиная от устья Терека, принадлежали Персии.

Война с Персией 1722—1723 гг. окончилась занятием русскими отрядами этих берегов. Однако завоевания оказались непрочными, и в 1735 г. эти территории были возвращены Персии, а русские войска отошли на северный берег Терека.

В связи с развертывавшимися событиями требовались сведения об этих районах и населявших их народах. До рассматриваемого нами периода, по сообщению М. А. Полиевктова (1935, стр. 217), о географии этих районов писали посетившие их А. П. Волынский (1716—1718 гг.), Д. Белл (1715—1718 и 1722 гг.), Ф. И. Соймовов (1719—1727 гг.), Г. Шобер (1717—1722 гг.), Д. Кантемир (1722 г.).

В 1722—1729 гг. западное побережье Каспия и прилегающие к нему районы неоднократно посещал майор артиллерии И. Гербер¹² (произведенный затем в полковники), который был в 1727 г. одним из комиссаров по заключению договора между Россией и Турцией о разграничении владений. Он составил несколько карт западного побережья Каспийского моря и описал населявшие этот район народы. Его «Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и р. Куром народах и землях...» было первой появившейся в печати попыткой дать систематизированные сведения об этой стране. Оно было передано И. Гербером в 1730 г. Г. Миллеру и появилось в журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» в 1760 г.¹³ «Известие...» представляло собой описание, приложенное к составленной И. Гербером в 1727 г. карте тех же мест.

И. Гербер ведет изложение по «землям» и провинциям, которые подразделяются на уезды или обособленные деревни, и по народам. По какому признаку он выделяет «земли» и провинции, не всегда понятно. Рассматривая территорию с севера на юг, он описывает «черкесов», живущих в Кабарде; землю Дагестан (верхний и нижний), земли «Бойнак и Утемыш»; деревни Андрееву, или Ендери, и Кубешу (Кубачи); кайтаков и каракайтаков, провинции «Лезгистан», Тавлистан аваров, провинцию кахетов, отделившуюся от Грузии, землю Ширванскую.

И. Гербер дает характеристику народов, их занятий, взаимоотношений с соседями, способов управления, военной силы. Об обычаях рассказывает мало. Мало уделяется внимания и физической географии описываемых районов. И. Гербер ограничивается самыми общими характеристиками, отмечая, например, что местность гористая или ровная, земля плодородная или неплодородная. Флора и фауна почти совсем не описаны. Но в пределах узкого круга затрагиваемых И. Гербером вопросов сообщаемые им сведения о стране и народах, основанные, очевидно, на личных наблюдениях или сообщениях сведущих лиц, обстоятельны и конкретны.

Карта Кавказа с градусными делениями, но без сетки, составленная И. Гербером в 1727 г., печаталась Академией наук в 1728 и 1729 гг. (рис. 48)¹⁴. Она охватывает территорию, расположенную между 38°40'—46°30' с. ш. и 75°—83° в. д. Карта не отличается точностью, что было, конечно, результатом отсутствия геодезических съемок территории, значительная часть которой (западная) к тому же И. Гербером не была посещена.

Гораздо больше географических сведений о западном побережье Каспия содержится в трудах врача И. Лерхе, много путешествовавшего по России и соседним странам¹⁵. Его записки¹⁶ не содержат систематического описания стран. Это лишь заметки путешественника, ездившего по служебным делам. В них главное место занимает рассказ о событиях, свидетелем которых он был (военных действиях, эпидемиях, народных волнениях и т. д.). Однако, интересуясь естественными науками и отличаясь аккуратностью, он сделал много ценных наблюдений, в частности, в области метеорологии.

Наиболее интересные географические материалы содержатся в описании путешествия И. Лерхе по западному берегу Каспийского моря в 1733—1735 гг. Он выехал из Москвы 15 февраля 1732 г. и 13 марта 1733 г. направился из Астрахани на западный берег Каспийского моря, в районы к югу от Терека, занятые русскими войсками. Обрато он выехал в 1735 г. после приказа о выводе войск. За это время И. Лерхе совершил поездку по берегу моря до р. Куры, побывал в Баку и на Апшеронском п-ове. В его записках встречаются замечания о плодородии земли, растительном и животном мире побережья, нездоровом климате некоторых местностей. Особенно много внимания уделено явлениям, связанным с нефтеносностью района Баку: грязевым вулканам (описанным до него еще Ф. И. Соймоновым), которые И. Лерхе называет «растущими горами», нефтяным колодецем и «беспрестьянным огням», которые его очень заинтересовали.

Происхождение беспрестьянного огня И. Лерхе связывает с нефтью, «которая здесь вблизи бьет и по всему уезду находится». В первый приезд И. Лерхе в Баку этот огонь горел «в неравной продолговатой яме, длиною на 20 сажень, которая имеет глубину не более 1½ сажени, дно ее состоит более из камней, нежели из земли». Самое высокое пламя поднималось не выше, чем на 3 сажени; тут же производился обжиг известняка. За этой большой ямой было еще много маленьких ям, в которых также горел огонь (Лерхе, 1790, стр. 75—80).

Около этих «беспрестьянных огней» жили «гебры или древние персидские обожатели огня». Некоторые из них читали книги и молились, считая, что этим мешают ускользнуть дьяволу, которого бог обрек на сожжение, отчего и происходит огонь. Идолов у них не было. Коров они считали священными животными. В избах «обожателей огня» огонь для приготовления пицци и согревания зажигался в небольшой ямке. Для освещения служили камышины длиной «в локоть», воткнутые в землю у кроватей; у их верхнего конца зажигался огонь, вместе с тем камышина не сгорала. Одежды эти люди не носили и лишь опоясывались платками. У них были длинные

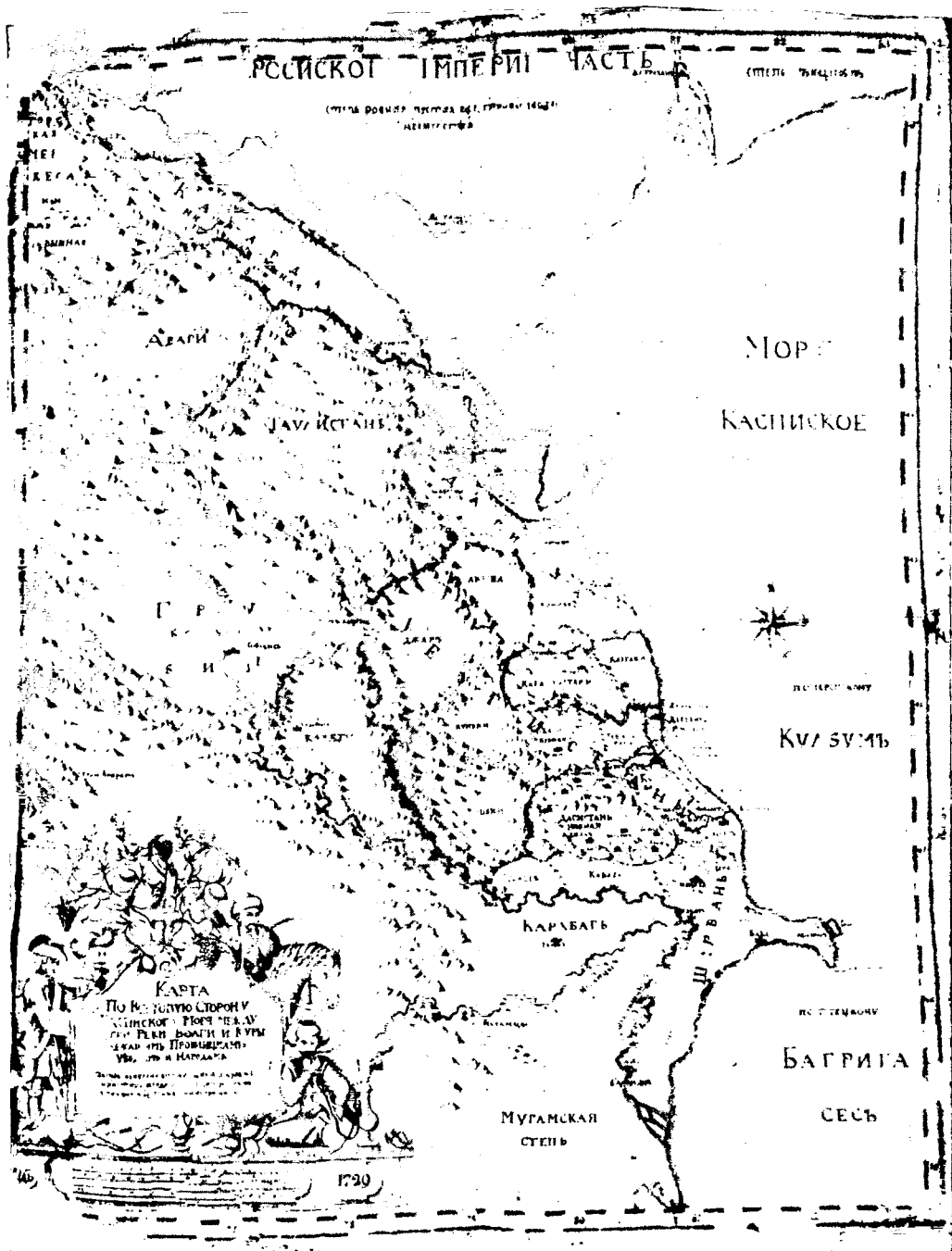

Рис. 48. Карта западного побережья Каспийского моря, составленная П. Гербером в 1727 г. (ЦВИА, ф. ВУА, № 20113).

косы, волочившиеся по земле или закрепленные пучком на голове, они никогда их не расчесывали. Поперек лба они проводили мазью из коровьего помета и шафрана желтую полосу. Здесь же у огня жили и «индийцы, которых почти во всех персидских городах не мало находится» и которые «делают великие благоговения» (там же, стр. 75—76).

Во многих местностях западного побережья Каспийского моря, особенно около Баку, где имелись нефтяные ключи и колодцы, нефть широко вошла в быт населения. Зимой над городом стоял густой дым, и запах нефти разносился на большое расстояние.

Мы находим у И. Лерхе также записи наблюдений за изменениями уровня Каспийского моря, сохранившие значение для изучения истории этого явления.

И. Лерхе первый обратил внимание на сообщения о колебаниях уровня Каспия и их периодичность, но в печати сведения об этих явлениях появились раньше, чем его записки. Эти сведения были опубликованы английским путешественником Д. Генвеем (Hanway, 1754, стр. 103), хотя тот побывал на Каспийском побережье уже после И. Лерхе. Этим вопросом интересовался и В. Н. Татищев (1793, т. 3, стр. 185).

И. Лерхе приводит доказательство повышения воды в Каспийском море в последние годы, отмечая, что «приращения и возвышения воды в Каспийском море примечены у г. Баку некоторые явные следы. Две стены, находящиеся по обеим сторонам города, простираются в море на 60 шагов, которые без сомнения, вначале построены были на суше». Он приводит и несколько других примеров: пришлось оставить из-за прибывания воды большой магазин в устье Волги на о-ве Ярки, затем, если верить жителям г. Баку, д. Ших, расположенная на южном берегу Апшеронского п-ва и отделенная от о-ва Наргена проливом шириной в 3 версты, по которому ходят корабли, когда-то соединялась с ним косой¹⁷. И. Лерхе не соглашался с распространяемым в то время мнением, что Каспийское море имеет какие-либо «подземные проходы» в Черное море, «как о том в старину думали». Он полагал, что «приращение сего моря и потому весьма вероятно, что, кроме большой реки Волги, весьма многие текущие из высоких Кавказских и Гиркалских хребтов вливаются реки, которым невозможно уходить парами, хотя там зной и чрезвычайный» (Лерхе, 1790, январь, стр. 35—37). Но он приводит также рассказы персов, что «море каждые 30 лет то прибывает, то убывает» (Лерхе, 1791, февраль, стр. 79).

Сообщение И. Лерхе о колебаниях уровня Каспийского моря впоследствии неоднократно использовалось исследователями (Соколов, 1848, стр. 13; Вгискер, 1890, стр. 67; Берг, 1934, стр. 34—35). Л. С. Берг, на основании собранного им обширного материала, как известно, считает периодичность колебания уровня Каспийского моря несомненной, хотя она и не совпадает с 30 годами, о которых со слов местных жителей писал И. Лерхе.

Еще одно путешествие по западному берегу Каспийского моря И. Лерхе совершил с посольством С. Голицына, выстуившего 4 января 1747 г. из Кизляра. В журнале И. Лерхе, относящемся к этому путешествию, имеются только беглые замечания о природе и населении посещенных им мест.

Кроме рассказа о районах на южном берегу Каспийского моря, И. Лерхе, прожив довольно долго в Астрахани, которая была тогда многонациональным городом, составил ее описание.

В заметках о других посещенных местах И. Лерхе мало уделяет внимания географическим описаниям. Его описание этих маршрутов, охвативших большие территории, интересно многочисленными метеорологическими данными. И. Лерхе сам сознавал, что наблюдения, которые он делал проездом, недостаточны, и говорил, что «путешествующий токмо

поверхность рассмотреть может» (Лерхе, 1790, январь, стр. 43). Его заслуга заключается в том, что он стремился быть точным и аккуратным. Об этом убедительно свидетельствуют его трезвые замечания на работу Г. Шобера «*Memorabilia Russico-Asiatika*» (Lerche, 1763).

Много сведений о Северном Кавказе, западном побережье Каспийского моря и других южных странах содержали русские карты и копии с иностранных, в частности с французских, карт, известия о которых встречаются в литературе¹⁸.

Иностранцы карты обрабатывались русскими геодезистами, которые объединяли их в крупные сводные карты, охватывавшие в некоторых случаях территорию от Азовского моря до Персидского и Оманского заливов, Малую Азию, Средиземное море, «Арапскую землю» (Африку) и Среднюю Азию. Представление о таких работах дает копия «Ландкарты о Персии, собранной из разных чертежей, а именно с чертежа турецкого, присланного от господина Неплюева, с чертежа артиллерии от подполковника Гербера и с печатного, который взят у инженера Фендриха Браина, некоторых собирали под надзором вышеописанного подполковника Гербера геодезисты Алексей Кушелев и Алексей Писарев в 1731 г.» (рис. 49) (ЦГВИА, ф. ВУА, № 20 501).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ И КАРТИРОВАНИЕ КАСПИЙСКОГО, БАЛТИЙСКОГО И БЕЛОГО МОРЕЙ

В рассматриваемый период были произведены серьезные работы по описанию и картированию морей.

Картография Каспийского моря имеет долгую историю, начало которой восходит к V в. до н. э. обстоятельное изложение этой истории дано в работах Л. С. Багрова (1912а) и Л. С. Берга (1940б и 1946б). Интересный материал о развитии картографических представлений о Каспийском море, начиная с древнейших времен, опубликовал Д. М. Лебедев (1950, стр. 220—223). Из этих работ видно, что в мировой и русской картографии очень долго господствовали совершенно неверные представления об очертаниях Каспия. В частности, Аму-Дарья часто показывалась впадающей в него, и только в конце XVII в. (в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова) она впервые была изображена впадающей в Аральское море. Правильное картографическое представление о Каспии появилось лишь в начале XVIII в. после ряда совершенных в этот район экспедиций.

В 1703 г. была составлена карта Каспийского моря капитаном Еремеем Мейером, направленным Петром Первым на «Хвалинское море». Эта карта до сих пор не найдена.

Большой интерес представляют две карты А. Бековича-Черкасского¹. На них довольно правильно изображено восточное побережье Каспийского моря, вдоль которого он плывал в 1715 г., в частности, залив Мертвый Култук. Правдоподобно изображены очертания Кара-Богаз-Гола, в который заходила экспедиция. А. Бекович-Черкасский подтвердил также, что Аму-Дарья в настоящее время не впадает в Каспийское море и что есть старое запруженное русло реки (Актам), которое также было нанесено им на карту в глубине Балханского шора (Шафрановский и Княжецкая, 1952, стр. 544—546).

На одной из карт А. Бековича-Черкасского довольно удачно изображено Аральское море.

Плававшие после А. Бековича-Черкасского (1716—1718 гг.) А. И. Кожин и В. Урусов уточнили очертание восточного берега Каспийского моря. Вместе с тем они не дали на своей карте полных очертаний Кара-Богаз-Гола, который вследствие рассказов о «Засасывающей пучине» и «камнях у входа» не посещался мореплавателями до 1836 г. и изображался неточно (Соколов, 1847а, стр. 168). В 1717—1718 гг. съемки северо-восточной части Каспийского моря производил М. Травин.

Составить карту всего Каспийского моря, включая западный берег оказалось возможным только после экспедиции К. Ван-Вердена и Ф. И. Соймонова, работавшей в 1719—1720 гг. и проплывшей западным берегом от Астрахани до Горганского залива.

В 1720 г. на основе карты этой экспедиции и материалов предыдущих экспедиций была составлена новая карта всего Каспийского моря. Он:

была издана и отправлена Петром Первым в Парижскую Академию наук, напечатанную ее в Амстердаме с надписями на французском языке (Соколов, 18526, стр. 10—12). Эта карта явилась большим событием в географии и много раз издавалась за границей. Едва ли П. Б. Иноходцов (1789) преувеличил ее значение для мировой географии, сказав, что, после составления карты на основе многократных экспедиций, организованных Петром Первым, «известно стало, что море сие не кругло, как воображали себе прежние географы, но продолговатый имеет вид» (стр. 4).

Однако недочеты этой карты были еще очень существенны: очертания северо-восточной части Каспийского моря сильно отличаются от действительных, оно простирается очень далеко к северу, восточный берег слишком вытянут в направлении с севера на юг и заливы Кара-Богаз-Гол и Хивинский очерчены не полностью². Градусная сетка отсутствует.

После опубликования карты 1720 г. съемки Каспия не прекращались. В 1723 г. по приказу Петра Первого производил опись всего Каспийского моря поручик П. Брюс, карта которого, представленная, по его словам, Петру Первому, до нас не дошла (Eichwald, 1838, стр. 132—142).

8 марта 1726 г. Адмиралтейств-коллегия вынесла решение провести новую опись, «понеже сочиненная в 1721 г. капитаном фон Верденым об этом море карта, хотя и имеется, но токмо в той карте вновь завоеванных провинций, крепостей и гаваней и пристаней и рек не показано, а без оного о тех местах в коллегии известия не имеется» (МРФ, 1875, стр. 301). Ф. И. Соймонов, назначенный начальником этой экспедиции, вышел в плавание из устья Волги 6 мая 1726 г. на трех судах. Из них бот под командой штурмана Долматова отправился к устью р. Яика (Урала), а два других судна, на одном из которых находился Ф. И. Соймонов, начав плавание вдоль восточного берега, обошли все Каспийское море и в ноябре вернулись в Астрахань (Соймонов, 1763, стр. 6).

Один из кораблей в самом начале плавания получил серьезное повреждение, что заставило в дальнейшем ускорить проведение работ. На южном берегу работы затруднялись враждебными действиями туркмен и персов, открывавших огонь по русским судам. На некоторых участках новая съемка берегов не производилась: экспедиция прошла мимо мыса Тюб-Караган, залива Александрбай, не делала съемок берегов Красноводского и Горганского заливов, а также южного берега Каспийского моря, не смогла войти в Кара-Богаз-Гол. У западного берега съемки производились около Апшеронского п-ва (там же, стр. 9, 14, 16 и др.). Но тем больше внимания экспедиция уделяла широтным определениям, наблюдениям склонения компаса, промерам глубин. Было сделано 16 градусных определений (Шафрановский, 1954, стр. 114). В 1726 г. на основании этих данных и материалов предыдущих плаваний были составлены карты и лоция.

Адмиралтейств-коллегия не сочла возможным издавать карты экспедиции 1726 г., так как «хотя некоторым местам карта ж и прислана, точно не всего моря» и многие места «положены в ту карту с прежней». 22 ноября 1727 г. она поручила капитану Мишукову, находившемуся в Астрахани, описать «удобным временем» еще не описанные места Каспийского моря (МРФ, 1875, стр. 523—524).

Каких-либо определенных сведений об этих работах нет. Известно, что в марте 1730 г. из Астрахани была прислана «копсным на Каспийском море местам зей-карта», переданная для составления сводной карты профессору А. Фарварсону; «для показания в сочинении» был назначен капитан-лейтенант Луний, «который у сочинения тех карт в Астрахани был» (Соколов, 18526, стр. 15).

«Зей-карта» не найдена. Можно предполагать, что на ней было несколько исправлено изображение восточного берега между Тюб-Караганом и Кара-Богаз-Голом ($44^{\circ}-42^{\circ}5'$ с. ш.), так как этот участок на карте, опубликованной в 1731 г. (атлас Ф. И. Соимонова), изображен правильнее, чем у К. Ван-Вердена. Между тем, как мы видели, Ф. И. Соимов сьемки здесь не делал³.

Карты Ф. И. Соимонова в виде атласа и лоция были изданы только в 1731 г. в бытность его прокурором Адмиралтейств-коллегии. Для истории русской географической науки атлас Ф. И. Соимонова интересен тем, что был первым русским печатным географическим атласом, составленным на основе русских же исследований, а лоция первым напечатанным русским гидрографическим исследованием (Шафрановский, 1952, стр. 87—88).

Атлас Ф. И. Соимонова включает восемь карт, которые были перечерчены с астраханских карт под наблюдением А. Фарварсона на основе переданных ему материалов⁴. На генеральной карте, названной «Хартина плоская генеральная моря Каспийского, от устья Ярковского до заливы Астрабацкого, по меридиану возвышается в градусах и минутах; глубина в сажнях и футах; печатана при Адмиралтейской коллегии во Академической типографии, сочинена с Астраханских карт» (рис. 50), даются две врезки. На ней есть широтные деления и параллели, но меридианов и долготных градусных делений нет. Глубины у берегов показаны по всей окружности моря. Склонение компаса дается в семи местах по западному и восточному берегам. Заливы Александрбай, Кара-Богаз-Гол и Хивинский очерчены не полностью. Северный берег нанесен примерно на $40'$ южнее, чем на современных картах. Эта карта существенно отличается от карты К. Ван-Вердена прежде всего правильным очертанием северо-восточного берега, съемка которого была произведена штурманом Долматовым. Шор Мертвый Култук приобрел здесь совершенно новые и более верные очертания. Довольно правительны очертания западного и южного берегов. Из остальных листов четыре представляют генеральную карту всего моря в большом масштабе, а три листа являются картами устья Волги и проливов (Соколов, 1852б, стр. 16).

Лоция, которая была издана Ф. И. Соимовым одновременно с картой, называется «Описание Каспийского моря от устья р. Волги, от протока Ярковского до устья р. Астрабацкой, положение западного и восточного берегов, глубины, грунты и виды знатных гор» (там же, стр. 45—60). Она свидетельствует о большом опыте мореплавания.

Почти три года, начиная с 1742 г., на Каспийском море, главным образом у его южного берега, плавало английское судно «Empress of Russia» под командой капитана Т. Вудруфа. Это судно принадлежало английской торговой компании, возглавлявшейся капитаном Д. Эльтоном, ранее служившим в Оренбургской экспедиции. Суда компании плавали по Каспию с ведома русского правительства. Эта компания вскоре прекратила свое существование, так как Д. Эльтон перешел на службу к персидскому правительству. Т. Вудруф составил в 1745 г. карту Каспийского моря, на которой его общие очертания сходны с очертаниями на карте Ф. И. Соимонова 1726 г., вместе с тем в нее внесен ряд изменений и дополнений, часто неправильных (Hanway, 1754). Так, например, Т. Вудруф сдвинул на $20'$ к северу южный берег Каспийского моря, тогда как у Ф. И. Соимонова положение южного берега было показано приблизительно верно — на широте $36^{\circ}30'$. Линию северного берега он без всякого основания слишком спрямил. Мало успешными оказались попытки детализации и исправления очертаний восточного берега. На карте Т. Вудруфа Краснодарский

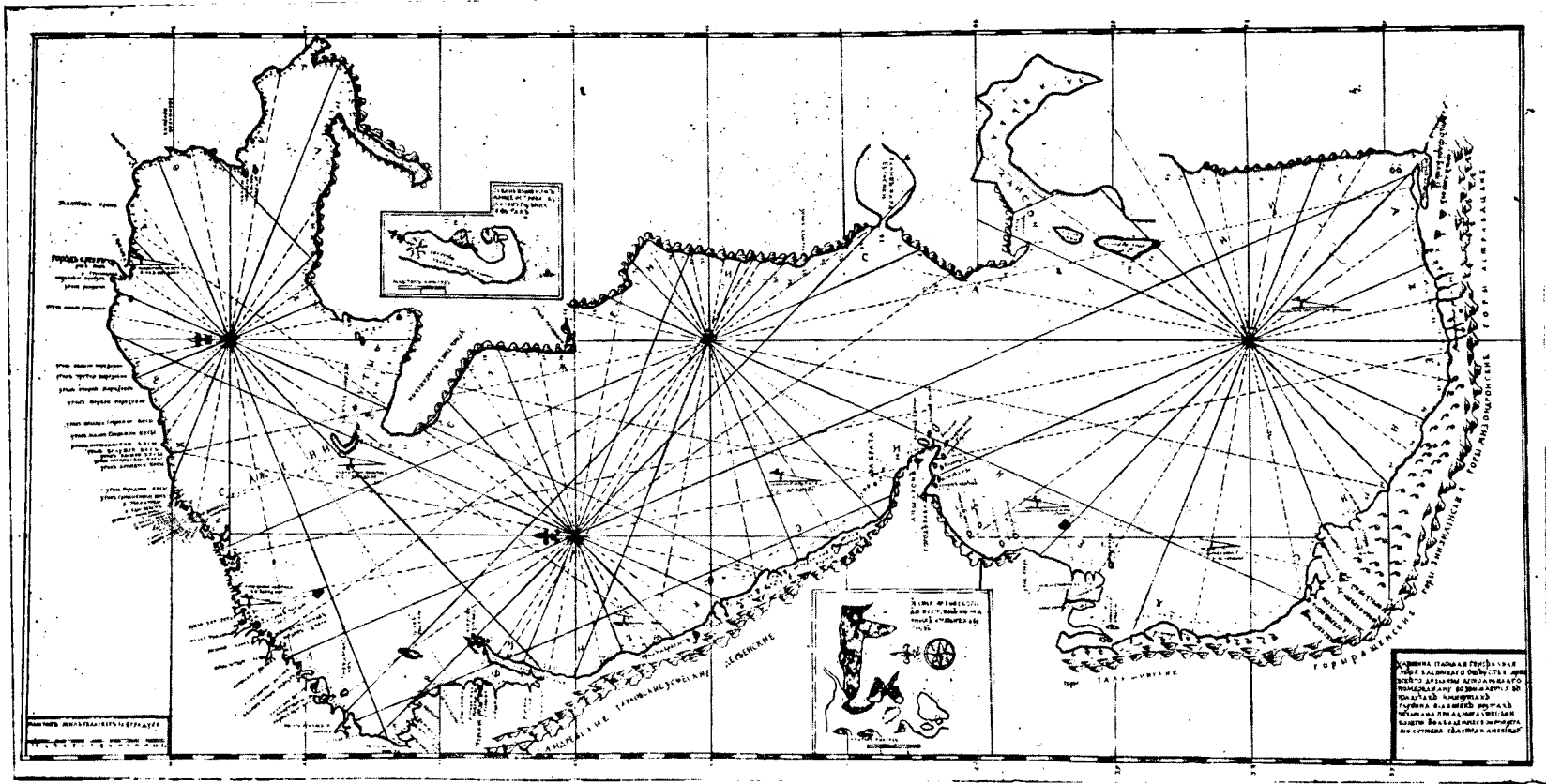

Рис. 50. Карта Каспийского моря из атласа Ф. Соймонова 1731 г. (Багров, 1912 а),

залив и Балханский шор слились в один залив, площадь которого значительно увеличена и вместо вытянутой приобрела, скорее, полукруглую форму. Цепь из трех островов делит этот залив на северную и южную части; против последней нанесен о-в Огурчинский, который в действительности расположен южнее Красноводского залива. На карте Ф. И. Соймонова этот остров помещен против Хивинского залива, который у Т. Вудруфа совсем не показан. Против мыса Песчаного вдали от берега показан большой, вытянутый с севера на юг мелководный участок, который потом под названием «Среднего банка» фигурировал на русских картах в течение 100 лет, пока, наконец, не выяснилось, что он не существует (Соколов, 18526, стр. 20). Поэтому нельзя согласиться с Г. Миллером, что с выходом в свет этой карты, приложенной к запискам путешественника Д. Генвея и выдержавшей три издания в течение 10 лет, Каспийское море «стало гораздо известнее» (Миллер, 1764, стр. 515).

Из других русских исследований Каспийского моря следует отметить плавание лейтенанта Д. Безобразова в 1745 г. в Мертвом Калтуке. Но из материалов об этом плавании сохранился только журнал (Соколов, 18526, стр. 21).

В 1760 г. А. И. Нагаев по поручению Сената составил по материалам Ф. И. Соймонова, Т. Вудруфа и других исследователей карту Каспийского моря, на которой был нанесен длинный залив, получивший впоследствии название Хивинского.

Некоторые уточнения в очертании северного и восточного берегов внесли исследования экспедиции капитана И. В. Токмачева и штурмана Матвеева в 1764—1765 гг. Эти уточнения были отражены на карте капитан-лейтенанта Ногаткина 1765 г.

Все названные экспедиции, хотя и не дали точного и полного описания берегов Каспийского моря, все же принесли большую пользу мореплаванию и послужили важным материалом для создания в конце XVIII и начале XIX в. сводных карт (в XVIII в.— А. И. Нагаевым и в XIX в.— Кутузовым), которыми моряки пользовались до второй четверти XIX в. (там же, стр. 30).

Важные работы проводились и на Балтийском море. Оно неоднократно изображалось на иностранных (шведских и голландских) картах. Но все эти карты были весьма приблизительны и не могли удовлетворить Россию. Поэтому уже с начала XVIII в. русские начали производить в Балтийском море исследования. В 1710 г. обследования проводили вице-адмирал К. Крюйс в районе Кронштадта и поручик Марко Грис в Выборгском проливе. В 1714 г. М. Грис описал проходы у мыса Гангут (Ханко), г. Твереминде и Баресундсфьрд. В 1716 г. была напечатана карта от Готланда до Ревеля, составленная А. И. Кожиным (Веселаго, 1875, стр. 624). В том же году были произведены промеры (штурманом Я. Фастипгом) Финляндских и Абосских шхер (Отчет директора..., 1883, стр. XII и XIII).

Наконец, в 1719 г. была начата общая съемка Финского залива, причем Петр Первый велел «по льду остров от острова мерять, понеже вернее будет». В результате этих работ, которые проводились под руководством инженер-полковника Ивана Любераса, были составлены генеральная и двенадцать частных карт Финского залива, представленных Адмиралтейств-коллегии 26 апреля 1726 г.

Работы велись зимой и летом, весь берег был снят с помощью астролябии с проверкой во многих местах по два-три раза. Съемщики прошли пешком 1138 верст и совершили много плаваний (Веселаго, 1875, стр. 625). Несмотря на тщательность работ, большая точность в условиях того времени не могла быть достигнута. И. Люберас, например, писал «понеже

в компасах, которые мне из адмиралтейства даны, такая великая конфузия и несходство нашлось, что многократно между собой от 5 до 7 градусов дифференцию имели, то я такие компасы по подлинному меридиану принципиальных мест поправил» (МРФ, 1875, стр. 830).

После смерти Петра Первого внимание к начатым им исследованиям ослабло. Итоги съемок И. Любераса нашли отражение в атласе Балтийского моря⁵, изданном по постановлению Адмиралтейств-коллегии с предисловием Ф. И. Соймонова только в 1738 г. В атласе 16 карт, из них 12 представляют собой копии карт, изданных в предыдущих атласах. В отличие от прежде издававшихся атласов Балтийского моря в него входят не только карты, «но и описания морских берегов, камней, мелей, ходу, глубин и прочего, содержатся также рисунки берегов, как они издали кажутся», причем те описания, которые переведены с голландского, «во многих местах исправлены собственным исследованием посланных русских офицеров» (Миллер, 1761, стр. 498).

Поскольку проводившиеся русскими исследования не захватывали многих частей Балтийского моря, продолжалось издание и иностранных атласов. Так, в 1730 г. был издан шведский атлас, состоящий из 12 карт⁶.

В 1739 г. Адмиралтейств-коллегия вновь приступила к работам по описи некоторых участков Балтийского моря, для выполнения которых были привлечены И. Люберас и А. И. Нагаев (Отчет директора..., 1883, стр. XIII—XIV).

Неточность отдельных карт, разноречивые данные, приводимые в разных изданиях, заставили Адмиралтейств-коллегию предпринять фундаментальную работу. В 1746 г. она решила, что, поскольку имеющиеся карты годны только «для одного корабельного и прочих морских судов прохода, а что принадлежит до хождения галер, которые во время больших погод принуждены ходить шхерами, акуратности находящихся в тех шхерах фарватеров и островов по тем картам мало находится..., приведение морских карт в самую акуратность поручить флота капитану Нагаеву, яко доброму зейману» (МРФ, 1882, стр. 614).

А. И. Нагаев (1704—1780 гг.), которому было поручено это дело, оставил по себе память как один из наиболее крупных русских картографов и гидрографов XVIII в. (Берх, 1831).

Подготовленный А. И. Нагаевым атлас, при составлении которого было произведено сопоставление и сравнение всех предшествующих карт, увидел свет в 1757 г. Он назывался «Атлас всего Балтийского моря с Финским и Ботническим заливами, с Шкагерраком, Категатом, Зундом и Белтами, в генеральных морских и специальных картах состоящей, в котором все Балтийского моря разных сочинений морские карты собраны, рассмотрены и российскими плавателями на истинные между мест компасные румбы и дистанции приведены и вымеренными по пространству моря и у берегов глубинами и вновь найденными там же подводными мелями дополнены, а в Синусе Финском все морские берега с островами, шхерами, рейдами, заливами, портами и речными устьями, с глубинами при них и между шхер моря фарватеров со многими вновь найденными мелями, под владением сего императорского величества состоящие по указу ЕИВ из государственной Адмиралтейской коллегии ноября от 11 дня 1746 г. вновь описаны, вымерены и в истинных положениях их и между мест компасных румбах и дистанциях на морские карты, для безопаснейшего Российскому флоту плаванья поставлены флота капитаном первого ранга Алексеем Нагаевым». Это длинное название в известной мере отражало преследовавшиеся при составлении атласа задачи и характер исполненных работ (Миллер, 1761, стр. 519—520).

В атлас входят три генеральные и три специальные (с врезками) шведские карты, пять специальных датских карт и, наконец, 17 карт, «вновь описанные, вымеренные и сочиненные на залив Рижской и синус Финской» (там же, стр. 522). Астрономически были определены только Петербург, о-в Гогланд (Сур-Сари), города Ревель и Рига, п-ов Дагерорт (Кыпу) и г. Аренбург (Курессаре). Остальные пункты определялись с помощью астролябии и компаса.

Одновременно с атласом А. И. Нагаев составил «Лоцию или морской путеводитель». Он закончил ее в 1751 г. и представил в Адмиралтейств-коллегию. Лоция, состоящая из трех частей, была опубликована в 1789—1790 гг. В ней нет общей характеристики использованных материалов и проделанной работы, о них можно судить по приведенному выше названию атласа.

Лоция пестрит фамилиями многочисленных русских моряков, уточнявших положение берегов, островов, мелей и т. д. Особенно часто упоминаются штурманы Татаринов, Плещеев, мичманы Рябинин и Сербин, мастер Лебядников. Именами участников исследований названы банки, мели, заливы. Иностранные материалы, которые, конечно, были широко использованы, подвергались, как видно из ряда ссылок, серьезной проверке.

Это первое систематическое описание, а также атлас Балтийского моря и его берегов имели, конечно, много недостатков, обусловленных неполнотой охвата исследованиями, несовершенством компасов и чрезвычайной изрезанностью берегов Финляндии. Тем не менее тщательно составленный атлас А. И. Нагаева с незначительными дополнениями и изменениями прослужил русским мореплавателям более 50 лет (Бухтеев, 1909, стр. 129). Его исправленные издания выходили в 1788 и 1795 гг.

Таким образом, трудами русских моряков во второй четверти XVIII в. были выполнены картографические и гидрографические работы, которые создавали основу для правильной навигации в Балтийском море.

Гораздо меньше было сделано на Белом море. Для плавания на Белом море русские сначала пользовались картами голландского атласа Ван-Кейлена, составленного в конце XVI или в начале XVII в. Они очень неправильно изображали берега Белого моря (Веселаго, 1875, стр. 627). С этих карт было выгравировано несколько карт А. Шхонбеком, из которых несколько карт имеет дату 1701 г.

Русские исследования Белого моря и прилегающих районов начались только в 1727 г. и первое время производились довольно бессистемно (Отчет директора..., стр. XVII—XVIII). Таковы были работы, проводившиеся по поручению Адмиралтейств-коллегии в 1727 г. капитаном Деопером и подштурманом Казаковым, составившими и карту. В 1732 г. капитан Клавер производил съемку Северной Двины.

В 1741—1742 гг. лейтенант Винков произвел опись о-ва Кильдина и Кольского залива. В 1741 г. лейтенант Е. Бестужев и мичман П. Михайлов производили промеры рек Чижы и Чепи, соединяющих Белое море с Чешской губой. Из этих работ следовало, что Канин Нос является полуостровом. Однако их данные не отражены на карте Морской Академии 1746 г., на которой Канин Нос показан в виде острова.

В 1746—1747 гг. опись берегов Белого моря была возобновлена по поручению Адмиралтейств-коллегии Архангельской портовой конторой. Ее производили на двух судах лейтенант Жидовин и штурман Иванов. О результатах их деятельности известно мало (Белов, 1956, стр. 339—340).

О сколько-нибудь значительных картографических и гидрографических работах на Черном море, относящихся к рассматриваемому периоду, сведений нет.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГЕОДЕЗИЧЕСКИЕ СЪЕМКИ, СОСТАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХ КАРТ И АТЛАСОВ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ КАРТОГРАФИИ ДО 1725 г.

В России уже в начале XVI в. существовали чертежи, на которых были изображены отдельные части государства (Лебедев, 1956, стр. 200). В XVII в. количество таких чертежей, хранившихся в приказных архивах, было значительно. Они использовались при рассмотрении дел о государственных границах, строительстве новых городов, выделении новых заимок, самовольных переселениях, отводах пашен. Много чертежей представлялось путешественниками.

Многочисленные чертежи отдельных районов, а также географические сведения, накопившиеся в «писцовых книгах» (дозорных и ясачных), очень рано явились базой для составления больших сводных карт, охватывавших значительные части Московского государства или даже всю его территорию.

Наиболее ранние русские чертежи сохранились в виде копий, сделанных иностранцами — А. Видом (1555 г.), И. Массой (1609 г.), Г. Герритсом (1613—1614 гг.)¹, внесившими в них некоторые изменения.

Из найденных подлинных русских чертежей древнейшим является недавно опубликованный И. А. Голубцовым (1950) «Чертеж ветхой городам русским и шведским до Варяжского моря», который составлен до декабря 1656 г. и изображает часть владений Великого Новгорода. Копия еще более раннего чертежа, изображавшего Западную Сибирь, вошла составной частью в так называемый «Чертеж 1672 г.» (Греков, 1959).

Крупной, не дошедшей до нас картографической работой был «Чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства», составленный не позднее конца XVI в. и называемый в литературе «Большим чертежом»². В 1627 г. с «Большого чертежа», охватывавшего территорию от «Студеного моря» до Черного моря и от Котлина озера (Финского залива) до р. Оби, была снята копия Афанасием Мезенцовым (Ураносов, 1957). На этом чертеже «мера верстами, и мильми, и конскою ездою, сколько ехать днем станичною ездою на день написано, и мера верстами положена» (Книга Большому чертежу, 1950, стр. 49). Кроме этой копии, в том же году был составлен дополнявший ее «Чертеж от царствующего града Москвы Резанским и Северским и Польским городом и полю и рекам и всяким урочищам до Перекопи (Перекопа.— В. Г.) тремя дорогами и крымской орде», который охватывал сравнительно узкую, но длинную полосу между левыми притоками Днепра и правыми притоками Дона, простирающуюся до Черного моря, включая Крымский п-ов (там же, стр. 5 и 50). Описание обоих чертежей сохранилось в многочисленных списках под названием «Книга Большому чертежу»³.

Внимание правительства к Сибири и обилие относящихся к ней картографических материалов обусловили появление сводных карт этой территории, дополнявших «Большой чертеж». К концу XVII в. в составлении этих карт было достигнуто большое для того времени совершенство.

Самыми ранними чертежами всей Сибири, копии которых известны, являются «Чертеж всей Сибири 1667 г.», составленный в Тобольске «тщанием стольника и воеводы Петра Ивановича Годупова с товарищи», и «Чертеж всей Сибири до царства Китайского и Никаского»⁴, известный под названием «Чертеж 1672 г.», присвоенным ему Л. С. Багровым (1914). Оба чертежа схематичны, на них приведено немного данных и притом почти исключительно о реках и населенных пунктах. Восточная Сибирь представлена слабо.

О быстром развитии сибирской картографии свидетельствует замечание С. У. Ремезова (1882, Приложение, стр. 4), что чертежи всей Сибири составлялись в 1668 и 1669 гг., а затем в 1684—1688 гг. и в 1695—1699 гг. (ежегодно). На дошедшей до нас копии 1684 г. приведено уже довольно много сведений о восточной части Сибири за р. Лепой (Bagrow, 1947, стр. 70; Белов, 1955, стр. 117).

К концу XVII и началу XVIII в. относятся работы С. У. Ремезова — одного из образованнейших людей своего времени; он известен также как автор «Истории Сибирской» («Ремезовской летописи») и других работ по этнографии, географии и истории, дошедших до нас частью в отрывках (Андреев, 1939 г.). В настоящее время восстановлен довольно обширный список работ С. У. Ремезова, в который входят чертежи и планы, выполненные им и помогавшими ему сыновьями, и снятые ими копии с чужих чертежей. Многие из них опубликованы.

Изданный в 1882 г. главный труд С. У. Ремезова — «Чертежная книга Сибири», выполнявшийся по указу правительства и законченный в 1701 г., состоит из семи чертежей, составленных С. У. Ремезовым и его сыновьями, и 16 копий, снятых в Москве и Сибири. Этот художественно оформленный атлас был результатом большой научной работы, он объединял данные, полученные в результате распросов, а также почерпнутые из документов и литературы.

Кроме «Чертежной книги Сибири», известны «Служебная чертежная книга» и «Хорографическая книга», содержащие подсобные материалы. Рукопись первой из них описал А. И. Андреев. Помимо чертежей, часть которых опубликована А. И. Андреевым (1939в и 1939г; Русские открытия в Тихом океане..., 1948) и А. В. Ефимовым (1948), она содержит материалы по истории и этнографии. Вторая рукопись находится в Гарвардской библиотеке. Она опубликована под названием «The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov» Л. С. Багровым (Bagrow, 1958), сопроводившим ее вводной статьей.

«Хорографическая книга», датированная 1 сентября 1697 г., состоит из 171 листа (включая предисловие С. У. Ремезова). Большую часть ее занимают подробные чертежи рек с нанесением населенных пунктов, расположенных в их бассейнах. Некоторые реки изображены на нескольких листах (например, Иртыш — на 33). Имеется несколько чертежей и другого содержания: копии чертежей Сибири 1667 и 1684 гг., чертеж Байкала и верховьев Енисея, составленный Бейдоном, и др.).

С. У. Ремезову принадлежит также «Большая карта Сибири», висевшая в Екатерингофском дворце Петра Первого и хранящаяся ныне в Ленинграде (в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), и «Малая карта Сибири» из коллекции Л. С. Багрова (Bagrow, 1954). К трудам С. У. Ремезова относятся и не имеющие дат и подписей три

свертка карт гидрографической сети Сибири, хранящиеся в ЦГАДА (Вагров, 1958, стр. 11).

Из перечисленных картографических материалов С. У. Ремезова опубликованы и описаны далеко не все.

Чертежи С. У. Ремезова не опирались на астрономически определенные пункты и инструментальные съемки и поэтому не могли быть точными. Отсутствующую градусную сетку до некоторой степени заменяла разветвленная сеть рек Сибири. Где этого ориентира нет, как, например, в Средней Азии, там точность сильно снижается (Потанин, 1882, стр. 314).

Из русских картографических материалов, охватывавших все государство, а также включавших окружающие земли, до нас дошли уже упоминавшаяся карта А. Виниуса, которую следует относить к 1678—1683 гг.⁵, и чертеж Н. Спафария (1678 г.)⁶.

На карте А. Виниуса, снабженной градусной сеткой, показана территория от Ладожского озера до Тихоокеанского побережья, но береговая линия последнего не изображена, так что устья рек, впадающих в Тихий океан, на карту не нанесены. Среди рек, текущих в Тихий океан, показана р. Камчатка.

Несмотря на градусную сетку, карту А. Виниуса все же следует относить к допетровской картографии, так как она не основана на астрономических определениях и точных съемках. Градусная сетка, нанесенная на карте, не могла уточнить, конечно, расположение географических объектов внутри страны; последние были взяты с русских чертежей и описей.

Лишенный градусной сетки, чертеж Н. Спафария охватывает большую территорию. На нем показана Европейская часть России, почти вся Азия (кроме полуостровов на юге), часть Средиземного моря и северо-восточной Африки. Довольно богато содержанием изображение Китая. Вместе с тем территория России показана гораздо менее детально, чем у С. У. Ремезова или А. Виниуса, и в изображении ее много несообразностей. Так, например, Волга пересекает в виде дуги, протягивающейся с северо-запада на юго-восток, всю Европейскую часть России, и истоки ее на крайнем северо-западе уходят за рамку карты. Москва отнесена слишком далеко к северу. Место Белого моря изображен вытнутый с запада на восток залив, в который впадает р. Вологда; на восточном берегу Азиатского материка изображен узкий гористый мыс, уходящий за рамку карты, и т. д.

Русская картография XVII в. накопила большой запас сведений о России и прилегающих странах и предпринимала попытки составления сводных чертежей больших территорий. Вместе с тем многие крупные части страны (особенно на севере и северо-востоке) оставались почти не изученными. Самые методы составления чертежей не обеспечивали точности, которой требовала усложнявшаяся жизнь государства. С их помощью можно было узнать, как проехать из одного места в другое, сколько приблизительно нужно для этого времени и что встретится на пути, но они не давали точного представления о направлении пути относительно точек горизонта и взаимном расположении мест (Веселаго, 1863, стр. 42).

Уже в конце XVII в. в России по указанию Петра Первого составлялись карты, в той или иной степени основанные на инструментальных съемках. Было также организовано печатание русских карт сначала за границей, а потом и в России. Особенно интересна напечатанная в 1699 г. Я. Тессингом в Амстердаме «Карта Западной и Южной России» (с надписями на латинском языке) Я. Брюса и Ю. Менгдена, связанная с Азовским походом (Лебедев, 1950, стр. 185). В 1703—1704 гг. (точная дата неизвестна) в Амстердаме вышел атлас адмирала Корнелия Крюйса, состоящий из 17 карт с надписями на русском и голландском языках»

(Боднарский, 1932, стр. 96—99). Эти работы интересны как памятник русской картографии переходного периода от старинного чертежа к географической карте.

Предпринимались также попытки обобщения иностранных и русских карт. Такова была карта Московской губернии 1711 г., изданная В. О. Киприяновым, использовавшим, по мнению Л. С. Багрова (1912б, стр. 377), как иностранные, так и русские карты и чертежи.

ГЕОДЕЗИЧЕСКИЕ СЪЕМКИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ КАРТЫ РОССИИ

Описанные картографические работы ни в какой мере не разрешали вопроса о составлении достоверной карты всей страны, для выполнения которой были необходимы планомерные инструментальные съемки, произведенные специалистами. Подготовкой таких кадров занималась сначала Московская математико-навигационная школа, организованная указом 1701 г.⁷, а с 1715 г. Морская академия, в которой в 1716 г. уже существовал геодезический класс (Евтеев. Первые русские геодезисты и их работа по созданию генеральной карты России. Канд. диссертация. Рукопись. Гос. биб-ка им. В. И. Ленина, 1953, стр. 89). При господствовавшей в то время системе обучения, в основу которой была положена практическая подготовка к производству съемки и составлению карт, лучшие ученики Морской академии (И. М. Евреинов, Ф. Ф. Лужин) уже через два года могли быть отправлены в дальние экспедиции.

Петр Первый хотел приступить к съемкам для составления генеральной карты России уже в 1715 г. и приказал генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину, «некоторое число людей выбрав, таким образом в географических действиях обучить, чтоб в каждую провинцию по два человека для снятия оной отправлены быть могли, дабы из сочиненных ими партикулярных карт после сделать генеральную карту» (текст, приложенный к «Атласу Российскому, состоящему из девятнадцати специальных карт...», 1745 г.). Но действительное начало систематическим работам по съемкам территории России было положено указом от 9 декабря 1720 г.; он гласил: «Которые в Санктпетербургской Академии геодезию и географию обучили, тех послать в губернии для сочинения ландкарт, а жалованья оным давать тех губерний из доходов, против других их братья, по 6 рублей человеку на месяц». Последующим указом (от 22 декабря 1720 г.) было предусмотрено выделение транспорта, наблюдение же за тем, чтоб геодезисты «без дела не были и даром жалованья не брали», поручалось воеводам и губернаторам. «А когда которой губернии и провинции или уезда ландкарту сделают, присылать таковые в Сенат и в Камер-коллегию немедленно» (ПСЗ, т. VI, стр. 266, 277). Проведение этих работ затянулось на долгое время и было закончено в описываемом нами периоде.

К концу 1720 г. на разных работах (съемках, разграничении земель со Швецией и др.) было занято около 30 геодезистов (Фель, 1950а, стр. 7—8)⁸. В дальнейшем на производство съемок отправлялись новые партии геодезистов. О том, сколько всего их работало на съемках для составления генеральной карты России, имеются разные сведения⁹. Но и не устанавливая их точного числа, можно сказать, что оно не соответствовало грандиозности поставленной задачи.

Общее руководство работами осуществлял Сенат. С 1721 г. этим стал заниматься И. К. Кирилов (Фель, 1957, стр. 287). При отъезде геодезисты получали инструкцию о порядке выполнения работы, составленную Морской Академией в виде «Пунктов, каким образом сочинять ландкарту»

(Иванов, 1853, стр. 427—428). Ее составители подошли к делу с учетом необходимости проведения огромного мероприятия с недостаточным количеством людей, к тому же не всегда вполне подготовленных и опытных. Вместе с тем инструкция обеспечивала степень верности карт, необходимую для составления на их основе генеральной карты.

Основу для составления карты уезда давало инструментальное определение широты уездного города, точное измерение расстояния от него до границ уезда по некоторым из имеющихся в уезде дорогам, и инструментальное определение широты мест пересечения этих дорог с границей уезда. Долготы мест получались счислением¹⁰. Вместе с тем инструкция предоставляла широкие возможности для использования расспросных сведений об остальных географических объектах¹¹.

Таким образом, съемки первых геодезистов занимали промежуточное место между съемками в допетровский период и точными инструментальными съемками позднейшего времени.

Условия работы геодезистов на местах были очень тяжелыми. Они терпели недостаток в пище и одежде, так как местные власти, которые должны были выделять средства для их содержания, часто оставляли геодезистов на произвол судьбы. Жалобы на невыплату причитающегося жалованья поступали в Сенат на протяжении всей этой работы¹². Геодезисты не были снабжены комплектом даже наиболее необходимых инструментов (Евтеев. Первые русские геодезисты и их работа..., стр. 141—142). Указом от 26 августа 1731 г., который был подготовлен И. К. Кириловым, Академии наук предлагалось организовать производство инструментов (МАН, 1886, т. II, стр. 65). Оно было налажено, но в недостаточной широких размерах, и нужда в инструментах ощущалась до конца съемочных работ. Даже Оренбургская экспедиция располагала в 1740 г. только одной астролябией (Евтеев. Первые русские геодезисты и их работа..., стр. 146).

Такая организация работ геодезистов и их недостаточная опытность, конечно, сказались на сроках выполнения работ, и в первое время карты поступали с большим опозданием. К августу 1723 г. ландкарты поступили только по четырем губерниям, да и то не по всем уездам (там же, стр. 108). В связи с этим Сенат издал 23 декабря 1724 г. указ, согласно которому геодезисты, составившие ландкарты, должны были немедленно ехать в Петербург и представить карты в Сенат, а не закончившие работу лишались жалованья и должны были получать «только для пропитания солдатский корм» до тех пор, пока карты не будут готовы (ЦГАДА, ф. Сената, д. 1201, л. 182). Эта жестокая мера, по-видимому, оказала действие, и уже в указе от 2 августа 1728 г. отмечено, что «изо многих губерний и провинций ландкарты в Сенат уже присланы» (ПСЗ, т. VIII, стр. 71). Поступившие от геодезистов карты позволили И. К. Кирилову составить уже в 1733 г. генеральную карту России. Однако в ней чувствуется неполнота собранных к тому времени сведений.

К 1744 г. съемки уже были проведены в большей части уездов, входивших в состав России. С. Е. Фель (1950а, стр. 16—19) составил список 190 уездов, по которым были представлены карты. Но в его данные не включены съемки лесов, военно-топографические работы и другие материалы. С их учетом к этому времени съемками было охвачено до 235 уездов (Евтеев. Первые русские геодезисты и их работа..., стр. 124).

Единообразия в содержании и оформлении карт достигнуто не было. За нулевой пункт, от которого исчислялись долготы, принимались различные точки: о-в Ферро, о-в Даго (Хиума), г. Хлынов (Киров), г. Бахмут, (Артемовск) и другие, хотя это и противоречило 2-му пункту инструкции Морской академии, предлагавшей принимать за нулевой пункт Канарские

острова (о-в Ферро). Различен был и масштаб карт, который устанавливался по усмотрению производителя работ и колебался в Европейской части России от 1,5 до 27 верст в 1 дм, а в Сибири — от 20 до 60 верст. Не было единообразия ни в размере карт, варьиовавшем от 30 до 100 см по короткой стороне прямоугольника, ни в принятых условных обозначениях (Фель, 1950а, стр. 12). В определении долготы встречаются довольно большие ошибки, поскольку она исчислялась с учетом пройденного пути.

В предисловии к одному из известных вариантов атласа Академии наук 1745 г. работа геодезистов оценивается следующим образом: «Разные провинции сняты чрез геодезистов, хотя не все с равным прилежанием и надлежащим искусством, ибо, не упоминая того, что они о астрономических наблюдениях немного думали, в которых главнейшая сила географии состоит, большая часть тех инструментов, которые они употребляли, не в таком состоянии были, чтоб от них крайней исправности надеяться можно было, а может быть и сами геодезисты в геометрических действиях, не все так обучены были, чтоб на их искусство совершенно полагаться можно было». Но все же правильное положение уездного города по широте, наличие географической сетки, детальное и правильное изображение гидросети, лесных массивов, дорог и населенных пунктов, использование для изображения объектов системы условных обозначений — все это позволяло после соответствующей обработки использовать материалы геодезистов для составления генеральной карты России. Вместе с тем карты некоторых геодезистов как по содержанию, так и по оформлению являлись образцом блестящей работы. Точностью, тщательностью и богатством содержания выделяются работы Акима Клешина.

Недочеты в постановке работ давали повод к критическим замечаниям. Особенно резко высказывался В. Н. Татищев, которому после смерти И. К. Кирилова в 1737 г. были переданы работы по составлению карт России (Андреев, 1950в, стр. 12). Он писал в том же году в Сенат и в Академию наук, что рассмотренные им ландкарты (17) и журналы (4), составленные геодезистами, неудовлетворительны. Это произошло главным образом оттого, что «порядочной и обстоятельных на их недовольное искусство инструкций не имели» (МАН, 1886, т. III, стр. 500). В. Н. Татищев «почтенно представлял» Академии наук о том, чтобы «генеральную и достаточную инструкцию геодезистам сочинить, в которой господа профессора Делил и Фаргелсон (Фарварсон.— В. Г.) могут наибольшее учинить, ибо надлежит все к примечанию нужные при обсервациях латитуда и лангитуда и при мерении по земле обстоятельства внести, а притом табели деклинаций, рефракции и прочее с довольными ко употреблению изъяснениями и в сочинении на бумаге ландкарт, а паче о границах того уезда, о Затем он сообщал, что написал «в краткости для памяти» об этом и для описания «иноязычных народов» и прилагал текст своей работы (там же).

Однако, когда в 1739 г. В. Н. Татищеву пришлось рассмотреть инструкцию, сочиненную в марте 1738 г. И. Делилем, и замечания на нее А. Фарварсона, он убедился, что по этим предложениям «чрез долгое время не токмо безпогрешных, но никаких ландкарт иметь не будем» (Татищев, 1950, стр. 101). И. Делиль и А. Фарварсон полагали, что геодезисты слишком неквалифицированы и не могут составить верные карты. Первый предлагал, собрав геодезистов в Петербург и выделив способных, обучить их астрономическим наблюдениям и расчетам, а второй — произвести набор и готовить новые кадры (МАН, 1886, т. III, стр. 636—738).

В разработанном им широком проекте организации геодезических и картографических работ, представленном Сенату в донесении от 30 апреля 1739 г., он здраво отмечал, что «доднесь нигде, ни в самой Франции, безпогрешной или совсем полной всего государства карты не видим» и что нужно издавать карты «каковы ныне иметь можем, рассматривая токмо, чтобы великих и непростительных погрешностей, как в картах Кирилова, не было» (Татищев, 1950, стр. 101). Он предлагал проводить съемки по разработанной им инструкции, в которую Академия наук должна внести поправки, а для надзора за геодезистами назначить опытного и толкового географа, приглашенного из Германии. Геодезистам следовало «ранги пожаловать и впредь повышением чинов милостиво обладежить» (там же, стр. 102).

Надо полагать, что В. Н. Татищеву при его способностях и упорстве удалось бы, несмотря на большие практические трудности, улучшить работу геодезистов. Но в связи с отрешением его в том же году от должности и передачей под следствие его предложения не были осуществлены. Заместивший же его в 1739 г. В. Урусов совсем не занимался геодезистами и, по словам В. Н. Татищева, утверждал, «что точно о том указа не имеет» (Пальмов, 1928, стр. 321).

Беспризорное состояние этого большого и важного дела дало повод И. Делилю, ссорившемуся с Академией наук и пытавшемуся занять самостоятельное положение, выступить в 1740—1741 гг. с проектом организации «отдельного корпуса геодезистов». Однако его предложение реализовано не было. В дальнейшем руководство геодезическими работами постепенно перешло к различным ведомствам.

Все это заставляет признать, что И. К. Кирилов, в течение 14 лет руководивший геодезистами, несмотря на отдельные ошибки, сделал в отношении организации геодезических съемок, подготовлявших Генеральную карту, больше, чем кто-либо другой.

КАРТИРОВАНИЕ ЮЖНЫХ ГРАНИЦ СИБИРИ

К 1744 г. уже были составлены карты по всем 26 сибирским уездам (Фель, 1950а), но они, конечно, не давали полного изображения всей территории Сибири, многие части которой были изучены позднее.

Съемки Сибири в 20-х годах XVIII в. проводились не везде в порядке указа от 9 января 1720 г., а были во многих случаях связаны с осуществлением других мероприятий. Это можно видеть на примере истории картографирования южных границ Сибири. Имевшиеся в XVII и в начале XVIII в. чертежи бассейна Амура и прилегающих районов, из которых наиболее ранним был чертеж В. Поюркова (1643 г.), показывают, что в то время представление об этих местах было еще очень смутным. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют чертеж полковника А. И. Бейдона и изображение Амура и Байкала на чертежах С. У. Ремезова (Bagrow, 1931, стр. 79 и 81).

Большие географические исследования пограничных с Китаем районов были выполнены во время работ по определению русско-китайской границы. С. Рагузинский, подготовлявший договор с Китаем (1725—1727 гг.), собрал много географических материалов, а геодезисты Иван Свистунов, Дмитрий Баскаков, Петр Скобельцын и Василий Шетиллов прошли многие районы, в том числе частично исследовали малоизученный горный район, прилегающий с севера к верхнему течению Амура. Геодезисты Михаил Зиновьев, Алексей Кушелев и Иван Валуев участвовали в комиссии по разграничению земель и разбору дел о перебежчиках (Бантыш-Каменский,

1882, стр. 120). Члены комиссии проделали огромную работу, намечая на месте пункты, где должны быть пограничные знаки. Например, на участке протяжением 2650 верст от горы Абагайтуй на востоке до горы «Шабина дага» (недалеко от р. Кемчика) было установлено 86 пограничных знаков (Г. С., 1824, стр. 223—236).

Под руководством С. Рагузинского было составлено несколько пограничных карт, а также карта Михаила Зиновьева, на которой была изображена вся Сибирь и граница с Китаем (Ефимов, 1950, стр. 119). На карте, подводившей итоги работ комиссии и охватывавшей территорию примерно от слияния Шилки и Аргуни до верховьев Абакана (включая и полосу китайских земель), то есть протяжением примерно 30°, вдоль государственной границы нанесены довольно правильно Шилка и Аргунь, бассейн Селенги и верховья Енисея, показаны горные хребты и озера Байкал, Хубсугул и Далайнор. Северо-восточная часть карты не закончена, и изображение Байкала оставляет желать лучшего. Для сопоставления приведена граница по договору 1689 г.

Комиссия имела карты императора Кан-Си, на которых также были изображены реки Амур, Шилка, Аргунь и их притоки (ЦГАДА, ф. 192, карты Китая, № 3). Геодезисты, очевидно, ими пользовались. Но составленная ими карта более достоверна. На ней гораздо правильнее передано течение р. Ингоды, можно найти притоки Аргуни (Газимур и Урюмкан), р. Удзу с временным озером Зун-Торей у ее устья.

Земли к востоку от р. Горбицы, которые Ф. А. Головин не смог разграничить в 1689 г. из-за недостатка сведений, остались неразграниченными и по договору, подготовленному С. Рагузинским, «за превеликими пустошами и каменными горами, реками и болотами, где оные земли обретаются» (Бантыш-Каменский, 1882, стр. 488).

С карты, составленной комиссией С. Рагузинского, была снята копия, подписанная геодезистами А. Кушелевым, М. Зиновьевым и И. Валуевым (ЦГВИА, ф. Зл, № 2336). Ее название помещено внизу карты: «сия погран-карта сочинена со оригинальнныя которая имеется в посольской походной канцелярии...» В верхней части этой копии сделана надпись, в которой излагаются преимущества, достигаемые благодаря вновь установленной границе, и отмечается также, что «нынешняя владений граница верно описана по чертежу нашему нижеподписавшихся геодезистов, понеже мы, как до разграничения, так и при разграниченье в разъезде были и описывали, а прежнее владение в бытности Федора Алексеевича (Головина.— В. Г.) по скаскам старожилов пограничных как об оной слышали, так и начертили».

Собранные комиссией материалы в дальнейшем пополнялись геодезистами, работавшими в этом районе, и уже на карте П. А. Чаплина 1729 г., использовавшего их материалы, дано близкое к действительности изображение Байкала. Из более поздних работ геодезистов (П. Скобельцына, Д. Баскакова, В. Шетилова, И. Свистунова) опубликованы карты районов Иркутской провинции, составленные в 1734—1735 гг. (Фель, 1950а; Евтеев. Первые русские геодезисты и их работа...)

Южные районы Сибири к западу от верховьев Енисея довольно рано нашли отражение в работах геодезистов. Уже на упоминавшейся ранее карте П. Чичагова, составленной в 1719—1720 гг. (см. рис. 42), дано верное изображение Иртыша (от истоков до оз. Зайсан) с впадающим в него Черным Иртышом. Течение Оби до верховьев нанесено довольно правильно, а верховья изображены неверно.

ГЕОДЕЗИЧЕСКИЕ СЪЕМКИ И КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА

Весьма значительные работы по геодезическим съемкам и составлению географических карт отдельных территорий Русского государства в рассматриваемом нами периоде производились силами военного ведомства, строившего оборонительные линии протяжением на сотни километров в южных районах Европейской и Азиатской частей России: Украинскую — между Северским Донцом и Днепром (1731—1732 гг.), Закамскую — между Самарой и Камой (1731—1736 гг.), несколько линий в районе Оренбургской губернии — Оренбургскую, Уйскую, Самарскую, Сакмарскую (1739—1743 гг.), Башкирскую (1735—1754 гг.), Тоболо-Ишимскую — между Тоболом и Ишимом (1752—1754 гг.), Иртышскую — между Усть-Каме-ногорской крепостью на Иртыше и р. Омью (1747—1760 гг.), Колыванскую — в гористом районе между устьем р. Убы и р. Бии (1747—1760 гг.) (Ласковский, 1865).

Для этой цели использовались карты и описания геодезистов, а также производились новые съемки обширных территорий с помощью инженеров, подготовка которых позволяла им заниматься межеванием, составлять ландкарты и т. д. (Савельев, 1879, стр. 69). В архивах (особенно в ЦГВИА) сохранились многочисленные карты названных оборонительных линий и окружающих местностей за подписями представителей военного ведомства: А. Трегубова, Л. Галофеева, М. Борисова, А. Бибикова, Г. Гербера, Г. Веймарна, К. Фрауендорфа и др. (ЦГВИА, ф. Зл. карты Сибири, № 2276, 2286, 2340, 2342; карты Оренбургской губ. № 2122, 2143, 2144, 2146).

Большой интерес представляют съемки, связанные со строительством Колыванской оборонительной линии, охватившие еще не изученные районы по рекам Катунь, Бии, Бухтарме и Чулышману. В руководстве этими работами, наряду с военными, принимал участие и Ф. И. Соимонов, как показывают карты (рис. 51 и 52), подписанные им вместе с генералом Г. Веймарном и бригадиром К. Фрауендорфом (ЦГВИА, ф. Зл. карты Оренбургской губ., № 2153 и 2154).

Наиболее богатые результаты в отношении изучения этого района дали экспедиции инженер-майора Петрулина, инженер-капитана Плутова и инженер-квартирмейстера Карцева, совершенные в 1759—1761 гг. На основании данных их исследований была составлена рукописная «Карта плоская, сочинена 1762 г. по силе высокоправительствующего Сената государственных иностранной и военной коллегий указов...» Она подписана генерал-майором Веймарном и бригадиром Фрауендорфом. Карта охватывает территории между $48^{\circ} 30'$ и $53^{\circ} 15'$ с. ш. и $82^{\circ} 20'$ и 87° в. д. (ЦГВИА, ф. ВУА, № 25853). На карте показано довольно правильно течение рек Катунь, Бии и их притоков и часть течения Иртыша. Из правых притоков Иртыша показаны Ульба, Бухтарма, Нарым, Курчум. Путь экспедиции проходил, в частности, по верховьям Катунь и Бухтармы (примерно до впадения в последнюю р. Черной). У истоков этих рек и р. Аргута (притока р. Катунь) есть надпись: «Оные вершины положены по объявлению вожатых». Нанесено «оз. Их-Караль» (Маркаколь?), «которое в Китайском владении». К. Риттер (1859, стр. 295) полагает, что эти сведения об Алтае были для того времени наиболее полными.

Подобного рода работы использовались для составления сводных карт южной части Сибири, Джунгарии, Средней Азии, одна из которых за подписью Ф. И. Соимонова, Г. Веймарна и К. Фрауендорфа приведена выше (см. рис. 47).

Интересные съемки были произведены также экспедицией инженер-

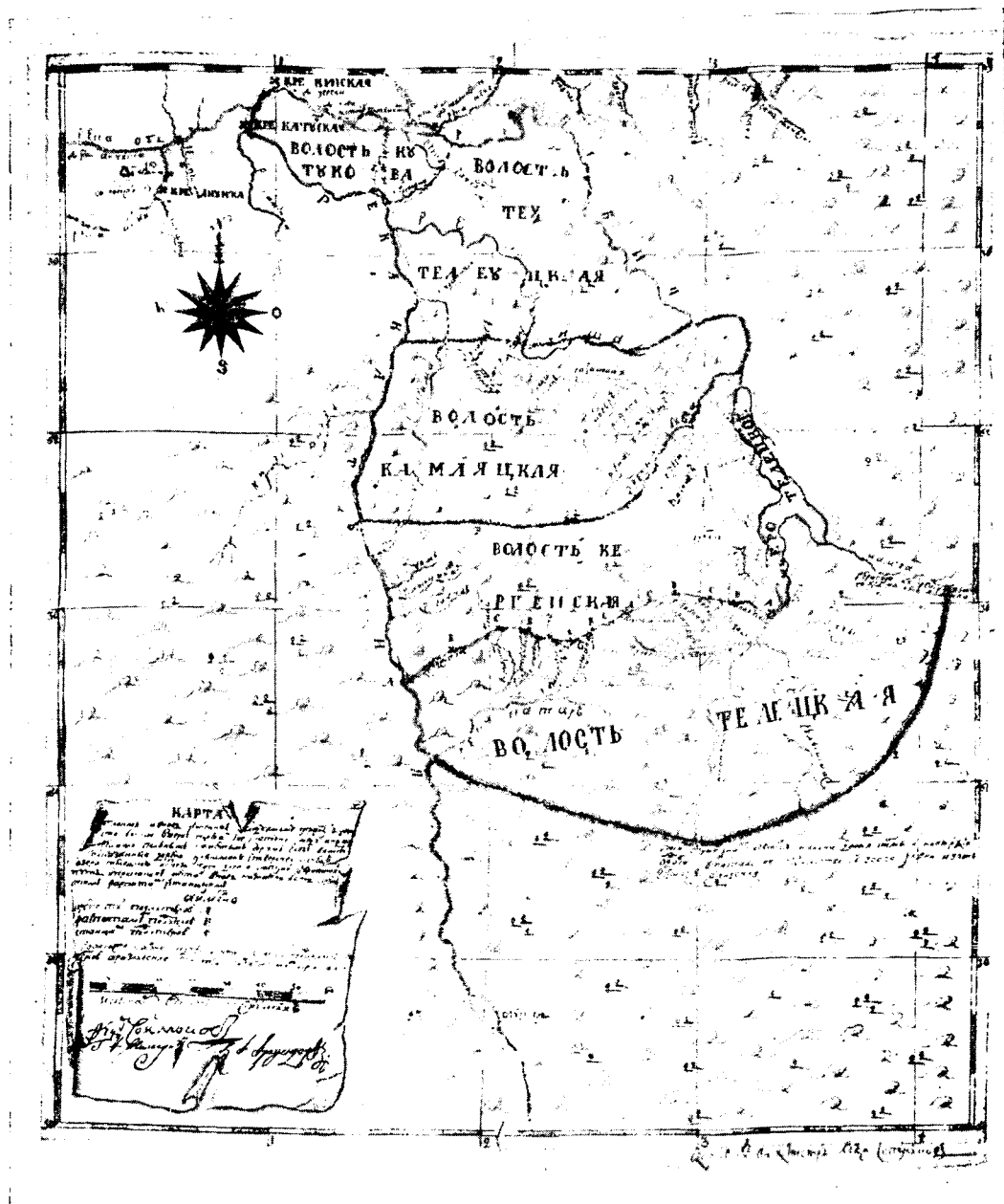

Рис. 51. «Карта плоская и вновь учиненная следуемому тракту от крепости Бийской вверх по рекам Бие и Катуне...», подписанная Ф. И. Соимоновым, Г. Веймарном и К. Фрауендорфом. Около 1760 г. (ЦГВИА, ф. 3 л, № 2154).

капитана Плаутина в 1756 г. в районе Саянского хребта, между Телецким озером и Енисеем. Они значительно уточнили представление о левых притоках Енисея — Абакане, Кемчике, Кантегире. Их результаты нанесены на копии «Карты собранной полуденной части Сибирской губернии, на которой проставляются состоящие пограничные линии...» Копия снята

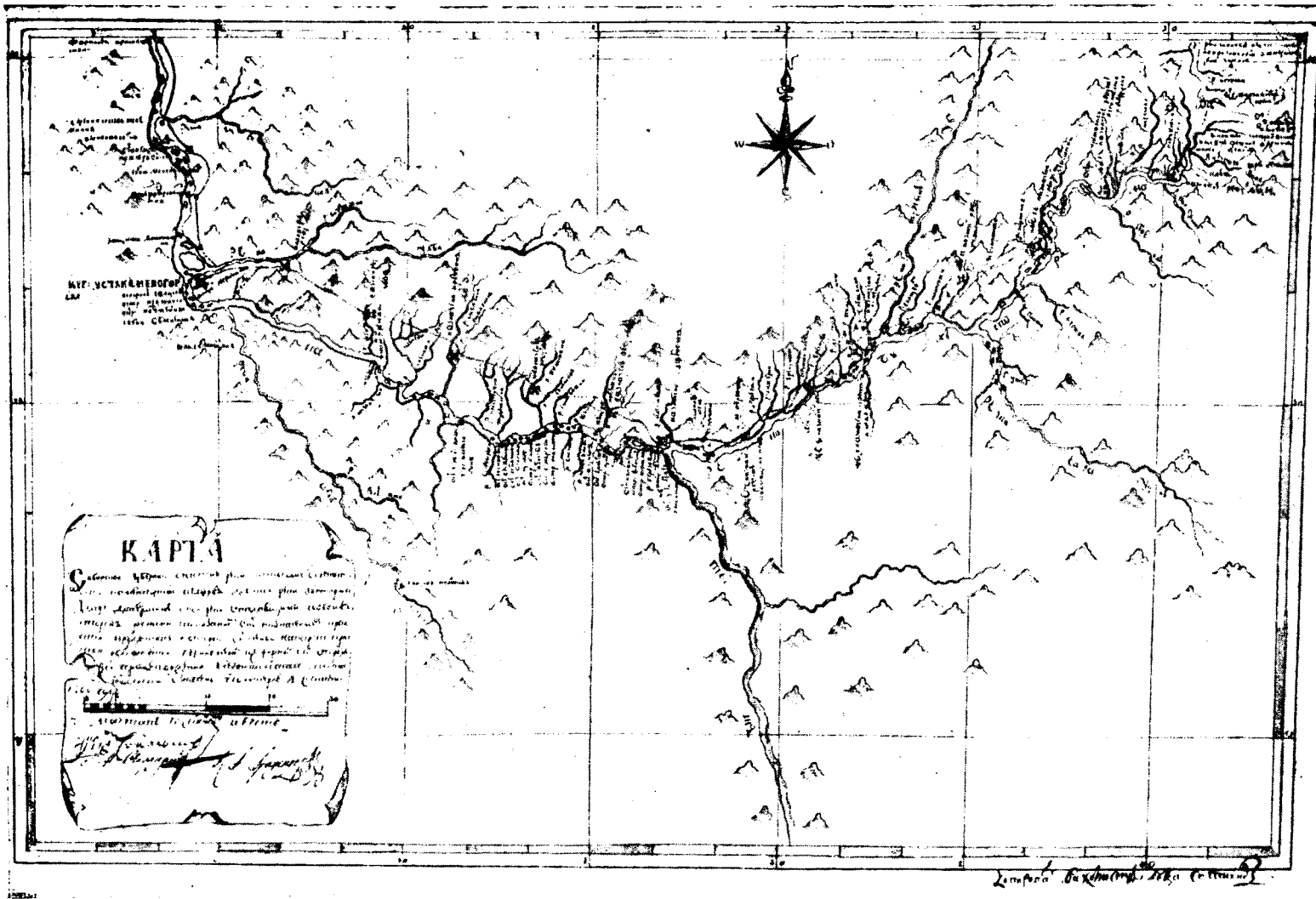

Рис. 52. «Карта Сибирской губ. с частью р. Иртыша от крепости Устьяменогорской до устья р. Бухтармы...», подписанная Ф. И. Соймоновым, Г. Веймарном и К. Фрауендорфом. Около 1760 г. (ЦГБИА, ф. Зл, № 2153).

инженер-прапорщиком Ильей Рожковым (ЦГВИА, ф. 3л, Восточная Сибирь, № 2346).

В 1763 г. к съемкам некоторых областей (преимущественно в районе расположения войск) приступил учрежденный в том году Генеральный штаб, которому было поручено составить карту России и который использовал для этого офицеров и кадетов. Генеральный штаб даже запросил все карты, имеющиеся в различных ведомствах и учреждениях, в том числе и в Академии наук. Но вскоре он от этой работы отказался, так как она была слишком трудной (Глиноецкий, 1883, стр. 50—53).

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ КАРТЫ И АТЛАСЫ РОССИИ И. К. КИРИЛОВА И АКАДЕМИИ НАУК

Съемки, произведенные геодезистами, являлись только первым этапом работы по составлению генеральной карты России. Вторым этапом были работы по объединению частных карт в генеральную. Еще задолго до окончания этих работ появилась «Новая генеральная карта Всероссийской империи и границы, в которой положение всех крепостей государства назначено»¹³. Эта карта охватывала всю территорию России и значительные части соседних стран (особенно в Азии) (ЦГВИА, ф. ВУА, № 19834).

Пометок, указывающих автора и срок составления, на карте нет. Вероятно, она была составлена около 1731 г. при участии генерала Декуллона¹⁴, служившего под начальством фельдмаршала Б. Миниха¹⁵.

Эта карта довольно богата содержанием. По данным С. Е. Фея (19506), только в одной Сибири показано до 140 населенных пунктов и много рек и больших дорог и надписаны названия обитавших там народностей. Это говорит о знакомстве с составленными ранее русскими картами. Вместе с тем эта карта отражает сильное влияние западноевропейской картографии, воспринятой не критически. При составлении ее была использована не только карта И. Гомана 1725 г., представлявшая собой обработку современных ему картографических данных о Камчатке и северо-востоке Азии, но и архаические сведения, заимствованные, вероятно, со старых карт. На ней показаны «мыс Табин» и «о-в Тацата», упоминавшиеся еще Помпонием Мелой и Плинием; в верховьях Тобола есть надпись «Лукоморье», которую мы встречаем на карте С. Герберштейна 1549 г.; р. Лена имеет также название Тартар и т. д. Эти названия фигурировали на многих старинных западноевропейских картах — на карте А. Ортелия (1570 г.), Г. Меркатора (1594 г.), И. Гондиуса (1595 г.) и др. (Багров, 1914, стр. 35, 46—47). Кроме этих названий, на карте есть и другие странные названия, как, например, «Коеликия», «Алемурия» и т. д. Байкал вытянут прямо с запада на восток и назван Байк.

Автору не были известны карта и книга Ф. Страленберга (Strahlenberg, 1730, стр. 7), высмеивавшего «Лукоморье», а также изображение Амура и берега Азии на китайских картах.

Изобилие на этой официальной карте фантастических объектов свидетельствует о том, что представления о географии многих районов России были в то время в некоторой части русского общества весьма смутными. В то же время это показывает, как важно было составление генеральной карты страны, основанной на съемках геодезистов.

Выполнение очень сложных работ по составлению генеральной карты, научная методика которых была еще не известна, потребовало большого времени. Довольно сложная история этих работ может быть разделена на два больших периода: первый (с 1726 до 1734 г.), когда Академия наук еще мало участвовала в них и главную роль играл обер-секретарь Сената.

И. К. Кирилов, благодаря энергии которого был подготовлен первый вариант генеральной карты и незаконченный атлас России, и второй период (с 1734 до 1745 г.), когда после отъезда И. К. Кирилова с Оренбургской экспедицией все работы велись Академией наук, выпустившей в 1745 г. Атлас Российский с генеральной картой страны.

Карьера И. К. Кирилова, выдвинувшегося из мелких чиновников, говорит о его выдающихся способностях и желании служить государству¹⁶. По словам П. И. Рычкова (1896, стр. 29), работавшего под его руководством, «сию правду поистине надлежит ему отдать, что он о пользе государственной, сколько знать мог, прилежное имел попечение и труды к трудам до самой своей кончины прилагал, предпочитая интерес государственной, паче своего». Вместе с тем он «сциенции (науки.— В. Г.) схоластической хотя никакой не учил и основательно не знал, но был великий рачитель и любитель наук».

По мнению И. К. Кирилова, русская картография находилась в неудовлетворительном состоянии. В 1734 г. в «Покорнейшем объявлении о Атласе Российском» он писал: «Прежде сего осмого надесять века о Российской империи географическое описание собственно на российском языке совершенную скудость имело, но только от единых чужестранцев зависело и зависит» (Свенске, 1866, стр. 23). Карты же иностранцев «Алиария (Олеария.— В. Г.), Винцена (Витсена.— В. Г.), Страмберха (Страленберга.— В. Г.), Избранта» и других «все тому подвергнуты, что ни на которой утвердиться нельзя» (МАН, 1886, т. II, стр. 707). Являясь вторым обер-секретарем Сената, в который поступило много карт, И. К. Кирилов занимался их исследованием и был уверен, что «не постыдят же нас партикулярные губернские и провинциальные и каждого уезду карты, в которых вместо показываемой (на иностранных картах.— В. Г.) пустоты во многих частое селение не малых местечек, сел и деревень, заводов и протчаго усмотрено будет» (Свенске, 1866).

И. К. Кирилов сознавал несовершенство многих русских карт, но вместе с тем полагал, что для целей государственного управления и для престижа России важно возможно скорее дать представление о стране: «Лучше новыми свет довольствоваться, нежели молчать. Ибо по собрании новых observations и описей может паки выдана быть новая ж, как в том свидетельствуют протчих земель карты» (МАН, 1886, т. III, стр. 62).

Первые опыты по печатанию карт И. К. Кирилов начал, по-видимому, довольно рано; уже в 1726 г. он выпустил карты Выборгского уезда и русско-шведской границы, установленной в 1722 г.¹⁷ Эти карты, как и последующие, И. К. Кирилов гравировал и печатал за свой счет, получив, однако, займы значительную сумму от «Комиссии о коммерции».

Это было началом систематической публикации карт русского производства.

Вскоре у И. К. Кирилова возникла мысль о создании атласа России. Это видно из надписи на третьей выпущенной им из печати карте, вышедшей в декабре 1727 г. под названием: «Новая и достоверная княжества Курельского, а ныне Коксгольмского уезда ландкарта». В надписи сказано: «В намерении пребываю, что одна после другой толь великого вашего величества Империя партикулярные ландкарты со смотрением и свидетельством Академии наук в особой российский атлас выбраны и напечатаны быть имеют». В связи с этим после 1727 г. на некоторых картах сделана пометка: «В Российский атлас напечатано». Как видно из надписи на карте Коксгольмского уезда, И. К. Кирилов рассчитывал на помощь Академии наук, но последняя приступила к картографическим работам только после появления в ней И. Делиля, т. е. в 1726 г. Академия наук была мало подготов-

инженер-прапорщиком Ильей Рожковым (ЦГВИА, ф. Зл, Восточная Сибирь, № 2346).

В 1763 г. к съемкам некоторых областей (преимущественно в районе расположения войск) приступил учрежденный в том году Генеральный штаб, которому было поручено составить карту России и который использовал для этого офицеров и кадетов. Генеральный штаб даже запросил все карты, имеющиеся в различных ведомствах и учреждениях, в том числе и в Академии наук. Но вскоре он от этой работы отказался, так как она была слишком трудной (Глиноецкий, 1883, стр. 50—53).

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ КАРТЫ И АТЛАСЫ РОССИИ И. К. КИРИЛОВА И АКАДЕМИИ НАУК

Съемки, произведенные геодезистами, являлись только первым этапом работы по составлению генеральной карты России. Вторым этапом были работы по объединению частных карт в генеральную. Еще задолго до окончания этих работ появилась «Новая генеральная карта Всероссийской империи и границы, в которой положение всех крепостей государства назначено»¹³. Эта карта охватывала всю территорию России и значительные части соседних стран (особенно в Азии) (ЦГВИА, ф. ВУА, № 19834).

Пометок, указывающих автора и срок составления, на карте нет. Вероятно, она была составлена около 1731 г. при участии генерала Декулона¹⁴, служившего под начальством фельдмаршала Б. Миниха¹⁵.

Эта карта довольно богата содержанием. По данным С. Е. Фея (1950б), только в одной Сибири показано до 140 населенных пунктов и много рек и больших дорог и надписаны названия обитавших там народностей. Это говорит о знакомстве с составленными ранее русскими картами. Вместе с тем эта карта отражает сильное влияние западноевропейской картографии, воспринятой не критически. При составлении ее была использована не только карта И. Гомана 1725 г., представлявшая собой обработку современных ему картографических данных о Камчатке и северо-востоке Азии, но и архаические сведения, заимствованные, вероятно, со старых карт. На ней показаны «мыс Табин» и «о-в Тацата», упоминавшиеся еще Помпонием Мелой и Плинием; в верховьях Тобола есть надпись «Лукоморье», которую мы встречаем на карте С. Герберштейна 1549 г.; р. Лена имеет также название Тартар и т. д. Эти названия фигурировали на многих старинных западноевропейских картах — на карте А. Ортелиа (1570 г.), Г. Меркатора (1594 г.), И. Гондиуса (1595 г.) и др. (Багров, 1914, стр. 35, 46—47). Кроме этих названий, на карте есть и другие странные названия, как, например, «Коеликция», «Алемурия» и т. д. Байкал вытянут прямо с запада на восток и назван Байк.

Автору не были известны карта и книга Ф. Страленберга (Strahlenberg, 1730, стр. 7), высмеивавшего «Лукоморье», а также изображение Амура и берега Азии на китайских картах.

Изобилие на этой официальной карте фантастических объектов свидетельствует о том, что представления о географии многих районов России были в то время в некоторой части русского общества весьма смутными. В то же время это показывает, как важно было составление генеральной карты страны, основанной на съемках геодезистов.

Выполнение очень сложных работ по составлению генеральной карты, научная методика которых была еще не известна, потребовало большого времени. Довольно сложная история этих работ может быть разделена на два больших периода: первый (с 1726 до 1734 г.), когда Академия наук еще мало участвовала в них и главную роль играл обер-секретарь Сената.

И. К. Кирилов, благодаря энергии которого был подготовлен первый вариант генеральной карты и незаконченный атлас России, и второй период (с 1734 до 1745 г.), когда после отъезда И. К. Кирилова с Оренбургской экспедицией все работы велись Академией наук, выпустившей в 1745 г. Атлас Российский с генеральной картой страны.

Карьера И. К. Кирилова, выдвинувшегося из мелких чиновников, говорит о его выдающихся способностях и желании служить государству¹⁶. По словам П. И. Рычкова (1896, стр. 29), работавшего под его руководством, «сию правду поистине надлежит ему отдать, что он о пользе государственной, сколько знать мог, прилежное имел попечение и труды к трудам до самой своей кончины прилагал, предпочитая интерес государственной, паче своего». Вместе с тем он «сциенции (науки.— В. Г.) схоластической хотя никакой не учил и основательно не знал, но был великий рачитель и любитель наук».

По мнению И. К. Кирилова, русская картография находилась в неудовлетворительном состоянии. В 1734 г. в «Покорнейшем объявлении о Атласе Российском» он писал: «Прежде сего осмого надесять века о Российской империи географическое описание собственно на российском языке совершенную скудость имело, но только от единых чюжестранцев зависило и зависит» (Свенске, 1866, стр. 23). Карты же иностранцев «Алиария (Олеария.— В. Г.), Винцена (Витсена.— В. Г.), Страмберха (Страленберга.— В. Г.), Избранта» и других «все тому подвергнуты, что ни на которой утвердиться нельзя» (МАН, 1886, т. II, стр. 707). Являясь вторым обер-секретарем Сената, в который поступило много карт, И. К. Кирилов занимался их исследованием и был уверен, что «не постыдят же нас партикулярные губернские и провинциальные и каждого уезду карты, в которых вместо показываемой (на иностранных картах.— В. Г.) пустоты во многих частое селение пе малых местечек, сел и деревень, заводов и протчаго усмотрено будет» (Свенске, 1866).

И. К. Кирилов сознавал несовершенство многих русских карт, но вместе с тем полагал, что для целей государственного управления и для престижа России важно возможно скорее дать представление о стране: «Лучше новыми свет довольствоваться, нежели молчать. Ибо по собрании новых обсерваций и описей может паки выдана быть новая ж, как в том свидетельствуют прочих земель карты» (МАН, 1886, т. III, стр. 62).

Первые опыты по печатанию карт И. К. Кирилов начал, по-видимому, довольно рано; уже в 1726 г. он выпустил карты Выборгского уезда и русско-шведской границы, установленной в 1722 г.¹⁷ Эти карты, как и последующие, И. К. Кирилов гравировал и печатал за свой счет, получив, однако, взаимы значительную сумму от «Комиссии о коммерции».

Это было началом систематической публикации карт русского производства.

Вскоре у И. К. Кирилова возникла мысль о создании атласа России. Это видно из надписи на третьей выпущенной им из печати карте, вышедшей в декабре 1727 г. под названием: «Новая и достоверная княжества Корельского, а ныне Коксгольмского уезда ландкарта». В надписи сказано: «В намерении пребываю, что одна после другой толь великого вашего величества Империя партикулярные ланткарты со смотрением и свидетельством Академии наук в особой российский атлас выбраны и напечатаны быть имеют». В связи с этим после 1727 г. на некоторых картах сделана пометка: «В Российский атлас напечатано». Как видно из надписи на карте Кексгольмского уезда, И. К. Кирилов рассчитывал на помощь Академии наук, но последняя приступила к картографическим работам только после появления в ней И. Делиля, т. е. в 1726 г. Академия наук была мало подготов-

лена к этим работам, и отношения с ней И. К. Кирилова сложились не так, как бы ему хотелось.

И. Делиль (1688—1768 гг.), имя которого связано с историей атласа 1745 г., был серьезным ученым. Он имел звание сверхштатного адъюнкта Парижской Академии наук, ему принадлежало много печатных трудов. За время пребывания в России он создал в Петербурге астрономическую обсерваторию, которая заняла одно из первых мест в Европе (История Академии наук СССР, 1958, стр. 54), и производил в ней систематические наблюдения. Он выступил как пропагандист учения о гелиоцентрическом строении солнечной системы. Интересом к географии он был во многом обязан своему старшему брату, известному географу и члену Парижской Академии наук, Гильому Делилю.

И. Делиль помог поставить геодезические работы на научную основу и выработать методику составления генеральной карты России. Он настаивал на необходимости компетентного руководства картографическими работами, стремясь сосредоточить его в Академии наук и пытался улучшить подготовку кадров. Вместе с тем чрезмерное усложнение вопросов, связанных с составлением карт, неискреннее отношение к России и к Академии наук привели к тому, что деятельность И. Делиля имела также и серьезные отрицательные стороны. Из его переписки с президентом Академии наук Л. Блюментростом видно, что И. Делиль выражал большое желание ехать в Россию (Пекарский, 1870, стр. 127). Договор на четыре года, заключенный с ним в 1725 г. русским послом в Париже Б. Куракиным, предусматривал выполнение астрономических работ (МАН, 1885, стр. 126). Приехав в марте 1726 г. в Петербург, И. Делиль, однако, через несколько месяцев начал проявлять интерес к географическим картам, и 19 июня 1726 г. Л. Блюментрост просил кабинет-секретаря А. В. Макарова, чтобы в Академию наук были присланы все географические карты «как партикулярные, так и универсальные», так как «господин профессор Делиль списывает эфемериды, а потом хочет и маппу Российской империи приложить, сколько возможно обновя и исправя» (Гнучева, 1946, стр. 25).

Что заставило И. Делиля, занимавшегося до сего времени серьезно только астрономией, интересоваться географическими картами? Сам он писал, что «взял на себя руководство географией, поскольку эта наука не может обходиться без астрономии» (Свенске, 1866, стр. 181). Его занятия географией могли быть также частью более широкого плана, имевшего целью сбор материалов, всесторонне освещавших Россию. О таком плане И. Делиль писал, вернувшись в Париж в 60-х годах XVIII в., в проспекте подготовлявшегося им восьмитомного издания «Новые мемуары о России, Сибири и обширных территориях соседних государств...», в котором предполагал дать описание природы и природных ресурсов, границ, народов, состояния науки и искусства и т. д. (ЦГВИА, ф. ВУА, № 18085, л. 1 и 190—191). В. Ф. Гнучева (1946, стр. 24—25) полагает, что И. Делиль, происходя из семьи географов, обратился к обработке карт в связи с желанием своего брата Г. Делиля получить карты России, о чем последний писал в Академию наук. Вместе с тем мы не можем пройти мимо сообщения В. А. Кордта (1931, стр. 21) о том, что, как он документально установил, И. Делиль систематически секретно пересылал во Францию копии поступавших к нему русских карт, а иногда и подлинники с надписями, переведенными им на французский язык. Эти материалы он отправлял главным образом в Морское министерство, в котором он состоял на жалованье в качестве астронома-географа. В результате в Париже хранится очень много копий и подлинников старинных русских географических карт¹⁸.

Передача руководства картографическими работами Академией наук

человеку, который был связан преимущественно с астрономией и интересовался сбором материалов для секретных целей, была, конечно, малоблагоприятным пачалом. К тому же ни президент Академии наук, ни И. Делиль, никогда не занимавшийся такими работами, не имели представления об их сложности и связанных с ними технических трудностях. Это было ясно для русских государственных деятелей.

На просьбу Л. Блюментроста о передаче Академии наук картографических работ кабинет-секретарь А. В. Макаров письмом от 30 декабря 1726 г. ответил согласием. К письму прилагались 33 карты по девяти губерниям, которые подлежали исправлению. Вместе с тем Сенат не отстранялся от этих работ, и в письме А. В. Макарова было сказано: «Понеже некоторые во оных картах есть неправы и требуют исправления и для того изволите приказать тем профессорам сноситься с сенатским секретарем Иваном Кириловым, который может с ними те погрешения выправить» (Свенске, 1866, стр. 61—62).

Дальнейшие сношения Сената с Академией наук убедили И. К. Кирилова в ее неподготовленности к практической работе по составлению генеральной карты. 23 февраля 1727 г. на запрос Сената «о климате российских городов, который под которым градусом лежит», Академия наук вынуждена была ответить, что «не может оно учинить совершенно» и сообщила широты 20 русских городов, сопровождая многие из них оговорками: для Вологды указана широта 59° «мало нечто боле»; для Олонца — «почти» $60,5^{\circ}$ и т. д. (там же, стр. 68—69). Долгота, конечно, не сообщалась. Таким образом, Академия наук не располагала почти никакими данными об астрономически определенных пунктах и не была подготовлена к составлению сводной карты.

Мероприятия, которые выдвигал для восполнения этого пробела И. Делиль, оторванный от русской действительности и руководствовавшийся в работе не только деловыми, но и личными соображениями, не могли быть успешными. В 1727 г. он предложил послать в экспедицию «в Архангелогородскую губернию в Кольский острог и, далее, если возможно будет, а из оной губернии в Москву, а из Москвы в Сибирскую и прочие губернии» с целью проведения астрономических наблюдений и установления координат географических пунктов в качестве астронома своего несведущего брата Л. Делаacroера (Иванов, 1853, стр. 465). Последний, проездив по северу три года, привез определение широт 13 пунктов и полное определение Архангельска (Свенске, 1866, стр. 6—7).

Как производились эти «наблюдения» Л. Делаacroера (а может быть, и обработка их И. Делилем), можно судить, например, по отзыву астронома О. В. Струве (1872, стр. 16). По поводу определения долготы Архангельска, сделанного Л. Делаacroером, которое считалось довольно точным, так как произведенные им три наблюдения затмений Юпитера дали весьма согласные результаты, он писал: «Только в начале нынешнего столетия открылось, что, вероятно, все три наблюдения были или просто выдуманы или, по крайней мере, произвольно изменены недостойным наблюдателем» и долгота этого города оказалась неверной без малого на два градуса¹⁹.

В письме к И. К. Кирилову от 10 мая 1728 г. И. Делиль заявлял, что работу над генеральной картой России он начнет с ее Европейской части, включая «царства» Казанское и Астраханское, так как эта территория наиболее изучена. Карту Европейской части России он представлял себе на 30 листах, размером 1,5 на 2 фута. Одновременно он просил выслать карты недостающих ему провинций (Свенске, 1866, стр. 160). В письме к И. К. Кирилову от 24 марта 1729 г. И. Делиль уменьшил карту до 12 листов,

добавляя, что, кроме этого, будет составлена еще карта всей России на четырех листах (там же, стр. 85—86). Наконец, в 1730 г. Сенат потребовал (указом от 29 сентября), чтобы Академия наук представила результаты своих работ в области картографии. Но из письма от 5 ноября 1730 г., направленного И. Делилем И. К. Кирилову, выяснилось, что дело находится в стадии «генерального размышления». Он писал, что за нулевой он решил принять меридиан, проходящий через о-в Ферро, и подыскивает пункты, чтобы «сочинить решетку мысленную моих карт генеральных» (там же, стр. 92 и 93). Из пунктов для этой «решетки» был хорошо определен только Петербург. Начатое им составление генеральной карты сводилось к нанесению границ Выборгского, Олонецкого и Кексгольмского уездов. Он признавал, «что еще не велми успеваю в сочинении двух моих карт генеральных» (там же, стр. 95). И. Делиль был в основном занят копированием карт, полученных из Сената, и переводом приведенных на них названий на французский язык.

Через некоторое время (в 1732 г.) И. Делиль представил в Сенат «Проект о географии», в котором предлагал учредить при Академии наук Географическое бюро, возглавляемое профессором (Гнучева, 1946, стр. 30). В Географическое бюро, где следовало бы иметь переводчика и штат переписчиков, должны были быть переданы все карты, записки по географии из всех ведомств и отчеты геодезистов. Согласившись с этим проектом, следовало бы прекратить работы И. К. Кирилова и отказаться от надежд на быстрый выпуск карт России. Поэтому проект не был утвержден. Учреждение, подобное проектировавшемуся И. Делилем Географическому бюро (Географический департамент), возникло несколько позднее.

Не видя результатов от трудов И. Делиля, И. К. Кирилов не оставлял своих работ над картами геодезистов и продолжал их печатать²⁰. Его положение хорошо обрисовал Г. Миллер, бывший до своего отъезда со Второй Камчатской экспедицией очевидцем хода работ над генеральной картой. «Не все ли равно было, кто издаст карты, лишь бы они не лежали в архивах Сената. Об этом Кирилов заботился фактически лучше, чем мог в начале Делиль. Поскольку карты, присланные геодезистами, не имели других долгот, кроме установленных их составителями путем измерения расстояния, то и сам Делиль до получения астрономических наблюдений не смог бы сделать ничего лучше, как ориентироваться на них» (МАН, 1890, стр. 113).

Для составления генеральной карты И. К. Кирилов, торопившийся перед отъездом с Оренбургской экспедицией, решил за неимением лучшего пользоваться упрощенными приемами, которые, вероятно, возникли из практики геодезистов. О них можно судить по записке «О приведении в совершенное исправление Российской генеральной и партикулярных ландкарт», которую И. К. Кирилов подал в Сенат в 1735 г., уже закончив свои работы над генеральной картой. В этой записке он говорил, что, по его мнению, проведение большого количества астрономических определений может быть выполнено нескоро из-за отсутствия подготовленных людей. К тому же эти работы будут связаны с большими затратами. «Здесь уже есть довольно число геодезистов, которым вдруг приказать два верные описания с подлинною мерою сделать: 1) все знатные плавные реки, яко Волгу, Оку, Двину, Днепр, Дон, Каму и другие, 2) проезжие большие почтовые и непочтовые дороги. Сие рассуждаю к скорому способу; и когда так исполнят, то в генеральную и в партикулярные карты внести одни реки и большие дороги..., потом им же каждой губернии губернскую, а провинции провинциальную и городские уездные межы, одну от другой губернии, провинции и уезду разделить по подлинной мере и потому ж в оные ланд

карты внести, что учинит истинное познание о состоянии и обширности... Напоследок каждого уезду внутреннее селение, леса, поля, степи, знатные горы» (Свенске, 1866, стр. 114).

Генеральную карту И. К. Кирилов составил в 1733 г. Она была отпечатана в 1734 г. Сопоставление рукописной карты с отпечатанной свидетельствует о спешности исполнения и об изменениях, вносившихся в карту до последнего момента (Лебедев, 1950, стр. 250). Она называется «Генеральная карта о Российской империи, сколько возможно было исправно сочиненная трудом Ивана Кирилова обер-секретаря правительствующего Сената в Санктпетербурге 1734 г.» Это же название приведено и по-латыни. Атлас, в который должна была войти генеральная карта, остался незаконченным, хотя и был отпечатан. В надписи на титульном листе сказано, что в атласе даются «все ее царства, губернии, провинции, уезды и границы, сколько возмogli Российские геодезисты описать оные и в ланд-карты положить»²¹.

Атлас, который должен был состоять из 360 карт, был задуман очень широко не только по количеству карт, но и по теме. Имелось в виду «при сем новом атласе и древности объявить, как прежде было до разделения в едином самодержавстве и по разделении великого князя Владимирера по княжествам и по уделам и при том о городах древних же и новых и о народах и доволствах к житию человеческому, и комерции», т. е. И. К. Кирилов замыслил издание исторических, этнографических и экономических карт (Свенске, 1866, стр. 25).

Он успел подготовить только небольшую часть карт, намеченных для атласа. Согласно списку, составленному Х. Винсгеймом, И. К. Кирилов напечатал 29 частных карт (Гнучева, 1946, стр. 159). Но этот список не полон²². Неизвестно, впрочем, все ли напечатанные частные карты предназначались И. К. Кириловым для атласа.

По словам Е. Болховитинова (Митрополит Евгений, 1845, стр. 286), атлас И. К. Кирилова уже в первой четверти XIX в. считался редкостью. В наше время известны лишь три сохранившихся экземпляра, каждый из которых имеет фронтиспис, титульный лист и посвящение. Они хранятся в Рукописном отделе библиотеки Академии наук СССР, в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в ЦГАДА. Из них последний, включающий 12 частных карт, является наиболее полным. Остальные содержат по 10 частных карт. Кроме того, известны собрания разрозненных карт И. К. Кирилова. В литературе упоминается также о немногих других, не дошедших до нас экземплярах атласа (Фель, 1957, стр. 298—299). История издания атласа И. К. Кирилова исследована мало.

Крайне ограниченное число сохранившихся экземпляров этого атласа послужило одним из поводов для заключения, что он никогда для широкой публики не издавался и что выпускались лишь пробные экземпляры в качестве образцов или для отчета (Клепиков, 1956, стр. 87). Подобное мнение высказывал и В. А. Бриллиант в докладе, прочитанном 6 февраля 1954 г. на секции истории географии Второго съезда Всесоюзного географического общества. С этим мнением едва ли можно согласиться, так как нигде не встречается упоминаний об особой ограниченности тиража атласа И. К. Кирилова. Вместе с тем имеются сведения, что атлас продавался в магазинах (Рассказ императрицы Екатерины II..., 1865, стр. 471) и что И. К. Кирилов намеревался пополнить и продолжать начатое издание (Müller, 1753, стр. 50—51). Напомним, что атлас Каспийского моря 1731 г. Ф. И. Соймонова, издание которого для практических целей не вызывает сомнения, известен в настоящее время также только в трех экземплярах.

Атлас И. К. Кирилова издавался несколько раз (1731, 1732 и 1734 гг.).

Эти издания различаются по количеству карт (от 9 частных до 15 частных вместе с генеральной) и их составу (Фель, 1957, стр. 298). Многократное издание атласа, по-видимому, в какой-то мере соответствовало планам самого И. К. Кирилова, который 18 февраля 1729 г. просил И. Шумахера оказать содействие в изготовлении двух начальных листов с разными украшениями, «ибо от времени до времени напечатанные ландкарты могут в одну книгу собирать и переплетать» (Свенске, 1866, стр. 81).

Генеральная карта И. К. Кирилова доходит на юге до 30° с. ш., захватывая значительную часть территории Китая, Монголии и Персии. На востоке она доведена до Берингова пролива. В отличие от многих других карт того времени, на которых нулевой меридиан проходит через о-в Ферро, на генеральной карте И. К. Кирилова он проходит через о-в Даго (о-в Хиума) — крайний предел владений России на западе.

При составлении карты И. К. Кирилов пользовался новейшими данными. Северо-Восточная часть Азиатского материка взята им с карты Первой Камчатской экспедиции, хотя многие в то время относились к ее данным с сомнением, очертания Каспийского моря — из последнего атласа Ф. И. Соймонова, вышедшего в 1731 г. В этом отношении генеральная карта И. К. Кирилова выгодно отличается от генеральной карты 1745 г. Академии наук, воспроизводившей Каспийское море по карте фон Вердена и Ф. И. Соймонова 1720 г. Очертания западной части Центральной Азии на карте И. К. Кирилова показывают знакомство с материалами посольства И. Унковского (Щукина, 1955, стр. 26). Для изображения течения Амура, морского берега от Кореи до Амура и о-ва Сахалина были использованы китайские карты, присланные императором Кан-Си, и материалы комиссии С. Рагузинского по определению русско-китайской границы.

Наряду с этим в генеральной карте И. К. Кирилова имеются существенные недочеты, связанные с незаключенностью геодезических съемок и в особенности, с крайней ограниченностью числа пунктов, координаты которых были определены путем астрономических наблюдений.

В Европейской части территории неправильно даны очертания Крымского п-ова и Азовского моря, которое соединено с Черным морем двумя проливами, как на карте Я. Брюса и Ю. Менгдена 1699 г. Берег северной части Азиатского материка изображен неверно, по картам Адмиралтейств-коллегии, пользовавшейся, как это видно из надписи на составленной ею в феврале 1731 г. карте, разными прежними чертежами (Жданко, 1916, стр. 844—845). Для изображения Азиатского материка И. К. Кирилов почему-то не использовал карту маршрута Первой Камчатской экспедиции, составленную П. А. Чаплиным, и путевые журналы. Одним из существенных промахов является растянутость Азии с запада на восток на 8—10°, что отметил еще В. Н. Татищев.

Курильские острова изображены не по чертежу И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина, данными которых И. К. Кирилов, по его словам, пользовался в 1724—1730 гг. при составлении «карты Шестакова». Курилы показаны в виде небольшой группы островов, занимающей с севера на юг около 2°. Изображение этих островов и огромной земли «Едзо» с ее фантастическим окружением — «Землей Штатов», «Землей де Гама» и т. д., вероятно, заимствовано с карты И. Делиля 1731 г., которая в 1732 г. рассматривалась в Сенате.

Детальность генеральной карты, особенно ее азиатской части, весьма недостаточна. Леса, болота и дороги не показаны. В Европейской России нанесено довольно много населенных пунктов, но далеко не все названы. Так, например, в бассейне Северной Двины показан 31 населенный пункт, но названы только семь. В Сибири населенных пунктов показано совсем

мало — во всем бассейне р. Лены их нанесено лишь 11, правда, все они названы. Заводы не показаны, даже около Екатеринбурга.

При всех недочетах генеральная карта И. К. Кирилова сыграла важную роль, так как на ней были впервые нанесены близкие к действительности очертания всей территории России. Преимущества его карты станут особенно ясными при сравнении ее с картой России Ф. Страленберга, вышедшей около 1730 г. и считавшейся до появления карты И. К. Кирилова наиболее подробной и правильной, а также при сравнении с картой Декулона. На карте Ф. Страленберга изображение Камчатки, Чукотского носа и северного берега Азии к востоку от Лешы лишь отдаленно напоминает действительность. Амуру придано почти прямое юго-восточное направление. Неправильно изображено Каспийское море и т. д.²³

В России карта И. К. Кирилова пользовалась популярностью. Это видно из рассказа Екатерины II о том, как, не найдя в Сенате карты России, она «послала пять рублей в Академию наук через реку от Сената и купленный там Кириловский печатный атлас в тот же час подарила правительствующему Сенату» (Рассказ Екатерины II..., 1865, стр. 471).

Лучшие картографы Западной Европы (И. Гоман, И. Газиус и др.) использовали или воспроизводили генеральную карту И. К. Кирилова, показывавшую Россию в совершенно новом виде (Миллер, 1761, декабрь, стр. 501; Сапен, 1911, стр. 6). Упоминания о ней встречались у знаменитых европейских ученых и через десятки лет после ее опубликования (Engel, 1772, стр. 31).

Частные карты атласа почти все являются копиями карт геодезистов и имеют градусную сетку. Названия карт в большинстве случаев даны по-русски и по-латыни. Эти карты привлекают внимание своей насыщенностью. Интересной чертой некоторых из них является приводимая в названии характеристика изображаемой территории. Так, например, в надписи на карте Соликамской провинции говорится, что через нее проходит «натуральная водою коммуникация» между Каспийским, Белым и Балтийским морями, через верховья близко сходящихся притоков Вычегды и Камы. В этой провинции живут в основном крестьяне, числящиеся за государством, немногие крестьяне числятся за монастырями, «а шляхетских деревень никогда не бывало и нет».

Свой труд по созданию генеральной карты 1734 г. И. К. Кирилов считал предварительным: «Ни сам не утверждаюсь и других в том не обнадеживаю (генеральную карту.— В. Г.) за верную иметь для того, что с разных провинциальных и уездных ландкарт между которыми есть одна с другою не согласные сочинил по нужде формы будущей верной карты» (Свенске, 1866, стр. 114).

Работая в Оренбургской экспедиции, И. К. Кирилов стремился сохранить за собой руководство геодезистами. В 1734 г. он просил Екатерину II, «дабы с обретающимися ныне в губерниях и провинциях геодезистами и Академией наук свободную в том корреспонденцию иметь и посылать их геодезистов из места в место, где будет нужда оканчивать, а особливо астрономические наблюдения учинить» (Добросмыслов, 1900, стр. 81). Его просьба была удовлетворена, и, таким образом, за ним осталось руководство полевой работой геодезистов, которое, впрочем, осуществить было довольно трудно. Продолжать во время экспедиции свою работу над атласом, он, конечно, не мог. Поэтому из картографических работ, относящихся ко времени пребывания И. К. Кирилова в экспедиции, наиболее существенное значение имели выполненные под его руководством съемки малоизвестных юго-восточных районов России (Свенске, 1866, стр. 112).

Деятельность И. К. Кирилова его современники недооценивали.

Критически относился к нему В. Н. Татищев. Г. Миллер, оправдывавший, как мы видели, печатание карт И. К. Кириловым, все же говорил: «Является на них сей недостаток, что они так остались, как каждой геодезист оные снимал... Впрочем были бы сии карты весьма полезны, есть ли бы кто искусной географ потрудился оные исправить». И. К. Кирилову, по мнению Г. Миллера, «недоставало довольных оснований в науках, кои бы могли подкреплять похвальное его рачение» (Миллер, 1761, декабрь, стр. 489).

Рассматривая деятельность И. К. Кирилова, мы не можем не отдать должного талантности и энергии этого выдающегося человека, который совмещал наклонности ученого с темпераментом государственного деятеля, стремившегося к живому нужному делу.

После отъезда И. К. Кирилова Академия наук усилила свое руководство картографическими работами. Согласно указу от 30 мая 1735 г., в ее распоряжение поступали геодезисты, состоявшие при Сенате, а также имевшиеся в Сенате картографические материалы. В Академию должны были направляться и геодезисты с ландкартами, прибывавшие с мест (Свенске, 1866, стр. 117). Кроме того, она получила разрешение копировать картографические материалы в Канцелярии главной артиллерии и фортификации, в Адмиралтейств-коллегии и в Коллегии иностранных дел.

В помощь И. Делилю в 1735 г. были назначены архитектор К. Шеслер, механик И. Брукнер с учениками, гравировщик Г. Унферцахт, профессора П. Леруа и Л. Эйлер. Эта группа рассматривалась Академией наук как основное ядро будущего Географического департамента, создание которого было официально разрешено только с 22 октября 1739 г. (Гнучева, 1946, стр. 36 и 48)²⁴.

В этих условиях постепенно все яснее становилась бездеятельность И. Делиля в области составления генеральной карты. Он мало занимался обработкой поступающих карт, хотя находил время для попыток тригонометрического измерения базиса, которые должны были служить началом работ по измерению градуса меридиана²⁵, изучения карт Кавказа, присланных грузинским царевичем Вахушти, составления сборника по астрономии, географии и физике (там же, стр. 39 и 45). Активность Л. Эйлера, с большой энергией принявшегося за математическую обработку и приведение к одному масштабу поступающих карт, стесняла И. Делиля, и, не желая терять свое влияние, он пытался от него отделаться.

В. Н. Татищев, которому после смерти И. К. Кирилова было поручено руководить геодезистами и создать генеральную карту России, не смог оказать существенное влияние на организацию работ в Академии наук. В донесении в Сенат от 30 апреля 1739 г. он предлагал оставить за Академией наук, в частности за И. Делилем, который «во всех к тому потребных науках изобилует» (Татищев, 1950, стр. 100), измерение градусов долготы и составление генеральной карты, а на себя брал руководство геодезистами. Вскоре он был отдан под следствие.

Между И. Делилем, у которого не было готовых карт, и президентом Академии наук И. Корфом, начались конфликты. Последний стал к тому же подозревать И. Делиля в том, что он переправлял карты за границу. Из-за этих подозрений отчасти и ускорилась организация Географического департамента, где И. Корф хотел поставить своего человека, который хранил бы карты и документы и был бы в курсе всего там совершающегося (Свенске, 1866, стр. 178).

28 февраля 1740 г. И. Делиль уехал в г. Березов (Пекарский, 1865а, стр. 6) для наблюдения за прохождением Меркурия через диск Солнца, и на этом его деятельность в Географическом департаменте фактически

закончилась. Когда он в конце этого года вернулся в Петербург, работа по составлению генеральной карты уже довольно далеко продвинулась. Она проводилась по системе, предложенной Л. Эйлером и профессором И. Гейнзисом. По этой системе из уездных карт, поступивших от геодезистов, составлялась не генеральная карта, как хотел И. Делиль, а карты провинций и губерний, на основе которых потом составлялась генеральная карта (там же, стр. 169).

С 31 мая 1740 г. во главе Географического департамента был поставлен Л. Эйлер, который, однако, уже в мае 1741 г. уехал по состоянию здоровья за границу. Работами по составлению карты стали руководить астрономы Г. Гейнзис и Х. Винсгейм, а после отъезда Г. Гейнзиса в 1744 г. — один Х. Винсгейм (Гнучева, 1946, стр. 52).

Попытка И. Делиля бороться с Академией наук за руководство картографическими работами успехом не увенчалась, и поданный им 1741 г. в Кабинет-министров проект об организации Географического бюро непосредственно при Кабинете принят не был. В 1747 г. И. Делиль уехал во Францию, не добившись сколько-нибудь значительных результатов за 20 лет работы над генеральной картой (там же, стр. 51—52, 191).

Едва ли права В. Ф. Гнучева (стр. 57), оправдывающая И. Делиля, ссылаясь на говорившее в нем как в члене семьи географов чувство «научной чести», заставлявшее его усложнять работы, добиваясь высокой точности. Известно, что при других обстоятельствах И. Делиль не стеснялся составлять очень ответственные карты по мало проверенным данным (например, карту для Второй Камчатской экспедиции).

Л. Эйлер, конечно, не хуже И. Делиля представлял себе совокупность требований, связанных с составлением точной географической карты, но ему было понятно, что эта работа проводится не ради разрешения отвлеченной теоретической задачи, а имеет важное практическое значение. Так, в его письме от 18 июля 1746 г. по поводу критики И. Делилем атласа 1745 г. мы читаем: «И ему и в сем уступаю, что ежели бы всю Российскую империю по треугольникам вымерять, то несравненно исправнейшие карты сделать можно. Но ежели рассудить, что такое дело и в 50 лет исправить нельзя, то каждый разумный человек уступить принужден, что опубликованные карты несравненно лучше, нежели никаким не быть» (МАН, 1895, стр. 504). Эти мысли, как мы видели, совпадали с мыслями государственных людей того времени — И. К. Кирилова и В. Н. Татищева.

Впрочем, было бы неправильным утверждать, что деятельность И. Делиля была для русской географии совершенно бесполезна. Он выработал новую картографическую проекцию, которая была принята для некоторых из последующих работ Академии наук (Гнучева, 1946, стр. 56—57). Его записки о методологии составления карт, инструкции, работы по триангуляции дали много ценного. И. Делиль обучил астрономическим вычислениям и наблюдениям около 30 геодезистов, в том числе А. Д. Красильникова, А. Иванова, М. Ушакова, Н. Чекина, участников Второй Камчатской экспедиции (История Академии наук, 1958, стр. 100).

В дальнейшем составление генеральной карты, несмотря на то, что руководившие им лица часто менялись, шло довольно быстро. В 1742 г. уже было выгравировано восемь специальных карт и издана написанная Х. Винсгеймом небольшая брошюра на 23 страницах «Атлас Российский, состоящий из 20 и более специальных карт...», в которой был кратко изложен ход работ по составлению карт России и описаны восемь из них, уже составленных Академией наук (МАН, 1890, стр. 560—561)²⁶.

По мнению Конференции Академии наук, предназначенные для атласа карты следовало исправить с учетом замечаний Г. Миллера, вернувшегося

из Сибири, и дополнить на основе новых данных²⁷. Но выпуск так долго подготавливавшегося атласа был совершен с большой поспешностью. Советник канцелярии Академии наук И. Шумахер издал его, как писали академики в Сенат 3 октября 1745 г., «с предисловием именем всей Академии..., а об нем, кроме двух профессоров — Винсгейма и Гейнзиуса, которые его сочинили, никто не ведал» (Гнучева, 1940а, стр. 246—247). Этим, конечно, объясняются некоторые из присущих атласу недочетов.

Атлас Академии наук называется «Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим обсервациям с приложенною при том генеральною картою великия сия империи стараньем и трудами Императорской Академии наук. В Санктпетербурге 1745 года». 13 карт атласа изображают Европейскую Россию и 6 — Азиатскую Россию. За нулевой принят меридиан, проходящий через о-в Ферро (рис. 53).

Авторы атласа считали своей главной задачей составление не генеральной карты, а 19 специальных карт. Эта мысль, отчасти выраженная в названии атласа, обосновывается в предисловии, где говорится, что «пабольшая польза в общем житии бывает от партикулярных карт, которые, когда они небольшие части земель содержат, означенной недостаток (неточность, связанную с изображением сферической поверхности на плоскости.— В. Г.) так уменьшают, что он почти нечувствителен становится...» Генеральные же карты, на которых этот недостаток бывает замечен, «сочиняются больше для того, чтобы представить соединение земель, нежели для полезного употребления».

В настоящее время имеются три варианта этого атласа с надписями на русском языке (Боднарский, 1932, стр. 110—112). Карты в них вполне совпадают, но в оформлении заглавного листа, шрифте и предисловии есть различия. В одном из вариантов предисловие почти вдвое больше, чем в остальных. В предисловии к каждому из этих трех вариантов включено «Краткое показание к сочинению ландкарт». В нем излагается методика выполнения съемок и составления географических карт и обсуждаются ее преимущества и недостатки. Ближайшее участие в составлении «Краткого показания...» принимал Г. Гейнзиус. Его статья «О сочинении ландкарт» (Пекарский, 1870, стр. 580), опубликованная в «Примечаниях к Санктпетербургским ведомостям» 1742 г., совпадает с соответствующей частью предисловия к атласу.

Во всех вариантах атласа приводятся также «долгота и широта знатнейших мест Российской империи» и дается объяснение условных обозначений. Долгота и широта указаны по 62 пунктам, которые подразделяются по точности определения на несколько категорий. Пунктов, для которых долгота определена астрономически, только восемь: Петербург, Архангельск, Казань, Иркутск, Киренский острог, Олекминский острог, Якутск, Петропавловская гавань. Для девяти пунктов долгота принята «по достоверным основаниям» (которые не указаны), а «прочим местам долгота собою вышла при сочинении генеральной карты».

В легенде дается объяснение 47 условных обозначений, что свидетельствует об очень разнообразном содержании карт. 23 условных обозначения относятся к населенным пунктам и военным объектам; экономические объекты (мельницы, заводы, солеварни) также имеют специальные обозначения, различными знаками показаны и сельскохозяйственные угодья. Обращает на себя внимание отсутствие дорог. Нанесен только путь (вероятно, проект) Москва — Петербург²⁸.

Являясь важным этапом в развитии русской картографии, атлас 1745 г. имеет вместе с тем много недочетов.

Составители атласа хотя и использовали некоторые данные Второй Камчатской экспедиции (например, «Земля Ессо» исчезла, вместо нее между Камчаткой и Японией на протяжении около 10° простираются Курильские острова в соответствии с чертежом М. Шпанберга; Камчатка расположена по отношению к Японии правильно и т. д.), по все же немало ценных сведений, сообщенных экспедицией, осталось составителям неизвестным. Неточно изображено побережье Северного Ледовитого океана, где совсем неправильно даны очертания Таймырского п-ова, п-ов Канин Нос изображен в виде острова «Канди Нос» и т. д. Неверно показано расположение многих населенных пунктов и других географических объектов, что еще в 1751 г. отметил Ж. д'Анвиль в письме от 5 августа в Академию наук в отношении Вильно, Роми, Килии (у устья Дуная), Очакова и т. д. (Гнучева, 1946, стр. 170—176). В наше время на этом вопросе останавливался В. А. Кордт (1931, стр. 20), считающий даже, что карта «Малая Татария с пограничною Киевскою и Белогородскою губершиями» (из атласа 1745 г.) не является шагом вперед сравнительно с картой Украины, составленной французом Г. Бопланом в 1650 г.

Существенным дефектом атласа 1745 г. следует считать неполное и неточное изображение рельефа. Например, начало Уральского хребта показано против Новой Земли. Он протягивается к г. Березову, затем у истоков Печоры вновь появляется и тянется в виде узкой цепочки, теряющей у истоков р. Туры, не дойдя довольно далеко до Екатеринбурга. Потом он опять показан с перерывами до верховьев Тобола, где и обрывается. Западнее, примерно у Оренбурга, нанесена другая горная цепь, продолжающаяся к югу, которая двумя линиями проходит между Каспийским и Аральским морями, дальше уже в виде одной линии она огибает с юга Каспийское море и соединяется с горной цепью Кавказа. Между Доном и Хопром также отмечены какие-то горы и т. д.

В той или другой степени несовершенство атласа сознавали и сами составители и современные им ученые. В расширенном варианте предисловия к атласу говорится: «Впрочем, Академия наук признает, что такого состояния дело всегдашнему исправлению подлежит и довольноного времени, также и многих особливых измерений требует, прежде нежели совершенное что издать можно. И того ради принуждены они были разные места пусты оставлять и сомнительно означать, о которых или совсем никакого или темное известие имели».

На недостатки атласа указывал и М. В. Ломоносов, который писал в 1759 г., что «погрешности и недостатки (атласа.— В. Г.) толь велики, что не токмо многие имена мест и положения ложно поставлены, но знатные урочища пропущены и целые уезды, многолюдными волостями населенные, пусты представлены; и сверх сего знатные губернии, как Санктпетербургская, и завоеванные провинции вмещены только на одной карте» (Билярский, 1865, стр. 396)²⁹. К. Г. Разумовский; назначенный в 1746 г. президентом Академии наук, просил у Елизаветы Петровны разрешения разослать атлас 1745 г. по губерниям и одновременно начать работы по его исправлению и по составлению нового большого Атласа Российской империи (Гнучева, 1940а, стр. 247).

Все же этот атлас, в основу которого были положены карты, составлявшиеся с применением инструментальной съемки, над сведением которых в карты, охватывающие более крупные территории, а последних в генеральную карту работали высококвалифицированные математики и астрономы, мог считаться образцом картографического искусства своего

времени. По качеству он был не только не ниже, но даже выше картографических работ, которыми располагали в то время многие государства Европы. О состоянии географических знаний того времени, например в Германии, О. Пешель говорит следующее: «В середине XVIII ст. имелось более верных определений пунктов в России и Сибири, чем в Германии, где астрономически определено было только течение Рейна и на востоке долготы городов Данцига, Бреслау и Вены» (Peschel, 1865, стр. 674).

К тому же атлас 1745 г. изображал не небольшое западноевропейское государство, а огромную страну, на карте которой наиболее добросовестные западноевропейские географы, считавшиеся знатоками России, как, например, Н. Битсен, проставляли еще лет за 60 до выхода атласа такие названия: *czernilos krugom* (чернелось кругом.— В. Г., *rondom zwart* (родом звать? — В. Г.), *Pianskoi ostrog* и т. д.³⁰

Л. Эйлер считал, что «кроме Франции, почти ни одной земли нет, которая бы лучшие карты имела... Они не токмо гораздо исправнее всех прежних русских карт, но еще многие немецкие карты далеко превосходят» (МАН, 1895, стр. 501—502). В. Н. Татищев также давал атласу 1745 г. высокую оценку, считая, что входящие в него карты «все прежние правостию и добрым сочинением превосходят» (Свенске, 1866, стр. 153).

О широкой популярности атласа свидетельствует многочисленность его изданий³¹. В ближайшие же годы карты из академического атласа были воспроизведены в лучших европейских атласах.

РАБОТЫ М. В. ЛОМОНОСОВА ПО ИСПРАВЛЕНИЮ АТЛАСА 1745 г.

Географическому департаменту не удалось сосредоточить в своих руках руководство геодезическими работами, которые после отстранения в 1739 г. В. Н. Татищева остались без присмотра. В результате поступление в Географический департамент новых карт, необходимых для исправления атласа, значительно сократилось. Правда, В. Н. Татищев, не участвуя в составлении генеральной карты, все же продолжал собирать для Академии наук картографические материалы, но, выйдя в 1745 г. в отставку, перестал этим заниматься. Следует упомянуть также, что с 1746 по 1752 г. все карты Второй Камчатской экспедиции находились в Сенате, который их затребовал (Андреев, 1937б, стр. 102).

При создавшейся обстановке были необходимы энергичные меры для того, чтобы оживить деятельность Географического департамента, в котором сконцентрировалась работоспособная группа сотрудников, состоявшая из опытных геодезистов и студентов-чертежников во главе с И. Трускотом (Гнучева, 1946, стр. 58). Но до М. В. Ломоносова Географическим департаментом довольно долго руководили люди, которые не умели или не хотели приступить к выполнению сложных мероприятий, требовавших инициативы и настойчивости.

Х. Винсгейм, руководивший, как уже указывалось, с 1744 г. Географическим департаментом, в 1749 г., отвечая на запрос Космографического общества в Нюрнберге, не смог назвать ни одной карты, напечатанной после 1745 г., и не сказал ничего определенного о будущих работах (там же, стр. 158—161). Наиболее крупным его трудом было составление изданного в 1748 г. «Реэстра ландкартам, чертежам и планам Российской империи, находящимся в Географическом департаменте при императорской Академии наук» (МАН, 1897, стр. 382). Положение дел не изменилось и после смерти Х. Винсгейма (1756 г.). Сменивший его профессор астрономии А. Гришов мало занимался делами Географического департамента и,

имея семью в Прибалтике, часто туда отлучался (Пекарский, 1873, стр. 639).

Толчком для некоторого оживления деятельности Географического департамента послужило появление в Париже в 1752 г. статьи и карт И. Делиля, неверно освещавших плавание русских в Тихом океане. Как отмечалось, президент Академии наук К. Г. Разумовский поручил в марте 1753 г. Г. Миллеру составить опровержение сообщений И. Делиля. Кроме того, Г. Миллеру и А. Гришову было поручено «смотрение» за составлением нового атласа. Г. Миллеру предлагалось также составить географическое описание России.

Для составления нового Российского атласа Географический департамент разослал запросы провинциальным и губернским канцеляриям с предложением прислать проверенные карты и различные географические сведения. Новые карты удалось получить только по Оренбургской губернии; очень немного поступило и ответов на анкеты (Андреев, 1950а, стр. 203).

В 1754 г. Г. Миллер начал составление новой генеральной карты России с нанесением всех почтовых станций. Она была издана в 1771 г. (Миллер, 1937, стр. 152). Вышли также три карты Камчатки (приложенные к книге С. П. Крашенинникова), являющиеся копиями части его генеральной карты Сибири, и карта Камчатки, составленная И. Трускоттом по данным Г. Миллера.

Однако деятельность Г. Миллера, который из-за пассивности А. Гришова стал фактическим руководителем Географического департамента, мало помогла улучшению постановки работ этого учреждения. Г. Миллер, пользуясь помощью сотрудников Географического департамента, охотно занимался обработкой данных, собранных им в Сибири, и материалов Второй Камчатской экспедиции. Вместе с тем, не являясь картографом, он не уделял внимания руководству кадрами геодезистов, а также организации географических исследований с целью исправления атласа 1745 г. К 1757 г. Географический департамент фактически почти не функционировал (Гнучева, 1946, стр. 66).

Попытки вернуть Географическому департаменту в какой-то мере прежнее значение были сделаны М. В. Ломоносовым. Начинания его в этом направлении были связаны с его общей борьбой за русскую науку и научные кадры и за повышение уровня учебной и научной деятельности Академии наук, которую он старался поставить на службу родине. Условия этой борьбы, занимающей большое место в его биографии, были неблагоприятны для М. В. Ломоносова, имевшего мало сторонников и сталкивавшегося с влиянием ловких бюрократов академической канцелярии — И. Шумахера, Г. Н. Теплова, И. Тауберта, которые не хотели терять свое влияние. Ему мешали и его враги из профессорской среды (Г. Миллер, Ф. Эпинус и др.), которых он приобрел своими выступлениями против иностранного влияния и резкими суждениями о научных работах.

Начало участию М. В. Ломоносова в работах Географического департамента было положено назначением его 13 февраля 1757 г. членом академической канцелярии (Билирский, 1865, стр. 317). Познакомившись с делами учреждений Академии наук, он узнал, насколько в ней много «излишеств, недостатков и замешательств», вызывавших ее «несостояние». В каком положении он застал Географический департамент, можно представить себе по инструкции 3 октября 1757 г., состоящей из 14 пунктов, в составлении которой М. В. Ломоносов принимал главное участие. В этой инструкции содержатся указания об установлении самого элементарного порядка повседневной работы: о необходимости регулярно собираться для совещаний, «содержать порядочно журнал», рассматривать выполненные

Географическим департаментом работы. Инструкция обязывает профессоров (Г. Миллера и А. Гришова) заниматься с адъюнктами (И. Трускоттом и Я. Шмидтом), а адъюнктов — со студентами. «Главнейшим намерением» Географического департамента должно быть «поправление Российского атласа» (Ломоносов, 1955, т. 9, стр. 186—191).

24 марта 1758 г., получив указание «иметь прилежное старание и смотрение», чтобы во всех научных и учебных учреждениях Академии наук «все происходило порядочно», М. В. Ломоносов стал руководителем Географического департамента и оставался в этой должности до самой смерти (Билярский, 1865, стр. 368).

Свои представления о том, что следовало выполнять Географическому департаменту, М. В. Ломоносов выразил в 1760 г. в «Мнении о посылке астрономов и геодезистов». В этом проекте он предлагал составить через три года «исправнейший перед прежним «Российский атлас» в шестидесяти или осмидесяти специальных картах, с отменными украшениями и с политическим и экономическим обстоятельным описанием всея империи, выключая Сибирь, на которую еще сверх того два или три года употребить должно будет» (Ломоносов, 1955, т. 9, стр. 215). Таким образом, по мысли М. В. Ломоносова, атлас должен был не только давать верное изображение страны. Такие же мысли, но в менее определенной форме высказывал ранее И. К. Кирилов. М. В. Ломоносов же ясно понимал необходимость «политических и экономических» описаний, которые были бы всем полезны и показали бы «внутренние избытки, сообщения, кои действительно есть, кои вновь учреждены, либо в лучшее состояние приведены быть могут, и чтоб вдруг видеть можно было, где что взять, ежели надобность потребует» (Билярский, 1865, стр. 466).

М. В. Ломоносов предлагал широкие мероприятия, осуществления которых добивался с большой энергией и последовательностью. Как мы видели, в первой же его инструкции Географическому департаменту он обращал внимание на подготовку кадров. К этому важнейшему вопросу, для разрешения которого почти ничего не делали его предшественники, М. В. Ломоносов возвращался неоднократно и впоследствии, продолжая пристально следить за обучением студентов Географического департамента (Гнучева, 1946, стр. 67—69).

Работы по исправлению атласа 1745 г. М. В. Ломоносов пытался вести в разных направлениях. Как ученый, занимавшийся точными науками, М. В. Ломоносов видел, что одним из наиболее слабых мест выпущенного атласа является недостаточное количество астрономически определенных географических пунктов. В связи с этим он обратился 18 октября 1759 г. к К. Г. Разумовскому с предложением послать адъюнктов Я. Шмидта и А. Д. Красильникова со студентами и геодезистами для определения долгот и широт «знатнейших мест России», список которых должен был составить Географический департамент (Ломоносов, 1955, т. 9, стр. 207). Но это предложение, хотя и было одобрено, осталось неосуществленным. В 1760, 1763 и 1764 гг. М. В. Ломоносов вновь ставил этот вопрос, предлагая послать с этой целью две-три экспедиции в намеченные им пункты. В последнем проекте намечались две экспедиции с расширенной программой, в которую, кроме астрономических определений, входили сбор сведений в соответствии с разосланной ранее Академией наук анкетой и описание природы. Экспедиции должны были посетить 47 пунктов.

Эти проекты также не были осуществлены. В 1761 г. помешала отправка в Сибирь отрядов для наблюдения за прохождением Венеры через диск Солнца; этим отрядам были переданы почти все астрономические инструменты, они поглотили и основные кадры. В дальнейшем осуществление

намерений М. В. Ломоносова задерживалось из-за отсутствия поддержки со стороны Академии (Гнучева, 1946, стр. 72—73). М. В. Ломоносов, по-видимому, собирался продолжать борьбу за свои предложения. По крайней мере 28 января 1765 г., незадолго до смерти, он требовал, чтобы ему прислали его последний проект об организации географических экспедиций.

Неудачные попытки М. В. Ломоносова все же не прошли бесследно; они подготовили почву для академических экспедиций 1768—1774 гг., производивших астрономические определения большей частью в местах, упомянутых в проектах М. В. Ломоносова (Первошников, 1854а, стр. 33).

Не ограничиваясь проектом посылки экспедиций, М. В. Ломоносов запрашивал с мест разнообразные сведения, необходимые для составления ландкарт и описаний к ним. По его инициативе, 26 мая 1759 г. Академия послала запрос в Синод о предоставлении данных об имеющихся церквях и монастырях, а в Сенат — просьбу разослать указ в губернии о присылке ответов на 13 вопросов, чтобы выяснить: «сколько в каждой губернии и провинции уездов, сел и деревень и сколько в каждом селе и деревне дворов с числом душ для знания величины оных и для отвращения главных погрешностей, чтобы на карте не назначить малого, и не пропустить большого места» (Ломоносов, 1955, т. 9, стр. 193—196). Позднее (в 1764 г.) он предлагал использовать также офицеров, посланных для производства ревизии, которые могли бы сообщить сведения для атласа о селах и деревнях (Ламанский, 1865, стр. 127—128).

Картографические работы в Географическом департаменте при М. В. Ломоносове велись с большой настойчивостью.

Я. Штелин, занимавшийся по поручению Конференции Академии наук вопросом о состоянии картографических работ Географического департамента, сообщил 31 марта 1766 г., что он нашел 12 уже составленных новых карт и пять карт в работе. Из готовых карт четыре были сданы в гравировку еще в 1763 г., три карты были апробированы Академией наук и готовы к сдаче в гравировку, остальные пять карт еще не были просмотрены (Гнучева, 1946, стр. 202—203)³². Тем не менее за время с 1758 по 1765 г. ни одна карта Академией наук издана не была. М. В. Ломоносов приписывал это противодействию своих врагов. Его жалобы президенту Академии наук свидетельствуют о том, насколько тяжела была обстановка, в которой ему приходилось работать (Биллярский, 1865, стр. 579—585, 049—0101)³³.

Законченные карты в течение года (1762—1763) лежали без движения по вине Комиссии, которая в отсутствие болевшего в то время М. В. Ломоносова должна была их рассмотреть. Ограничившись незначительными замечаниями, высказанными главным образом Г. Миллером, Комиссия, не пытаясь устранить их, задержала передачу карт в печать (там же, стр. 573). Наконец, 17 апреля 1763 г., по настоянию вернувшегося к исполнению обязанностей М. В. Ломоносова, К. Г. Разумовский издал распоряжение печатать карты, даже если «в них какая маловажная и погрешность сыскаться могла, которая со временем исправлена быть может» (Ломоносов, 1955, т. 9, стр. 759). Но и после этого карты по-прежнему не печатались. Как сказано в упомянутом рапорте Я. Штелина, из карт, сданных в гравировку на меди в 1763 г., «ни одна не доведена до конца вследствие постоянно получавшихся других работ, всегда срочно требовавшихся Академической канцелярией, и недостатка удовлетворительных гравировальщиков» (Гнучева, 1946, стр. 203).

М. В. Ломоносову приходилось сталкиваться и с более крупными неприятностями. Так, например, во время его болезни К. Г. Разумовский под-

писал приказ (31 августа 1762 г.), которым управление Географическим департаментом передавалось Г. Миллеру, причем отмечалось «перачение» М. В. Ломоносова. Появлением этого приказа М. В. Ломоносов был, очевидно, обязан И. Тауберту (Ломоносов, 1955, т. 9, стр. 754—755).

М. В. Ломоносов не выполнил распоряжение К. Г. Разумовского, заявив, что приказ «истребован хитростью для некоторых частных намерений», и рассказал о действительных своих работах (Пекарский, 1873, стр. 777). Позже, под влиянием тех же людей, Екатерина II хотела поручить реализацию возникшего проекта о «картах продуктов» не М. В. Ломоносову, а И. Тауберту, Г. Миллеру и Г. Н. Теплову, что, впрочем, также осуществлено не было (там же, стр. 787—788).

Подобного рода происки привели к тому, что, несмотря на некоторые положительные результаты, достигнутые М. В. Ломоносовым во время руководства Географическим департаментом (организация обучения учеников и геодезистов, подготовка карт), ему не удалось выполнить план создания атласа, «которым похвалиться можно перед всей Европой» (Ламанский, 1865, стр. 128).

АТАС ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ И. КРАСИЛЬНИКОВА. ПОПЫТКА СОСТАВЛЕНИЯ ПЕРВОГО АТЛАСА МИРА

Возраставший в обществе и правительстве интерес к географии своей страны и всего мира нашел отражение не только в описанных работах по составлению атласов 1734 и 1745 гг., но и в подготовке других сводных карт и атласов, представлявших всю территорию России, ее отдельные крупные части или весь земной шар. О некоторых из таких работ мы уже говорили, рассматривая итоги исследований Сибири. До нас дошли и другие подобные работы или сохранились сведения о них.

К таким работам относится не найденный пока «Атлас России» (без года). Он состоял из 15 карт, отдельные из которых, как, например, карта устья Амура, части Якутского уезда, бассейнов Иртыша, Енисея и Печоры, были очень плохо заполнены. Пятнадцатая карта называлась «Изобретения русских мсреплавателей на северной части Америки». Судя по этому названию, атлас был составлен в рассматриваемый нами период или близкий к нему (Перевопчиков, 1856, стр. 17).

Б. Эвальд (1917, стр. 177) упоминает атлас р. Волги от г. Углича до устья Камы на 48 листах с надписями на русском языке, составленный флота лейтенантами Прончищевым и Чаплиным в 1735—1736 гг. и скопированный в 1763 г. Были также выпущены атласы Каспийского и Балтийского моря.

Одним из интересных явлений этого периода было возникновение сводных картографических работ на местах, чему, конечно, способствовали работы над атласом 1745 г. и накопленные в связи с этим материалы и инструкции.

Попытка такого рода была сделана, например, в Оренбургской губернии. Вследствие большого значения, придававшегося ей правительством, и благодаря деятельности работавших там выдающихся людей (И. К. Кирилова, В. Н. Татищева, И. И. Неплюева, П. И. Рычкова) в Оренбургской губернии велись большие картографические работы, о чем свидетельствуют многочисленные карты, сохранившиеся в архивах. В 1741 г. при Оренбургской губернской канцелярии был учрежден Географический департамент, вскоре составивший генеральную карту губернии. Уже в 1744 г. был составлен атлас губернии, включавший генеральную и 11 частных карт (ЦГАДА, ф. 192, карты Оренбургской губ. № 14; там же,

Рис. 53. Генеральная карта Российской империи из «Атласа Российского», изданного Петербургской Академией наук в 1745 г. (Картогр. отдел Гос. биб-ки СССР им В. И. Ленина).

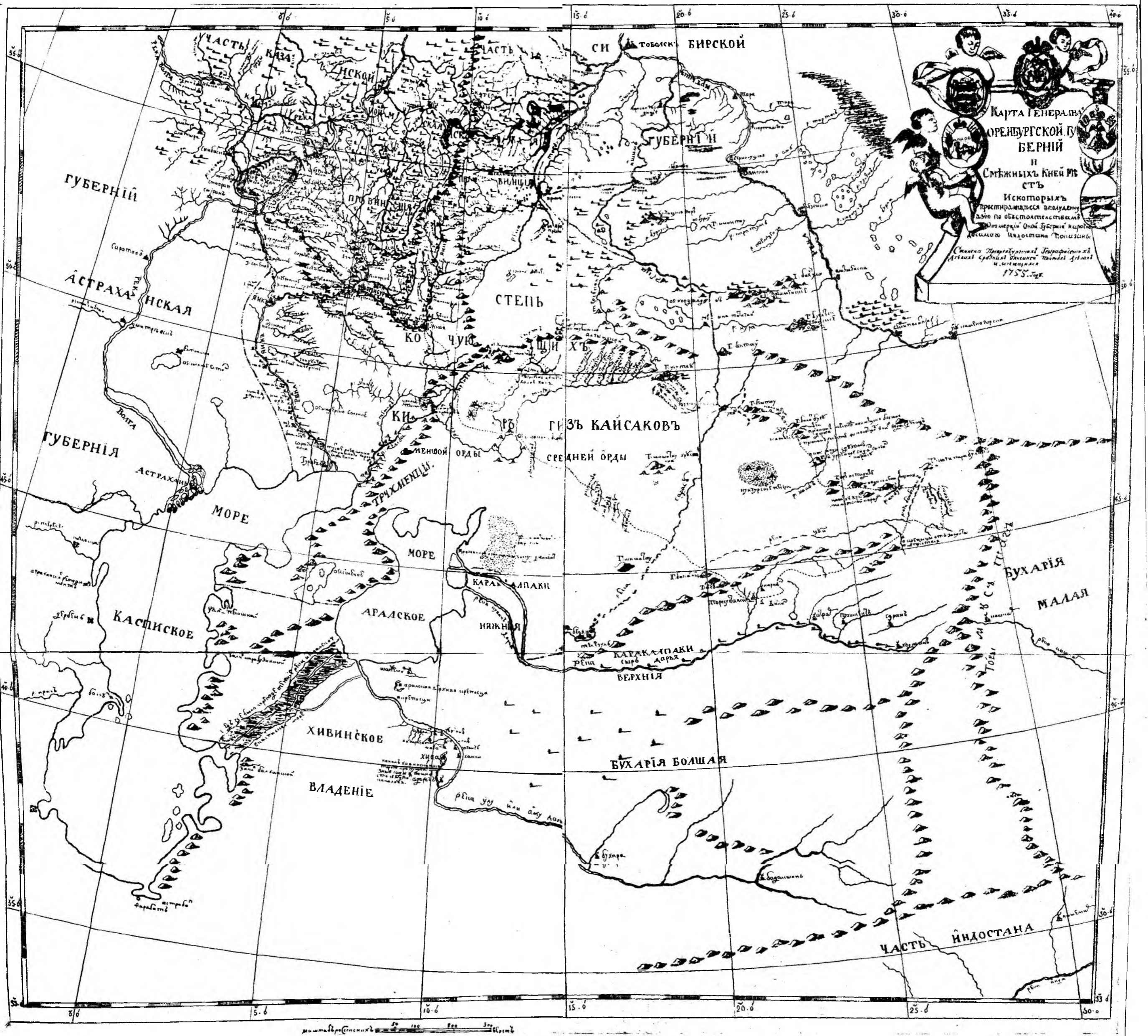

Рис. 54. Генеральная карта Оренбургской губернии из Атласа Оренбургской губ., составленного И. Красильниковым в 1755 г. («Оренбургская губерния...», 1880.)

Атласы, № 7). Включенные в атлас карты небольшого формата охватывали территорию от 39 до 59° с. ш. и от нулевого меридиана, положенного несколько западнее Симбирска, до 44° в. д. Наполнение карт этого атласа было еще очень недостаточным.

В 1752 г. Оренбургская губернская канцелярия поручила геодезисту И. Красильникову составить генеральную карту Оренбургской губернии с прилегающими к ней территориями, изобразив на юге также значительную часть Азии. При составлении карты предлагалось руководствоваться «наставлением» Академии наук, имеющимся в «печатном Российской империи атласе». И. Красильникову было также указано, какие следует еще «партикулярные карты сочинить». К 1755 г. он составил атлас Оренбургской губернии «с прежних ландкарт, журналов и репортов», а «дальнейшие заграничные места» — отчасти с иностранных карт, отчасти по устным сообщениям (Оренбургская губерния..., 1880). П. И. Рычков присоединил к этим картам описание, названное «Оренбургская топография», которое было прислано в Академию наук вместе с картами в том же году и получило высокую оценку³⁴.

Этот атлас³⁵ состоит из генеральной и 10 частных карт Оренбургской губернии и одной карты Средней Азии. За нулевой был принят меридиан, проходящий через Ставрополь (Куйбышевский). Кроме генеральной карты и карты Средней Азии, все остальные не имеют градусной сетки, а снабжены лишь градусными делениями на полях. Положение мест по широте показано достаточно удовлетворительно, но в определении длины встречаются ошибки; так, например, на генеральной карте Самара и Астрахань расположены на одном меридиане, тогда как в действительности между ними разница почти в 2° (рис. 54).

Частные карты охватывают территорию от 35 до 55° с. ш. и от 0 до 30° в. д. Они расположены в атласе так, что знакомят с территорией с севера на юг. Все карты отличаются тщательным выполнением и богатством содержания. Чрезвычайно подробно нанесены реки, вплоть до мельчайших притоков, и населенные пункты. Вокруг Екатеринбурга показаны заводы.

Большой интерес представляет изображение лесов, которые показаны с большой детализацией, особенно на частных картах. Пользуясь атласом, можно судить о происшедших с тех пор изменениях в размещении лесов. Например, к востоку от Оренбурга по р. Сакмарю показан большой массив лесов, который кончается несколько южнее Оренбурга. К востоку от р. Яик отмечен «бор Эбук казачий», у которого берут начало притоки Тобола и Уя. По течению Яика леса показаны почти до его устья и т. д. Всех этих лесов в настоящее время нет.

В 1737 г. Академией наук был выпущен небольшой атлас мира под названием: «Атлас, сочиненный к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг». Он описан в опубликованной в 1745 г. работе Х. Винсгейма, носящей название «Краткая политическая география к изъяснению изданного на русском языке небольшого атласа, сочиненного для употребления в гимназии при Императорской Академии наук». В этом описании, однако, ничего не сказано о картах России. Первые четыре карты атласа отражают представления о мире Птолемея, Тихо Браге и Коперника. На пятой карте изображена картушка с названиями румбов. Шестая карта называется «Генеральное-земноводного глобуса изображение», на ней показаны оба полушария. Остальные карты (21) изображают части света и отдельные страны. России посвящено только две карты, которые поражают бедностью содержания. Если, например, на картах западноевропейских стран показано

более или менее достаточное число городов, то в Европейской части России нанесено лишь около 30 городов. На карте, изображающей Иркутскую, Охотскую, часть Енисейской провинции и Камчатку, показаны только Якутск, Иркутск, Киренск и Албазин.

В атлас, по-видимому, были включены карты разных авторов, не обработанные и не согласованные одна с другой. Например, очертания восточного берега Азиатского материка и его северо-восточного окончания на карте, изображающей оба полушария, на одной из карт России и на карте Азиатского материка не совпадают. То же можно сказать об изображении Северной Америки на карте полушарий и на карте Северной Америки и т. д. На карте Польши довольно подробно показаны города и другие населенные пункты, расположенные на прилегающей к Польше территории России, чего нельзя сказать о специальных картах России.

Такие же несообразности отмечаются и в отношении названий географических объектов. Встречаются термины: залив, голфо, бай, синус и губа, для Атлантического океана даны названия: Атлантический, Кантабрический, Аквитантический, Окциденталис, Атлантикус. Граница между Сибирью и Европейской частью России проходит на карте Европы немного восточнее Северной Двины, доходит до Нижнего Новгорода, потом поворачивает почти прямо к югу до Дона и далее протягивается по нему до Черного моря.

Но при всех недостатках карт это издание интересно как первая попытка создания в России атласа мира.

Возможно, Академия наук готовила и другой атлас мира, который в законченном виде выпущен не был. Мы имеем в виду пять печатных карт — Европы, Азии, Африки, Америки и «изображение земного глобуса», изданных в 1754 г. и упомянутых в списке картографических изданий Академии наук в XVIII в., опубликованном В. Ф. Гнучевой (1946, стр. 243).

В рассматриваемый период в России и за границей была опубликована лишь незначительная часть составленных в России карт. Однако печатание карт приобрело довольно большие по сравнению с предыдущим временем размеры. По неполным данным Х. Винсгейма, И. К. Кирилов напечатал до 1749 г. 30 карт. Академия наук за это время выпустила, кроме атласов 1734 и 1745 гг., 19 карт и планов (не считая атласа 1737 г.). Некоторые карты Х. Винсгеймом не упомянуты, например карта И. Гербера, публиковавшаяся в 1728 и 1729 гг. За 1749—1765 гг. Академия наук выпустила еще девять карт и планов. Кроме того, много карт было приложено к изданным ею научным книгам, в частности, к книге С. П. Крашенинникова (там же, стр. 242—243 и 253—256).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ПО ГЕОГРАФИИ, ЖУРНАЛЬНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОПИСАНИЯ РОССИИ И ЕЕ РАЙОНОВ, СОСТАВЛЕННЫЕ ДО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Важное место среди географических работ рассматриваемого периода занимают опыты описания России, охватывающие всю ее территорию или отдельные крупные районы. Такие описания появились в России довольно рано. Среди опубликованных в настоящее время старинных описаний, относящихся к периоду до 1700 г., можно назвать «Книгу Большому чертежу» (1627 г.), незаконченную «Роспись Сибирским городам и островам» (написанную не позже 1640 г.)¹, «Чертеж всей Сибири, збиранный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича» (1667 г.), составленный тобольским воеводой П. И. Годуновым «с товарищи», «Список с Чертежа Сибирския земли» (1672 г.), «Сказание о великой реке Амуре, которая разгранила русское селение с китайцы» (1675 г.), приписываемое Н. Спафарию², «Historia de Sibiria» (1680 г.), написанную Ю. Крижаничем — католическим священником, уроженцем Хорватии, сосланным в 1661 г. в Тобольск, где он пробыл 5 лет, и «Описание новья земли сиречь Сибирского царства» (1686 г.), автором которого был подьячий сибирского приказа Н. Венюков³.

К первой четверти XVIII в. относятся «скаски» В. Атласова о его походах на Камчатку (1700—1701 гг.), «Краткое описание о народе остячком» Г. Новицкого (1715 г.)⁴, в котором дается интересный обзор Сибири, и «Чертеж Камчадальского носу и морским островам» И. Козыревского, который был передан В. Берингу в 1726 г.⁵

В первых четырех работах основное внимание уделено описанию маршрутов: указываются дороги, расстояния между пунктами, перечисляются города, остроги и слободы. Физико-географическая характеристика территории, а также описание местного населения, его быта и занятий даются лишь попутно. В работе Н. Венюкова наряду с рассказами о завоевании Сибири приводятся этнографические сведения и описания природы. Но порядок изложения подчинен описанию маршрутов, и изображение страны как целого не является целью автора. Попытки разрешения этой задачи встречаются в остальных работах, названных выше.

«Скаска» В. Атласова о Камчатке представляют собой записки умного и наблюдательного, хотя и неподготовленного в научном отношении путешественника. В них дается беглая, но верная характеристика особенностей природы и населения полуострова.

В «Сказании о реке Амуре» и в «Чертеже Камчадальского носу и морским островам» авторы пытаются дать обзоры обширных территорий, составленные в значительной мере по чужим сведениям. Из них первая работа более схематична и содержит довольно неясные сведения о северо-востоке Сибири. Во второй работе дается описание Камчатки и Куриль-

ских островов, отличающееся гораздо большей конкретностью и правдоподобием. Труды же Ю. Крижанича и Г. Новицкого представляют собой довольно разносторонние обзоры с широкими обобщениями и попытками районирования страны.

Ю. Крижанич и Г. Новицкий делят Сибирь на три части. Ю. Крижанич называет их «климатами» и указывает, что они простираются от запада к востоку, хотя описание ведется им с севера на юг. В первом, северном, «климате», омываемом Северным Ледовитым океаном, много пушного зверя и рыбы, но земля ничего не производит. Второй «климат», в пределах которого расположены города от Верхотурья до Енисейска, «богат произрастением земли». В третьем «климате» расположены «обширнейшие степи, в которых блуждают кочевые калмыки» (Титов, 1890, стр. 172 и 174). Представление автора о районизируемой им стране (крайней рекой на востоке он считает р. Лену) еще расплывчато. Территорию за Енисеем он не упоминает. Описание лесов не дает. Границы выделяемых им частей неясны. Третий «климат» протягивается от «границ Астраханской области до самого Китая» и, таким образом, выходит за пределы России. Ю. Крижанич пытается дать также экономическую и этнографическую характеристику страны.

Г. Новицкий в кратком очерке, предпосылаемом рассказу об остяках, дает более верное представление о Сибири. Ее северная часть, отличающаяся теми же особенностями, как и у Ю. Крижанича, тянется до Камчатки. На западе, где пределы Сибири простираются до «Мунгалских» степей, она характеризуется «изобилием плодов земных», избытком самородной соли по озерам и большим количеством скота. У южной границы расположены Иркутск и Нерчинск, протекает р. Селенга и находится обширное «Байкал-море», в котором водятся морские звери, а «Якуцк (очевидно, Якутская провинция.— В. Г.) пределы своя с Китайским государством оканчивает». Здесь много соленых озер, рыбы, скота «и на препитание человеческое всякого доволства». Производится торговля с Китаем. В недрах южных районов Сибири есть различные руды (Новицкий, 1941, стр. 30).

Оба эти обзора, конечно, еще очень бедны содержанием, а обобщения, сделанные на основе скудной фактической базы, элементарны и не всегда верны. Кроме того, авторы не ставили своей целью создание специальных географических очерков. Тем не менее эти работы интересны как первые написанные в России обзоры.

В составлении описаний страны, созданных после 1725 г., принимали участие выдающиеся ученые и государственные деятели, использовавшие материалы экспедиций. Авторы стремились придать описаниям статистическое, физико-географическое или экономико-географическое направление. Некоторые из этих работ представляют собой комплексные описания и содержат попытки физико-географического или экономико-географического районирования страны.

Вначале эти труды основывались на материалах анкет, рассылавшихся Сенатом, но вскоре круг охватываемых ими вопросов значительно расширился. Развитие естественных наук, связанное с созданием Академии наук, позволило внести в описания разностороннюю характеристику природы. Вместе с тем эти работы, появившиеся в период возникновения в России исторической науки, отразили влияние исторических, историко-географических и этнографических интересов, которые постепенно уступали место экономике.

Если до этого времени можно было собирать сведения, проводить наблюдения, составлять карты и описания, не касаясь вопроса о зада-

чах и предмете географической науки, то теперь усложнившаяся тематика заставила определить ее место среди других научных дисциплин, и в русскую науку вошло представление о географии как о сложной комплексной отрасли знаний.

РАБОТЫ ПО ОПИСАНИЮ РОССИИ

1725—1765 гг.

«Цветущее состояние Всероссийского государства...»

И. К. Кирилова

Роль И. К. Кирилова в деле развития отечественной географии не ограничивается его деятельностью в области картографии. В 1727 г. он закончил замечательный труд «Цветущее состояние Всероссийского государства...» (Кирилов, 1831). Материалом для этой работы, состоящей из двух книг, послужили главным образом анкетные сведения, запрошенные Сенатом еще при Петре Первом из городов для составления географии России (Татищев, 1950, стр. 212—213).

Труд И. К. Кирилова, в котором были использованы ведомственные материалы, затрагивал преимущественно вопросы, связанные с нуждами управления страной. Содержание его отчасти определено в самом названии книги, в котором говорится, что в описание вошли «губернии и провинции, в них города, гарнизоны, артиллерия, канцелярии, конторы, управители с подчиненными, епархии, монастыри, церкви, число душ, расположенные полки и доходы». Подробнее план его работы изложен в предисловии («Кратком известии...»), предпосланном первой и второй книгам.

В первой книге описаны Санктпетербургская, Московская, Смоленская, Киевская, Воронежская, Рижская, Ревельская губернии, а во второй — Нижегородская, Казанская, Астраханская, Архангелогородская и Сибирская.

Приведенный И. К. Кириловым материал систематизирован в табличной форме. Следует отметить, что такое оформление было впервые применено И. К. Кириловым. На западе такие работы появились только через 15 лет (Птуха, 1955, стр. 188). По своему характеру работа И. К. Кирилова подходит под тип статистического описательного страноведения, распространенного в то время в Западной Европе, с тем отличием, что И. К. Кирилов описывал Россию по губерниям, провинциям и городам (Яцунский, 1955, стр. 172).

Несмотря на то, что И. К. Кирилов отмечал в предисловии ко второй книге неполноту имевшегося в его распоряжении материала, в его труде приведено много конкретных сведений, и в отношении некоторых вопросов эта работа имеет характер первоисточника. В этом труде упомянуты и частью описаны 233 промышленных предприятия России, по нему можно восстановить облик и направление развития городов, которые становились центрами промышленного производства и торговли и в которых строились школы и больницы. Вместе с тем эта работа не является сухой сводкой сведений сенатской анкеты. И. К. Кирилов, имея большую склонность к географии, старался обогатить свой труд и, прибегнув к другим источникам, привел по некоторым губерниям и провинциям интересные данные, выходящие за пределы плана его работы.

Так, например, И. К. Кирилов собрал данные, показывающие, в каких районах сосредоточено сельскохозяйственное производство. «В Орловской провинции, — пишет он, — великое довольство хлеба и торг больше состоит хлебный, понеже из многих других городов в город Орел для

закупки хлеба приезжают и, многочисленно покупая, реками в судах отвозят в Москву, также в Нижний Новгород и Санктпетербург» (Кирилов, 1831, кн. 1, стр. 147). Затем И. К. Кирилов указывает, что «в Симбирском уезде самые хлебодородные места, из которого уезда хлеба многочисленно вверх по Волге до Нижнего и в Астрахань отпускается; меду, воску и скота изобильно» (Кирилов, 1831, кн. 2, стр. 36). С оттеснением кочевников создались благоприятные условия для развития сельского хозяйства в районах Саратова и Царицына, которые ранее страдали от набегов: «Напрядь того, при Царицыне и Саратове городах ничего в полях и в степях сеять за опасением внезапных приходов не смели, и ныне хлеб довольноной родится, также огородные овощи, арбузы, дыни и прочее умножены» (там же, стр. 30). Дается также характеристика состояния сельского хозяйства в Астрахани, около Яицкого города и у «гребенских казаков».

В некоторых местах своего труда И. К. Кирилов довольно подробно говорит о портах (например, о Нарве, Риге, Астрахани) и о торговле, перечисляя товары. По Астраханской губернии, кроме более подробного рассказа о городе и «коммерции», имеются отдельные заметки «О караванах, кои хаживали в Хиву», с описанием пути, «О народе калмыцком, подданом Российской империи», его ханах, вере, войске, соседях, образе жизни и т. д.

Особенно много сведений приводится в разделе, посвященном Сибири; они изложены в статьях «О Сибирском царстве», «О царях сибирских», «Камчатка» и «О камчатском пароде». В этих описаниях можно найти подробности о походе Морозко-Старицына на Камчатку, которых нет в других литературных работах. В описании Якутска, некоторых сибирских острогов и рек встречаются исторические, этнографические и географические сведения. Приводятся также сведения о сельском хозяйстве, охоте, лесах и пушном промысле.

Большое количество систематизированных данных, содержащихся в этой работе, привлекло к ней внимание задолго до ее опубликования. Так, например, курский купец И. И. Голиков уже в 1797 г. широко использовал сведения И. К. Кирилова в своей истории Петра Первого⁶.

Большую общекультурную ценность труда И. К. Кирилова отметил его первый издатель М. П. Погодин. Он писал, что этот труд «заключает в себе любопытное верное описание Петровой России, которая служила основанием нынешней, представляет драгоценные материалы для поучительных сравнений и рассуждений о нашей новой истории — наконец, служит необходимым пособием историку... и дает нам право пред всеми европейскими государствами гордиться древнейшею обстоятельною статистикою» (там же, кн. 1, предисловие М. П. Погодина).

Для истории географии труд И. К. Кирилова интересен как первый опыт географии России, в котором, наряду с преобладающим статистическим описанием, встречаются экономико-географические характеристики. Его значение для географии, в частности значение описания городов, понял уже В. Н. Татищев, не знавший, вероятно, кто является автором этого труда, так как располагал копией, не имевшей начального листа. В 1739 г. он передал эту копию⁷ в Академию наук с замечанием: «Две книги описания русских городов, которые, хотя не во всех обстоятельствах правильны, чего исправить время не допустило, однакож к географии русской могут довольно быть полезны» (МАН, 1887, стр. 41).

В те годы, когда И. К. Кирилов писал эту работу, его представления о том, что именно является предметом географического описания, были еще неясны. Касаясь в обращении к читателю («Увещании»), помещен-

ном во второй книге, дополнений, которые могут потребоваться для «совершенного знания о состоянии Всероссийской империи», он упоминает «о положении мест, городов, рек, купечества и всяких торгов, товаров, о состоянии и правительствах разных народов, о войнах, мирах, границах, портах, о генеральном известии и описании Российского правления, высокоположенных от них императорских величеств законов, о высоком дворе..., о чинах коронных...» (Кирилов, 1831, кн. 2, стр. 2).

Несколько позже (1734 г.), выпускная атлас России, И. К. Кирилов гораздо более ясно и широко нарисовал программу изучения России, включив в нее также составление экономических и исторических карт.

Географические труды В. Н. Татищева

Большое место в истории русской культуры принадлежит В. Н. Татищеву, одному из наиболее образованных людей своей эпохи, имевшему светские, лишенные теологического элемента представления о науке, передовые воззрения на распространение образования, равноправие женщин и т. д. По словам Г. В. Плеханова (1925, стр. 77), В. Н. Татищева следует считать главой многочисленных русских просветителей, оказавших огромное влияние на развитие нашей литературы.

Как администратор В. Н. Татищев отличался преданностью государственным интересам, инициативой и широким размахом начинаний. Но наибольшее право на почетное место в истории дали ему научные труды, которые были главным делом его жизни. Интерес к научным работам пробудил в В. Н. Татищеве расположенный к нему Я. Брюс⁸, который, «будучи некогда в Сенате, с великим сожалением приметил, что за недостатком обстоятельной Российской географии и ландкарт немалое к правильным рассуждениям и определениям пренебрежение являлося» (Татищев, 1768, стр. XX). В связи с этим было вынесено решение составить карты всех уездов и затребовать сведения от городов. Я. Брюс некоторое время сам хотел написать книгу по географии России, но потом стал «прихочивать и наставлять» к этому делу В. Н. Татищева. Ранее он поручил ему составить «практическую плаиметрию» и поощрял его закончить учебник механики (Андреев, 1950в, стр. 4).

В 1719 г. Петр Первый приказал В. Н. Татищеву заниматься «землемерием всего государства и сочинением обстоятельной Российской империи географии с ландкартами» (Пекарский, 1864, стр. 11)⁹. С тех пор В. Н. Татищев в течение 30 лет (с перерывами) с большой настойчивостью занимался изучением России. Его географические интересы быстро переплелись с историческими, так как у него возникли вопросы о происхождении названий, о границах государств и губерний и т. д. (Татищев, 1768, стр. XX—XXI).

Ему пришлось закладывать основы этих наук, собирать первичные материалы у любителей, по монастырям и архивам, ставить важнейшие проблемы, связанные с развитием отечественной географии и истории.

В изучении истории России В. Н. Татищев достиг больших успехов. Он написал «Историю Российскую с самых древнейших времен», включающую между прочим знаменитый татищевский свод летописей, и опубликовал важные исторические документы. Его заслуга, по словам С. М. Соловьева (б/г, кн. 4, стр. 1483), состояла в том, что он «начал дело, как следовало начать: собрал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями... одним словом, указал путь и средства своим соотечественникам заниматься русской историей».

Много сделал В. Н. Татищев и для географической науки, хотя оставил в ней меньший след, чем в истории. Его труды по географии остались

незаконченными, но собранные в них материалы, а также его попытка внести в географическое описание научную методику представляют большой интерес. Отдельные географические труды В. Н. Татищева издавались в разное время после его смерти. В советский период основные работы В. Н. Татищева, кроме «Лексикона Российского...», были собраны А. И. Андреевым и изданы одной книгой, в которую вошли и две ранее не публиковавшиеся статьи (Татищев, 1950)¹⁰.

Обстоятельства богатой событиями служебной карьеры В. Н. Татищева¹¹ затрудняли его научные занятия и выполнение приказа Петра Первого о географических работах. С конца 1721 по 1734 г. «как география, так история лежали туне, токмо что, будучи в Швеции и Копенгагене, имел случай со многими учеными разговаривать и потребные книги достать» (Татищев, 1769, стр. 508—509)¹².

В дальнейшем В. Н. Татищев дважды получал поручения правительства о проведении географических работ. В первый раз это было при назначении его в 1734 г. в Екатеринбург для строительства заводов, когда ему было предложено составить карты Сибири. В переданной В. Н. Татищеву 23 марта инструкции отмечалось, что на существующих картах Сибири «многие обстоятельства, а особливо, что к пользе заводов касается, упущены, то есть многих рек, гор и лесов не назначено и не описано» (ПСЗ, т. IX, стр. 293). В его распоряжение были переданы геодезисты, находившиеся в Сибири, и было предложено затребовать еще столько, сколько нужно. К картам требовалось приложить описания.

Задавшись в связи с этим целью написать географию Сибири, В. Н. Татищев в том же году разослал во все сибирские города анкету «Предложение с вопросами». Это «Предложение...» включало 92 вопроса¹³. Используя полученные ответы, он сумел подготовить, по-видимому, 12 неполных глав труда «Общее географическое описание всея Сибири»¹⁴. Геодезистами было составлено несколько карт¹⁵. Эти работы В. Н. Татищеву пришлось неожиданно прекратить, так как 10 мая 1737 г. он был назначен руководителем Оренбургской экспедиции. За этим последовало и второе поручение географического характера: ему было предложено составить ландкарты и генеральную карту России и «географию всего государства», в связи с чем В. Н. Татищеву было передано руководство всеми геодезистами (Андреев, 1950в, стр. 12; Татищев, 1950, стр. 99). Но собрать материалы для географического описания страны за время руководства Оренбургской экспедицией В. Н. Татищев не сумел.

О планах В. Н. Татищева дает представление упоминавшееся донесение, представленное в Сенат 30 апреля 1739 г. о геодезических и картографических работах. В. Н. Татищев просил в нем также «рассмотреть, исправить, дополнить или в чем уменьша напечатать, також по городам разослать» приложенную анкету «Предложение о сочинении истории и географии российской», составленную в 1737 г. и представлявшую собой расширенное «Предложение с вопросами». Анкета предназначалась для сочинения «Географии или землеописания Российского с физическими, математическими и историческими обстоятельствами» (Татищев, 1950, стр. 103). Не дожидаясь решения Сената, он отправил «Предложение о сочинении истории и географии российской» на места (Татищев, 1950, стр. 99). Но в мае 1739 г. В. Н. Татищев был отстранен по доносам о злоупотреблениях по службе от руководства Оренбургской экспедицией и передан под следствие. Этим заканчивается период, когда он имел официальное поручение руководить географическими работами в России или в Сибири.

В 1741 г. В. Н. Татищев, оставаясь под следствием, был назначен губернатором Астраханской губернии, но систематический сбор материалов по географии России стал для него невозможен, так как он уже не имел прежних полномочий по составлению географии или карт России и с трудом добивался предоставления геодезистов для составления карт и описания Астраханской губернии и прилегающих районов. Только в июне 1744 г. ему удалось послать двух геодезистов для съемки в район Кизлярской крепости и в Кабарду (Андреев, 1950б, стр. 226). В 1744 г. он переслал из Астрахани в Академию наук около 75 чертежей, карт, проспектов городов разных частей России; он же представил и ландкарту всей Астраханской губернии.

В 1745 г. В. Н. Татищев вышел в отставку и жил в дальнейшем в д. Болдино. В этот период он занимался, в основном, историей России, так как выполнение географических работ затруднялось отсутствием необходимых сведений.

Переходя к рассмотрению трудов В. Н. Татищева по географии, следует отметить, что не только в предшествовавшей В. Н. Татищеву, но и в современной ему литературе и в рукописных материалах попыток описания России, как уже указывалось, было мало, и они далеко не разрешили задачи.

Кроме рукописи И. К. Кирилова («Цветущее состояние Всероссийского государства...»), В. Н. Татищеву была известна, как это видно из его пометок на полях, рукопись «О Российской империи», хранящаяся ныне в архиве Ленинградского отдела Института истории АН СССР (Андреев, 1950в, стр. 19). Эта рукопись являлась посвященным описанием России и не опубликованным разделом «Краткой политической географии...» Х. Винсгейма (1745)¹⁶. Представляя собой, как и вся работа Х. Винсгейма, текст, поясняющий малосодержательный (особенно в отношении карт России) атлас 1737 г., рукопись отражала все его недостатки. Так, например, очерк, посвященный Московской губернии, включал описание только одной Москвы и загородных резиденций царей (Семеновского, Преображенского, Измайлова). Для описания немногочисленных географических объектов использовались не материалы очевидцев, а главным образом данные иностранных авторов. Х. Винсгейм сам признавался, что не может дать удовлетворительного описания России. Одна из причин заключалась в том, что собранные сведения нельзя было проверить у людей, которые сами бывали в тех местах (ЛОИИ, отдел рукописной книги, № 411, л. 1).

Эта поверхностная работа заслужила отрицательную оценку Г. Миллера (Шекарский, 1870, стр. 478). Она, конечно, не могла ни обеспечить В. Н. Татищева сведениями, ни послужить для него образцом.

Большое значение для работ В. Н. Татищева, посвященных описанию России, по-видимому, имели рукописи «одного знатного и в Российской истории довольно искусного господина N»¹⁷, от которого В. Н. Татищев получил «разные манускрипты». Материалы господина N В. Н. Татищев использовал во «Введении к гисторическому и географическому описанию...» (Татищев, 1950, стр. 164 и 173).

Работы зарубежных авторов — Н. Витсена, И. Гюбнера, А. Делама-ртиньера и других, посвященные описанию России, содержали много неверных данных.

Не могла послужить основой для работ В. Н. Татищева и появившаяся в 1730 г. книга Ф. Страленберга, которая, так же как и его карта России, приобрела тогда большую известность. В. Н. Татищев встречался с Ф. Страленбергом в 1720 г. в Тобольске и в 1725 г. в Стокгольме и давал ему

советы. В частности, он предложил принять границей Азии и Европы Урал, чем Ф. Страленберг воспользовался (там же, стр. 50). Работа Ф. Страленберга содержала много разнообразных сведений о России, и, в частности, о Сибири, собранных им за те годы, которые он там прожил. Довольно большое место уделено и географии. Он приводит интересные сообщения о плавании русских с р. Лены на Камчатку и о путешествии на Камчатку В. Атласова (Strahlenberg, 1730, стр. 99—100 и 436—438). В работе Ф. Страленберга имеется также много верных замечаний о природе и хозяйстве Сибири¹⁸. Вместе с тем эта книга, составленная чужестранцем, находившимся в ссылке и не знавшим русского языка, содержит различные неверные утверждения. Например, Ф. Страленберг пишет, что местность, начинающаяся к востоку от Уральских гор, расположена гораздо выше, чем территория к западу от хребта, «как стол по отношению к полу, на котором он стоит» (там же, стр. 107). Неудачно также предложение Ф. Страленберга о разделении России на ряд зон: от 60 до 57°, затем от 57 до 54° и от 54 до 48° с. ш. Описывая эти зоны, объединяющие разнородные по природным условиям территории, он дает слишком общую и отчасти неверную характеристику. Обращает на себя внимание недостаточно обоснованное исследование словообразований, которыми Ф. Страленберг часто пользуется, делая иногда курьезные выводы. Так, например, на основании того, что остяки называют тунгусов Kellen или Kuellen, Ф. Страленберг высказывает предположение, что кельты являются ветвью тунгусов, переселившейся в Европу (там же, стр. 135).

И. Гмелин (Gmelin, 1752, t. II, Vorrede) и Г. Миллер (Müller, 1764, стр. 86) отдавали себе ясный отчет в недостатках этой книги. Не менее очевидны они были и В. Н. Татищеву, который дважды писал о ней замечания¹⁹. В карте же Ф. Страленберга, по его мнению, «было более прилежания в начертании, нежели правости и подлинного положения», а в описании «принадлежащего до географии того меньше находится, но более к этимологии имен прилежность изъявил» (Татищев, 1769, стр. 508).

Таким образом, В. Н. Татищеву приходилось самому создавать основы для описания России.

Наиболее важными работами В. Н. Татищева в области географии являются: «Общее географическое описание всея Сибири» (1736), «Руссия, или как ныне зовут Россия» (1739), «Введение к историческому и географическому описанию Всероссийской империи» (1742—1744 гг.), «О географии вообще и о русской» (1746) и незаконченный «Лексикон Российский...» (1745 г.)²⁰.

Работы В. Н. Татищева отмечены печатью упорного труда серьезного ученого. В них, наравне с ответами на «Предложения с вопросами, что ко известию требуются», описями геодезистов и другими современными ему сведениями, заимствованными из разных источников, использована обширная русская и иностранная литература с древнейших времен и исторические документы.

В. Н. Татищев тщательно оценивал получаемые им сведения и сопоставлял различные мнения. Например, в первой главе «Общего географического описания всея Сибири», посвященной происхождению названия «Сибирь» («О имени Сибири»), он приводит высказывания 13 древних и современных авторов. В главе третьей («О великости») он пользуется долгой и широтой различных мест Сибири, указанными в трудах или сообщениях С. Мюнстера, Ф. Страленберга, И. Делиля, В. Беринга, И. К. Кирилова, «морских офицеров» (Д. Л. Овцына) и геодезиста В. Шипкова. Подвергая их данные анализу, он приходит к выводу, что «чрез всю Сибирь, прямою

линию имеет быть 5490 верст», а расстояние от Алтайских гор до северного берега моря равно 2625 верстам (Татищев, 1950, стр. 52).

Много внимания В. Н. Татищев уделял определению различных понятий и терминов (география, история, народ, область, град и др.). Особенно часто он возвращался к определению понятия «география»²¹, что, конечно, было связано с господствовавшим в то время различием мнений по этому вопросу.

В России в 1718 г. был издан перевод известной книги Б. Варениуса «География генеральная...», в которой автор делал попытку рассматривать географию как систему знаний о земном шаре, опирающуюся на законы физики и математики. Б. Варениус ввел понятие общей или генеральной географии, которая рассматривает земной шар в целом, и частной или «собственной» географии, занимающейся описанием отдельных стран. Кроме того, он пишет: «Троякие вещи мнятся быти, которые во всяких странах рассмотрения достойны суть... небесная, земная, человеческая» (Варениус, 1718, стр. 2—3). В части о «небесных аффекциях или свойствах» рассматриваются явления, обусловленные движением Земли и ее положением по отношению к небесным телам; в части о «земных свойствах» определяются границы страны и описывается ее природа; последняя часть посвящена этнографии, экономике, политическому устройству и истории.

Эти идеи имели распространение в Западной Европе и развивались, например, в трудах И. Вальха (Walch, 1740, стр. 1185—1186) и А. Деламайтиера (Martinière, 1732, стр. 127—129). С ними были знакомы и русские ученые. Но гораздо более распространено было упрощенное представление о географии, согласно которому ее задачи сводились к сбору справочных материалов «о примечаниях достойных местх земного круга, об экономике, финансах, управления государств и изготовлении наглядных карт. Так, например, в текстовой части атласа Академии наук 1745 г. говорится: «Сами великие потентаты сей науке должны то приписать, что они о пространстве своих государств и о соседственных им землях правильно рассуждать и в комнатах своих, как весь свет, так и всякий малый уезд своего государства без великого труда и без всякой опасности проходить могут, и чрез то познавают, где какую перемену к истинной пользе подданных учинить».

В том же смысле высказывался и С. П. Крашенинников («Торжество Академии наук...», 1750, стр. 74).

Г. Миллер неоднократно говорил о том, что география — описательная наука, освещающая состояние государства. В рецензии на книгу А. Бюшинга он писал: «География, полезным образом сочиненная, объявляет при каждом государстве не токмо о городах, реках, морях, озерах и проч., но и о знатнейших натуральных продуктах каждой земли, о употреблении оных и мануфактурах и фабриках, о коммерции и состоянии наук и художеств, о вере, о числе народа, о армии сухопутной и морской, о государственных доходах, о форме правления и проч., из чего понимается прямое и подлинное земель состояние, богатство и сила» (17636, стр. 460). В «Географическом лексиконе Российского государства» Ф. А. Полунина (1773) география отнесена к историческим наукам.

В. Н. Татищев в своих взглядах на географию пошел по пути, намеченному Б. Варениусом, развивая и уточняя его идеи. Высказывания в деталях В. Н. Татищева о географии несколько различаются, но в основном сводятся к следующему. Он делил географию на общую, рассматривающую весь земной шар, и частную, предметом которой является какая-либо область (государство). «Топография или предолописание» занимается частью «области». Он считал, что география является сводной наукой и указывал, что в ней следует различать ряд «качеств» или «обстоятельств».

которые он иногда приписывает только частной географии. А именно математическое («астрономическое») качество или «измерение, изчисление великости линей и циркулей по земли умообразительных», т. е. определение долготы и широты; физическое качество — описание природы страны «в воздухе, воде и земле» и ее естественных богатств; политическое или «гисторическое» качество — характеристика населенных пунктов, народа, культуры, хозяйства и правительства страны; это «качество» подразделяется на древнее, среднее и настоящее. Рассматривая географию страны в разные исторические периоды, он фактически занимался также и вопросами, ныне относимыми к области исторической географии.

В. Н. Татищев определял взаимоотношение географии со смежными науками: с «козмографией», которая «есть мироописание» и относится к астрономии и физике (1950, стр. 210), и с историей, которая не может быть ясной без «хронологии, географии, генеалогии» (1768, стр. VII).

Для В. Н. Татищева география была важна прежде всего той пользой, которую она приносит государству. «Географическое совершенное всего государства описание необходимо нужно и всякому знать полезно, для которого надобно все шляхетство, колико удобно, от младенчества в школах обучать, дабы, пришед в возраст и дослужась какого-либо чина в войске или гражданстве, удобней и порядочней о всех обстоятельствах ползы и вреда, избытков и недостатков, возможности и неудобства совершенно зная, благоразумно рассуждать и правильные заключения и определения подать мог, ибо без того правильно о всем том рассуждать не безтрудно» (1950, стр. 98). Он много раз возвращался к доказательствам значения географии для военного и земского управления (стр. 78).

Программа географического описания была им тщательно продумана. Его анкета «Предложения к сочинению истории и географии российской», составленная в 1737 г., открывает эпоху всестороннего изучения страны и свидетельствует о широком необычном для того времени кругозоре автора (Берг, 1953, стр. 35).

Основная часть анкеты (раздел первый) включает 107 вопросов, которые соединены в группы, имеющие следующие названия: о звании, о границах, о свойствах и действии воздуха, о водах, о природном состоянии земли, о подземностях, о жителях, о жилищах. В анкете довольно много вопросов, касающихся природных ресурсов страны, состояния промышленности и сельского хозяйства. Однако вопросы, затрагивающие экономику, еще не были выделены и встречались в разных местах анкеты. Это едва ли было случайностью, а скорее являлось результатом недостаточного понимания роли экономики²².

Во втором и третьем разделах анкеты содержатся вопросы (91) преимущественно этнографического характера, предназначенные главным образом для «народов идолопоклоннических» и магометан. Внимание к этнографии являлось данью своему времени²³.

Перейдем к краткому рассмотрению географических трудов В. Н. Татищева.

Написанные им 12 глав «Общего географического описания всея Сибири» являются, как видно из плана, отрывком общей части этого труда, за которой должно было следовать описание «по губерниям, провинциям, уездам, волостям и слободам» (Татищев, 1950, стр. 41)²⁴. В дошедшем до нас тексте В. Н. Татищев большое внимание уделяет физической географии, высказывая иногда очень интересные суждения.

Интересно, например, его объяснение сибирских морозов. Он, правда, не говорит о роли континентальности климата, значение которой еще не было ясно для науки того времени, но не увлекается и распространенными

среди ученых XVIII в. соображениями о влиянии на температуру высоты Сибири над уровнем моря²⁵. Его замечания отражают то верное, что могли дать знания эпохи. Более холодный климат Сибири он объясняет следующими причинами: «1) ...на север берега гораздо далее нежели в Европе проходят, и на море оным за близкостью к северу берегов льды хотя взламывает, по все не истаивает, и воды нагреться времени не имеют, а от оно-го происходящие ветры в Сибири более стужи наносят. В Европе же хотя Лапландской берег далеко на север выдался, но оной для высоких гор от берега закрывает и для того северной ветер такой стужи учинить не может... 2) Сибирские же берега северные весьма niskи, и от севера никакого закрытия нет, к полуденной же стране Сибирь гораздо выше, как то такое великое множество рек прямо на север текущих доказывает, и для того ветры северные жесточе бывает... 3) С полудни вся Сибирь закрыта высокими горами, которые полуденным ветрам препятствуют, и для того морозы и стужи продолжаются, и хотя не каждой год и не во всяком месте равно, однакож здесь для близости гор наиболее морозы в половине августа начинаются, а в исходе мая переставают. Но чем от гор далее, тем теплее» (Татищев, 1950, стр. 54).

Как уже отмечалось, В. Н. Татищеву принадлежит заимствованная Ф. Страленбергом мысль, что Урал является границей между Азией и Европой. В. Н. Татищев исходил из того, что Урал служит водоразделом и что природа к востоку и к западу от него различна²⁶. Так, например, по его словам, в Сибири нет дуба, орешника, раков, отсутствуют тараканы; различны и рыбы, встречающиеся в реках к западу и к востоку от Урала. Конечно, многие из его объяснений кажутся теперь курьезными. Например, рассуждая о каменном угле, он говорит, что хотя он «не металл и не соль, однакож между минералами почитается. Он состоит из земли субтельной, смешанной с серою, которое дух и запах его на огне свидетельствует. Он цветом черн, слоеват и на воздухе розсыпается, и по оному частию же и от запаха признается в нем купорос». Такой же характер имеет и его суждение о добыче золота в Сибири: «Но чтоб в Сибири так студенном климате золотая руда быть могла, об оном сумнение немалое, если токмо розсудить, какого великого жара солнечного и по действию его подземного для произведения сей изящной металии потребно» (там же, стр. 67—68).

Сводка сведений о гидрографии и полезных ископаемых, которую он приводит, может показаться довольно бедной, но не следует забывать, что эта работа была только общей частью труда. Например, о реках В. Н. Татищев пишет: «Здесь я имею токмо сказать о тех, которые чрез разные провинции проходят и при оных описать неудобно» (стр. 57). Главными ископаемыми Сибири В. Н. Татищев считал медь и железо, залежи их он указывал в довольно многих местах и описывал их выплавку. Он отмечал также наличие свинца, серебра и угля.

Рассматривая описание Сибири, мы видим, что В. Н. Татищев предполагал дать полноценное исследование с привлечением материалов из различных областей науки, с широким критическим использованием литературных материалов, а также сведений из других источников.

В другом плане построена его последняя по времени работа монографического типа «Введение к историческому и географическому описанию Великокороссийской империи...», в которой, по словам автора, впервые собраны и кратко изложены сведения о состоянии России и обитающих в ней народов. В. Н. Татищев предупреждает, что эта работа написана «по возможности и на первый случай» и должна послужить материалом для более полного описания (стр. 143).

Первая часть этой работы состоит из четырнадцати глав, в которых приводятся сведения о названии и границах Русского государства, его природе, естественных богатствах, сельскохозяйственном производстве, народах, населяющих страну, войске, доходах, промышленности, науке и системе управления. Однако более полные данные, кроме Сибири, В. Н. Татищев имел лишь по Оренбургской и Астраханской губерниям и ему иногда приходилось ограничиваться одним перечислением, да и то не полным, тех объектов, которые должны были быть описаны (например, в разделе «О внутренностях земли...», «О животных и рыбах...»). В главе «О жителях Великороссийской империи» он пишет: «Ко обстоятельному и подробному описанию жителей, находящихся во всей оной великой империи, потребно многого труда и сведения не токмо в новой, но и в древнейшей истории, чтобы изследовать изъяснить древних и природных российских обывателей..., чего мне, яко весьма о том малосведущему, учинить невозможно. И тако, описав ныне, елико известен, одни токмо звания ныне обитающих народов, буду простираться по возможности впредь об них обстоятельнее изъяснить» (стр. 171).

Отступая в этой работе от системы критических сопоставлений мнений исследователей, он включает готовые сводки, например рукопись господина N «О зверях и народах».

Во второй части работы, в которой В. Н. Татищев предполагал дать описания по губерниям, он ограничился перечнем провинций и городов с тем, чтобы закончить описание «со временем» (стр. 190).

Назначение работы В. Н. Татищева «Руссия, или как ныне зовут Россия» видно из документа («Изъяснение на посланные начала исторические»), к которому она была приложена. Из этого документа следует, что В. Н. Татищев считал неправильным принятое в то время административное деление России, так как названия губерний и провинций, соответствовавшие существовавшим городам, и их границы не отражали названий и границ исторических владений, которые, таким образом, были почти забыты; кроме того, некоторые границы были неудобны по административным соображениям. Те же мысли он развивает и в написанном в 1743 г. «Напомнении на присланное росписание высоких и нижних государственных и земских правительств» (стр. 205).

В очерке «Руссия, или как ныне зовут Россия» географические сведения конспективны, они приводятся лишь для обоснования необходимости изменения административного деления страны. Вместе с тем сообщаются данные об исторической географии. В «Руссия...», как говорит В. Н. Татищев, «показано токмо ее (России.— В. Г.) древнее состояние и нечто в обществе (в общем.— В. Г.) из настоящего и главное и нужнейшее: разписание на губернии, провинции и уезды» (стр. 138).

Среди трудов В. Н. Татищева, содержащих материалы для географического описания России, следует упомянуть «Лексикон Российской...», доведенный до слова «ключник». В. Н. Татищев представил эту работу в 1745 г. в Академию наук (Андреев, 1950в, стр. 23). Им было подготовлено еще около 2000 слов (от Клязьмы до Яузы) с краткими пояснениями или без них (Попов, 1886, стр. 230).

Подобные словари уже существовали в то время в странах Западной Европы. Попытка их составления была сделана и в России. 21 октября 1737 г. И. Делиль представил в Академию наук предложение о составлении географического словаря России и соседних стран. Он считал словарь лучшей формой географического описания и хотел положить в его основу литературные сведения и лишь недостающее дать по новым материалам. В словаре должна была даваться правильная транскрипция с объяснением

словообразования названий географических объектов, описания которых предполагалось сопровождать историческими данными. Академия наук рассматривала предложение И. Деллиа и имела намерение осуществить эту работу (МАН, 1886, т. III, стр. 503—504). Но была ли она выполнена, неизвестно.

«Лексикон» В. Н. Татищева (1793) был посвящен не только географии, однако последняя занимала в нем довольно большое место. Автор дает описание географических объектов, историко-географические сведения, объяснения географических терминов и понятий. В «Лексикон» включены слова, связанные с содержанием географической науки, и названия географических объектов преимущественно в пределах русской территории. Сопровождающие их объяснения не всегда одинаково полны. В некоторых случаях не указано даже местоположение объекта.

Примером более полного описания может служить статья о Каспийском море (Лексикон, т. III, стр. 181—185). В. Н. Татищев приводит его различные названия (греческое, грузинское, татарское, персидское) и рассказывает о представлениях Птолемея и Плиния, по поводу соединения Каспия с другими морями. Переходя к изложению представлений современных ему исследователей, он пишет, что они пытались рассчитать «колько во оное воды всеми реками приходит и сколько воскурением восходит, но оное более за хитрость и остроумие нежели за истину принять можно». Далее говорится, что в соответствии с приказом Петра Первого об описании моря в 1721 г. были определены его размеры и открыт залив Кара-Богаз-Гол. «Из чего достаточно признается, что тот проток подземной пучиной в Восточное или Северное море произходит... и может из Аральского моря во оной же под землю проток присовокупляется...» Затем В. Н. Татищев говорит о «другом обстоятельстве сего моря, весьма прежде неизвестном, что в нем вода чрез 30 или 35 лет прибывает и через столькож убывает». Он приводит данные своих наблюдений, но считает, что «без искусного опыта в таком деле точно поверить не можно».

Работа В. Н. Татищева «О географии вообще и о русской» представляет собой главу из второй части книги первой «Истории Российской...» Она посвящена вопросам истории и теории географии. Автор излагает здесь ход его собственных работ в этой области и приводит сведения по истории географии и исторической географии. К этой работе было приложено пять историко-географических карт, которые до нас не дошли. На них изображалась Россия в разные эпохи. Исторической географии уделено много места и в других главах «Истории Российской...»

Рассматривая в целом деятельность В. Н. Татищева в области географии, можно сказать, что он не закончил ни одного крупного начинания. Ему не удалось составить ни карты России, ни географических описаний всей страны или ее крупных частей, ни лексикона.

Причины этого следует искать в общих условиях, в которых приходилось работать В. Н. Татищеву. С горечью писал он, что «география русская, которую всему шляхеству русскому знать нужно; ее никто не сочинил, и я хоть много о том трудился, но окончить не надеюсь, ибо того без помощи государя никак сделать не можно» (Татищев, 1773, стр. 16). В другом месте он говорит: «Моя слабость тому препятствует, а помосчника искусного ни за какие деньги получить не могу» (1950, стр. 219).

Не получив необходимой помощи правительства, не смог он опереться и на Академию наук, которой старался быть полезным картами и своими литературными трудами и к которой неоднократно обращался, желая узнать ее мнение о своих проектах и трудах. Но Академия наук оставляла

его запросы без ответа, так как, вероятно, не всегда чувствовала себя достаточно подготовленной.

Глубокое сожаление вызывает тот факт, что географические работы этого самобытного ученого, представляющие большую ценность, были опубликованы намного позже того времени, когда они могли принести наибольшую пользу. Но было бы неправильно предполагать, что эти работы были почти потеряны для науки. Анкеты В. Н. Татищева сыграли роль образца для других исследователей. Они были известны Г. Миллеру, который использовал их, посылая собственные запросы в сибирские города и составляя инструкцию И. Фишеру о собирании сведений в Сибири (Андреев, 1937а, стр. 95; Бакланова и Андреев, 1937, стр. 549). Материалы анкет, конечно, использовались и при разного рода сводных работах и справках²⁷.

Кроме того, не следует забывать также, что нарождавшаяся в России литература лишь постепенно вытесняла укоренившийся в России способ сохранения древних документов в рукописях. Труды В. Н. Татищева по географии ходили в списках и пользовались немалым влиянием.

Примером может служить отношение Г. Миллера к «Лексикону» В. Н. Татищева при работе его над «Географическим лексиконом...» Ф. А. Полунина (1773). В предисловии к «Географическому лексикону...» Г. Миллер подчеркивал свою роль в составлении этого словаря. Он не только указывает на то, что некоторые статьи были им заново написаны (о Москве, о России и т. д.), а во многие другие статьи внесены поправки, но, перечисляя сведения, которыми пользовался Ф. А. Полунин, автор предисловия дает понять, что в основу «Географического лексикона...» положены данные, собранные и опубликованные Г. Миллером, и лишь «по некоторым городам Московской губернии... сочинил он (Ф. А. Полунин.— В. Г.) и новые описания». При этом Г. Миллер считает нужным отметить, что труд, в котором он принимал участие, не имеет ничего общего с лексиконом В. Н. Татищева, «коего находятся у некоторых любителей Российской истории списки».

Отказываться от использования сведений из лексикона В. Н. Татищева его заставляли, конечно, не деловые соображения, а исключительно боязнь упреков в том, что он оказался под влиянием пользовавшегося известностью и авторитетом писателя. Об этом достаточно ясно свидетельствует текст к словам «Волга» и «Каспийское море» из «Топографии Оренбургской» П. И. Рычкова, который он заимствовал почти дословно, упустив из виду, что П. И. Рычков переписал его из лексикона В. Н. Татищева.

Работы Г. Миллера по описанию Сибири

Мысль о составлении географического описания страны очень интересовала Г. Миллера, создававшего, что работы западноевропейских исследователей о России недостоверны. По его представлениям важнейшей частью такого рода работ должно являться географическое описание административных районов, что, впрочем, не помешало ему оценить и комплексные описания С. П. Крашенинникова и П. И. Рычкова. Соответственно материал описаний должен был, как ему казалось, располагаться по административным, а не по физико-географическим районам. Эти мысли были изложены им в отзыве на русский перевод предисловия к «Flora Sibirica» И. Гмелина. Г. Миллер писал, что это сочинение не может быть названо описанием Сибири, «ибо под сим именем всякий разуметь будет политическое описание, в котором провинции, дистрикты, уезды, города, остроги,

слободы, села и прочие достопамятные места географическим образом описаны... Того ради, по моему мнению, сие можно пошолнить, а особливо для того, что политическая география напереди натуральной дается» (МАН, 1900, стр. 325—326)²⁸.

Используя богатый материал, собранный в Сибири, Г. Миллер около 1743 г. составил часть описания этой страны. Работа осталась незаконченной и не была опубликована. Описание должно было состоять из двух томов, которые в сохранившихся рукописях Г. Миллера названы «Географическое описание Сибири» и «Особливое описание Земли Сибирской или Сибирской географии вторая часть» (Бакланова и Андреев, 1937, стр. 550)²⁹.

От первого тома, который, судя по плану, должен был включать 13—14 частей (ЦГАДА, ф. 181, д. 273, л. 16—22), до нас дошли шесть частей. В вводной части («О Сибири вообще») Г. Миллер рассматривает происхождение названия «Сибирь», ее границы, вопросы административного деления, управления, национального состава и дает краткую характеристику всех трех провинций (Тобольской, Енисейской, Иркутской). Остальные пять частей посвящены описанию Тобольской провинции. В этой же вводной части он обсуждает, чем следует руководствоваться при расположении материала — физико-географическими границами отдельных частей территории или административным делением.

Г. Миллеру была известна «Хорографическая книга» С. У. Ремезова, в которой описание ведется по бассейнам сибирских рек, следуя их течению (Андреев, 1939г, стр. 53—54). Но в своей работе Г. Миллер решил описывать Сибирь по провинциям. В пределах же провинций он рассматривает города с относящимися к ним территориями «по порядочному положению места» (ЦГАДА, ф. 181, л. 16 об.), которое, по его мнению, определялось последовательностью их расположения по течению рек. Из административных единиц он описывает даже самые мелкие (волости, деревенские округа) и их центры (села, слободы). Описываются также «достопримечательные места»: крепости, заводы, мельницы, большие пристани, солеварни. Деревни без церквей, зимовья и т. д. он обычно не перечисляет, называя в некоторых случаях лишь их общее число.

В работе Г. Миллера приведено много конкретных сведений. Он говорит о происхождении названий, определяет границы территорий, перечисляет подведомственные административные единицы, указывает расстояния от важнейших центров, упоминает имеющиеся дороги, называет государственные учреждения и довольно подробно описывает все более значительные строения (каменные дома, церкви, гостиные дворы, склады, тюрьмы). Иногда он указывает численность населения или характеризует его состав. При описании заводов он приводит сведения о мастерских и сырьевой базе. О физико-географических объектах Г. Миллер говорит только случайно и мельком. На состоянии сельского хозяйства, торговли, ремесел и промыслов он также не останавливается.

О больших городах он пишет подробнее. Так, например, Тобольску уделен 21 лист.

Объясняя попутно принятые в Сибири названия населенных пунктов, Г. Миллер дает исторические справки о возникновении отдельных административных единиц (Екатеринбурга, слободы Куларовской и др.).

Однако описание Сибири, построенное по схеме политической географии, не удовлетворяло самого Г. Миллера, и во втором томе он решил «дать возможно точное описание всех рек и местностей, лежащих между ними, не пропуская ничего, что может быть необходимым для полного землеописания. Это может быть полезно для лиц, которые много путешествуют и хотя имеют наиболее подробные сведения о стране. Особенно же нужно при-

составлении и исправлении карт» (Архив Акад. наук, ф. 21, оп. 5, д. 154, л. 2).

В настоящее время известна лишь небольшая часть этого тома. В ней описана территория между реками Уем и Тавдой, ограниченная на востоке Тоболом, а на западе Уральским хребтом; материал расположен по бассейнам рек. Сообщаются сведения о происхождении названий, расстояниях между отдельными пунктами, дорогах, иногда приводятся краткие экономические и географические справки. Насколько это описание подробно, видно из того, что при описании бассейна, р. Пышмы (23 страницы из 303) упоминается о 384 экономико-географических и физико-географических объектах.

Обе эти работы, не дающие ни полного физико-географического описания страны, ни представления об ее экономике, не могут быть названы географией Сибири, а скорее являются очень подробно и обстоятельно составленными справочниками по некоторым вопросам. Тем не менее их завершение и издание, конечно, принесло бы большую пользу.

Специально экономике Сибири Г. Миллер посвятил отдельную большую статью «Известие о торгах Сибирских» (1755б, 1756), представляющую собой очерк о сибирской торговле, к которой он относит и торговлю с Китаем, Калмыкией, Монголией и Бухарой, поскольку все товары провозились через Сибирь. Эта статья, написанная очень обстоятельно, с большим знанием дела и богатая фактическим материалом, представляет интересный исторический документ, живо изображающий особенности торговли Сибири того времени.

Сибирские торги, успеху которых способствовала дешевизна провоза по сибирским рекам, составляли немалую часть «Российской коммерции». Кроме знаменитой ярмарки в Ирбитской слободе, происходившей в январе, на которую съезжались купцы со всей Сибири и из России, вся крупная коммерция Сибири была связана прежде всего с провозом товаров через ее территорию в Кяхту для торговли с китайскими, бухарскими и калмыцкими купцами, а также для приобретения пушнины и других товаров у местного населения и снабжения русских, обитавших в Сибири. Основными центрами на торговых путях были Тобольск, Енисейск, Иркутск, в каждом из которых сложились свои особенности.

Кяхту называли торговой слободой и форпостом, «потому что (она.— В. Г.) есть с мунгалами самое пограничное место». Вместе с тем она считалась пограничным с Китаем пунктом, так как «мунгальская земля состоит под протекциею китайскою». В Кяхте было две слободы — русская и китайская. Они располагались в 120 сажнях одна от другой, имели в окружности по 250 сажень и были огорожены палисадами. Торги велись там беспрерывно. Г. Миллер отмечает неорганизованность и «горячность» русских купцов, которые конкурировали друг с другом, и «добрый порядок» и «неотменное в ценах согласие» китайцев, торговавших большей частью компаниями (1755б, стр. 235—236).

В статье показано торговое значение Якутска, который славился пушниной, особенно соболями. Купцы из Якутска направляли товары в Охотск, на Камчатку, а некоторые и в Анадырский острог и, пользуясь льготами по уплате пошлины, получали большую прибыль. Зимовья и остроги Якутского уезда, где торг велся почти только с одними якутами, купцы посещали редко. Этим торгом занимались казаки, которым все равно приходилось ездить туда за ясаком.

Кроме транзитных пунктов, торги велись и во многих городах, расположенных в стороне от главного пути через Сибирь (в Туринске, Пелыме, Березове, Сургуте и др.). Наконец, во многих городах бывали ярмар-

ки местного значения. Г. Миллер приводит довольно обширный список товаров, являвшихся предметом сибирской торговли.

Характерны его замечания об изменении цен на товары при продвижении от Европейской России на восток. Например, сахар в Архангельске стоил 5 руб. пуд, в Ирбите — 7 руб., в Иркутске — 14—20 руб., в Якутске — 40 руб. (там же, стр. 536). Что касается сибирских товаров, «то они состоят наиболее в разных родах мягкой рухляди, коею не токмо Россия и Китай, но и другие соседственные государства довольствуются» (1756, стр. 180). Он указывает места, где промышляется пушнина, и отмечает ее качество. Описание пушного промысла очень интересно для изучения изменения ареала некоторых зверей. Куница, например, попадалась, и только в небольшом количестве, вблизи «каменного хребта, которым Сибирь от России отделяется», а именно в Березовском, Пелымском, Верхотурском уездах, а также в местах, где Кузнецкий уезд граничит с Калмыцкой землей. Бобры ловятся только «по сию сторону Енисея», и притом их там мало (там же, стр. 201 и 211).

Из объявления, помещенного в журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» (Миллер, 1763а, стр. 364), видно, что Г. Миллер предполагал также составить описание России. В этом объявлении было указано, что «с 1732 г. издается при Академии наук на немецком языке трудами конференц-секретаря и профессора господина Миллера малыми частями, наподобие Ежемесячных сочинений, Собрание известий, до Российской истории касающихся (Sammlung Russischer Geschichte). Намерение притом такое, чтоб приготовить помалу материи к сочинению полной Российской истории и к Географическому описанию Российской империи потребные».

Еще до этого объявления в печати появилось несколько его работ, которые могли служить материалом для географии России. Одна из них носит название «Роспись губерниям, провинциям, городам, крепостям и другим достопамятным местам, в Российской империи находящимся». Об этой работе автор пишет, что в ней дано «положение каждого города или места по рекам и урочищам, також и расстояние городов между собою и от столицы» (1757а, стр. 3). Другая работа называется «Роспись епархиям Всероссийской империи и какие провинции, города и уезды к каждой епархии принадлежат» (1757 г), а третья — «Долготы и широты разных мест Российской империи, астрономическими наблюдениями определенные» (1757ж). В последней работе Г. Миллер, отмечая неисправности определения широт и долгот, пытается их уточнить³⁰.

Описание Сибири Ф. И. Соймонова

Литературное наследие Ф. И. Соймонова довольно богато³¹. К его наиболее значительным географическим работам относятся первые действительно научные описания Каспийского моря и некоторых прилегающих территорий и статья «Древняя пословица: Сибирь — золотое дно»³², первая часть которой является своеобразной попыткой описания Сибири, которое мы назвали бы теперь экономико-географическим.

Ф. И. Соймонов делит в этой работе Сибирь на шесть частей; из них четыре части охватывают территорию от западной границы Сибири до Енисея, а две части — территорию к востоку от него. Районы выделяются Ф. И. Соймоновым по признаку «изобилия», под которым он понимает возможность получения доходов от промыслов (звериных, рыбных), сельского хозяйства, промышленности и торговли или дешевизну жизни.

Хорошо зная Сибирь, автор сообщает о ней много интересных сведений. Он пишет о звериных и рыбных промыслах, районах серебряных и золотых разработок на Алтае, распространении хлебопашества, особенностях жизни в северных районах и т. д.

Конечно, предложенный им метод описания и разделения территории на районы по «изобилию» не дает достаточного представления о Сибири — ее природе, богатствах, населении и его занятиях, путях сообщения и т. д. Ф. И. Соимонов не различает «изобилия», выражающегося в низких ценах на продукты сельского хозяйства в малонаселенной и не имеющей рынков сбыта Сибири, от изобилия природных ресурсов страны (Лебедев, 1952, стр. 71). Он объединяет, особенно по Восточной Сибири, в один район очень разнообразные по природным условиям местности. На первый план почти повсюду выдвигаются звериные и рыбные промыслы, другие важные особенности страны показаны мало.

Сравнивая труд Ф. И. Соимонова с рассмотренной выше работой Х. П. Лаптева, содержащей описание северных районов Сибири, приходится признать, что, при всей краткости и схематичности, последняя как источник познания описываемых районов имеет преимущество.

Оригинальность статьи Ф. И. Соимонова заключается в том, что он ясно представлял себе закономерность разделения Сибири по экономическому признаку. По его словам, он не ставил перед собой задачу дать географическое описание Сибири или сведения о ее населении, так как первое «из генерального атласа Российской империи видимо», а о втором «из Примечаний месячных в разных местах видеть можно». Он преследовал другую цель: «что принадлежит до изобилия, о том едином разделя все сибирские места на главные 6 частей, о каждой во особенности во известие за надлежащее представить нахожу» (Соимонов, 1761, стр. 450).

Описание Оренбургской губернии П. И. Рычкова

П. И. Рычков³³, так же как И. К. Кирилов и В. Н. Татищев, не получил систематического образования. Оглядываясь на склоне лет на пройденный им путь, он смог с полным правом сказать: «Не все генералы от генералов рождаются», так как своей известностью в области географии и экономической мысли он был обязан прежде всего своему таланту и энергии.

Отдавая дань природным способностям П. И. Рычкова, нельзя все же не отметить большой роли, которую сыграли в формировании его научных интересов И. К. Кирилов и В. Н. Татищев, руководившие с 1734 по 1739 г. его работой в Оренбургской экспедиции. Тесное общение с этими расположенными к нему выдающимися людьми, стоявшими во главе крупного государственного дела, пробудило в П. И. Рычкове интерес к истории и географии страны, и он стал заниматься изучением территории и населения будущей Оренбургской губернии.

Особенно глубоко было влияние В. Н. Татищева, с которым П. И. Рычков находился до самой смерти этого крупного ученого в постоянной переписке. Из нее мы узнаем, что В. Н. Татищев вводил П. И. Рычкова в курс своих научных работ и давал ему указания по составлению географических описаний. Влияние В. Н. Татищева легко заметить в трудах П. И. Рычкова, который высоко ценил советы своего ученого друга и в письмах называл его: «милостивый государь мой и отец Василий Никитич». С течением времени П. И. Рычков завязал отношения и с другими выдающимися учеными своего времени. В 1751 г., приехав в Петербург, он познакомился с М. В. Ломоносовым. С 1757 г. стал переписываться с

Г. Миллером и опубликовал в редактировавшемся последнем журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» некоторые свои работы.

29 января 1759 г. П. И. Рычков, который в то время уже был автором нескольких напечатанных или переданных в Академию наук работ, был утвержден, по представлению М. В. Ломоносова, подписанному им совместно с И. Таубертом и Я. Штелиным, «корреспондентом» Академии³⁴. В «класс корреспондентов», по мысли М. В. Ломоносова, включались лица, которые «общего в ученом свете латинского языка основательно не знают и главных ученому человеку необходимо нужных словесных наук, также математики по последней мере элементарной и философии не слушали и неразумеют», но могут «какими записками и известиями служить Академии» (Модзалевский, 1937, стр. 327—328). П. И. Рычков вполне оправдал присвоенное ему звание; не имея специального образования натуралиста, он сообщил Академии наук много ценных сведений о природе Оренбургской губернии и ее полезных ископаемых.

К концу жизни П. И. Рычков был уже известным ученым. В 1768 г. его сочли необходимым навестить в с. Спасском, где он в то время жил, находившиеся в Оренбургской губернии участники академических экспедиций — П. Паллас и И. И. Лепехин.

Из написанных П. И. Рычковым научных работ известны 52. Они относятся к истории (13), географии (6), экономике (28) и естественной истории (5)³⁵. Из этих работ 39 опубликованы.

Как видим, наиболее многочисленны его работы по экономике. Экономика всегда привлекала П. И. Рычкова, но особенно много внимания он стал уделять ей в своих работах после организации Вольного экономического общества (1765 г.), членом которого П. И. Рычков был избран и в «Трудах» которого принимал большое участие, публикуя преимущественно небольшие статьи по разным практическим вопросам. В разное время он написал также и несколько более крупных экономических работ. Статьи П. И. Рычкова о земледелии свидетельствуют о глубоком знании условий сельскохозяйственных работ и экономики сельского хозяйства в разных губерниях (История русской экономической мысли, 1955, стр. 481—489).

Но труд, который он считал наиболее важным, а именно экономическое описание России, так и остался неосуществленным. О своем намерении дать такое описание П. И. Рычков упоминает в письме Г. Миллеру от 6 сентября 1757 г. Сообщая о своей статье по поводу земледелия, он добавляет, что намерен писать «и о других частях экономических, ежели время допустит...», так как считает самым нужным и полезным делом, «чтоб оное так, как и коммерция по губерниям или провинциям описано было, из чего может со временем и у нас собственная экономическая книга составлена быть» (Пекарский, 1867, стр. 39).

Хотя политические взгляды П. И. Рычкова были консервативны, его экономические труды все же были направлены на содействие развитию производительных сил страны.

Исторические труды П. И. Рычкова не имеют большого значения. Самый крупный из них («История Оренбургская») представляет собой написанную по документам историю Оренбургской экспедиции (Рычков, 1759).

Значение его трудов по географии гораздо больше, так как к этой области относится наиболее важная из всех его работ — «Топография Оренбургской губернии». Возникновение этой книги было связано с крупным событием в истории географии — выходом атласа Академии наук 1745 г.

Он послужил толчком к составлению атласа Оренбургской губернии И. Красильниковым, описанием к которому в значительной мере и является «Топография Оренбургской губернии»³⁶.

В этой работе П. И. Рычков дает описание природы и населения края, старается показать его богатства, перспективы развития его горнозаводской промышленности, сельского хозяйства, охотничьего и рыболовного промыслов. Он хотел дать «подробное и обстоятельное описание о всех Оренбургской губернии продуктах, что их ныне есть и впредь быть может с принадлежащими к тому средствами и способами» (т. е. доходами), которое должно было служить нуждам управления и развитию производительных сил губернии (Рычков, 1887, стр. 235 и 240). Его занимала возможность торговли с другими районами России и значение Оренбургской губернии для сношений с Востоком. Таким образом, в «Топографии Оренбургской губернии» отразился интерес к экономике, отвечавшей настроению русского общества и правительства в 60-х годах XVIII в.

П. И. Рычков не был ни натуралистом, ни этнографом. В его книге нет тех блестящих наблюдений привычек и образа жизни животных, которые увлекают нас в трудах Г. Стеллера. Специальный очерк растительного царства отсутствует, о растениях говорится лишь попутно. В описании народов приводится сводка мнений относительно их происхождения и о возникновении их названия, дается исторический очерк, упоминается о роде занятий; при описании народов, заселяющих территории, граничащие с Оренбургской губернией, говорится также о воинской силе, управлении, городах, торговле. Но сведений о быте, обрядах, одежде приводится мало.

Приступая к изложению, П. И. Рычков начинает с вопросов методологии, считая, что «довольно, когда токмо метод вообще апробуется, ибо уже к начатому и не переменяя формы, дополнки чинить не трудно» (Пекарский, 1867, стр. 24). Он излагает идеи В. Н. Татищева, не всегда последовательно видоизменяя их.

П. И. Рычков полагал, что в географии, помимо математической части, «х которой... и сочинение ландкарт надлежит», имеется еще историческая часть, которая важна для понимания карт. Последняя, в свою очередь, подразделяется на несколько частей, причем главные «из них две, а именно политическая, или народная, да физическая или натуральная, то есть естественная. Из сих в первой, то есть в исторической³⁷ части, обыкновенно скажутся о знании и ситуации земли, о великости, о границах и смежности оные, где суть моря, озера, реки, горы и другие знатнейшие урочища. Потом о начале и состоянии народов, городов и знатных жителств, где каковая вера, отменные обычаи, промыслы и особые учреждения. А во второй, то есть в физической части, трактуется о качестве и свойствах земли и воды, древес и плодов, о металлах и минералах, о всяких животных и протчих естественных приключениях» (Оренбургская губерния..., 1880). Как видим, П. И. Рычкову не удалось последовательно провести разделение на политическую и физическую географию и к первой он относит такие вопросы, как «где суть моря, озера, реки, горы» и т. д.

В предпосланном книге предисловии («Предизвещении») П. И. Рычков говорит также о «народном и натуральном состоянии», вкладывая в эти слова смысл, соответствующий понятию размещения производительных сил. Приведенные формулировки, несмотря на некоторую их неточность, показывают, что П. И. Рычков представлял себе достаточно ясно содержание комплексного описания, которое ему предстояло составить.

В отбор материала и в его расположение П. И. Рычков стремился ввести «план и метод». Вопрос отбора материала он решил вполне здраво,

ограничиваясь описанием только того, что наиболее характерно для Оренбургской губернии, так как обстоятельное описание ее природы «требует достаточного знания в физике и в вещах натуральных» и заняло бы «особую и немалую книгу». Поэтому он сообщает только о том, что Оренбургская губерния «против прочих имеет особливо знатное и примечания достойное, а что против других мест равенственно, сие все для сокращения будет оставлено» (Рычков, 1887, стр. 141). В расположении материала по главам заметно влияние В. Н. Татищева (первая часть работы посвящена общей характеристике губернии, а вторая описанию провинций и других административных единиц)³⁸.

«Топография Оренбургской губернии» является первым описанием огромной территории, в которую П. И. Рычков включал и земли «Малой и Средней Киргиз-кайсацкой орды» (Младшего и Среднего казахских жузов). На западе эта территория ограничена Волгой, на юге — северными берегами Каспийского и Аральского морей, на востоке — р. Сары-Су и отрогами Алтая, а на севере — р. Камой. Таким образом, в границы Оренбургской губернии попадали современные Башкирская АССР и Оренбургская область, правобережье Куйбышевской, Саратовской, Сталинградской областей, юго-западные районы Сибири и западная и южная части Казахстана, т. е. территория площадью около 4 млн. км².

П. И. Рычков уделил довольно много места и описанию территорий, граничивших с Оренбургской губернией, и населяющих их народов: Хиве и хивинцам, туркменам, «аральцам», каракалпакам, киргизам Большой орды, «зюнгорам».

Об использованных П. И. Рычковым источниках говорится в заголовке приложенной к книге ландкарты: «Еже все собрано в Оренбурге из разных описаний русских и иностранных и по известиям, в губернской канцелярии имеющимся». П. И. Рычков с огорчением отмечает, что по Оренбургской губернии не было таких описаний природы и народов, какие были составлены по Сибири Д. Мессершмидтом и учеными Второй Камчатской экспедиции. Между тем от «оных обитающих здесь народов, между которыми никаких ученых людей не было и нет, о таких местах и вещах обстоятельно и достоверно выведать невозможно» (там же, стр. 237—238).

К счастью, в Оренбургской комиссии можно было многое почерпнуть в виде карт и описаний, составлявшихся для ее нужд геодезистами, отчетов экспедиций в Среднюю Азию, докладных записок правительству и т. д. Не остались вне поля зрения П. И. Рычкова и другие современные ему рукописные русские работы и в первую очередь труды В. Н. Татищева, которые он широко использовал как со ссылками, так и без ссылок на них.³⁹ Он поддерживал связь с разными корреспондентами⁴⁰ и собирал устные предания и свидетельства бывалых людей. Для описания Средней Азии П. И. Рычков прибегал и к книгам на восточных языках, с которыми работал еще для В. Н. Татищева. Он использовал и западноевропейскую литературу. Чтобы обеспечить достоверность собранного материала, П. И. Рычков рассылал его компетентным лицам, хорошо знавшим Оренбургскую губернию (Пекарский, 1865в, стр. 68).

Для географов наибольший интерес представляет пятая глава первой части, содержащая описание природы страны. Начиная описание с климата, П. И. Рычков отмечает различия его на огромной территории края: достаточное количество осадков в северо-западной части и острый недостаток дождей и континентальность климата в юго-восточной. Он пишет, что около Оренбурга летом такие жары случаются, что нельзя «босою ногою на песок и ни на какой твердый корпус ступить, и железю, ежели оно на солнце несколько часов лежало, в руках удержать невозможно» (Рыч-

ков, 1887, стр. 143). Но эта жара часто сменяется холодом, и в летние месяцы иногда выпадает снег и бывает иней.

П. И. Рычков останавливается и на другой характерной особенности Оренбургского климата — его ветрах, которые «нередко так сильны случаются, что едва на ногах можно устоять». Далее он описывает внезапные бураны при жестоком морозе, которые особенно часты в декабре и январе. Падающий снег смешивается со снегом, поднятым ветром с земли, так что в трех сажених ничего не видно. При таких буранах замерзает много людей. «Вихри или круговые ветры» случаются и в ясные летние дни. «Вдруг завертит пыль или сор подобно и с такою же скоростью, как мелет жерновой камень, и ту пыль поднимая кверху несет столбом и что дале, то боле, окружности делает, забирая все легкие вещи вверх; притом бывает передко, что и крыши с домов срывает. И таким образом идет по линии сажень на сто и более и в вышину сочиняет от двадцати до тридцати сажень. Бывает же иногда таких вихрей не по одному, но вдруг по несколько на разных местах, и от самой земли, наподобие высоких столбов видимы, которые тем паче удивительны, что между ими ветру никакова щет и почти до самого того места, где такой вихрь несет, подойти свободно» (там же, стр. 144).

О рельефе Оренбургского края П. И. Рычков знал больше, чем кто-либо до него и много десятков лет после него (Мильков, 1953, стр. 48).

В соответствии с наклонностями к экономике П. И. Рычков уделил много внимания ископаемым богатствам края. Он называет места залегающих извести, мела, алебастра, асбеста, слюды, разных глин, соли, селитры, серы, нефти (в Среднем Поволжье и в бассейне р. Эмбы), различных красок, медных и железных руд. Эти сведения он часто сопровождает указанием на мощность залежей, количество ископаемых, возможность их использования.

Описание животного мира не содержит ни исчерпывающего перечисления, ни общей характеристики фауны, но П. И. Рычков довольно удачно выбрал наиболее интересных животных и собрал о них (главным образом по рассказам) некоторые сведения. Он упоминает, между прочим, архара, сайгака, тарпана, кулана, выхухоля, бобра, водившегося в Башкирии, розового пеликана (птица баба), ремеза, замечательного своим искусством строить гнезда. Представляет интерес его описание тарпанов, которые «ростом против средней лошади, только круглее, шерстью саврасые или голубые, а хотя и другими шерстями бывают, но редко. От киргизских лошадей отменны они головами, потому что головы у них больше и на лбу имеют западины. Киргиз-кайсаки, собираясь человек по двадцать о-дву-конь, их ловят и привязывают к своим лошадям за шеи арканами, и так привязанных держат по месяцу и более и, тем приобыча их, употребляют к езде, как и своих лошадей» (Рычков, 1887, стр. 206).

Это животное, водившееся в южных и юго-восточных степях России, уже в XVIII в. испытало сильное влияние одичавших домашних лошадей и совершенно исчезло во второй половине XIX в., что затрудняло суждение о его чистом типе (Богданов, 1937, стр. 248). Описание П. И. Рычкова принадлежит к немногочисленным рассказам о тарпанах юго-востока России, которые, вероятно, испытали влияние лошади Пржевальского (Кеппен, 1895, стр. 12 и 47).

Некоторые описания других животных (дрофы, кречета, сокола и т. д.) гораздо беднее.

Из «инсектов или насекомых и гадин» П. И. Рычков описывает только пчел. Об остальных говорит, что «как в качестве, так и в количестве в Оренбургской губернии никаких особенностей не примечено. Однако по

«скаскам» толмача Арапова он описывает «гадину на подобие паука», которая водится около Туркестана и укус которой смертелен для человека и животных (Рычков, 1887, стр. 212). Речь идет, очевидно, о пауке каракурте. О змеях П. И. Рычков передает баснословные рассказы⁴¹.

Первая часть «Топографии Оренбургской губернии» заканчивается главой «О внутренних и внешних обстоятельствах коммерции прежней, нынешней и впредь быть могущей». В этой главе рассказывается о таможенных сборах, размеры которых свидетельствуют о значительном росте торговли, о товарах, привозимых и закупаемых среднеазиатскими купцами, и о товарах, которыми располагала сама Оренбургская губерния. В заключение он сообщает, что подробное описание всего, что может производить Оренбургская губерния, он даст во второй части своей работы. Но выполнить это оказалось труднее, чем П. И. Рычков думал, и он начинает вторую часть словами: «Долженствую объявить здесь и признаться, что она (вторая часть.— В. Г.) как новая и самая первая, а паче по недостаткам моим, не только от совершенства, но и от надлежащей исправности весьма еще далеко отстоит и служит токмо к сему, чтоб подать повод и некоторые способы искуснейшим в истории и географии описание здешней губернии когда-нибудь сделать исправное и совершенное» (Рычков, 1887, стр. 237). Эта часть содержит главным образом описание городов и крепостей.

Не вина, конечно, П. И. Рычкова, что ему не пришлось выполнить свой замысел. Его мысли и намерения намного опередили эпоху и нашли осуществление гораздо позднее.

Например, отмечая высокую стоимость дров в Оренбурге, он предлагает запретить строительство деревянных домов и использовать камень, а вместо извести — белую глину, добывать которые можно в самом Оренбурге. При этом П. И. Рычков выдвигает актуальную и для нашего времени мысль, что «сверх того на низких и водопоемных местах не невозможно б оной (лес.— В. Г.) и саженьем разводить, особливо же тот, который и без коренья от сырых колев, воткнутых токмо в землю, отрождается, яко то: осокорь, ветла, тополь и сим подобные» (там же, стр. 250).

Он понимал огромную будущность хлопка и шелка в Средней Азии: «В ближайших от Оренбурга владениях, то есть в Хиве и в Бухаре, шелк и хлопчатую бумагу можно почесть за главные продукты, от которых немалая бы польза не только обоим тем владениям, но и Оренбургской коммерции быть могла», и со временем, «когда они с Российскими людьми вступят в большую знаемость и торги, может быть потщатся сами оба те их продукта по способности тамошнего климата гораздо умножить» (там же, стр. 232—233).

В заключительной главе («О ведомстве Оренбургского горного начальства») П. И. Рычков высказывает следующую мысль о будущем экономики Оренбургской губернии: «На конец всего с довольным основанием можно объявить, коим образом в Оренбургской губернии из всего того, что натура ни производит, есть самый первый и обществу полезнейший продукт — металлы и минералы» (там же, стр. 398).

П. И. Рычков правильно судил о многих явлениях природы и живо воспринимал высказывания по этим вопросам М. В. Ломоносова (Пекарский, 1865а, стр. 72). Очень интересно описание действия, оказываемого на рельеф снеговыми и дождевыми водами, приведенное в статье «О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии», направленной им М. В. Ломоносову (Рычков, 1766, стр. 42).

Появление «Топографии Оренбургской губернии», представлявшей собой всестороннее описание своеобразной страны, о которой в то время

мало было данных, явилось большим событием. Характерно мнение о ней М. В. Ломоносова, приведенное П. И. Рычковым в письме к Г. Миллеру от 17 мая 1760 г.: «Михайло Васильевич Ломоносов персонально меня знает. Он, получив первую часть моей топографии, письмом своим весьма ее расхвалил; дал мне знать, что она от всего академического собрания апробована; писал, что приятели и неприятели (употребляю точные его слова) согласились дабы ее напечатать, а карты вырезать на меди» (Пекарский, 1865в, стр. 71).

Г. Миллер, рассматривая этот труд как путь к созданию достоверной истории и географии России, заявлял, что «к сему делу требуется много времени и едва остается надежда, чтоб обстоятельная история и достаточное описание России могли когда на свет быть изданы, разве во всякой губернии будет человек искусством и прилежанием подобный господину советнику Рычкову в Оренбургской губернии, которой в прошедшем году прислал в Академию наук описание помянутой губернии с преизрядными ландкартами» (Миллер, 1757б, стр. 228).

Достоинства этой книги П. И. Рычкова отмечали историк А. Шлецер (*Göttingische Anzeigen*, 1766, стр. 217), написавший на нее рецензию с подробным изложением содержания, и П. Паллас (1773, предисловие). Последний начал переводить ее на немецкий язык, но оставил эту работу, так как в 1771 и 1772 гг. уже были опубликованы два немецких перевода этой книги⁴².

Четкость плана книги способствовала тому, что в последующем она стала образцом для многих авторов. Принятый П. И. Рычковым порядок описания от общего к частному и расположение материала стали применяться в региональных географических описаниях XVIII в. Так, например, план «Топографии Оренбургской губернии» был использован Вольным экономическим обществом в 1790 г. в числе других образцов для программы описаний наместничеств и уездов (Никитин, 1953, стр. 145).

Благодаря полноте умело и добросовестно подобранных многосторонних сведений о крае, эта книга, хотя в ней, конечно, многое устарело, представляла интерес и для последующих исследователей. В 1870 г. член Оренбургского отдела Географического общества, краевед Р. Г. Игнатьев утверждал, что «ни один современный нам описатель края не может обойтись без ссылки на Топографию» (1870, стр. 3).

Современники П. И. Рычкова, читавшие «Топографию Оренбургской губернии», понимали, что при его одаренности и знаниях он вполне мог бы создать другие подобные или даже более крупные труды. Г. Миллер предлагал ему написать географию России. Сам П. И. Рычков собирался писать топографию Казанской и Астраханской губерний. В выполнении этих планов ему, как и В. Н. Татищеву, помешали затруднения, с которыми он сталкивался при получении материалов.

Другие географические труды П. И. Рычкова гораздо менее значительны. Из них заслуживает упоминания напечатанное в 1760 г. описание пещеры на берегу р. Белой⁴³. Оно отличается большой точностью, в нем впервые в нашей литературе говорится о явлении карста. П. И. Рычков верно отметил, что такие пещеры свойственны берегам р. Белой, сложенным известняками.

Он упоминает также, что пещеры образуются от «подземного огня и воды». Но в связи с найденными им признаками пребывания в пещере по р. Белой человека П. И. Рычков (1760, стр. 215, 218) ошибочно считал, что эта пещера, «ежели не вся, то по большей части руками человеческими строена».

В 1776 г. П. И. Рычков составил географический словарь («Лексикон или словарь топографический») Оренбургской губернии, в котором большое внимание уделено описанию населенных пунктов. «Лексикон» не был опубликован (Ляровский, 1954, стр. 69—70).

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ М. В. ЛОМОНОСОВА

Труды по экономической географии

Для истории географии весьма большое значение имеют труды М. В. Ломоносова, в которых он затронул вопросы экономического изучения России. Заботясь о процветании страны, М. В. Ломоносов уделял много внимания экономическим вопросам. Об этом свидетельствует, например, составленный им около 1761 г. перечень записавших его вопросов, «простирающихся к приращению общей пользы» (Ломоносов, 1952, т. 6, стр. 379, 383). До нас дошло изложение его идей только по вопросу «О сохранении и размножении российского народа». Этой теме посвящено письмо И. И. Шувалову, написанное М. В. Ломоносовым 1 ноября 1761 г.

Несколько ранее, в 1759 г., М. В. Ломоносов из таких же побуждений предложил Академии наук издавать «Внутренние Российские ведомости», в которых сообщалось бы об «избытках и недостатках», а также о ввозе и вывозе различных товаров. Вместо выпускаемого Академией наук журнала «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», по его мнению, следовало выпускать «Экономические и физические сочинения» (Биллярский, 1865, стр. 392—393, 737).

Мы уже говорили о проектах больших экономических работ, связанных с проведением задуманных М. В. Ломоносовым мероприятий по исправлению атласа России 1745 г. К ним относились, в частности, проекты послышки экспедиций с широкой программой исследований и проекты сбора сведений из разных источников, в том числе и путем рассылки анкеты в губернии и провинции. Намереваясь использовать собираемые сведения для работы по составлению атласа России, М. В. Ломоносов хотел сочетать экономику с географией. Об этом говорят с полной определенностью термины «экономическая география» и «экономическая ландкарта», впервые примененные М. В. Ломоносовым в упомянутом выше перечне вопросов и получившие широкое распространение много лет спустя. Об этом же говорят его слова «о географии, соединенной с знанием государственной экономии» (там же, стр. 609).

Проект описания страны на основе ответов на анкету и других материалов является первой попыткой составить экономическую географию России.

Первоначально М. В. Ломоносов предлагал включить в анкету только 13 вопросов с целью получить сведения, необходимые для составления описания к атласу. Уже и в этой редакции в нее входили экономические вопросы общего характера: «Чего больше родится...?», «В каких ремеслах народ больше упражняется?», «Откуда больше и с какими товарами приезжают?» (Ломоносов, 1955, т. 9, стр. 195—196).

16 июля 1759 г. анкета была рассмотрена всеми академиками, и в нее были внесены добавления и некоторые исправления. Ознакомившись с ними, М. В. Ломоносов разработал окончательную редакцию анкеты, включив в нее 30 вопросов (там же, стр. 199—205)⁴⁴. В такой редакции круг вопросов был значительно шире того, который был необходим для исправления атласа. Анкета была отпечатана в январе 1760 г. в 600 экземплярах и затем вместе с указом Сената разослана по губерниям и провинциям.

Отраженная в этой анкете направленность интересов М. В. Ломоносова обрисовывается особенно ясно при сравнении анкеты с программой описания России, намеченной И. К. Кириловым в 1732 г., и с анкетой В. Н. Татищева, составленной в 1737 г. В программе И. К. Кирилова преобладает интерес к истории и административным вопросам, а анкета В. Н. Татищева была рассчитана на то, чтобы собрать материал для всестороннего изучения России, и экономика в ней стояла далеко не на первом месте. В анкете же М. В. Ломоносова явно преобладает интерес к экономическим вопросам, которые составляют половину (15) вопросов, перечисленных в анкете. Остальные вопросы касаются расположения городов и границ губерний (4 вопроса), физической географии (6 вопросов), истории и археологии (3 вопроса), национального состава населения по уездам (1 вопрос) и картографии (1 вопрос).

Ставя в своей анкете вопросы экономического характера, М. В. Ломоносов интересовался главным образом описательной характеристикой, он почти не требовал цифрового материала, но довольно полно затрагивал разные стороны хозяйственной жизни: промышленность, сельское хозяйство, промыслы, торговлю (не только городскую, но и сельскую), транспорт.

Как уже отмечалось, М. В. Ломоносов хотел использовать для составления экономической географии России материалы Сената, Синода и Камер-коллегии, сведения, сообщавшиеся офицерами, участвовавшими в «ревизиях» (переписи населения, подлежащего подушному обложению), а также материалы экспедиций, которые он предлагал организовать.

В обстановке, создавшейся в Академии наук, выполнение работы задержалось. Уже через 11 месяцев после рассылки анкеты в губернии Г. Миллер добился в Сенате решения о посылке другой анкеты, в которой многие из 30 вопросов были изложены в новой, иногда заметно расширенной редакции. Ответы предлагалось направлять в Сухопутный кадетский шляхетный корпус. Если целью первой анкеты Сенат считал «сочинение нового исправнейшего Российского атласа», то и об анкете Г. Миллера в сопроводившем ее указе было сказано, что она «требуется к сочинению географического описания Российского государства» (Бакмейстер, 1771, указы).

По мнению Б. Д. Грекова (1929, стр. 45—46), изучавшего обе анкеты, редакция Г. Миллера (Бакмейстер, 1771) обстоятельнее академической, с чем нельзя не согласиться. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что изменение редакции вопросов вело к их усложнению. Так, например, в дополнение к 21-му вопросу анкеты Академии наук: «Каких родов хлеба сеются больше, плодovitо ль выходят, рассуждая общую перед посеянным прибыль?» Г. Миллер запрашивает: «За употреблением обывателей остающийся хлеб куды и в каком множестве, откуда именно, каким путем и в какое время на продажу возят?» Таким образом, ответ на этот вопрос в расширенной редакции должен был включать и количественные показатели. К очень простому 13-му вопросу: «У рек, по коим есть судовой ход, на которой руке, вниз считая, лежит нагорная сторона и на которой — луговая?» было сделано следующее добавление: «Где те реки имеют вершины и куда впадают, чрез какое протекают расстояние и какими местами?» Особенно большие добавления к 28-му вопросу об островах в Северном Ледовитом океане и к 30-му вопросу о народах, обитающих в различных уездах. Последний вопрос, собственно говоря, превратился в самостоятельную анкету, включающую почти 20 вопросов.

Поэтому понятно высказывание М. В. Ломоносова, что рассылка двух анкет «несколько сделало замешательство». Правда, по его же словам, к

началу 1763 г. было собрано уже четыре тома ответов, дававших на половину государства «обстоятельную топографию» (Ломоносов, 1955, т. 9, стр. 261—262). Но окончательный сбор ответов не был осуществлен и к 1769 г. (Бакмейстер, 1771). Обработка получаемого материала была очень сложна. Студент И. В. Аврамов, занимавшийся этими анкетами под руководством М. В. Ломоносова, не успел вплоть до смерти последнего сделать ничего существенного.

Впоследствии анкеты по Московской и Новгородской губерниям были по поручению Академии наук обработаны Л. Бакмейстером и изданы в 1771—1774 гг. Дальнейшую работу Л. Бакмейстер прекратил, так как к этому времени в Академии наук возникло намерение составить географическое описание России с привлечением материалов новых исследований (Андреев, 1950а, стр. 203).

В 80-х годах XVIII в. анкета М. В. Ломоносова была использована как программа для описания отдельных районов (Рубинштейн, 1953, стр. 43—44).

Другой экономико-географической работой, которую пришлось вести М. В. Ломоносову, было составление «Карты продуктов российских». Она была начата в 1763 г. не по его инициативе и была связана с попытками отстранить М. В. Ломоносова от руководства Географическим департаментом.

В 1763 г. положение М. В. Ломоносова в Академии наук было неопределенным. Указом Екатерины II от 2 мая он был отпущен в «вечный» отпуск с пожалованием чина статского советника. Хотя этот указ уже 13 мая был императрицей отменен, М. В. Ломоносов до 7 августа не посетил Канцелярии Академии наук (Ломоносов, 1955, т. 9, стр. 763—764). Во время его отсутствия И. Тауберт сообщил (14 июля 1763 г.) Канцелярии указ Екатерины II, согласно которому ему и Г. Миллеру поручалось составление под наблюдением Г. Н. Теплова «Карты продуктов Российских». Эта карта предназначалась для тех лиц, «которые уже в коммерции Российской обращаются», и для тех, «которые еще желают в оную вступить». Предлагалось составить столько карт, «сколько каких продуктов и прочего экономического в России родится или на фабриках и заводах делается» (Биллярский, 1865, стр. 605—606). Для выполнения этого поручения все другие работы, которые вел Географический департамент, в том числе и исправление атласа 1745 г., должны были быть прекращены.

Таким образом, М. В. Ломоносов фактически отстранялся от руководства Географическим департаментом, в чем и заключалась невысказанная цель указа. М. В. Ломоносов понял как цель, так и слабые места указа. В связи с этим он составил к указу примечания, в которых писал, что «краткое содержание сего указа есть сие: в Географическом департаменте оставить дело «Российского атласа», затем, чтобы делать «Российский атлас». Требование дать карты на всю продукцию, т. е. «чесночную, лапотную, рогожную, мыльную, кожевенную, хомутинную и другие, сим подобные», он считал невыполнимым (Ломоносов, 1955, т. 9, стр. 285, 288). К тому же по указу следовало ежегодно составлять новые карты. Примечания М. В. Ломоносова остались в его архиве, хотя есть основания предполагать, что он хотел их кому-то представить.

Дело окончилось так же поспешно, как и началось. Уже 4 августа 1763 г. тот же И. Тауберт сообщил Канцелярии новый указ, согласно которому составление этих карт поручалось М. В. Ломоносову.

М. В. Ломоносов не хотел прерывать работу по описанию России и предложил составить, вместо карт, «Экономический лексикон российских

продуктов», в котором были бы приведены по алфавиту все «продукты» с указанием их качества, количества, продажной цены и мест производства и сбыта. Эти пункты следовало нанести на карты, которых надо, по его мнению, составить всего две — России и Сибири (там же, стр. 295—296). Осуществление этого проекта не требовало привлечения геодезистов и граверов для составления и изготовления карт, и работа по исправлению атласа 1745 г. могла бы продолжаться.

Начав работу по составлению лексикона, М. В. Ломоносов затребовал сведения о производстве и сбыте товаров. Результаты работ неизвестны. По-видимому, они затянулись, так как 9 ноября и 9 декабря 1764 г. М. В. Ломоносов давал распоряжение Канцелярии Академии наук о повторном затребовании сведений от Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии (там же, стр. 766).

Работы по исследованию Арктики

Развитие физико-географических представлений⁴⁵ в рассматриваемый нами период связано с деятельностью Академии наук и прежде всего с именем М. В. Ломоносова.

Способность М. В. Ломоносова проникать в явления природы, которая позволила ему совершить великие открытия в области химии и физики, проявилась также и в решении различных геологических и географических вопросов.

В этой области М. В. Ломоносов дал глубокие обобщения, намного опередившие его время. К этому кругу вопросов относится и его работа, посвященная исследованию Арктики.

Помор по происхождению, М. В. Ломоносов с детства знал многое о Северном Ледовитом океане, об островах, расположенных в нем, и об условиях плавания в его водах. В своих трудах он часто возвращался к описанию и исследованию суровой природы этих районов. Впечатления, полученные им в молодые годы, отразились в рассуждениях о добыче соли, о северных сияниях, следах существовавшего ранее моря, морских льдах, проходе Северным Ледовитым океаном в Тихий и т. д.⁴⁶ М. В. Ломоносов высоко ценил и охотно использовал вековой опыт поморов, плававших в высоких широтах. Можно предполагать, что мысли и наблюдения Амоса Корнилова, старого помора, вызванного в Петербург для участия в подготовке экспедиции В. Я. Чичагова, отправленной в 1765 г. с заданием исследовать проход в Тихий океан западнее Шпицбергена, оказали известное влияние на работы М. В. Ломоносова по исследованию Арктики.

Проведенные государством крупные мероприятия по исследованию морского пути у берегов Азиатского материка сулили большие возможности для этого сурового края. М. В. Ломоносов неоднократно возвращался к мысли об использовании этого пути⁴⁷.

20 сентября 1763 г. М. В. Ломоносов представил великому князю Павлу Петровичу большую докладную записку, названную «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», в которой подробно обосновывал возможность плавания из Северного Ледовитого океана в Тихий и предлагал послать экспедицию для исследования этого пути (Ломоносов, 1952, т. 6)⁴⁸.

В предисловии к этой докладной записке М. В. Ломоносов говорит, что хотя Россия и распространила свою власть до берегов Тихого океана и открыла в его водах новые земли, но в освоении последних, так же как и

в развитии торговли с восточными народами, успехов почти не достигнуто. «Все сии трудности прекращены быть могут морским северным ходом» (там же, стр. 422). Он указывает на преимущества этого пути по сравнению с плаванием вокруг мыса Доброй Надежды, совершаемым португальцами с целью достигнуть Ост-Индии. На севере нет резких смен климата, штилей, сменяющихся жестокими бурями, пиратов и т. д., не говоря уже о том, что северный путь в Индию гораздо короче южного.

В первой и второй главах своего труда М. В. Ломоносов рассматривает историю экспедиций в Ост-Индию «западно-северными морями», т. е. около берегов Америки через Гудзонов пролив, и «в северо-восточной стороне», т. е. морем вдоль северных азиатских берегов на восток. Он отвергает представления сторонников северо-западного прохода из Атлантического океана в Тихий о том, что путь до Тихого океана в западном направлении не так уж далек. Он утверждал, что сильные приливы у западных берегов Гудзонова пролива, а также соленость и прозрачность вод, которые, по мнению сторонников северо-западного прохода, служат доказательством близости Тихого океана, не могут служить доводами, и, в частности, указывал, что сильные приливы свойственны скорее узким проливам, чем открытым водам. Он считал, что северо-западный проход «невозможен, или хотя и есть, да тесен, труден, бесполезен и всегда опасен» (там же, стр. 440—442).

История подтвердила предположения М. В. Ломоносова, поскольку впервые этим путем прошел только Р. Амундсен на судне «Иоа» в 1903—1905 гг.

Касаясь плавания в восточном направлении, М. В. Ломоносов, рассказав о неудачах голландцев (В. Баренц), добавляет: «Однако из того не следует, чтобы их походами всему рачению и мужеству человеческому был предел положен. Явствует противное из неутомимых трудов нашего народа». Подчеркивая роль именно парода, он говорит, что расширение владений России на восток было произведено «больше частными поисками, нежели государственными силами» (там же, стр. 448).

По мнению М. В. Ломоносова, походы С. И. Дежнева, «морских офицеров» (Второй Камчатской экспедиции) и плавание В. Беринга в 1728 г. доказали, что Северный Ледовитый океан соединяется с Атлантическим и Тихим океанами и что Азия отделена от Северной Америки проливом. Но о северном берегу Америки ничего неизвестно, «кроме некоторого чаемого острова против Ленских и других устьев», о существовании которого мнения противоречивы (там же, стр. 451—452). Он был изображен на картах А. Ф. Шестакова, Ф. Бюаша и И. Делиля. М. В. Ломоносов также нанес его на своей циркумполярной карте, сделав пометку: «сомнительный». В тексте (стр. 455) М. В. Ломоносов говорит, что за островом он нанес и «матерую землю».

Наиболее интересна 3-я глава докладной записки «О возможности мореплавания Сибирским океаном в Ост-Индию, признаваемые по натуральным обстоятельствам». Богатство и смелость высказанных в ней идей, обилие привлеченного материала и поразительная правильность многих обобщений и догадок заставили П. А. Кропоткина (1871, стр. 80) более чем через 100 лет сказать, что открытие такой рукописи составило бы эпоху во всякой литературе.

Приступая к изучению природы Арктики, М. В. Ломоносов почти не располагал фактами, которые были бы уже изучены другими учеными. Работая над этой темой, он вынужден был в значительной мере опираться на собственный опыт плавания в Северном Ледовитом океане, свое знание этой территории и опыт поморов.

М. В. Ломоносов (1952, т. 6, стр. 457) полагал, что главным препятствием для плаваний в Северном Ледовитом океане «считается стужа, а паче оныя лед от ней же происходящий». Но, по его мнению, представления о низких температурах в Арктике были преувеличены. Доказывая это, он опирался на утверждение, что океан «умеряет холод». Его объяснение этого явления, если и не вполне точно, то все же содержит правильную мысль: «Когда студеный зимний воздух поверхность океана знобит морозами, тогда верхняя вода становится студенее исподней, следовательно, пропорционально тяжелее, от чего по гидростатическим законам по разной тягости верхняя ко дну опускается, нижняя встает кверху, припятую теплоту от талого дна с собою возводит и оную лежащему на морской поверхности воздуха сообщает» (там же, стр. 459). Для иллюстрации своей мысли о влиянии океана на климат он приводит исключительно низкие температуры в удаленных от моря Иркутске и Нерчинске.

Однако его другие соображения по этому вопросу неправильны и приводят к преувеличенному представлению о количестве тепла, которое получают полярные страны. По его представлению, большую роль в нагревании океана играет теплота дна и то обстоятельство, что «лучи солнечные летом непонятною скоростью глубины досягают» (там же, стр. 458), с чем нельзя согласиться. М. В. Ломоносов не учитывал также того, что в полярных странах огромное количество солнечного тепла расходуется на таяние снега и льда, вследствие чего даже воздух нагревается там летом мало. В результате он пришел к представлению о существовании в высоких широтах открытого моря, действующего умеряюще на температуру воздуха, что было его наиболее крупной ошибкой (Анучин, 1912, стр. 109). Как на одно из доказательств он указывал на северное сияние, возникающее, как он считал, от восходящих токов теплого воздуха, источником которых должно быть открытое море. Резюмируя, он утверждал: «По всему сему рассудить должно, что далее к северу открытому морю быть должно, не токмо летом, но, иногда, и зимою» (Ломоносов, 1952, т. 6, стр. 462).

Затем он переходит к рассмотрению роли льдов. Вопросом об образовании и типах М. В. Ломоносов серьезно занимался еще в 1761 г. и подробно осветил его в трактате «Рассуждение о происхождении ледяных гор в северных морях», представленном в Шведскую Академию наук (там же, 1952, т. 3, стр. 454—459). В «Кратком описании разных путешествий...» он повторяет основные идеи, изложенные в этой работе. М. В. Ломоносов подразделяет льды на: 1) «мелкое сало» («ночмерижа»); 2) «горы нерегулярной фигуры, которые глубиною в воде ходят от 30-ти до 50-ти сажень, выше воды стоят на десять и больше» («падун»); 3) «стамухи», или ледяные поля, «кои нередко на несколько верст простираются». Он отмечает различное происхождение этих типов льда; льды первого типа образуются на море; второго — возникают из береговых льдов; третьего — образуются в устьях рек. «Стамух», возникающих ежегодно, должно быть намного больше, чем «падуна», нарастающего в течение ряда лет (там же, 1952, т. 6, стр. 463—465).

Классификация льдов М. В. Ломоносова в основном соответствует современной (морские, ледниковые и речные льды) и для своего времени она представляла большой шаг вперед; современникам М. В. Ломоносова его мысль об образовании льда в море казалась совершенно неожиданной (Вернадский, 1901, стр. 31). К сожалению, отдавая дань своему времени, он отводил слишком большое место в образовании морского ледяного покрова речным льдам, которые, как он ошибочно предполагал, исчезают в том же году, сменяясь новыми. Такой взгляд заставил его в дальнейшем

изложении преуменьшить общее количество льда в Северном Ледовитом океане.

Он исследует течения, «которым по большей части великие льды последуют», что и вызывает их скопления. С большой проницательностью М. В. Ломоносов отметил движение воды в Северном Ледовитом океане с востока на запад. По мнению некоторых исследователей, М. В. Ломоносов лишь случайно сделал этот правильный вывод, основываясь на неправильном общем представлении о движении воды в океанах преимущественно с востока на запад (Берг, 1940а, стр. 722). Но М. В. Ломоносов, кроме общих соображений, приводит убедительные конкретные факты, подтверждающие его гипотезу. Он говорит, что «движение вод в соединенном с ним (Северным Ледовитым океаном.— В. Г.) Нормандском и Атлантическом океане есть неложный свидетель, которое уверяет, что нельзя бы тамошним водам было простираться течением на запад, если бы на их место другие воды от востока, то-есть из Ледовитого моря не наступали» (Ломоносов, 1952, т. 6, стр. 466).

М. В. Ломоносов пришел к выводу, что за северным полюсом должно быть большое море, так как около Шпицбергена, особенно между ним и Гренландией, существует течение к северу. Наряду с этим верным выводом он ошибочно полагал, что около полюса есть «немалый остров» или архипелаг, за которым лежит северное побережье Северной Америки (там же, стр. 467—469)⁴⁹.

Наконец, для изучения возможного образования льда ему нужно было составить представление и о берегах Северной Америки, о которых ничего не было известно. Не имея материалов, М. В. Ломоносов в этом вопросе прибегал к рассмотрению географических гомологий⁵⁰. Он говорил, что, «рассматривая весь шар земной, не без удивления видим в море и в суше некоторое аналогическое, взаимно соответствующее положение, якобы нарочным смотрением и распоряжком учрежденное» (там же, стр. 470). Используя эти наблюдения, М. В. Ломоносов сделал довольно правильное заключение, что «северный американский берег Ледовитого моря протянулся вогнутою излучиною так, что северную полярную точку кругом обходит и в ширине имеет пространство около полутретьих тысяч верст» (2500 верст). Северный Ледовитый океан имеет «вид несколько овальный» (там же, стр. 471). Что касается образования льдов у американского берега, где, по его мнению, рек меньше и вода солонее, то там лед образуется во много меньшем количестве, чем у берегов Азиатского материка (там же, стр. 474)⁵¹.

Подсчитывая общее количество льда в Северном Ледовитом океане, М. В. Ломоносов сильно занижил его и пришел к выводу, что площадь воды относится к площади льда как 10 : 1 (там же, стр. 477)⁵².

Заключив исследование, М. В. Ломоносов приходит к выводу, что верстах в 500—700 от берегов океан летом достаточно свободен от льдов и что «самый лучший проход упователен мимо восточно-северного конца Новой Земли к Чукотскому носу, сперва пусться в норд-ост, потом склоняясь к осту и зюду-осту, как следует держась дуги величайшего на сфере земного круга», но возможен также «проход между Гренландиею и Шпицбергенном, в некотором отдалении от берегов Северной Америки для меньшего множества льдов, как выше означено, который путь, хотя и отдаленнее, однако тем кажется быть способнее, ежели, как чаятельно, тамошний океан обращаясь около полюса, способен будет течением в пути к Чукотскому носу» (там же, стр. 482—483).

В последних двух главах М. В. Ломоносов пишет о судах, подборе людей, необходимом оборудовании и инструментах. Говоря о признаках,

свидетельствующих о близости земли и о предосторожностях, которые следует соблюдать во время плавания, он обнаруживал большое знание практики мореходства.

Экспедиция в случае ее осуществления должна была бы добиваться достижения как научных, так и практических целей, производить, где можно, астрономические наблюдения и составлять описи; ей надлежало обследовать берега северо-западной Америки, везде искать рыбные и звериные промысла и места, где можно ставить зимовья, а также «чинить физические опыты» по программе, которую дал бы М. В. Ломоносов. Эти задачи были впоследствии развиты в «Примерной инструкции морским командующим офицерам». М. В. Ломоносов указывал также на важное военное и оборонное значение экспедиции.

Таково содержание «Краткого описания разных путешествий».

Если М. В. Ломоносов и допускал некоторые ошибки, то не следует забывать, что Арктика медленно открывала свои тайны.

Вот что говорил, например, в 1871 г. П. А. Кропоткин в докладе, составленном им при содействии А. И. Воейкова, М. А. Рыкачева и других ученых о состоянии знаний о северных районах: «Про материк, который, по словам туземцев, лежит на с. от Шелагского мыса, южный мыс которого в ясные дни виднеется с мыса Якана и существование которого так горячо доказывал Ломоносов, мы знаем только, что он действительно существует, и южный его берег, простирающийся в 140 верстах от берегов Сибири, мы наносим на картах лишь по немногим пеленгам, взятым Лонгом... Затем пространство, лежащее к с. от линии, проведенной через северную оконечность Новой Земли, Ново-Сибирские острова и южные берега Врангелевой Земли (так назвал Лонг открытый им материк), остается нам также неизвестным, как и скрытая от нас часть поверхности луны и во всяком случае менее, чем поверхности ближайших к нам планет. Мы не можем сказать даже, что ожидает мореплавателя уже в незначительном расстоянии от сибирских берегов: открытое море, сплошные льды или неизвестный материк» (Кропоткин, 1871, стр. 4—5).

Идея М. В. Ломоносова о свободном ото льда море в высоких широтах в течение многих лет встречала поддержку других ученых. Так, например, А. И. Воейков 18 декабря 1870 г. на заседании отделения математической и физической географии Русского географического общества высказал мнение, что к северу от Сибири надо искать незамерзающее море, так как, судя по направлению ветров в Сибири, на севере находится район низкого давления. По мнению А. И. Воейкова, это было обусловлено тем, что воды Гольфстрима проникают к востоку от Новой Земли (Воейков, 1871, стр. 167—168). О свободном ото льда море летом в высоких широтах писал в 1901 г. и Д. И. Менделеев, развивавший в проекте об исследовании Северного Ледовитого океана идеи о возможности морских торговых выходов на севере России, близкие к идеям М. В. Ломоносова (Карпатов, 1937, стр. 73—74). Уже в наше время американский гидролог Харрис настаивал на том, что в полярном бассейне между полюсом и Аляской должна находиться обширная суша (Берг, 1940а, стр. 722).

К «Краткому описанию разных путешествий...» была приложена карта (рис. 55) окружающих Северный полюс стран и морей, которая на юге ограничена широтой, проходящей около мыса Лопатки на Камчатке (Ломоносов, 1952, т. 6, стр. 424)⁵³. Против северного берега Азии нанесен пунктиром «чаятельный берег Северной Америки», который расположен заметно ближе к полюсу, чем северный берег Азии. Пунктиром же показаны восточный (к востоку от Новой Земли) и западный (к западу от Шпицбергена) пути «в Индию», которые М. В. Ломоносов считал возмож-

ными. Показан также путь португальца Д. Мельгера, якобы прошедшего в 1660 г. из Японии в Португалию через Северный Ледовитый океан. Этот путь М. В. Ломоносов нанес по описанию французского географа В. Бюаша (Buache, 1753, стр. 138).

В 1764 г. М. В. Ломоносов, по-видимому, пересоставлял эту карту в связи с присланными сибирским губернатором Д. И. Чичериным сообщениями об экспедиции С. Г. Глотова к островам Умнак и Уналашка и чертежами Алеутских островов⁵⁴.

Эта вторая циркумполярная карта М. В. Ломоносова пока не найдена. В. А. Перевалов (1949, стр. 379—380) предполагает, что она была составлена в полярной проекции, а в 1765 г. переделана геодезистом В. Красильниковым в меркаторскую карту. Его предположение едва ли правильно, так как М. В. Ломоносов, исправляя свою первую карту, полагал, что «лесной остров (Аляска.— В. Г.) лежит на половине дороги, предприемлемой от Шпицбергена на Камчатку» и что промышленники плавали не на северо-восток, как они считали, а (с учетом склонения компаса) на восток-северо-восток (Ломоносов, 1952, т. 6, стр. 510—511). Ни то, ни другое на карте В. Красильникова, опубликованной В. А. Переваловым, не отражено. Поэтому, надо полагать, М. В. Ломоносов не был ее составителем.

Учитывая новые обстоятельства, выяснившиеся после того, как «Краткое описание разных путешествий...» было рассмотрено в правительственных учреждениях, М. В. Ломоносов внес в свою работу поправки и дополнения, изложенные в «Прибавлении о северном мореплавании на восток по Сибирскому океану» и в «Прибавлении втором, сочиненном по новым известиям промышленников из островов американских и по выспросу компанейщиков, тобольского купца Ильи Снигирева и вологодского купца Ивана Буренина».

В первом «Прибавлении», написанном в марте 1764 г. под впечатлением опроса четырех поморов в «Морской Российской флотов и Адмиралтейского правления комиссии» (Пекарский, 1873 г., стр. 805)⁵⁵, М. В. Ломоносов отказался от принятого им варианта пути мимо Новой Земли и остановился на втором варианте «от западного Грумантского берегу». В «Прибавлении втором...», появившемся в апреле того же года в связи с известиями о походе С. Г. Глотова, М. В. Ломоносов предложил ускорить отправку экспедиции, потому что с июня Юпитер, наблюдением спутников которого пользовались для определения положения места, не будет виден за Полярным кругом (Ломоносов, 1952, т. 6, стр. 513—514). К этому «Прибавлению...» была приложена упомянутая исправленная карта.

Против посылки экспедиции раздавались голоса очень авторитетных людей. Ф. И. Соймонов, например, в отзыве на проект М. В. Ломоносова, присланный ему Екатериной II, писал, что «достигнуть до полюса совершенно невозможно за твердо стоящими льдами... Промышленники, отправлявшиеся с устья Индигирки и Шалацкого носа, достигли до широты 80°, но и там находили льды еще крупнейшие» (Берх, 1828, стр. 290). Но мнение М. В. Ломоносова победило, чему немало способствовал доклад Д. И. Чичерина об открытиях промышленников.

4 мая 1764 г. Екатерина II издала указ об отправлении экспедиции П. К. Креницина и М. Д. Левашова для обследования «неизвестных островов», о которых сообщали промышленники (Перевалов, 1949, стр. 293), а 14 мая появился указ об организации второй экспедиции по проекту М. В. Ломоносова, во главе которой был поставлен В. Я. Чичагов. В этом указе было сказано: «Для пользы мореплавания и купечества на восток наших верных подданных за благо избрали мы учинить поиск морского проходу Северным океаном в Камчатку и далее» (там же, стр. 306). Путь

намечался западнее Шпицбергена. Кораблям В. Я. Чичагова должна была оказывать содействие экспедиция П. К. Креницына и М. Д. Левашова, имевшая секретную инструкцию искать суда В. Я. Чичагова на севере Алеутских островов, поскольку предполагалось, что Аляска и Уналашка,

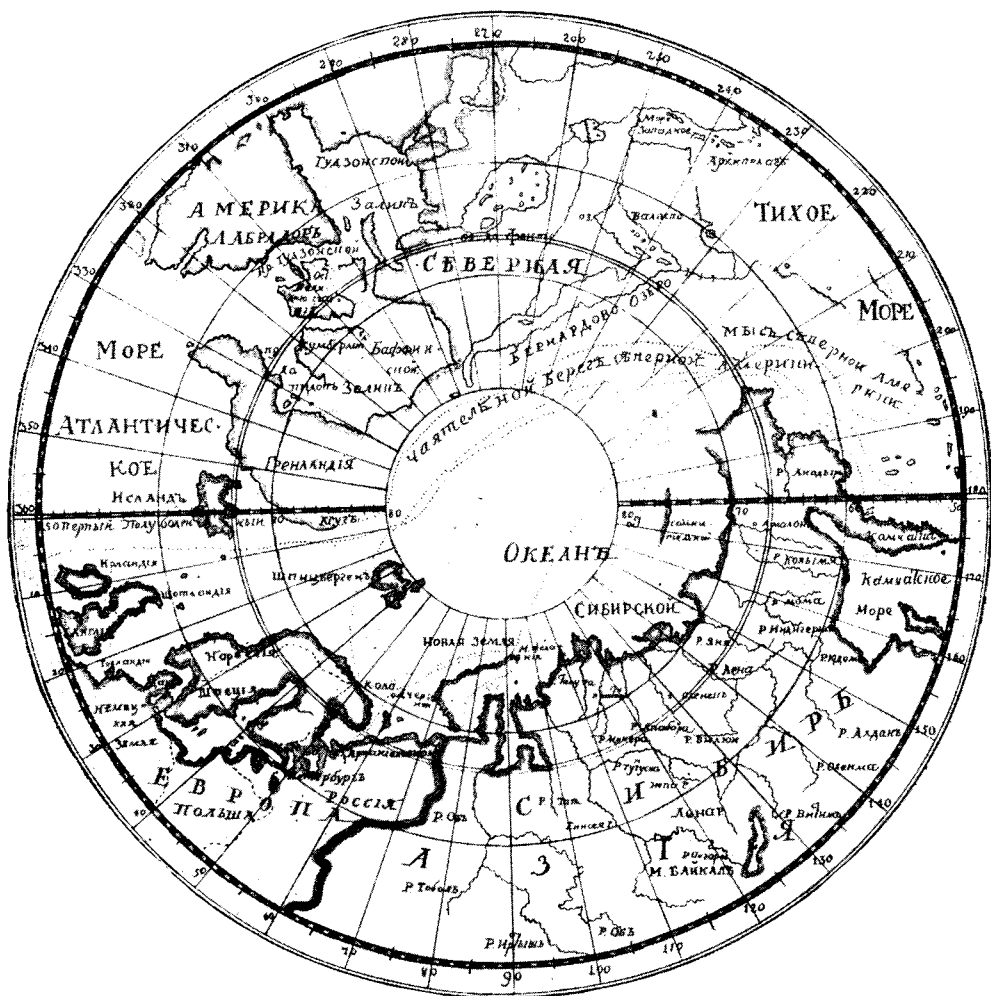

Рис. 55. Полярная карта, приложенная к рукописи М. В. Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». 1763 г. (Ломоносов, 1952, т. 6).

куда плыл П. К. Креницын, расположены на полпути от Шпицбергена к Камчатке.

Экспедиция В. Я. Чичагова в составе трех судов вышла из Екатерининской гавани (Кола) 9 мая 1765 г. (Соколов, 1847, стр. 245). М. В. Ломоносов принимал весьма близкое участие в подготовительных работах и часто присутствовал на заседаниях Адмиралтейств-коллегии, как это видно из подписанных им протоколов, опубликованных В. А. Переваловым (1949, стр. 469—477). Стремясь обеспечить успех экспедиции, он составил (в пе-

риод с июня 1764 г. до 4 марта 1765 г.) «Примерную инструкцию морским командующим офицерам...» (Ломоносов, 1952, т. 6, стр. 521—535).

Экспедиция В. Я. Чичагова 1765 г., а также экспедиция, повторно отправленная из Колы под его же командованием 19 мая 1766 г., достигла только 80°30' с. ш. Это понятно, так как в западном и северном направлениях от Шпицбергена находятся льды, с которыми трудно бороться даже современным мощным ледоколом.

М. В. Ломоносов продолжал изучать проблему Северного морского пути до конца своей жизни, о чем говорят не только оба «Прибавления», но и письмо от 22 октября 1764 г. к И. Г. Чернышеву, в котором он просил организовать «всевозможные изыскания новейших известий» от офицеров, вернувшихся со Шпицбергена, от людей из команды Ф. Плениснера и промысловиков. (Берх, 1828, стр. 296).

Идеи М. В. Ломоносова о геологических явлениях и их значение для географии⁵⁶

Важнейшее значение для географической науки имели глубокие идеи и обобщения М. В. Ломоносова, дававшие правильную материалистическую концепцию геологических и геофизических явлений, высказанные в период, когда изучение этих отраслей науки едва начиналось. Из его работ, посвященных исследованию геологических явлений, для географической науки наиболее важны «Слово о рождении металлов от трясения земли», опубликованное в 1757 г., и выпущенный в свет в 1763 г. трактат «О слоях земных», представляющий второе прибавление к «Первым основаниям металлургии или рудных дел», вышедшим в том же году⁵⁷. В этих трудах М. В. Ломоносов рассматривает основные проблемы геологической науки, исследует природу вулканизма, занимается вопросами происхождения рудных месторождений. Он освещает также процессы, определяющие изменение земной поверхности.

В конце XVII — начале XVIII в. в представлениях о происхождении Земли еще были сильны средневековые предрассудки и метафизические идеи. Некоторые ученые, особенно англичане Барнет, Вудворд и Уистон, стремились построить историю Земли в соответствии с библейским рассказом о сотворении мира, а Ж. Бюффону пришлось подтвердить в печати свое согласие с этим мифом. Была широко распространена поддерживавшаяся церковью теория дилювианистов, признававших достоверным всемирный потоп. Влияние потопа учитывали в своих трудах такие выдающиеся ученые, как англичане Р. Гук и Д. Рей, итальянец А. Моро. Период существования Земли ограничивался шестью тысячами лет, которые, согласно библии, протекли с сотворения мира. С этим сроком во второй половине XVIII в. считался один из крупных геологов, глава школы плутонистов Д. Геттон (Zittel, 1899, стр. 24, 39—40; Павлов, 1912, стр. 78, 87—89).

Выдающиеся для того времени гипотезы Декарта, Лейбница и Бюффона, рассматривавшие историю Земли, были основаны на скудных научных данных и включали много произвольного.

Были распространены предположения, что ископаемые растения и животные появились или в результате всемирного потопа или образовались из камней, в силу свойства последних принимать разные формы. Возникли теории всемирных катастроф, наиболее разработанное завершение которых дал в начале XIX в. Ж. Кювье.

Уровень необходимых для геологических построений знаний в других областях наук также был недостаточен. Например, предполагалось, что

металлы представляют собой тела, состоящие из горячей материи (флогистона) и кислой материи; калий не отличали от натрия и т. д. (Вернадский, 1901, стр. 29).

В сопоставлении с этими представлениями идеи М. В. Ломоносова поражают правильным пониманием явлений. Он дал верные общие установки, указав на изменчивость всего существующего, длительность геологических процессов, начавшихся в глубокой древности, и необходимость их научного исследования. «Во-первых, твердо помнить должно, что видимые телесные на земли вещи и весь мир не в таком состоянии были с начала от создания, как ныне находим, но великие происходили в нем перемены». Он не был согласен с распространенным в то время мнением, что все видимое нами создано «творцом» и что поэтому природу не нужно исследовать. Процессы, в результате которых возник окружающий нас мир, не связаны с потопом и не укладываются в библейские сроки: «Такие перемены (поверхности Земли.— В. Г.) произошли на свете не за один раз, но случались в разные времена несчетным множеством крат и ныне происходят и едва ли когда перестанут». Отказываясь от сложных исследований и математических расчетов, которые предлагали некоторые ученые для определения времени сотворения мира, М. В. Ломоносов писал, «что по оному всех старшему летописцу (природе.— В. Г.) древность света больше выходит, нежели по оным трудным выкладкам» (Ломоносов, 1954, стр. 574, 587 и 618).

Отказавшись от теории катастроф, М. В. Ломоносов стал на позиции актуализма как естественного способа исследования геологических явлений и старался максимально использовать точные науки (Ломоносов, т. 5, 1954, стр. 574), чем резко отличается от более ранних авторов, касавшихся этих вопросов.

Предвосхищая современные нам воззрения, М. В. Ломоносов полагал, что формирование рельефа совершается под влиянием комплекса разных сил, которые он делит на две категории — внешние и внутренние. К внешним силам он относил воздействие сильных ветров, дождей, рек, морских волн, льдов, лесных пожаров, наводнений, а к внутренним — «одно землетрясение» (там же, стр. 564). Самым важным действующим началом он считал «подземный огонь» и показал несостоятельность распространенных в то время идей непунистов, считавших главным фактором формирования рельефа воду (там же, стр. 569). Ему была ясна идея о влиянии вулканизма на горообразование.

Важнейшее проявление силы «подземного огня» он видел в землетрясениях. Находясь под впечатлением сильных землетрясений 1745—1746 гг. в Перу и грандиозной катастрофы 1755 г. в Лиссабоне, он называл это явление «страшным и насильственным» и приписывал ему большую роль: «Все лицо земное исполнено явственными сего доказательствами» (там же, стр. 304).

По поводу этих явлений он высказал замечательные мысли. Давая им оценку, В. И. Вернадский (1901, стр. 20—21) писал, что ему неизвестны взгляды, высказанные раньше XIX в., которые можно было бы поставить наряду с этими немногими страницами М. В. Ломоносова.

Его классификация землетрясений не только правильно отражает их основные особенности, но и впервые устанавливает тип колебания земной поверхности во время землетрясений наподобие волн (Ломоносов, 1954, стр. 298, 300)⁵⁸. Предложенные им признаки для определения глубины очагов действия вулканизма, по мнению современных ученых, приемлемы и в настоящее время (Хабаров, 1954, стр. 708).

Кроме «страшных и насильственных» явлений, силы «подземного огня»

вызывают постепенные и мало заметные изменения, наблюдаемые только по их результатам. «Бывают еще гор унизения и повышения нечувствительные, течением времени». С тонкой наблюдательностью М. В. Ломоносов указывает их признаки: «Пустые щели, которыми пересеченные жилы в стороны содвинуты бывают, также промежки, которыми жилы от горы разделяются, из разной от обеих материй состоящие, ясно представляют, что они после произведения жил родились большим их расширением, когда земля еще ниже опустилась» (Ломоносов, 1954, стр. 332). Медленные вековые колебания земной поверхности имеют важные последствия, например приводят к затоплению суши водами морей и озер, «преступающих берегов своих пределы. Действие сих почти всегда соединено с земным трясением или с нечувствительным и долговременным земной поверхности поижением и повышением», которые в каких-либо других местах сопро-вождаются движениями суши в обратном направлении. Таким образом, М. В. Ломоносову были понятны явления трансгрессий и регрессий моря (там же, стр. 567, 580). Он рассматривал также образование осадков за счет ила, отлагающегося в водоемах (там же, стр. 595—596).

М. В. Ломоносов давал правильную ориентировку в вопросе о находках ископаемых морских раковин и скелетов животных и отвергал упомянутые выше неверные объяснения. Он говорил, что находки морских раковин в районах с высоким абсолютным уровнем доказывают, что эта территория была раньше морским дном (там же, стр. 577—580).

Изложенное выше, не охватывая полностью работ М. В. Ломоносова по геологии, дает представление о богатстве и значительности содержания его трудов.

М. В. Ломоносов обогатил географическую науку и геологию замечательными идеями и блестящими открытиями. Никто до него не давал обобщений знания о строении и истории Земли в стройную систему, в основу которой лежит мысль о взаимодействии явлений природы, постоянной изменчивости всего существующего и глубокой древности Земли.

В. И. Вернадский (1914, стр. 147—148), характеризуя значение работы М. В. Ломоносова «О слоях земных», пишет, что она «является во всей литературе XVIII в.—русской и иностранной—первым блестящим очерком геологической науки». Он отмечает, что М. В. Ломоносов ввел в научную работу идею о единстве геологического процесса и накопления во времени явлений, ныне совершающихся в земной коре. Сочинение Ломоносова «О слоях земных» по ясности и яркости проведения этой идеи является для XVIII в. исключительным.

Для географической науки работы М. В. Ломоносова, содержащие объяснение процессов, формирующих земную поверхность, горообразования и образования осадочных пород и т. д., имели не меньшее значение, чем для геологической.

Работы по изучению «явлений воздушных»

«Воздушным явлениям», к которым М. В. Ломоносов относил изменение погоды, ветры, образование атмосферного электричества и северное сияние, он уделял весьма большое внимание, называя их «лучшей частью натуральной науки» (Ломоносов, 1952, т. 3, стр. 25).

Его взгляд на значение атмосферы виден из следующих слов: «Что больше от всевышнего божества смертному дано и позволено быть может, как чтобы он перемены погод мог предвидеть, что подлинно претрудно и едва постижимо быть кажется». Но состояние этих знаний было, по его мнению, совершенно неудовлетворительно: «Многие главы натуральной

науки и в малейших частях весьма ясно истолкованы, но знание воздушного круга еще великою тьмою покрыто» (там же, стр. 23 и 25).

Работы М. В. Ломоносова в этой области имели большое значение для изучения строения атмосферы и совершающихся в ней процессов. Этим вопросам посвящены следующие работы: «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», «Изъяснения надлежащие к слову о электрических воздушных явлениях», «О морозе, случившемся после теплой погоды в апреле месяце сего 1762 г.» Кроме того, им уделено значительное место в статьях «О слоях земных» и «Рассуждение о большей точности морского пути». М. В. Ломоносов также наметил пути организации массовых метеорологических наблюдений.

Наиболее богата идеями о природе атмосферной оболочки и происходящих в ней явлениях работа «Слово о явлениях воздушных...» (1952, т. 3). Она была написана по поручению Академии наук, предложившей профессору Г. Рихману выступить на публичном заседании Академии наук 6 сентября 1753 г. с речью об электричестве, изложив свои наблюдения, а М. В. Ломоносову — изложить «теорию и пользу» его (Биллярский, 1865, стр. 206 и 244). Наблюдения, связанные, как писал М. В. Ломоносов, с «немалой опасностью» (там же, стр. 187), они проводили в 1752 г. с помощью имевшихся у каждого из них в доме специальных незаземленных электроизмерительных установок, изолированная металлическая стрела которых была выведена через крышу (История Академии наук СССР, 1958, стр. 206). В процессе исследований Г. Рихман пришел к выводу о тождестве электричества, возбуждаемого специальными приборами, и атмосферного электричества. Этим он подтвердил выводы Франклина, производившего ранее аналогичные эксперименты, о которых было сообщено в начале 1752 г. в «Санктпетербургских ведомостях» (Пекарский, 1870, стр. 703).

Выступить с речью Г. Рихману не пришлось, так как он погиб во время наблюдений 26 июля 1753 г. от молнии⁵⁹.

Разрабатывая в «Слове о явлениях воздушных...» теорию атмосферного электричества, М. В. Ломоносов изучал вертикальные воздушные токи. Идею о токах воздуха, возникающих вследствие неравномерного нагревания земной поверхности и атмосферы солнцем, высказал в 1686—1687 гг. английский астроном Э. Галлей, искавший объяснение пассатов и муссонов, уже хорошо известных морякам, плававшим в Америку и в Индию. Э. Галлей полагал, что эти ветры возникают в результате сильного нагревания, расширения и восходящего движения воздуха в тропическом поясе. В результате равновесие атмосферы нарушается, и на смену восходящему воздуху в тропический пояс устремляются из более холодных областей воздушные течения в виде постоянных ветров — пассатов. Наверху образуются противоположные течения — антипассаты («Mémoires originaux...», 1900, стр. 5). Его объяснение пассатов было уточнено в 1735—1736 гг. другим английским астрономом — Д. Гадлеем, который обратил внимание на отклонение пассатов от строго меридионального направления, объясняя его влиянием вращения Земли (там же, стр. 8).

М. В. Ломоносов, наверное, знал о трудах Д. Гадлея и Э. Галлея или каких-либо других работах, затрагивающих тему о вертикальных воздушных токах. Но, считая этот вопрос еще недостаточно исследованным, он писал, что о «движениях воздуха к горизонту перпендикулярных..., сколько мне известно, нет еще ясного и подробного познания или, по последней мере, толь обстоятельного истолкования, какого они достойны». Своей задачей он считал показать, что они, в отличие от горизонтальных токов воздуха, «не токмо гремящей на воздухе электрической силы, но и многих дру-

гих явлений в атмосфере и вне оной суть источник и начало» (Ломоносов, 1952, т. 3, стр. 33, 35).

Вопрос о вертикальных токах интересовал М. В. Ломоносова уже давно. В 1742—1744 гг. он описал воздушные течения, возникающие в подземных рудниках, и объяснил их причины (Ломоносов, 1950). В 1751 г. он докладывал Академии наук о возможности появления вертикальных токов воздуха при проникновении более холодных масс в теплую среду, ссылаясь на аналогию с движением воды, возникающим при добавлении холодной воды в горячую (Протоколы заседаний конференции Академии наук., 1899, стр. 255).

Совершенно оригинально разрабатывая вопрос, М. В. Ломоносов отмечает важную роль, которую играют вертикальные токи воздуха в метеорологических процессах; он показывает, что эти токи являются причиной грозных явлений, однако несколько преувеличивает их значение в возникновении холодов и даже приписывает им появление северных сияний.

В «Слове о явлениях воздушных...» дается подробное обоснование возникновения вертикальных воздушных токов, подтверждаемое как общими рассуждениями, так и расчетами, примерами и пояснениями разных природных явлений. М. В. Ломоносов исходит из того, что вследствие нагревания «нижняя атмосфера часто бывает реже и пропорционально легче, нежели верхняя. Сему состоянию воздуха, что воспоследовать должно, довольно явствует из аэрометрических правил и утверждается примерами» (Ломоносов, 1952, т. 3, стр. 43).

В доводах, которые приводит М. В. Ломоносов, некоторые положения не соответствуют уровню современных знаний, но вместе с тем он ясно выражает свою основную правильную мысль, что разность температур нижних теплых слоев воздуха и верхних — холодных — создает условия, при которых плотность верхних холодных слоев начинает превышать плотность нижних, хотя последние и подвергаются более высокому атмосферному давлению. «В сем состоянии по неизблемым естества законам, верхней части атмосферы должно опуститься в нижнюю и толь глубоко погрузиться, поколе, перемешавшись с теплым воздухом, в равновесии остановиться» (там же, стр. 45).

В подтверждение своей гипотезы он приводит примеры. Так, он говорит, что после полудня, когда приток солнечного тепла максимальный и нижние слои атмосферы сильно нагреваются, происходит наиболее интенсивное развитие грозных облаков (там же, стр. 53). Он полагал, что «в жаркие летние дни зыблется, по-видимому, земная поверхность не для другой какой причины, как от смешения восходящего теплого воздуха с погружающимся холодным» (там же, стр. 107).

Вертикальные токи воздуха развиваются, по представлению М. В. Ломоносова, даже на соседних участках какой-либо местности с различной интенсивностью, так как благодаря облакам и разнообразию рельефа земная поверхность нагревается неодинаково (там же, стр. 49). Эти высказывания М. В. Ломоносов пояснил прекрасно исполненным наглядным рисунком, изображающим движение восходящих токов воздуха.

Позднее в неопубликованной в то время работе «О морозе, случившемся после теплой погоды в апреле месяце сего 1762 года» М. В. Ломоносов пытался связать объяснения атмосферных явлений с представлением о структуре атмосферы. Он говорит, что естествоиспытатели подразделяют атмосферу «на три слоя — на нижний, средний и верхний» (там же, стр. 471). Пределы «трех слоев» в разные времена года различны. «Однако обще кладут, что два слоя нижние не простираются далее семи верст, а самый верхний предел атмосферы около семидесяти» (там же, стр. 473).

Вследствие отсутствия равновесия между нижним слоем, уплотняющимся в результате более сильного атмосферного давления, но вместе с тем расширяющимся под воздействием тепла, и верхним — «морозным», испытывающим меньшее давление, но уплотняющимся под воздействием низкой температуры, «рождаются в атмосфере разные перемены» (там же, стр. 475).

Вертикальные токи не только играют большую роль в переменах погоды, но, по мнению М. В. Ломоносова, являются также причиной возникновения атмосферного электричества, так как они вызывают трение различных частиц и особенно «жирных материй» (продукты гниения, горения, извержения вулканов).

Возникающее при этом атмосферное электричество поглощается каплями влаги, находящимися в воздухе. Концентрируясь в облака, бесчисленные капельки, общая поверхность которых огромна, создают мощные электрические заряды. Он утверждал, что эта теория возникновения атмосферного электричества создана им самим, и защищался от попыток навязать ему влияние В. Франклина (там же, стр. 103 и 147). С трудами В. Франклина до своей работы над «Словом о явлениях воздушных...» М. В. Ломоносов не был знаком и мог лишь знать об их существовании по упомянутой выше заметке в «Санктпетербургских ведомостях»⁶⁰.

Несмотря на то, что М. В. Ломоносов не мог учесть влияния факторов, известных в настоящее время, предложенная им теория явлений атмосферного электричества в своей принципиальной основе соответствует современным представлениям (Федоров, 1950, стр. 36).

В последние годы своей жизни М. В. Ломоносов предполагал подготовить труд о северном сиянии (в трех частях), который остался незаконченным и сохранился лишь план работы (Ломоносов, 1952, т. 3, стр. 483).

Впоследствии честь введения в науку представлений о восходящих токах воздуха приписывалась Соссюру, который описал их, основываясь на своих наблюдениях в Альпах. Это умаление заслуг М. В. Ломоносова отметил еще в 1851 г. М. Ф. Спасский (1951, стр. 296). Оно тем более досадно, что Соссюр, объясняя при помощи вертикально восходящих воздушных токов наблюдавшиеся им конкретные явления, не сделал обобщений, если не считать выказанного им предположения о возникновении электричества вследствие трения в поднимаемых вертикальными токами облаках, что совпадает с теорией М. В. Ломоносова (Saussure, 1779, стр. 241—242).

Как уже отмечалось, М. В. Ломоносов сознавал малую изученность метеорологических явлений, но причину этого он видел не в недостатке наблюдений, а в отсутствии обдуманной системы («инструментов, к сему делу изобретенных, несовершенство, обстоятельств разность, наблюдателей неравные рачения») (Ломоносов, 1952, т. 3, стр. 25).

М. В. Ломоносов представил на рассмотрение Академии наук два сконструированные им прибора — усовершенствованные анемометр и барометр (Протоколы заседаний конференций Академии наук..., 1899, стр. 183 и 418). Для исследования верхних слоев атмосферы он сконструировал «аэродинамическую машину», являющуюся прототипом современного геликоптера. Этот аппарат тяжелее воздуха поднимался с помощью крыльев, которые приводились в действие пружиной (там же, стр. 309). Впоследствии Д. И. Менделеев (1946, стр. 268) высоко оценил прозорливость М. В. Ломоносова, сказав: «Не мы с ним (М. А. Рыкачевым.— В. Г.) первые поняли необходимость и пользу такого изучения атмосферы. О нем раньше многих других думал Ломоносов».

М. В. Ломоносов считал также необходимой постановку массовых метеорологических наблюдений, которые, по его мнению, были бы особенно у-

пешны, если бы государства, интересующиеся развитием мореплавания, создали сеть «самопишущих метеорологических обсерваторий» (Ломоносов, 1955, т. 4, стр. 173). Эта идея службы погоды более чем на 20 лет опередила предложения А. Лавуазье и Ж. Борда (Хргиан, 1951, стр. 21). Впрочем, в менее определенной форме мысль о необходимости организации метеорологических наблюдений высказывалась ранее и другими русскими учеными (например, Г. Крафтом, см. ниже).

Останавливаясь в том же «Слове о явлениях воздушных...» на мысли, что море отдает зимой больше тепла, чем земля, М. В. Ломоносов развивал идею о море как о климатообразующем факторе и приводил примеры, доказывающие, что морские ветры смягчают зиму (в Петербурге, Архангельске, Охотске, Англии, на Камчатке).

Он понимал, что на климатические условия влияют и другие факторы: широта места и высота над уровнем моря. По поводу провинции Кито (Эквадор), расположенной на высоте около 2 верст над уровнем моря, он говорил, что она характеризуется умеренным климатом, как и Франция, хотя и расположена под экватором (Ломоносов, 1954, стр. 538). По его мнению, расстояние от уровня моря до снеговой линии по мере удаления от экватора уменьшается и за полярным кругом становится равным нулю (Ломоносов, 1952, т. 3, стр. 39). При малой изученности в то время вопроса о климате неудивительно, что М. В. Ломоносов, верно поняв и описав отдельные климатообразующие факторы, не всегда учитывал их взаимодействие. Так, например, сравнивая Москву с Петербургом, Тибет с Испанией, Неаполем и т. д., он упоминает только о высоте над уровнем моря и забывает о влиянии континентальности (Ломоносов, 1954, стр. 534—536).

М. В. Ломоносов имел представление о климатических зонах: тундрах, степях, пустынях (Ломоносов, 1954, стр. 540—541).

Величайшая ценность научных идей М. В. Ломоносова в настоящее время общепризнана. Русская географическая наука унаследовала от него последовательное материалистическое мировоззрение, идеи о взаимосвязи и изменчивости всех явлений природы. Физико-географические представления М. В. Ломоносова сыграли существенную роль в ее развитии. Для понимания значения М. В. Ломоносова как ученого много было сделано советскими исследователями. В течение 1950—1959 гг. закончено издание тщательно комментированного полного собрания сочинений М. В. Ломоносова, в которое вошли его произведения, письма, служебные документы.

Однако значение геологических, геофизических, физико-географических идей М. В. Ломоносова, намного опередивших свое время, приобрело широкое признание не сразу. Выше мы отметили, что «Краткое описание разных путешествий...» впервые было опубликовано в 1847 г. Только около середины XIX в. стала пользоваться заслуженной славой работа «О слоях земных» (История Академии наук СССР, 1958, стр. 232). Характерно, что в 1912 г. Д. Н. Анучин, высоко ставивший научный гений М. В. Ломоносова, писал, однако (стр. 120), что «география России не обогатилась его (М. В. Ломоносова.— В. Г.) трудами ничем существенным и прочным». Такие взгляды, как отметил А. А. Григорьев (1954, стр. 362), были основаны на господствовавшей в дореволюционное время недооценке русской науки и культуры и на неразработанности истории науки.

Примеры влияния идей М. В. Ломоносова можно указать во всех периодах развития русской науки.

В первом поколении ученых после М. В. Ломоносова, когда была жива память о нем, мы видим отражение его идей в трудах И. И. Лепехина (Фрадкин, 1953, стр. 146), М. А. Афонина (История Московского университета, 1955, стр. 56), Н. Я. Озерецковского и др. В первой половине

XIX в. труды М. В. Ломоносова по геологии и геофизике встречали высокую оценку в русском обществе (Муравьев, 1880, стр. 181—190; Вельтман, 1840, стр. 5) и горячо пропагандировались видными учеными (Перевощиков, 1831, 1848, 1865; Любимов, 1855). В более позднее время гениальные обобщения и догадки М. В. Ломоносова в области физической географии, как мы видели, сохраняли живое значение и использовались в трудах П. А. Кропоткина, А. И. Воейкова, М. А. Рыкачева.

Не перестают обращаться к изучению идей М. В. Ломоносова и советские географы.

ОРГАНИЗАЦИЯ АКАДЕМИЕЙ НАУК СИСТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ И ГИДРОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ И ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ «ТЕОРИИ ПОГОД»⁶¹

Первые попытки систематических наблюдений за переменами погоды в России относятся ко времени царя Алексея Михайловича, когда для этой цели использовались показания стражи, наряжавшейся в Кремль. Позднее метеорологические и гидрологические наблюдения велись вице-адмиралом К. Крюсом по личному указу Петра Первого. В записях К. Крюса сообщались в описательной форме сведения о направлении и силе ветра, осадках, температуре, туманах, уровне воды в Неве; каких-либо точных цифровых данных в этих записях нет (Хргиан, 1948, стр. 53). Известно, что они велись в период с мая по сентябрь 1722 г., продолжались ли наблюдения позднее, неизвестно. Рано были начаты и систематические наблюдения за сроками вскрытия р. Невы, непрерывный ряд которых сохранялся начиная с 1706 г. (Вскрытие и замерзание реки Невы в Санкт-Петербурге с 1706 по 1864 г., 1865).

В рассматриваемое нами время метеорологические и гидрологические наблюдения начали производиться с применением методов, выработанных точными науками, и при помощи приборов. Решающую роль в этом деле сыграла Академия наук.

Первый известный ряд метеорологических наблюдений при помощи приборов связан с именем английского пастора Т. Консетта, проводившего их в Петербурге с 24 декабря 1724 г. по 23 июня 1725 г. Они были опубликованы Дерхэмом (в «Philosophical Transactions»), который сравнивал климат России и Швеции (Хргиан, 1948, стр. 53).

В Академии наук систематические метеорологические и гидрологические наблюдения были начаты в 1725 г., как это показывает анонимный рукописный журнал, в котором приведены записи с 1 декабря этого года до конца июня 1732 г. (Leyst, 1887, стр. 233—234)⁶². Записи велись сначала на немецком, а потом на латинском языках. В них отмечались температура, атмосферное давление, направление и сила ветра, осадки, электрические явления, высота уровня и даты вскрытия и замерзания Невы.

В феврале 1726 г. метеорологические наблюдения начал проводить также профессор Академии наук Ф. Майер; после его смерти (в ноябре 1729 г.) они продолжались Г. Крафтом, который вел их до своего отъезда в 1744 г. за границу. С 1751 г. эту работу начал проводить И. Браун. Последний восстановил также, преимущественно по материалам «астрономических обсерваторий», отсутствовавшие данные за 1744—1747, 1749 и 1750 гг. (Braunius, 1758, стр. 429). Записи метеорологических наблюдений не сохранились, но Г. Крафт и И. Браун составили обзоры, опубликованные Академией наук в «Примечаниях на Ведомости» (1738) и в «Commentarii Academiae Scientiarum...» (1744, 1750, 1751 гг.). Эти обзоры содержали сведения о максимальном и минимальном атмосферном давлении, температуре по месяцам, количестве дней с осадками и о прибылях

и убыли воды в Неве. Большое внимание в них уделялось описанию северных сияний.

Г. Крафт в своей работе о метеорологических наблюдениях за 1726—1736 гг. указывал на необходимость регулярных наблюдений, которые проводились бы на всем земном шаре по одному методу и при помощи приборов. «Но понеже сие весьма великое есть предприятие, которого более желать, нежели уповать надобно, то более ничего иного не остается, только, чтоб охоту, время и способ к тому имеющим в том упражняться». Он полагал, что, изучая данные наблюдений за ряд лет в одном пункте, можно прийти «будто бы нечаянно» к некоторым «к достальным не непристойным правилам» (Крафт, 1738, стр. 264—265). Но попытка Г. Крафта дать на основе таких наблюдений обобщение свидетельствует о трудностях, с которыми сталкивается в области метеорологии исследователь, располагающий данными, относящимися к ограниченному числу пунктов. Например, не зная о снижении атмосферного давления, которое, как известно, наблюдается между 20—35 и 60—65° с. ш., Г. Крафт пришел к выводу, что его данные подтверждают непроверенное до тех пор мнение, высказанное в мемуарах Парижской Академии наук за 1705 г., о постоянном повышении ртути в барометре по мере движения «к северному полюсу» (там же, стр. 265). Ценность его работы заключалась, конечно, не в этих преждевременных обобщениях, а в публикации точных наблюдений, которые служили материалом для многих последующих исследований.

Наводнения в Петербурге послужили поводом для организации гидрологических наблюдений в Финском заливе и на Неве. В Кронштадте в течение длительного времени велись наблюдения за уровнем воды в Финском заливе при помощи футштока. Благодаря этим наблюдениям уже в 1752 г. удалось установить средний уровень (Leyst, 1887, стр. 131). Регулярные наблюдения за изменением уровня Мойки велись с 1749 по 1777 г. Э. Шретером (там же, стр. 247).

Кроме упомянутых выше систематических метеорологических и гидрологических наблюдений, в России в рассматриваемый период проводились и другие наблюдения в этой области, и дававшие непрерывных рядов. В первую очередь следует упомянуть о метеорологических наблюдениях И. Лерхе, который, начав заниматься ими еще в 1728 г. в Германии, продолжал их и по приезде в Россию вплоть до 1780 г. В России первые наблюдения он провел 8 августа 1731 г., когда еще был на корабле у о-ва Эзеля (о-в Сарема). В дальнейшем он вел их более чем в 20 пунктах во время всех своих разъездов, о которых говорилось выше.

В программу И. Лерхе входили не только метеорологические наблюдения. Кроме наблюдений за атмосферным давлением, силой ветра и облачностью, он наблюдал также за сроками вскрытия и замерзания рек и за фенологическими явлениями. Но эта программа не всегда осуществлялась полностью.

Е. Лейст (Leyst, 1887, стр. 240), характеризуя деятельность И. Лерхе, отмечает, что он много способствовал возможности изучения климата России. Его работы сохранились в архивах, и данные его наблюдений за температурой неоднократно использовались (см., например, Вильд, 1882, стр. 280—282 и приложение).

Большие начинания в области метеорологических исследований связаны с именем И. Гмелина. Наблюдения, которые он вел в Сибири в течение восьми лет в 19 пунктах во время участия во Второй Камчатской экспедиции, были обработаны и опубликованы И. Брауном (Braun, 1761, Braunius, 1767). Отмечая, что наблюдения, совершенные И. Гмелиным в пути, часто носили отрывочный характер, И. Браун сообщает, что в его работах

тем не менее можно найти много интересных сведений: например, описание явлений гало, которые нигде не бывают так часто, как в Сибири, и северных сияний (Braun, 1761, стр. 426, 490, 491).

Много метеорологических записей содержится также в журнале путешествия И. Гмелина по Волге в 1733 г. (Бергман, 1892, стр. 64). Наконец, как уже отмечалось выше, И. Гмелин занимался организацией метеорологических наблюдений в крупных городах Сибири⁶³.

Кроме перечисленных исследователей, метеорологическими наблюдениями занимались и другие ученые и любители. В Москве с 1749 г. вел наблюдения доктор И. Энгель, корреспондент Академии наук; в 1756 г. ими занимался почтди­ректор Пестель. В Петербурге вел наблюдения с 1749 г. Э. Шретер (Leyst, 1887, стр. 173 и 241). В Соликамске температурные наблюдения производил Демидов, итоги работ которого за 1751 г. были опубликованы Уотсоном в Англии в «Philosophical Transactions» (Watson, 1754 г., p. 108).

О значении первых точных записей, характеризующих климат стран Восточной Европы и Сибири, говорить не приходится. Значительная часть их была опубликована и они послужили, в частности, основой для попыток обобщений и создания тех или других теорий. Уровень знаний того времени исключал возможность создания разработанных концепций, всесторонне освещающих природу атмосферных явлений, но в трудах русских ученых того времени мы находим идеи, послужившие основой для последующего развития этой отрасли науки. В 1740 г. в «Примечаниях на Ведомости» появилась статья Г. Крафта «О исправном усматривании ветров», в которой он говорит о важности изучения возможности предсказания изменений атмосферных явлений, приносящих «туман, облака, росу, дождь, иней, снег, град, молнию и гром», и о необходимости организации для этой цели метеорологических наблюдений.

Г. Крафт полагал, что каждого, считающего, что наука о предсказаниях погоды «излишнее и бесполезное любопытство», следует «за безумного или ненавистника общего благополучия почитать» (стр. 305—306). Погоды, по его мнению, уже давно подразделены на две главные группы, из которых «одна содержит в себе постоянные, а другая переменные погоды. Первые делают, что летом всегда бывает тепло, а зимой холодно, а осенью и весной дождливо; от последних происходит то, что одно лето бывает теплее другого и что при одном времени года больше бывает грому, дождю, снегу и проч., нежели при другом» (стр. 314). В этой формулировке периодические изменения погоды по временам года противопоставляются непер­иодической изменчивости погоды; представление же о постоянном режиме погоды в данной местности, т. е. климате, отсутствует⁶⁴. Причиной перемен обеих групп погод Г. Крафт считал ветры (1740, стр. 314). Таким образом, в рассуждениях Г. Крафта при наличии представлений о роли циркуляции атмосферы, отсутствует такой фактор, как приход-расход лучистой энергии на земной поверхности и в атмосфере.

Движения же воздуха, по мнению Г. Крафта (1764, стр. 264), происходят от того, что он «в некоторых местах для разных причин теряет с окружающим равновесие»; к этим причинам он относил солнечное тепло, низкие температуры, испарения, которые «воздух отягачают, и, наконец, облака, «которые солнечные лучи удерживают от воздуха». Далее он говорит, что «ветры имеют разные свойства по разным странам, от которых приходят» (стр. 265).

Таким образом, Г. Крафт имел представление о различии воздушных масс в зависимости от места их происхождения.

В связи с чрезвычайными холодами, которые наблюдались в России и в Западной Европе в 1709 и 1740 гг., Г. Крафт собрал большой материал о температурах, отмеченных в эти годы в разных странах, а также литературные исторические сведения о подобных явлениях, и попытался, опираясь на этих данных, установить последовательность возникновения сильных холодов, чтобы, таким образом, предсказывать их заранее. Эта работа была опубликована в брошюре, посвященной описанию знаменитого Ледяного дома, построенного в 1740 г. для забавы императрицы Анны Ивановны (Крафт, 1744). Сведения о «безмерно студеном зимах» он собрал с 177 г. до н. э.; всего им упомянуто 18 случаев. Взяв за основу интервал между зимами 1709 и 1740 гг., Г. Крафт пытался доказать, что такие явления повторяются примерно через 30 лет (от 29 до 38). Эта работа интересна как один из первых опытов установления цикличности метеорологических явлений.

Попытки сформулировать причины изменения атмосферных явлений мы находим и у И. Брауна (1759). Он старался опираться на научные данные, но в его работе преобладают устаревшие понятия. Так, например, образование града летом объясняется, по его мнению, явлением «селитренных выдохновений», приводящих к понижению температуры (стр. 37). Находящиеся в воздухе «серные, масляные и соляные» частицы, загораясь под воздействием чрезмерного сжатия, смешивания солнечных лучей и атмосферного электричества, приводят к «блистаниям, молнии, грому, болидам, летающим змеям и др.» (стр. 43). По поводу изменений погоды И. Браун писал, что «предыдущие в воздухе перемены без сомнения причиною суть последующих перемен» в каждом данном месте (стр. 62). Таким образом, он игнорировал представление об атмосферной циркуляции.

Серьезное значение имели работы Ф. Эпинуса, в которых подчеркивалось влияние солнечного тепла на атмосферные явления. В его трудах, относящихся к 1759—1763 гг., получили дальнейшее развитие мысли М. В. Ломоносова о влиянии моря на температуру.

Ф. Эпинус (б/г, стр. 8) полагал, что «естьли что-нибудь к переменам состояния воздуха способствовать может, то оное без сомнения есть теплота и стужа». По его мнению (Эпинус, 1761, стр. 18), количество получаемого солнечного тепла определяется не только широтным положением того или иного пояса Земли, но и особенностями самой земной поверхности. Таким образом, в работах Ф. Эпинуса нашли отражение правильные представления о двух климатообразующих факторах — солнечной радиации и особенностях подстилающей поверхности. Однако Ф. Эпинус не учитывал роли третьего фактора — циркуляции атмосферы.

Из высказываний Ф. Эпинуса следует также, что он имел довольно ясное представление о различии континентального и морского климата. Так он писал: «Чем далее будешь входить в матерую землю к востоку, которая составляет, так называемый, старый мир, то стужа отчасу умножается, и так зима в Норвегии гораздо сноснее бывает, нежели в Швеции; а чем далее пойдешь к востоку, тем жесточае, так, что наконец в Восточной Сибири столь жестокая стужа господствует, что едва поверить можно. Вероятную сему причину полагал я в том, что поверхность моря за беспрестанным движением никогда не может так жестоко прохолодеть, как поверхность матерой земли» (Эпинус, 1764, стр. 273).

В его время было известно, что южное полушарие холоднее северного. Он отвергает распространенные попытки объяснить это явление тем, что, когда в южном полушарии бывает зима, то земля находится от солнца на 700 тыс. миль дальше, чем во время зимы в северном полушарии.

Он полагает, что связанная с этим потеря тепла в южном полушарии по сравнению с северным компенсировалась бы во время лета, так как при наступлении его в южном полушарии земля бывает на 700 тыс. миль ближе к солнцу, чем во время лета в северном полушарии. Ф. Эпинус предлагает объяснять это явление тем, что весна и лето в северном полушарии продолжительнее, чем в южном, на 7 дней. Но при этом он допускает возможность и других причин большего холода в южном полушарии, который, как можно предположить, мог бы зависеть и от того, что в местах около южного полюса, где мореплаватели еще не бывали, находится материк. Но это он оставлял «потомкам на рассмотрение» (Эпинус, 1761, стр. 15—16 и 19 и 20).

Придавая большое значение влиянию условий местности на распределение солнечного тепла и на климат, Ф. Эпинус полагал вместе с тем, что попытки предсказания погоды на основании более или менее длительных наблюдений в тех или других пунктах бесполезны. Он считал, что для изучения причины атмосферных явлений следовало бы создать сеть добросовестных наблюдателей, которые вели бы наблюдения по одной программе. Создать такую сеть на всем земном шаре невозможно, поэтому ее следовало бы организовать хотя бы на какой-либо обширной территории. Он находил, что особенно благоприятны условия для таких наблюдений в России (Эпинус, б/г, стр. 16).

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И УЧЕБНИКИ

Представление о географической литературе, появившейся в изучаемый период, будет неполным, если мы не рассмотрим журналы, возникновение которых было одной из характерных черт того времени, так как в результате реформ начала XVIII в. сильно расширился круг лиц, интересовавшихся политической жизнью и имевших научные и литературные запросы. Обстановка для издания журналов стала особенно благоприятна после организации Академии наук, которая привлекла из-за границы квалифицированных ученых и выдвинула русские таланты.

По замыслу Петра Первого Академия наук должна была не только быть научным учреждением, но и содействовать распространению знаний среди населения. Это выразилось, в частности, в том, что Академия наук состояла из научной части («совершенной академии»), а также из университета и гимназии, подготовлявших кадры преподавателей и распространявших образование (Куник, 1853, стр. VIII).

Одним из пунктов проекта устава Академии наук, составленного по поручению Петра Первого лейб-медиком Л. Блюментростом, предусматривалось, что «каждый академик обязан в своей науке добрых авторов, которые в иных государствах издаются, читать, и тако ему лехко будет, экстракт из оных сочинить. Сии экстракты с прочими изобретениями и рассуждениями имеют от Академии в назначенные времена в печать отданы быть» (там же, стр. XXXVII).

Академия наук выпускала на русском и немецком языках общеобразовательные и специальные периодические издания, а также делала попытки создать научный журнал на русском языке. Из лиц, принявших участие в выполнении этой задачи, следует упомянуть Г. Миллера; немалую роль играли также Г. Крафт, Ф. И. Соймонов, П. И. Рычков, Л. Эйлер, Г. Рихман, Ф. Эпинус и другие ученые.

Деятельность в этом направлении Академии наук началась вскоре же после ее открытия, когда в 1728 г. к ней перешло издание календарей-ме-

сяцесловов и первой русской газеты (МАН, 1890, стр. 110). Газета начала выходить по указу Петра Первого со 2 января 1703 г. и издавалась до 1711 г. в Москве, а затем то в Москве, то в Петербурге. Известно, что в 1704 г. газета называлась «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах» (Пекарский, 1862, т. 2, стр. 87 и 102). Академия наук сумела использовать оба эти издания (календари и газету) для распространения научно-популярных знаний.

Газета, как только ее стала издавать Академия наук, получила название «Санктпетербургские ведомости». Она выходила в 1728 г. еженедельно, а с 1729 г. два раза в неделю. К ней стали прилагаться бесплатно «Примечания», название которых за время их существования несколько раз менялось⁶⁵. Они выходили с 1728 г. по 21 октября 1742 г. с перерывом с апреля 1736 г. до начала 1738 г. (Берков, 1945, стр. 218). К каждому номеру газеты прилагался один выпуск «Примечаний» объемом в четыре страницы⁶⁶. «Примечания» имели в течение года сплошную нумерацию страниц. За год выходило 104 выпуска, или около 416 страниц.

Как видно из вкладного листка, обнаруженного П. Н. Берковым, одной из причин возникновения «Примечаний» была необходимость объяснять иностранные слова, появившиеся в печати после реформ начала XVIII в. (там же, стр. 215). Но во вступительной статье, напечатанной в первом выпуске за 1729 г., подчеркивается, что в «Примечаниях» будут комментироваться события и явления, упоминаемые в «Санктпетербургских ведомостях». Вместе с тем редакция «наперед себе выговаривает», что не будет приводить в примечаниях рассуждения на общие темы («резонеры»). «Сие есть нашему намерению противно, которое токмо туда склоняется, чтоб оными публичные ведомости нашим читателям толь лутче и вразумительнее изъяснять» (Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях на 1729 год, стр. 2).

С 1739 г. содержание «Примечаний» несколько изменилось. В них стали печататься статьи на философские темы, стихи и т. д. Таким образом, если формально «Примечания» и оставались приложением к газете, имевшим задачу ее комментировать, то по существу в последние годы своего существования это издание вполне могло считаться журналом.

С 1728 по 1734 г. подбором материала для газеты и «Примечаний» и редактированием этих изданий занимался Г. Миллер (МАН, 1890, стр. 110). Потом содержание «Примечаний» стало определяться на совещаниях у советника Канцелярии, где присутствовали академики, в том числе Д. Эйлер, И. Гмелин и юрист Бекенштейн (Куник, 1853, стр. XLI).

Наряду с описанием политических и военных событий, рассказами о выдающихся деятелях, сообщениями о церемониях, торжествах и т. д. большое место в «Примечаниях» занимали общеобразовательные статьи, в которых приводились сведения о странах и государствах или обсуждались вопросы из области астрономии, физики, географии и медицины.

Географии в виде описания путешествий и сообщений о природных явлениях в «Примечаниях» было отведено одно из первых мест, и в отношении распространения географических знаний в России этому изданию принадлежит почетная роль. Конечно, многие статьи, посвященные вопросам географии, покажутся теперь наивными и неверными, тем не менее они принесли в свое время большую пользу, так как в большинстве случаев освещали в популярной форме различные научные вопросы и давали понятие не только о предмете, но и об истории развития представлений, причем некоторые статьи были даже слишком обильно насыщены ссылками на древнюю и новую литературу. Сообщаемые в «Примечаниях» сведения

были тем более ценны, что получать научные книги из-за границы в то время было весьма затруднительно.

Авторы статей придерживались научного метода, опираясь на данные наблюдений и фактический материал и опровергая распространенные предрассудки. Статьи, написанные для «Примечаний», обычно было необходимо переводить, так как академики писали большей частью на немецком языке, и лицам, занимавшимся переводами, приходилось разрабатывать русскую научную терминологию (Берков, 1945, стр. 218)⁶⁷.

Чтобы дать представление о характере и значении статей по физической географии, печатавшихся в «Примечаниях», перечислим главнейшие из них. В статье «О земле» (1732) говорится о ее величине, вращении, расположении по отношению к солнцу. Автор пропагандирует взгляды Коперника, высказывать которые приходилось в то время с большой осторожностью, учитывая влияние духовенства. Это была первая статья на такую тему, написанная для широких слоев населения и развивавшая прогрессивные взгляды (Райков, 1947, стр. 252). В работе «О внешнем виде земли» (1738) разбирается вопрос о ее форме «совершенно круглой или продолговатой, с дыней сходной, или сжатой, апельсину подобной», причем отдается предпочтение последнему варианту.

Конечно, рассматривался и злободневный в то время вопрос о землетрясениях. В статье «Изъяснение о трясении земли» (1731) автор придерживался предположения, что «трясущая сила» является результатом «вскипания», происходящего при соединении разных веществ внутри земной коры («селитряных» и «серных» или сернистых и железистых соединений и т. д.), но приводит и другие мнения о причинах, вызывающих землетрясения. Обзору вулканов посвящена статья «О местах огонь из себя выбрасывающих» (1733).

К числу лучших статей по физической географии относится статья Г. Рихмана (Хабаков, 1950, стр. 89) «О достойных примечаниях переменах, которым поверхность земли от времени до времени подвержена бывает» (1739). Основная идея этого произведения выражена в словах, которыми оно начинается: «Подлинно, что всякая на свете вещь и каждое действие непостижимым нами порядком одно за другим идет и на всякое мгновение ока в другие обстоятельства переменяется. Хотя человек слабыми своими чувствами опых бывающих бесконечных перемен понять и приметить не может, однако же потом за подлинно уверяется, что в наималейшей части времени знатные перемены зделались» (Рихман, 1739, стр. 353—354).

Автор говорит далее, что эта всеобщая изменчивость «не только одне догадки, но и подлинныя важныя признаки о многих на земле бывших переменах есть». Он указывает, что рельеф земной поверхности разнообразен, и уже это обстоятельство является причиной его изменений, так как вызывает движение воды с высоких мест к низким; кроме того, «все тяжелые на покатых долинах лежащие тела тотчас скатиться принуждены, как скоро только они наружнею силою от соединения связанных с ними частей высоких мест отделятся». Причиной изменений являются также ветры и дожди. Но этим, конечно, говорит Г. Рихман, не исчерпываются силы, изменяющие рельеф Земли. Почти ежегодно мы читаем об огромных изменениях от «трясений», причиной которых «есть тот самый огонь, который из гор пламень испущающих выходит» (стр. 365).

Очень велики изменения, вызванные наводнениями, особенно великими «потопами» древности: «Ноевым, Огигским, Девкалионским». Свидетельством о бывших огромных наводнениях является обнаруживаемый в некоторых местах состав отложений.

Способствуют изменению рельефа и реки: «Славная в Египте река Нил почти ежегодно всю землю наводняет... и землю на всякой год от часу более возвышает... то и другие реки на разных местах учинили, особливо Гангес и Индус в Ост-Индии, Рона во Франции и река де ла Плата в Америке... Дон и другие реки от часу более разного рода нечистоты в Меотическое море наносят, отчего оно от часу мельче и к хождению судам неспособно бывает» (стр. 375—376). Так постепенно поднимается дно моря.

Море подмывает берега, и они обрушиваются. Так образуются проливы. Вместе с тем, в результате землетрясений, «целые острова в море сделаться могут, которые, ежели то правда к наполнению морского места также способствуют и то делают, что море по малу выше земли поднявшись разливаются». Г. Рихман высказывает предположение, что «сухие земли со временем морскою водою покрыты быть могут, так как уже многие потоплены, а в море новые острова и земли подлинно сделались и впредь произойти могут» (стр. 380, 382).

На ту же тему написана заметка «О полученных из земли разного роду морских раковинах и курioзных рыбьих костях» (1740). Затрагивалась в «Примечаниях» и тема «О происхождении рек» (1733).

Довольно много места уделено вопросам метеорологии. В статье «О ветрах» (1732) автор говорит о ветрах постоянных и переменных направлений и пытается объяснить причины их возникновения. Метеорологии посвящена и работа «О исправном усматривании ветров» (1740). В заметках «О громовой погоде» (1731) и «О молнии и громе» (1735) излагаются представления древних и новых писателей о причинах этих явлений, среди которых упоминается, что молния может возникать в нижних слоях воздуха от «самовозгорания там разных испарений, восходящих от земли». В 1733 г. была опубликована заметка «О дожде и росе», в 1738 г. «Описание наидостоинейших примечания погод и разных воздушных перемен, бывших здесь в С. Петербурге с 1726 до конца 1736 г.» Заслуживают внимания статьи «О инструментах, к познанию погод принадлежащих» (1734) и «О необыкновенной стуже прошлой зимы во всей Европе» (1740). В «Примечаниях» уделено также место наводнениям в Петербурге. Этой теме посвящена статья «О прибывании и убывании воды в Неве реке» (1741). Две большие статьи — Г. Крафта (1730) и И. Гейнзиуса (1740) посвящены северному сиянию.

По истории географии наиболее интересно напечатанное без указания автора «Известие о Северном морском ходе россиян из устьев некоторых рек, впадающих в Ледяное море для проведывания восточных стран» (1742).

В этой статье приводится довольно подробный очерк истории экспедиций, начиная с экспедиции Е. Бузы в 1637 г. до сухопутной экспедиции капитана Д. И. Павлуцкого в 1730 г. Статья была написана Х. Винстеймом по записке Г. Миллера, составленной в 1737 г. в Якутске по предложению В. Беринга (Пекарский, 1870, стр. 479).

Большое значение имела упоминавшаяся выше статья «О сочинении ландкарт» (1742).

Среди авторов, писавших по вопросам физической географии, следует отметить Г. Крафта⁶⁸, который много сделал для распространения естественных научных знаний в России. Г. Крафту принадлежали не только многочисленные статьи, но и учебники, которые долго использовались в академической гимназии. Из статей по физической географии, опубликованных в «Примечаниях», им были написаны следующие: «О северном сиянии», «О необыкновенном северном сиянии 1733 г.», «О молнии и громе», «Описание наидостоинейших примечания погод... с 1726 по 1736 год»,

«О исправном наблюдении ветров», «О необыкновенной стуже прошлой зимы во всей Европе» (Пекарский, 1870, стр. 465).

Показателем интереса русского читателя к этому изданию может служить то, что после прекращения его выпуска многие из опубликованных в нем работ были переизданы. Так, например, из статей, опубликованных в «Примечаниях», был составлен сборник «Исторические, генеалогические и географические примечания...», который вышел в Москве в 1765 г. В 1766 г. статьи из «Примечаний» начали переиздаваться (тоже в Москве) в виде ежемесячного выпуска, называвшегося «Примечания о разных материях» (известны выпуски за январь—апрель) (Неустроев, 1874, стр. 15) ⁶⁹.

Этим двум изданиям было предпослано одно и то же предисловие, в котором говорилось: «Хотя предлагаемые в сей книжке рассуждения и известия не вновь сочинены, однако, тем не меньше достойны внимания, ибо оные заимствованы из таких сочинений, в которых оказанное искусство и тщание всегда и от всех заслуживало особое почтение и похвалу, именно ж из известных, называемых так Примечаний Санкт Петербургской императорской Академии наук».

В 1787 и 1791 гг. некоторые статьи из «Примечаний» были переизданы самой Академией наук в виде сборников (там же).

В своеобразные сборники научно-популярных статей были превращены и многие из издававшихся Академией наук «Календарей или месяцесловов».

Календари появились в России давно и имели довольно большую историю. П. П. Пекарский описывает рукописный календарь 1670 г. царя Алексея Михайловича, составленный с использованием польского образца. На рукописи имеются пометки Петра Первого (Пекарский, 1862, т. I, стр. 283—285). Известны и более поздние рукописные календари конца XVII — начала XVIII в. В 1702 г. появился печатный русский календарь «Святцы или календарь», изданный Копиевским в Амстердаме. Первый напечатанный в России календарь вышел 28 декабря 1708 г. В 1709 г. вышел стенной календарь, известный под названием Брюсовского (Пекарский, 1862, т. I, стр. 289). С тех пор печатные календари выходили регулярно сначала в Москве, а потом в Петербурге. С 1714 г. их начала печатать и типография Киево-Печерской лавры.

В этих календарях, кроме перечня дней и месяцев, приводились краткая хронология исторических событий, названия семи планет и знаки зодиака, сообщались сведения, касающиеся церковных служб и обрядов, указывались фазы луны, ожидаемые затмения и давались предсказания погоды. Немалое место занимали астрологические предсказания (иногда в стихах) о войне, мире, урожае, болезнях; наконец, указывалось время, когда лучше всего пускать кровь (там же, стр. 310). Брюсовский календарь содержал также выписки пасхалии, указывал фазы луны и время ее восхода и захода на многие годы. В нем указана широта Москвы (55°45′). В календаре на 1714 г. сказано, что время в нем исчисляется по меридиану Петербурга.

При отсутствии периодической печати и справочных изданий календари пользовались большой популярностью, так как в них приводились довольно разнообразные и интересующие всех сведения. Это дало повод называть период до 1726 г. «периодом месяцесловов» (Бобынин, 1886, стр. 97).

После того как календари стали составляться и издаваться Академией наук, их содержание существенно изменилось. В них появились научно-популярные статьи, главным образом по астрономии (отличавшиеся высо-

ким для того времени научным уровнем и большей, чем раньше, точностью приводимых данных), истории и географии. В первом же календаре (на 1728 г.)⁷⁰ была сделана попытка не печатать предсказаний, но затем составители от этого отказались, «так как нынешний живой народ упомянутой забавы не хочет лишиться» (Перовщиков, 1854б, стр. 536).

Статьи, относящиеся к географии, представляют собой главным образом описание стран и путешествий. В статье Г. Миллера «О земле Камчатке» были впервые опубликованы сообщения о походе В. Атласова и некоторые достоверные сведения о природе этой страны. Сначала в этой статье, которая печаталась в течение четырех лет (1728—1732 гг.), Камчатка отождествлялась в соответствии с данными Н. Витсена и автора примечаний к «*Histoire généalogique des Tatars*» (1726), с «Землей Ессо». Только возвращение в 1730 г. из Первой Камчатской экспедиции В. Беринга прояснило истинное положение вещей (МАН, 1890, стр. 168—169). В календаре на 1736 г., составленном Х. Вингеймом, было напечатано довольно подробное сообщение о путешествии В. Беринга в 1725—1730 гг. (МАН, 1890, стр. 329). Кроме того, в календарях помещены статьи о плавании В. Баренца, плаваниях северо-западным проходом, а также сообщение Н. Витсена о «Великой Татарии». С 1755 г. в календарях в течение нескольких лет печатался «Реэстр губерниям, провинциям и городам, в Российской империи находящимся», который был позже напечатан под другим названием в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». С 1761 г. в календарях стали публиковаться извлечения из материалов метеорологических наблюдений.

Если научно-популярные издания пользовались в России очень большим успехом, то этого нельзя сказать о научном журнале Академии наук. Труды Академии наук, выходявшие с 1728 до 1751 г. (включавшие работы за 1726—1746 гг.) под названием «*Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*» и с 1751 до 1776 г. (включавшие работы за 1747—1775 гг.) под названием «*Novi commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae*», печатались на латинском языке. Почти одновременно с выпуском первого тома было подготовлено издание на русском языке под названием «Краткое описание комментариев Академии наук. Часть первая на 1726 г.» (1728). В этом издании математические и естественнонаучные статьи были даны в сокращенном виде и с пояснениями. Хотя в предисловии к этому выпуску было сказано, что издание будет продолжено, но уже в следующем году оно было прекращено (Куник, 1853, стр. 27—28). Новый сборник был выпущен только в 1748 г. под названием «Содержание ученых рассуждений императорской Академии наук, изданных в [очередном] томе Новых комментариев». Это издание было вызвано тем, что в регламенте Академии наук, напечатанном в первом томе нового сборника, на конференц-секретаря Академии возлагалась обязанность в конце ноября каждого года публиковать на русском языке с своими замечаниями «содержание всех диссертаций, которые в целый год учинены». Но и это издание просуществовало недолго; было выпущено всего четыре тома без указания года издания (I, II и IV томы вышли в 1748, 1750 и 1754 гг., год выхода III тома неизвестен) (Неустроев, 1874, стр. 40—41).

Периодические издания преимущественно естественнонаучного направления не удовлетворяли полностью интересов более широких кругов русского общества, в котором были сильны патристические настроения и интерес к русской истории. В Академии сказалось влияние Г. Миллера, отличавшегося склонностью к литературе и также интересовавшегося преимущественно историей. Поэтому в Академии наук довольно рано зароди-

лась мысль о периодическом издании, посвященном вопросам истории. Это видно из брошюры «Объявление предложения, до исправления Российской истории касающегося...» (1732), в которой извещалось, что Академией наук «воспринято намерение в пользу охотникам до истории собрание всяких до российской истории принадлежащих кратких описаний и подлинников сочинить и оные на русском и на немецком языке по частям издавать» (стр. 2—3). Причем пояснялось, что история понимается «во всем своем пространстве, так что до оных не только гражданские, церковные, ученые и естественные приключения принадлежать имеют, но также и древности, знание монет, хронология; география и пр.» (стр. 3). В приложенной к брошюре «Росписи оных материй, которые в предложенном собрании всяких до истории и географии Российского государства принадлежащих известий и подлинных документов от времени до времени предложены быть могут» предусмотрено: «географическое, хронографическое и топографическое описание всех российскому скипетру подверженных земель, дистриктов и городов» (стр. 7).

Однако в связи с отъездом Г. Миллера в 1733 г. со Второй Камчатской экспедицией он успел выпустить на немецком языке только три части первого тома, названного «Sammlung Russischer Geschichte», и подготовить статьи еще для трех частей того же тома. Во время отсутствия Г. Миллера в течение первых четырех лет были опубликованы оставленные им материалы и подготовленные Т. Байером три части второго тома. После этого издание сборника приостановилось. С 1758 г., когда вернувшийся Г. Миллер снова приступил к этой работе, опубликовав четвертый выпуск второго тома, сборник начал выходить регулярно (МАН, 1890, стр. 251 и 338).

Содержание всех выпусков «Sammlung Russischer Geschichte», вышедших до 1737 г., было почти исключительно историческим. Географический интерес представляют лишь выдержки из путевых записок И. Унковского, которые, впрочем, довольно кратки, сообщение о труде Н. Витсена «Noord en Oost Tartarye» 1692 г. (с указателем к нему), выдержки из французского перевода китайской рукописи с описанием путешествия из Пекина к астраханским калмыкам и выдержки из записок И. Гербера с описанием сел. Кубеша (Кубачи).

Приступив в 1758 г. к продолжению этого издания, когда уже выходил журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», Г. Миллер заявил во введении к пятому-шестому выпускам второго тома (стр. 291), что одной из главных задач издания является ознакомление иностранных читателей со статьями и сообщениями, относящимися к истории России, публикуемыми в русском ежемесячном журнале. Он отметил также, что в сборнике вполне уместно публиковать описания разных стран, так как это помогает пониманию истории.

Впрочем, Г. Миллер помещал в описываемом издании не только все важнейшие исторические и географические статьи (иногда в несколько измененном виде), появившиеся в «Ежемесячных сочинениях...», но в последних выпусках было опубликовано и несколько работ, которые на русском языке напечатаны не были⁷¹.

Издание в России XVIII в. книг и журналов на немецком языке соответствовало интересу к России западноевропейских читателей; этот интерес усиливался благодаря связи, которую многие видные иностранные ученые, приглашенные в Петербургскую Академию наук, продолжали поддерживать с зарубежными странами. Сборники «Sammlung Russischer Geschichte», много способствовавшие правильной информации Западной Европы об истории и географии России, приобрели там популярность. Об этом свидетельствует переиздание их в 1777—1779 гг. в сокращенном

виде (в пяти томах) и в Германии (в Оффенбахе-на-Майне). Г. Миллер к этому переизданию отношения не имел (Андреев, 19376, стр. 117).

Кроме сборника «Sammlung Russischer Geschichte», на немецком языке издавались «Примечания» (Historische, Genealogische und Geographische Anmerkungen über die Zeitungen auf das Jahr.) и календари Академии наук.

В 1755 г. Академия наук приступила к изданию журнала на русском языке, который был приспособлен к запросам любителей научно-популярного чтения, появившихся в русском обществе под влиянием «Примечаний».

22 ноября 1754 г. Г. Миллер заявил на одном из заседаний Конференции Академии наук о предложении президента К. Г. Разумовского издавать с 1755 г. на русском языке журнал по образцу издававшихся ранее «Примечаний». По мысли К. Г. Разумовского, намечавшийся журнал должен был называться «Санктпетербургские примечания», но потом, по предложению М. В. Ломоносова, он был назван «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие»⁷². В решении К. Г. Разумовского немаловажную роль сыграло письмо М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову, написанное в 1754 г.: «По приказу Вашего превосходительства старался я достать примечания на ведомости, но получить их не мог. Уже многие и за несколько лет их спрашивают; однако сыскать не могли, за тем, что их по малу было печатано и не по мере Российского государства; а особливо ныне, узнав наш народ пользу наук, больше такие книги хранит для их редкости... Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы в Академии начались подобные сим периодические сочинения, только не на таких бумажках по одному листу; но повсемесечно или по всякую четверть или треть года, дабы одна или две — три материи содержались в книжке» (Биллярский, 1865, стр. 250).

О целях и направлении журнала говорит «Предуведомление» к первому номеру 1755 г., в котором сказано: «При таком учреждении, каково сие, мы себе точных пределов не предписываем, но надлежит, смотря по различию читателей, всегда переменять материи, дабы всякой по своей склонности и охоте мог чем-нибудь пользоваться». Поэтому предполагалось помещать в журнале «не одни только рассуждения о собственно так называемых науках», но и статьи по вопросам торговли, промышленности, техники, искусства и т. д.

Сочинения, которые «ради глубокого их смысла не всем ясны и вразумительны», считались неподходящими. Кроме того, журнал должен был избегать полемики. Предполагалось публиковать и стихи, поскольку редакция считала, что в этом журнале следует «писать не токмо для пользы, но и для увеселения читателей» (Ежемесячные сочинения..., 1755, январь, стр. 5—8).

Все материалы, которые намечалось опубликовать, должны были рассматриваться «особливым собранием...», чтоб ничего закону, государству и благоправию противного, также и ничего другому или самому сочинителю предосудительного и чести вредительного не входило в наши сочинения. Впрочем всякому сочинителю оставляется самому отвечать в том, что иногда читателям сумнительно или не довольно доказано показаться может» (там же, стр. 11). Авторы статей не получали гонорара, что им выдавали бесплатно отписки их статей, а некоторым — экземпляры журнала в переплете.

Большую роль в издании журнала играл Г. Миллер, который вложил в это дело огромный труд и был редактором его, а одновременно автором

многих статей. К статьям других авторов он часто писал примечания. В 1760 г. Г. Миллер жаловался в письме к К. Г. Разумовскому, что около шести лет несет «неизчетные труды» по изданию журнала, так как академики присылают мало статей, а переводчики и корректоры плохо выполняют свое дело, и ему приходится самому считывать, исправлять ошибки и т. д.

Сначала Г. Миллер работал в журнале безвозмездно, а с 1760 г. к жалованию, которое он получал как академик, было добавлено за эту работу 200 рублей в год. С переездом Г. Миллера в 1765 г. в Москву выпуск журнала прекратился (Пекарский, 1868, стр. 10—11).

Журнал стоил 2 руб. в год и расходился в количестве 500—700 экз. В годовом выпуске было от 1000 до 1200 страниц небольшого формата.

Содержание журнала было в соответствии с поставленной целью весьма разнообразным. Если больше всего места уделялось истории, то не были забыты и другие отрасли знания. В нем публиковались статьи по географии, естественным наукам, сельскому хозяйству, медицине, политической экономии, этнографии, статистике европейских государств, педагогике, искусству, военному делу, математике, филологии и т. д. Уделялось место и разным практическим советам (по сельскому хозяйству, лесоводству и пр.). С 1763 г. редакция решила дополнить журнал разделом «Известия о ученых делах, то есть о том, что в ученом свете важного происходит: ..., а паче какие общепользные книги у всех народов и на всех языках на свет выходят» (Ежемесячные сочинения..., 1763, январь, стр. 3—4). Таким образом, журналу был придан научный уклон. Это решение было принято под влиянием неоднократных записок (в 1758—1761 гг.) М. В. Ломоносова в Канцелярию Академии наук о необходимости печатать обзоры диссертаций, защищавшихся в Академии, и обзоры иностранной литературы (Куник, 1853, стр. LXV—LXIX).

Журнал пользовался большой популярностью у современников. Как говорит Е. Болховитинов (Митрополит Евгений, т. 2, 1845, стр. 67), «вся Россия с жадностью и удовольствием читала сей первый русский ежемесячник, в котором много помещено иностранных переводных и большая половина русских любопытнейших статей исторических, географических, коммерческих, ученых и других». О его значении в истории русской журналистики писал в 1851 г. в «Современнике» В. А. Милютин⁷³, который считал этот журнал «одним из лучших, какие только издавались в России». По его словам, «Ежемесячные сочинения...» не только приохотили к чтению русскую публику, не только распространили в ней множество полезных сведений и ближе познакомили ее с прошедшим и настоящим состоянием России, но и положили прочное начало отечественной журналистике. Своим примером они доказали пользу периодических изданий» (Милютин, 1851, стр. 2 и 17).

Выдающаяся роль принадлежит этому журналу и в истории русской географии. В отличие от «Примечаний», в нем уделялось сравнительно мало внимания вопросам, связанным с физической географией. В особенности мало было опубликовано по этим вопросам статей русских ученых. К ним относятся обзоры метеорологических наблюдений в Петербурге И. Брауна (1755, 1757 и 1758 гг.), работа С. К. Котельникова (1757 г.) «О водных метеорах», описание пещеры на р. Белой в Оренбургской губернии П. И. Рычкова (1760). Остальные работы, относящиеся к этой области знания, были переводными. Это выдержки из «Натуральной истории де Бифона» (1756 г.), которая пользовалась большой популярностью, статьи из сборников трудов Шведской Академии (1760 г.), «О приливе и отливе морском» (1761 г.) и др., представляла интерес работа Г. Миллера

«Долготы и широты разных мест Российской империи, астрономическими наблюдениями определенные» (1757ж).

Ценный материал содержали печатавшиеся в «Ежемесячных сочинениях...» работы регионального, историко-географического и экономико-географического характера. Так, в журнале было опубликовано «Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях и их состоянии в 1728 г.» И. Гербера (1760а), «Описание серного ключа у пригорода Сергиевского при реке Соке» Г. Шобера (1760 г.), «Топография Оренбургской губернии» П. И. Рычкова (1762), «Древняя пословица: Сибирь — золотое дно» и «Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого» Ф. И. Соимонова (1761, 1763) и много статей самого Г. Миллера. Было также опубликовано несколько переводных работ, например «Описание купечества в Китае» (1761 г.), «Торг Амстердамский» (1761 г.), «Рассуждение о познании и описании отечества» Я. Фаггота (1761 г.) и исторических документов о путешествиях в Россию иностранцев (например, «Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 г. у калмыцкого хана Аюки на Волге», 1764 г.).

Некоторые из упомянутых выше работ были вскоре опубликованы в виде отдельных изданий (например, труды П. И. Рычкова, Ф. И. Соимонова).

Статьи Г. Миллера, опубликованные в «Ежемесячных сочинениях...», охватывают большую часть его печатных работ по географии и истории географии. Они составили ему широкую известность в этой области. Ссылки «на Миллера» долгое время были обычными в литературе по истории русской географии XVII и XVIII вв. Эти статьи немало способствовали высокой репутации журналов⁷⁴. Из напечатанных в журнале работ Г. Миллера следует прежде всего упомянуть его статью «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с российской стороны учиненных» (1758). Эта работа, для составления которой Г. Миллер пользовался многочисленными документальными материалами, долгое время служила одним из источников для изучения истории плаваний русских у северных берегов Азиатского материка в XVII в., а также истории Камчатских экспедиций. Новые данные, существенно дополнившие рассказ Г. Миллера, появились только в первой половине XIX в. (труды В. Н. Берха, Ф. П. Литке, Ф. П. Врангеля и др.). Но даже и в настоящее время эта работа Г. Миллера представляет интерес, так как часть использованных им документов еще не обнаружена (например, первое донесение И. Козыревского); кроме того, он был современником или участником многих описываемых событий.

Из других работ Г. Миллера, напечатанных в «Ежемесячных сочинениях...», отметим его статью «Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства с пограничными землями, также и о морских картах тех морей, кои с Россиею граничат» (1761), которая представляет большую ценность для истории русской картографии. Г. Миллер, обнаруживая прекрасную осведомленность в области мировой и русской картографии, рассказывает в ней о картах и атласах с изображением территории России, начиная с «Минстеровой космографии, напечатанной в Базеле в 1550 г.» и кончая картами 1758 г. Перечисляя большое количество подобных изданий, выпущенных в различных странах, Г. Миллер часто сопровождает их справками, свидетельствующими о его больших знаниях. Сводка Г. Миллера, позволяющая ориентироваться в изданиях, рассеянных по разным странам и частью забытых или утерянных, представляет

большой интерес и для современных исследователей. Особенно много ценных замечаний и сведений приводится о картах петровского и послепетровского периода. Так, например, Г. Миллер дает описание одного из вариантов атласа И. К. Кирилова, оценку карты Ф. Страленберга, приводит сведения о первых картах России, вышедших за границу после смерти Петра Первого.

О статьях Г. Миллера «Роспись губерниям...» (1757а), «Роспись епархиям...» (1757г), «Долготы и широты...» (1757ж) было сказано выше.

Материалы по истории географии можно найти и в некоторых исторических статьях Г. Миллера. Например, в статье «О первых Российских путешествиях и посольствах в Китай» (1755), в которой упоминаются русские посольства начиная с 1608 г. и приводится подробный рассказ о поездке в Китай Ф. И. Байкова. В статье «Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше...» (1760) описывается путь из Сибири в Бухару, приводятся географические сведения по среднеазиатским странам и рассказывается об экспедициях А. Бековича-Черкасского, И. Бухгольца, И. Д. Чередова, И. М. Лихарева.

К числу работ Г. Миллера по истории географии относится и статья «Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года» (1757в), в которой с помощью географического материала выясняются недоразумения, возникшие в понимании трактата 1689 г. К этой же тематике следует отнести «Историю о странах, при р. Амуре лежащих, когда оные состояли под Российским владением» (1757е), в которой излагается история походов на Амур В. Д. Пояркова, Е. П. Хабарова, основания Албазина и последующей борьбы за его удержание. Статья заканчивается указанием на права русских плавать по Амuru⁷⁵.

Такова была географическая литература, которую давали журналы того времени. Чтобы представить себе огромный шаг, сделанный в рассматриваемое время в отношении распространения географических знаний, напомним, что до этого периода русский читатель имел в своем распоряжении лишь «Календари-месяцесловы», появлявшиеся раз в год, и газету «Ведомости...», выходившую редко и нерегулярно.

К рассматриваемому нами периоду относится также появление первых учебников географии, составленных в России.

В 1738 г. в Петербурге вышел написанный на немецком языке учебник Г. Крафта по математической и физической географии. В 1739 г. появился и его русский перевод, сделанный И. И. Голубцовым («Руководство к математической и физической географии»). В 1764 г. (уже после смерти Г. Крафта) учебник вышел вторым изданием в переводе Ф. Эпинуса. Как видно из примечания на первой странице, Ф. Эпинус точно передал текст автора, сопроводив его примечаниями, с целью дать некоторые объяснения и исправления, «не умаляя тем чести сочинителя».

По определению Г. Крафта, «география есть наука, показывающая истинное состояние земного круга, нами обитаемого» (1764, стр. 1). Придерживаясь взглядов Б. Варениуса, он делит географию на математическую, политическую, гидрографическую и физическую⁷⁶. Книга состоит из четырех глав. Глава «О математической географии» включает сведения «о земном круге», как «теле мира, которое купно с прочими движется в небесном пространстве» (стр. 4—114). В главе «О физической географии» рассматривается, что «в недрах земли находится, а именно: металлы, камни, минералы, подземный огонь и проч.» (стр. 114—274). В главе «О гидрографии» рассматриваются «разные моря, озера и реки, на земной

поверхности находящиеся и которые составляют большую часть оной» (стр. 274—337). Последняя глава называется «О употреблении глобуса и ландкарт» (стр. 337—351). Распределение материала между этими главами не вполне отчетливо. Так, например, в главу, посвященную «математической географии», попадают рассуждения об атмосфере, некоторые замечания о климате и т. д. Раздел физической географии Г. Крафт начинает с замечания, что «оное поныне для разных притом происходящих трудностей весьма мало приведено к совершенству и для того мы во многих местах не в состоянии будем благосклонного читателя удовлетворить обстоятельным изъяснением» (стр. 115).

Для характеристики уровня знаний того времени интересно ознакомиться с его попытками классификации различных видов «собственно так называемой земли» (стр. 119—122). Кроме земли, которая называется «садовой, есть еще «рухляя, или рассыпчатая», и «мокрая, или вязкая, которая глиною называется»; затем он выделяет ряд «особых земель», называемых «каменным, или земляным мозгом», «мыльной землей», употребляемой вместо мыла. Наконец, есть земли, которым приписывают лечебное действие и выпускают их с клеймом. В разделе о солях Г. Крафт рассматривает нашатырь, который, по его словам, «между Египтом и Ливиею у храма Юпитера Аммонского под песком впервые найден, где, как сказывают, родился он от верблюжьей урины» (стр. 127).

В вопросе о происхождении земного шара Г. Крафт опирается главным образом на доводы ученых, стремившихся не разрушать схемы библейского рассказа о сотворении мира и примирить его с имеющимися научными данными. Г. Крафт устанавливает, что местоположение рая было между Тигром и Евфратом, обсуждает вопрос о состоянии природы до и после грехопадения Адама и Евы и т. д. Но, делая уступки библейским легендам, Г. Крафт в то же время во многих случаях излагал эти скользкие для того времени вопросы таким образом, что неприемлемость идей церковников становилась ясной (см., например, сопоставление систем Птолемея, Тихо Браге и Коперника на стр. 25—30).

В главе «О гидрографии» большое место уделено вопросу о кругообороте влаги, сущность которого изложена довольно правильно.

При всех недостатках книга Г. Крафта, которую В. Н. Татищев назвал «благопольной книжицей» и которой М. В. Ломоносов, когда он был адъюнктом, пользовался при чтении лекций (Пекарский, 1870, стр. 464), несомненно расширяла кругозор читателя. В ней были систематизированы сведения, которыми располагала современная автору наука по вопросу об «истинном состоянии земного круга», изложенные просто и поясненные большим количеством легко запоминающихся примеров.

Существенные поправки к тексту Г. Крафта, сделанные Ф. Эпинусом в его обширных примечаниях, свидетельствуют о значительном развитии знаний за 25 лет. Так, например, Ф. Эпинус отмечает, что в «клеяемых» землях медики «в нынешние времена мало важности полагают» (Эпинус, 1764, стр. 124). В другом примечании он выражает сомнение, что железо и селитра могут подняться в воздух с парами, как это пишет Г. Крафт, и утверждает, что гром и молния представляют собой явления атмосферного электричества (стр. 248—249) и т. д.

В 1742 г. был издан другой учебник — «Краткое руководство к географии...», составленный, по-видимому, на основе вышедшей в русском переводе географии И. Гюбнера (1719), пользовавшейся широкой известностью (Весин, 1876, стр. 16). Несмотря на некоторые улучшения по сравнению с географией И. Гюбнера (устранение латинских названий географических пунктов, меньшая перегрузка собственными именами), этот учеб-

ник, состоящий всего из 66 страниц, представляется очень элементарным. Он составлен в виде описания приложенных к нему 17 ландкарт и содержит сведения о всех частях света и о каждом из европейских государств отдельно. Больше всего места уделяется перечислению городов. Как и у И. Гюбнера, данные по орографии стран не приводятся. В этой книге сохранены упрощенные приемы, заимствованные, возможно, у того же И. Гюбнера. Европа изображается в виде сидящей девицы⁷⁷, у которой отдельные части тела или одежды представляют собой те или другие государства. Россия, например, представляет собой ее юбку. России отведено в книге сравнительно много места (6 страниц), но меньше, чем Германии (9 страниц). Остальные государства описываются на двух-трех страницах. Сведения о России касаются ее границ, деления на губернии; кроме того, дается перечисление заливов, рек, озер и важнейших городов. Из рек на территории Европейской и Азиатской России упомянуто только 13.

В 1745 г. вышла «Краткая политическая география...», автором которой был Х. Винштейн. Хотя в предисловии сказано, что главной целью книги является обстоятельное описание России, а «о дальних государствах и землях» предполагается дать лишь общее понятие, в учебнике приводится описание только иностранных государств, а о России не говорится. Как уже отмечалось выше, описание России было включено в издание книги на немецком языке.

«Краткая политическая география...» представляет собой описание к «Атласу, сочиненному к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг», вышедшему в 1737 г. Из 20 глав (не считая предисловия) Европе посвящено 12 глав (223 стр.), Азии 6 глав (65 стр.), Африке 1 глава (18 стр.) и Америке 1 глава (25 стр.). Наибольшее место автор уделяет определению границ и описанию городов. Попутно приводятся также сведения о физико-географических объектах (реках, озерах, островах). Больше всего места (как и в учебнике 1742 г.) уделено Германии (50 стр.).

Г. Миллер упрекает автора учебника 1745 г. в том, что он ограничивается упоминанием только тех мест, которые обозначены в весьма несовершенном атласе 1737 г. Поэтому многие существенные объекты пропущены, а объекты, не имеющие значения, упомянуты (Пекарский, 1870, стр. 478). При справедливости этого замечания следует все же отметить, что «Краткая политическая география...» содержала значительно больше сведений об иностранных государствах, чем какой-либо другой русский учебник, вышедший ранее.

В период с 1758 по 1772 г. вышел еще один учебник, состоявший из четырех частей и называвшийся «Политическая география, сочиненная в сухопутном шляхетном кадетском корпусе для употребления учащегося во оном корпусе шляхетства» (первая часть вышла в 1758 г., вторая — в 1761 г., третья — в 1765 г. и четвертая — в 1772 г.).

Первая часть представляет собой перевод с немецкого труда И. М. Греча, а остальные части были написаны С. Ф. Наковальниным, причем последняя часть была опубликована уже после смерти автора. Давая в первой части книги определение понятия «география», автор говорит, что она «есть познание качества земного шара, нами обитаемого и из земли и воды составленного» (Весин, 1876, стр. 26).⁴

В первой главе излагаются основы математической географии, говорится о географических зонах и климатах (в понимании того времени), приводятся краткие сведения о землях и морях земного шара и объяснения географических терминов.

Страны описываются примерно по следующей схеме: местоположение,

площадь, границы, основные реки и каналы. Приводится административное деление и даются подробные сведения о провинциях и городах, горных системах, «качестве воздуха, плодоносии и произращении земли», численности населения и его национальных особенностях, о языке, религии, торговле и промышленности, о денежной системе, королевских фамилиях, государственном управлении, воинской силе, науке, истории. При такой широкой программе за 14 лет были выпущены только описания Португалии, Испании, Франции, Великобритании и Нидерландов.

В. Касьянов, автор обзора русских географических учебников, причисляет эту книгу к лучшим учебным пособиям, появившимся в России в половине XVIII в., ставя, однако, в упрёк автору, что в ней «статистические предметы смешаны с географическими», т. е. нет четкого разделения физической и политической географии (Касьянов, 1832, стр. 106).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общие результаты рассмотренных нами крупнейших географических работ, проводившихся в России в 1725—1765 гг., были очень значительны.

Экспедициями этого периода были совершены в Сибири, у ее берегов и в северной части Тихого океана великие открытия, внесшие серьезные поправки в существовавшую карту мира. Важные исследования были проведены также в Средней Азии, на Каспийском и Балтийском морях. Были составлены отвечающие требованиям науки того времени сводные карты России и ее крупных частей, опирающиеся на богатый материал геодезических съемок, охвативших большую часть территории России.

Начавшееся научное исследование природы страны и изучение жизни и деятельности ее народов сопровождалось публикацией материалов исследований и их обобщений. На основе этих материалов были созданы первые комплексные описания отдельных областей России.

В этот же период блестящими идеями о формировании рельефа, о процессах, совершающихся в атмосфере, о природе Арктики, высказанных в трудах М. В. Ломоносова, были заложены научные основы физической географии. Наконец, появление довольно обширной научной, научно-популярной и учебной литературы содействовало распространению географических знаний в русском обществе.

Благодаря достигнутым успехам было в значительной мере ликвидировано отставание русской географии, которое резко ощущалось в первой четверти XVIII в. В области картографии и развития физико-географических представлений Россия даже опередила Западную Европу. Вместе с тем географические знания о стране имели еще довольно общий характер и не давали достаточно полного и детального представления о ее природе и экономике.

Скудость географических сведений о России не позволила ученым того времени, несмотря на их усилия, составить географическое описание всей страны. Как результат их трудов в этой области остались лишь анкеты, содержащие программы и схемы, описания и справочники, благодаря которым накапливались необходимые сведения. В этом сказалось, конечно, влияние исторических условий, так как географические знания о стране развиваются вместе с ее общим развитием. Но историческая ограниченность деятелей рассматриваемого нами периода не уменьшает в наших глазах таланта и энергии, проявленных ими при проведении географических исследований.

ПРИМЕЧАНИЕ

К главе I (стр. 7—18)

¹ Здесь и далее под Сибирью, в соответствии с представлениями того времени, понимается территория нынешней Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока и часть Урала.

² В рассказе о ладожанях (Шахматов, 1916, стр. 350) под 1114 г. (6622 г. по старинному летосчислению, которое велось «от сотворения мира») говорится: «И суть и еще мужи у нас старые ходили и за Югру и за Самоядь». Поскольку речь идет о старых людях, очевидно, поход был совершен не позже второй половины XI в. По определению С. В. Бахрушина (1955, стр. 135), Югра — это восточные склоны северного Урала.

³ В «Приговоре Якутской приказной избы...» от 3 августа 1641 г. (Открытия русских землепроходцев..., 1951, стр. 119) отправка экспедиции И. Ю. Москвитина отнесена к 7145 г. (по старинному летосчислению). В «Отписке ленских воевод Петра Головина и Матвея Глебова...», составленной в августе 1640 г. (Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, 1952, стр. 35) и в «Распросных речах служилых людей Нехорошего, Колобова, Андрея Горелого, Федора Чюкичева...» от 8 августа 1646 г. (Открытия русских землепроходцев..., стр. 139) говорится, что отряд был послан в 7147 г. Мы отдаем предпочтение последней дате, упомянутой в двух документах. В речах Нехорошего и других указана и продолжительность плавания. При переводе старинного летосчисления в современное из числа, обозначающего год по старинному счету, вычитается 5509, если речь идет о событиях, совершившихся между 1 сентября и 1 января, и 5508, если они происходили между 1 января и 31 августа. Поскольку путешествие И. Ю. Москвитина к устью р. Ульи, впадающей в море, было совершено летом (отряд двигался 77 дней на лодках), мы приходим к выводу, что оно должно быть отнесено к 1639 г. по современному исчислению.

В литературе, однако, встречаются и другие датировки экспедиции И. Ю. Москвитина. Д. М. Лебедев (1949, стр. 54) и А. В. Ефимов (1950, стр. 56) полагают, что И. Ю. Москвитин совершил поход в 1638 г. Поводом для этой датировки, как сказано у Д. М. Лебедева, послужило описание похода по рекам в тексте, опубликованном Н. Н. Степановым (1943, стр. 45). В нем сказано, что из Бутальского острожка (недалеко от устья р. Май, притока Алдана) казаки шли «Алданом вниз до Лены», вместо «вниз до Май» (Открытия русских землепроходцев..., стр. 139), по которой следовало плыть в направлении к Тихому океану. Таким образом, чтобы попасть в 1639 г. к устью Май, казаки должны были выступить в плавание в 1638 г. М. И. Белов относит первое появление И. Ю. Москвитина на берегах Тихого океана к 1641 и 1642 гг. (1956, стр. 152; 1957, стр. 93). К сожалению, он не делает каких-либо ссылок, поясняющих эту дату. Н. Н. Степанов, который первым указал, что И. Ю. Москвитин выступил в поход в 1638 г. (1943, стр. 45), позже высказал мнение, что экспедиция отправилась между 1 сентября 1638 г. и 31 августа 1639 г. (1958, стр. 39).

⁴ В «отписке служилых людей Семена Моторы с товарищами... от 10 февраля 1650 г.» (Открытия русских землепроходцев..., стр. 261) сказано: «А подыматца нам с усть Анюя на ту государеву службу марта с 1-ого числа». Г. Миллер (1758, стр. 17) относит начало похода к 23 марта 1650 г. М. В. Стадухин в «отписке» от 1 марта 1658 г. также сообщает, что выступил в 1650 г.: «158 году (1650 г.— В. Г.) пол я за волог с Кольмы реки нартами 6 недель» (Дополнения к актам историческим..., 1851, стр. 120). Но его поход мог состояться только в конце года, так как из «Отписки Якутского воеводы Дмитрия Франсбекова...» (Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, 1952, стр. 205) видно, что в конце октября М. В. Стадухин был еще на Кольме. Г. Миллер (1758) отмечает, что М. В. Стадухин выступил после С. И. Моторы

и пробыл в пути семь недель. Л. С. Берг (1946а, стр. 305), неправильно ссылаясь на Н. Н. Оглоблина, относит поход М. В. Стадухина к 1647 г. У Н. Н. Оглоблина нет датировки похода М. В. Стадухина на р. Анадырь. Он говорит лишь о плаваниях М. В. Стадухина в 1649—1650 гг. у берегов северной Азии (Оглоблин, 1903, стр. 42—43).

⁵ В литературе нет указаний, что это плавание упоминалось, хотя бы без указания на С. И. Дежнева, в переписке учреждений или в высказываниях официальных лиц ранее Первой Камчатской экспедиции. М. И. Белов (1955, стр. 116; 1956, стр. 223) полагает, что плавания С. И. Дежнева отразились в русской картографии, и на некоторых чертежах XVII в. показан свободный проход морем от Колымы к Анадырю. Это мнение едва ли правильно. Отсутствие «необходимых носов» на чертеже 1667 г. П. И. Годунова и «чертеже» 1672 г. (Багров, 1914) объясняется, по-видимому, тем, что их авторы вообще не изображали каких-либо выступающих в море мысов, хотя некоторые из них, как, например, мыс Св. Нос к востоку от устья р. Лены, были несомненно известны. На чертеже Н. Спафария 1678 г. (Bagrow, 1947; Белов, 1956, стр. 224—225) показан уходящий за рамку чертежа «нос», преграждающий путь в «Амурское» (Охотское) море. М. И. Белов (1955, стр. 116) полагает, что к северу от него на чертеже изображена р. Анадара (р. Анадырь), путь к которой от р. Колымы, пройденный С. И. Дежневым, не прегражден. Но малоразборчивая надпись на чертеже около реки севернее «носа» читается не как «Анадара», а как «Анабара». На чертеже А. Винуса 1678—1683 гг. (Андреев, 1939г) изображены обе эти реки, причем р. Анабара показана севернее р. Анадыря — за разделяющим их мысом. Нельзя предполагать также, что свободный проход морем от р. Колымы к р. Анадырь показан на чертеже 1684—1685 гг. (Bagrow, 1947), так как на этом чертеже к северу от р. Анадырь помещен мыс, упирающийся в рамку или срезанный ею. В тексте из «Списка с чертежа Сибирской земли» 1672 г., на который ссылаются Л. С. Берг (1946а, стр. 28) и М. И. Белов (1955, стр. 117), также не говорится о том, что к Анадырю есть проход от Колымы. В нем сказано, что «от усть Колымы рек и кругом земли мимо устей рек Ковычи и Нанаборы и Ильи и Дури» доходят до «каменной переграды». «А через тот камень ходу день: а как на него человек взойдет, и он оба моря видит — Ленское и Амурское; а перешед через камень, приходят на р. Анадырь» (Титов, 1890, стр. 53—54). Совершенно ясно, что через «каменную переграду» переходили посуху. Далее говорится: «...меж рек Нанаборы и Ковычи протянулся в море нос каменной и тот нос насилу обходят» (там же, стр. 54). Из текста видно, что этот «нос» не «каменная переграда», а другой мыс на пути к «каменной переграде», к которой плывут мимо устьев рек «Ковычи и Нанаборы».

Несмотря на то, что сведения о плавании С. И. Дежнева и Ф. А. Попова лежали под спудом в сибирских и московских канцеляриях, слухи о нем ходили среди населения и проникли в русскую и заграничную печать. В «Санктпетербургских ведомостях» от 16 марта 1730 г. такое известие (правда, без имен мореплавателей) было напечатано со слов В. Беринга, приехавшего из Сибири.

⁶ На шведской копии, выполненной А. Спарвенфельдом с так называемого чертежа 1672 г. (Bagrow, 1947), нанесена впадающая в губу Амура р. Samsatka; на копии с того же чертежа, исполненной Пальмквистом в 1674 г. (Nordenskjöld, 1897), написано: «р. Casdatka». Утверждение Л. С. Берга (1943, стр. 3), что название р. Камчатки появилось впервые на чертеже 1667 г., не может быть принято, так как из шести копий этого чертежа, подлинник которого неизвестен, только на одной имеется это название (Багров, 1914, стр. 11). На остальных пяти копиях: русской (Андреев, 1939в), трех шведских (Норденшельд, 1889; Титов, 1890; Алексеев, 1941) и немецкой (Кордт, 1906) вместо «Камчатка» написано «Колыма», «Колыма», «Milamo» или совсем нет надписи. Копия с надписью «Камчатка» составлена, судя по пометке на пей, в 1698 г., тогда как шведские копии составлялись, по свидетельству шведских офицеров, в 1669 и 1674 гг. (Норденшельд, 1889, стр. 91). Вероятно, на копии 1698 г. была впоследствии сделана поправка.

⁷ Связь с походом В. Атласова подтверждается и приведенным у А. И. Андреева (1939в) текстом к чертежу, в котором говорится об отправлении в 7209 г. (1701 г.) из Тобольска на Камчатку пятидесятника Кубасова (вероятно, Атласова) с отрядом и что «Отласов» ходил туда в 203 г. (1695 г.). Упоминаемые в тексте четыре чертежа Камчатки, по мнению опубликовавших их А. И. Андреева (1939в; Русские открытия в Тихом океане..., 1948) и А. В. Ефимова (1948), появились в период между концом XVII в. и 1713—1715 годами.

⁸ Чертеж И. Львова, точная дата составления которого неизвестна, был получен Г. Миллером в Якутске в 1736 г. Он опубликован А. В. Ефимовым (1948), который указал на связь его с чертежом Камчатки из «Служебной чертежной книги» С. У. Резцова. А. В. Ефимов (1949, стр. 801) датирует чертеж И. Львова 1711—1714 гг.

Обоснование этой датировки, однако, остается неясным, так как А. В. Ефимов ограничивается лишь замечанием о том, что И. Львов с 1710 по 1714 г. был приказчиком в Анадырске. На самом деле И. Львов в 1710 г. был приказчиком в Устьянском зимовье, а в 1714 г. находился в Олюторском остроге (Памятники Сибирской истории, 1885, стр. 73 и 504).

⁹ В атласе 1725 г. («Grosser Atlas»), изданном в Нюрнберге И. Гоманом, напечатана карта Камчатки на одном листе с изображением Каспийского моря. Над Камчаткой написано по-немецки: «Земля Камчадалия или Иедзо с Ламским или Пенжинским морем, они пройдены и описаны по воде и по суку во время многочисленных походов русских казаков и промышленников за соболем» (Берг, 1946а, стр. 79). Карта И. Гомана опубликована Л. С. Бергом (1943). Изображение северо-востока Азии на этой карте, как отметил А. В. Ефимов (1948, стр. 108), очень напоминает чертеж И. Львова. Однако некоторые детали (Изображение р. Анадырь, Анадырского залива, Шелагского мыса и др.), очевидно, заимствованы из других источников.

¹⁰ См. «Карту Якуцкую и Камчатцкому мысу и прежнему пути на Камчатской мыс, також и новой» (Ефимов, 1948), а также «Карту мест от р. Енисея до Камчатки лежащих», которую А. В. Ефимов (1948, стр. 96 и 109) датирует 1710—1711 гг. На последней восточный мыс Камчатки ограничен, но в надписи на нем сказано: «...а от Курильской земли (от южного конца Камчатки.— В. Г.) влево пошла земля низменная, через ее вдали значаца горы, а дале Курильской земли русских людей не бывало» (Ефимов, 1948, стр. 96—97).

¹¹ В истории походов И. П. Козыревского много неясного. Некоторые авторы (Миллер, 1758, стр. 299; Ефимов, 1948, стр. 86, 198; Лебедев, 1950, стр. 54; Огрызко, 1953, стр. 181) придерживаются мнения, что И. П. Козыревский совершил походы не только в 1711 и 1713 гг., но и в 1712 г. Однако краткие упоминания о походе 1712 г. имеются только на «Чертеже Камчадалского носу...» и в письме И. П. Козыревского В. Берингу (Огрызко, 1953), относящемся к 1726 г. В более ранних донесениях И. П. Козыревского (Спасский, 1823; Сгибнев, 1869в, стр. 84—85), в сообщениях Камчатских приказчиков В. Савостьянова и В. Колесова (Памятники Сибирской истории, 1882) и у историков Камчатки (Крашенинников, 1949; Сгибнев, 1869в) упоминания об этом походе нет. В отписке В. Колесова от июня 1713 г. говорится не о походах в 1712 и 1713 гг., как предполагают некоторые авторы, а о двух походах И. П. Козыревского в 1713 г.— в январе сухим путем на Большую реку и в июне — на острова.

Изложенное позволяет разобраться в происхождении «Чертежа вновь Камчадалские земли и моря», найденного в «Служебной чертежной книге» С. У. Ремезова (Русские открытия в Тихом океане...; Ефимов, 1948, стр. 112), на котором у южного конца Камчатки имеется надпись: «До сих мест доходили служилой Иван Козыревский с 18 человек и видели острова». Наиболее вероятно, что эта надпись связана с походом на Большую реку в 1713 г., во время которого И. П. Козыревский собрал сведения «о мере сколько Носовой земли до перелеву и за перелевом о морских островах» (Памятники Сибирской истории, 1882, стр. 542).

Нельзя считать достоверным и распространенное мнение о том, что И. П. Козыревский побывал во время плавания в 1713 г. на двух Курильских островах. В неопубликованном «доезде за руками камчатских казаков Ивана да Петра (вероятно, брата И. П. Козыревского.— В. Г.) Козыревских, Федора Брошникова, Агапита Лепихина с товарищи тридцать человек», сообщенном В. Колесовым в 1713 г. в Якутск и дошедшем до нас в пересказе Я. А. Елчина, говорится, что казаки побывали на трех островах (ЦГАДА, Госархив IX, II отд., д. 43, л. 375—376).

В этом «доезде» сказано также, что, по словам «иноземцев», живущих на островах, «около их в близости есть островов с семьдесят и больше». Отголосок этого сообщения мы находим на упомянутой карте Гомана 1725 г., где в правом нижнем углу имеется надпись по-немецки о том, что Курильских островов всего «возможно, 60 или даже 70».

¹² «Чертеж Камчадалскому носу и морским островам» И. П. Козыревского опубликован И. И. Огрызко (1953), который напечатал и имеющиеся на чертеже обширные надписи. В 1949 г. С. И. Баскин в статье «Большой чертеж Камчадалской земли» поместил схематическое изображение Камчатки с чертежа И. П. Козыревского и опубликовал имеющиеся на нем надписи. Публикация изобилует очень грубыми ошибками, поэтому пользоваться ею невозможно (Огрызко, 1953, стр. 190 и 194).

На «Чертеже Камчадалскому носу...» четко выделена цепь 14 следующих друг за другом островов между Камчаткой и «Матмаем». К западу от этой цепи помещены вразброд шесть островов и к востоку — один. И. П. Козыревский обращал большое внимание на цепь из 14 островов и стремился выделять их в некоторых донесениях, что явилось также причиной неясности в порядковой нумерации островов. В кратком сообщении, написанном в 1713 г. (Сгибнев, 1869в, стр. 84—85), он упоминает

только 14 островов, обозначая их порядковыми номерами. Но в донесении 1724 г. (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 87, л. 58 об.—60 об.) он называет и обозначает порядковыми номерами все Курильские острова (21). Неясность в нумерации Курильских островов нашла отражение и в литературе. Г. Миллер (1758), излагая известия И. П. Козыревского, упоминает 21 Курильский остров, но обозначает номерами только 14, образующих цепь между Камчаткой и «Матмаем». С. П. Крашенинников (1949) обозначает номерами все острова. Таким образом, например, о-в Шококи (Райкоке) оказывается то шестым, то двенадцатым. Такая неясность нумерации встречается и у других авторов.

¹³ Б. Фонтенель в «Похвальном слове царю Петру I», читанном после смерти Петра в Парижской Академии наук, членом которой Петр Первый состоял, говорит о посылке в 1720 г. Петром Первым двух кораблей из Архангельска для выяснения, «примыкает ли она (Америка.— В. Г.) к Татарии (Сибири.— В. Г.) или Северное море образует пролив в этом континенте» (*Histoire de l'Académie royale...*, 1727, стр. 121). Одно судно было остановлено льдами, а другое пропало. Рассказ об этом см. также у И. И. Голикова (1789, ч. VII, стр. 182) и в «Географическом лексиконе Российского государства или словаре...» (Полунин, 1773, стр. 163). В. Н. Берх (1821, стр. 113), однако, заявляет, что ему не удалось найти следов этой экспедиции в исторических источниках и полагает, что она не существовала.

О других приготовлениях Петра Первого к отправке кораблей для поисков пути на восток сохранились известия в докладной записке французского полномочного министра при русском дворе Кампредона от декабря 1721 г. (Сборник Русского исторического общества, 1884, стр. 422). Он сообщил о посылке «людей сведущих в мореплаваньи, в географии и в астрономии к устью р. Оби. Русское правительство предполагало, если море судоходно, строить здесь суда, которые в два месяца дойдут до Японии. А. И. Андреев (1946б) приводит правдоподобные предположения о том, что экспедиция состоялась. Прямых свидетельств об этом нет.

¹⁴ Такие предположения высказывались Д. Герасимовым, московским посланником при папском дворе в Риме, и были опубликованы в 1525 г. (Новокомский, 1908). В 1713—1714 гг. проект «О взыскании свободного пути морского от Двины реки, даже до Омурского устья и до Китая» был представлен Петру Первому «проектером» Ф. С. Салтыковым (Лебедев, 1950, стр. 81—83).

¹⁵ А. В. Ефимов (1950, стр. 467), ссылаясь на В. Н. Верха, утверждает, что Буш и Бутин — это одно лицо. Но у В. Н. Верха этого не сказано. Не упоминая про Буша, В. Н. Берх сообщает, что Бутин участвовал в экспедиции В. Беринга (1823б, стр. 5). Буш и Бутин — несомненно разные лица, так как в донесении от 26 апреля 1738 г. В. Беринг говорит о трех мореходах: Треске, Бутине и Буше (ЦГАДА, ф. 248, д. 180, л. 208—213).

¹⁶ Хранящиеся в ЦГАДА документы Я. А. Елчина состоят из копии записки (очевидно, без начала), опубликованной А. В. Ефимовым (1948), копии изложения морского похода И. Козыревского в 1713 г. и документа с изложением «скаски» пленного японца Санима. Первые два документа имели подпись Я. Елчина. В записке говорится о путях сообщения, наличии леса и железной руды, а также о возможности сеять хлеб на Камчатке и около Удского острога. А. В. Ефимов считает эту записку описанием подшито к ней карты. Записка была составлена не ранее 1718 г., так как в ней упоминаются события, относящиеся к этому году.

¹⁷ О. А. Евтеев (1950, стр. 42—44) сообщает, что подготовка к экспедиции для описания земель Сибири была начата еще в мае 1718 г. и что, по предложению генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, Морская академия выдвинула для посылки с экспедицией И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина. Из документов, приведенных О. А. Евтеевым, не видно, предполагалось ли тогда, что экспедиция отправится на Камчатку и далее.

¹⁸ Сведения о походе И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина через Сибирь на Камчатку и об их пребывании на Камчатке изложены С. И. Баскиным (1952), использовавшим хранящиеся в ЦГА ВМФ документы, содержащие показания Ф. Ф. Лужина и солдат Арапова и Выродова.

¹⁹ На карте И. К. Кирилова 1724—1730 гг. (Гнучева, 1946), на которой изображены северо-восточная часть Азии и Курильские острова, около о-ва Кетуй (Кетой), 16-го по счету (если считать острова без пропусков), есть надпись, что до него доходили геодезисты Евреинов и Лужин, посланные Петром Первым. О плавании до 16-го острова упоминается и в указе Сената в Адмиралтейств-коллегию от 31 декабря 1732 г. (Экспедиция Беринга, стр. 94). Правда, в Полном собрании законов (т. VIII, стр. 1008) при изложении того же указа говорится не о 16, а о шести островах. Но это, по-видимому, ошибка, тем более, что в этом тексте встречаются и другие неточности.

По вопросу о конечном пункте, достигнутом И. М. Евреиновым и Ф. Ф. Лужиным, были высказаны различные мнения. Г. Миллер в статье, составленной в 1737 г., писал, что геодезисты дошли до о-ва Симушир (Müller, 1774, стр. 48), который, если считать острова без пропусков, является 17-м. Позже, объясняя цель экспедиции поисками шестого острова, с которого японцы брали руду, он изменил свой взгляд, сообщив со слов морехода Буша, что экспедиция пристала к пятому острову, допуская вместе с тем, что Буш мог ошибиться в счете и остров был не пятый, а шестой (Миллер, 1758, стр. 324). Предположение о том, что геодезисты посетили пятый или шестой остров, выдвигают и другие исследователи (Бэр, 1849; Пекарский, 1862, т. I; Сгибнев, 1869а; Полонский, 1871; Лебедев, 1950). Л. С. Берг (1946а) пишет, что геодезисты достигли шестого острова, но оговаривается, что трудно установить, какой именно это был остров, так как счет различен. По мнению С. П. Крашенинникова (1949), это был о-в Симушир.

Буш, плывя вдоль гряды, считал, конечно, все виденные острова. Пятым должен был быть о-в Кукумива (Макаруши), а шестым — о-в Муша (Онекотан), но с этими островами не были связаны слухи о руде, относившиеся к о-ву Шококи (Райкоке) — 12-му, если считать все острова, или шестому по счету Г. Миллера, который не нумеровал небольшие острова, расположенные к востоку и западу от основной гряды. Если допустить, что Г. Миллер, передавая рассказ Буша, имел в виду шестой остров по своему счету, то непонятно, как Буш мог считать шестой остров пятым, поскольку пятым по счету Г. Миллера был о-в Сияскутан (Шиашкотан), отделенный от о-ва Шококи тремя небольшими островами: Икарма (Экарма), Машауч (Чирикотан) и Игайту (острова Ловушки). Как отмечено в тексте, мы признаем более достоверным сообщение И. К. Кирилова.

²⁰ Впервые о «Карте Якутской и Камчатскому мысу...» упомянул П. Н. Милюков (1905, стр. 402), который привел и надпись. А. И. Андреев (1943б, стр. 38, 51) указал, в каком архиве и в каком фонде она находится. На этом чертеже, вероятно, в той или другой мере отразилось влияние материалов И. П. Козыревского, но едва ли можно согласиться с мнением А. В. Ефимова (1948, стр. 109; 1949, стр. 784; 1950, стр. 121), что в его основу положен чертеж И. П. Козыревского, который был составлен в 1713 г. Можно предполагать, что на этом не найденном еще чертеже была показана цепь из 14 островов между Камчаткой и Матмаем, которую мы находим в кратком сообщении И. П. Козыревского 1713 г. (Сгибнев, 1869в, стр. 84—85) и на чертеже И. П. Козыревского 1726 г. Между тем на рассматриваемой «Карте...» в этой цепи только 5 островов, остальные же расположены в двух других цепях, которых нет на чертеже И. П. Козыревского 1726 г. К тому же на «Карте...» обозначено 19 Курильских островов, а не 21, как у И. П. Козыревского. Правда, названия некоторых из них напоминают названия островов на карте И. П. Козыревского. Можно предполагать, что чертеж был составлен в Якутской канцелярии, пользовавшейся дополнительными известиями или искаженными чертежами И. П. Козыревского.

²¹ А. В. Ефимов (1948), признавая опубликованную им записку Я. А. Елчина описанием этого чертежа, полагает, что чертеж был составлен в 1719 г. (стр. 111). Но записка и чертеж не могли быть отправлены позже 1718 г., так как в этом году Я. Елчин был отозван в Петербург из Сибири. Предположение о составлении чертежа в 1719 г. противоречит и утверждению А. В. Ефимова о том, что чертеж и связанные с ним документы повлияли на отправление Петром Первым геодезистов в 1719 г. (стр. 112), так как инструкция геодезистам была подписана 2 января 1719 г.

²² О задачах экспедиции в литературе высказывались различные догадки, чему немало способствовала строгая секретность инструкции Петра Первого (Памятники Сибирской истории XVIII в., 1885, стр. 290 и 291). Не знал о ней и Г. Миллер, который в 1758 г. склонен был отрицать слухи о том, что геодезисты ездили «дабы сумнение о соединении или отдалении Азии и Америки оным решено было». Рассуждая о цели экспедиции «по окончанию», он полагал, что намерение «клонилось на одни Курильские острова», особенно, может быть, на тот, с которого японцы, по слухам, брали руду (Миллер, 1758, стр. 323—324).

Когда инструкция Петра Первого от 2 января 1719 г. стала известна, исследователей стало смущать отмеченное в тексте несоответствие плавания геодезистов вдоль Курильских островов с заданием выяснить, соединяется ли Азия с Америкой. В результате возникло мнение, документально не обоснованное, о двух целях экспедиции. Одна из них — официальная, декларативная якобы была изложена в инструкции от 2 января 1719 г., которая, по мнению исследователей, не была секретной. В предполагаемой же ими секретной инструкции (которая, однако, до сего времени никем не найдена) была изложена действительная цель экспедиции, заключавшаяся в «разведывании» Курильских островов и Японии (Сгибнев, 1869а, стр. 41; Полонский, 1871, стр. 26; Егерман, 1914, стр. 448; Берг, 1946а, стр. 152; Ефимов, 1948, стр. 140),

или в поисках серебряной руды на шестом острове и в поисках «серебрянного острова» (Бэр, 1849, стр. 233; Евтеев, 1950, стр. 39).

В отличие от этих предположений С. М. Соловьев (6/г., кн. 4, стр. 243 и 838) и П. П. Пекарский (1862, т. 1) считали, что цель экспедиции была изложена в инструкции Петра Первого от 2 января 1719 г.

²³ А. Ф. Миддендорф (1860, стр. 55) неправильно утверждает, что первые определения широт в Сибири сделаны Д. Мессершмидтом. Последний прибыл в Тобольск в декабре 1719 г. (Андреев, 1939г, стр. 89), а И. М. Евреинов и Ф. Ф. Лужин были там в марте того же года.

²⁴ Пометка на карте, что «в едином градусе 60 миль», относится, очевидно, к градусам широты, так как на карте градус долготы вдвое меньше (около 30 миль). Это соответствует расстоянию между меридианами на 55° с. ш., где проходил путь геодезистов.

²⁵ Замечание в «Реестре», что они «обсервовали елевацию поля над горизонтом всякого места, которые писаны ниже», неточно. В некоторых из 47 пунктов они быть не могли. Иркутск, например, расположен далеко в стороне от пути геодезистов. Трудно допустить, что были посещены о-в Карагинский и остров, расположенный южнее, вероятно Моржовый; это отразилось бы на изображении восточного берега, который на карте представлен почти прямой линией. Не могли бы получиться и указанные в тексте грубые ошибки в определении расстояний между островами.

²⁶ «Carte nouvelle de l'Asie septentrionale» (см. «Histoire généalogique des Tatares», 1726), которую Ф. Страленберг (Strahlenberg, 1730, стр. 133) приписывает пленным шведам, затем «Carte nouvelle de tout l'Empire de la grande Russie dans l'estat où il s'est trouvé à la mort de Pierre le Grand...» (ЦГВИА, ф. ВУА, № 21082) и карта «La Russie asiatique tirée de la carte donnée par ordre du feu Czar» (см. «Recueil de voyages au Nord», 1727, также ЦГАДА, ф. 192, «Генеральные карты России», № 17) отличаются главным образом размером изображенной территории и оформлением. Г. Миллер (1761, стр. 484) относит их к 1725 г. и также приписывает пленным шведским офицерам. Сходная с ними четвертая карта под названием «Kamtschatka quae Japonum Oku Jeso», помещенная в левом углу большой карты «Imperium Japonicum in sexaginta et octo provinciis divisum», вышла в 1727 г.; она приложена к сделанному И. Шейхцером английскому переводу книги Кэмпфера (Kaempfer, v. III, 1906).

²⁷ Шведский офицер Ф. Табберт (получивший позднее фамилию Страленберг)... взятый в плен во время Полтавской битвы, пробыл в Сибири с 1709 по 1722 г. В 1715 г. он составил карту Сибири. Эта карта пропала во время пожара в его доме в Тобольске (Strahlenberg, 1726, стр. 29). В 1718 г. Ф. Страленберг составил вторую карту Сибири, отобранную губернатором Сибири князем М. П. Гагаринным, который запретил Страленбергу заниматься составлением карт. Потеряв две карты, Ф. Страленберг составил третью (Nova descriptio geographica Tatariae Magnae... una cum delineatione totius Imperii Russici imprimis accurate ostensa), время окончания которой не установлено. Она была издана отдельно от опубликованного в 1730 г. труда Ф. Страленберга, содержащего описание России и Сибири (Nord- und östliche Theil von Europa und Asia), и приложена только к немногим его экземплярам (Андреев, 1939г, стр. 91).

Судьба утерянных Ф. Страленбергом карт неизвестна. Ф. Страленберг был убежден, что их использовали другие картографы. Он полагал, что для составления карты, изданной в 1726 г. (вероятно, в книге «Histoire généalogique des Tatares»), и «последней, которую издал для этой части света Гоман», многое заимствовано из его утерянных карт.

По-видимому, одна карта Ф. Страленберга была в 1721 г. в руках у Петра Первого (Nordenskjöld, 1897, стр. 98). Представляет интерес сообщение В. Ф. Гнучевой (1946, стр. 12) о том, что в реестрах карт Географического департамента Академии наук упомянута карта Ф. Страленберга с датой 1725 г., которая теперь утеряна. Возможно, что это был один из вариантов или копия карты, опубликованной в 1730 г., срок окончания которой неизвестен.

Опубликованная карта Ф. Страленберга пользовалась известностью; однако, основанная главным образом на расспросных сведениях или на малосовершенных местных чертежах, она, конечно, не могла отличаться точностью. А. И. Андреев (1939г, стр. 90) полагает, что Ф. Страленберг, сотрудничая с Д. Мессершмидтом, использовал имевшиеся у последнего чертежи С. У. Ремезова.

²⁸ В литературе встречаются различные известия о годе выезда Д. Мессершмидта. Мы придерживаемся датировки, установленной А. И. Андреевым (1939г, стр. 89), который полагает, что Д. Мессершмидт прибыл в Тобольске с декабря 1719 г. по май 1720 г.

²⁹ А. Ф. Миддендорф (1860, стр. 56) отметил точность определения широт Д. Мессершмидтом на р. Нижней Тунгуске.

³⁰ П. Паллас (Pallas, 1782, стр. 105—147) опубликовал отрывки составленных Д. Мессершмидтом описаний путешествий. По сообщению Георги (Georgi, 1797, стр. 52), ему принадлежит подготовка этих описаний к печати. В. В. Радлов (1894) опубликовал отрывки из дневников Д. Мессершмидта, касающиеся археологических памятников.

К главе II (стр. 19—44)

¹ История возникновения представления об этом проливе неясна. А. Норденшельд (1889, стр. 5), Л. С. Багров (1914, стр. 6) и Л. С. Берг (1946а, стр. 20 и 21) не связывают его с каким-либо определенным фактом, полагая, что оно возникло в результате разного рода домыслов. О происхождении названия «Анианский», впервые встречающегося на карте Зальтерио 1566 г., существует большая литература (Берг, 1946а).

² Рассматривая вопрос о возникновении Первой Камчатской экспедиции, Л. С. Берг отмечает значение многолетних обращений Г. Лейбница к Петру Первому по этому вопросу (1946а, стр. 7—9). Но, как писал еще К. М. Бэр (1849, стр. 219), Петр Первый не всегда принимал проекты Г. Лейбница, которого, впрочем, очень уважал. Кроме того, как указано в тексте, Петр Первый и не рассчитывал найти пролив.

³ В рассказе А. К. Нартова сообщается, что Петр Первый в начале января 1725 г., будучи уже тяжело больным, «сочинил и написал собственною рукою наказ Камчатской экспедиции, которая долженствовала проводить и отыскивать мореходством того, не соединяется ли Азия к северо-востоку с Америкой». Передавая этот наказ генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину, Петр Первый сказал ему: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно, и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге чрез Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложеной путь, называемой Аниан, назначен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Ограда отечество безопасности от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству чрез искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее Голландцев и Англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских. О сем то написал инструкцию» (Майков, 1891, стр. 99).

⁴ В. Н. Берх (1823б, стр. 2) датирует инструкцию 23 декабря 1724 г.; А. С. Полонский (1850а, стр. 537) — 6 января 1725 г. В. Вахтин (1890, стр. 1 и 86) приводит обе даты. А. И. Андреев (1946б, стр. 200) считает правильной датой 6 января 1725 г.

⁵ По словам Джона Перри (1871, стр. 40 и 46), жившего в России с 1698 по 1715 г. и встречавшегося с Петром Первым, последний много раз выражал желание исследовать «есть ли возможность кораблям проходить мимо Новой земли в Татарское море на восток от реки Оби, где можно было бы строить корабли для отправления к берегам Китая, Японии и проч.» Вместе с тем Петр Первый придерживался мнения, что «эта страна (Новая земля.— В. Г.), вероятно, в этом месте соединяется с Америкой». Конечно, в разное время у Петра Первого могли возникать и другие представления о связи между материками.

⁶ Журнал Первой Камчатской экспедиции со дня ее выхода из Петербурга и до возвращения обратно вел гардемариан П. А. Чаплин, произведенный во время экспедиции в мичманы. В пути через Сибирь журнал вел также и А. И. Чириков. В. Н. Берх (1823б, стр. III) приписывает А. И. Чирикову ведение и судового журнала, который был подшит к журналу П. А. Чаплина и мало чем отличался от него. Об этом журнале упоминает и Ф. П. Литке (1835, стр. 250).

В. Беринг представил свои сообщения об итогах экспедиции в рапорте от 10 февраля 1730 г. и в «Краткой реляции о Сибирской экспедиции», составленной, по изысканиям А. И. Андреева (1943а, стр. 9), в апреле 1730 г. Рапорт В. Беринга не был целиком опубликован, выдержки из него приведены А. С. Полонским (1850а) и А. И. Андреевым (1943а). «Краткая реляция» была впервые опубликована в Париже, на французском языке, в подробном пересказе дю-Гальда (Halde, 1735). В России она печаталась неоднократно начиная с 1824 г. (см., например, сб. «Экспедиция Беринга»).

Выдержки из журналов П. А. Чаплина и А. И. Чирикова публиковали В. Вахтин (1890), В. Н. Берх (1823б) и Ф. П. Литке (1835). А. С. Полонский (1850а) и В. Н. Берх (1823б), излагая ход экспедиции, сообщают подробности (особенно А. С. Полонский), взятые из неопубликованных документов. В сб. «Экспедиция Беринга» опубликована инструкция Ф. М. Апраксина от 3 февраля 1725 г.

Существенный недостаток всех упомянутых публикаций состоит в том, что они передают записи в сокращенном виде, а иногда лишь в пересказах. Особенно свободно обращается с источниками В. Н. Берх. Так, например, передавая запись за 9 августа 1728 г., он пишет: «тихий ветер, облачная погода», тогда как опубликованная им же в приложении полная запись за 9 августа гласит: «Погода облачная и тихая, потом туман, великий дождь и др. перемены; с первого часу (полоудночи.— В. Г.) сияние луны, ветер средний; в три часа — ясно; с 5 час.— погода ясная, ветер немал» (стр. 49).

⁷ В «Краткой реляции о Сибирской экспедиции» В. Беринг сообщает, что инструкция Петра Первого он получил 5 февраля 1725 г. Мы предпочитаем датировку Ф. М. Апраксина, канцелярия которого, конечно, точно регистрировала движение бумаг.

⁸ В. Беринг в «Краткой реляции о Сибирской экспедиции» (Экспедиция Беринга, стр. 60) пишет, что из Тобольска выступили 15 мая 1725 г. Здесь и дальше в случае расхождений мы придерживаемся данных из журнала П. А. Чаплина, который вел в пути ежедневные записи.

⁹ В выписке из журнала А. И. Чирикова (Вахтин, 1890, стр. 77) сказано, что экспедиция 26 сентября остановилась недалеко от Илимска и что В. Беринг поехал в Илимск еще 22 сентября. Дата прибытия в Илимск, указанная в «Краткой реляции о Сибирской экспедиции» В. Беринга,— 29 сентября — очевидно, неточна.

¹⁰ Например, в рапорте комиссара Дурасова от 17 марта 1727 г. сказано: «В прошлом 726 г. бежали от рек Алдана и Юдомы якутские служилые люди» и далее перечислены имена 28 человек (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 87, л. 155).

¹¹ «Ширина его (пролива.— В. Г.) достигает от 7 до 10 миль, но рифами у обоих берегов свободный проход уменьшается до 3—3½ миль. Многочисленные подводные опасности, сильные до 5 узлов течения, вызывающие постоянную толчею и водовороты, большая волна и зыбь очень затрудняют плавание. В 18 в. проход этот считался очень опасным» (Сергеев, 1947, стр. 30—31).

¹² В. Беринг в «Краткой реляции», не называя прямо числа членов экипажа, указывает, что нагрузил «бот всякими припасами, чтоб можно было 40 человеком пропитатца год» (Экспедиция Беринга, стр. 64). В журнале П. А. Чаплина говорится о 44 человеках (Вахтин, 1890, стр. 53). То же число членов экипажа принимают В. Н. Берх (1823б, стр. 29) и А. С. Полонский (1850а, стр. 547). По нашему мнению, более точно число, указанное П. А. Чаплиным, так как, надо полагать, В. Беринг, говоря о расчетах продовольствия, давал округленную цифру.

¹³ Л. С. Берг (1946а, стр. 88) высказывает предположение, что в записке А. И. Чирикова речь идет не о Петре Татаринове, который был приказчиком Анадырского острога, а о Петре Полове, давшем показания о чукчах. Но с этим вряд ли можно согласиться. В «Известии о северном морском ходе россиян» (Винсгейм, 1742) отмечено, что эти сообщения «поступили от в капитанском ранге подъячего Петра Татаринова, который, будучи в Анадырском остроге, получил их от лучших чукчей».

¹⁴ Ф. М. Апраксин в инструкции от 3 февраля 1725 г. (Экспедиция Беринга, стр. 373) упоминает о переданной В. Берингу «для известия тамошних мест» карте, сочиненной в 1721 г. В. Ю. Визе (1948, стр. 61), и утверждает, что В. Берингу была вручена для руководства карта Ф. Страленберга. Возможность этого не исключена, так как Петр Первый получал один из ее вариантов в 1721 г. К сожалению, В. Ю. Визе не делает ссылок на использованные им источники.

¹⁵ Из ответа академика Х. Винсгейма в 1749 г. Космографическому обществу в Нюрнберге можно заключить, что карта И. Гомана 1725 г. была составлена по заказу Я. Брюса (Гнучева, 1946, стр. 158). Через несколько десятков лет ее вновь опубликовал французский географ Ф. Бюаш (Buache, 1753).

¹⁶ На карте Зиновьева, впервые опубликованной Г. Кааном (Caheu, 1911), а затем А. В. Ефимовым (1948), записано: «Збирал сию ланкарту с описи геодезиста Петра Скобельдына с товарищи и с печатных ланкарт и с разных чертежей и рисовал геодезист Михаил Зиновьев». За рамкой карты слева есть пометка: «Ланкарта Сибирской провинции прислана от комиссара господина Кольчева (комиссар при посольстве С. Рагузинского.— В. Г.) при его доношении из Селенгинска от 24 мая, которая получена в Сан-Петербурхе августа 22 дня 1727 г.».

¹⁷ В судовых журналах того времени был принят счет суток от полудня предыдущего (по гражданскому счету) числа. Так, например, сутки 16 августа по судовому журналу считались с полудня 15 августа по гражданскому счету до полудня 16 августа (Соколов, 1951в, стр. 259).

¹⁸ Карта А. И. Нагаева была впервые опубликована А. В. Ефимовым в сб. «Открытия русских землепроходцев...» Сообщение (стр. 544) о том, что на карте А. И. Нагаева нанесены итоги обеих Камчатских экспедиций, ошибочно, так как на ней не показаны северные берега Азиатского материка и те участки побережья Америки, к которым плавали суда Второй Камчатской экспедиции.

¹⁹ Карта В. Н. Берха с небольшими изменениями и с обозначением дат была также воспроизведена Ф. Голдером (Goilder, 1922).

²⁰ Ф. П. Литке (1835, стр. 216) полагает, что, судя по журнальной записи за 18 августа, эту бухту они, возможно, видели на обратном пути.

²¹ В «Краткой реляции о Сибирской экспедиции» (апрель 1730 г.) В. Беринг передает довольно точно смысл сообщения чукчей, но в рапорте от 10 февраля 1730 г. он заметно изменяет их слова, сообщая, что «земля их делает две губы и обращается к устью Колымы, а всюду прилегло море и великие отмели, и на море, в которое впаала река Колыма, всегда носит льды» (Андреев, 1943а, стр. 9).

²² В отношении северного предела плавания бота «Св. Гавриил» данные в разных источниках неодинаковы. В судовом журнале П. А. Чаплина указаны $67^{\circ}18'48''$ (Вахтин, 1890, стр. 57), в рапорте В. Беринга от 10 февраля 1730 г. (Андреев, 1943а, стр. 9) и в отчете, составленном Адмиралтейств-коллегией 5 октября 1738 г. (Экспедиция Беринга, стр. 375), — $67^{\circ}19'$, а в «Краткой реляции о Сибирской экспедиции» В. Беринга — $67^{\circ}18'$ (там же, стр. 64). Мы придерживаемся записи в журнале П. А. Чаплина, сделанной непосредственно после наблюдений.

²³ По мнению М. И. Белова (1956, стр. 256), такой записью П. А. Чаплин от имени всех офицеров высказался против В. Беринга, подчеркнув, что последний принял решение возвратиться на Камчатку, не посоветовавшись с ними.

²⁴ А. И. Чириков и М. Шпанберг в своих записках, поданных В. Берингу 13—14 августа, дали различные определения положения корабля 13 августа.

²⁵ Как видно из приведенной в тексте выдержки из записки А. И. Чирикова, А. С. Полонский (1850а, стр. 550—552) и М. И. Белов (1956, стр. 255) едва ли правы, излагая содержание записок, представленных А. И. Чириковым и М. Шпанбергом по распоряжению В. Беринга, как выступления на совещании, состоявшемся на корабле.

²⁶ Предложение идти еще в течение трех дней до 66° с. ш. непонятно, поскольку 13 августа судно находилось, по мнению М. Шпанберга, на $65^{\circ}30'$ с. ш. А. С. Полонский (1850а, стр. 551), приведя этот текст, рядом с 66° поставил в скобках 67° с вопросительным знаком.

²⁷ Едва ли можно согласиться с предположением М. И. Белова (1956, стр. 256), что В. Беринг не хотел плыть к Аляске, так как опасался, что, закрепив ее за Россией по праву первооткрытия, он нанесет ущерб интересам Франции, союзницы Голландии. Это предположение трудно связать с тем, что в 1730 г. В. Беринг подал правительству проект организации экспедиции к Америке и Японии. Плавание к берегам последней не могло совпадать с интересами Голландии, которая была единственной из европейских стран, получивших от Японии право торговли.

²⁸ В датах, которые приводит Г. Миллер (1758), имеются отступления от «Краткой реляции о Сибирской экспедиции» В. Беринга и от журнала П. А. Чаплина. Прибытие А. И. Чирикова в Охотск из Якутска Г. Миллер относит к 30 июня, а не к 3 июля, как это указано в двух названных источниках, отплытие судна в море — к 20 июля вместо 14 июля и т. д.

²⁹ Г. Миллер (1758, стр. 112) утверждает, что данные о «настоящем Чукотском носе» и прилегающих местах были впервые обнаружены им в Якутске в 1736—1737 гг. Но, общаясь в Петербурге и Якутске с участниками Первой Камчатской экспедиции, Г. Миллер едва ли мог не знать карты П. А. Чаплина 1729 г. с изображенным на ней «Шелагским мысом». Он упоминает о публикации дю-Гальдом в 1735 г. рапорта В. Беринга, к которому были приложена карта П. А. Чаплина.

³⁰ Карта Г. Миллера опубликована А. Норденшельдом (Nordenskjöld, 1897, вариант 1758 г.) и А. В. Ефимовым в сб. «Открытия русских землепроходцев...» (вариант 1754 г.).

³¹ Карта помещена после оглавления в первой части книги «Oude en Nieuwe Staat...» (1744).

³² В судовом журнале П. А. Чаплина за 16 августа дана следующая табличка (Вахтин, 1890, приложение):

Именование усмотренных мест	Номер	Время усмотрения
Земля с горами, на которой живут чюхчи	1	По полуночи в 9 часов
На р. Пороне горы высокие . .	2	По полуночи в 12 часов
Влево земля и чаем, что остров	3	В тож время

По мнению Л. С. Берга (1946а, стр. 24), неизвестно, какой из островов Диомида был открыт В. Берингом. Однако приведенная выдержка из журнала ясно показывает, что речь может идти только о первом острове (о-в Ратманова).

³³ В «Каталоге городам и знатым местам сибирским...», приложенном к «Краткой реляции о Сибирской экспедиции» (Экспедиция Беринга, стр. 66), «о-в Св. Диомида» показан на 67° с. ш.

³⁴ Эти ошибки были впоследствии повторены на карте Морской академии 1746 г., в составлении которой принимал участие А. И. Чириков. На этой карте оказались нанесенными и «о-в Диомида» с карты П. А. Чаплина и острова, открытые в 1731 г. И. Федоровым и М. С. Гвоздевым. Карту опубликовали В. А. Дивин (1953) и М. И. Белов (1954б).

³⁵ П. А. Чаплин в путевом журнале пишет, что 23 февраля «господин капитан поехал наперед в 4-х человеках» (Вахтин, 1890, стр. 73). В «Санктпетербургских ведомостях» от 16 марта 1730 г. сказано: «Прошедшего 28 дня февраля прибыл сюда из Камчатки паки назад от флота капитан Беринга». Это и есть дата прибытия В. Беринга с четырьмя участниками экспедиции. Об остальных участниках экспедиции, которые от Тобольска шли на 24 подводах, П. А. Чаплин сообщает, что 1 марта «по полудни часу в 8 прибыли в Санкт-Петербурх и явились к капитану». Эту же дату прибытия экспедиции указывает В. Беринг в «Краткой реляции о Сибирской экспедиции».

³⁶ В. Н. Берх (1823б, стр. 1) утверждает, что первые известия были сообщены Г. Миллером в 1758 г. По сообщению Л. С. Берга (1946а, стр. 90 и 347), пересказ допесения В. Беринга и карта были впервые опубликованы в 1735 г. во Франции дю-Гальдом в приложении к четвертому тому «Описания Китая». Он полагал, что эта публикация оставалась неизвестной лицам, занимавшимся историей экспедиции. Но, как отмечено, Г. Миллер был о ней осведомлен уже в 1758 г.

³⁷ Одним из первых известий о Первой Камчатской экспедиции является также «Сокращение исторического известия о Камчатке, которое касается до первого путешествия капитана-командора Беринга», опубликованное в «Календаре или месяцеслове историческом на 1736 г.», изданном в 1735 г. (Косвен, 1955, стр. 557).

³⁸ В XVIII в. был распространен счет долготы от о-ва Ферро из группы Канарских островов (17°19'46" к западу от Гринвича).

³⁹ В этой газетной заметке есть и другая неточность: указано, что на обратном пути экспедиция выехала из Охотска в конце августа, а не в конце июля, как записано в журнале П. А. Чаплина (Вахтин, 1890, стр. 68).

⁴⁰ Такая же надпись сделана на западном и северном берегах Пенжинского моря. Надписи на опубликованных (Багров, 1914; Берг, 1946а; Ефимов, 1950) экземплярах этой карты очень неразборчивы. Мы пользовались копией без названия, на обороте которой написано: «Карта, означающая кочевье остяков, тунгусов, якутов и прочих народов» и указано: «Рисовал мичман Петр Чаплин» (ЦГАДА, ф. 192, карты Иркутской губ., № 7).

⁴¹ Оценка результатов исследований Первой Камчатской экспедиции выражена в постановлении от 16 февраля 1733 г. о Второй Камчатской экспедиции, где сказано: «...дабы оной вояж (Вторая Камчатская экспедиция.— В. Г.) учинился не бесплодной, как и первой». В литературе высказывалось мнение (Соколов, 1851в, стр. 222), что в этих словах заключается положительная оценка результатов экспедиции. Но на языке канцелярий XVIII в. эта фраза означала не одобрение, а порицание. По крайней мере, именно в таком смысле это же выражение употреблено в указе Адмиралтейств-коллегии от 18 марта 1741 г. по поводу командирования в третий раз геодезистов В. Шетилова и П. Скобельцына на поиски пути к Охотскому морю после двух первых неудачных попыток. В нем сказано: «Притом довольно

рассмотреть, чтоб оной путь был не бесплодной, как то уже двоекратно учинено» (Экспедиция Беринга, стр. 254).

⁴² У Г. Миллера можно встретить противоречивые сообщения об оценке результатов работ Первой Камчатской экспедиции. Он заявлял, что при организации Второй Камчатской экспедиции задачи, стоявшие перед Первой Камчатской экспедицией, считались то уже выполненными (1758, стр. 9), то невыполненными (МАН, 1890, стр. 253). Мы встречаем у него утверждения, что неуспех Первой Камчатской экспедиции выяснился в 1736—1737 гг. (1758, стр. 393) и вместе с тем заявления, что это произошло после Второй Камчатской экспедиции (Müller, 1753, стр. 551).

⁴³ В августе 1730 г. В. Беринг был произведен в капитан-командоры не в очередь, а по «высочайшему повелению». Ему была выдана награда в 1 тыс. руб. (вдвое больше, чем выдавалось другим капитан-командорам, которых посылали в дальние экспедиции). Были повышены в звании также не в очередь и другие участники экспедиции (Соколов, 1865, стр. 104).

⁴⁴ Карта П. А. Чаплина, посланная из Охотска (Андреев, 1943а, стр. 9), была получена в Петербурге в 1728 г. (см. статью в «Санктпетербургских ведомостях» от 16 марта 1730 г.). Публикуемая нами копия хранится в ЦГВИА (ф. 3 л., карты Восточной Сибири, № 2301). Она не имеет подписи и даты и связь ее с экспедицией 1725—1730 гг. предположительна. Другая подобная карта хранится в ЦГАДА (Картографическая библиотека МГА МИД, ф. 192, карты Иркутской губернии, № 23); на ней показан и путь экспедиции по Камчатке.

⁴⁵ Подлинник итоговой карты не обнаружен. Об авторе и сроке ее составления можно судить по надписям на некоторых из копий. На копии, хранящейся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР (карта № 349; по Б. В. Александрову, 1946, — карта № 94), написано: «Рисовал от флота капитана командора Беринга команды ево мичман Петр Чаплин. С подлинной рисовал геодезист Иван Ханьков». Об авторстве П. А. Чаплина сказано и на копии, хранящейся в ЦГАДА (см. прим. 40). Дата составления указана в надписи на копии, хранящейся в Британском музее (см. рис. 11): «Diese Charte über Sibirien nimmt ihren Anfang zu Tobolske ostwärts bis an die eusserste Grentz von Sükotsekoy. Gemacht unter dem Com-mende des capt. commandeurs Bering, Anno 1729» (Skelton, 1953). А. И. Андреев (1949, стр. 126; 1943б, стр. 40) также сообщает, что автором карты, составленной в 1729 г., является П. А. Чаплин.

Других пометок об авторстве и сроке составления итоговой карты Первой Камчатской экспедиции на известных в настоящее время копиях не встречается. А. В. Ефимов (1950, стр. 168) указывает, что опубликованная им карта является подписанной П. А. Чаплиным копией карты, составленной В. Берингом — П. А. Чаплиным. На копии, хранящейся в ЦГВИА (ф. ВУА, № 23781), такой подписи нет. Очевидно, А. В. Ефимов ссылается на другую копию.

Учитывая изложенное, мы полагаем, что утверждения (Halde, 1735; Багров, 1914, стр. 19; Берг, 1946а, стр. 88; Визе, 1948, стр. 62) о том, что итоговая карта Первой Камчатской экспедиции составлена В. Берингом, являются пока только предположениями.

⁴⁶ Пять копий этой карты находятся в Швеции, три — в Париже, одна — в Копенгагене (составлена в конической проекции) и одна — в Лондоне.

⁴⁷ Карта опубликована Л. С. Багровым (1914) и ошибочно названа им картой Н. Витсена. Публикацию карты И. Идеса см. в сб. «Recueil de voyages au Nord», 1732).

⁴⁸ Д. Кук (Cook a. King, 1785, стр. 473) пишет: «Отдавая справедливость памяти В. Беринга, я должен сказать, что он очень хорошо нанес на карту берега и определил широту и долготу с точностью, которую трудно ожидать, зная возможности, бывшие в его распоряжении».

⁴⁹ П. А. Чаплин сообщает, что лунное затмение происходило 15 февраля 1728 г. во время пребывания экспедиции в Верхне-Камчатске. У И. Делиля (Соколов, 1851в, стр. 443) и А. Ф. Миддендорфа (1860, стр. 66) упоминается два лунных затмения, но без точных данных о них.

⁵⁰ На копии, хранящейся в Швеции, впервые опубликованной в России Л. С. Багровым (1914), изображены разные народности Сибири, их одежда, предметы обихода. Очень хорошее воспроизведение этой копии на трех больших листах имеется в редкой книге А. Норденшельда (Nordenskjöld, 1892). Их фотокопии в натуральную величину имеются в ЦГА ВМФ, Архив Гидрографического управления (№ 229). В очень большом масштабе на одном листе эта копия карты Чаплина приводится в сб. «Anecdota cartographica» (Bagrow, 1950). К. Бьеркбом (Björkbohm, 1941, стр. 131—132) полагает, что фигуры, изображенные на карте, являются

наиболее ранними рисунками на эту тему. Интересны также рисунки и на копии, хранящейся в Британском музее, детали которой опубликованы Скелтоном (Skelton, 1953).

Зная состав Первой Камчатской экспедиции, трудно высказать предположение о художнике, которому принадлежат рисунки на двух упомянутых копиях. Можно допустить, что они писались в Петербурге с моделей, одетых в вывезенные одежды.

⁵¹ В письме от 9 января 1729 г. к президенту Академии наук Л. Блюментросту по поводу карты 1727 г., представленной В. Берингом, И. Делиль подробно рассматривает путь В. Беринга через Сибирь (Гнучева, 1940б, стр. 131—132). Нельзя согласиться с А. И. Андреевым (1943а, стр. 11; 1943б, стр. 41), который полагает, что письмо И. Делиля относится к карте 1729 г. Совершенно очевидно, что ко времени составления письма (январь 1729 г.) карта 1729 г. не могла быть получена в Петербурге. Кроме того, И. Делиль говорит о плавании В. Беринга в «Восточном» море в 1728—1729 гг., как о предстоящем событии.

⁵² Дю-Гальд сообщает, что получил карту от польского короля, которому она была поднесена, как подарок «достойный его внимания и любознательности» (Halde, 1735, стр. 452). Учитывая сообщение Каана о пересылке карты И. Делиля Ж. д'Анвиллю (конечно, секретно), можно предполагать, что версия о польском короле была придумана, чтобы скрыть эту пересылку. Заслуживает внимания, что Ж. д'Анвиль сообщает о передаче польским королем дю-Гальду лишь донесения В. Беринга, но ничего не говорит о передаче карты (Anville, 1737а, стр. 9).

⁵³ На этой карте о-в св. Диомида назван о-вом Димитрия.

⁵⁴ Копию карты получил не только голландский посол барон Зварт (Белов, 1956, стр. 256) в 1733 г., но и в 1747 г. английский посол Гиндфорд («Сборник русского исторического общества», 1897, стр. 452). В Стокгольме уже в 1733 г. имелась копия карты Первой Камчатской экспедиции, которую, в свою очередь, скопировал французский посол де Кастейя (Bagrow, 1948—1949, стр. 139).

К главе III (стр. 45—54)

¹ «Карта Шестакова» 1725 г. описана кратко Г. Миллером (1758, стр. 119). Описание Г. Миллера относится, по-видимому, к чертежу, копия которого с французскими надписями, снятая И. Делилем, опубликована Ф. Голдером (Golder, 1914). С левой стороны сверху на ней сделана надпись по-французски, гласящая, что карта составлена якутским жителем Афанасием Федотовичем Шестаковым. Копия этого чертежа с русскими надписями воспроизведена Л. С. Бергом (1920), она напечатана также в современном издании работы Ф. П. Врангеля (1948) и в книгах некоторых других авторов.

Несмотря на примитивность чертежа, вытянутая с севера на юг форма полуострова и расположение Курильских островов напоминают действительные.

Происхождение этой «карты» не совсем ясно. Еще Г. Миллер отметил, что неграмотный А. Ф. Шестаков не мог быть ее автором. В современной литературе с «картой А. Ф. Шестакова» связывают карты И. К. Кирилова 1724—1730 гг. и И. Гомана 1725 г.

Некоторое время чертежом А. Ф. Шестакова ошибочно считалась первая из этих двух карт. По словам самого И. К. Кирилова, она была составлена после того, как при рассмотрении в 1724 г. в Сенате русско-китайских дел обнаружилось отсутствие карты граничащих с Китаем районов Сибири (Андреев, 1943а, стр. 35). И. К. Кирилов предложил Петру Первому «китайские в Пекине печатанные карты... к чему смелость придалась и о Камчатской Евреиновой карте помянуть, так что Камчатка гораздо далее Японии, тогда его величеству невероятно быть стало, однакож повелел: соединя Камчатскую и Китайские карты на один лист положить... Чрез одну ночь своеручно нарисовал и объявил, кою изволил к себе взять. А как был я в Москве, видел ее у фельдмаршала графа Брюса и объявил, что получил он от его величества для скопирования. В начале же 725 году... отправлен капитан Беринг... и как он возвратился, то и восточную сторону Камчатки в карту прибавил и далее прежнего известия около 30 градусов длины ближе к Америке показалось» (ЦГАДА, ф. 199, д. 512, № 1, л. 1 об.).

Таким образом, в основу карты И. К. Кирилова 1724 г. были положены карта И. М. Евреинова и китайские карты, но в дальнейшем И. К. Кирилов перерабатывал карту. Он нанес на нее объекты с чертежа А. Ф. Шестакова 1725 г.—остров и «Большую Землю» против р. Колымы, а также остров против северо-восточной оконечности Азиатского материка. Из приведенного выше сообщения И. К. Кирилова видно, что он использовал также и известия В. Беринга о Первой Камчатской экспедиции. Поэтому датировать карту И. К. Кирилова следует 1724—1730 гг.

Влияние первоначальных источников (карты И. М. Евреинова и китайских карт) довольно ясно сохранилось на копиях карты И. К. Кирилова. О заимствовании из китайской карты (ЦГАДА, ф. 192 Китай, № 3) говорят не только надписи на карте Кирилова, но также очертания Берингова моря до Амура и изображение Амура и Сахалина. Влияние же карты И. М. Евреинова заметно в очертаниях северного берега Охотского моря и первых 14 Курильских островов, а также в расположении их по отношению к Камчатке. Некоторые надписи у островов (второго, девятнадцатого, двадцать первого) напоминают надписи на чертеже А. Ф. Шестакова.

Действительное происхождение карты И. К. Кирилова стало известно не сразу. Впервые ее копия с русскими надписями была опубликована Л. С. Багровым (Bagrow, 1931), который датировал ее 1730 г. и считал одним из чертежей для генеральной карты И. К. Кирилова (1734 г.).

Экземпляр с французскими надписями, хранящийся в Отделе рукописной книги библиотеки Академии наук СССР, не имеющий названия, был опубликован в 1935 г. Л. С. Вергом. Совпадение некоторых объектов на ней с объектами в описании карты А. Ф. Шестакова, имеющемся у Г. Миллера, было причиной того, что Л. С. Берг (1935, стр. 108) назвал ее картой А. Ф. Шестакова. Позднее Л. С. Берг признал неправильность названия, данного им карте И. К. Кирилова 1724—1730 гг., и датировал ее сначала «не ранее 1726 г.» (1943, стр. 6), а затем — «не позже 1726 г.» (1946а, стр. 96). Наконец, В. Ф. Гнучева (1946) опубликовала копию этой же карты с латинскими надписями, хранящуюся также в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР.

В дальнейшем возникла новая неясность. А. И. Андреев, отмечая ошибку Л. С. Берга, высказал мнение, что карта И. К. Кирилова 1724 г. была издана Я. Брюсом на одном листе с картой Каспийского моря в атласе И. Гомана в 1725 г. Воспроизведенная же Ф. Голдером (Golder, 1914), «карта А. Ф. Шестакова» является копией карты И. К. Кирилова 1724 г. с поправками, сделанными после бесед с А. Ф. Шестаковым, а карта И. К. Кирилова, воспроизведенная Л. С. Бергом в 1935 г., представляет собой копию карты И. К. Кирилова 1724 г. с поправками, внесенными И. Делилем (Андреев, 1943а, стр. 37, 1943б, стр. 39). М. С. Боднарский (1947, стр. 233) также утверждал, что карта А. Ф. Шестакова является исправленной и дополненной копией карты из атласа И. Гомана. А. В. Ефимов карту из атласа И. Гомана 1725 г. называет картой И. К. Кирилова 1724 г. (Ефимов, 1949, стр. 780, 781 и 802).

Ошибочность этих мнений ясна из того, что на карте И. К. Кирилова 1724 г., согласно его рассказу, должно быть видно влияние китайских карт и карты И. М. Евреинова. Но из упомянутых трех карт (карта Гомана 1725 г.; карта Шестакова, опубликованная Ф. Голдером; карта И. К. Кирилова 1724—1730 гг.) это влияние можно проследить только на карте И. К. Кирилова 1724—1730 гг.

На карте И. Гомана заметно влияние других карт, а не карты И. К. Кирилова. А. В. Ефимов (1948, стр. 101) отметил явную связь очертаний изображенного на ней Чукотского п-ова с его очертаниями на русских чертежах С. У. Ремезова 1700 г. и И. Львова. Нами отмечено влияние сообщений И. Козыревского и сибирских чертежей. Кроме того, на этой карте против Камчатки расположен отделенный от полуострова узким проливом огромный остров или материк («Земля Есо»), которого нет на карте И. К. Кирилова.

Ф. Бюаш (Buache, 1753, стр. 10) сообщает, что карта И. Гомана составлена по первым докладом немцев, приехавших в Петербург. А. В. Ефимов (1950, стр. 116) предполагает, что «немцы» — это шотландцы, братья Брюсы. Впрочем, он подтверждает также (стр. 115), что И. Гоманом отпечатана карта И. К. Кирилова.

Происхождение «карты А. Ф. Шестакова» 1725 г., опубликованной впервые Ф. Голдером, проследить трудно. Мы уже отмечали некоторую связь ее с чертежом И. П. Козыревского. Ф. Голдер (Golder, 1914, стр. 113), высказавший предположение, что чертеж А. Ф. Шестакова является копией чертежа И. Козыревского, не видел, вероятно, чертежа И. П. Козыревского 1726 г. и изображенного на нем мыса Лопатки, не повторяющегося у А. Ф. Шестакова.

Таким образом, три опубликованные карты (А. Ф. Шестакова 1725 г., И. К. Кирилова 1724—1730 гг., И. Гомана 1725 г.) совершенно различны.

Недавно карта А. Ф. Шестакова вновь привлекла к себе внимание, и Н. Н. Зубов (1954, стр. 61) предложил называть ее впрямь картой И. Львова, так как Ф. П. Врангель, ссылаясь на Г. Миллера, назвал И. Львова «сочинителем Шестаковской карты».

В пользу мнения, что не А. Ф. Шестаков был автором карты, говорит как будто то, что А. Ф. Шестаков в ордере от 11 марта 1730 г. предлагал геодезисту М. С. Гвоздеву «обогнуть Камчатский нос и идти, где остров Большая Земля против Анадырского устья» (Сгибнев, 1869б, стр. 14—15). Такое представление о положении «Большой Земли» расходится с чертежом А. Ф. Шестакова, на котором против устья Анадыря нанесен небольшой остров, а «Большая Земля» изображена против устья Колымы. Но если и можно допустить, что А. Ф. Шестаков не является автором этого

чертежа, то нет оснований приписывать его авторство И. Львову. Г. Миллер в своих работах нигде не называет И. Львова автором рассматриваемой карты, хотя он и считал, что она составлена не А. Ф. Шестаковым.

² Некоторые из этих французских карт опубликованы А. В. Ефимовым в приложении к сб. «Открытия русских землепроходцев...»

³ А. С. Сгибнев (1869б, стр. 7), а также М. И. Белов (1956, стр. 258) утверждают, что начальником экспедиции был А. Ф. Шестаков, а Д. И. Павлуцкий — его помощником.

⁴ Изложение истории отрядов экспедиции Д. И. Павлуцкого и А. Ф. Шестакова у М. И. Белова (1956, стр. 258—260) в некоторых частностях отличается от нашего текста (например, место встречи А. Ф. Шестакова с возвращавшимся из экспедиции В. Берингом; количество ботов, построенных в Охотске; название реки, на которой был убит А. Ф. Шестаков; место крушения «Восточного Гавриила»; дата приказа, направленного Д. И. Павлуцким И. Федорову и М. С. Гвоздеву, и др.). Мы не воспользовались данными М. И. Белова вследствие отсутствия у него ссылок, поясняющих происхождение этих сведений.

⁵ По словам А. П. Соколова (1851д, стр. 80; 1883, стр. XXX), эти известия не обратили на себя внимания Охотской канцелярии и Д. И. Павлуцкого и никуда дальше не пересылались. По изысканиям же А. И. Андреева (1943б, стр. 42), донесение И. Федорова Д. И. Павлуцкий отправил в Сенат.

Несомненно, участниками экспедиции была составлена карта этого плавания, хотя, по словам М. С. Гвоздева (Ефимов, 1948, стр. 249) и свидетельству А. П. Соколова (1851д, стр. 80), к донесениям и журналам, отправленным И. Федоровым и М. С. Гвоздевым, она приложена не была. Существование ее подтверждается тем, что она упомянута в подписи на «Генеральной карте северных и восточных берегов Российской империи...», составленной в 1746 г. при Морской академии (Белов, 1956, стр. 336 и 337), однако до настоящего времени она не найдена.

Л. С. Берг (1946а, стр. 103), не ссылаясь на источники, утверждает, что И. Федоров первый нанес на карту «о-в Гвоздева» и противолежащие берега Азии и Америки. В литературе карта И. Федорова больше нигде не упоминается.

А. И. Андреев (1943б, стр. 42—43) полагает, что на основании лагбуха экспедиции штурманом Я. Генсом была составлена в конце 1733 г. в Охотске карта, которая после его смерти в 1737 г. копировалась для С. П. Крашенинникова и, вероятно, была известна Г. Миллеру.

Опубликованная А. И. Андреевым карта, составленная Я. Генсом в 1733 г. (см. сб. «Русские открытия в Тихом океане...», 1948), с экспедицией И. Федорова и М. С. Гвоздева к «Большой Земле» в 1732 г. не связана.

⁶ Вопреки содержанию документа, В. А. Дивин находит в нем подтверждение плавания М. С. Гвоздева к берегам Америки.

⁷ М. И. Белов (1956, стр. 261), ссылаясь на архивы, утверждает, что журнала И. Федорова не существовало.

Пересказ рапортов М. С. Гвоздева появился в печати в 1850 г. в статье А. С. Полонского (1850б), назвавшего экспедицию «Походом геодезиста Михаила Гвоздева в Берингов пролив 1732 г.» Рапорт 1743 г. и показание И. Скурихина были опубликованы А. П. Соколовым (1851д), причем в рапорте 1743 г. в скобках приведены места из рапорта 1741 г., отличающиеся от текста рапорта 1743 г.

Не так давно А. В. Ефимов (1948) вновь опубликовал рапорт 1743 г., а также «промежию» начальника Охотского порта Афанасия Зыбина от 20 апреля 1743 г. М. Шпанбергу, в которой передается рапорт М. С. Гвоздева 1741 г. Это, по-видимому, те же документы, которыми пользовался А. П. Соколов. А. И. Андреев опубликовал текст показаний И. Скурихина и рапорт А. Девиера из Охотской канцелярии в Иркутск от 1 мая 1741 г. по поводу этих показаний (Русские открытия в Тихом океане... 1948).

А. В. Ефимов (1948) нашел и опубликовал также упомянутую выше карту плавания И. Федорова и М. С. Гвоздева, составленную по приказу М. Шпанберга. В. А. Дивин (1956, стр. 37) утверждает, что действительными составителями ее были штурманы Яшин, Родичев и геодезист М. С. Гвоздев.

Из вновь опубликованных документов интересна карта М. Шпанберга, которая позволяет внести ясность в некоторые существенные детали экспедиции.

Рапорты М. С. Гвоздева написаны недостаточно отчетливо, без указания широт, что затрудняет определение географического положения упоминаемых им мест. О личности и роли И. Федорова, с которым М. С. Гвоздев был не в ладах, составить впечатление по рассказу М. С. Гвоздева нельзя. Показания И. Скурихина, во многом расходящиеся с рассказом М. С. Гвоздева, конечно, менее точны, так как М. С. Гвоздев участвовал в ведении журнала и до 1741 г. два раза составлял документы о плавании.

Известия, сообщенные М. С. Гвоздевым в 1741 и 1743 гг., очень сходны, однако в них все же имеются небольшие различия. Например, в некоторых случаях неодинаково показаны сроки одних и тех же событий: «17-го числа пополудни в 7-м часу» (Ефимов, 1948, стр. 239) и «августа 17-го дня пополуночи в 7-м часу» (там же, стр. 246). Расстояние между первым и вторым островами Диомида в рапорте 1741 г. определяется в полторы версты (там же, стр. 241), а в рапорте 1743 г. — в полмили (там же стр. 247) (немецкая миля — около 7,5 версты). Последнее расстояние ближе к действительному (3,5 км). Вероятно, редакция 1743 г. точнее, чем известная редакция 1741 г. (пересказ в «промежории»). Мы пользуемся редакцией 1743 г.

⁸ По мнению А. В. Ефимова (1948, стр. 165), экспедиция вышла из Большерецка и обогнула мыс Лопатку. В действительности же экспедиция выступила из р. Камчатки, так как до этого находилась в Нижне-Камчатске. Она обогнула мыс к северу от устья р. Камчатки, который и в настоящее время носит название Камчатского. В рапорте М. С. Гвоздева 1743 г. сказано: «В морской вояж в том же 1732-м году июля 23 дня от устья р. Камчатки и ходили и обошли Камчацкий нос июля 27 дня» (Ефимов, 1948, стр. 245). В рапорте 1741 г. вместо «от устья реки Камчатки» написано «с Камчатки» (там же, стр. 238), в остальном различий в тексте нет.

⁹ Заявление В. Ю. Визе (1948, стр. 63) о том, что И. Федоров был первым русским, высаживавшимся как на о-в Ратманова, так и на о-в Крузенштерна, является недоразумением.

¹⁰ «Бейдевинд» — курс судна относительно ветра, дующего наискось с носа в секторе от 0° до углов менее 90° (Лебедев, 1951).

¹¹ Это место, как и некоторые другие места в рапортах М. С. Гвоздева, изложено не очень ясно. Как участники экспедиции могли видеть «у южного конца к западной стороне» юрты? Л. С. Берг (1946а, стр. 101) предполагает, что место, где они пристали, находится к северу, точнее, к северо-востоку от мыса Принца Уэльского, на котором было расположено эскимосское поселение. Карта М. Шпанберга противоречит этому предположению. На этой карте на американском берегу близ 66-й параллели показан острый мыс, вытянутый по направлению к Азии. Трасса экспедиции начинается от южного конца первого (от Азиатского материка) острова и проходит южнее второго острова вдоль южного берега упомянутого мыса. Если считаться с картой, следует полагать, что экспедиция подошла к берегу Американского материка где-либо у северного берега бухты Порт-Кларенс, южнее мыса Принца Уэльского. Выражение «пошли подле земли к южному концу» могло бы тогда означать, что они прошли к южной части бухты, и тогда к западу оказалась земля. При таком предположении легче представить также, что, взяв курс на юго-запад, они попали к четвертому острову (о-в Кинга). Из более северного района им пришлось бы идти к этому острову не на юго-запад, а прямо на юг.

М. И. Белов (1956, стр. 261) предполагает, что экспедиция двигалась у американского берега до мыса Ном и отсюда пошла к Камчатке. Это не согласуется с рапортом М. С. Гвоздева, в котором говорится, что экспедиция пошла к Камчатке от четвертого острова (о-в Кинга). Остров Кинга расположен на северо-запад от мыса Ном, тогда как экспедиция, судя по рапорту М. С. Гвоздева, попала к о-ву Кинга при курсе на юго-запад и северном ветре.

¹² В 1753 г. Г. Миллер (Müller, 1953, стр. 73—74) писал, что открытие Америки было сделано случайно, когда М. С. Гвоздев, который по поручению Д. И. Павлуцкого вез ему продовольствие из Охотска к мысу Сердце-Камень, был отброшен ветром к берегу Америки. Позже Г. Миллер (1758, стр. 403) сообщал, что он не имеет подробных сведений об экспедиции; «только ведомо, что геодезист Гвоздев в 1730 г. между 65 и 66° с. ш. в малом расстоянии от Чукоцкой землицы был на берегу чужестранной земли, которая находится против жилищ чукотских, да нашел он там и людей, но за неимением толмача говорить с ними не мог».

¹³ В литературе (ПСЗ, т. VIII, стр. 1007; Сгибнев, 1868; Андреев, 1940а; Экспедиция Беринга) имеется изложение этого рассказа, которое отличается в подробностях от текста донесения.

К главе IV (стр. 55—169)

¹ Название экспедиции 1733—1743 гг. имеет сложную историю, на которой необходимо остановиться.

В современных ей документах она называется Сибирской (Покровский, 1941, стр. 386, 391), или Камчатской. Под последним названием большей частью объединяются все отряды, участвовавшие в экспедиции, кроме плававших от Архангельска до устья Оби (там же, стр. 83, 90, 118—119, 368 и др.). В литературу вошло название «Вторая Камчатская экспедиция», которое, однако, не дает представления ни о значении экспедиции, ни о территории, на которой действовали ее отряды. Появились

и другие названия: «Вторая экспедиция Беринга», «Северная экспедиция» (Соколов, 1851в), «Великая северная или Вторая Камчатская экспедиция Беринга» (Танфильев, 1916, стр. 89; Гнучева, 1940б, стр. 39). А. А. Покровский (1941) объединил под названием «Экспедиция Беринга» экспедиции 1725—1730 и 1733—1743 гг. А. В. Ефимов (1950, стр. 163) и В. А. Дивин (1953) называют экспедицию Сибирско-Тихоокеанской, М. И. Белов (1956, стр. 264) — Великой Северной, Д. М. Лебедев (1957, стр. 193) предлагает называть все отряды экспедиции или Второй Камчатской или Великой северной экспедицией.

Некоторые исследователи рассматривали эту экспедицию не как одно целое, а как несколько самостоятельных экспедиций и давали отдельным отрядам особые названия. При этом иногда использовались названия, под которыми другие авторы объединяли все отряды. Так, например, М. С. Боднарский (1926, стр. 61) и Г. В. Яников (1949, стр. 25) полагают, что Второй Камчатской экспедицией следует назвать отряды, плававшие из Охотска и с Камчатки, а Великой северной — отряды, плававшие у берегов Северного Ледовитого океана. Н. Н. Зубов (1954, стр. 66), соглашаясь с выделением особой Великой северной экспедиции, предлагает еще пять особых названий для отдельных отрядов.

Обилие названий, не пользующихся всеобщим признанием, привело к искажению представлений об этом великом предприятии.

Так, например, В. К. Япунский (1955, стр. 166) утверждает, что Экспедиция В. Беринга была одним из отрядов Великой северной экспедиции, состоявшей из пяти отрядов, плававших у северных побережий Азиатского материка. Таким образом, название «Экспедиция Беринга», присваивавшееся некоторыми авторами всем отрядам экспедиции 1733—1743 гг., дается одному из ее отрядов, плававших у северных берегов Азии. Это тем более неправильно, что В. Беринг не был непосредственным командиром какого-либо из этих отрядов. Неясности встречаются и в популярных статьях. Так, например, в статье «Великая Северная экспедиция» (БСЭ, 2 изд.) Н. Н. Зубов утверждает, что эта экспедиция, обследовавшая в 1733—1743 гг. северное побережье Азии и состоявшая фактически под руководством адмирала Н. Ф. Головина, официально называлась Второй Камчатской экспедицией. Но как сказано выше, название «Вторая Камчатская экспедиция» относилось ко всем отрядам 1733—1743 гг.

На наш взгляд, все приведенные выше названия не определяют точно целей и результатов работ экспедиции 1733—1743 гг. Все же наиболее правильно называть ее Второй Камчатской экспедицией, объединяя под этим названием все отряды, созданные по постановлению Правительства. Это название связано с историей ее возникновения и вместе с тем указывает на ее связь с Первой Камчатской экспедицией. К тому же оно широко известно в литературе и вызывает меньше противоречивых толкований, чем некоторые другие.

² Григорий Григорьевич Скоряков-Писарев был близок к Петру Первому и принимал участие в суде над сторонниками его первой жены (Евдокии Лопухиной). В 1722 г. он был уже «господин генерал маэор и лейб-гвардии маэор, от бомбардир капитан-поручик и Академии (морской.— В. Г.) президент». Он занимал также должность обер-прокурора Сената. Им было выпущено краткое руководство по механике «Наука статическая или механика» (Пекарский, 1862, т. I, стр. 276; т. II, стр. 568). В 1727 г. по обвинению в заговоре против А. Д. Меншикова был бит кнутом, разжалован и сослан в Сибирь (Берх, 1831, стр. 59).

³ В. Беринг нашел сильную поддержку в лице кабинет-министра А. И. Остермана и президента Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головина (Андреев, 1943а, стр. 13). Заслуживает упоминания, что в составленном в 1726 г. А. И. Остерманом руководстве («Расположение учения его императорского величества Петра II, императора и самодержца Всероссийского») сказано: «Напоследок, понеже притом много неизвестных Российскому государству пограничных земель и особливо около Северного и Восточного океана случится, того ради его императорское величество от сего сам познает, где от Петра I начатое исследование продолжить надобно и какие к тому способы и пути потребны быть могут» (стр. 47).

⁴ Г. Миллер неоднократно высказывал мнение (Müller, 1753, стр. 60—61; Миллер, 1758, стр. 10), что И. Делиль чертил свою карту по поручению Академии наук уже после указа от 17 апреля 1732 г. об отправке В. Беринга в экспедицию. После опубликования Ф. Голдером (Golder, 1925) фотокопии подлинной карты И. Делиля, составленной в 1731 г. и найденной в архивах Морского министерства в Париже, мы знаем, что это мнение ошибочно. Карта И. Делиля 1731 г. в том же году стала известна Адмиралтейств-коллегии, как показывает составленная ею в феврале 1731 г. карта, в надписи на которой сказано, что очертания берегов Восточной Сибири скопированы с карты, «сочиненной профессором Делилем для пути нового мореплавания»; берега же Северного Ледовитого океана «для лучшего и удобнейшего рассуждения» продолжены до Белого моря по данным «из разных прежних карт» (Жданко, 1916, стр. 841).

Нельзя, однако, согласиться с мнением И. Делиля (L'Isle, 1753, стр. 13—14), что его карта, представленная им императрице и Сенату, послужила поводом для снаряжения Второй Камчатской экспедиции. Еще в указе Сената от 2 мая 1732 г. (№ 6042) повторяются слова В. Беринга (из его предложений, представленных в Сенат), что Америка находится в 150—200 милях к востоку от Камчатки, тогда как на карте И. Делиля берег Америки показан только в районе Калифорнии, а против Камчатки его нет вовсе.

О карте И. Делиля есть упоминание в указе от 19 июня 1732 г., направленном в Академию наук, где сказано, что она была «взношена из Академии наук математики профессором Делилем» (Гнучева, 1940б, стр. 40). Очевидно, карта стала предметом внимания Сената между 2 мая и 19 июня 1732 г. Кроме этого случая, карта И. Делиля представлялась Академией наук в Сенат и позже (Протоколы заседаний конференций Академии наук..., 1897, стр. 60; МАН, 1890, стр. 260).

⁵ Записка И. Делиля приводится на французском языке в сб. «Материалы для истории Академии наук» (1890). В русском переводе она опубликована А. П. Соколовым (1851в).

⁶ В переведенной с голландского языка статье «Relation de la découverte de la terre de Jesso...» (1732, стр. 3) говорится, что судно «Кастрикум» доходило к северу до 48° 50' с. ш.

⁷ У И. Делиля долготы дается от о-ва Ферро.

⁸ Указом от 19 июня 1732 г. Сенат предложил Академии наук «определить с ним, Берингом, одного из членов профессоров и с ним надлежащие астрономические и прочие инструменты и трубы и духи из российских студентов». Предлагалось пригласить к ним двух геодезистов, пробирного мастера С. Гардебоя, посланного в 1727 г. на Камчатку, и двух-трех человек с екатеринбургских заводов «в сыскании и в пробах рудных научных людей» (Гнучева, 1940б, стр. 40).

⁹ В указе от 28 декабря 1732 г. назван только один профессор — «Людвиг Делиль-де-ля-Крюер» (Л. Делиль Делаacroер), затем несколько студентов и два геодезиста, прикрепленные к Л. Делаacroеру, хотя упоминаются и «профессоры» без указания числа человек (ПСЗ, т. VIII, стр. 1003).

¹⁰ В «Общем морском списке» (1885, ч. 1, стр. 105) говорится, что в 1712 г. Н. Ф. Головин, находясь в Англии, содействовал при покупке кораблей стольнику Ф. С. Салтыкову, который был автором представленных Петру Первому предложений об организации исследований морского пути вдоль северных берегов Азии в Китай и Индию. Возможно, в этом знакомстве следует искать одну из причин появления в проекте Адмиралтейств-коллегии идеи о Северном морском пути.

¹¹ В указе от 28 декабря 1732 г. сказано: «Отправить от города (Архангельска. — В. Г.) потребное судно, дабы через оныя разные экспедиции большого продолжения времени не было» и дается поручение Адмиралтейств-коллегии снарядить судно (ПСЗ, т. VIII, стр. 1005).

¹² В литературе встречаются неточные определения целей Второй Камчатской экспедиции. Так, например, М. И. Белов полагает, что общей целью экспедиции были поиски сквозного Северо-восточного пути (1956, стр. 264). В «Истории Академии наук» (1958, стр. 103) высказывается мнение, что экспедиция имела задачу описать побережье Северного Ледовитого океана, а также собрать исторические материалы в архивах Сибири и естественнонаучные коллекции. Как это видно из нашего текста, и то и другое определение значительно суживает объем исследований, которые предстояло выполнить Второй Камчатской экспедиции.

Попутно отметим, что в работе М. И. Белова (1956) встречаются и другие неточности в замечаниях об этой экспедиции. Например, отмечая, что главный отряд под командованием В. Беринга был направлен к берегам Америки и «островам против Чукотского носа, о которых сообщал Павлуцкий» (стр. 268), М. И. Белов передает формулировку указа от 28 декабря 1732 г., тогда как они были изменены указом от 21 февраля 1733 г.

Адмиралтейств-коллегия сохранила за собой руководство только «Двинско-Обским» (по терминологии М. И. Белова) отрядом. Руководство «Обско-Енисейским» отрядом она не оставляла за собой, как полагает М. И. Белов (стр. 269), а поручила В. Берингу. Последнее видно из отчета В. Беринга от 18 апреля 1741 г., где приводится текст инструкции Адмиралтейств-коллегии от 28 февраля 1733 г. и сообщение об ее исполнении (Экспедиция Беринга, стр. 155—156).

В указе от 28 декабря 1732 г. и упомянутой выше инструкции Адмиралтейств-коллегии дубель-шлюпка, которая должна была плыть из устья Оби, предлагается следовать от устья Оби до устья Енисея. О плавании же у п-ова Таймыра до встречи с «Ленским отрядом» (Белов, 1956, стр. 268) в этих документах не сказано (ПСЗ, т. VIII, стр. 1005; Экспедиция Беринга, стр. 155).

Согласно изложению М. И. Белова (стр. 267—268), при организации экспедиции Сенат и Адмиралтейств-коллегия установили время отправки в плавание северных отрядов и назначили их командиров. Но об этом в документах не сказано. Отряды отправлялись по мере их снаряжения, а некоторые командиры отрядов, плававших от устьев Оби и Лены, назначались В. Берингом. Нельзя также согласиться с тем (стр. 269), что Адмиралтейств-коллегия не сомневалась в существовании пролива из Северного Ледовитого океана в Тихий, так как в ее донесении от 16 октября 1732 г. в Сенат говорится обратное (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, л. 114). Формулировка Адмиралтейств-коллегии, приведенная в этом донесении, повторена в постановлении Сената от 28 декабря 1732 г. (ПСЗ, т. VII, стр. 1004).

В изложении истории «Великой Северной экспедиции» у М. И. Белова встречаются и другие неточности. Так, например, М. И. Белов пишет, что с Академическим отрядом ехал Георги (стр. 268). Г. Стеллера он называет профессором (стр. 331). По его сообщению, на пакетботе «Св. Павел» якобы погибло от жажды 20 человек (там же). Он предполагает, что Л. Делакроер написал в 1752 г. в Париже клеветническую статью об экспедиции (стр. 270).

¹³ В этой инструкции также указывалось: «А ныне ее имп. величество ко удовольствию оных академий указала в ту экспедицию отправить Вас и чинить следующее:

1. Ехать Вам на порученных судах и разведывать, сходятца ль вышепомянутые Американские берега, или не имеют соединения.

2. Ежели в том вояже дойдете до каких владений Европейских или Азиатских держав, или в море корабли их найдете, то требовать от них дружеского о вышепомянутом уведомления и показания, понеже другие Европейские державы для такого ж разведывания морем посылавали; но за подлинно еще, сходятца ль оные Американские берега с Азиено, неизвестно.

Итакo в надлежащем случае чужестранным, как словесно объявлять, так буде потребуют, и сию инструкцию показывать.

3. Когда известие о тех берегах получите, тогда Вам возвратитца к̆ прежнему месту.

5. (такая нумерация пунктов в подлиннике.— В. Г.). В протчем поступать, как благопристойно и надлежит добрым офицером» (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, л. 474 и об.).

¹⁴ Для плавания к Америке должны были быть построены в Охотске два пакетбота, а для плавания к Японии — один бот с палубой и две дубель-шлюпки. Но так как для плавания к Японии оказалось возможным в качестве третьего судна использовать после ремонта находившийся в Охотске бот «Св. Гавриил», плававший в Первую Камчатскую экспедицию, то строилось только два судна. В Тобольске для плавания у северных берегов Азии строился дубель-шлюп; в Якутске — дубель-шлюп и бот. Пакетботы, строившиеся экспедицией, были однопалубными судами, имевшими две мачты с двумя реями. Длина пакетбота по килю достигала 24,4 м, ширина — 6,7 м, глубина трюма — 2,9 м, водоизмещение — 200 т. Дубель-шлюп — небольшое одномачтовое парусное судно, длиной до 25 м, шириной до 6 м, с осадкой около 2 м, применявшееся при плаваниях в шхерных районах (Лебедев, 1951, стр. 115—116, 130).

¹⁵ Штат морских судов был утвержден Адмиралтейств-коллегией 5 января 1733 г. в количестве 407 человек (Экспедиция Беринга, стр. 387). Академический отряд состоял примерно из 30 человек.

¹⁶ По словам В. Беринга, дорога в Охотск «не токмо в болотных и грязных местах вымощена или нагачена, но и не рощищена так как бы надлежало, которая весьма корениста и завалена лесом и дрязгом и во многих местах болотна и грязна» (Экспедиция Беринга, стр. 140).

¹⁷ Такие указания содержатся в инструкции Сената от 16 марта 1733 г. и в инструкции Адмиралтейств-коллегии (Экспедиция Беринга, стр. 163 и 164).

¹⁸ В указе Сената от 15 февраля 1733 г. говорится, что М. Шпанберг уже «отправлен с командою до Таболска, до Якуцка и до Охоцка» (Экспедиция Беринга, стр. 208). Это подтверждается и сообщением участником экспедиции о том, что М. Шпанберг был послан из Петербурга за несколько недель до отъезда экспедиции (Ваксель, 1940, стр. 23). Инструкции В. Беринга от 23 февраля и Адмиралтейств-коллегии от 28 февраля были, очевидно, посланы вдогонку за М. Шпанбергом (Экспедиция Беринга, стр. 173—174).

¹⁹ Характеризуя деятельность М. Шпанберга в этот период, А. И. Чириков писал в рапорте в Адмиралтейств-коллегию от 13 декабря 1742 г., что он «и самых нужных тогда потребностей не исправил, а именно, ни судов к перевозке по рекам удобных, ни магазинов, ни покоев служителям и работным людям зимовей в надлежащих местах по пути от Якуцка до Охоцка не построил, ни перевозки водяным путем не устроил, а которые суда мелкоходные немного и построил и те неудобны были и за-

тем брошены; да и в Охоцке, где самая во всем обстояла ж нужда, ни правянта и на свою команду, ни припасов и для своего вояжу, також и железа и инструментов и на свои суда ничего наперед себя не отправил и с собою не привез» (Дивин, 1953, стр. 249—250).

²⁰ Так, например, штурман М. Плаутин написал в Адмиралтейств-коллегию два донесения, обвиняя В. Беринга во многих «нерадетельных поступках»: во вмешательстве в неподлежащие ему дела, во взяточничестве, в том, что «имеет де он Беринг не об экспедиции старание, но больше о своем интересе», в «курении» вина, которое он продает, медлительности, бездеятельности и т. д. На В. Беринга жаловались и профессора за чинимые им обиды (МРФ, 1880, стр. 194, 195, 312—315).

²¹ В отчете от 5 октября 1738 г. указана сумма в 318 907 руб. 36⁵/₈ коп. (Экспедиция Беринга, стр. 120). Но в эту сумму включены расходы на отряд, выступивший из Архангельска и не подчиненный В. Берингу, и «Шет Охотского поргу», куда с Г. Г. Скорняковым-Писаревым приехало 140 семейств (Сгибнев, 1869 г., стр. 28), в совокупности около 34 тыс. руб.

А. А. Покровский (Экспедиция Беринга, стр. 46) полагает, что в отчете от 5 октября 1738 г. приводится расход на экспедицию с 1725 по 1738 г., но в отчете этого не сказано.

²² На это решение Адмиралтейств-коллегии есть ссылка в выписке из журнала Адмиралтейств-коллегии от 9 сентября 1740 г. (№ 4013), причем там сказано, что такое «доношение» было послано в Сенат 20 декабря 1738 г.

²³ А. И. Чириков несколько раз говорит об этой черте М. Шпанберга (см., например, письмо Н. Ф. Головину от 11 сентября 1739 г. в сб. «Экспедиция Беринга», стр. 319).

²⁴ Иллюстрацией могут служить отношения, сложившиеся между М. Шпанбергом и А. И. Чириковым. 11 сентября 1739 г. А. И. Чириков, опровергая ложное обвинение М. Шпанберга, «будто бы я učinил ему остановку отправатца в путь ево в 737-м году», пишет Н. Ф. Головину: «А я надеюсь, что он, по обычной своей злобе, прибыв ныне в Питербурх, и еще много будет производить к повреждению моему наипрасно». 6 августа 1740 г. А. И. Чириков просил Н. Ф. Головина, чтобы по возвращении из похода в Америку, для которого суда уже были построены, его отозвали в Петербург, «дабы я милосердием вашего высокографского сиятельства не был отдан в настоящей отдаленности в команду и в руки крайнему моему неприятелю капитану Шпанберху, чего я чаю быть, ежели поступки ево вскоре ясно еще не откроются». 15 мая 1743 г. А. И. Чириков вновь писал Н. Ф. Головину о М. Шпанберге: «А меня он господин капитан так любит, что уже хвалился нос и уши мне обрубить» (Экспедиция Беринга, стр. 318, 319, 326 и 337).

²⁵ Отчет был отослан только в апреле 1741 г. из гавани Петра и Павла на Камчатке, так как указ о предоставлении его был получен В. Берингом в Охотске, когда экспедиция готовилась выехать на Камчатку. В отчете даны ответы на пункты инструкций, полученных В. Берингом от Сената и Адмиралтейств-коллегии и М. Шпанбергом от Адмиралтейств-коллегии и В. Беринга. Этот отчет (Экспедиция Беринга) является одним из важнейших источников для изучения истории экспедиции. Как сообщает А. И. Андреев (1943а, стр. 23), он был получен Кабинетом министров уже после смерти В. Беринга, в последующей переписке Адмиралтейств-коллегии и Сената не упоминается и только в 1935 г. стал известен как источник по истории экспедиции.

²⁶ 20 апреля 1741 г. В. Беринг писал А. И. Остерману: «Недавно в Охоцк прибывшей командир Девизр при рассмотрении спор Писарева, капитана Шпанберга и других офицеров в свой суд к допросу требовал, от чего кураж и амбиция вяще умалется, нежели прирастает. Я же за моею старостью, дряхлостью и, почитай, непрестанною болезнию таких тяжких трудов и беспокойств более снести не могу...; того ради ваше высокографское сиятельство моему последнему покорнейшему прошению о смене меня от сей экспедиции, по причине вышеизображенных резонов удивиться не изволите» (Экспедиция Беринга, стр. 332).

²⁷ О деятельности северных отрядов Второй Камчатской экспедиции в советское время Г. В. Яников (1949) и М. И. Белов (1956) опубликовали исследования, основанные на архивных документах. Не изменив основных фактов, изложенных в рассказе первого историка этих отрядов А. П. Соколова, они осветили новые стороны их деятельности: работу геодезистов, участие местного населения и другие и сообщили большое количество новых подробностей. М. И. Белов опубликовал некоторые карты, составленные участниками экспедиции.

²⁸ Время получения карты А. Массой определяется тем, что он выехал из России в 1609 г. (Алексеев, 1941, стр. 243).

²⁹ О чертеже, скопированном Э. Пальмквистом, сообщил Ю. В. Готье (1899, стр. 76), считавший бесспорным русское происхождение этого чертежа. Чертеж воспроизведен А. Норденшельдом (Nordenskjöld, 1897), а также М. И. Беловым (1955 и 1956).

³⁰ В литературе встречаются и другие определения размеров кочей (Сарычев, 1820, стр. 363; Яников, 1949, стр. 27; Белов, 1956, стр. 273 и др.). Возможно, определенного стандарта этих кораблей не было.

³¹ Так названа эта деревня в донесении С. В. Муравьева от 26 октября 1734 г. (ЦГАДА, ф. 248, д. 669, л. 5 об.). В литературе имеются и другие названия: Тельвицы, Келтицкая (Соколов, 1851в, стр. 261; Яников, 1949, стр. 32; Белов, 1956, стр. 277).

³² Предел плавания кочей к северу приводится по М. И. Белову (1956, стр. 278), который ссылается на рапорт С. В. Муравьева. У А. П. Соколова (1851в, стр. 263) и Г. В. Яникова (1949, стр. 34) указано $73^{\circ}04'$ и $73^{\circ}11'$.

³³ Пользуемся датой, указанной А. П. Соколовым (1851в, стр. 263), которую дает и Г. В. Яников (1949, стр. 35). М. И. Белов приводит дату 9 сентября. Расхождения в отношении дат, связанных с плаваниями, и пределов мест, достигнутых отрядами, встречаются в литературе и в других случаях. Они очень редко сопровождаются пояснениями.

В дальнейшем изложении мы, в большинстве случаев, не отмечаем всех этих вариантов. Где возможно, мы пользуемся данными из документов. За их отсутствием обращаемся к данным из литературных работ, представляющимся наиболее достоверными в том или другом случае.

³⁴ В 1740 г. С. В. Муравьев и М. С. Павлов были восстановлены в прежнем чине с увольнением со службы (Общий морской список, т. I, стр. 261; т. II, стр. 309).

³⁵ В 1733 г. С. Г. Малыгин выпустил руководство к плаванию «Сокращенная навигация по карте де редюкцион», которое, как видно из отзывов, помещенных в конце книги, заслужило одобрение Академии наук и Морской академии.

³⁶ М. И. Белов (1956, стр. 282) сообщает, что, по показаниям лейтенанта М. Павлова, судно погбло по вине С. Г. Малыгина, который за это должен был быть арестован, отчего его избавил на свой страх и риск капитан А. Черевин, возглавлявший расследование.

³⁷ Северная часть о-ва Белого не была исследована. В Беринг в отчете от 5 октября 1738 г. писал: «И жителей на том острове не обретается. А самоеди, качующие по северному берегу (Ямала.— В. Г.), около которого путь имели (С. Г. Малыгин и А. Скуратов.— В. Г.)...», объявили, что на тот Белой остров ретко переезжают на самое малое время зимним временем для промыслу диких оленей, которые некогда перебегают с матерой земли, и сколь протягивает оной остров к норду, о том известия оные самоеди не имеют, ибо до края северной части того острова никто не бывал для того, что на оном острове оленья корма не находитца, и все места самые голые и бескормные» (Экспедиция Беринга, стр. 114).

³⁸ Сообщения в литературе о геодезистах, участвовавших в экспедиции Д. Л. Овцына, противоречивы. Правильные, хотя и недостаточно полные, сведения дает А. П. Соколов (1851в, стр. 275, 278 и 279). По его сведениям, в 1734 г. с экспедицией выехали геодезист М. Ушаков и геодезии ученик М. Г. Выходцев; с начала 1735 г. в работах экспедиции участвовал геодезии ученик Ф. С. Прянишников; в 1736 г. М. Ушаков по болезни остался в Тобольске. Более подробно излагает этот вопрос Г. В. Яников (Великая северная экспедиция. Кандид. диссерт. Рукопись, Гос. б-ка им. В. И. Ленина, 1953, стр. 161, 168 и 186), ссылаясь на архивные документы. М. И. Белов (1956) излагает историю работ геодезистов отряда Д. Л. Овцына иначе, чем А. П. Соколов и Г. В. Яников. Мы пользуемся рассказом Г. В. Яникова.

³⁹ Впоследствии такие же магазины были устроены у мыса Гусиный Нос и на берегу на $72^{\circ}40'$ с. ш.

⁴⁰ Г. П. Колесников (1940, стр. 43—44) предполагает, что представление о втором, не существовавшем Гыданском заливе между п-овом Явай и несуществующим полуостровом к востоку от Явай возникло в результате рассказов местных жителей и сообщения береговой партии, посланной с М. Г. Выходцевым.

⁴¹ См. «Новую карту Росийской империи, разделенную на наместничества, сочиненную в 1786 г.», карту в кн. И. Пестова (1833, стр. 8), а также карту, приложенную к написанной А. Степановым книге «Енисейская губерния» (1835). Две последние карты напоминают одна другую, отличаясь лишь в деталях. О происхождении этих карт в названных книгах ничего не сказано.

⁴² Д. Л. Овцын был восстановлен в чине в 1740 г., но узнал об этом только по возвращении из экспедиции (МРФ, 1880, стр. 693).

⁴³ Г. В. Яников (1949, стр. 65 и 66) предлагает рассматривать отряд Ф. А. Минина, как новый отряд по обследованию берегов Азии, не предусмотренный указом от 28 декабря 1732 г. Но, как видно из изложенного, речь шла о расширении заданий уже существовавшего отряда.

⁴⁴ М. И. Белов (1956, стр. 297) предполагает, что в команде было 57 человек.

⁴⁵ Этот мыс теперь называется мысом Стерлегова; его широта $75^{\circ}25'$ (Зубов, 1954). Как сообщает М. И. Белов (1956, стр. 300), «по наблюдениям» Д. В. Стерлегова, этот мыс расположен у $75^{\circ}29'$.

⁴⁶ Г. В. Яников (1949, стр. 83) отмечает, что занижения на $20-25'$ встречаются у В. М. Прончищева и при других определениях широты. Он полагает, что это было вызвано неточностью инструментов. Правильность такого предположения подтверждается сообщением М. И. Белова (1956, стр. 307) о неточности компаса, которым располагал В. М. Прончищев.

⁴⁷ Эта ошибка была вскоре выяснена отрядом Х. П. Лаптева, побывавшим в тех же местах в 1741 г. На карте Морской академии 1746 г. р. Нижняя Таймыра показана приблизительно в том месте, где она расположена в действительности (Белов, 1956, стр. 336—337).

⁴⁸ В рапорте С. И. Челюскина В. Берингу от 24 сентября 1736 г. указана широта $77^{\circ}25'$ (ЦГА БМФ, ф. 216, д. 24, л. 38 об.). Та же широта приведена в докладе В. Беринга (Экспедиция Беринга, стр. 158). Мы принимаем широту $77^{\circ}29'$, которую приводит С. И. Челюскин в рапорте от 20 августа 1737 г. (ЦГА БМФ, ф. 216, д. 24, л. 309 об.). По словам М. И. Белова (1956, стр. 306), из журнала плавания видно, что судно было даже севернее $77^{\circ}29'$. Если учесть соображения Г. В. Яникова (1949, стр. 83) о систематическом занижении широты В. М. Прончищевым, то, возможно, экспедиция достигла примерно $77^{\circ}50'$ с. ш.

⁴⁹ Могилу В. и М. Прончищевых на месте их стоянки у устья р. Оленек нашёл в 1871 г. А. Л. Чекановский. В 1921 г. экспедиция гидрографа Н. И. Евгенова произвела там восстановительные работы (Яников, 1949, стр. 82).

⁵⁰ По словам Н. Чекина, он ходил «северным берегом к востоку не менее 10 верст и тот берег и вся губа положенными при сем румбами описал» (Белов, 1956, стр. 307). Поскольку бухта Нордвик северного берега не имеет, следует признать правильным предположение Г. В. Яникова (1949, стр. 87—88), что Н. Чекин принял за «губу» пролив между о-вом Бегичева и южным берегом Хатангского залива. Впоследствии эта «губа» долгое время изображалась на картах.

Замечание М. И. Белова о том, что описание Н. Чекина бухты Нордвик было до XX в. (до описи Н. А. Бегичева) единственным в географической литературе, едва ли правильно, так как Н. Чекин, двигаясь по «северному берегу бухты» (т. е. вдоль южного берега о-ва Бегичева), представлял ее очертания совершенно не такими, каковы они в действительности.

⁵¹ М. И. Белов (1956, стр. 308) отмечает, что Х. П. Лаптев в Хатангский залив не пошел. Но из дальнейшего описания хода экспедиции видно, что плавания судна с 6 по 14 августа совершались в заливе.

⁵² По описанию М. И. Белова (там же), «Якутск» 21 августа вошел в залив Фаддея. Здесь выяснилось, что от залива ($76^{\circ}40'$ с. ш.) до «островов Самуила» (Комсомольской Правды, $77^{\circ}13'-77^{\circ}27'$ с. ш.) простирается гладкий, нетронутый лед, смыкающийся со льдом на море. Движение к северу было невозможно. Далее, однако, говорится, что судно подошло к «островам Самуила» и миновало пролив, носящий теперь имя Харитона Лаптева. Считая важным сообщение М. И. Белова о продвижении «Якутска» до островов Комсомольской Правды, мы находим, однако, его описание плавания 21 августа недостаточно ясным.

⁵³ Х. П. Лаптев подробно объясняет причины такого выбора в рапорте от 25 ноября 1740 г. в Адмиралтейств-коллегию (Экспедиция Беринга, стр. 247—249; см. там же решение «консилиума» от 8 ноября 1740 г., стр. 250—252):

⁵⁴ По записям в журнале Х. П. Лаптева, опубликованном А. Ф. Миддендорфом (1860), проследить путь отряда к западу от устья р. Нижней Таймыры трудно. Полагаем, что этот путь проходил примерно по берегу «Северо-западного мыса», изображенного на карте Морской академии 1746 г., подписанной Х. П. Лаптевым.

⁵⁵ С. И. Челюскину, чтобы достигнуть отправного пункта путешествия — устья Пясныи, нужно было пройти не менее 1500 км (Яников, 1949, стр. 98).

⁵⁶ А. П. Соколов (18516, стр. 63) пишет, что после определения широты ($77^{\circ}27'$), сделанного 7 мая, С. И. Челюскин прошел до окончания мыса 15 верст, а по мнению Л. С. Берга (1946а, стр. 326), — 13 верст. По журналу С. И. Челюскина, он прошел после определения широты 18 верст.

⁵⁷ По пути, пройденному С. И. Челюскиным от 77°27' с. ш., А. П. Соколов (1851б, стр. 63) высчитал, что мыс Челюскина расположен на 77°34' с. ш. По современным данным, мыс расположен на 77°41' с. ш. Х. Свердруп участник экспедиции Р. Амундсена, обследовавший мыс Челюскина в 1919 г., описывает его следующим образом: «Берег здесь очень низкий, едва достигает высоты 6—8 м и к морю обрывается россыпью камней из сланца. Внутри материка песчаный и глинистый берег, покрытый травой и мхом, постепенно снижается. На самом северном мысе лежит огромная округлая кварцевая глыба в 2 метра в высоту и столько же в ширину» (Амундсен, 1929, стр. 168).

⁵⁸ Ф. П. Врангель (1948, стр. 68 и 75) писал, что С. И. Челюскин не производил астрономических наблюдений для определения широт, и поэтому положение берега у северной оконечности Азиатского материка не было установлено. О нем известно «только, что оной омываем океаном, не соединяясь ни с какою неизвестной к северу лежащею землею». К. М. Бэр (Ваег, 1841, стр. 275—276) высказал предположение, что С. И. Челюскин, «желая развязаться с ненавистным поручением, решился на неверное сообщение, что он видел конец мыса и убедился, что Азия окружена с севера морем... Напомню, что Челюскин, по-видимому, не только не указал широты места, но и никаких его особенностей. Возможно, что здесь материк простирается гораздо дальше к северу, чем обычно думают».

⁵⁹ В этих работах участвовал матрос А. Лопшкин, штурман М. Я. Щербинин, геодезист Киндяков и сам Д. Я. Лаптев, описавший р. Хрому (Яников, Великая северная экспедиция, 1953, стр. 323—324 и 326).

⁶⁰ Согласно инструкции, Д. Я. Лаптев должен был вернуться из Анадырского острога в Якутск на судне, полученном от В. Беринга. Но В. Беринг еще 30 июля 1739 г. рапортовал в Адмиралтейств-коллегию, что он не может выделить Д. Я. Лаптеву ни судна, ни продовольствия (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 24, л. 820—821). К тому же, когда Д. Я. Лаптев выезжал из Нижне-Кольмска в Анадырск, В. Беринга и А. И. Чирикова на Камчатке уже не было.

⁶¹ Карты Д. Я. Лаптева впервые воспроизведены М. И. Беловым (1954а, 1956).

⁶² Судовые журналы плаваний, совершавшихся под командованием М. Шпанберга, не публиковались. Следует отметить, что журнал М. Шпанберга очень плохо составлен. Рассказ об этих плаваниях приводится Г. Миллером (1758, стр. 102—109) и А. П. Соколовым (1851в, стр. 346—364 и 416—422). В последнее время сведения о них значительно пополнились публикацией рапорта капитана М. Шпанберга от 19 ноября 1739 г. о его плаваниях в 1738—1739 гг. (Русские открытия в Тихом океане..., 1948, стр. 80—97), а также других документов: рассказа о плавании М. Шпанберга в отчете, составленном В. Берингом 18 апреля 1741 г., рапорта А. Шелтынга В. Берингу в 1740 г. и выдержек из рапорта В. Вальтона на имя М. Шпанберга от 1 сентября 1739 г. (Экспедиция Беринга, стр. 176—182, 234—239 и 394—395).

Копии карт М. Шпанберга и В. Вальтона с изображением трасс плаваний и виденной ими Курильской гряды и японских островов использованы А. П. Соколовым (1851в) для сводной карты этих плаваний.

Э. Егерман опубликовал в 1914 г. копию карты М. Шпанберга отдельно; такая же копия хранится в ЦГВИА (ф. ВУА, № 23745).

⁶³ Бригантия «Архангел Михаил» и дубель-шлюпка «Надежда» были построены в 1735—1737 гг., а бот «Гавриил» — это отремонтированное судно Первой Камчатской экспедиции (Экспедиция Беринга, стр. 176).

⁶⁴ М. Шпанберг насчитал больше островов, чем их есть в действительности, вероятно, потому, что одни и те же острова, виденные им с разных сторон, он принимал за разные острова. На составленной им карте приведены названия 31 острова, якобы виденных им во время плавания 1738 г. Попытки отождествления этих названий с современными были сделаны А. П. Соколовым (1851в, стр. 347) и Ю. К. Ефремовым (1951, стр. 433—439).

М. Шпанберг указал следующие острова (в скобках приведены современные названия): Афиноген (Атласова), Шум (Шумшу), Пуремчин (Парамушир), Дижон (Анциферова), Илия (Макаруши), Галаит (Онекотан), Котзгер (Авось, камень), Сумар (?), Красногорск (Харимкотан), Лаунсарт (?), Неричий (Экарма), Кривой (Шиашкотан), Столбовой (Чиринкотан), Осыпной (Райкоке), Воєвода (Матуа), Сиучий (Распуа), Баран (?), Урикан (Кетой), Коза (Ушишир), Козел (?), Марьякан (Симушир), Теленок (?), Брат (четыре острова под одним названием, Черные братья, о-в Броутона), Сестра (?), Утичий (?), Ольховский (Уруп), Березовый (?), Надежды (Итуруп).

Кроме того, на карте приведены названия островов, виденных им во время плавания 1739 г.: Три сестры (Итуруп), Цитронный (Итуруп), Фигурный (Шикотан).

⁶⁵ В перечисленных выше документах об экспедиции М. Шпанберга указаны неодинаковые даты. Дата выступления (21 мая) экспедиции 1739 г. приведена нами по рапорту М. Шпанберга от 19 ноября 1741 г. (Русские открытия в Тихом океане..., 1948, стр. 86) и по отчету В. Беринга, датированному 18 апреля того же года (Экспедиция Беринга..., стр. 177). В рапорте В. Вальтона от 1 сентября 1739 г. и А. Шельтинга 1740 г. (там же, стр. 394 и 234), а также в работе Г. Миллера (1758, стр. 103) указаны другие даты.

⁶⁶ Дата и широта, под которой бот «Гавриил» отделился от других судов, приводятся нами по рапорту В. Вальтона.

⁶⁷ В рапорте М. Шпанберга указано, что экспедиция доходила примерно до 37° с. ш. (Русские открытия в Тихом океане..., 1948, стр. 88). В отчете В. Беринга от 18 апреля 1741 г. приводятся две широты — 38°03' и около 37° (Экспедиция Беринга, стр. 177 и 180). Г. Миллер (1758, стр. 104) указывает 38°25', а А. П. Соколов (1851в, стр. 350) — около 37°30', но на приложенной им карте, составленной «с копий подлинных карт», путь М. Шпанберга кончается несколько севернее 38°.

Л. С. Берг (1946а) использует японские данные, приведенные Д. М. Позднеевым (1909, стр. 19—20), согласно которым японцы видели корабли экспедиции М. Шпанберга на широте 38°15' и 38°. Отмечая, что на карте М. Шпанберга место стоянки судна указано на 38°20' с. ш., Л. С. Берг считает эту цифру правильной, поскольку она примерно согласуется с данными Г. Миллера и японскими (Берг, 1946а, стр. 174 и 177).

Но эти замечания касаются места стоянки экспедиции 22 июня, которое, по-видимому, не совпадает с конечным пунктом продвижения корабля, так как на карте М. Шпанберга японский берег ясно очерчен почти до 37°30' с. ш. Отметим, что и по японским источникам корабль, останавливавшийся на 38°15' с. ш., видели южнее. Мы полагаем, что М. Шпанберг видел берега Японии, нанесенные им на карту, т. е. что он доходил до широты 37°30'.

⁶⁸ Пользуемся рапортом В. Вальтона (Экспедиция Беринга, стр. 394). Его использует и Ф. И. Соимонов в проекте инструкции (там же, стр. 264). А. П. Соколов (1851в, стр. 356) указывает 37°42' с. ш.

⁶⁹ В цитируемом нами отчете от 18 апреля 1741 г. сказано «пятидесят», но в рапорте В. Вальтона указано 15 человек (Экспедиция Беринга, стр. 181 и 394).

⁷⁰ Ф. И. Соимонов (Экспедиция Беринга, стр. 265), ссылаясь на тот же рапорт, называет 34°34' с. ш. А. П. Соколов (1851в, стр. 357), использовавший для составления карты плаваний М. Шпанберга и В. Вальтона карту В. Вальтона, указывает 33°28' с. ш.

⁷¹ На копии карты имеются и другие надписи. Так, в правом верхнем углу над масштабом обозначено: «Капитана Вальтона». На рамке карты между 35 и 34° с. ш. есть надпись: «Караулный воротил меня от берегу», а между 34 и 32° с. ш. помечено: «Малая часть мыса, который заворотитца до Яйдо города». Была еще одна карта берегов Японии В. Вальтона с подробными обозначениями. Это видно из пояснения к обозначению на карте под буквой Н в правом верхнем углу: «Показание и вид набережных гор и островов, как изображено на особливой карте, на которой изображены те виды и поставлены марки цифирными словами от первого цифра до 56».

⁷² Отчет, затребованный указом, В. Беринг закончил в Петропавловской гавани 18 сентября 1741 г.

⁷³ Дубель-шлюпка «Надежда» с остатками продовольствия прибыла в Авачинскую губу только 3 июня 1741 г., накануне отплытия пакетботов к Америке (Экспедиция Беринга, стр. 343).

⁷⁴ Пакетботы взяли продовольствия значительно меньше, чем могли. Так, например, на пакетботе «Св. Петр» перед отплытием было 800 пудов продовольствия. При грузоподъемности в 6000 пудов он имел всего 4907 пудов груза, включая 800 пудов балласта (Golder, 1922, стр. 48).

⁷⁵ Курс судна определялся по магнитному компасу. Картушка компаса разбивалась на 32 румба, имевших названия в зависимости от их направления. Румб «зюд-остен-остен» соответствовал 33 ³/₄° к югу от восточного направления, «остен-норден» — 11 ¹/₄° к северу от восточного направления (Лебедев, 1951, стр. 117).

⁷⁶ Среди участников совещания были, возможно, и искренние сторонники принятого курса плавания, который обосновывался сообщениями голландцев и португальцев. А. С. Полонский (1871, стр. 394) сообщает, что В. Беринг за огромные деньги купил в Сибири судовой журнал плавания голландцев.

⁷⁷ Это количество указывает А. П. Соколов (1951в, стр. 375). Такое же количество получается, если к численности экипажа, вернувшегося из экспедиции (46 человек), прибавить число погибших (31 человек) во время плавания (Ваксель, 1940, стр. 150

и 152). В «Списке служителем пакетбота «Св. апостола Петра» которые ныне в вояже», приведенном в сб. «Экспедиция Беринга» (стр. 404—406), указано только 68 человек, но в это число не вошли Г. Стеллер, Ф. Плейснер и денщики.

⁷⁸ Редакция сборника «Экспедиция Беринга» считает, что слово «подлине», приведенное в журнале «Св. Петра», следует читать «подлинне» (т. е. подлинно). По нашему мнению, такая поправка неправильна. В журнале «Св. Павла» этот разговор записан иначе: «Ныне де мы уже близ 49.00, а место на определенном от Авачи курше в параллеле 46 градусов от нас на Z $\frac{1}{2}$ W...» (Лебедев, 1951, стр. 164). Напрашивается предположение, что в протоколе совещания от 4 мая 1741 г. записаны не все определения курса и была договоренность не только о широте, но и о долготе. Поэтому слово «подлине» означает, вероятно, по долготе.

Возможно, одним из поводов к тому, чтобы поставить вопрос о возвращении к широте 46°, послужило наблюдавшееся там большое количество морской травы, которая обычно не подается далеко от берега, а также чаек и уток, не встречающихся в открытом море.

⁷⁹ Эта дата (по морскому счету) указана в журналах плавания (Экспедиция Беринга, стр. 345; Golder, 1922, стр. 65; Лебедев, 1951, стр. 167). В рапорте С. Вакселя (1940, стр. 139) от 15 ноября 1742 г. ошибочно названа дата 19 июня.

⁸⁰ Источниками истории плавания пакетбота «Св. Петр» являются судовые журналы, журнал Г. Стеллера, рапорт С. Вакселя от 15 ноября 1742 г. в Адмиралтейств-коллегию, рапорт Г. Стеллера от 16 ноября того же года в Сенат и «Извлечение из моего журнала, а также из журналов других офицеров...» С. Вакселя, написанное приблизительно через 15 лет после экспедиции (Ваксель, 1940).

До настоящего времени ни один из судовых журналов полностью не опубликован. Ф. Голдер (Golder, 1922) напечатал записи из журнала С. Ф. Хитрово с 23 апреля по 4 июня 1741 г., с 7 ноября 1741 г. по 9 августа 1742 г. и с 24 августа до 7 сентября 1742 г. включительно, т. е. до конца плавания (см. сноски в книге Ф. Голдера, 1922, на стр. 36, 241, 254). Записи, относящиеся к остальному времени плавания «Св. Петра», взяты Ф. Голдером из журнала Х. Юшина. Одновременно в сносках Ф. Голдер приводит некоторые сведения из того журнала, выписки из которого им за данный период не публиковались.

В сборнике «Экспедиция Беринга» приведены выдержки из журнала «за рукою флота лейтенанта Вакселя и флота мастера Софрона Хитрово» (стр. 359 прим.), касающиеся жизни экипажа. А. А. Покровский называет эти материалы журналом С. Ф. Хитрово. Но журнал С. Ф. Хитрово и журнал с подписью «за рукою флота лейтенанта Вакселя и флота мастера Софрона Хитрово» отличаются друг от друга, как это можно увидеть из слов, которыми они начинаются, и из записей за некоторые дни. См. публикации А. А. Покровского (1941) и Ф. Голдера (1922), а также копию журнала С. Ф. Хитрово (ЦГАДА, ф. Гос. архив, разр. XXI, д. 9 д.).

Важным источником истории плавания «Св. Петра» является журнал Г. Стеллера, который он вел на корабле. Рассматривая вопрос о морских растениях, Г. Стеллер отмечает, что записи велись им «ежедневно и ежечасно» (Golder, 1925, стр. 29). Такие записи он вел, конечно, о всех событиях во время плавания. В пути же он подвергал их обработке: «Будучи в морском вояже сочинил я историю продолжавшегося вояжа» (Пекарский, 1869, стр. 24). Вернувшись в 1740 г. на Камчатку, он закончил эту работу, «сочинил целую историю продолжавшегося вояжа». Рукопись Г. Стеллера была напечатана П. Палласом (Steller, 1793), который подверг ее некоторой обработке и назвал «Tagebuch seiner Seereise...». Эта работа не только передает ход плавания, но и освещает жизнь на корабле, а также содержит много наблюдений автора над природой и людьми новых стран. Однако, пользуясь ею, следует иметь в виду субъективность в освещении Г. Стеллером действий офицеров, к которым он относился недоброжелательно.

В 1925 г. работа Г. Стеллера была опубликована на английском языке в переводе зоолога Л. Стейнера (Golder, 1925). В этом издании в примечаниях и в тексте (в скобках) приводятся выдержки из рукописи, найденной Ф. Голдером, которую он считает копией рукописи Г. Стеллера до обработки ее П. Палласом.

На русском языке в 1928 г. вышла книга Г. Стеллера «Из Камчатки в Америку», включающая сокращенные и переработанные переводы изданной П. Палласом его работы «Tagebuch seiner Seereise...» (1793) и книги «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka» (1774).

Рапорт Г. Стеллера от 16 ноября 1742 г. представляет собой сокращенное изложение его рукописи «Tagebuch...».

Ценным источником является также рапорт С. Вакселя от 15 ноября 1742 г. и его «Извлечение из моего журнала...», составленное около 1758 г. Для последней работы автор использовал обширный материал. Рассказ С. Вакселя содержит не только историю плавания «Св. Петра», но и известия о ходе Второй Камчатской экспедиции с

самого ее начала. В этой работе, конечно, уже отразилось влияние новой обстановки, в которой она писалась (см. Предисловие А. И. Андреева к кн. С. Вакселя, 1940, стр. 9—11).

⁸¹ Будучи адъютантом, а не профессором, как Г. Миллер и И. Гмелин, Г. Стеллер предчувствовал возможность шероховатостей в отношениях с офицерами, так как в Сибири самомнение последних возрастало по мере увеличения расстояния от Петербурга (Steller, 1774, стр. 205). Желая укрепить свое официальное положение, он обратился в 1740 г. в Сенат с просьбой, чтобы ему был «пожалован патент как и другим офицерам». Академия наук поддержала Г. Стеллера, но эта просьба осталась неудовлетворенной (МАН, 1887, стр. 507).

⁸² Г. Стеллер жаловался в рапорте на плохое отношение к нему после прибытия в гавань «святых апостолов Петра и Павла»: «Со мною противным образом поступать начато и в презрении иметь меня стали... И во всем принят не так, как по моему характеру принять надлежало... и ни к какому совету я им, Берингом, призван не был» (Пекарский, 1869, стр. 15).

⁸³ Мы теперь знаем, что Г. Стеллер был, безусловно, прав; но можно предполагать, что под впечатлением обратного пути, совершавшегося вблизи Алеутской гряды, Г. Стеллер, обрабатывая впоследствии записи, сделанные на корабле, несколько преувеличил признаки земли, виденные по пути в Америку, так как в судовых журналах «Св. Петра» и «Св. Павла» эти признаки отмечаются очень редко (Golder, 1922, стр. 70, 76, 87 и 88; Экспедиция Беринга, стр. 345—346; Лебедев, 1951, стр. 193, 203, 205 и 207). А. И. Чириков в рапорте в Адмиралтейств-коллегию от 7 декабря 1741 г., говоря о признаках «близкости земли», которые они видели на обратном пути («птиц береговых, морских разных родов животных и траву носящую по морю»), добавляет «и как вперед шли, понеже мы тогда гораздо южнее возвратного пути свой имели, то означенных признаков, как выше показано, почти никогда не видали, кроме морских животных и мало мелкоразбитой травы, и то изредка» (Экспедиция Беринга, стр. 282).

Следует учесть, впрочем, что значительную часть пути к Америке А. И. Чириков шел несколько южнее В. Беринга.

С. Ваксель в «Извлечении из моего журнала...», написанном, как уже отмечалось, через 15 лет после окончания экспедиции, когда он, вероятно, был хорошо знаком через Г. Миллера с рукописью Г. Стеллера («Tagebuch seiner Seereise...»), заявил, что «на всем этом пути мы не только не увидели земли, но и не встретили ни малейших ее признаков (вроде птиц, плавника, водорослей и тому подобных предметов, обычно встречающихся вблизи берегов)» (Ваксель, 1940, стр. 56). Но в этом заявлении чувствуется желание защититься от упреков, сделанных Г. Стеллером офицерам «Св. Петра».

⁸⁴ Г. Стеллер передает, что 20 июня (когда корабли потеряли друг друга из виду) многие на «Св. Петре» видели землю (Steller, 1793, стр. 145). Х. Юшин, записав 1 июля в журнале, что в море было замечено бревно, добавил, что это вызвало предположения о близости земли (Golder, 1922, стр. 76).

⁸⁵ Г. Стеллер уверяет, что видел гору еще 15 июля (Steller, 1793, стр. 158).

⁸⁶ Г. А. Сарычев передает также рассказ обитателя о-ва Цукли (Монтего), расположенного западнее о-ва Каяк, который слышал от отца о том, что к о-ву Каяк приезжало судно, люди с которого сошли на берег и оставили в шалашах ножи и «корольки» (Сарычев, 1952, стр. 158). Как мы увидим ниже, этот рассказ соответствует действительным событиям.

⁸⁷ Пакетбот остановился у длинной, выступающей в море полосы земли, поэтому это место и было названо мысом (Ваксель, 1940, стр. 58). Название «мыс Ильи» нанесено С. Вакселем и на карту экспедиции (там же, стр. 128—129). В рапорте от 15 ноября 1742 г. он употребляет название о-в. Ильи (там же, стр. 139).

⁸⁸ Г. Стеллер в журнале, который он вел на пакетботе, указывает, что он был на острове 10 час. (Steller, 1793, стр. 167). Но впоследствии, в названии списка растений, виденных им на острове, он указывает 6 час. (Литвинов, 1909, стр. 284). Такую же продолжительность его пребывания на острове принимает и Л. С. Берг (1946а, стр. 202).

Что касается записей в журналах С. Вакселя и С. Ф. Хитрово и Х. Юшина, то они не содержат бесспорных данных для суждения по этому вопросу. Если предположить, что Г. Стеллер ездил с ялботом, направленным на остров за водой, то по журналу Х. Юшина, он пробыл там с 10 до 16 час. (Golder, 1922, стр. 96—97), т. е. 6 час. Но о времени возвращения Г. Стеллера есть и другие данные. Сам Г. Стеллер в своей рукописи, опубликованной П. Палласом (Steller, 1793), на стр. 165 сообщает, что он стал готовиться к отъезду с острова перед заходом солнца, а в другом месте (стр. 166), что прибыл на корабль за час до С. Ф. Хитрово, вернувшегося согласно записи Х. Юшина в 21 час 20 июля (Golder, 1922, стр. 97).

Нам кажется более правдоподобным, что он был на острове не менее 10 час.

⁸⁹ В журнале Х. Юшина он назван островом архидиакона Стефана (Golder, 1922, стр. 112).

⁹⁰ Эти острова, расположенные около берегов Аляски на 160° з. д., получили название по фамилии матроса Никиты Шумагина, похороненного на одном из них 31 августа. Н. Шумагин был первым из команды, умершим во время плавания «Св. Петра» (Ваксель, 1940, стр. 59).

⁹¹ Почти полный перевод этого описания есть в работе С. П. Крапенинникова (1949, стр. 289).

⁹² Л. Стейнегер указывает, что в книге К. Геснера «Historia animalium», вышедшей в 1552—1558 гг., нет ни изображения, ни описания морской обезьяны (*Simia marina*) и что ссылка Г. Стеллера ошибочна.

⁹³ Правдоподобность предположения Л. Стейнегера признает Л. С. Берг (1946а, стр. 221).

⁹⁴ Г. Стеллер (Steller, 1793, стр. 175) пишет: «В течение всего этого времени (до 9 августа.— В. Г.) мы видели большое количество тюленей, морских выдр, котов, морских львов, дельфинов». В журнале С. Вакселя и С. Ф. Хитрово 6 августа записано: «Видели плавающих бобров, котов и сивучей» (Экспедиция Беринга, стр. 349). О виденных со «Св. Петра» морских котах упоминает и Л. С. Берг (1946а, стр. 219).

⁹⁵ В предисловии к своему труду «De bestiis marinis» (1751, стр. 292) Г. Стеллер пишет: «Но я смогу описать лишь признаки неизвестного животного, виденного у островов Шумагина, поскольку я составил только приблизительный набросок морской обезьяны, несовершенным описанием которой должен удовлетворить себя и читателей». Однако самого описания «морской обезьяны» в этой книге нет.

⁹⁶ Интересно мнение К. М. Бэра (Baer, 1840, стр. 79), полагавшего, что нет оснований сомневаться в существовании «морской обезьяны». Рассматривая вопрос о быстром истреблении морской коровы, обнаруженной командой «Св. Петра» на о-ве Беринга, он говорит, что первое появление людей могло иметь следствием истребление гораздо большего количества видов животных, в том числе и «морской обезьяны».

⁹⁷ К. М. Бэр (Baer, 1840) полагает, что эти следы принадлежали одному из животных, исчезнувших после появления на острове людей.

⁹⁸ Эта дата совпадает во всех источниках, включая рапорт Вакселя в Адмиралтейств-коллегию от 15 ноября 1742 г. В «Извлечении из моего журнала...» С. Ваксель ошибочно указал 5 сентября (Ваксель, 1940, стр. 63).

⁹⁹ Американский этнограф Ф. Ходж полагает, что эти речи следует рассматривать как приветствие друзей (Golder, 1925, стр. 90). А. И. Чириков, который также встретил алеутов, описывает эту церемонию примерно так же, как и Г. Стеллер, но более подробно и предполагает, на основании своего знакомства с якутами и тунгусами, что эти речи были скорее заклипаниями (Лебедев, 1951, стр. 308). Вероятно, мнение А. И. Чирикова правильно, так как все поведение алеутов по отношению к экипажу «Св. Павла» оказалось не особенно дружелюбным.

¹⁰⁰ Приведенное Г. Стеллером (Steller, 1793, стр. 193) выражение «выпотрошенного целого сокола» Л. С. Берг (1946а, стр. 227) заменяет словами «цельную шкуру сокола». У П. Палласа (1781, стр. 27) говорится, что в 1745 г. алеуты с о-ва Агату приветствовали русских, бросая им в бот урилов (бакланов). Л. С. Берг исправляет и этот текст, ставя «очевидно, шкурки или перья бакланов» (там же).

¹⁰¹ Л. С. Берг (1946а) опускает без всяких комментариев замечание Г. Стеллера, что палку с «выпотрошенным целым соколом» алеут не предназначал в подарок, и утверждает, что она была дана с этой целью. Вывод Л. С. Берга, что алеуты приняли русских за неземные существа и воздавали им почести как божествам, мало соответствует рассказу о встрече с алеутами А. И. Чирикова.

¹⁰² Г. Стеллер (Steller, 1793, стр. 196) и С. Ваксель (1940, стр. 65) пытались разговаривать с алеутами по словарю, составленному французским путешественником Лагонтаном, и якобы были поняты. Американский этнограф Ф. Ходж утверждает, что у Лагонтана даны альгонкинские слова, которые алеутам могли быть не более понятны, чем греческие или зулусские (Golder, 1925, стр. 91).

¹⁰³ В журналах Х. Юшина (Golder, 1922, стр. 149), С. Вакселя и С. Ф. Хитрово (Экспедиция Беринга, стр. 353) и в сообщениях С. Вакселя (1940, стр. 67 и 143) говорится о семи лодках, а не о девяти, как указано у Г. Стеллера.

¹⁰⁴ Мы передали этот очень важный рассказ о встрече с алеутами в редакции Г. Стеллера. В отношении основных событий он совпадает с рассказами других очевидцев (С. Ф. Хитрово, Х. Юшина, С. Вакселя), но полнее их.

¹⁰⁵ Сопоставление работы Г. Стеллера, изданной П. Палласом с рукописью, найденной Ф. Голдером (Golder, 1925, стр. 98), показывает, что последняя фраза, возмож-

но, внесена П. Палласом. Г. Стеллер, по-видимому, сильно колебался, решая этот вопрос, для выяснения которого он привлекал различные сведения.

Описание ножа, виденного Г. Стеллером, приводит С. Ваксель (1940, стр. 66): «У одного из них сбоку был нож, изготовленный совершенно необычным образом: спереди он был широкий и довольно толстый, длина его составляла около восьми дюймов». По вине С. Вакселя или переводчика, это описание не очень понятно, так как неизвестно, что значит «спереди он был широкий и довольно толстый». Г. Миллер (1758, стр. 215) передает это место так: «Один американец имел на боку у себя нож повешенной, которой для особливого его виду показался нашим как вещь диковинная. Длинною он был до 8 дюймов, к концу же не востер, но широк и весьма толст».

¹⁰⁶ Г. Миллер (Müller, 1758, стр. 214), описывая экспедицию 1758 г., также обратил внимание на этот подарок алеутов. Он пишет: «Мы знаем калюметы, которые употребляются североамериканскими народами, когда они хотят выразить свои мирные намерения; такие же были в руках и у этих людей». На замечания Г. Стеллера о мысе Лопатке Г. Миллер не ссылается. Между тем, он знал труд Г. Стеллера, так как в 1747 г. просил у Академии наук разрешения о переписке этой работы (МАН, 1895, стр. 658). Недооценку наблюдений Г. Стеллера он проявлял и в других случаях. Например, рассказывая о морской корове на о-ве Беринга (Миллер, 1758, стр. 322), он придает мало значения замечательным наблюдениям Г. Стеллера.

Вопрос о подарке алеутов рассматривает и Л. С. Берг. Он говорит, что «калюмет употреблялся при разного рода переменах: при заключении мира и договоров, при испрошении дождя и хорошей погоды» (Берг, 1946а, стр. 228). Он всегда украшен — «перья, хвосты, крылья и головы птиц играют самую главную роль». Л. С. Берг высказывает мнение, что если бы удалось подтвердить, что алеутский церемониальный жезл является калюметом, то отсюда следовал бы вывод, что исконное местожительство алеутов и эскимосов следует искать на Американском материке, где-нибудь в северо-западной его части, в области, занятой теперь тлинкитами, или в западной Канаде (там же, стр. 231—232).

Замечание Г. Стеллера о применении калюмета на мысе Лопатке Л. С. Берг, так же как и Г. Миллер, обходит молчанием.

¹⁰⁷ Сведения, сообщенные об алеутах Г. Стеллером, кое в чем дополняются С. Вакселем (1940). В «Извлечении из моего журнала...» он сообщает, например, что носы у них плотно набиты какой-то неизвестной травой, а когда они вынимают траву, то из носа вытекает много жидкости, которую они слизывают языком. О питании алеутов он пишет: «Их пища, по всей вероятности, состоит из разных морских животных и китового жира... Они едят также различные травы и дикие корни, которые в моем присутствии выкапывали из земли, очищали от песка и съедали сырыми» (стр. 67).

Однако С. Ваксель расходится с Г. Стеллером в описании встречи с алеутами. В частности, он сообщает, что на «американцах» были «шапки из шкур морских львов» (стр. 66), украшенные различными перьями, в большинстве случаев, по-видимому, соколиными. С. Ваксель сообщает также, что алеуты красили лица в красный, а некоторые в синий цвет (стр. 67).

О том, что у алеутов с островов Шумагина лица были покрыты красной, а у некоторых разноцветными красками, сообщает и Г. Миллер (1758, стр. 215). Едва ли известия С. Вакселя о шапках и окрашивании лиц, сообщенные через 15 лет, можно признать правильными.

Как уже отмечалось, по описанию Г. Стеллера, на алеутах были шляпы, служившие защитой от солнечного света. А. И. Чириков сообщает о таких же шляпах (Лебедев, 1951, стр. 313). Сам С. Ваксель (1940, стр. 143) в рапорте от 15 ноября 1742 г. пишет, что от алеутов «дано нам в подарок же, зделанные из коры две шапки и на одной привязан был костеный статуи на подобие вида человеческого...»

Об окрашивании алеутами лиц в красный и синий цвета нигде, кроме «Извлечения из моего журнала...» С. Вакселя, не говорится. Г. Стеллер упоминает только об окраске «цвета железа», а цвет лица алеутов называет коричневатым. У А. И. Чирикова, наблюдавшего алеутов в другом месте, сказано, что они «видом бледны» (Лебедев, 1951, стр. 312).

Л. С. Берг (1946а, стр. 237), не упоминая известия С. Вакселя о шапках из шкур, использует, однако, его данные об окраске лиц, признает их чрезвычайно любопытными и отмечает, что «Стеллер при описании внешнего вида алеутов ничего о раскраске ими лица не говорит». Последнее, как видно из изложенного выше, неправильно. Предпочтение в данном случае рассказа С. Вакселя свидетельствам других очевидцев едва ли может быть оправдано.

¹⁰⁸ На корабле быстро возрастала смертность среди команды. Так, в августе и сентябре умерло по 1 человеку, в октябре — 5 человек, в ноябре — 15 человек. После высадки смертность начала снижаться: декабрь — 5 человек, январь — 2 человека. Кроме

того, не удалось установить даты смерти еще двух человек. Таким образом, половина умерших приходится на ноябрь — на период перед высадкой, время высадки или вскоре после нее (Ваксель, 1940, стр. 152).

Каково было состояние тех, кто держался на ногах, видно из кратких записей в судовом журнале Х. Юшина, сделанных им о себе самом (Golder, 1922, стр. 196, 200, 206); «23 октября — сегодня заболел цингой, но в список больных не внесен», 27 октября — «у меня от цинги так болят руки и ноги, что я с трудом могу стоять на вахте»; 2 ноября — «я совершенно изнурен цингой и стою на вахте только по крайней необходимости».

¹⁰⁹ Г. Стеллер (Steller, 1793, стр. 226—227) так описывает эти события: «Когда к вечеру мы оказались в двух верстах от берега, они (офицеры.— В. Г.) начали бросать лот, а приблизившись еще на версту, бросили якорь на глубине 9 сажень. Была уже ночь, но месяц ясно все освещал. По прошествии получаса началось сильное волнение. Наше судно бросало, как мячик, и оно могло удариться о дно. Якорь был сорван; мы считали себя погибшими. Постоянные удары волн, крики, стоны увеличивали суматоху; никто не понимал, кто дает и кто получает приказания. Охваченные страхом смерти, офицеры кричали, чтобы обрубил канат второго якоря и бросили новый якорь в буруны».

Таким образом, мы потеряли в течение короткого времени два якоря. Тогда вперед вышли Овцын, который теперь состоит лейтенантом, и боцман и приостановили спуск еще одного якоря, так как это было бесполезно, пока мы находились среди волн и рифов, где нас бросало. Они предложили, наоборот, предоставить судну плыть. Когда мы прошли, таким образом, через барьер (рифов.— В. Г.) и линию прибой, эти люди, которые только одни сохранили рассудок, предложили бросить последний якорь. Между берегом и бурунами мы оказались, как в тихом озере. Все сразу успокоилось и страхи окончились».

¹¹⁰ Дата в сообщении Г. Стеллера (Steller, 1793) — 7 ноября 1742 г., — вероятно, дается по морскому счету (7 ноября пополудни по морскому счету соответствует 6 ноября по гражданскому счету).

¹¹¹ Карта С. Вакселя без даты, составленная по его журналу и приложенная к «Извлечению из моего журнала...» (см. Предисловие А. И. Андреева к кн. С. Вакселя, 1940, стр. 6), едва ли могла быть той, которую он послал в 1742 г., так как надписи на ней на немецком языке.

¹¹² Проведя зиму 1743/44 г. в Якутске, С. Ваксель с командой прибыл в 1744 г. в Енисейск. После отъезда в 1745 г. находившегося там А. И. Чирикова в Петербург С. Ваксель принял команду над людьми пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел». В Петербург он вернулся с этими людьми только в январе 1749 г. С. Ваксель скончался 14 февраля 1762 г. (Андреев, 1940 г.).

¹¹³ А. И. Чириков называет этот минерал: «антимониум крудум (или сурма)». (Экспедиция Беринга, стр. 281).

¹¹⁴ Представление о размере потребления воды на «Св. Павле» до начала обратного пути и затем до 13 сентября дают следующие цифры: до 26 июля за 53 дня было израсходовано 55 бочек, с 26 июля за 49 дней — 26 бочек. Таким образом, даже с учетом уменьшения числа команды после катастрофы у берегов Америки на 15 человек потребление воды на человека значительно сократилось.

¹¹⁵ Перечень умерших приводится в журнале «Св. Павла» (Лебедев, 1951, стр. 326, 341, 357, 359, 362). В рапорте от 7 декабря 1741 г. и в письме к М. Шпанбергу от октября 1741 г. А. И. Чириков также сообщает, что умерло шесть человек (Экспедиция Беринга, стр. 282 и 334).

¹¹⁶ Под «землей» понимаются острова Агатту и Атту, принятые за единое целое.

¹¹⁷ Д. М. Лебедев (1951, стр. 97—98) утверждает, что дата выхода в море 25 мая 1742 г., обычно принимаемая по рапорту А. И. Чирикова от 18 октября 1742 г. в Адмиралтейств-коллегию (Экспедиция Беринга, стр. 290), неправильная, так как с 25 мая по 2 июня пакетбот задерживался противными ветрами.

¹¹⁸ По приезде 13 марта 1746 г. в Петербург А. И. Чириков вскоре был назначен директором Морской академии (Голенищев-Кутузов, 1764, стр. 21). Он умер в конце ноября 1748 г.

¹¹⁹ В отношении состава Академического отряда при его отправлении мы придерживаемся сведений, сообщенных участником и историком экспедиции Г. Миллером (МАН, 1890, стр. 272 и 349), которые несколько отличаются от данных, приведенных в указе Сената от 25 июня 1733 г. (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 664, лл. 250—251), и данных И. Гмелина (Gmelin, 1751, стр. 3).

И. Яхонтов был учеником академика Г. Крафта и подавал большие надежды; он умер во время экспедиции. Г. Миллер (там же, стр. 233) указывает, что его настоящая фамилия Петров.

¹²⁰ И. Гмелин рассказывает, что в Иркутске (в марте 1735 г.), не получив по паре лошадей на каждую из 37 повозок, с которыми Г. Миллер и И. Гмелин хотели ехать в Селенгинск, они послали солдата из конвоя на базар и те забрали там первых попавшихся лошадей (Gmelin, 1751, стр. 414, 415).

¹²¹ И. Гмелин следующим образом описывает их состояние: «Нам приходилось сталкиваться с разными мелкими препятствиями, которых ни один неопытный человек наперед не может предвидеть, но которые неизбежны в нашем путешествии. Они сначала влияют на душевное состояние, а затем и на тело, хотя не у всех в одинаковой мере; на одних они действуют скорее, чем на других. Я приписываю болезнь профессора Миллера препятствиям, которые он встречал в пути» (Gmelin, 1752, т. III, стр. 18—19). И. Гмелин говорит, что болезнь Г. Миллера «состоит в жестком биении сердца и превеликом страхе, который по переменам приходит, а иногда три или четыре дня не перестает, с таким движением пульса, что я часто обмороков опасался» (Пекарский, 1870, стр. 327).

¹²² В автобиографии Г. Миллер (1937, стр. 149) писал по поводу несостоявшейся поездки его и И. Гмелина на Камчатку: «Хотя я и не был в Камчатке, но оттого никакого упущения не последовало». И. Гмелин (Gmelin, 1751) откровенно говорил, что их испугали трудности и они послали вместо себя С. П. Крашенинникова, а позже Академия наук отправила туда Г. Стеллера.

¹²³ В Сургуте Г. Миллер встретил адъюнкта И. Фишера, назначенного вместо него в экспедицию (Пекарский, 1870, стр. 329).

¹²⁴ Герард Фридрих Миллер родился 18 октября 1705 г. в Герефорде в Вестфалии, где его отец был ректором гимназии. В 1722 г. он поступил в университет в Ринтльене, но закончил образование в Лейпциге. В Петербург Г. Миллер приехал 5 ноября 1725 г. и был принят в Академию наук адъюнктом истории. В течение двух первых лет он преподавал в гимназии латинский язык, ораторское искусство, историю и географию (МАН, 1890, стр. 63 и 64). Ему было поручено также ведение протоколов академических заседаний. Одно время он был редактором Санктпетербургских ведомостей и «Примечаний» к ним и ведал библиотекой Академии наук, не занимая, однако, должности библиотекаря. Г. Миллер предполагал добиться этой должности, но ухудшившиеся отношения с И. Шумахером — советником канцелярии Академии наук — заставили Г. Миллера изменить свое намерение и избрать поприщем русскую историю. С 1732 г. он начал выпускать сборник «Sammlung Russischer Geschichte»; до его отъезда со Второй Камчатской экспедицией вышло три части первого тома.

По возвращении из экспедиции в 1743 г. его нелады с пользовавшимся влиянием И. Шумахером продолжались. Возникли также недоразумения с Г. Н. Тепловым, который был правой рукой президента Академии наук К. Г. Разумовского. Г. Миллер имел противников и среди академиков, в том числе М. В. Ломоносова, оспаривавшего некоторые его взгляды на русскую историю. В октябре 1750 г. Г. Миллер был лишен звания профессора и определен адъюнктом с соответствующим уменьшением жалования, но в феврале 1751 г. был восстановлен в прежних правах.

Несмотря на эти затруднения, Г. Миллер вел большую работу по приведению в порядок накопленных им в Сибири материалов, писал «Историю Сибири», редактировал в 1755—1764 гг. журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», в котором ему принадлежали многие статьи по истории и географии. Одновременно он продолжал быть редактором сборника «Sammlung Russischer Geschichte». В 1753—1757 гг. Г. Миллер ведал Географическим департаментом Академии наук. С 1 января 1765 г. он занял должность главного надзирателя Московского воспитательного дома и в то же время состоял при Академии наук в качестве историографа, в марте 1766 г. был назначен начальником Московского архива Коллегии иностранных дел. Умер Г. Миллер 11 октября (ст. стиля) 1783 г. (Пекарский, 1870).

¹²⁵ Портфели Г. Миллера неоднократно широко использовались при публикации исторических документов. Упомянем лишь наиболее крупные издания такого рода: «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел»; «Дополнения к актам историческим, издававшимся Археографической комиссией», которые начали выходить в 1846 г.; «Памятники Сибирской истории XVIII в.» (1882, 1885). Последнее издание основано исключительно на материалах Г. Миллера. Портфели Миллера используются и в наше время.

¹²⁶ Взгляды Г. Миллера на необходимость расширения географических знаний высказаны в проекте создания Исторического департамента, который он представил в Академию наук в 1746 г. (МАН, 1895, стр. 183).

¹²⁷ Для изучения природных богатств Сибири Г. Миллер использовал и свои археологические исследования. По обилию в могильниках в верховьях Енисея предметов из красной меди («заключал я...» что в тамошних странах должно быть множеству медной руды. И действительно нашли оную в Саянских горах, искав по старым шурфам и ямам, из коих прежние жители сих стран медную руду добывали. Также

и в равной степени около р. Абакан нашли медную руду и вскоре при р. Аугазе медный завод построили, от которого несколько лет хорошие были доходы» (Миллер, 1764, стр. 489).

¹²⁸ В 1742 г. рукопись «Известия о северном морском ходе...» была использована Х. Винсгеймом (МАН, 1890, стр. 557—558) в его статье «Известия о северном морском ходе россиянином...» (1742).

¹²⁹ Часть «Описания путешествия по Сибири» (до 1736 г.) опубликована (на немецком языке) в «Истории Академии наук», написанной Г. Миллером с участием И. Стриттера (МАН, 1890, стр. 279—287, 340—366, 393—422).

¹³⁰ Иоганн Георг Гмелин родился 12 августа 1709 г. в Тюбингене в семье владельца аптеки. В том же городе он закончил в 1727 г. университет. В 1728 г. (когда он уже был в Петербурге) университет присудил ему звание доктора медицины (Gladmann, 1911, стр. 3—4). Закончив образование, он в том же году переехал в Петербург (30 августа 1727 г.) и начал работать в Академии наук с жалованием 10 руб. в месяц при даровой квартире (МАН, 1890, стр. 66). Хорошо зарекомендовав себя, И. Гмелин уже в 1731 г. был утвержден профессором химии и естественной истории. Вернувшись из Второй Камчатской экспедиции, он подал 4 декабря 1744 г. просьбу об увольнении и разрешении уехать на родину, ссылаясь на окончание договора, заключенного на четыре года, и на плохое здоровье. Действительным же поводом была задержка Академией наук переписки его труда «*Flora sibirica*», что привело к ссоре с И. Шумахером. 1 июля 1747 г. он заключил с Академией наук новый договор на четыре года с предоставлением отпуска на один год для поездки за границу (МАН, 1895, стр. 21, 83, 493—495).

И. Гмелин в Россию не вернулся, оставшись профессором в Тюбингенском университете. Академия наук примирилась с этим при условии, что он будет аккуратно представлять очередные тома «*Flora sibirica*», первый из которых был передан Академии в феврале 1746 г. В 1751 г. И. Гмелин опубликовал за границей описание своего путешествия со Второй Камчатской экспедицией, чем нарушил обязательство, данное Академии наук не оглашать сведений без ее согласия. К тому же в этой работе он плохо отзывался о сибиряках и сибирской администрации. Умер он 20 мая 1755 г. (Пекарский, 1870).

¹³¹ Пятый том, о тайнобрачных растениях, долго не мог быть разыскан (Рупрехт, 1865, стр. 5); публикации из этого труда появились лет через 50—80 в переработанном виде.

¹³² К. Линней писал И. Гмелину 4 апреля 1744 г.: «Ваши заслуги в области ботаники огромны, так как Вы открыли столько растений, сколько многие другие ботаники вместе взятые» (Pleninger, 1861, стр. 18).

¹³³ О решении печатать перевод с «Предисловия» см. «Материалы для истории Академии наук» (1900, стр. 633). Г. Миллер, который в то время подготавливал «политическую географию» Сибири, на запрос Академии наук о целесообразности опубликования этого перевода предложил работу И. Гмелина выпустить вместе с его «политической географией». В том случае, если это окажется невозможным, Г. Миллер просил, чтобы было принято решение печатать его «политическую географию» отдельно (там же, стр. 325—326). Но предложение его не было принято; труд Г. Миллера остался незаконченным и опубликован не был.

¹³⁴ Впоследствии оказалось, что барометрические определения высоты Забайкалья И. Гмелина сильно завышены (например, он определил, что Кяхта расположена на высоте 2400 саженей, фактическая же ее высота над уровнем моря 344 сажени). Можно полагать также, что зимние температуры им занижены (Миддендорф, 1860, стр. 326). Но несмотря на неточность определений, И. Гмелин верно указал существование явлений.

¹³⁵ Упоминания о вечной мерзлоте в ведомственной переписке и в литературе встречались задолго до появления работ И. Гмелина. Например, об этом явлении говорится в отписке (1640—1643 гг.) ленского воеводы Петра Головина с товарищами (Дополнения к актам историческим, 1846, стр. 249). Сообщения о вечной мерзлоте в конце XVII — начале XVIII в. приводит М. И. Сумгин (1926, стр. 39—46).

¹³⁶ Г. Новицкий составил замечательное «Краткое описание о народе остячком. 1715» (1941), которое в 1720—1721 гг. было почти полностью опубликовано в Берлине вернувшимся из России пленным шведом И. Миллером. Этнографические наблюдения Ф. Страленберга опубликованы в его известной работе (Strahlenberg, 1730).

¹³⁷ Степан Петрович Крашенинников родился 31 октября 1711 г. (Андреев, 1939а, стр. 6) в семье солдата лейб-гвардии Преображенского полка. Происхождение С. П. Крашенинникова указано в «Реестре», приложенном к донесению «Правительствующему Сенату из Коллегии эконومیи Синодального правления» от 12 октября

1732 г. (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 664, л. 124). Сообщение Н. Н. Степанова (1949, стр. 29) о происхождении С. П. Крашенинникова со ссылкой на Н. И. Новикова (1772, стр. 50—51) основано на недоразумении, так как Н. И. Новиков таких сведений не приводит. С. П. Крашенинников обучался с 1724 г. в московской Иконоспасской школе, реорганизованной несколько позже в Славяно-греко-латинскую академию. Он получал 30 и 40 алтын (90 копеек — 1 р. 20 к.) в месяц (Крашенинников, 1949, стр. 545). В 1732 г., когда С. П. Крашенинников был в седьмом (предпоследнем) классе, он был вызван с одиннадцатью другими студентами в Академию наук в Петербург для подготовки к участию во Второй Камчатской экспедиции, с которой отправился в 1733 г. в Сибирь (кроме С. П. Крашенинникова, в экспедицию было включено еще четыре студента из числа приехавших вместе с ним в Петербург). Академия наук оценила труды С. П. Крашенинникова во время экспедиции. 22 июня 1745 г. он был утвержден адъюнктом с жалованием 360 руб. в год. В 1750 г. постановлением Академии наук от 11 апреля он был назначен профессором натуральной истории и ботаники и членом Академического и Исторического собраний с жалованием 660 руб. в год (МАН, 1897, стр. 381). Еще через два месяца (18 июня) С. П. Крашенинников был назначен ректором академического университета и гимназии, которым и оставался до своей смерти. Выполнение работ, которые ему поручала Академия наук (заведование ботаническим садом, переводы, преподавание и т. д.), сильно задержало обработку камчатских наблюдений и подготовку важнейшего труда С. П. Крашенинникова «Описание Земли Камчатки».

Лишения, перенесенные в экспедиции, и борьба с нуждой после возвращения в Петербург, когда на его плечах оказалась семья в шесть человек, подорвали его здоровье. Он скончался 25 февраля (8 марта по новому стилю) 1755 г. (Андреев, 1939а, стр. 54), вскоре после того, как было закончено печатание его «Описания Земли Камчатки».

¹³⁸ В литературе есть указания, что условия для занятий в экспедиции не всегда были благоприятны. По сообщению М. В. Ломоносова, Г. Миллер был противником того, чтобы И. Гмелин читал лекции С. П. Крашенинникову (Биллярский, 1865, стр. 60—61). Г. Миллер, по-видимому, относился к студенту С. П. Крашенинникову с большой строгостью. По его выражению, С. П. Крашенинников был у него «под батожьем» (МАН, 1900, стр. 583—584). Правда, А. И. Андреев (1939а, стр. 40) полагает, что эти слова были приписаны Г. Миллеру в порядке нападок на него. По толкованию же Н. Н. Степанова (1949, стр. 24), эти слова означают «под начальством имел».

Для отношений С. П. Крашенинникова и Г. Миллера, когда С. П. Крашенинников стал профессором, характерна взаимная холодность, которая, возможно, была отражением отношений, существовавших между ними в Сибири. Г. Миллер в предисловии к первому изданию «Описания Земли Камчатки» сдержанно отзывается о научных заслугах С. П. Крашенинникова. Он подчеркивает, что С. П. Крашенинников получил от него и И. Гмелина инструкцию, а также, что он включил в свое описание труды Г. Стеллера. Характерно, что Г. Миллер в «Описании моих служб», написанном гораздо позже, тоже нашел нужным подчеркнуть: «Описанием Камчатки господина Крашенинникова одолжен свет единственно моим и покойного доктора Гмелина наставлениям и предписаниям. При издании сей книги в 1755 г. недоставало в ней предисловия и потребных для изъяснения ландкарт. Предисловие сочинено мною, а ландкарты приказал я заимствовать из генеральной карты Сибири» (Миллер, 1937, стр. 152). С. П. Крашенинников, в свою очередь, выступал против Г. Миллера, критикуя его взгляды на русскую историю, а также подвергал его денежным штрафам за неявку для чтения лекций в университет (Толстой, 1885, стр. 33—34).

¹³⁹ Наиболее длительными были две экспедиции С. П. Крашенинникова. Первая из них была начата из Большерецка 19 ноября 1738 г. По западному берегу Камчатки он направился в северном направлении к р. Кошпаковой (Колпаковой), отсюда поехал через Верхне-Камчатск до Нижне-Камчатска и далее по восточному берегу полуострова к югу, до острожка Паратун на р. Аваче. Пересекши полуостров, он 13 апреля 1739 г. вернулся в Большерецк, пробыв, таким образом, в пути около пяти месяцев (Крашенинников, 1949, стр. 581—593).

Вторая большая поездка, во время которой С. П. Крашенинников побывал и на севере полуострова, продолжалась семь месяцев. Она была начата также из Большерецка 23 августа 1739 г. Добравшись через Верхне-Камчатск до Нижне-Камчатска, он 11 января 1740 г. направился к р. Караге (на восточном берегу полуострова); потом по западному берегу добрался до р. Лесной, от которой он спустился до р. Тигиля, затем пересек полуостров и возвратился в Нижне-Камчатск 14 февраля 1740 г. Через десять дней он выехал в Верхне-Камчатск, но по пути свернул по р. Жупановой к восточному берегу полуострова и добрался до р. Авачи. В Большерецк он вернулся 21 марта 1740 г. (там же, стр. 600—610).

¹⁴⁰ Ко времени приезда на Камчатку Г. Стеллера в расположении С. П. Крашенинникова было шесть человек, в том числе Осип Аргунов, привезенный им из

Якутска «для письма», четыре местных служилых и толмач (Крашенинников, 1949, стр. 617).

¹⁴¹ К этим 53 работам мы относим два документа, датированные 1737 г., — рапорт № 5 и письмо от 14 ноября, а также работы 1738—1740 гг. (Андреев, 1939а, стр. 56—64).

¹⁴² С. П. Крашенинников (1949) не упоминает ни в рапорте Г. Стеллеру от 28 октября 1740 г., ни в рапорте Г. Миллеру от 9 ноября того же года, какие именно наблюдения (о чем, число листов) он передал Г. Стеллеру.

В составленном С. П. Крашенинниковым «Реестре» рукописей Г. Стеллера, переданных после смерти Г. Стеллера в Академию наук, значатся «Латынские наблюдения, до истории натуральной касающиеся, чиненные студентом Крашенинниковым, на 24 листах» и «Русское географическое описание Камчатки и других мест, сочиненное студентом Крашенинниковым, на 33 листах» (Пекарский, 1870, стр. 613). Судя по приведенной выше характеристике материалов, пересылавшихся С. П. Крашенинниковым профессорам, эти две рукописи являются лишь незначительной частью отосланных им работ.

¹⁴³ П. А. Новиков (1949, стр. 292) установил, что некоторые описания животного мира в книге С. П. Крашенинникова имеют много общего с соответствующим текстом из книги Г. Стеллера. Нельзя забывать, что и Г. Стеллер мог использовать полученные им наблюдения С. П. Крашенинникова.

¹⁴⁴ Кроме работ Г. Стеллера, С. П. Крашенинников использовал: «Geographie und Verfassung von Kamtschatka» Г. Миллера, наблюдения А. Д. Красильникова, описание Я. Линденау и некоторые другие материалы (Андреев, 1939а, стр. 50).

¹⁴⁵ Впервые С. П. Крашенинников сообщил Академии наук о своем труде 23 июня 1749 г. (МАН, 1897, стр. 746—748), указав, что книга будет состоять из шести частей, из которых три вскоре будут окончены, остальные «замедлятся».

1 марта 1751 г. Академия наук вынесла постановление о переработке представленного ей труда с привлечением рукописей Г. Стеллера: «те места, о которых покойный адъютант Штеллер в своем описании упоминает, а оного нет в описании оного Крашенинникова, то их вносить либо в самый текст или сообщить оные с прописанием автора имени» (там же). С. П. Крашенинников представил свою работу с учетом постановления Академии наук в 1752—1753 гг., уложившись в четыре части вместо шести.

Характерно мнение М. В. Ломоносова о первой и второй частях, уже подвергшихся переработке. В рапорте от 29 октября 1751 г. он писал, что признает эту работу «за достойную напечатания, ради изрядных об оной земле известий. Невеликие и немногие неисправности в штиле, которые автор сам при печатании исправить может, не столь важны, чтобы сей книги печатанию, хотя мало могли препятствовать» (Модзалевский, 1937, стр. 321).

Довольно многочисленные замечания были сделаны главным образом Г. Миллером. Печатание текста «Описания Земли Камчатки», представленного С. П. Крашенинниковым, было закончено 12 февраля (ст. ст.) 1755 г. Составление незаконченного предисловия и карт было поручено Г. Миллеру. Книга вышла в свет в 1756 г. (Андреев, 1939а, стр. 5).

¹⁴⁶ С 1750 г. С. П. Крашенинников состоял в переписке с «шведским архиатром (главным врачом.— В. Г.) и уисальским ботаником господином Линнеем» (МАН, 1900, стр. 598) и был близок с М. В. Ломоносовым (Андреев, 1940б, стр. 293).

¹⁴⁷ Написанная на основе этих материалов книга была издана Академией наук под заглавием «Flora Ingrica ex schedis Stephani Krascheninnikowi... confecta et propriis observationibus aucta a Davide de Gorter».

¹⁴⁸ Первоначально фамилия отца Г. Стеллера писалась Stöhler, потом Stoller (Stejneger, 1936, стр. 4). В России его фамилию писали Штеллер и Стеллер. Сам он, по словам П. П. Пекарского (1870, стр. 600), с 1745 г. подписывался Стеллер.

Георг Вильгельм Стеллер родился в Германии, в Виндсгейме, 10 мая 1709 г. Первоначально его готовили к духовной профессии, но в университете (в Виттенберге и в Галле) он увлекся естественными науками — медициной, зоологией, ботаникой. В 1734 г. Г. Стеллер сдал в Берлинском университете экзамены по ботанике и получил право занимать кафедру университета (Stejneger, 1936, стр. 20, 31, 47—48). Из-за отсутствия вакансий и уступая своему желанию путешествовать, он в том же году предложил свои услуги командованию русских войск, взявших Даниг, и на корабле с больными и ранеными в ноябре 1734 г. прибыл в Петербург. (Эта версия о приезде Г. Стеллера в Петербург сообщена в статье его брата А. Стеллера.) П. П. Пекарский (1870, стр. 590) приводит сообщение, что Г. Стеллер поехал в Петербург самостоятельно, искать счастья. То же рассказывает и Г. Миллер (МАН, 1890, стр. 450). В России он поступил на службу к новгородскому архиепископу Феофану Прокоповичу «для пользования больных его служителей» (Пекарский, 1870, стр. 591). Феофан Прокопович помог ему поступить в Академию наук.

¹⁴⁹ И. Шерер в предисловии к книге Г. Стеллера «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka» (1774) пишет, что Г. Стеллер вел журнал пути из Петербурга до Камчатки. Этот журнал пока не опубликован. Маршрут Г. Стеллера можно частью восстановить по его рукописям с описанием растений, сбором которых он занимался (Литвинов, 1909, стр. 275—276, 284—285; Trautvetter, 1837, стр. 11).

¹⁵⁰ Г. Стеллер приводит следующее описание условий, в которых ему приходилось работать: «Если я недостаточного преуспел в выполнении этого желания (дать полное описание морской коровы.— В. Г.), виной тому была отчасти погода, которая, когда я начал наблюдения, была большей частью дождливая и холодная, отчасти же то, что я работал под открытым небом и не мог уйти от приливов и укрыться от огромных стай неспов, которые все разрывали и тащили из-под рук. Когда я рассматривал животных, они успевали украсть бумагу, книги, чернильницу, а пока я писал, они набрасывались на животное. Меняли также огромные размеры и большой вес животного. Я должен был быть и наблюдателем и рабочим. Остальные беспокоились только о постройке корабля и о спасении из этого места» (Steller, 1751, стр. 324).

¹⁵¹ Посещение им района р. Олюторы подтверждается тем, что Г. Стеллер (Steller, 1774) рассказывает о встречающихся там минералах (стр. 79) и описывает способ ловли китов олюторцами (стр. 98—99).

¹⁵² Д. И. Литвинов (1909, стр. 284—286) сообщает, что эта работа дошла до нас в виде черновой рукописи, написанной в 1746 г. под названием «Syllabus plantarum a confinibus Sibiriae de Russiae ad urbem Moscuam observatorum, i. e. a montibus Ripheis ad Turam ordinae alphabetico». Считать ее «Флорой Пермии» заставляет приложенный к ней набросок предисловия.

¹⁵³ Подробности о смерти Г. Стеллера неизвестны. Как видно из сопоставления даты завещания (Важсель, 1940, стр. 173), составленного им в Тюмени, и даты его смерти, Г. Стеллер провел в этом городе пять дней. Отсюда ясен анекдотический характер рассказов о том, что Г. Стеллер замерз в пути, заснув в санях у постоянного двора, дожидаясь задержавшихся там ямщиков (Steller, 1774, предисловие И. Шерера, стр. 15), и что он был при этом совершенно пьян (Büsching, 1774, стр. 165).

¹⁵⁴ Значительная часть трудов и коллекций Г. Стеллера утеряна. До Академии наук дошли не все рукописи и рисунки, посланные им из Большерецка 12 июля 1743 г., список которых включал 23 названия. Что стало с коллекциями и рукописями, которые были с Г. Стеллером, когда он находился уже в Соликамске, сказать трудно. Они оказались в нескольких местах: в Казани — у сотрудников Г. Стеллера, выехавших вперед, в Соликамске — у И. Фишера, приехавшего туда незадолго до ареста Г. Стеллера, и частью у Демидова, а также в Тюмени у самого Г. Стеллера. Во всяком случае, рукописи, перечисленные в письме Г. Стеллера от 18 августа 1746 г., написанном им при аресте, до Академии наук не дошли. П. Паллас и К. Линней высказывают предположение, что часть научного наследия Г. Стеллера похищена лицами, которые были около него при смерти (Шекарский, 1870, стр. 605 и 610; Stejneger, 1936, стр. 543—544).

С. П. Крашенинников составил в 1747 г. опись рукописей Г. Стеллера, хранящихся в Академии наук, в которой было 62 названия (Шекарский, 1870, стр. 613—616).

Публикация трудов Г. Стеллера в России производилась в издании «Novi commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae». В 1751 г. была опубликована его работа, посвященная морским животным («De bestiis marinis»), в 1753 г.— работы о рыбах («Observationes generales universam historiam piscium concernentes») и в 1758 г.— о птицах («Observationes quaedam nidos et ova avium concernentes»). Дальнейшую публикацию трудов Г. Стеллера Академия наук приостановила, что следует поставить в связь со смертью С. П. Крашенинникова.

На немецком языке И. Шерер издал в 1774 г. «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka», П. Паллас в 1781 г. издал его рукопись «Topographische und physikalische Beschreibung der Beringinsel...»; в 1793 г. он опубликовал «Tagebuch seiner Seereise...» Эта книга вышла отдельным изданием в том же году под названием «Reise von Kamtschatka nach America mit dem Commandeur Capitän Bering. St. Petersburg». Кроме того, в 1753 г. вышел немецкий перевод «De bestiis marinis» (17536).

¹⁵⁵ Канцелярия Академии наук в 1748 г. поручила С. П. Крашенинникову «Штеллеровы дела в порядок приведши на русский язык, а с русского на латинский перевесть» (МАН, 1897, стр. 405). Вероятно, под влиянием бесед с С. П. Крашенинниковым М. В. Ломоносов ознакомился с работами Г. Стеллера. В декабре 1750 г. он внес предложение о печатании его «обсерваций» (Андреев, 1940б, стр. 293).

¹⁵⁶ Научные заслуги Г. Стеллера признает и Л. С. Берг, который, однако, отмечает, что «Стеллер был первоклассным натуралистом, но совершенно аморальным человеком» (Крашенинников, 1949, стр. 279—280). К такой характеристике Л. С. Берга побудило жестокое отношение Г. Стеллера к животным, находившего «особое, удивительное» в их мучении.

Характеристику Г. Стеллера как аморального и жестокого человека трудно совместить с его отношением к камчадалам (о чем говорит и сам Л. С. Берг). Не вяжется она и с рассказом П. Палласа (Pallas, 1784, стр. 45) о том, что при путешествии из Иркутска к Баргузинским горам Г. Стеллера сопровождал его любимец — молодой ручной олень.

¹⁵⁷ Это описание является, по словам П. Палласа, продолжением «Tagebuch seiner Seereise...» (Steller, 1781, предисл.) Ф. Голдер (Golder, 1925) полагает, что очерк «Topographische und physikalische Beschreibung der Beringinsel...» составлен П. Палласом из отрывков записей Г. Стеллера и что П. Паллас сам дал этой работе название, так как в найденной Ф. Голдером рукописи (см. выше) Г. Стеллера такого названия нет.

¹⁵⁸ В новейшей сводке флоры о-ва Беринга приводится 205 видов цветковых растений (Берг, 1946а, стр. 276). Таким образом, наблюдения Г. Стеллера велись весьма тщательно.

¹⁵⁹ Подробное изложение маршрута Л. Делаacroера от Петербурга до отправления в Америку, составленное И. Делилем, см. ЦГВИА, ф. ВУА, № 18085, л. 204—205 об.

¹⁶⁰ Андрей Дмитриевич Красильников родился в 1705 г. в семье солдата гвардии Семеновского полка, учился в Математико-навигационной школе в Москве и был переведен в Морскую академию в Петербург, которую окончил в 1724 г. В 1731—1733 гг. он обучался астрономии у И. Делиля (Шибанов, 1958а). В 1750 г. А. Д. Красильников ездил по поручению Академии наук в Прибалтику, где сделал полные определения положения городов Ревеля, Риги, Дагерорта (на о-ве Даго) и еще два пункта определил только по широте. В 1753 г. он был командирован в Москву для наблюдения прохождения Меркурия через диск Солнца и сделал астрономическое определение положения Москвы. За свою жизнь он провел 50 астрономических определений, из них 14 — полных.

Таким образом, из 17 таких определений, сделанных в России за 1727—1760 гг., большая часть и наиболее верные принадлежали А. Д. Красильникову (Струве, 1846, стр. 45). Г. Миллер (1757ж, стр. 488) писал, что А. Д. Красильников «пощучил себе честь и похвалу, что был на двух краях Российской империи к востоку и к западу и определил чрез свои наблюдения все ее пространство. А именно: Петропавловскую гавань на Камчатке усмотрел он под $176^{\circ} 12,5'$ долготы, а западный мыс острова Даго, Дагерт Орт называемой, — под $39^{\circ} 28' 15''$ ».

По возвращении из Второй Камчатской экспедиции А. Д. Красильников преподавал астрономию в Морской академии и составлял календари. Им был написан в 1757 г. учебник практической астрономии на русском языке, оставшийся неопубликованным. М. В. Ломоносов отмечал знание и опыт А. Д. Красильникова и уважение, которым он пользовался за свои труды (Некарский, 1873, стр. 731—733). А. Д. Красильников умер в 1773 г., будучи адъютантом астрономии Академии наук и имея чин геодезии премьер-майора.

¹⁶¹ Необходимость поисков этого пути признавалась еще Петром Первым, который в 1710 г. дал соответствующие указания (Гнучева, 1946, стр. 12).

¹⁶² Конечный пункт путешествия геодезистов в 1736 г. («допед, до речки Большой Еловой остановились апреля 7 числа 736 г.») не согласуется с составленной ими и использованной в нашей работе картой (см. рис. 30). О плавании геодезистов вниз по рекам Ньюже и Олекме заставляет предполагать детальное изображение этих рек на карте.

¹⁶³ В статье Г. Миллера (Nachrichten von dem Amur-Flusse., 1769) не указана фамилия автора. Редакция сообщает в предисловии, что первоначально она приписывалась генералу Киндерману, но впоследствии выяснилось, что она принадлежит Г. Миллеру. Первые четыре страницы этой статьи почти дословно повторяют статью Г. Миллера «Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года», опубликованную в 1757 г.

¹⁶⁴ В. А. Дивин (1953, стр. 187) пишет о настоятельных требованиях А. И. Чирикова организовать новую экспедицию. В опубликованных документах мы такого требования не обнаружили.

¹⁶⁵ Эти данные были частично сведены и опубликованы А. П. Соколовым только в 1851 г. (1851б, стр. 65—72), но, поскольку материалы хранились в архивах Морского министерства, они, конечно, могли быть использованы всеми последующими

экспедициями, отправлявшимися в эти районы, а также отдельными учеными (например, экспедициями Ф. П. Врангеля, И. Биллингса — Г. А. Сарычева, А. Ф. Миддендорфом и др.).

Как показывают статьи А. П. Соколова, по описям лейтенантов Д. Л. Овцына, С. Г. Малыгина, А. Скуратова, штурмана Головина и мастера флота И. Н. Кошелева можно составить довольно подробное представление об изменчивости течения в Обской губе, о ее глубинах и отмелях, грунте, солености и цвете воды. Наблюдения за приливами, проведенные от п-ова Ямал до мыса Большой Баранов, показали, что приливы наиболее значительны на протяжении от мыса Челюскина до устья Лены. Восточнее устья Лены их совсем не бывает. Промеры, сделанные у берегов моря на том же протяжении (кроме части Таймырского п-ова), позволили, в частности, установить значительные глубины на широте 77,5° у восточного берега полуострова (отмечены лейтенантом В. М. Прончищевым).

¹⁶⁶ Б. Эвальд (1917, стр. 113) упоминает рукописную карту берега Ледовитого моря от Нижне-Колымского острога до р. Колы, являющуюся снятой в Морской академии кошкой в уменьшенном масштабе с генеральной карты, составленной в 1740 г.

В последние годы были опубликованы сводные карты открытий Второй Камчатской экспедиции, составленные в 1741 и 1742 гг. при Морской академии: «Лант карта, сочиненная с разных карт...», датированная 19 февраля 1741 г. (Белов, 1954б, стр. 136, рис. 2), варианты Генеральной карты берегов Северного Ледовитого океана, составленной в 1742 г. по материалам Второй Камчатской экспедиции (*Imago mundi*, 1952, стр. 116; Дивин, 1953, стр. 176; Белов, 1954б, стр. 144, рис. 4), и Генеральная карта Северного и Восточного океанов, датированная 19 ноября 1742 г. (Белов, 1954б, стр. 144, рис. 3).

Помимо этих карт были, очевидно, и другие сводные карты берегов Северного Ледовитого океана. Б. Эвальд называет рукописную карту Ледовитого моря от Нижне-Колымского острога до р. Колы с обозначением рек Сибири, составленную в Морской Академии капитаном П. фон-Дезиним по описям участников Второй Камчатской экспедиции (1917, стр. 113), карту части Ледовитого моря от Архангельска до устья Колымы с обозначением рек Сибири, составленную в 1741 г. с разных описей при Морской академии на восьми листах (там же, стр. 114). О картах, упомянутых Б. Эвальдом, с указанием их старых инвентарных номеров, говорит и А. П. Соколов (1851а, стр. 73—74). Дата составления карты П. фон-Дезина не указана. А. Ф. Миддендорф (1860, стр. 64) относит карту П. фон-Дезина к 1741 г. и называет ее «Генеральной меркаторской картой Северного моря».

¹⁶⁷ Местонахождение одного из вариантов карты указано В. А. Переваловым (1949, стр. 265). Он опубликован В. А. Дивиним (1953, стр. 202—203), который считает А. И. Чирикова ее автором. Другой вариант опубликован М. И. Беловым (1954б, стр. 136—137; его же, 1956, стр. 336—337). Варианты меркаторской карты опубликованы также А. В. Ефимовым (1950, стр. 191, 192—193).

¹⁶⁸ Карта 1750 г. была вычерчена Ф. Бюашем (*Buache*, 1753, стр. 3), который основывался на карте И. Делиля 1731 г., представленной Сенату и Академии наук. Но на карте 1750 г. берегам северо-западной Америки, которые на карте И. Делиля 1731 г. не показаны, приданы произвольные очертания, отражающие «открытия» адмирала де Фонта, де Фука и Дагвилара. Она приведена Л. Брейтфусом (*Breitfuss*, 1939, стр. 92—93).

Карта 1752 г. с запиской, озаглавленной «*Nouvelle carte des découvertes de l'amirale de Fonte*» и датированной 1753 г., приложена к работе Ф. Бюаша. В записке приводятся также и доклад И. Делиля, прочитанный им в Академии наук в 1750 г.

Книга Ф. Бюаша представляет собой сборник работ, связанных с докладом, сделанным им 9 августа 1752 г. в Парижской академии наук. Кроме доклада, она содержит пояснения, которые Ф. Бюаш опубликовал до 1754 г. включительно, и несколько его карт. В оглавлении указаны материалы 1755 г. Таким образом, год выхода этого сборника не соответствует году на титульном листе.

¹⁶⁹ По сообщению Л. С. Берга (1946а, стр. 353), эта брошюра имеется в СССР в единственном экземпляре в Библиотеке Академии наук СССР (в Ленинграде). В том же году было осуществлено второе издание брошюры (*Müller*, 1753).

Статья Г. Миллера появилась также в английском и немецком переводах (Миллер, 1937, стр. 150). На русском языке она не печаталась.

¹⁷⁰ Карта называлась «*Nouvelle carte des découvertes faites par des Vaisseaux Russiens aux cotes inconnues de l'Amerique Septentrionale avec les pais adjacents. Dressée sur les mémoires authentiques de ceux, qui ont assisté à ces découvertes et sur d'autres connoissances dont on rend raison dans un Mémoire séparé.*»

Она опубликована А. В. Ефимовым (1950; см. также сб. «Открытия русских землепроходцев...»).

Карта 1758 г., отличающаяся в деталях, опубликована в работах Шлецера (Schlezer, 1771), А. Норденшельда (Nordenskjöld, 1897), часть ее воспроизведена также Ф. Голдером (Golder, 1925). В русском издании она была опубликована в 1940 г. В. Ф. Гнучевой под названием «Карта, представляющая изобретения мореплавателей на северной части Америки с около лежащими местами учиненные. Сочинена при Академии наук титулярным советником Иваном Трускоттом» (без даты). О том, что она составлена Г. Миллером, сообщил А. И. Андреев (1943б, стр. 51).

¹⁷¹ В список карт, переданных при письме Г. Миллера в Сенат в 1744 г., включена «Карта всем новым изобретениям Камчацкой экспедиции, сообщенная из Адмиралтейств-коллегии», а также карты «морских вояжей» М. Шпанберга, В. Вальтона, В. М. Прончищева, Д. Я. Лаптева, Д. Л. Овцына (МАН, 1895, стр. 78—80).

¹⁷² Карта Сибири (к востоку от Енисея) И. Фишера приложена к его книге (Fischer, 1768).

¹⁷³ В 1773 г. Академия наук выпустила переработанную карту 1754—1758 гг., на которой выступ северо-западной Америки, простирающийся к Камчатке, не показан, но между Командорскими островами и Беринговым проливом изображены несуществующие архипелаги. Эта карта породила ряд вариантов (Гнучева, 1940б, стр. 72—73).

Г. Миллер (1937, стр. 151) сообщил, что издание карты в 1773 г. «с прибавлением новоизобретенных американских островов» сделано не по его совету. Но некоторые современные нам авторы, по-видимому, все же полагают, что Г. Миллер имел к этим добавлениям отношение. Так, например, А. В. Ефимов (1950, стр. 199) называет один из вариантов карты 1773 г. с надписями на русском языке «Картой новых открытий на Тихом океане, изданной Академией наук в 1758 г.». М. И. Белов (1954б, стр. 141—142; 1956, стр. 335), считая карту 1773 г. окончательным вариантом карты 1754—1758 гг., связывает с именем Г. Миллера изображение на академической карте «ни на что не похожих, не существующих в Тихом океане архипелагов и столь же фантастического в виде группы очертания Чукотского п-ова», называя эти изображения домыслами Г. Миллера.

Но, как мы видели, Г. Миллер к изданию карт 1773 г. с «архипелагами» отношения не имел. Следует отметить, что наиболее ранней картой с «архипелагами» из известных в настоящее время является копия В. Красильникова, снятая, вероятно, с одной из карт Морской академии в 60-х годах. В. А. Перевалов (1949, стр. 378) ошибочно приписывает ее М. В. Ломоносову, о чем сказано ниже.

Касаясь изображения Чукотского п-ова, следует отметить, что на карте 1754—1758 гг., собственно говоря, законченного изображения «Шелагского мыса» нет, так как его окончание, показанное в виде шляпки гриба, не представляет очертаний мыса, а лишь окружает надпись, гласящую, что границы мыса неизвестны (т. е. не исследованы).

Представление о том, что Г. Миллер изобразил на карте 1754—1758 г. «Шелагский мыс» оканчивающимся кругом, мы встречаем и у А. В. Ефимова, который утверждает, что в карту 1754—1758 гг. вошел составной частью найденный А. В. Ефимовым другой чертеж, названный им «Картой Дежнева — Миллера», не имеющий даты и указаний об авторе. А. В. Ефимов предполагает, что этот чертеж составлен Г. Миллером около 1737 г. с использованием материалов о походе С. И. Дежнева. Одним из доводов в пользу такого предположения служила для А. В. Ефимова круглая форма окончания большого мыса на северо-востоке Азии, изображенного на «карте Дежнева — Миллера». Эта форма, по мнению А. В. Ефимова, соответствует представлениям С. И. Дежнева о мысе («и нос поворотит кругом к Онданьре реке подлегло») (1950, стр. 66—68). Не входя здесь в обсуждение происхождения и содержания «карты Дежнева — Миллера», отметим, что она во многом отличается от карты 1754—1758 гг. (изображением «Святого Носа» к востоку от устья Лены, очертания Чукотского п-ова, Анадырского залива и т. д.) и ее едва ли можно назвать составной частью последней.

Между округлой формой окончания мыса на «карте Дежнева — Миллера» и на карте 1754—1758 гг. устанавливать связь невозможно, так как на последней карте очертание окончания мыса не имеет, как уже сказано, географического значения.

¹⁷⁴ После Г. Миллера об экспедиции писали В. Н. Берх (впервые опубликовавший также и докладные записки В. Беринга), Г. А. Сарычев, Ф. П. Литке и Ф. П. Врангель. Однако свободного обзора, посвященного деятельности экспедиции, не было.

Достаточно широко вопрос о значении экспедиции был поставлен только в 1851 г. А. П. Соколовым, написавшим по архивным источникам ее историю и опубликовавшим многие документы. Около того же времени (1860 г.) А. Ф. Миддендорф опубликовал журнал С. И. Челюскина и Х. П. Лаптева. Много ценных сведений, касающихся истории экспедиции, можно найти у П. П. Пекарского (1870), в «Материалах для истории русского флота» и в «Материалах для истории Академии наук».

В начале XX в. вышла работа Ф. Голдера, составленная по документам русских архивов, к которой приложены (в переводе на английский язык) судовой журнал пакетбота «Св. Петр», выдержки из судового журнала пакетбота «Св. Павел» и перевод «Tagebuch seiner Seereise...» Г. Стеллера, сделанный Л. Стейнегером (см. Golder, 1925), а также многие документы и карты, относящиеся к экспедиции.

Особенно много сделано для освещения истории Второй Камчатской экспедиции в советской литературе. Труды А. И. Андреева, М. И. Белова, Л. С. Берга, В. Ф. Гнушевой, А. В. Ефимова, Д. М. Лебедева, А. А. Покровского, Г. В. Яникова представляют собой содержательные исследования по этому вопросу, в них опубликовано большое количество карт и архивных документов.

К главе V (стр. 170—187)

¹ В. Н. Берх (1823б, стр. 13) сообщает, что уже в первый рейс из Охотска в Большерецк, который был совершен в 1726 г. М. Шпанбергом на корабле «Фортуна», туда было перевезено 13 енисейских и иркутских кушцов.

В описи бумаг, оставшихся после смерти штурмана Я. Генса, участника экспедиции А. Ф. Шестакова, упоминается переписка о пропуске «торговых людей разных городов» через Ламское (Охотское) море (ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 24, л. 536).

² Р. В. Макарова (1950, стр. 24) установила, что в снаряжении экспедиций принимали участие кушцы из следующих городов: Москва, Нежин, Харьков, Курск, Тула, Шуя, Вологда, Ярославль, Архангельск, Каргополь, Сольвычегодск, Великий Устюг, Соль Камская, Яренск, Нарым, Тара, Тобольск, Иркутск, Якутск.

³ О пригодности «мореходов», плававших к Алеутским островам, см. «Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров...» (1810, стр. 155—160).

⁴ Стоимость пушнины, привезенной с Алеутских и Командорских островов за 1743—1797 гг., составила, по данным Р. В. Макаровой (1950), 7 828 647 руб.; таким образом, десятая доля в пользу государства выразилась в 782 865 тыс. руб.

⁵ С 1762 г. попытки ограничить плавание к Алеутским островам прекратились (Полонский. Промышленники на Алеутских островах. Архив ВГО, разр. 60, оп. 1, № 3, л. 66—68 об.).

⁶ М. Д. Чулков (1785, стр. 420—422) сообщает, что по инициативе Ф. И. Соимонова был издан указ Сената от 3 октября 1761 г., в котором предлагалось составлять для частных судов карты и наставления, чтобы помочь промышленникам избежать гибели вследствие незнания мест. В наставлениях, кроме того, рекомендовалось давать советы о взаимоотношениях с местным населением. Этот указ, касавшийся Курильских островов, был распространен и на плавание к северу от Камчатки.

⁷ Так, например, по таблице Р. В. Макаровой (1950, стр. 36—37) в 1750 г. в плавании находились 8 судов, в 1760 г.—11 судов, в 1761 г.—12 судов и т. д.

⁸ Пользуемся хронологической таблицей Р. В. Макаровой (1950, стр. 35—42), составленной ею по архивным данным. В 42 плавание нами включены все экспедиции из таблицы, начатые до 1764 г. включительно, кроме плаваний И. Г. Бахова и Н. П. Шалаурова в 1748 и 1759 гг., которые не связаны с исследованиями Алеутских островов и рассматриваются особо. По А. С. Полонскому (Перечень путешествий русских промышленников в Восточный океан с 1743 по 1800 г. Архив ВГО, разр. 60, оп. 1, № 2, л. 4), за то же время к Алеутским островам было совершено 39 плаваний.

⁹ Первым сообщением в печати о плаваниях к Алеутским островам была статья Ф. И. Соимонова «Продолжение о древней пословице: Сибирь — золотое дно» (1764), в которой рассматривается организация этих плаваний.

Первый исторический очерк плаваний промышленников к Алеутским островам был составлен Я. Штелиным (1774), который использовал сообщения промышленника А. Толстых. Но вместе с тем он привел неверные данные о расположении островов и организации экспедиций. В 1776 г. вышла статья об открытиях островов между Азией и Америкой, основанная на подлинных известиях промышленников. Она была подписана инициалами J. L. S. Сначала к этой статье отнеслись недоверчиво, так как в ней не было ссылок на использованные источники. Но Г. Миллер подтвердил достоверность приводимых в ней сведений (Сохе, 1780, стр. VII); в этом же убедили и последующие сопоставления с источниками. Об авторе статьи выдвигались разные предположения (Фролов, 1855, стр. 514; Stejneger, 1934б, стр. 339). По мнению А. И. Андреева, J. L. S.— инициалы И. Л. Шульце (см. сб. «Русские открытия в Тихом океане...», 1948, стр. 22).

Открытия между Азией и Америкой, совершенные русскими, были описаны также В. Робертсоном, приезжавшим для ознакомления с материалами в Петербург и опубликовавшим свой труд на английском языке в 1777 г. и на французском

в 1780 г. (Robertson, 1780, стр. 18—19), и В. Коксом (Coxe, 1780), использовавшим, по рекомендации Г. Миллера, сведения, приведенные в статье J. L. S.

На русском языке после Я. Штелина известия об Алеутских островах и история плавания к ним были опубликованы П. Палласом (1781), который, как он сам говорит (стр. 1—2), использовал данные В. Кокса. В том же году статья П. Палласа вышла и на немецком языке (Pallas, 1781b). В основе ее лежала составленная П. Палласом в 1777 г. записка, посланная Ж. Бюффону, использовавшему ее для своего труда «Des éroques de la nature» (Buffon, 1842). Названные работы в основных чертах верно отражали историю плаваний.

В 1823 г. систематический обзор плаваний к Алеутским островам дал В. Н. Берх (1823в). Документы, касающиеся плаваний промышленников, были опубликованы в «Архиве адмирала П. В. Чичагова» (1885) и в «Щукинском сборнике» (1936).

В наше время документы по истории плаваний к Алеутским островам опубликованы Л. С. Бергом (1924, стр. 123—132) и А. И. Андреевым (сб. «Русские открытия в Тихом океане...», 1948, стр. 113—178). Обзоры истории открытия Алеутских островов даются в трудах З. Н. Зубковой (1948, стр. 8—42) и Р. В. Макаровой (1950, стр. 23—42). З. Н. Зубкова и Р. В. Макарова использовали литературные и архивные источники, в том числе неизданные статьи А. С. Полонского и Т. И. Шмалева.

А. С. Полонский много работал в 60-х годах XIX в. в охотских и камчатских архивах. После него остались неизданные работы: «Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане с 1743 по 1800 год» и «Промышленники на Алеутских островах». Обе рукописи хранятся в архиве Всесоюзного географического общества. В них нет ссылок на использованные источники, но проверка некоторых из приводимых в этих работах данных по архивным документам убеждает в их достоверности (Русские открытия в Тихом океане..., 1944, стр. 8).

Т. И. Шмалев — начальник Нижне-Калымского острога, впоследствии переведенный на Камчатку, был в чине капитана корреспондентом Г. Миллера; он присылал ему документы о Восточной Сибири, в том числе и об истории плаваний промышленников (Андреев, 1937б, стр. 109). Рукописи Т. И. Шмалева хранятся в «Портфелях Миллера», которые в настоящее время переданы в Архив внешней политики России МИД СССР (ф. Российско-Американской компании).

¹⁰ Существуют предположения об открытии о-ва Атха в 1750 г. шитиком «Петр» под командованием Д. Наквасина (Полонский, Перечень путешествий...) и о посещения этого острова в 1751 г. судном «Борис и Глеб», которое вел И. Бутин (Берх, 1823в). З. Н. Зубкова (1948, стр. 19) не без основания считает оба эти сообщения малоубедительными.

¹¹ В 1749—1750 гг. на о-ве Беринга было убито всего 47 бобров, а в 1754—1755 гг. — пять бобров (Суворов, 1912, стр. 226).

¹² Сведения о Е. С. Басове приводятся также в «Исторической табели российских плаваний и открытий в Северо-Восточном море», составленной, по мнению опубликовавшего ее А. В. Ефимова (1948, стр. 298), не ранее 1790 г. При пользовании «Табелью» следует иметь в виду, что в ней встречаются неточности. О Е. С. Басове сказано, например, что он плавал в 1743 г. на шитике «Капитон», а около 1768 г. пропал без вести, пытаясь из устья Лены обойти «Чукотский нос» (там же, стр. 294). очевидно, в этом случае составитель принимает за Е. С. Басова Ивана Бахова.

¹³ В рапорте говорится, что присланный в Охотскую канцелярию указ, согласно которому Е. С. Басову разрешалось совершить плавание с Камчатки, был написан в царствование Анны Ивановны, т. е. до октября 1740 г.

¹⁴ В литературе фамилия Михаила Невочикова пишется «Неводчиков», но он сам в письме к Т. И. Шмалеву от 26 ноября 1775 г. (АВПР МИД СССР, ф. Российско-Американской компании, оп. 888, д. 7, л. 279) подписался «Невочиков». Так же его фамилия написана в «Примечании, učinенном двумя братьями Охоцкой команды капитанами Тимофеем и Василием Шмалевыми», датированном 12 июля 1775 г. (там же, оп. 888, д. 5, л. 2 об.). В. Н. Берх (1823в, стр. 7) сообщает, что М. Невочиков, серебряник из Великого Устюга, «пошел искать фортуны в Сибирь и понал на Камчатку. М. Невочиков родился в Тобольске в 1708 г. В «Экстракте» о своей службе, приложенном к упомянутому письму Т. И. Шмалеву, М. Невочиков сообщает, что он стал ходить на море с 1742 г. Первые годы он плавал на боте «Св. Иоани» под командой М. Шпанберга без жалованья, в «должности геодезической рисования карт и снятия с берегов прежектов». В качестве морехода М. Невочиков плавал на судне «Евдоким» в 1745—1747 гг. В 1752 г. по распоряжению Сибирского приказа за «обыскание вновь островов и народов» он был определен «по Охотску в службу ундерофicerом». В 1753 г. ходил в море «штюрманским учеником». С 1772 г. работал в Охотской канцелярии. В конце «Экстракта», доведенного до 1775 г., есть пометка Т. И. Шмалева: «От роду 67 лет, уроженец гор. Тобольска».

¹⁵ Дату 24 сентября приводят В. Н. Берх (1823в, стр. 7) и J. L. S. (1176, стр. 10). Последний говорит, что промышленники увидели острова через шесть дней после начала плавания. А. С. Полонский (Перечень путешествий..., л. 11) называет 29 сентября. Мы считаем дату 24 сентября более правильной, поскольку она приводится в статье J. L. S. и В. Н. Берхом, работавшими независимо друг от друга по первоисточникам.

¹⁶ В 1757 г. острова на юге искал А. Башмаков на «Петре и Павле», в 1759 г. — Д. Пайков на «Владимире», в 1766 г. А. Толстых — на «Петре».

¹⁷ А. С. Полонский (Перечень путешествий..., л. 20) полагает, что крушение произошло у о-ва Адах из группы Анджановских островов. По мнению В. Н. Берха (1823в, стр. 26), судно «Иеремия» было выброшено на о-в Умнак из группы островов Лисских.

¹⁸ Этим названием и другими ему созвучными (Алах-тех, Алахшак) обозначалась, по-видимому, Аляска.

¹⁹ Карта опубликована в приложении к сб. «Русские открытия в Тихом океане...» (1948), а также А. В. Ефимовым (1948, стр. 104). А. В. Ефимов высказывает предположение, что под «Землей якутского дворянина» следует понимать землю, нанесенную против Чукотского п-ова на карте якутского дворянина И. Львова.

²⁰ О «сделанной в Тобольске карте» упоминает также и М. В. Ломоносов (1952, т. VI, стр. 510), пользовавшийся материалами Д. И. Чичерина. Он сравнивает ее с «оригинальным чертежом», полученным, вероятно, от Ф. И. Соймонова.

²¹ О получении от Ф. И. Соймонова чертежа Екатерина II упоминает в письме к Ф. И. Соймонову от 26 мая 1764 г. (Перевалов, 1949, стр. 312).

²² А. С. Полонский (Перечень путешествий..., л. 30 об.) и Р. В. Макарова (Открытие и освоение русскими Алеутских островов..., 1949, стр. 105) сообщают о мореходе карабля «Владимир» другие сведения. Мы пользуемся данными В. Н. Берха (1823в, стр. 37), который упоминает об «отысканном обстоятельном журнале плавания» (там же).

²³ Причины ареста И. Бечевина неизвестны (Медушевская, Русские географические открытия..., 1952, стр. 194).

²⁴ В 1760 г. было совершено еще одно плавание на судне «Иоанн Устюжский», принадлежавшем П. Чебаевскому, с мореходом А. Воробьевым; экспедиция побывала у островов Крыских и в 1763 г. вернулась на Камчатку.

²⁵ В. Н. Берх (1823в, стр. 55) замечает, что казаки старались преувеличивать численность населения, чтобы придать открытию больше важности.

²⁶ Л. С. Берг, приводя изложенные нами факты, пользовался «копией с рапорта, поданного от возвратившегося из морского ваяжу на судне Селенгинского купца Андреана Толстых камчатского казака Петра Васютинского с товарищи».

²⁷ Л. С. Берг, вероятно, неправ, утверждая (1924, стр. 122), что дошедшие до нас документы о плавании А. Толстых составлены по памяти в Большерецке, так как один из опубликованных Л. С. Бергом документов называется «Описание, сочиненное... с журналов Селенгинского купца Толстых».

²⁸ Четыре судна, о которых идет речь, были следующие: «Иоанн», принадлежавшее компании А. Протасова и выступившее с мореходом Д. Медведевым в 1762 г. из устья р. Большой; «Захарий и Елизавета» купцов Ф. и В. Кульковых, отправленное в 1762 г. с мореходом П. Дружининым; «Св. Троица» компании Н. Трапезникова с мореходом И. Коровиным и «Николай» Н. Трапезникова, вышедшее в 1763 г. с мореходом М. Наседкиным.

О гибели этих судов сообщается в рапортах И. Коровина и И. М. Соловьева (Русские открытия в Тихом океане..., 1948, стр. 129, 133 и 134). Сообщение о гибели судна «Николай» И. М. Соловьев передает как неопроверженное. А. С. Полонский (Перечень путешествий..., л. 45 об. и 46) пишет, что погибли все четыре судна. Из 175 человек их экипажа (136 русских и 39 камчадалов) вернулось только 11 человек (158 человек были убиты и 6 человек умерли от болезней). Те же данные приводит Р. В. Макарова (Открытие и освоение русскими Алеутских островов..., стр. 118), ссылаясь на документы из ЦГАДА.

²⁹ Адмиралтейств-коллегия писала (Русские открытия в Тихом океане..., 1948, стр. 171), что сведения В. Шилова и «особливо карту... почитает не безважными, ибо, хотя она не может почестся за точную и совершенно на правилах мореописания основанною, однако для первых начал довольно изрядною...». Как видно из дальнейшего текста доклада Адмиралтейств-коллегия, Аляска считалась еще островом.

³⁰ Г. Банкрофт (Bancroft, 1886, стр. 158) охарактеризовал эту карту как, «может быть, самый абсурдный образец воображаемой географии».

³¹ В сб. «Открытия русских землепроходцев...» карта 1773 г. (карта № 14) названа «Картой лейтенанта Синда...».

³² Карта и статья Я. Штелина вызвали возражения Г. Миллера (Büsching, 1774, стр. 122—123).

К главе VI (стр. 188—214)

¹ Н. Н. Оглоблин (1902, стр. 276) сообщает, что И. Г. Бахов для организации экспедиции вступил в компанию с И. Жилкиным, Н. П. Шалауровым и С. Новиковым; из них последний был вскоре исключен из компании, а И. Жилкин в плавании участия не принимал.

Это сообщение, вероятно, не вполне точно. С. Новиков участвовал в плавании в качестве одного из руководителей, как это видно из «Описи, сочиненной партией подпрапорщиком Тимофеем Переваловым...» (АВПР МИД СССР, ф. Российско-Американской компании, д. 8, л. 119—120).

На карте Т. Перевалова (см. рис. 41), опубликованной П. Гориным (Из истории освоения Северного морского пути, 1936), есть надпись: «Здесь усмотрена земля в 1748 г. июля 13 дня, во время морского путешествия, учиненного из устья реки Анадыря к Берингову острову и Камчатке купцами Новиковым и Баховым, а от партии Анадырской подпрапорным Переваловым». Надо полагать, что Н. П. Шалауров был лишь участником экспедиции.

² Возможно, И. Г. Бахов уже в то время имел более широкие планы. Н. Н. Оглоблин (1902, стр. 275) полагает, что под влиянием общения с Д. Я. Лаптевыми, побывавшим в Анадырске в 1740—1742 гг., у И. Бахова появилась мысль о путешествии из устья р. Лены на Камчатку, не удавшемся Д. Я. Лаптеву, и плавание из Анадырского острова имело отношение к этому плану.

³ Карта подписана: «Сочинил по малому смыслу последний от человек казачий подпрапорной...» Имя составителя стерто, но в надписи около открытой во время этого плавания «земли» упомянут «подпрапорный» Т. Перевалов (Из истории освоения Северного морского пути, 1936). На карте изображен также путь Н. П. Шалаурова во время плавания 1762 г. и Медвежьего острова, о которых доносил сержант С. Андреев после экспедиции 1763 г.

⁴ Первое краткое и не совсем точное сообщение об экспедиции Н. П. Шалаурова дано В. Коксом (Сохе, 1780, стр. 323—329), несколько позднее о нем сообщил М. Зауер (Sauer, 1802, стр. 96—98). В русской литературе впервые сообщения о плавании И. Бахова и Н. П. Шалаурова были опубликованы В. Н. Берхом (1821, стр. 144—145) и Г. И. Спасским (1822, стр. 168—169). В их кратких рассказах приводится много недостоверных фактов.

Писавший об этой же экспедиции Ф. П. Врангель (1948, стр. 75—77) использовал, как он сам говорит, труды В. Кокса и М. Зауера. Ему была известна и карта Н. П. Шалаурова, на которой есть поясняющие надписи. Ф. П. Врангель довольно верно описал экспедицию Н. П. Шалаурова 1761—1762 гг., хотя и не избежал некоторых ошибок (например, начало плавания отнесено им к 1760 г.). Истории ее организации Ф. П. Врангель касается мало. Ее восстановил по архивным материалам Н. Н. Оглоблин (1902). В наше время новые материалы об этой экспедиции сообщили М. И. Беловым (1954а).

⁵ Впоследствии в инструкции Сената, составленной Ф. И. Соимоновым, цели экспедиции получили несколько иную формулировку, но основной задачей, как и во «Всепоходнейшей челобитной» И. Бахова, оставалось плавание из Северного Ледовитого океана через Берингов пролив в Тихий океан.

⁶ Численность команды, с которой судно пришло к устью Лены в 1758 г., достигала примерно 80 человек, так как 53 человека остались после увольнений Н. П. Шалауровым охраны, состоявшей из нескольких человек, и еще 20 человек (Оглоблин, 1902, стр. 289). М. И. Белов (1954а, стр. 166) полагает, что команда в начале плавания состояла из 73 человек, а Н. П. Шалауров набрал затем еще 35 человек.

⁷ М. И. Белов (1954а, стр. 168) пишет, что начальник Нижне-Колымского острога — прапорщик Т. И. Шмалев, «ограниченный самодур, известный своей жесткостью к местному юкагирскому и чукотскому населению», беспощадно избил Н. П. Шалаурова, отказавшегося дать ему взятку. За это впоследствии Т. И. Шмалев был отдан под суд и снят с поста.

Эта характеристика совершенно расходится с тем, что передают о Т. И. Шмалеве другие авторы (Сгибнев, 1869в, № 6, стр. 40; Сарычев, 1952, стр. 74; Sauer, 1802, стр. 37), которые рисуют его человеколюбивым администратором, заслужившим доверие чукчей и благополучно исполнявшим обязанности начальника острога на Камчатке. Как упоминалось, он был корреспондентом Г. Миллера. Приходится сожалеть, что

М. И. Белов не остановился на имеющемся в литературе освещении личности Т. И. Шмалева, предоставив самим читателям разбираться в противоречивых мнениях.

⁸ Имеются сведения, что И. Г. Бахов болел (Медушевская. Русские географические открытия...).

⁹ Судовой журнал Н. П. Шалаурова не сохранился. Основным источником истории этого плавания служат карты, снабженные пояснительными примечаниями. Некоторые сведения можно найти в рапорте Н. П. Шалаурова от 23 сентября 1763 г., приведенном в сообщении Ф. Плениснера Ф. И. Соймонову (Медушевская. Русские географические открытия..., стр. 215; Белов, 1954а, стр. 171), а также в «Известиях о чукотском народе» Н. П. Шалаурова (Белов, 1954а, стр. 181).

Начало плавания в 1761 г. Ф. П. Врангель (1948, стр. 75) относит к июлю. По изысканиям О. М. Медушевской (Русские географические открытия..., стр. 212), судно вышло в плавание 29 июля, а по данным М. И. Белова (1954а, стр. 169), — 29 июня.

¹⁰ Уже М. Геденштром, плававший в тех местах в 1810 г., не упоминает об этом о-ве Диомиды. Его нет и на карте лейтенанта П. Ф. Анжу 1823 г., руководившего экспедицией по обследованию берегов от устья Яны до Оленека и Новосибирских островов.

¹¹ Ф. П. Врангель (1948, стр. 75) и О. М. Медушевская (Русские географические открытия..., стр. 212) утверждают, что экспедиция возобновила плавание в июле; по мнению М. И. Белова (1954а, стр. 169), — в июне.

¹² У М. Б. Черненко (1957, стр. 130) нет пояснений к лаконической записи в журнале И. Кобелева, путешествовавшего в 1790 г. к югу от Шелагского мыса, и местоположение р. Хиват, а также источники сведений, которыми пользовался И. Кобелев, остаются неизвестными.

¹³ Река Куэт, или Хуатта, в виде большого правого притока р. Веркона изображена на карте Якутской области, имеющей в Атласе Г. Майделя (1896). На этой карте нанесена и изба Шалаурова.

¹⁴ Ф. П. Врангель (1948, стр. 76), а также М. И. Белов (1954а, стр. 169) приписывают авторство карты или главную роль в ее составлении Н. П. Шалаурову, с чем согласиться нельзя.

¹⁵ О. М. Медушевская (1954, стр. 112) ошибочно связывает эти примерные расчеты с картой пути экспедиции от устья Колымы до Шелагского мыса.

¹⁶ Такого мнения придерживались Б. Эвальд (1917, стр. 114), Л. С. Берг (1946а, стр. 341), Б. В. Александров (1946, стр. 358) и В. Ю. Визе (1948, стр. 249).

При большом сходстве всех шести копий они имеют и некоторые отличия. На четырех копиях не указано, кто является автором карты, а также нет ее названия. (Одна из этих копий хранится в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР — карта № 100 или № 525 по Б. В. Александрову, а остальные — в ЦГВИА, ф. ВУА, две копии под № 23733 и одна копия под № 23735). Остальные две копии (ЦГА ВМФ, Архив Гидрографического управления, № 267 и 406) имеют надпись: «Карта вояжу купца Шалаурова на собственном его судне от р. Лены до р. Колымы в 1761 г., а в 1762 г. отправился в вояж для обойдения Шалацкого и Чукотского мысов, а где разбило или выкинуло на берег по многим разведываниям точного известия не нашлось». На одной из копий (№ 406) есть надпись: «На подлинном флота капитан Фондзин». Авторство фон Дезина, вероятно, заключалось в небольших переделках. Если бы он сам составлял карту по первоисточникам, то, конечно, р. Яну не назвал бы р. Леной.

Замечание О. М. Медушевской (1954, стр. 110) о том, что копия, хранящаяся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР (№ 100), имеет название «Карта пути Шалаурова по Северному Ледовитому океану от устья р. Лены до губы Ачай», следует считать недоразумением. М. И. Белов (1954а), опубликовавший эту копию, называет ее подлинником, с чем трудно согласиться. Кроме неверного названия р. Яны, нельзя не обратить внимания на то, что долготы обозначена только от 140 до 160° (хотя берег тянется и далее).

Вопрос о происхождении карты, к которой относятся эти шесть копий, остается пока неясным.

¹⁷ Место хранения карты Ф. Вертлюгова в архиве установила О. М. Медушевская (1954). Копия этой карты есть в ЦГАДА (ф. 192, Морские карты, № 7).

¹⁸ Впервые с указанием автора карту опубликовал А. В. Ефимов (1950, стр. 179).

¹⁹ Например, на карте экспедиции Н. П. Шалаурова отсутствует поворот берега моря к югу между реками Хромой и Индигиркой, показанный на карте Д. Я. Лаптева, опубликованной М. И. Беловым (1954а).

²⁰ В двух редакциях журнала С. Андреева 1764 г., опубликованных М. И. Беловым (1952, стр. 475—477), а также Н. Н. Зубовым и Ю. С. Бадиным (1953, стр. 96—

98), есть мелкие расхождения. Наиболее существенным из них является несовпадение дат выезда С. Андреева от устья р. Крестовки: М. И. Белов указывает 10 апреля, а Н. Н. Зубов и К. С. Бадигин — 7 апреля. Правильнее первая дата, соответствующая другим записям в журнале.

²¹ Согласно копии журнала второго путешествия С. Андреева, опубликованной Н. Н. Зубовым и К. С. Бадигиным (1953), экспедиция прошла за пять дней 420 верст. Какое расстояние она прошла за 19 и 22 апреля, не указано. По предположению Н. Н. Зубова и К. С. Бадигина, за эти дни было пройдено 120 верст.

²² Журнал С. Андреева 1763 г. был впервые опубликован на немецком языке в 1781 г. П. Палласом (Pallas, 1781в, стр. 231—237) и назван журналом геодезистов Андреева, Леонтьева и Лысова, ездивших к Медвежьим островам. В 1823 г. он был опубликован Г. И. Спасским (Журнал Анадырской команды..., 1823) как журнал С. Андреева. Позднее Л. Гельмерсен (1876, стр. 456—461 и 463—475) опубликовал рапорт Ф. Плениснера А. Брилю от 6 октября 1771 г. об экспедициях С. Андреева и геодезистов, а также журнал путешествия геодезистов в 1769 г.

²³ Эти материалы были сначала в выдержках, а потом и полностью опубликованы Н. Н. Зубовым и К. С. Бадигиным (Зубов, 1951; Зубов и Бадигин, 1952 и 1953). Журнал 1764 г. был также опубликован в 1952 г. М. И. Беловым, который привел и расширенный рапорт С. Андреева 1764 г.

²⁴ В. Н. Берх (1824) нанес «землю», виденную Андреевым, на карту.

²⁵ Правильность измерений, произведенных геодезистами, видна из сопоставления их данных с современными (Воробьев, 1940). Длина о-ва Четырехстолбового, по данным геодезистов, — 12 верст, а по современным — 10 км, ширина — соответственно до 3 верст и 2—2,5 км.

²⁶ На карте экспедиции Н. П. Шалаурова 1762 г. против р. Крестовки нанесен небольшой остров.

²⁷ Эти сообщения были опубликованы В. Н. Берхом (1825), а также в сб. «Колониальная политика царизма...» (1935).

²⁸ Сообщение Н. Дауркина и биографические сведения о нем были опубликованы П. Палласом (Pallas, 1781а, стр. 245—248). Материалы Н. Дауркина, вероятно, были отредактированы П. Палласом или Ф. Плениснером. Более близкой к первоначальному тексту кажется редакция, представленная в 1765 г. командиром Анадырского острога Пересыпкиным Сибирскому губернатору Д. И. Чичерину (Гельмерсен, 1876, стр. 462).

Н. Дауркину за этот поход было присвоено дворянское звание. Впоследствии он служил переводчиком в экспедиции И. Биллингса — Г. Сарычева (1785—1794 гг.).

²⁹ Подробный разбор материалов Ф. Плениснера с привлечением широкой дополнительной литературы дан Л. С. Бергом (1946а, стр. 104—107 и 110—115).

³⁰ Число островов в различных сообщениях неодинаково. На карте Н. Дауркина к востоку от Чукотской земли нанесены четыре острова. В докладе, представленном Пересыпкиным, Н. Дауркин называет три острова: «Имяглин, Инялин и Анибянь», примыкающий к земле Нычман (Америке). В этом докладе Н. Дауркин утверждает, что жители первых двух островов говорят на том же языке, что и чукчи. Следует, однако, отметить, что сообщение в редакции Пересыпкина противоречиво. Например, в нем говорится, что от Чукотского мыса на каждый из этих островов можно добраться за один день, а рядом сказано, что «Имяглин и Инялин... от Чукотского мысу имеют быть в недельном расстоянии».

³¹ Первая работа опубликована П. Палласом (Pallas, 1781г, стр. 238—244), вторая — А. И. Андреевым (1940а, стр. 156—157). Полный список трудов Я. Линденау пока неизвестен. Возможно, карта, опубликованная М. И. Беловым (1956, стр. 262), записки, представленные Ф. Плениснером, и упомянутые выше рапорты Г. Стеллеру не исчерпывают всех работ Я. Линденау.

³² М. И. Белов (1956, стр. 420) приводит запись из журнала И. Синдта, которая, как считает М. И. Белов, подтверждает, что во время плавания у пролива И. Синдт знал, что судно находится недалеко от Америки. М. И. Белов полагает, что И. Синдт был у п-ова Сьюард. Из материалов, приведенных М. И. Беловым, создается впечатление, что установить место, где именно был корабль И. Синдта, по его журналу едва ли возможно.

³³ Чертежи Я. Линденау и Т. Перевалова 1746 г. описаны И. С. Вдовиным (1943, стр. 52—54), указавшим, где они хранятся, и опубликованы М. И. Беловым (1956). Чертеж 1744 г. Т. Перевалова опубликован Е. П. Орловой (1957, стр. 125).

³⁴ Чертеж Н. Дауркина хранится в ЦГВИА (ф. ВУА, № 23435); чертеж ветхий с чернильными пятнами. В литературе известны варианты чертежа Н. Дауркина отличающиеся тем, что на них нанесены пять, а на некоторых даже семь Медвежьих

островов; на некоторых вариантах территория расширяется на запад, появляется градусное деление.

К этим изменениям чертежа Н. Дауркина имел отношение Ф. Плениснер. Он представил в Петербург чертеж с пятью Медвежьими островами, который приложен к анонимной статье «Краткое известие о морских путешествиях для открытия новых земель и островов» (1780), хотя сначала подготавливал лишь слегка исправленную копию чертежа Н. Дауркина (ЦГВИА, ф. ВУА, № 23434) с указанием автора и с упоминанием о своих мероприятиях по организации экспедиции. В дальнейшем варианты чертежа Н. Дауркина публиковались неоднократно (Берг, 1946а; Перевалов, 1949; Ефимов, 1950; Белов, 1952 и др.).

³⁵ А. В. Ефимов (1950, стр. 198) и В. А. Перевалов (1949, стр. 125) опубликовали другие сходные карты этого района, отличающиеся от приведенной размером охваченной территории и некоторыми деталями. Связь между всеми этими картами неясна.

На карте, опубликованной В. А. Переваловым, есть надпись: «Показанные Медвежьи острова вновь обысканы в прошлом 1763 г. нарочно посланным от подполковника Пленистера сержантом Андреевым...», а по репорту от онаго подполковника Пленистера показано, что на те острова вторично для разведывания послан будет». Таким образом, эта карта, пересланная Ф. Плениснером в высшие инстанции, могла быть составлена после 1763 г., но до отправки второй экспедиции С. Андреева, т. е. в начале 1764 г.

О. М. Медушевская (1954, стр. 113—114) высказывает правдоподобное предположение, что с этой картой связано и пересланное Ф. Плениснером в Петербург вместе с ней и с материалами о Чукотском п-ове «Примечание к карте о берегах между Азией и Америкой». В нем Ф. Плениснер называет использованные для составления карты источники. О. М. Медушевская пришла к такому заключению, ознакомившись с «Примечанием» в расширенной редакции (хранится в ЦГАДА), тогда как Л. С. Берг (1946а, стр. 110), знавший только сокращенную редакцию, опубликованную А. П. Соловьевым (1852 г.), считал, что «Примечание» отводится к чертежу Н. Дауркина.

Едва ли необходимо оговаривать, что Ф. Плениснер, представивший «Примечание», мог и не быть непосредственным автором карты, о которой писал.

³⁶ Работа В. де Геннина была, очевидно, подготовлена к печати в 1734 г., так как в кратком изложении ее содержания автор указывает, что «сия книга издана им же в 1734 году» (де Геннин, 1937, стр. 67). В предисловии к изданию 1937 г. М. Павлов отмечает, что работа де Геннина представляет собой «энциклопедию горного дела».

³⁷ Описание этого путешествия было опубликовано Леруа (экстраординарным профессором Академии наук по кафедре истории), по просьбе которого два участника экспедиции были вызваны из Архангельска в Петербург. Это описание, появившееся в 1760 г. на немецком языке, привлекло к себе внимание и издавалось и на других языках. В 1772 г. оно было издано на русском языке. В 1933 г. книга была переиздана под редакцией В. Ю. Визе под названием «Приключения четырех русских матросов на Шницбергене» (см. сводную статью В. Ю. Визе). А. И. Андреев (1946а, стр. 142), ссылаясь на письмо Г. Миллера к А. Бюшингу, утверждает, что автором книги с подобным содержанием был М. В. Ломоносов, но что это издание пока не найдено.

К главе VII (стр. 215—235)

¹ А. И. Макшеевым (1878) был составлен план местностей, известных авторам «Книги Большому чертежу».

² Подлинная карта (очень ветхая) с подписью «Сию картину делал геодезист Петр Чичагов и руку приложил» (см. рис. 42) и две копии хранятся в ЦГАДА (ф. 192, Картографический отдел библиотеки МГА МИД, Тобольская губ., № 34). В Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР есть французская копия этого чертежа (Александров, 1946, № 332).

³ Эта карта опубликована в кн.: «Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану...» (1887), а также Д. М. Лебедевым (1950).

⁴ Оренбургская экспедиция была при В. Н. Татищеве переименована в Оренбургскую комиссию. В 1744 г. территория, на которой она действовала, была выделена в Оренбургскую губернию (Мильков, 1949, стр. 7). В состав последней входили обширные закамские и заволжские территории, Уфимская и Исетская провинции. Кроме того, оренбургский губернатор должен был «ведать и киргизский народ» (ПСЗ, т. XII, стр. 51).

⁵ В составленном М. С. Соловьевым (б/г, стр. 487) Указателе к «Истории России с древнейших времен...» участие в Оренбургской экспедиции приписано Ф. И. Соймó-

пову, но, судя по датам, генерал-лейтенант Соимонов, бывший ранее губернатором в Астрахани (Рычков, 1896, стр. 29), и Ф. И. Соимонов, оставивший большой след в истории географии, были разные лица; Ф. И. Соимонов в Оренбургской экспедиции не участвовал.

⁶ Дата установлена путем прибавления дней пути (33) к дню выезда. Если следовать указанию, что отряд выехал из ставки 15 октября (Ханьков, 1850а, стр. 527), пробыв в ней четыре дня, то днем приезда в ставку следует считать 10 октября.

⁷ Эта карта, опубликованная Я. В. Ханьковым (1850б), представляет собой копию, на которой Я. В. Ханьков для сравнения нанес также очертания Аральского моря по карте А. И. Бутакова 1850 г. На карте указано, что она составлена И. Муравиным в 1743 г. Но из трех других копий, имеющихся в ЦГВИА (ф. ВУА, две копии под № 24663 и одна копия № 20619), две помечены 1741 г., который скорее всего и можно считать годом составления карты. Тщательно выполненная копия № 20619, на которой указано, что подлинник относится к 1741 г., составлялась позднее, так как на ней вместо «Орская крепость» написано «Оренбург».

⁸ Между экспедицией Д. Гладышева и А. Муравина и экспедицией Д. Рукавкина состоялась кратковременная поездка (1750 г.) в Меньшую орду инженер-поручика Ивана Ригельмана, который должен был договориться о постройке надгробного сооружения на могиле умершего в 1747 г. хана Абулхайра. И. Ригельман достиг р. Темир и представил по возвращении карту своего пути (ЦГАДА, ф. 192, Картографическая библиотека МГА МИД; атласы, № 7).

⁹ У С. Руссова (1839, стр. 378) сказано: «...небольшая речка, которую мы не переезжали». Эта редакция, которой по недоразумению воспользовался Л. С. Берг, несомненно ошибочна, так как, двигаясь по западному берегу Аральского моря, невозможно достигнуть Хивы, не переехав этой «речки».

¹⁰ Эту карту нам помогла найти сотрудница Библиотеки Академии наук СССР М. П. Новгородова.

¹¹ Всего в ЦГАДА (ф. 192, карты Китая, № 3) имеется 29 китайских карт. На них есть пометки на русском языке, относящиеся, по-видимому, к первой половине XVIII в. Из надписи на папке, в которой хранятся карты, видно, что автор этих пометок знал об издании карт Кан-Си д'Анвилем.

¹² И. Гербер был родом из Бранденбурга. На русскую службу поступил 1 января 1710 г. поручиком артиллерии. Весной 1722 г. в чине майора переправлял водой из Москвы в Астрахань артиллерию. В 1722—1729 гг. служил на Кавказе. В 1731 г. возглавил неудавшуюся экспедицию, направленную в Хиву и Бухару под видом торгового каравана: вскоре после выступления (на р. Эмбе) она была разграблена. И. Гербер умер на Дону в 1734 г. (Полиевктов, 1935, стр. 141).

¹³ Публикация «Известия...» задержалась в связи с отъездом Г. Миллера в экспедицию. Орывок из работы И. Гербера о деревне Кубеше (Кубачи) и ее жителей был опубликован в 1736 г. в «Sammlung Russischer Geschichte...» (Gärber, 1736). В 1756 г. «Известие...» было опубликовано на французском языке в издании Германской Королевской академии, приписавшей авторство своему члену М. Фокеродту, который некоторое время жил в Москве. Г. Миллер, написавший к русскому изданию «Известия...» предисловие, опроверг в нем авторство М. Фокеродта, который дальше Украины не ездил.

¹⁴ В ЦГАДА (ф. 192, карты Астраханской губернии № 2) хранится экземпляр 1728 г. с надписями на латинском языке, на котором написано «Imperii Russici pars...»; к нему подклеен длинный лист, на котором изложено в табличной форме описание кавказских народов на немецком языке. Копия с обозначениями на латинском языке без упомянутой надписи опубликована В. Ф. Гнучевой (1940б, 1946, стр. 237).

К публикуемому нами экземпляру 1729 г. с надписями на русском языке (ЦГВИА ф. ВУА, № 20113) подклеен лист с описанием кавказских народов на русском языке.

В ЦГВИА (ф. ВУА, № 20501) есть и другие карты Кавказа, к которым имел отношение И. Гербер: карта Ширванской провинции (1725 г.) и карта «О границе, сочиненной в Ширване».

¹⁵ И. Лерхе родился в Потсдаме в 1703 г.; в 1730 г. он получил в Галле звание доктора медицины. В 1731 г. по приезде в Россию был назначен военным врачом в Астрахань. В 1733—1735 гг. И. Лерхе путешествовал по западным берегам Каспийского моря, а в 1745—1747 гг. ездил с посольством в Персию. В дальнейшем И. Лерхе совершил с русскими войсками походы в Крым, Молдавию и Финляндию. Несколькo раз ездил для ликвидации чумы на Украину, в Молдавию и Москву (Lerche, 1791).

¹⁶ Обработанные выдержки из журналов И. Лерхе в разное время передал А. Бюшингу, который в 1769 и 1776 гг. частично опубликовал их. В 1791 г. А. Бюшинг издал отдельной книгой автобиографию И. Лерхе и его записки (Lerche, 1791).

В 1790—1791 гг. выдержки из журналов И. Лерхе были напечатаны в «Новых ежемесячных сочинениях». Кроме того, в «Sammlung Russischer Geschichte» были опубликованы без указания автора краткие замечания об образе жизни волжских калмыков (Lerche, 1760) и замечания о работе Г. Шобера (Lerche, 1763).

Его рассказ о достопримечательностях Баку использован в «Описании Каспийского моря...», составленном по журналу Ф. И. Соймонова Г. Миллером, внесшим некоторые дополнения (Соймонов, 1763, стр. 427—428).

¹⁷ И. Лерхе приводит еще один пример, который, однако, указывает на высыхание моря, а не на прилив воды. Он говорит, что неподалеку от Решта находится залив, по которому лет 20 назад ходили русские суда, но в 1747 г. это стало невозможным (Лерхе, 1790, январь, стр. 36).

¹⁸ Так, например, в «Резстре географическим атласам...» (1877, стр. 34) упоминаются: «Чертеж, которым трактою генерал майор Кропотов с командой маршировал для разорения горских владельцев», присланный 6 января 1726 г.; «Чертеж Дагестана и части Грузии», присланный генерал-лейтенантом Румянцевым из Дербента 15 июля 1726 г.; «Западный берег Каспийского моря с прилежащими странами, как то большая и малая Кабарда, Кехетия, Грузия, Армения и часть Персии. Снято с персидского чертежа и сообщено в Москву в 1724 г. губернатором Волынским»; французская и русская карты Армении, Грузии и других стран, изданные в 1701—1703 гг. Н. Симонером.

К главе VIII (стр. 236—242)

¹ Одну карту А. Бековича-Черкасского опубликовал Л. С. Берг (1939, стр. 1481), указав, что автор ее неизвестен. Другую его карту опубликовали К. И. Шафрановский и Е. А. Княжецкая (1952, стр. 540—541), которые и установили, кто был автором обеих карт.

² По словам Л. С. Багрова (1912а, стр. 104), Хивинский залив вдавался глубоко в материк, но затем на его месте образовалась коса и сохранились только отдельные лагуны. Изображение Хивинского залива, который был расположен к югу от Красноводского, приведено на «Сравнительной карте съемок Каспийского моря», опубликованной А. П. Соколовым (18526).

³ Л. С. Берг (1940б, стр. 174) держится противоположного мнения и предполагает, что после 1726 г. новых съемок, которые можно было бы использовать для публикации в 1731 г., не производилось. В подтверждение он ссылается на найденные им в Библиотеке Академии наук СССР рукописные карты без подписей и дат, которые он считает копиями карт, составленных в 1726—1730 гг. в Астрахани Луниным. Но если предположение Л. С. Берга об авторстве Лунина правильно, то следует отметить, что на этих картах не показан участок, подвергшийся изменениям, о котором говорилось выше. Очевидно, новые съемки были отражены, на каких-то других картах.

⁴ Атлас Ф. И. Соймонова 1731 г. является большой редкостью и известен в трех экземплярах, которые хранятся в Главном гидрографическом управлении, Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде (Шафрановский, 1952, стр. 85) и в Одесском государственном университете (Лебедева, 1955).

⁵ Атлас назывался «Светильник морской, сочиненный повелением... государыни Анны Иоанновны, то-есть описание Восточного и Варяжского моря от Санктпетербурга к западу с южную и восточную стороны, Ингерманландии, Эстландии, Лифляндии, Курляндии, Пруссии, Померании, а по северной и западной стороны Карелии, Финляндии, Лапландии, Швеции, Шхонии, через Зунд и Шхагер Раку до Северного моря. Положение берегов и островов, форватеров, в заливах и в портах глубины и грунты и виды знатных мест; что с голландского на российский язык переведено и что от Российских мореплавателей через многие лета обсервовано и описано было к тому же присообщено».

⁶ Т. И. Райнов (1947, стр. 185) сообщает, что перевод шведского текста был сделан А. И. Нагаевым.

К главе IX (стр. 243—272)

¹ Антоний Вид, вероятно, пользовался для составления карты Московии сведениями бежавшего из России московского окольного И. Ляцкого (Кордт, 1899, стр. 5). Основой для карты голландца Гесселя Герритса послужил, судя по надписи на ней, чертеж Ф. Б. Годунова, для составления которого, вероятно, был в свою очередь использован «Большой чертеж» (Стебницкий, 1889, стр. 106). В. А. Кордт (1910, стр. 30) полагает, что чертеж Ф. Б. Годунова охватил лишь среднюю и

южную Россию, и называет западноевропейские источники, по которым Г. Герритс дополнял и исправлял его.

О чертеже, изображавшем северные берега Европейской России и части Азиатской России, опубликованном скопировавшим его в Москве И. Массой, говорилось выше.

² Н. М. Карамзин (1892, стр. 155) полагал, судя по времени основания городов, что «Большой чертеж» возник в царствование Федора (1584—1598 гг.). В последнее время Ф. А. Шибанов (1947, стр. 101) высказал мнение, что наиболее вероятным временем появления «Большого чертежа» следует считать период между 1565 и 1570 гг., а его последующих вариантов (копий) — 1600—1601 и 1627 гг.

³ Некоторые исследователи (Боднарский, 1947, стр. 230; Салищев, 1948, стр. 122; Лебедев, 1949, стр. 21) полагали, что найденный Л. С. Багровым в начале 20-х годов XX в. в Стокгольмском государственном архиве и опубликованный им «Чертеж украинским и черкасским городам от Москвы до Крыма» является копией «Чертежа от царствующего града Москвы...» Однако К. Н. Сербина (1950), занимавшаяся исследованием «Книги Большому чертежу», не разделяет этого мнения, так как между указанным чертежом и описанием той же территории в «Книге Большому чертежу» пет соответствия.

⁴ Под Никаским (Никанским) Царством понималась часть Китая, сохранившая независимость после того, как в Пекине с 1644 г. установилась власть маньчжур (Алексеев, 1941, стр. 443—444).

⁵ Предложенная А. И. Андреевым (1939г, стр. 24—25) датировка возникновения этого чертежа (1672—1689 гг.) нами уточнена на основании сообщения голландского путешественника Engelbert Kaempfer, посетившего в 1683 г. Москву с шведским посольством (Kaempfer, 1906, I, p. 109). По его словам, А. Вивинус для первого наброска карты России использовал лишенную градусной сетки карту Сибири, вырезанную на дереве кем-то из ссыльных. На ней у восточного побережья Сибири было изображено много мысов. Один из них не умещался на карте и, по словам человека, показывавшего ее Э. Кэмпферу, соединялся с соседним континентом. В обработке этой карты А. Вивинусу много помог Spitschagu (Спафарий? — В. Г.), переводчик с греческого и латинского языков.

Таким образом, карта А. Вивинуса не могла возникнуть позже 1683 г., когда Э. Кэмпфер посетил Москву. Участие в ее составлении Н. Спафария свидетельствует о том, что она была закончена не ранее 1678 г., так как в этом году Н. Спафарий вернулся в Москву из путешествия через Сибирь и Китай, обогатившего его сведениями, которые могли быть полезны А. Вивинусу. Карта, вырезанная на дереве, не могла, по-видимому, быть чертежом 1667 г. или «Чертежом всей Сибири до царства Китайского и Никаского», так как на обоих этих чертежах изображения мысов не было.

⁶ Л. С. Багров (Bagrow, 1947, стр. 68—69), опубликовавший чертеж Н. Спафария, датирует его 1675 г. Более правильно предположение М. И. Белова (1955, стр. 116—117), что чертеж был составлен Н. Спафарием после возвращения из путешествия в Китай, т. е. в 1678 г.

⁷ Указ Петра Первого об организации Математико-навигационной школы вышел в 1701 г., но она начала работать уже в 1699 г. (Веселаго, 1852, Примечания, стр. 128).

⁸ Часть геодезистов была занята на съемках и на других работах еще до указа 1720 г. По докладу Г. Г. Скорнякова-Писарева от 12 декабря 1720 г., на съемках было занято 12 геодезистов (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1201, л. 2). Кроме того, до указа на разных работах было занято еще пять человек (Иванов, 1853, стр. 426—427).

⁹ П. И. Иванов (1853, стр. 426—436) полагает, что распоряжения об отправке геодезистов издавались правительством до 1733 г. включительно. В приведенных им сведениях о работе геодезистов упомянуто 80 фамилий. По мнению С. Е. Фея (1950а, стр. 8), на работах по съемкам для генеральной карты было занято 175 человек.

Заслуживает внимания, что в ведомости от 24 сентября 1732 г., поданной Адмиралтейств-коллегией в Сенат, «показано в росписке геодезистов в Сенат и для учинения генеральных ландкарт и для спис лесов в губернии и провинции и в прочие места по иманам 111 человек» (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 664, л. 177).

Следует отметить, что материалы геодезистов, направлявшихся на работу, не связанную со съемкой для генеральной карты, также в той или иной мере использовались для составления генеральной карты. Наиболее способные геодезисты (например, Аким Клепшин) разрабатывали на основе полученных указаний подробные руководства (Иванов, 1853, стр. 429—432).

¹⁰ Ф. И. Шибанов (1958б, стр. 6—9) отмечает, что определение широт по высотам светила в XVIII в. было гораздо более сложно, чем в настоящее время. Большая часть

широт, указанных в «Каталогах» геодезистов, приложенных к их отчетам, определен числением. Так, например, геодезист Петр Чичагов астрономически определил только 9 пунктов, а числением — 1302.

¹¹ В дальнейшем рассмотрение первых карт геодезистов заставило дополнить инструкцию указаниями, вызванными требованиями работы над сведением их в генеральную карту. Геодезистам был направлен перечень объектов, которые следует наносить на карты. Для облегчения сводки уездных карт предлагалось обозначать на них части соседних уездов. К картам должен был прилагаться алфавитный список приведенных на них географических названий (Иванов, 1853, стр. 428—429). Наконец, геодезистам предлагалось составлять карты не более, чем на одном листе, применительно к разосланной им «для примеру» напечатанной карте (ПСЗ, т. VIII, стр. 72).

¹² Условия работы на местах отражены в письме геодезистов К. Бородавкина и Н. Соморокова в Сенат, в котором они жалуются, что им не было предоставлено необходимое оборудование для составления карт и они должны были тратить свое жалованье на его покупку, «а ныне за нечаею... жалованья не токмо оное исправно быть может, но за наготою и босою к положенному на нас делу выступить не в чем и за неимением дневные пищи помираем гладом, понеже четвертый год... денежного жалованья не получаем, а именно на 725, на 726 и 727 годы» (Евтеев. Первые русские геодезисты и их работа..., стр. 148).

¹³ Эта карта частично (восточная часть Сибири) опубликована С. Е. Фелем (1950б, стр. 56).

¹⁴ Фамилия Декулон писалась в разное время неодинаково: Кулон, Декулон, Де-Кулон, Деколонг (Ласковский, 1861, стр. 420; 1865, стр. 167). В «Списках инженерного корпуса...» 1742 г. он назван Деклапир Колонг (Савельев, 1879, стр. 296).

¹⁵ На карте есть надпись «1718 г.», сделанная, очевидно, позже. С. Е. Фель (1950б), высказавший приведенное нами в тексте предположение о происхождении карты, справедливо отмечает, что эта надпись не соответствует содержанию карты. В своей небольшой заметке С. Е. Фель не приводит ссылок на материалы, использованные им для определения происхождения карты, ограничиваясь упоминанием о работе в архивах.

В статье М. Д. Хмырова «Фельдцехмейстерство гр. Миниха» (1874, стр. 245), а также в книге А. Савельева (1879, стр. 226—227) публикуется датированное 1 ноября 1727 г. предписание Б. Миниха генерал-лейтенанту Декулону «всему российскому государству учинить ланкарт». Б. Миних напоминает, что, согласно его словесным указаниям, на ней должны быть нанесены «все границы и главнейшие провинции, реки и моря тож, в которых местах лежат все крепости Российской империи, которые состоят в дирекции нашей... Прочие места, в которых не сделано крепостей, таких не означивать, разве которые знатные города. И крепости означивать красною краскою, а города черною...». Рассматриваемая карта могла быть составлена в результате приведенного предписания, хотя она и не вполне отвечает этим требованиям. О сроке ее составления можно судить по тому, что на ней показано укрепление, названное в 1731 г. крепостью Св. Анны (ПСЗ, т. VIII, стр. 362), но нет Закамской линии, строительство которой было начато, согласно указу от 18 марта 1732 г. (там же, стр. 659), в том же году закладкой редута «близ того места, где река Кншель в Самару впала» (Рычков, 1887, стр. 312—313).

Эта карта могла быть известна Академии наук, которой в 1735 г. был прислан из Канцелярии главной артиллерии и фортификации, где служил Декулон, «реестр картам». В списке упомянуты «Большие генеральные (карты.— В. Г.) всей России» (Свенске, 1866, стр. 126).

¹⁶ Иван Кириллович Кирилов родился в 1689 г. в незнатной семье, а с 1712 г. начал служить на небольших должностях в Сенате. В 1721 г. он уже был секретарем Сената: в 1727 г. был назначен вторым обер-секретарем. В 1734 г. при назначении в Оренбургскую экспедицию он получил чин действительного статского советника. Умер И. К. Кирилов 14 апреля 1737 г. (Фель, 1957).

¹⁷ М. С. Боднарский (1932, стр. 102), К. А. Салищев (1948, стр. 145) и Л. Е. Иофа (1949, стр. 15) неправильно предполагают, что обе карты были составлены в 1722 г. В надписи на карте Выборгского уезда указано, что она составлена в 1724 г. и является первой выгравированной картой И. К. Кирилова (Географический атлас..., 1872, стр. 403). На карте русско-шведской границы хотя и указан 1722 г., но это относится не ко времени ее составления, а ко времени установления границы. По сообщению Г. Миллера (1761, стр. 489), И. К. Кирилов начал печатать карты в 1726 г.

¹⁸ В Париже хранятся 300—350 русских подлинных карт, копий и записок (Breitfuss, 1939, стр. 94). И. Делиль не только снимал копии с карт, попадавших в его руки, но и вычерчивал по памяти те, которые ему удавалось видеть на совещаниях Академии наук. Об этом говорит надпись на начерченной им схеме пути М. Шпанберга к Японии (ЦГВИА, ф. ВУА. № 18085, л. 91).

¹⁹ На ошибки Л. Делакроера и на то, что он пренебрегал своими обязанностями, указывал ранее Т. Шуберт (Schubert, 1858, стр. 4). В этой связи следует вспомнить обвинение И. Шумахером И. Делиля в том, что он вырвал несколько листов из журнала путешествия своего брата (Пекарский, 1870, стр. 135).

²⁰ Задержка карт И. К. Кириловым давала повод И. Делилю обращаться в 1727—1735 гг. в Сенат с частыми просьбами об их присылке (Гнучева, 1946, стр. 27). Но в этом нельзя, конечно, видеть объяснение медлительности И. Делиля, который и сам ссылается прежде всего на свою занятость копированием карт. Кроме того, с 1732 г. собрание карт Сената было размещено И. Шумахером таким образом, что И. Делиль имел к ним свободный доступ (Свенске, 1866, стр. 22).

²¹ Приводим полное название этого атласа: «Атлас Всероссийской империи в котором все ее царства, губернии, провинции, уезды и границы, сколько возможно Российские геодезисты описать оные и в ландкарты положить по длине и широте точно изъясняются, и города, пригороды, монастыри, слободы, села, деревни, заводы, мельницы, реки, моря, знатные горы, леса, болота, большие дороги и прочая со всяким прилежанием исследованные Российскими и латинскими именами подписаны имеются трудом и тщанием Ивана Кирилова. Весь сей атлас разделен будет в три тома и будет содержать в себе всех на все 360 карт, ежели время и случаи все оные собрать и грядором напечатать допустить. Длины начало свое приемлют от первого меридиана, чрез острова Дагдан и Эзель (острова Хиума и Сарема.— В. Г.) проведенного, кончаются же в земле Камчатке, так что империя Российская более 130 градусов простирается, которых весь земной глобус 360 в себе содержит» (Фель, 1957, стр. 297).

²² В списке Х. Винсгейма не упомянуты, например, карта Бухарии (очевидно, карта М. Дубровина), о которой пишет Г. Миллер (1761, декабрь, стр. 490), и карта Пошехонского уезда, упоминаемая В. О. Киприяновым в справке о картах, изготовленных им для И. К. Кирилова и переданных Академии наук (Свенске, 1866, стр. 140).

²³ Г. Миллер (1761, стр. 484) писал о карте Ф. Страленберга: «Едучи по России имея сию карту всегда при себе и токмо нашел оную исправную в тех местах, где был сам сочинитель. А прочие места преисполнены ошибками, потому что господин Страленберг не мог оные положить, кроме как по словесным известиям от других».

²⁴ Географический департамент начал вести протоколы своих заседаний с 21 июля 1735 г. (Гнучева, 1946, стр. 37).

²⁵ Измерения базиса производились в 1737 и 1739 гг. по льду между Петергофом и Дубнами на о-ве Ретузари на протяжении 13,5 верст. В дальнейшем они не продолжались и не принесли никакой пользы, в частности, геодезическим работам (Струве, 1861, стр. VIII). Причиной отказа от них были, вероятно, трудности, которые впоследствии отмечали В. Н. Татищев, Г. Миллер и Ф. Эпинус. Из этих лиц только один В. Н. Татищев поддержал в 1739 г. замысел И. Делиля (Пекарский, 1870, стр. 47—48; Гнучева, 1946, стр. 42).

²⁶ П. П. Пекарский (1870, стр. 478) полагает, что в 1742 г. была издана не только брошюра под указанным названием, но и сам атлас, к которому Х. Винсгейм составил в 1745 г. краткое описание («Краткую политическую географию...»). По-видимому, это предположение основано на недоразумении. «Краткая политическая география...» является описанием мирового атласа 1737 г. В предисловии к этой книге (стр. 2) упомянуто, что в описываемый атлас включены только две карты России.

²⁷ Г. Миллер отмечал: «Неправильно написанные названия, измененные течения рек, неверное соединение границ, приведшее к искажению расстояний и другим ошибкам, имелись в таком количестве, что потребовалось бы составление нового чертежа карты по достоверным оригиналам» (Гнучева, 1946, стр. 225).

²⁸ Д. М. Перевощиков (1856, стр. 3) сообщает о карте, составленной В. Корчминым в 1712 г., на которой показана проектируемая дорога от Петербурга до Москвы. Он указывает, что эта дорога нанесена почти на всех специальных картах XVIII в. Она проходила в том направлении и через те станции, через которые ныне проходит железная дорога между Ленинградом и Москвой. Она показана и в атласе 1745 г.

²⁹ См. также отзыв Г. Миллера (1761, стр. 505).

³⁰ Копия карты Н. Витсена приложена в книге «Recueil de voyages au Nord» (1718), а также к статье Я. Кейнинга (Keuning, 1954).

³¹ Кроме изданий атласа с надписями на русском языке, в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина хранятся еще два издания с надписями на латинском и французском языках. В. Ф. Гнучева (1946, стр. 79—80) отмечает, что в архиве Академии наук есть издание 1761 г., предназначавшееся, вероятно, для иностранцев. На титульном листе, как и в атласе 1745 г., упомянуты 19 специальных и одна генеральная карта, но указан не 1745 г., а 1761 г. Рукописный перечень карт приво-

дится на испанском языке, предисловие написано на латинском и французском языках. Надписи на картах даны на русском, латинском и французском языках. Несмотря на заголовок, взятый из атласа 1745 г., в атлас издания 1761 г. включены фактически все карты, изданные Академией наук до 1761 г., которые были ею же обработаны.

³² В документах самого М. В. Ломоносова (1763—1764 гг.) упоминается, что за время его руководства Географическим департаментом было составлено девять (Ломоносов, 1955, т. 9, стр. 265) и десять (Биллярский, 1865, стр. 086) специальных карт.

³³ Требования М. В. Ломоносова систематически посещать Географический департамент, участвовать в картографических работах, обучать адъюнктов и геодезистов привели к конфликту с Г. Миллером и А. Гришовым. К тому же Г. Миллер и ранее враждовал с М. В. Ломоносовым.

Как писал М. В. Ломоносов (1955, т. 9, стр. 265), «с того времени, как зачался под моим смотрением Российский атлас, господин Миллер и с ним и Гришов от Географического Департамента отстали и в собрания больше не ходили». Он обвинял обоих профессоров в нежелании рассматривать сочиненные ландкарты и предлагал уволить Г. Миллера, так как он «не столько в математике искусен, чтобы за сочиняющими адъюнктами мог ландкарты поправить»; кроме того, для правильного наименования мест нужен «природный россиянин» (там же, стр. 206—207). Г. Миллер, который называл М. В. Ломоносова *un furieux armé d'un couteau à la main* (Ламанский, 1865, стр. 105), пытался, насколько от него зависело, препятствовать продвижению проектов М. В. Ломоносова. Из профессоров он один возражал против проекта (1760 г.) М. В. Ломоносова о снаряжении астрономических экспедиций. Н. И. Попов хорошо охарактеризовал его возражения припиской под именем Г. Миллера «дух празднословия не даждь ми» (Ломоносов, 1955, т. 9, стр. 737).

³⁴ Карты И. Красильникова печатались только один раз Оренбургским отделом Русского географического общества (Оренбургская губерния..., 1880). Сопровождавший их текст П. И. Рычкова являлся, по словам издателей, копией рукописи первой части его книги «Топография Оренбургской губернии».

³⁵ Полное название атласа следующее: «Ландкарты или чертежи географические, на которых представляется Оренбургская губерния с смежными к ней местами. Сочинены в Оренбурге по определению Оренбургской губернской канцелярии декабря дня 1752 г. при Оренбургских географических делах из разных прежних и новых описаний через геодезии прапорщика Красильникова с товарищью». Под чертой написано: «Для лутчаго ж оных ландкарт изъяснения приобщено к ним краткое особое гисторическое описание под именем Топография Оренбургской губернии. Впредь для ведомо ка дополнению ж и поправлению от искуснейших, еже все собрано в Оренбурге из разных описаней русских и иностранных и по известиям в губернской канцелярии имеющимся, 1755».

К главе X (стр. 273—331)

¹ Год, когда была написана «Роспись Сибирским городам и острогам», приводится по А. Титову (1890, стр. V), опубликовавшему упомянутые в тексте рукописи.

² Предположение о том, что автором «Сказания о великой реке Амуре...» является Н. Спафарий, было высказано Ю. В. Арсеньевым (1882, стр. 246), впервые обнаружившим эту рукопись, а также исследователем трудов Н. Спафария — И. Н. Михайловским (1899, стр. 69). Л. С. Вагров (Вагров, 1931, стр. 78—79) высказывает мнение, что автором этой работы были использованы описания, составленные В. Д. Поярковым или Е. П. Хабаровым.

³ Автор и год появления рукописи «Описание новья земли, сиречь Сибирского царства» установлены А. И. Андреевым (1939 г., стр. 29). Н. Венюков входил в посольство Н. Спафария.

⁴ Г. Новицкий — казачий полковник, сосланный в Сибирь около 1709 г. О его работе, содержащей краткое описание границ и природных богатств Сибири, а также нравов и верований племен ханта и манси, дали отзывы Н. И. Костомаров, А. Н. Пыпин и Л. Н. Майков, отметившие ценное содержание этого труда. За границей его труд был опубликован в 1720 г. на немецком языке И. Мюллером в виде брошюры, а также в приложении к книге Ф. Вебера (Weber, 1740). На русском языке он был напечатан впервые Л. Н. Майковым в 1834 г. Советское издание (Новицкий, 1941) сопровождается предисловием П. И. Скороспеловой и статьей Н. А. Квашнина.

⁵ Кроме перечисленных в тексте рукописей, к этому периоду относится работа «О человецех незнаемых на восточной стране и о языцех розных», представляющая главным образом этнографический интерес.

⁶ В 18-м томе «Дополнения к деяниям Петра Великого» И. И. Голиков (1797) дает очерк «состояния России, в каковом сей великий государь оставил ее по себе». Для этого очерка он использовал данные В. Н. Татищева, Ф. И. Соймонова, Г. Шобера и других авторов, но большую часть материала почерпнул из работы И. К. Кирилова, которого он несколько раз называет в тексте (стр. 213, 350, 378). Он упомянул также (прим. к стр. 483), что располагает рукописью «Цветущее состояние Всероссийского государства...»

⁷ Эта рукопись без начального листа хранится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук СССР (Андреев, 1950 в, стр. 17).

⁸ Яков Вилимович Брюс (1670—1735 гг.) — государственный деятель и ученый, генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра Первого. Ему приписывается составление календаря 1709 г. («Брюсов календарь»).

⁹ Петр Первый приказал В. Н. Татищеву составить записку по этому вопросу, которую тот и представил в том же году. Она касалась прекращения земельных тяжб, размежевания земель и составления ландкарт и чертежей.

В конце 1719 г. Петр Первый объявил в Сенате о назначении, которое он дал В. Н. Татищеву. Но, как говорил В. Н. Татищев, «сие его величества весьма нужное намерение хитрым случаею переменялось и посылкою моею в Сибирь осталось без действия» (Пекарский, 1864, стр. 11).

¹⁰ «Общее географическое описание всея Сибири» и «Введение к гисторическому и географическому описанию Всероссийской империи».

¹¹ Василий Никитич Татищев родился в 1686 г. в семье псковского помещика (см. ст. «Василий Никитич Татищев», стр. 55). Где он учился, неизвестно. По словам самого В. Н. Татищева (1768, стр. XVI), «чинами, честью, именем, а главное над всем разумом» он был обязан работе под руководством Петра Первого. В 1704 г. он начал служить в армии и участвовал в боях под Нарвой, Полтавой и в Прутском походе. Между 1712 и 1726 гг. В. Н. Татищев несколько раз выезжал за государственными поручениями за границу: в Польшу, Швецию, Берлин, Бреславль, Дрезден, Данциг. Большое место в его служебной карьере занимало руководство строительством уральских казенных металлургических заводов. Это дело поручалось ему дважды (в 1720—1723 и 1734—1737 гг.).

В 1730 г. он играл заметную и рискованную роль в сложной обстановке, сложившейся при воцарении Анны Ивановны, выступая как один из представителей среднего и мелкого дворянства (Попов, 1861, стр. 114—132). В 1737—1738 гг. В. Н. Татищев был руководителем Оренбургской комиссии. Последним местом его службы была Астрахань (1741—1745 гг.), где он состоял губернатором. В 1745 г., тяготясь по состоянию здоровья и возрасту порученной ему трудной работой, он добился отставки и до смерти (1750 г.) жил в 12 км от ст. Подсолнечной (Московская обл.) в своей деревне Болдине (Андреев, 1950в, стр. 34).

Из-за политических выступлений, независимого характера и свободного образа мыслей он нажил себе врагов. К ним принадлежали знаменитый уральский заводчик А. Демидов, Михаил Головкин, бывший в царствование Анны Ивановны вице-канцлером, Василий Долгорукий, всеильный Бирон, столкнувшийся с неуступчивостью В. Н. Татищева при попытках использовать доходы государственных заводов в свою пользу, и другие влиятельные лица.

Многочисленные доносы, поступавшие с мест, давали повод к обвинению его в злоупотреблениях, особенно во взятках (Попов, 1861, стр. 38). Такие дела в отношении В. Н. Татищева возникали в 1733, 1739, 1745 гг. Несколько раз В. Н. Татищев отдавали под суд. В 1739 г. он был на два года отрешен от службы, так как находился под следствием. Назначение губернатором Астраханской губернии, находившейся в крайне запущенном состоянии, В. Н. Татищев воспринял как определение «в узилище» (Соловьев, б/г, кн. 5, стр. 317).

Рассматривая вопрос об обвинениях В. Н. Татищева в служебных злоупотреблениях, нельзя забывать особенностей воззрений того времени. Очевидно, В. Н. Татищев не считал свои поступки противозаконными. Он говорил (1786, стр. 37), что Петр Первый, который, как известно, был беспощаден ко взяточникам, хотел в 1724 г. разъяснить указом разницу между «мздой должной» за услуги по должности и «лихоимством».

¹² В Швеции В. Н. Татищев написал и опубликовал в 1725 г. в периодическом издании «Acta litterarum Sveciae» научную статью о найденных в Сибири мамонтовых костях, содержащую много интересного для своего времени материала. В этой статье сообщалось о местонахождении, весе и величине мамонтовых костей. В. Н. Татищев высказывал предположение, что или в древние времена в Сибири был более мягкий климат, позволявший мамонтам там обитать, или что последние приспособились к ее суровым природным условиям. В этом отношении его взгляды

выгодно отличались от предположений других ученых XVIII в., из которых одни (Э. Лаксман, П. Паллас) допускали, что кости мамонтов были занесены в Сибирь во время всемирного потопа, а другие (Ф. Вольтер, И. И. Лепехин) полагали, что мамонты попали в Сибирь во время военных походов (Хабаков, 1954, стр. 717). На русском языке эта работа была напечатана в переложении в «Исторических, генеалогических и географических примечаниях в Ведомостях за 1730 г.» (№ 81, 82, 88—92) и вторично — там же, в 1732 г. (№ 100—101) (Андреев, 1950в, стр. 7). Это была единственная напечатанная при его жизни работа (Пекарский, 1864, стр. 19).

¹³ А. И. Андреев (1950в, стр. 9 и 13) называет эту анкету «Первой редакцией вопросов 1735 г.», очевидно, по тому году, когда она была отпечатана.

¹⁴ В настоящее время известны рукописи, включающие 11 неполных глав: 1—10 и 13 (Андреев, 1950б, стр. 73, 1950в, стр. 11).

¹⁵ В. Н. Татищев отослал в Академию наук карты пяти провинций, составленные геодезистами Иваном и Василием Шишковыми. В протоколах Географического бюро Академии наук эти карты упоминаются под названием «Атлас Татищева». Кроме этих пяти карт, он отослал в Академию наук еще 13 карт, составленных частью под его руководством, частью же еще под руководством И. К. Кирилова (Гнучева, 1946, стр. 44; Свенске, 1866, стр. 128).

¹⁶ «Краткая политическая география...» Х. Винсгейма с разделом, посвященным России и повторяющим содержание рукописи «О Российской империи», вышла на немецком языке в 1745 г. (МАН, 1890, стр. 455). Это редкое издание было указано нам проф. А. И. Андреевым. В немецком тексте частично учтены замечания В. Н. Татищева, сделанные на полях рукописи. Весьма вероятно, что Х. Винсгейм давал свою рукопись на просмотр В. Н. Татищеву, так как он с уважением упоминает о русском ученом, тайном советнике, написавшем замечательный неизданный труд о Сибири (Winsheim, 1745, стр. 300).

¹⁷ Кто был «господин N» — не установлено (Андреев, 1950б, стр. 196).

¹⁸ Так, например, о быстром созревании хлебов в Якутии Ф. Страленберг (Strahlenberg, 1730, стр. 378—379) пишет: «Солнце в этих широтах летом заходит на короткое время или даже вовсе не заходит, и земля пользуется теплом днем и ночью. Самое замечательное, что в это время почти не бывает дождя, но земля, которая здесь тучная и черная, оттаивает не глубже, чем на четверть аршина. Корни получают снизу влагу, а сверху посевы получают тепло, что и содействует быстрому росту».

¹⁹ О замечаниях, сделанных В. Н. Татищевым в 1731—1732 гг., см. у А. И. Андреева (1950в, стр. 8). Замечания, сделанные В. Н. Татищевым в 1737 г., приведены Н. А. Поповым (1861, стр. 585—589).

²⁰ Датировка дается в соответствии с указаниями А. И. Андреева в «Избранных трудах по географии...» В. Н. Татищева (1950).

²¹ Определения понятия географии приводятся В. Н. Татищевым в следующих статьях: «Напомнение на присланное описание высоких и нижних государственных и земских правительств» (Татищев, 1950, стр. 203); «О географии вообще и о русской» (стр. 210—211); «Напомнение на присланное описание народов, что в описании географическом наблюдать нужно» (стр. 230), а также в «Лексиконе» (1793, ч. II, стр. 38—40). Последнее определение приведено также в «Избранных трудах по географии» (Татищев, 1950, стр. 26).

²² Это характерно и для других работ В. Н. Татищева. Так, например, в плане работы «Общее географическое описание всей Сибири» также не выделена группа вопросов, затрагивающих экономику. В статье «Россия или как ныне зовут Россия» В. Н. Татищев для доказательства неправильности существующего административного деления России пользуется историческими соображениями, но совершенно не прибегает к экономическим (Татищев, 1950).

²³ Г. Миллер, например, в инструкции И. Фишеру отмечает, что описание народов не только представляет наиболее интересную для большинства читателей часть того, что путешественники могут рассказать о неизвестных землях, но эти сведения тоже очень полезны для истории (Müller, 1900, стр. 37). Мы видели также, какое внимание уделяли в своих работах этнографии С. П. Крашенинников, Г. Стеллер, И. Гмелин.

²⁴ Построение по принципу перехода от общего к частному характерно и для другой большой работы В. Н. Татищева «Введение к гисторическому и географическому описанию Великорусской империи» (Татищев, 1950, стр. 190). Такого построения впоследствии придерживались П. И. Рычков и другие авторы.

²⁵ В первой половине XVIII в. представления о высоте Сибири над уровнем моря были сильно преувеличены. Напомним, что такое мнение высказывал не только Ф. Страленберг, но и образованный и наблюдательный И. Гмелин, опиравшийся на измерение атмосферного давления.

И. Браун (Braun, 1761, стр. 490—491), исходя из наблюдений И. Гмелина в Сибири, также пришел к выводу, что понижение температуры наблюдается по мере продвижения к востоку и что оно может зависеть от высоты местности над уровнем моря. Только А. Гумбольдт, путешествовавший по Сибири в 1829 г., высказал мнение, что холод Западной Сибири происходит вовсе не от высоты местности, а от формы материка и движения воздуха (Гумбольдт, 1866, стр. 297—298).

²⁶ Факты, которые В. Н. Татищев приводит в подтверждение своей мысли о значении Урала как рубежа Азии и Европой, он, очевидно, заимствовал у других наблюдателей, ознакомившихся с ними на месте. Эти факты перечисляются в «Описании уральских и сибирских заводов», написанном В. де-Геннингом в 1734 г.

²⁷ Так, например, анкета В. Н. Татищевой и «множество ответов на нее» были известны Л. Бакмейстеру (1771).

²⁸ Понятие политической географии заимствовано, конечно, из схемы Б. Вареннуса и его последователей. У А. Деламартиньера (Martinière, 1732, стр. 128) сказано, что география гражданская или политическая, составлявшая часть географии исторической, описывает государство и его различные административные единицы.

²⁹ «Географическое описание Сибири» на немецком языке хранится в архиве Академии наук СССР (ф. 21, оп. 5, № 155), а на русском языке — в ЦГАДА (ф. 181, № 273). «Особливое описание земли Сибирской..» известно только на немецком языке. Более полный экземпляр этой работы с немецким названием имеется в Архиве Академии наук СССР (ф. 21, оп. 5, № 154), а с русским названием, приведенным нами, — в ЦГАДА (ф. 109, № 507, ч. 1, тетр. 4). Вероятно, Г. Миллер написал продолжение этих работ или подготовил материал для него, так как 7 марта 1747 г. он сообщал Академии, что им написана «География Сибирская по провинциям и уездам и дистриктам; другая география по рекам», а также некоторые другие работы, и что он мог бы представить эти рукописи, если бы было решено их печатать. (МАН, 1895, стр. 405).

³⁰ На работах других участников Второй Камчатской экспедиции (С. П. Крашенинникова, Г. Стеллера, И. Гмелина и Х. П. Лаптева), в которых делались попытки описания Камчатки и Сибири или ее частей, мы останавливаться здесь не будем, так как они уже были подробно рассмотрены в первой части нашей работы, одновременно с описанием работ экспедиции, с которой они связаны.

³¹ Ф. И. Соимонов составил руководство по мореплаванию, которое А. Фарварсон считал «полезной работой» (Соимонов, 1739, стр. 15). Кроме того, известные следующие опубликованные работы Ф. И. Соимонова: «Древняя пословица: Сибирь — золотое дно», «Продолжение древней пословицы: Сибирь — золотое дно», «Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого», которое было обработано Г. Миллером, «Письмо российского навигатора к молодому зейману о управлении корабельном» и «Краткое изъяснение о астрономии, в котором показаны величины и расстояния небесных тел, кушо с порядком их расположения и движения по разным системам». Вероятно, в 1761 г. была написана статья «Краткое собрание о приращениях Всероссийской империи и о прочих некоторых достопамятных случаях», которую, как сообщает П. П. Пекарский (1868, стр. 55), Ф. И. Соимонов переслал Г. Миллеру. В. Н. Берх (1832, стр. 158) и П. Н. Бантыш-Каменский (1847, стр. 279) приписывали Ф. И. Соимонову статью «Известия о торгах сибирских», которую Г. Миллер называет своей (1937, стр. 149). Эта ошибка была отмечена П. П. Пекарским (1870, стр. 410).

³² Как видно из опубликованной в 1904 г. заметки П. Головачева, текст статьи «Древняя пословица: Сибирь — золотое дно» является частью произведения Ф. И. Соимонова, написанного в форме ответа на запрос какого-то корреспондента. В нем Ф. И. Соимонов с порицанием относится к погоне чиновников за местами в Сибири ради наживы и попутно приводит сведения о ее природных богатствах.

³³ Петр Иванович Рычков родился в Вологде в 1712 г. в семье купца, который, разорившись, был вынужден в 1720 г. переехать с семьей в Москву (Рычков, 1905, стр. 298—300). В 1730 г. П. И. Рычков получил место управляющего казенными стекольными заводами вблизи Петербурга, а потом помощника бухгалтера в Петербургской шортовой таможне.

В 1734 г. И. К. Кирилов пригласил его в Оренбургскую экспедицию бухгалтером; в экспедиции на него было возложено «все канцелярское правление». Во время работы он близко сошелся с И. К. Кириловым и окружающими людьми, а потом с

В. Н. Татищевым. 21 февраля 1761 г. П. И. Рычков вышел в отставку. Он получил чин статского советника. Почти 10 лет (до 1770 г.) он жил в с. Спасском, в 15 верстах от Бугульмы, занимаясь хозяйством. Неудачи, которые он испытал, заставили П. И. Рычкова в 1770 г. вновь поступить на службу. Он получил назначение главным управителем Оренбургских соляных дел и переехал в Оренбург, где в 1773—1774 гг. перенес шестимесячную осаду Е. Пугачева. Составленное им описание этой осады было использовано А. С. Пушкиным для работы над историей Пугачевского бунта и в настоящее время опубликовано (1936, т. IV, стр. 569). 14 марта 1777 г. П. И. Рычков получил новое назначение «главного командира Екатеринбургских заводских управлений», но, прибыв в Екатеринбург, он 15 октября 1777 г. скончался. П. И. Рычков прожил в Оренбургском крае почти безвыездно 43 года (Пекарский, 1867, стр. 154).

³⁴ Начало хлопотам о зачислении П. И. Рычкова в почетные члены Академии наук положил в 1758 г. Г. Миллер по просьбе П. И. Рычкова, который хотел таким путем облегчить себе доступ к материалам, необходимым для работ, выполняемых по поручению Академии наук. Но хлопоты Г. Миллера об избрании П. И. Рычкова в почетные члены Академии наук остались безрезультатными (Пекарский, 1867, стр. 41—42).

³⁵ Пользуемся сводкой П. А. Лярского (1954, стр. 76—78). Отнесение статей П. И. Рычкова к той или другой отрасли наук произведено нами.

³⁶ Первая часть «Топографии Оренбургской губернии» была закончена в 1755 г. и направлена 2 февраля того же года М. В. Ломоносову. Вторая часть была представлена П. И. Рычковым Г. Миллеру в мае 1760 г. В 1762 г. обе части были опубликованы в «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих» без карт И. Красильникова, причем текст автора был несколько переработан редакцией журнала. В том же году она вышла отдельным изданием под названием «Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии», а в 1887 г. была переиздана под первым из приведенных названий. В 1880 г. вышла книга «Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «Ландкартам» И. Красильникова и «Топографии» П. И. Рычкова 1755 г.» Она была издана Оренбургским отделом Русского географического общества и включала карты И. Красильникова, на обороте которых была напечатана «Топография Оренбургской губернии» в первоначальной редакции автора. В этом издании впервые было опубликовано «Предизвещение» к «Топографии...», содержащее изложение взглядов П. И. Рычкова на географическую науку.

Из одновременных высказываний П. И. Рычкова видно, что он собирался написать и третью часть книги. Он предполагал включить в нее те дополнения, которые со временем у него накопятся (Рычков, 1887, стр. 389), то сведения о Средней Азии (Пекарский, 1867, стр. 83; 1865б, стр. 127).

В последние годы «Топография Оренбургской губернии» была переиздана с некоторыми сокращениями под редакцией Ф. Н. Милькова («Оренбургские степи...», 1949). В этом издании, к сожалению, нет точного указания, какие именно сокращения допущены. По-видимому, они выходят за рамки, указанные в водной статье (стр. 38), так как сравнительно с изданием 1762 г. пропуски есть не только в первой, но и во второй части книги (см. стр. 34—46, 48—56 издания 1762 г.). Исключив четвертую главу первой части, Ф. Н. Мильков назвал пятую главу четвертой. Все это снижает научную ценность издания 1949 г.

³⁷ Ф. Н. Мильков справедливо полагает, что следует читать не «гисторической», а «политической» («Оренбургские степи...», 1949 стр. 388).

³⁸ Связь плана «Топографии Оренбургской губернии» с планами неизданных работ В. Н. Татищева видна при сопоставлении перечня глав этой работы П. И. Рычкова с перечнем их в «Общем географическом описании всей Сибири» или «Введении к гисторическому и географическому описанию Всероссийской империи» В. Н. Татищева.

³⁹ См., например, описание оз. Грязного у В. Н. Татищева (1950, стр. 150) и в «Топографии Оренбургской губернии» (1887, стр. 154), оз. Индер (соответственно стр. 150—151 и 154—155), р. Яик (стр. 155—156 и стр. 159—160), р. Тобол (стр. 155 и стр. 162—163), р. Уи (стр. 155 и стр. 163), р. Исети (стр. 153 и 163), Уральских гор (стр. 156 и 166), Рыи-Песков (стр. 151 и 180) и др. Ф. Н. Мильков (1953, стр. 46) полагает, что совпадение описаний оз. Индер и Рыи-Песков у обоих авторов объясняется тем, что они пользовались одним источником. Но поскольку в тексте П. И. Рычкова и В. Н. Татищева много и других совпадений, следует скорее допустить, что П. И. Рычков находился под влиянием труда В. Н. Татищева.

⁴⁰ Им упомянут, например, «ставропольский комиссар Моисей Александров сын Богданов, любопытный читатель книг. муж довольноного искусства и вероятия, сообщивший ему интересные данные о р. Молошной (Рычков, 1887, стр. 316).

⁴¹ Так, например, П. И. Рычков (1887, стр. 213) сообщает, что около Сыр-Дарьи водятся змеи, «у которых с обоих концов по голове и ползают на оба конца». «Еще есть у них род, называемой ок-джилян, видом власно, как медные. Про сих говорят, якобы они, как стрела, бросаяся на человека, насквозь его пробивают».

⁴² В 1771 г. перевод «Топографии Оренбургской губернии» был опубликован в 5-м и 6-м томах журнала «Büschings Magazin», а в 1772 г. издан в Риге под названием «Orenbürgische Topographie».

⁴³ В 1896 г. члены Оренбургского отделения Русского географического общества при осмотре этой ищеры подтвердили точность описания П. И. Рычкова (Симон, 1897, стр. 75).

⁴⁴ В. Ф. Гнучева (1946, стр. 74) полагает, что вопрос о том, сколько пунктов, 13 или 30, включала анкета, представленная М. В. Ломоносовым в Академию наук, остается неясным, так как подлинник с поправками профессоров не найден. Сам М. В. Ломоносов говорит, что разосланные «географические запросы» были собраны от всех профессоров, «по выбору напечатаны, исключив те, кои смешены и к исполнению невозможны» (Ломоносов, 1955, т. 9, стр. 260).

Таким образом, следует считать, что разосланная анкета из 30 вопросов была составлена с учетом замечаний профессоров, а первоначально была представлена анкета из 13 вопросов.

⁴⁵ Большая часть перечисленных в тексте работ М. В. Ломоносова относилась в середине XVIII в. не к географии, а к физике и металлургии.

⁴⁶ Выдержки из сочинений М. В. Ломоносова, в которых он ссылается на свои впечатления, полученные во время жизни на севере, опубликованы П. П. Пекарским (1873, стр. 271).

⁴⁷ В 1752 г. мысль о возможности пройти «с берегов вечерних на восток» М. В. Ломоносов высказывал в оде, посвященной восшествию на престол Елизаветы Петровны (Ломоносов, 1959, стр. 502). В 1753 г. он написал «Письмо о Северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном» (Биллярский, 1865, стр. 302); в 1757 г. составил циркумполярную карту, которая в следующем году была представлена в Академию наук (Первалов, 1949, стр. 134); в 1761 г. он писал (в поэме «Петр Великий») о преимуществах северного пути перед южным (Ломоносов, 1959, стр. 703).

⁴⁸ Указом Екатерины II от 14 мая 1764 г. было предписано Адмиралтейств-коллегии все дело, связанное с экспедицией, посылаемой под начальством В. Я. Чичагова, в соответствии с докладом М. В. Ломоносова «содержать тайно», даже от Сената (Берх, 1828, стр. 293). Поэтому труды М. В. Ломоносова, связанные с этой экспедицией, были опубликованы только через несколько десятилетий. «Краткое описание разных путешествий...» было опубликовано А. П. Соколовым в 1847 г. в виде отдельного издания, а «Прибавления» к нему — в 1828 г. (Берх, там же). «Примерная инструкция...» была напечатана А. П. Соколовым в «Записках Географического департамента» в 1848 г.

Если проект М. В. Ломоносова оставался в течение долгого времени неопубликованным в русской литературе, то трудно утверждать, что о нем не знали за границей. По крайней мере в аннотированном указателе французской и итальянской литературы о М. В. Ломоносове упомянуто относящееся к 1764 г. сообщение, поступившее из России во французское Министерство иностранных дел; в этом сообщении говорится о снаряжении Россией по проекту М. В. Ломоносова судов для плавания через Северный Ледовитый океан в Северную Америку. В аннотации сказано также, что, по мнению М. В. Ломоносова, температура северного полюса не только переносима, но в период летнего солнцестояния даже высока из-за незаходящего солнца (Выставка «Ломоносов в Елизаветинское время», 1915, стр. 199). Возможно, что содержание проекта М. В. Ломоносова в какой-либо части стало достоянием иностранных ученых.

⁴⁹ И. Тихомиров (1915, стр. 268) полагает, что предположение М. В. Ломоносова оправдалось, поскольку была найдена Земля Франца-Иосифа. Но она расположена довольно далеко от северного полюса и мало отвечает предположениям М. В. Ломоносова.

⁵⁰ И до и после М. В. Ломоносова на географических гомологиях останавливали свое внимание многие ученые: Ф. Бекон, Ж. Бюффен, Г. Форстер (спутник Д. Кука), К. Риттер, Э. Реклю (см. Reclus, 1870, стр. 70—72).

⁵¹ Современные исследования не подтверждают, что у американских берегов льдов бывает меньше, чем у сибирских (Лактионов, 1940, стр. 11).

⁵² Ю. М. Шокальский (1911, стр. 117) сообщает, что подсчет М. В. Ломоносова был первой в науке попыткой такого рода.

⁵³ Эта карта была впервые опубликована Ю. М. Шокальским (1911).

⁵⁴ Так можно предположить по «Прибавлению второму...», написанному 24 апреля 1764 г., в котором М. В. Ломоносов пишет, что «для сей причины надежнее при внесении сего обретения (островов Умнака и др.—В. Г.) в полярную карту, держался я оригинального чертежа (вероятно, представленного Ф. И. Соймоновым.—В. Г.), нежели сделанной в Тобольске карты» (Ломоносов, 1952, т. 6, стр. 510). Карта М. В. Ломоносова заслужила одобрение Адмиралтейств-коллегии или персонально А. И. Нагаева, так как в записке Екатерины II от 28 мая 1764 г., посланной Ф. И. Соймонову, говорится, что А. И. Нагаев «почти согласен» с картой М. В. Ломоносова (Перевалов, 1949, стр. 312).

Картографические работы для М. В. Ломоносова выполнил под его руководством студент И. В. Аврамов, который писал, что «сочинял две полярные карты в книге о северных путешествиях... (кроме оных еще особливо три зделаны)» (Биллярский, 1865, стр. 740).

⁵⁵ Сведения, сообщенные поморами, приведены В. А. Переваловым (1949, стр. 243—248).

⁵⁶ Во времена М. В. Ломоносова не было термина «геология». Он был предложен швейцарцем Ж. Делюком во второй половине XVIII в. (Zittel, 1899, стр. 77). М. В. Ломоносов излагает свои идеи в трудах по минералогии, металлургии и горному делу.

⁵⁷ «Первые основания металлургии...» отвечали нуждам русской металлургической промышленности, обогнавшей по производству чугуна и меди другие страны. В этой работе освещен огромный комплекс практических и теоретических вопросов, связанных с горным делом и металлургией.

⁵⁸ В. И. Вернадский (1901, стр. 17—18) отмечает ошибочность представления о том, что тип колебаний земной поверхности наподобие волн был впервые установлен Юнгом, писавшим об этом после М. В. Ломоносова.

⁵⁹ «Слово о явлениях воздушных...» было зачитано М. В. Ломоносовым в Академии наук на заседании, состоявшемся 26 ноября 1753 г. (вместо 6 сентября), и напечатано в сборнике «Торжество Академии наук... празднованное публичным собранием... ноября 26 дня 1753 г. (СПб., 1753)», который вышел и на латинском языке. Экземпляры его были посланы за границу иностранным почетным членам Академии наук (Елисеев, 1952, стр. 513—517).

⁶⁰ М. В. Ломоносов не отрицал заслуги других ученых, он писал: «Я не столь тщеславен, чтобы хвастливо объявлять их (описанные им явления.—В. Г.) совершенно неизвестными, а говорю только, что в познании их нехватало ясности и отчетливости, по крайней мере, насколько мне известно» (Ломоносов, 1952, т. 3, стр. 149).

⁶¹ Термин «метеорология» сначала (1736 г.) применялся в научной литературе в России в работах, написанных на латинском языке,—«*observationes meteorologicae*» и переводился как «погода» или «воздушные перемены». В русском тексте он начал встречаться несколько позже (Браун, 1759, стр. 67).

⁶² В журнале не указано, где именно производились наблюдения. По мнению Е. Лейста (Leyst, 1887, стр. 233), из анализа записей следует, что наблюдения велись в Петербурге. Авторами журнала, по его предположению, могли быть И. Лейтман или Ф. Майер.

⁶³ О журнале метеорологических наблюдений, проводившихся в Екатеринбурге в 1731—1741 гг. и 1743—1746 гг. и хранившемся в местном архиве, см. Р. Бергман (1892, стр. 69). В Нерчинске, Селенгинске и на Нерчинском заводе метеорологические наблюдения велись вплоть до окончания работ Второй Камчатской экспедиции (Петряев, 1954, стр. 10).

⁶⁴ Следует отметить, что Г. Крафт, как и другие ученые того времени, понимал под климатом «пространство между двумя параллельными кругами, в котором должайший день получасом доле, нежели в другом», оговаривая, однако, что «сие слово иногда и в другом разуме берется» (Крафт, 1764, стр. 102—103).

⁶⁵ Инициатива издания «Примечаний» принадлежала, по-видимому, Г. Миллеру (Куник, 1853, стр. XL). В 1729—1731 гг. они назывались «Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях», в 1732—1740 гг.—«Примечания на Ведомости», а в 1741—1742 гг.—«Примечания к Ведомостям». Далее они упоминаются под сокращенным названием «Примечания».

⁶⁶ В 1728 г., когда газета выходила раз в неделю, объем «Примечаний» достигал 8 страниц.

⁶⁷ Переводчиками были В. Е. Адодуров, А. Алексеев, И. Яхонтов, И. Тауберт, В. К. Тредьяковский, М. Шванвиц. В первые годы пребывания в Академии наук

эту работу выполнял и М. В. Ломоносов. Сначала статьи публиковались без указания автора, а затем под ними стали ставить первые буквы фамилий автора и переводчика (Хабаков, 1950, стр. 87—88).

⁶⁸ Г. Крафт приехал из Германии в конце 1725 г. и оставался в России до мая 1744 г. В 1731 г. он был утвержден профессором Академии наук. Г. Крафт много сделал для оборудования Академии физическими инструментами, вел метеорологические наблюдения, занимался преподаванием физики и впервые провел при Академии полный курс физических экспериментов (Пекарский, 1870, стр. 458—468).

⁶⁹ Б. Е. Райков (1947, стр. 325—326) полагает, что мнение А. Н. Неустроева (1874, стр. 101), поддержанное Н. М. Лисовским (1915, стр. 1—2), о том, что организатором издания сборника и четырех выпусков «Примечаний о разных материях» был Г. Миллер, является ошибочным, так как естественнонаучное направление этого издания не соответствовало научным интересам Г. Миллера. По мнению Б. Е. Райкова, которое, однако, остается не подкрепленным доказательствами, изданием статей из «Примечаний» в 1765 и 1766 гг. занимался Ф. И. Соимонов.

⁷⁰ Календарь на 1728 г. назывался «Календарь или месяцослов на лето от рождения господина нашего Иисуса Христа 1728, указующий затмения солнечная, месячная рождения и полный месяц с четвергми. Такжеже время солнечного и лунного восхождения и захождения, долгоденствия и течение луны в зодиаках на всякий день. Сочиненный по меридиану и ширине царствующего Санктпетербурга. Напечатан в Санкт-Петербурге в типографии Академии наук лета господня 1727, в декабре». С 1729 г. в название календаря вводится слово «исторический», а иногда и «генеалогический». С 1737 г. календари стали называться «Санктпетербургский календарь на лето..., сочиненный на знатнейшие места Российского государства» (Перевошиков, 1854б, стр. 528 и 544).

До 1729 г. составлением календарей занимался Ф. Майер; после его смерти их выпускал до 1734 г. Г. Крафт, а с 1735 г. — Х. Винсгейм (Пекарский, 1870, стр. 460 и 476).

⁷¹ К числу таких статей относятся «Auszug aus d-r G. Schobers.. Memorabilia Russico-Asiatica» (1762), «Von der natürlichen Beschaffenheit der Gegenden zwischen den Flüssen Don und Dnjepr...» G. Junker. «Nachrichten von Liefland» (1764) и др.

⁷² Название журнала несколько раз изменялось. С 1755 до 1757 г. (включительно) он назывался «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие»; с 1758 по 1762 г. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», а с 1763 по 1764 г. — «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах».

⁷³ Автор статьи в «Современнике» не указан. О том, что она принадлежит В. А. Милотину, сообщил П. П. Пекарский (1868, стр. 1).

⁷⁴ Из работ по географии, опубликованных Г. Миллером не в «Ежемесячных сочинениях...», важнейшими являются следующие: «Lettre d'un officier...» (1753), «Nachrichten von der Amur-Flusse...» (1769), «Geographie und Verfassung von Kamtschatka...» (1774). «Описание путешествия по Сибири» (МАН, 1890) и описание путешествия по Московской губернии, совершенного в 1778 г., опубликованные в 1782—1783 гг.

⁷⁵ Мысль о праве русских плавать по Амуру долго занимала Г. Миллера, так как правительство привлекало его к изучению этого вопроса. Он составил по этому поводу две докладные записки в 1763 и 1764 гг. (Бантыш-Каменский, 1882, стр. 378—414). В 1769 г. А. Бюшинг опубликовал (стр. 483) статью Г. Миллера «Nachrichten von dem Amur-Flusse aufgesetzt in Anfang des 1741 — sten Jahres».

Эта статья, по словам Г. Миллера, являлась запиской, подготовленной для Иркутского вице-губернатора Л. Ланга, уполномоченного вести переговоры с Китаем (Büsching, 1785, стр. 151). Несмотря на ряд неточностей (отсутствует р. Бурей, неверно показано течение Амура и т. д.), Г. Миллер все же сумел по отрывочным данным довольно правильно представить описываемые места.

⁷⁶ Для физической географии Г. Крафт дает следующее определение: «Физическая география есть описание натурального состояния нашей земли или описание того состояния, которое от природы и совокупления частей земного шара происходит, и все то производит, что мы, предки наши и потомки на земли усматриваем, усматривали и впредь усмотрим».

⁷⁷ Х. А. Чеботарев (1776, стр. 90) писал, что попытки изобразить Европу в виде фигуры животного или человека были известны издавна: «Страбон, древний греческий географ, приписывает ей вид дракона или крылатого змея..., новейшие ж географы Европу обыкновенно представляют в виде царицы или амазонския девы».

ЛИТЕРАТУРА

- Александров Б. В. Описание рукописных карт XVIII века, хранящихся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР. В кн.: «В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII века». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946.
- Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Изд. 2. Иркутск, 1941.
- Амундсен Р. На корабле «Мод». Экспедиция вдоль северного побережья Азии. М.—Л., 1929.
- Андреев А. И. Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири. «Сов. этногр.», 1937а (1936), № 6.
- Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири. В кн.: «Г. Ф. Миллер. История Сибири», т. I. М.—Л., 1937б.
- Андреев А. И. Жизнь и научные труды Степана Петровича Крашенинникова. «Сов. Север», 1939а, № 2.
- Андреев А. И. Переводы труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Там же, 1939б.
- Андреев А. И. Первые русские карты Сибири. В кн.: «Глобус. Географический ежегодник для детей.» М.—Л., 1939в.
- Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири XVII века. Л., 1939г.
- Андреев А. И. Заметки по исторической географии Сибири XVI—XVIII вв. «Изв. ВГО», 1940а, т. 72, вып. 2.
- Андреев А. И. Ломоносов и Крашенинников. В кн.: «Ломоносов. Сборник статей и материалов», т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940б.
- Андреев А. И. Неизвестные труды Ломоносова по географии, этнографии и истории России. Там же, 1940в.
- Андреев А. И. Предисловие к кн.: «С. Ваксель. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга». Л.—М., 1940 г.
- Андреев А. И. Экспедиции В. Беринга. «Изв. ВГО», 1943а, т. 75, вып. 2.
- Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане в первой четверти XVIII века. «Изв. ВГО», 1943б, т. 75, вып. 3.
- Андреев А. И. Труды Ломоносова по географии России. В кн.: «Ломоносов. Сборник статей и материалов», т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946а.
- Андреев А. И. Экспедиции на восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII века). «Тр. Историко-архивного ин-та», т. II. М., 1946б.
- Андреев А. И. Сибирские зарисовки первой половины XVIII века. «Летопись Севера», т. I. М.—Л., 1949.
- Андреев А. И. Топографические описания и карты Сибирских наместничеств 1783—1794 гг. и работы, связанные с ними. «Вопр. геогр.», 1950а, сб. 17.
- Андреев А. И. Примечания к трудам В. Н. Татищева. В кн.: «В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России». М., 1950б.
- Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по географии России. В кн.: «В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России». М., 1950в.
- Андреев А. И. Примечания. В кн.: «М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений». Т. 6. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952.
- Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Второй Камчатской экспедиции. «Изв. ВГО», 1959, т. 91, вып. 1.
- Андреев В. Документы по экспедиции капитан-командора Беринга в Америку в 1741 г. «Морской сборник», 1893, т. CCLV, № 5.
- Анучин Д. Н. О задачах русской этнографии. «Этногр. обозрение», 1889, кн. I.
- Анучин Д. Н. Рельеф поверхности Европейской России в последовательном развитии о нем представлений. «Землеведение», 1895, т. II, кн. 1.
- Анучин Д. Н. География XVIII в. и Ломоносов. Празднование двухсотлетней годовщины рождения М. В. Ломоносова Московским университетом. М., 1912.
- Архив адмирала П. В. Чичагова, вып. 1. СПб., 1885.
- Арсеньев Ю. В. О происхождении «Сказания о великой реке Амуре». Изв. Русск. геогр. об-ва, 1882, т. XVIII, вып. 4.
- Астрономические и геодезические инструменты Делиль-де-ла Кроера, Второй Камчатской экспедиции. «Зап. Гидрогр. департамента», ч. 7, СПб., 1849.

- Атлас Российский, состоящий из 20 и более специальных карт, представляющих все Российское государство. Сочинен по правилам геометрическим и новейшим наблюдениям при Академии наук. СПб., 1742.
- Атлас Российский, состоящий из 19 специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями..., СПб., 1745.
- Багров Л. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. «Зап. по гидрогр.», вып. XXXV. СПб., 1912а.
- Багров Л. Первая карта Московской губернии. «Топогр. и геодез. журнал», 1912б, № 24.
- Багров Л. С. Карты Азиатской России. Исторические заметки. Пг., 1914.
- Базанов А. Г. Школа на Камчатке. «Сов. Север», 1939, № 2.
- Бакланова Н. А. и Андреев А. И. Обзор рукописей Г. Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках. В кн.: «Г. Ф. Миллер. История Сибири», т. 1. М.—Л., 1937.
- Бакмейстер Л. И. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи, т. I, ч. 1. СПб., 1771.
- [Бантыш-Каменский Н. Н.] Словарь достопамятных людей Русской земли, т. III. СПб., 1847.
- [Бантыш-Каменский Н. Н.] Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань, 1882.
- Баскин С. И. Большой чертеж Камчатской земли. «Изв. ВГО», 1949, т. 81, вып. 2.
- Баскин С. И. Путешествие Евреинова и Лужина в Курильский архипелаг (1719—1722). «Изв. ВГО», 1952, т. 84, вып. 4.
- Бахрушин С. В. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае. В кн.: «Памяти Александра Николаевича Савина 1873—1923» (Тр. Ин-та истории, вып. 1). М., 1926.
- Бахрушин С. В. Г. Миллер как историк Сибири. В кн.: «Г. Ф. Миллер. История Сибири», т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937.
- Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. «Научные труды», т. III. (Избр. работы по истории Сибири XVI—XVII вв., ч. 1). М., Изд-во АН СССР, 1955.
- Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. М., 1950.
- Белов М. И. Арктические плавания и устройства русских морских судов в XVII веке. В кн.: «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века». М.—Л., 1951.
- ✓ Белов М. И. Существовала ли «Земля Андреева»? «Изв. ВГО», 1952, т. 84, вып. 5.
- ✓ Белов М. И. Новые материалы о походах устюжского купца Никиты Шалаурова. В кн.: «Географический сборник», т. III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954а.
- Белов М. И. О составлении генеральной карты Второй Камчатской экспедиции 1746 г. Там же, 1954б.
- ✓ Белов М. И. Семен Дежнев. М., 1955.
- Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. Сб. «История открытия и освоения Северного морского пути», т. 1. М., 1956.
- ✓ Белов М. И. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку. «Летопись Севера», т. II. М., 1957.
- Берг Л. С. Аральское море. Опыт физико-географической монографии (Изв. Туркест. отд. Русск. геогр. об-ва, т. V). СПб., 1908.
- Берг Л. С. Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука. «Зап. по гидрогр.», т. II (43), вып. 2. Пг., 1920.
- Берг Л. С. Из истории открытия Алеутских островов. «Землеведение», 1924, т. XXVI, вып. 1—2.
- Берг Л. С. Уровень Каспийского моря за историческое время. «Пробл. физ. геогр.», вып. 1. Л., Изд-во АН СССР, 1934.
- Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Л., 1935.
- Берг Л. С. Две карты Аральского моря первой половины XVIII в. «Изв. Гос. геогр. об-ва», 1939, т. 71, вып. 10.
- Берг Л. С. Ломоносов и первое русское плавание для отыскания северо-восточного прохода. «Изв. ВГО», 1940а, т. 72, вып. 6.
- Берг Л. С. Первые русские карты Каспийского моря. «Изв. АН СССР, серия геогр. и геофиз.», 1940б, № 2.
- Берг Л. С. Первые карты Камчатки. «Изв. ВГО», 1943, т. 75, вып. 4.
- Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725—1742. Изд. 3-е. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946а.
- Берг Л. С. Первые русские карты Каспийского моря в связи с вопросом о колебаниях уровня этого моря. В кн.: «Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий». Изд. 2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946б.

- Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. Изд. 2-е. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946в.
- Берг Л. С. Географические зоны Советского Союза. Изд. 3, т. 1, М., 1947.
- Берг Л. С. Путешествие С. П. Крашенинникова по Камчатке (1737—1741). «Природа», 1948, № 5.
- Берг Л. С. Географические труды В. Н. Татищева. «Вопр. геогр.», 1953, сб. 31.
- Берг Л. С. История науки. Избр. труды, т. 1, М., Изд-во АН СССР, 1956.
- Бергман Р. О распределении и деятельности метеорологических станций в Российской империи с начала их возникновения до 1889 г. включительно. Приложение к т. LXXI «Зап. Ак. наук», № 4. СПб., 1892.
- Берков П. Н. Первый научно-популярный журнал Академии наук. «Вестн. АН СССР», 1945, № 5—6.
- Берх В. Н. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны, ч. 1. СПб., 1821; ч. 2, 1823а.
- Берх В. Н. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединятся ли Азия с Америкой? и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга. СПб., 1823б.
- Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества. СПб., 1823в.
- Берх В. Н. Разные известия и показания о Чукотской земле. «Северный архив», 1825, № 22, ч. 18.
- Берх В. Н. Дополнение к жизнеописанию М. В. Ломоносова. «Моск. телеграф», 1828, № 11, ч. 21.
- Берх В. Н. Жизнеописание адмирала Алексея Ивановича Нагаева. СПб., 1831.
- Берх В. Н. Жизнеописание первых российских адмиралов, или опыт истории Российского флота, ч. 1, 1831; ч. 2. СПб., 1832.
- Биллярский П. С. Материалы для биографии М. В. Ломоносова. СПб., 1865.
- Бобров Е. Г. С. П. Крашенинников как ботаник. «Бот. ж.», 1955, т. 40, № 4.
- [Бобынин В. В.] Русская физико-математическая библиография, т. 1, вып. 1. М., 1886.
- Богданов Е. А. Происхождение домашних животных. М., 1937.
- Боднарский М. С. Великий Северный морской путь. М.—Л., 1926.
- Боднарский М. С. Первые русские географические атласы. «Землеведение», 1932, т. XXXIV, вып. 1—2.
- Боднарский М. С. Очерки по истории русского землеведения, ч. 1, М., 1947.
- Браун И. А. Слово о главных переменях атмосферы и предсказании их..., говоренное на латинском языке И. А. Брауном... 1759 года апреля 26 дня. СПб., [1759].
- Бурханов В. Ф. Новые советские исследования в Арктике. М., 1955.
- Бухтеев А. Очерки последовательного хода и современного состояния описи русских морей. «Зап. по гидрогр.», вып. XXX, 1909.
- Бэр К. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний. «Зап. Русск. геогр. об-ва», кн. 3. СПб., 1849.
- Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.—М., 1940.
- [Варениус Б.] География генерална небесный и земноводный круги купно с их свойства и действа в трех книгах описующая. М., 1718.
- Василий Никитич Татищев. «Сибирский вестник», 1821, ч. 8.
- Вахтин В. В. Русские труженики моря. Первая морская экспедиция Беринга для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой. СПб., 1890.
- Вдовин И. С. Чертежи Чукотки 1742 и 1746 гг. «Изв. ВГО», 1943, т. 75, вып. 4.
- Вельтман А. Портфель служебной деятельности Ломоносова. В кн.: «Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком», кн. 2. М., 1840.
- Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношение России с Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр-Хана (1748—1769), т. I. Приложения. Уфа, 1853.
- Вернадский В. И. О значении трудов М. В. Ломоносова в минералогии и геологии. В кн.: «Ломоносовский сборник. Материалы для истории развития химии в России». М., 1901.
- Вернадский В. И. Несколько слов о работах Ломоносова по минералогии и геологии. В кн.: «Труды Ломоносова в области естественно-исторических наук». СПб., 1911.
- Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852.
- Веселаго Ф. Ф. Разбор сочинения П. Тихменева «Образование Российско-Американо-Камчатской компании и действия ее до настоящего времени...» СПб., 1863.
- Веселаго Ф. Ф. Очерк Русской морской истории. ч. 1. СПб., 1875.
- Веселовский Н. И. Очерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.

- Весин Л. Исторический обзор учебников общей и русской географии, изданных со времени Петра Великого по 1876 год (1710—1876 г.). СПб., 1876.
- Визе В. Ю. Земля Андреева. «Arctica», 1933, кн. 1.
- Визе В. Ю. Моря советской Арктики. М.—Л., 1948.
- Вильд Г. И. О температуре воздуха в Российской империи. СПб., 1882.
- [Винштейн Х.] Известие о Северном морском ходе россиян из устьев некоторых рек, впадающих в Ледяное море, для проведения восточных стран. «Прим. к Ведомостям», 1742, ч. 51—58.
- Винштейн Х. Краткая политическая география к изъяснению изданного на русском языке небольшого атласа... СПб., 1745.
- Войков А. И. [Предложение о снаряжении экспедиции в северные моря.] «Изв. Русск. геогр. об-ва», 1871, т. VII, № 3 (журнал).
- Воробьев И. Е. Остров Четырехстолбовый. Биогеографический очерк. «Изв. ВГО», 1940, т. 72, вып. 3.
- Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. М., 1948.
- Временник Московского общества истории и древностей Российских. М., 1850.
- Вскрытие и замерзание реки Невы в Санктпетербурге с 1706 по 1864 г. «Месяцеслов на 1865 год».
- Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». Т. VII. «Материалы по библиогр.»... Пг., 1915.
- Г. С. [Григорий Спасский.] Исторические и статистические записки о местах, лежащих при реке Амуре. «Сибирский вестник», 1824, ч. 2.
- Гельмерсен Л. К вопросу об открытии Врангелевой земли. «Изв. Русск. геогр. об-ва», 1876, т. XII, вып. 6.
- Генеральная карта Азиатской России, составленная поручиком Поздняковым, изд. Военно-топографическим депо. СПб., 1825.
- Генин В. де. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735. М., 1937.
- Географический атлас, хранящийся в библиотеке Иркутской духовной семинарии. «Прибавл. к Иркутским епарх. ведомостям в 1872 г.». Иркутск, 1872.
- Гербер И. Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Куром народах и землях и их состоянии в 1728 году. «Соч. и переводы, к пользе и увесел. служащие», 1760а, т. XII, июль — сентябрь.
- Гербер. Примечания к географии российской X века, господином профессором Байером сочиненной. Там же, 1760б.
- Герье В. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871.
- Глиноецкий Н. П. История русского генерального штаба, т. 1. СПб., 1883.
- Гмелин И. Предисловие к первому тому Флоры сибирской. Перевод С. П. Крашенинникова [СПб., 1749].
- Гнучева В. Ф. Ломоносов и Географический департамент Академии наук. В кн.: «Ломоносов. Сборник статей и материалов». Т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940а.
- Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940б.
- Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. Изв. ВГО, 1941, т. 73, вып. 2.
- Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946.
- [Голенищев-Кутузов И. Л.] Собрание списков, содержащее имена всех служивших в Российском флоте с начала оног... СПб., 1764.
- Голиков И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, ч. VII и VIII. М., 1789.
- Голиков И. Дополнение к деяниям Петра Великого. Том восемнадцатый, содержащий в себе состояние России, в каком сей великий государь оставил ее по себе. М., 1797.
- Голицын Н. В. Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899.
- Головачев П. Первый сибирский публицист [Ф. И. Соймонов]. Прил. к газ. «Сибирская жизнь» [Томск] от 4 июля 1904 г.
- Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Волынского в XVI и XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века. «Вопр. геогр.», 1950, сб. 20.
- Готье Ю. Известия Пальмквиста о России. «Археол. изв. и заметки, изд. Моск. археол. об-вом», 1899, № 3—5.
- Греков Б. Д. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века. В кн.: «Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 годы», вып. 35, Л., 1929.

- Греков В. И. Новые известия о географическом распространении вымершей морской коровы. «Изв. АН СССР, серия геогр.», 1958, № 2.
- Греков В. И. О «Чертеже всей Сибири до Китайского царства и до Никаского». «Изв. АН СССР, серия геогр.», 1959, № 2.
- Григорьев А. А. Примечания к кн. Д. Н. Анучина «Географические работы». М., 1954.
- Гумбольдт А. Космос. Опыт физического мироописания, ч. 1. Изд. 3. М., 1866.
- Гюбнер И. Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии по вопросам и ответам. М., 1719.
- Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним, ч. 1. СПб., 1810; ч. 2, 1812.
- Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953.
- Дивин В. А. К берегам Америки. Плавание и исследования М. С. Гвоздева, первооткрывателя северо-западной Америки. М., 1956.
- Добросмыслов А. И. Материалы по истории России, т. 1. Оренбург, 1900.
- Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912.
- Долгих В. О. Новые данные о плавании русских северным морским путем в XVII веке. «Пробл. Арктики», 1943, № 2.
- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. II. СПб., 1846; т. III, 1848; т. IV, 1851.
- Евгений, митрополит [Е. Болховитинов]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших о России, т. 1 и 2. М., 1845.
- Евтеев О. А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950.
- Егерман Э. Путь до Япон. «Зап. по гидрогр.», т. XXXVIII, вып. 3. СПб., 1914.
- Ежемесечные сочинения, к пользе и увеселению служащие, 1763, январь.
- Елисеев А. А. Примечания. В кн.: «М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений». Т. 3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952.
- Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948.
- Ефимов А. В. О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII вв. В кн.: «С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки». М.—Л., 1949.
- Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1949а.
- Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах XVII — первая половина XVIII в. М., 1950.
- Ефимов А. В. Документы об открытиях русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII веке на северо-востоке Азии. В кн.: «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии». М., 1951.
- Ефремов Ю. К. К истории названий Большой и Малой Курильских гряд. «Вопр. геогр.», 1951, сб. 24.
- Жданко М. Работы русских моряков в Охотском море. «Зап. по гидрогр.», т. XL, вып. 5. Пг., 1916.
- Житков Б. М. Морская выдра в описании Стеллера. «Научно-метод. зап. Гл. упр. по заповетникам», вып. 4. М., 1939.
- Журнал Анадырской команды сержанта Андреева, везенный во время путешествия по островам Ледовитого моря. «Сибирский вестник», 1823, ч. 4.
- Заозерский А. И. Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом. Сб. «Россия и Запад» под ред. А. И. Заозерского, т. I. Пг., 1923.
- Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности. Ч. 4. СПб., 1820.
- Зубкова З. Алеутские острова. М., 1948.
- Зубов Н. Н. Разгадка легенды о «Земле Андреева». «Красный флот», 1951, № 291 (4018).
- Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954.
- Зубов Н. Н., Бадигин К. С. Разгадка тайны «Земли Андреева». «Природа», 1952, № 2.
- Зубов Н. Н. и Бадигин К. С. Разгадка тайны «Земли Андреева». М., 1953.
- Иванов П. И. Обзорение геодезических работ в России со времени Петра Великого до сочинения генеральной ландкарты Российской империи в 1746 г. «Зап. Русск. геогр. об-ва», кн. IX. СПб., 1853.
- Игнатьев Р. Г. Об ученых трудах П. И. Рычкова. В кн.: «Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 год». Отдел 5, прил. 3. Г. Оренбург (1870).
- Из истории освоения Северного морского пути (Экспедиция Беринга 1732—1743 гг.) [Публикация документов]. Предисл. П. Горина. «Красный архив», 1935, т. IV (71); т. V (72); т. VI (73); 1936, т. 1 (74).

- Изыяснение о трясении земли. «Истор. генеал. и геогр. прим.» в Ведомостях, 1731, ч. 58—60.
- И н о х о д ц о в П. Описание Каспийского моря. «Новые ежемес. сочинения», 1789, ч. 33, март.
- И о ф а Л. Е. Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев. Географы первой половины XVIII в. М., 1949.
- Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях на 1729 г., ч. 1. СПб., 1729.
- Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях, издаваемые в Санктпетербурге при Академии наук с 1729 по 1740 год. М., 1765.
- История Академии наук СССР. Т. 1. М.—Л., 1958.
- История Московского университета. Т. 1. М., 1955.
- История русской экономической мысли. Т. 1, ч. 1. Эпоха феодализма. Под ред. А. И. Папкова. М., 1955.
- История СССР. Т. 1. Изд. 2. Под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. М., 1947.
- К а р а м з и н Н. М. История государства Российского, т. X. СПб., 1892.
- К а р п а т о в В. Д. И. Менделеев и Северный полюс. «Сов. Арктика», 1937, № 6.
- К а с ь я н о в В. Критический взгляд на систему и содержание географий, изданных в России. «Сын Отечества и Северный архив», 1832, т. XXIX.
- К е ш п е н Ф. П. К истории тарпана в России. СПб., 1895.
- К и р и л о в И. Цветущее состояние Всероссийского государства... кн. 1 и 2. М., 1831.
- К л е п и к о в С. А. Неизвестный экземпляр карт из «Атласа Всероссийской империи» И. К. Кирилова. Изв. ВГО, 1956, т. 88, вып. 1.
- Книга Большому чертежу. Подг. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.
- К н я з е в Г. А. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 1725—1945. М., Изд-во АН СССР, 1945.
- К о л е с н и к о в Г. П. Гыданский залив. Краткая историческая справка о плаваниях и описных работах. «Северный морской путь», т. XV, Л.—М., 1940.
- Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Л., 1935.
- К о м а р о в В. Л. Речь на торжественном заседании Юбилейной сессии Академии наук СССР. «Вестн. АН СССР», 1945, № 5—6.
- К о р д т В. А. Материалы по истории русской картографии, вып. 1. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII в. Киев, 1899.
- К о р д т В. А. Материалы по истории русской картографии. Серия 2, вып. 1. Карты всей России, северных ее областей и Сибири. Киев, 1906.
- К о р д т В. А. Материалы по истории русской картографии. Вып. 2. Карты всей России и западных ее областей до конца XVII в. Киев, 1910.
- К о р д т В. А. Материалы до истории картографии Украины, ч. 1. Київ, 1931.
- К о с в е н М. О. Библиографические дополнения к истории открытия Камчатки. «Изв. ВГО», 1955, т. 87, вып. 6.
- К о с о й А. И. Год в архипелаге Норденшельда. М.—Л., 1940.
- К о т в и ч В. Л. Русские архивные документы по сношению с ойротами в XVII и XVIII вв. «Изв. Росс. Ак. наук», серия VI, 1919, т. 13, ч. 2, № 12—15.
- Краткое известие о морских путешествиях в южных морях, предпринятых для открытия новых земель и островов. Месяцослов исторический и географический на 1780 г.
- Краткое описание комментариев Академии наук. Часть первая, на 1726 г. СПб., 1728.
- Краткое руководство к географии в пользу учащегося при гимназии юношества. СПб., 1742.
- [К р а ф т Г.] Краткое описание наидостоинейших примечания погод и разных воздушных перемен, бывших здесь в Санктпетербурге с начала 1726 до конца 1736 году. «Прим. на Ведомости», ч. 70. СПб., 1738.
- [К р а ф т Г.] О исправном усматривании ветров. «Прим. на Ведомости», ч. 77—79, СПб., 1740.
- К р а ф т Г. Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санктпетербурге в генваре месяце 1740 года Ледяного дома и всех находившихся в нем домовых вещей и уборов... СПб., 1741.
- К р а ф т Г. Руководство к математической и физической географии со употреблением земного глобуса и ландкарт. Вновь переведенное, с прим. Ф. Эпинуса. Изд. 2. СПб., 1764.
- К р а ш е н и н н и к о в С. П. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949.
- К р е с т и н и н В. В. Прибавление первое к географическому известию о Новой Земле полунощного края. «Новые ежемес. сочинения», 1789, ч. 31, генварь.

- Кр опоткин П. А. Доклад Комиссии по снаряжению экспедиции в северные моря. СПб., 1874.
- Ку щик А. А. Об ученых сборниках и периодических изданиях Академии наук с 1726 года по 1852 год. «Уч. зап. Ак. наук по 1-му и 3-му Отд.», т. 1, вып. 1. СПб., 1853.
- Ла ктионов А. Ф. М. В. Ломоносов и Северный морской путь (К 175-летию со дня смерти). «Пробл. Арктики», 1940, № 6.
- Ла манский В. И. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М., 1865.
- Ла по-Данилевский А. С. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899.
- Лас ковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России, т. I—III. СПб., 1857, 1861 и 1865.
- Ле бедев Д. М. География в России XVII века. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.
- Ле бедев Д. М. География в России петровского времени. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.
- Ле бедев Д. М. Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки. М., Изд-во АН СССР, 1951.
- Ле бедев Д. М. Из истории хозяйственного районирования России. «Изв. АН СССР, серия геогр.», 1952, № 3.
- Ле бедев Д. М. Очерки по истории географии в России XV—XVI вв. М., Изд-во АН СССР, 1956.
- Ле бедев Д. М. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725—1800 г.). М., Изд-во АН СССР, 1957.
- Ле бедева О. Я. Еще об атласе Каспийского моря Ф. И. Соимонова. «Тр. Одесск. гос. ун-та», т. XLV. Серия геол. и геогр. наук, вып. 3. Киев, 1955.
- Ле пехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. СПб., 1780.
- Ле руа. Приключения четырех русских матросов на Шницбергене. Л., 1933.
- Ле рхе И. Выписка из путешествия, продолжавшегося от 1733 по 1735 г. из Москвы до Астрахани, а оттуда — по странам, лежащим по западному берегу Каспийского моря. «Новые ежемес. сочинения», 1790, ч. 43, генварь.
- Ле рхе И. Известия о втором путешествии в Персию от 1745 до 1747 г. (Перев. с нем. А. Клевецкого и М. Судакова). «Новые ежемес. сочинения», 1790, ч. 54, декабрь; 1791, ч. 55, генварь.
- Ли совский Н. М. Русская периодическая печать 1703—1900 гг. Пг., 1915.
- Ли твинов Д. И. Библиография флоры Сибири. СПб., 1909.
- Ли тке Ф. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, совершенное по повелению императора Александра I на военном бриге Новая Земля в 1821, 1822, 1823, 1824 годах, ч. 1. СПб., 1828.
- Ли тке Ф. Путешествие вокруг света, совершенное по повелению императора Николая I на военном шлюпе Сеявине в 1826, 1827, 1828, 1829 годах. Отделение мореходное. СПб., 1835.
- Ло моносов М. В. Сочинение. [Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию.] Изд. Гидрогр. департамента Морского мин-ва. СПб., 1847.
- Ло моносов М. В. Полное собрание сочинений. М.—Л., Изд-во АН СССР, т. 1, 1950; т. 2, 1951; т. 3, 1952; т. 4, 1955; т. 5, 1954; т. 6 и 7, 1952; т. 8, 1959; т. 9, 1955.
- Лю бимов Н. Ломоносов как физик. В кн.: «В воспоминание 12-го января 1855 года. Учено-литературные статьи профессоров и преподавателей императорского Московского университета, изданные по случаю его столетнего юбилея». М., 1855.
- Ля рский П. А. П. И. Рычков как выдающийся русский географ XVIII века. В кн.: «Географический сборник», т. III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954.
- Ма йдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 г., т. 1 (Прил. к т. LXXIV «Зап. Ак. наук», № 3). СПб., 1894.
- Ма йдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. Т. 2. Атлас. СПб., 1896.
- Ма йков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891.
- Ма карова Р. В. Экспедиции русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII веке. «Вопр. геогр.», 1950, сб. 17.
- Ма кшеев А. Описание Аральского моря. «Зап. Русск. геогр. об-ва», кн. 5. СПб., 1851.
- Ма кшеев А. Географические сведения книги Большого чертежа о киргизских степях в Туркестанском крае. «Изв. Русск. геогр. об-ва», 1878, т. XIV, вып. 1.
- [Ма кшеев А. И.] Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 г. «Зап. Русск. геогр. об-ва по общей геогр.», т. XI. СПб., 1888.

- Ма к ше е в А. И. Новая находка г. Стриндберга (О карте Джунгарии, сост. Рена- том). «Изв. Русск. геогр. об-ва», 1891, т. XXVII, вып. 6 (Прил. № 2 к Журналу заседаний Совета от 11 мая 1891).
- [Ма л ы г и н С. П.] Сокращенная навигация по карте де Редюкцион. СПб., 1733.
- Материалы для истории Академии наук. СПб., т. 1, 1885; т. 2 и 3, 1886; т. 4, 1887; т. 6, 1890; т. 8, 1895; т. 9, 1897; т. 10, 1900.
- Материалы для истории русского флота. СПб., ч. 4, 1867; ч. 5, 1875; ч. 7, 1879; ч. 8, 1880; ч. 9, 1882; ч. 10, 1883, ч. 11, 1886.
- Ме д у ш е в с к а я О. М. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во 2-й половине XVIII века. «Тр. Моск. Гос. историко-архивного ин-та», т. VII. М., 1954.
- Ме н д е л е е в Д. И. Сочинения. Т. VII. Геофизика и гидродинамика. Л., 1946.
- Ми д д е н д о р ф А. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., ч. 1, 1860; ч. 2, 1869.
- Ми л л е р Г. О земле Камчатке. «Календарь или месяцослов исторической и географической на 1729», 1730, 1731 и 1732 гг.
- Ми л л е р Г. О первых российских путешествиях и посольствах в Китай. «Ежемес. сочинения, к пользе и увесел. служащие», 1755а, т. II, июль.
- Ми л л е р Г. Известие о торгах сибирских. «Ежемес. сочинения, к пользе и увесел. служащие», 1755б, т. II, сентябрь, декабрь; 1756, т. III, февраль — март.
- Ми л л е р Г. Роспись губерниям, провинциям, городам, крепостям и другим достопамятным местам в Российской империи находящимся. «Ежемес. сочинения, к пользе и увесел. служащие», 1757а, т. V, январь — март.
- Ми л л е р Г. Предложение, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве. «Ежемес. сочинения, к пользе и увесел. служащие», 1757б, т. V, март.
- Ми л л е р Г. Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года. «Ежемес. сочинения, к пользе и увесел. служащие», 1757в, т. V, апрель.
- Ми л л е р Г. Роспись епархиям Всероссийской империи и какие провинции, города и уезды к каждой епархии принадлежат. «Ежемес. сочинения, к пользе и увесел. служащие», 1757 г, т. V, апрель.
- Ми л л е р Г. О китовой ловле около Камчатки. «Ежемес. сочинения, к пользе и увесел. служащие», 1757д, т. V, май.
- Ми л л е р Г. История о странах, при р. Амуре лежащих, когда оные состояли под Российским владением. «Ежемес. сочинения, к пользе и увесел. служащие», 1757е, т. VI, июль — октябрь.
- Ми л л е р Г. Долготы и широты разных мест Российской империи, астрономическими наблюдениями определенные. «Ежемес. сочинения, к пользе и увесел. служащие», 1757ж, т. VI, декабрь.
- Ми л л е р Г. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с российской стороны учиненных. «Соч. и переводы, к пользе и увесел. служащие», 1758, т. VII, январь — май; т. VIII, июль — сентябрь, ноябрь.
- [Ми л л е р Г.] Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оног отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше... «Сочинения и переводы, к пользе и увесел. служащие», 1760, т. XI, январь — февраль.
- Ми л л е р Г. Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства с пограничными землями, также и о морских картах тех морей, кои с Россиею граничат. «Сочинения и переводы, к пользе и увесел. служащие», 1761, т. XIV, ноябрь-декабрь.
- Ми л л е р Г. Известия о ученых делах. «Ежемес. сочинения и известия о ученых делах», т. XVII, СПб., 1763а.
- Ми л л е р Г. Рецензия на книгу А. Бюшинга «Руководство к основательному и полезному познанию географического и политического состояния Европейских государств и республик 1763 года». «Ежемес. сочинения и известия о ученых делах», т. XVIII, СПб., 1763б.
- Ми л л е р Г. Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных. «Ежемес. сочинения и известия о ученых делах», т. XX, 1764, декабрь.
- Ми л л е р Г. Ф. Описание моих служб. В кн.: «Н. В. Голицын. Портфели Г. Ф. Миллера». М., 1899.
- Ми л л е р Г. Ф. История Сибири, т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937.
- ✓ Ми л ь к о в Ф. Н. [Вступительная статья]. В кн.: «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана и С. С. Неуструева». М., 1949.
- ✓ Ми л ь к о в Ф. Н. П. И. Рычков. Жизнь и географические труды. М., 1953.
- Ми л ь к о в П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформы Петра Великого. Изд. 2. СПб., 1905.

- [Милютин В. А.] Очерки русской журналистики, преимущественно старой. 1. Ежемесячные сочинения, журнал 1755—1764 годов. «Современник», 1851, т. XXV № 1 и 2; т. XXVI, № 3.
- Михайловский И. Н. Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677). В кн.: «Сборник Историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине», т. II. Нежин, 1899.
- Модзалевский Л. Б. Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937.
- Муравьев М. Н. Опыты истории словесности и правоучения, ч. 1—2. М., 1810.
- Нагаев А. И. Лоция или морской путеводитель, сочиненная по указу Государственной Адмиралтейств-коллегии в 1751 г. СПб., ч. I и II, 1789; ч. III, 1790.
- Неустров А. Н. Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1874.
- Никитин Н. П. Краевая география в дореформенной России XIX в. (Библиогр. обзор). «Вопр. геогр.», 1953, сб. 31.
- Никольский Н. П. С. П. Крашенинников как этнограф Камчатки. «Сов. Север», 1939, № 2.
- Новиков Н. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772.
- Новиков П. А. Г. В. Стеллер как зоолог. В кн.: «Труды совещания по истории естествознания 24—26 декабря 1946 г.». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.
- Новиков П. А. Академик С. П. Крашенинников как первый исследователь животного мира Камчатки. «Тр. Ин-та истории естествозн.», т. III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.
- Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком 1715. Новосибирск, 1941.
- Новокомский Павел Иовий. Книга о московитском посольстве. В кн.: «С. Герберштейн. Записки о московитских делах». СПб., 1908.
- Норденшельд А. Первая карта Северной Азии, основанная на действительном наблюдении. «Зап. военно-топогр. отд. Гл. штаба», т. XLIV, СПб., 1889.
- О ветрах. «Прим. на Ведомости», 1732, ч. 59—65.
- О внешнем виде Земли. «Прим. на Ведомости», 1738, ч. 27—32.
- О громовой погоде (о громе). «Истор. генеал. и географ. прим. в Ведомостях», 1731, ч. 74—75, 88—89.
- О дожде и росе. «Прим. на Ведомости», 1733, ч. 43.
- О земле. «Прим. на Ведомости», 1732, ч. 6—12.
- О инструментах, к познанию погод принадлежащих. «Прим. на Ведомости», 1734, ч. 32—34, 45, 48, 77, 78, 91, 92, 100.
- О местах, огонь из себя выбрасывающих. «Прим. на Ведомости», 1733, ч. 11—16.
- О молнии и громе. «Прим. на Ведомости», 1735, ч. 36.
- О необыкновенной службе прошлой зимы во всей Европе. «Прим. на Ведомости», 1740, ч. 91—92.
- О полученных из земли разного роду морских раковинах и курioзных рыбьих костях. «Прим. на Ведомости», 1740, ч. 62—65.
- О прибывании и убывании воды в Неве реке. «Прим. к Ведомостям», 1741, ч. 47—48.
- О происхождении рек «Прим. на Ведомости», 1733, ч. 34—35.
- О северном сиянии. «Истор., генеал. и геогр. прим. в Ведомостях», 1730, ч. 14—17, 21, 25, 32, 35, 77—78.
- О северном сиянии. «Прим. на Ведомости», 1740, ч. 80—86.
- О сочинении ландкарт. «Примечания к Ведомостям», 1742, ч. 85—89.
- Обзор архивных материалов. Под общ. ред. Г. А. Князева. (Тр. Архива Ака. наук СССР, вып. 1). Л., 1933.
- Общий морской список. Ч. 1 и 2. СПб., 1885.
- Объявление предложения до исправления Российской истории касающегося, которое может учититься частным изданием собрания всяких известий, до истории Российского государства принадлежащих. СПб., 1732.
- ✓ Оглоблин Н. Н. Семен Дежнев (1638—1671 гг.). «Ж. М-ва народн. просв.», 1890, ч. 272, декабрь.
- ✓ Оглоблин Н. Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки. В кн. «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете», кн. 3. М., 1891а.
- Оглоблин Н. Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова. «Библиограф.», 1891б, № 1.
- Оглоблин Н. Н. Первый японец в России 1701—1705 гг. «Русская старина», 1891в, октябрь.
- ✓ Оглоблин Н. К истории полярной экспедиции Бахова и Шалаурова в 1757—1760 гг. «Ж. М-ва народн. просв.», 1902, ч. 341, июнь.
- Оглоблин Н. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII века. «Ж. М-ва народн. просв.», 1903, ч. 347, май.

- Огрызко И. И. Открытие Курильских островов. «Уч. зап. ЛГУ», № 157. Серия фак-та народов Севера, вып. 2, Л., 1953.
- Окладников А. П. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. В кн.: «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века». М.—Л., 1951.
- Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «Ландкартам» Красильникова и «Топографии» П. И. Рычкова 1755 года. Оренбург, 1880.
- ✓ Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана и С. С. Неуструева. М., 1949.
- Орлова Е. П. Чертежи Чукотки Якова Линденау и Тимофея Перевалова. «Вопр. геогр. Дальнего Востока», сб. 3. Хабаровск, 1957.
- Остерман А. И. Расположение учения Петра II. СПб., 1726.
- Открытие русских землепоселенцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сб. документов. Сост. Н. С. Орловой. М., 1951.
- Отчет директора Гидрографического департамента за 1881 год. СПб., 1883.
- Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957.
- Павлов А. П. Ломоносов, как геолог. В кн.: «Празднование двухсотлетней годовщины рождения М. В. Ломоносова Московским университетом». М., 1912.
- Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1. СПб., 1773.
- [Паллас П.] О российских открытиях на морях между Азией и Америкой. «Месяцеслов исторической и географической на 1781 год».
- Пальмов Н. Н. К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева. «Изв. АН СССР, VII серия, отд. гуманитар. наук», 1928.
- Памятники Сибирской истории XVIII века, кн. 1. СПб., 1882; кн. 2, 1885.
- Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I—II. СПб., 1862.
- Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. (Прил. к «Зап. Ак. наук», т. IV, № 4). СПб., 1864.
- Пекарский П. Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 г. «Зап. Ак. наук», т. VI, 1865а, кн. 2, прил. 3.
- Пекарский П. О переписке академика Штелина, хранящейся в Публичной библиотеке. «Зап. Ак. наук», т. VII, 1865б.
- Пекарский П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. «Зап. Ак. наук», т. VIII, прил. 7. СПб., 1865в.
- ✓ Пекарский П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867.
- Пекарский П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов. В кн.: «Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук», т. II, № 4. СПб., 1868.
- Пекарский П. Архивные разыскания об изображении несуществующего ныне животного *Rhytina bogealis* (Прил. к т. XV «Зап. Ак. наук», № 1). СПб., 1869.
- Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге, т. I, 1870; т. II, 1873.
- Перевалов В. А. Ломоносов и Арктика. М.—Л., 1949.
- Перевощиков Д. М. Рассмотрение Ломоносова рассуждения о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих. «Телескоп», 1831, № 4.
- Перевощиков Д. М. Отрывки из физической географии. «Современник», 1848, т. 7 и 9.
- Перевощиков Д. М. Геодезические и топографические работы в России. В кн.: «Магазин земледения и путешествий». Геогр. сборник, изд. Н. Фроловым, т. III. М., 1854а.
- Перевощиков Д. М. Обзорение русских календарей или месяцесловов. Там же, 1854б.
- Перевощиков Д. М. Каталог географических карт России (вып. 1). О геогр. картах XVIII столетия, хранящихся в биб-ке Акад. наук. «Вестн. Русск. геогр. об-ва», 1856, ч. 16, кн. 1.
- Перевощиков Д. М. Труды М. В. Ломоносова по физике и физической географии. Журн. «Радуга», 1865, апрель.
- Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871.
- Пестов И. Записка об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. М., 1833.
- Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954.
- Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Кн. 2, ч. 3. Собр. соч., т. XXI. М.—Л., 1925.
- Позднеев Д. М. Записка [о карте Джунгарии, сост. генатом]. «Изв. Русск. геогр. об-ва», 1891, т. XXVII, вып. 6.

- Позднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к матерку Азии и России. Т. 1, ч. 2. Иокोगама, 1909.
- Покровский А. А. Беринг и его экспедиция (1725—1743). В кн.: «Экспедиция Беринга. Сборник документов». Подг. к печати А. Покровский. М., 1941.
- ✓ Полевой Б. П. Забытые сведения спутников В. Д. Пояркова о Сахалине (1644—1645). «Изв. ВГО», т. 90, 1958, вып. 6.
- Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.
- Политическая география, сочиненная в сухопутном шляхетном кадетском корпусе для употребления учащегося во оном корпусе шляхетства, ч. 1. СПб., 1758; ч. 2, 1761; ч. 3, 1765; ч. 4, 1772.
- Полное собрание законов Российской империи, т. VI—XII. СПб., 1830.
- Полонский А. Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—1729 гг. «Зап. Гидрогр. департамента», ч. 8. СПб., 1850а.
- [Полонский А.] Поход геодезиста Михаила Гвоздева в Берингов пролив, 1732 года. «Морской сборник», 1850б, т. IV, № 11.
- Полонский А. Курилы. «Зап. Русск. геогр. об-ва по отд. этногр.», т. IV. СПб., 1871.
- Полунин Ф. А. Географический лексикон Российского государства, или словарь, описующий по азбучному порядку реки, моря, горы, города... М., 1773.
- Попов А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. СПб., 1853.
- Попов Н. А. В. Н. Татищев и его время. М., 1861.
- Попов Н. А. Ученые и литературные труды В. Н. Татищева. «Ж. М-ва народн. просв.», 1886, ч. 245, июнь.
- Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. (Зап. Русск. геогр. об-ва по отд. этногр., т. X, вып. 2). СПб., 1887.
- Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951.
- Потанин Г. Рецензия на кн. «Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Спафария» (Зап. Русск. геогр. об-ва по отд. этногр., т. X, вып. 1). СПб., 1882.
- Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-нор. М., 1947.
- Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год, т. I (1725—1743), СПб., 1897; т. II (1744—1770), 1899.
- Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР, т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1955.
- Пушкин А. С. История Пугачевского бунта. Часть вторая. Раздел III. Сказания современников, § 1. Осада Оренбурга (Летопись Рычкова). Полн. собр. соч., т. IV. М.—Л. Изд. «Academia», 1936.
- Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1, вып. 3, СПб., 1894.
- Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Изд. 2. М.—Л., 1947.
- Райнов Т. И. О роли русского флота в развитии естествознания XVIII в. К истории русской науки XVIII в. «Тр. Ин-та истории естествозн.», т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947.
- Рассказ императрицы Екатерины II о первых пяти годах ее царствования. «Русский архив», год третий, 1865, вып. 4.
- Реклю Э. Земля. Описание жизни земного шара, вып. 1. Перев. с франц. СПб., 1895.
- Ремезов С. Чертежная книга Сибири, составленная... в 1701 году. СПб., 1882.
- Реэстр географическим атласам, картам, планам и феатрам войны, составленный в 1816 году, исправленный в 1828 году и дополненный по 1877 год. СПб., 1877; см. также «Изв. Русск. геогр. об-ва», 1877, т. 13, вып. 4 и 6.
- Реэстр ландкартам, чертежам и планам Российской империи, находящимся в Географическом департаменте при Академии наук. СПб., 1748.
- Риттер К. Землеведение Азии. Т. II. СПб., 1859.
- Рихман Г. О достойных примечаниях переменах, которым поверхность земли от времени до времени подвержена бывает. «Прим. на Ведомости», 1739, ч. 89—96.
- Рубинштейн Н. Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в.—памятники географического и экономического изучения России. «Вопр. геогр.», 1953, сб. 31.
- [Рукавкин Д.] Описание пути от Оренбурга к Хиве и Бухаре с принадлежащими обстоятельством, бывшего при отправлении в 1755 году из Оренбурга в те места купеческого каравана Самарского купца Даниила Рукавкина. «Моск. любопытный месяцеслов на 1776 год».
- Рупрехт Ф. И. Материалы для истории Академии наук по части ботаники. СПб., 1865.

- Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов. Сост. М. И. Белов. Л.—М., 1952.
- Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках. Под ред. А. И. Андреева. М.—Л., 1944.
- Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. Под ред. А. И. Андреева. М., 1948.
- Руссов С. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1755 году с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен доныне. «Ж. М-ва внутр. дел», 1839, № 12.
- Рычков П. И. История Оренбургская. «Сочинения и переводы, к пользе и увесел. служащие», 1759, т. IX—X.
- Рычков П. И. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой. «Сочинения и переводы, к пользе и увесел. служащие», 1760, т. XI, март.
- Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. «Сочинения и переводы, к пользе и увесел. служащие», т. XV—XVI, 1762.
- Рычков П. И. Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762.
- Рычков П. И. О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии. «Тр. Вольн. эконо. об-ва», ч. 4, СПб., 1766.
- Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Изд. 2. Оренбург, 1887.
- Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896.
- Рычков П. И. Записки. «Русский архив», 1905, кн. 3, вып. 11.
- Савельев А. Исторический очерк инженерного управления в России. СПб., 1879.
- Салищев К. А. Основы картоведения. Часть историческая и картографические материалы. М., 1948.
- Санкт-Петербургские ведомости от 16 марта 1790 г.
- [Сарычев Г.] О плавании российских морских офицеров из рек Лены, Оби, Енисея; также и от города Архангельска к востоку по Ледовитому морю с 1734 по 1742 год. «Зап.», изд. Гос. адмиралт. департаментом», ч. 4. СПб., 1820.
- Сарычев Г. А. Путешествие по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.
- Сборник Русского исторического общества. СПб., т. LX, 1884; т. CI и CIII, 1897.
- Свенские К. Материалы для истории составления атласа Российской империи, изданного императорской Академиею наук в 1745 году (Прил. к т. IX «Зап. Ак. наук», № 2). СПб., 1866.
- Сгибнев А. Архивный документ. «Зап. Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва», кн. 7, раздел «Смесь». Иркутск, 1864.
- Сгибнев А. Большой Камчатский наряд (Экспедиция Елчина). «Морской сборник», 1868, т. XCIX, № 12.
- Сгибнев А. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией с XVIII и начале XIX столетий. «Морской сборник», 1869а, т. C, № 1.
- Сгибнев А. С. Экспедиция Шестакова. «Морской сборник», 1869б, т. C, № 2.
- Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. «Морской сборник», 1869в, т. CI, № 4, т. CII, № 6.
- Сгибнев А. Охотский порт с 1649 по 1852 г. (Исторический очерк). «Морской сборник», 1869г, т. CV, № 11.
- Сгибнев А. С. Байкал и его судоходство. «Морской сборник», 1870, т. CVIII № 5.
- Семенов А. В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. Ч. 1. СПб., 1859.
- Сенатский архив, т. VIII. Протоколы правительствующего Сената 1750, 1751 и 1752 гг. СПб., 1897; т. IX Протоколы... 1753—1756 гг. СПб., 1901.
- Сербина К. Н. Введение к кн. «Книга Большому чертежу». М.—Л., 1950.
- Сергеев М. А. Курильские острова. М., 1947.
- Симон Ф. Лесистая часть Общего Сырта. «Изв. Оренбург. отд. Русск. геогр. об-ва», 1897, вып. 10.
- Смирнов С. К. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855.
- Сноу (каштан). Курильская гряда. Перев. с англ. «Зап. Об-ва изуч. Амурск. края», т. VIII, вып. 1. Владивосток, 1902.
- Содержание ученых рассуждений Академии наук, изданных в первом томе Новых комментариев. СПб., б/г.
- Содержание ученых рассуждений Академии наук, изданных во втором томе Новых комментариев. СПб., б/г.
- Соймонов Ф. Экстракт штурманского искусства из наук, принадлежащих к мореплаванию, сочиненный в вопросах и ответах для пользы и безопасности мореплавания. СПб., 1739.
- Соймонов Ф. Древняя пословица: Сибирь — золотое дно. «Сочинения и переводы, к пользе и увесел. служащие», 1761, т. XIV, ноябрь.

- Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого. «Ежемес. сочинения и известия о ученых делах», 1763, т. XVII, генварь — июнь; т. XVIII в. июль — ноябрь.
- Соймонов Ф. Продолжение о древней пословице: Сибирь — золотое дно. «Ежемес. сочинения и известия о ученых делах», 1764, т. XIX, январь.
- Соколов А. Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова 1765 и 1766 года. «Зап. Гидрогр. департамента», ч. 5. СПб., 1847.
- Соколов А. Изменение уровня Каспийского моря. «Зап. Гидрогр. департамента», ч. 6. СПб., 1848.
- [Соколов А.] Карта. В ст.: «Берег Ледовитого моря...». «Зап. Гидрогр. департамента», ч. 9. СПб., 1851а.
- Соколов А. Берег Ледовитого моря между рек Оби и Оленека. По съемке 1734—42 г. Записки лейтенанта Х. П. Лаптева и замечания других описателей. Там же, 1851б.
- Соколов А. Северная экспедиция 1733—43 года. Там же, 1851в.
- Соколов А. Назначение первой Беринговой экспедиции. Там же, 1851 г.
- Соколов А. Первый поход русских к Америке, 1732 года. Там же, 1851д.
- Соколов А. Таймырский полуостров. Сведения о нем, собранные за 100 лет. «Вестн. Русск. геогр. об-ва», 1851е, ч. 1, кн. 2.
- [Соколов А.] Западный берег Камчатки, по описям Ушакова и Елистратова 1742 и 1787 гг. «Зап. Гидрогр. департамента», ч. 10. СПб., 1852а.
- Соколов А. Описи Каспийского моря, с начала осмнадцатого века по настоящее время. Там же, 1852б.
- [Соколов А.] Река Анадырь, по описям Лаптева и Плениснера, 1742 и 1763 г. Там же, 1852в.
- [Соколов А.] Карта Чукотской земли, составленная Плениснером в 1763 г. Там же, 1852 г.
- [Соколов А.] Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницина и Левашова (1764—1769 гг.). Там же, 1852д.
- [Соколов А.] Экспедиция на Медвежьих острова, сержанта Андреева. 1763—4 г. Там же, 1852е.
- Соколов А. Примечания к описанию Северной экспедиции 1733—1743 гг., напечатанному в IX томе Записок Гидрографического департамента. «Морской сборник», 1865, т. 25, № 3, раздел «Смесь».
- Соколов А. Русская морская библиотека (1701—1851). СПб., 1883.
- Соловьев М. С. Указатель к «Истории России с древнейших времен». СПб., б/г.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 4 и 5. Изд. 2-е. СПб., б/г.
- Спасский Г. История плаваний россиян из рек сибирских в Ледовитое море. «Сибирский вестник», 1822, ч. 19.
- Спасский Г. Монах Игнатий Козыревский. «Сибирский вестник», 1823, ч. II, отд. «Биографии».
- ✓ Спасский Г. Вл. Атласов — покоритель Камчатки. «Вестн. Русск. геогр. об-ва», 1857, ч. 24, кн. 12.
- Спасский М. Ф. Речь об успехах метеорологии. В кн.: «М. Ф. Спасский и П. И. Строев. Избранные работы по физике атмосферы». М.—Л., 1951.
- Спафарий Н. Г. Описание первой части вселенной именуемой Азии, в ней состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями. Казань, 1910.
- Стебницкий И. И. Первая известная оригинальная русская карта Европейской России. «Изв. Русск. геогр. об-ва», 1889, т. XXV, вып. 1.
- Стеллер Г. В. Из Камчатки в Америку (Von Kamtschatka nach Amerika). Быт и нравы камчадалов в XVII в. Л., (1928).
- Степанов А. Енисейская губерния. Ч. 1 и 2. СПб., 1835.
- Степанов В. Н. О существовании гипотетических земель Санякова и Андреева. В кн.: «Тр. Второго Всесоюз. геогр. съезда», т. 1. М., 1948.
- Степанов Н. Н. С. П. Крашенинников как историк Камчатки. «Сов. север», 1939, № 2.
- Степанов Н. Н. Первая экспедиция русских на Тихий океан. «Изв. ВГО», 1943, т. 75, вып. 2.
- Степанов Н. Н. Степан Петрович Крашенинников... В кн.: «С. П. Крашенинников. Описание Земли Камчатки». М.—Л., 1949.
- Степанов Н. Н. Первая русская экспедиция на Охотское побережье в XVII веке. «Изв. ВГО», 1958, т. 90, вып. 5.
- Струве В. Я. Обзор географических работ в России. «Зап. Русск. геогр. об-ва», кн. 1. СПб., 1846.
- Струве В. Я. Дуга меридиана в 25°20' между Дунаем и Ледовитым морем, измеренная с 1816 по 1855 год. т. 1. СПб., 1861.

- Струве О. В. Об услугах, оказанных Петром Великим математической географии России. «Зап. Ак. наук», т. XXI, кн. 1. СПб., 1872.
- Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. Т. I. М., 1954.
- Суворов Е. К. Камандорские острова и пушной промысел на них. СПб., 1912.
- Сумгин М. К истории изучения вечной мерзлоты почвы в пределах СССР. «Северная Азия», 1926, кн. 3.
- Сыскное дело 1697 года о дороге в Хиву. «Русский архив», год пятый. 1867, вып. 3.
- Танфильев Г. И. География России. Ч. 2. Введение. Одесса, 1916.
- Татищев В. Н. История российская с самых древнейших времен, кн. 1, ч. 1. М., 1768; ч. 2, 1769.
- Татищев В. Н. Духовная, сочиненная в 1733 г. сыну Евграфу Васильевичу. СПб., 1773.
- [Татищев В. Н.] Примечания к «Правде русской и Судебнику царя и великого князя Ивана Васильевича». Продолжение Древней Российской Вивлиофики, ч. I. СПб., 1786.
- Татищев В. Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской... Т. II и III. СПб., 1793.
- Татищев В. Н. Избранные труды по географии. М., 1950.
- [Тобеньков М. Д.] Гидрографические замечания к Атласу северо-западных берегов Америки, островов Алеутских и некоторых других мест Северного Тихого Океана. СПб., 1852.
- Титов А. Сибирь в XVII в. Сб. старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.
- Тихомиров И. Деятельность М. Ломоносова в области географии России. «Ж. М-ва народн. просв.», 1915, ч. 56, январь, апрель.
- Толстой Д. А. Академический университет в XVIII столетии. СПб., 1885.
- Торжество Академии Наук на вожденный день тезоименитства... Елизаветы Петровны... сентября 6-го дня 1750 года. СПб., 1750.
- Троицкий В. Д. Роща Камчатской пихты и физико-географические условия района ее окружающего. «Изв. ВГО», 1941, т. 73, вып. 3.
- Ураносов А. А. К истории составления «Книги Большому чертежу». «Вопр. истории, естествозн. и техн.», 1957, вып. 4.
- Ученые и литературные труды А. П. Соколова. В кн.: «А. П. Соколов. Русская морская библиотека 1701—1851 гг.». СПб., 1883.
- Федоров Е. К. «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» Ломоносова и современное представление об атмосферном электричестве. «Изв. АН СССР, серия геогр. и геофиз.», 1950, т. XIV, № 1.
- Фель С. Е. Петровские геодезисты и их участие в создании русской картографии XVIII века. «Вопр. геогр.», 1950а, сб. 17.
- Фель С. Е. Интересная находка. Новая страница в истории русской географии. «Вокруг света», 1950б, № 11.
- Фель С. Е. Новое о деятельности И. К. Кирилова. «Тр. Ин-та истории естествозн. и техн.», т. 9. М., Изд-во АН СССР, 1957.
- Фрадкин Н. Г. Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России в 1768—1773 гг. Изд. 2. М., 1953.
- Фролов Н. Г. Материалы для истории северных путешествий, в особенности путешествий на северо-востоке Азии и на северо-западе Америки. «Магазин землевед. и путешествий». Географический сборник, изд. Н. Фроловым, т. IV, ч. 1, М., 1855.
- Хабаров А. В. Очерки по истории геологоразведочных знаний в России. «Матер. для истории геологии», ч. 1. М., 1950.
- [Хабаров А. В.] Примечания. В кн. «М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений». Т. 5. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954.
- Ханыков Я. В. О карте Миллерова маршрута от Орска до Зюнгорских владений и обратно. «Геогр. известия, изд. Русск. геогр. об-вом». СПб., 1850а, октябрь-декабрь.
- Ханыков Я. В. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. Там же, 1850б.
- Ханыков Я. В. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году. «Вестн. Русск. геогр. об-ва», 1851а, ч. 1.
- Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями. «Зап. Русск. геогр. об-ва», кн. 5. СПб., 1851б.
- Хмызников П. К. О размыте берегов в море Лаптевых «Северный морской путь». Сб. статей по гидрогр. и мореплаванию, вып. 7. Л., 1937.
- Хмыров М. Д. Фельдцейхмейстерство графа Миниха (1729—1735). В кн.: «Записки фельдмаршала графа Миниха» («Зап. иностранцев о России в XVIII столетии»). СПб., 1874.

- Хргян А. Х. Очерки развития метеорологии. Л., 1948.
- Хргян А. Х. Геофизические исследования русских ученых XVIII—XIX вв. В кн.: «М. Ф. Спасский и П. И. Страхов. Избранные работы по физике атмосферы». М.—Л., 1951.
- Чеботарев Х. А. Географическое методическое описание Российской империи. СПб., 1776.
- Черненко М. Б. Путешествия по Чукотской Земле и плавания на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг. «Летопись Севера». Т. 2. М., 1957.
- Черников А. Из истории изучения Арктики (Неопубликованная карта «Секретному войску» к Медвежьим островам в 1769 г.). В кн.: «Архив истории науки и техники», вып. 9. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936.
- Чулков М. Историческое описание Российской коммерции..., т. III, кн. II. СПб., 1785.
- Шафрановский К. И. Атлас Каспийского моря Ф. И. Соимонова в библиотеке Академии наук СССР. «Изв. ВГО», 1952, т. 84, вып. 1.
- Шафрановский К. И. Рукописные карты Каспийского моря Ф. И. Соимонова. В кн.: «Географический сборник», т. III, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954.
- Шафрановский К. И., Княжецкая Е. А. Карты Каспийского и Аральского морей, составленные в результате экспедиции Александра Бековича-Черкасского 1715 года. «Изв. ВГО», 1952, т. 84, вып. 6.
- Шахматов А. А. Повесть временных лет. т. 1. Пг., 1916.
- Шибанов Ф. А. «Большой чертеж», или первая оригинальная карта Московского государства. «Вестн. Ленингр. ун-та», 1947, № 5.
- Шибанов Ф. А. Пионер русской полевой астрономии А. Д. Красильников. «Уч. зап. ЛГУ», № 226. Серия геогр. наук, вып. 12, 1958а.
- Шибанов Ф. А. Русская полевая астрономия в XVIII в. Там же, 1958б.
- Шокальский Ю. М. «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию». В кн.: «Труды Ломоносова в области естественно-исторических наук». СПб., 1911.
- Штели Я. В. Краткое известие о новоизобретенном Северном архипелаге. «Географический месяцеслов на 1774 год».
- Щеглов И. А. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 гг. Иркутск, 1883.
- Щукина П. М. Как создавалась карта центральной Азии. Работы русских последователей XIX и начала XX в. М., 1955.
- Щукинский сборник, вып. 5. Изд. отделения Росс. истор. музея им. Александра III — Музей П. И. Щукина. М., 1906.
- Эвальд Б. Каталог атласов и карт, хранящихся в депо морских карт и книг Главного гидрографического управления Морского министерства. Ч. 2. Пг., 1917.
- Экспедиция Беринга. Сб. документов. Подг. к печати А. Покровский. М., 1941.
- Эпинус Ф. Рассуждение о разделении теплоты по земному шару..., в Собрании Санктпетербургской Академии наук 1761 года, сентября 6 числа, читанное на латинском языке. СПб., 1761.
- Эпинус Ф. Рассуждение о воздушных явлениях..., читанное в Публичном собрании Академии наук июля 2 дня 1763 года. СПб., б/г.
- Эпинус Ф. Примечания в кн. Г. Крафта «Руководство к математической и физической географии...» СПб., 1764.
- Якутия в XVII в. (Очерки). Сб. под ред. С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. Якутск, 1953.
- Яников Г. В. Великая северная экспедиция. М., 1949.
- Яцунский В. К. Историческая география. М., Изд-во АН СССР, 1955.
- Adelung J. Ch. Geschichte der Schiffahrten und Versuche, welche zur Entdeckung des nordöstlichen Weges nach Japan und China von verschiedenen Nationen unternommen worden, Halle, 1768.
- [Anville J. B. d']. Lettre de monsieur d'Anville, géographe ordinaire du roy, au r. p. Castel Jesuite, au sujet des pays de Kamchatka et de Jeco et reponse du r. p. Castel. Paris, 1737a.
- Anville J. B. d'. Nouvel atlas de la Chine, de la Tartarie chinoise et du Tibet... La Haye, 1737b.
- Argow Smith A. Atlas of modern geography... for the use of schools. London, 1837.
- Baer K. E. Untersuchungen über die ehemalige Verbreitung und die gänzliche Vertilgung der von Steller beobachteten nördlichen Seekuh. Mém. Acad. imp. Sci. SPb., Sér 6, Sci. natur., t. 3, l. 1 et 2, 1840 (1839).
- Baer K. E. Neueste Nachrichten über die nördlichste Gegend von Sibirien, zwischen den Flüssen Pjässida und Chatanga В кн.: «Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches», Bd. IV, SPb., 1841.

- Baer K. E. Das neuentdeckte Vrangells-Land. Dorpat, 1868.
- Bagrow L. Die Priorität der Entdeckung des Amurs, des Tatarischen Golfs und der Insel Sachalin. Jamato, 1931, H. 2—3.
- Bagrow L. Sparwenfeld's map of Siberia. *Imago mundi*, vol. IV. Stockholm, 1947.
- Bagrow L. The Vitus Bering first voyage maps. *Geogr. tidsskr.*, 1948—1949, Bd. 49.
- Bagrow L. The Vitus Bering first voyage maps. *Anecdota cartographica*, vol. IV. Copenhagen, 1950.
- Bagrow L. Die Geschichte der Kartographie. Berlin, 1951.
- Bagrow L. The first russian maps of Siberia and their influence on the West-European cartography of NE Asia. *Imago mundi*, vol. IX. Stockholm, 1952.
- Bagrow L. Semyon Remezov — a Siberian cartographer. *Imago mundi*, vol. XI. Stockholm, 1954.
- Bagrow L. The atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. *Imago mundi*, Suppl. I. The Hague, 1958.
- Bancroft H. H. The works. Vol. 33. History of Alaska 1730—1885. San Francisco, 1886.
- Bertholf R. Note to accompany the chart of the voyage of Bering and Chirikov from Kamchatka to the Alaskan coast and return, 1741. В кн.: F. A. Golder. Bering's voyages. Vol. 1. N. Y., 1922.
- Björkbohm C. Two Bering maps in the Royal Library at Stockholm. *Ethnos*, 1941, vol. VI, № 3—4.
- Braun J. A. Observationes meteorologicae octo annorum in diversis Sibiriae locis ab anno MDCCXXXIV ad annum MDCCXLI factae. *Novi commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae*, t. VI. Petropoli, 1761.
- Braunius J. A. Observationes meteorologicae annorum MDCCXLIV — MDCCXLVII. *Novi commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae*. T. IV (1752—1753). Petropoli, 1758.
- Braunius J. A. Observationes meteorologicae anni MDCCXLIV Tiumeni, Turinii, Verchoturiae et Solicamii in itinere potissimum a Gmelino institutae. *Novi commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae*. T. XI, Petropoli, 1767.
- Breitfuss L. Early maps of North-Eastern Asia and of the lands around the Nord Pacific. *Imago mundi*, vol. III. London, 1939.
- Brückner E. Klimaschwankungen seit 1700 nebst Bemerkungen über die Klimaschwankungen der Diluvialzeit. (Geogr. Abhandlungen, hrsg. von A. Penck, Bd. 4, H. 2). Wien — Olmütz, 1890.
- Brué A. Atlas universel de géographie physique, politique, ancienne et moderne... Paris, 1838.
- Buache Ph. Considérations géographiques et physiques sur les nouvelles découvertes au Nord de la Grande Mer, appelée vulgairement la Mer du Sud. Paris, 1753.
- Buffon G. de. Histoire naturelle. T. 1. Matières générales. Paris, 1799.
- Buffon G. de. Des époques de la nature. *Oeuvres complètes*. T. 1. Paris, 1842.
- Büsching A. Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geographischen, statistischen und historischen Büchern und Sachen. Zweiter Jahrgang. Berlin, 1774.
- Büsching A. Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, insonderheit gelehrter Männer. T. III. Halle, 1785.
- Cahen G. Les cartes de la Sibérie au XVIII-me siècle. Extrait des nouvelles archives des missions scientifiques et littéraires. n. s., fasc. 1. Paris, 1911.
- Cook J. and King J. A voyage to the Pacific Ocean. Vol. II. London, 1785.
- Coxe W. Account of the russian discoveries between Asia and America. London, 1780.
- Dall W. A critical review of Berings first expedition 1725—1730. *Nat. geogr. mag.*, 1890, vol. 2, № 2.
- Eichwald E. Alte Geographie des Caspischen Meeres, des Kaukasus und des südlichen Rußlands. Bd. 2. Berlin, 1838.
- Engel S. Geographische und kritische Nachrichten und Anmerkungen über die Lage der nördlichen Gegenden von Asien und Amerika. *Mietau — Leipzig*, 1772.
- Fischer J. E. J. Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens... ans Licht gestellt von Johann Eberhard Fischer. Th. 1, SPb., 1768.
- Gärber J. Von dem Dorfe Kubechah auf den Caucasischen Gebirgen gelegen. В кн.: «Sammlung Russischer Geschichte», Bd. II, SPb., 1736, St. 1.
- Georgi J. G. Geographisch-physikalische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reiches. T. 1. Königsberg, 1797.
- Gmelin J. G. Flora sibirica, sive historia plantarum Sibiriae. Th. 1—4. Petropoli, 1747, 1749, 1768 et 1769.
- Gmelin J. G. Reise durch Sibirien. Th. 1, Göttingen, 1751; Th. 2—4, 1752.
- Golder F. A. Russian expansion on the Pacific, 1641—1850. Cleveland, 1914.
- Golder F. A. Bering's voyages. Vol. 1. N — Y, 1922; vol. 2, 1925.
- Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen... Bd. I. Göttingen, 1766.

- Gradmann R. Leben und Bedeutung Johann Georg Gmelins. В кн.: «Johann Georg Gmelin. Ein Gedenkbuch». München, 1911.
- [Halde J. B. du]. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine, et de la Tartarie Chinoise. Vol. IV. Paris, 1735.
- Hanway J. An historical account of the british trade over the Caspian Sea. London, 1754.
- Harris J. Navigantium atque itinerarium Bibliotheca or a complete collection of voyages and travels. Vol. II. London, 1764.
- Histoire de l'Academie royale des sciences. Année 1720. Paris, 1722. То же. Année, 1725. Paris, 1727.
- Histoire généalogique des Tatars par D^r. Leyde, 1726.
- J. L. S. [псевдоним]. Neue Nachrichten von den neuentdeckten Insuln in der See zwischen Asien und Amerika. Hamburg — Leipzig, 1776.
- Imago mundi, vol. IX. Stockholm, 1952.
- Junker G. Von der natürlichen Beschaffenheit der Gegenden zwischen den Flüssen Don und Dnjepr. В кн.: «Sammlung Russischer Geschichte», Bd. IX, St. 1, SPb., 1764.
- Kaempfer E. The history of Japan. Vol. I a. III. Glasgow, 1906.
- Keuning J. Nicolaas Witsen as a cartographer. Imago mundi, vol. XI, Stockholm, 1954.
- Lauridsen P. Vitus Bering: the discoverer of Bering Strait. Chicago, 1889.
- Lerche J. Eine kurze Beschreibung von der Lebensart der Wolgischen Calmucken. В кн.: «Sammlung Russischer Geschichte», Bd. IV. St. 1 u. 2. SPb., 1760.
- Lerche J. Anmerkungen über Herrn Dr. Schobers Memorabilia Russico-Asiatica zu Anfange dieses Bandes. В кн.: «Sammlung Russischer Geschichte», Bd. VII, St. 5. u. 6, SPb., 1763.
- Lerche J. Lebens- und Reise-Geschichte von ihm selbst beschrieben und mit Anmerkungen und Zusätzen, hrsg. von d-r A. F. Büsching. Halle, 1791.
- Leyst E. Katalog der meteorologischen Beobachtungen in Russland und Finnland. Vierter Supplementband zum Repertorium für Meteorologie. SPb., 1887.
- L'Isle G. de. Lettre sur la question si le Japon est une ile. Recueil de voyages au Nord, v. IV. Amsterdam, 1732.
- L'Isle J. de. Nouvelles cartes des découvertes de l'amiral de Fonte. В кн.: «Ph. Buache. Considérations. géographiques et physiques...», Paris, 1753.
- Martinière A. A. (Bruzen de la). Le rand dictionnaire géographique et critique. T. IV. Paris, 1732.
- Maydell G. Reisen und Forschungen im Yakutskischen Gebiet Ostsibiriens. Th. 1 u. 2. SPb., 1893 u. 1896.
- Mémoires originaux sur la circulation générale de l'atmosphère, annotés et commentés par M. Brillouin. Paris, 1900.
- Middendorff A. Bericht über die Expedition in das nordöstliche Sibirien während der Sommerhälfte des Jahres 1843. Bull. cl. phys.-mathém. Acad. imp. Sci. SPb., ser. 2, t. III. SPb.—Leipzig, 1845.
- Middendorff A. Karten-Atlas zu Reise in den äußersten Norden und Osten Sibiriens. SPb., 1859.
- Müller G. Lettre d'un officier de la marine Russe... Nouvelle Bibliothèque germanique, ou histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse et des Pays du Nord par m. Samuel Formey. T. XIII, p. 1. Amsterdam. 1753.
- Müller G. Nachrichten von Seereisen und zur See gemachten Entdeckungen... В кн.: «Sammlung Russischer Geschichte», Bd. III, St. 1—3. SPb., 1758.
- Müller G. Aufgaben. В кн.: «Sammlung Russischer Geschichte», Bd. IX, St. 1, SPb., 1764.
- Müller G. Nachrichten von dem Amur-Flusse, aufgesetzt im Anfang des 1741-ten Jahres. Magazin für die neue Historie und Geographie, Th. 2. Hamburg, 1769.
- Müller G. Geographie und Verfassung von Kamtschatka. В кн.: G. Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt — Leipzig, 1774.
- Müller G. Nachrichten von den neuesten Schiffarten im Eismeer und in der Kamtschatkischen See seit dem Jahr 1742... Neue nordische Beiträge, Bd. 5, 1793.
- Müller G. Unterricht, was bei Beschreibung der Völker, absonderlich der Sibirischen in Acht zu nehmen. В кн.: «Сб. Музея по антропологии и этнографии при имп. Академии наук» вып. 1. СПб., 1900.
- Nachrichten von Liefland. В кн.: «Sammlung Russischer Geschichte». Bd. IX, St. 1. SPb., 1764.
- Nachod O. Ein unentdecktes Goldland. Ein Beitrag zur Geschichte der Entdeckungen im Nördlichen Großen Ocean. Tokyo, 1900.
- Nordenskjöld A. Samling av gamla kartor öfver Ryska Riket. Stockholm, 1892.
- Nordenskjöld A. Periplus. Stockholm, 1897.

- Oude en Nieuwe Staat van't Russische of Moskovische Keiserryk, behelzende eene uitvoerige Historie van Russland en dezells groot-vorsten... D. 1. Utrecht, 1744.
- Pallas P. Besondere Nachrichten über die tschuktschische Landspitze und benachbarte Inseln. В кн.: «Neue Nordische Beiträge», Bd. 1, St. 2. SPb.—Leipzig, 1781a.
- Pallas P. Erläuterungen über die im Östlichen Ocean zwischen Sibirien und Amerika geschehenen Entdeckungen. Там же, 1781b.
- Pallas P. Tagebuch einer von den Geodesisten Andrejef, Leontief und Lyssof nach den gegen Kowynische Mündung im Eismeer gelegenen Bäreninseln auf dem Eise geschehenen Entdeckungsreise nebst einer Beschreibung dieser Inseln. Там же, 1781b.
- Pallas P. Geographische Beschreibung des Anadyrflusses. Там же, 1781r.
- Pallas P. Nachricht von Messerschmidt siebenjährigen Reise in Siberia. Neue nordische Beiträge. Bd. 3, 1782.
- [Pallas P.]. Flora Rossica seu stirpium Imperii Rossici per Europam et Asiam indigenarum descriptiones et icones. Ed. P. S. Pallas. T. 1, p. 1. Petropoli, 1784.
- Peschel O. Geschichte der Erdkunde (Geschichte der Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit, Bd. IV). München, 1865.
- Plieninger G. Joannis Georgii Gmelini reliquias quae supersunt commercii epistolici cum Carolo Linnaeo, Alberto Hallero Stuttgartiae, 1861.
- Poppe N. Renat's Kalmuck maps. Imago mundi, vol. XII, Stockholm, 1955.
- Reclus E. La terre. T. 1. Ed. 2, Paris, 1870.
- Recueil de voyages au Nord. T. IV. Amsterdam, 1718; t. VIII, 1727.
- Relation de la découverte de la terre de Jesso, ou d'Eso, au Nord du Japon, par le vaisseau Castricom en 1643. Traduite du hollandois. В кн.: «Recueil des voyages au Nord. T. IV. Amsterdam, 1732.
- Sauer M. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern part of Russia... London, 1802.
- Robertson W. L'histoire de l'Amérique. T. 1 et 2. Paris, 1780.
- Saussure H. B. de. Voyages dans les Alpes, précédés d'un essai sur l'histoire naturelle des environs de Geneve. Vol. I. Neuchatel, 1779.
- Schlezer A. L. Allgemeine nordische Geschichte. Halle, 1771.
- Schober G. Auszug aus Memorabilia Russico-Asiatica. В кн.: «Sammlung Russischer Geschichte», Bd. VII, St. 1—2. SPb., 1762.
- Schubert T. F. de. Exposé des travaux astronomiques et géodésiques exécutés en Russie dans un but géographique jusqu'à l'année 1855. SPb., 1858.
- Skelton R. A. Explorer's maps. Geogr. Mag., 1953, vol. 26, № 3.
- Stejneger L. An early account of Bering's voyages. Geogr. Rev., 1934a, vol. 24, № 4.
- Stejneger L. Who was J. L. S.? Libr. Quart., 1934b, vol. IV, № 2.
- Stejneger L. Georg Wilhelm Steller — the pioneer of Alaskan natural history. Cambridge, Mass., 1936.
- Steller G. W. De bestiis marinis. Novi commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae. T. II. Petropoli, 1751.
- Steller G. W. Observationes generales universam historiam piscium concernentes. Novi commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae. T. III. Petropoli, 1753a.
- Steller G. W. Beschreibung des Manati oder der sogenannten Seekuh...; Beschreibung des... Seebäres; Beschreibung des Seelöwen; Beschreibung der Meerotter. Hamburgisches Magazin», Bd. IX, St. 2, 3, 5, 1753b.
- Steller G. W. Observationes quaedam nidos et ova avium concernentes. Novi commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae. T. IV. Petropoli, 1758.
- Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten. Frankfurt — Leipzig, 1774.
- Steller G. W. Topographische und physikalische Beschreibung der Beringinsel, welche im östlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt. В кн.: «Neue nordische Beiträge», Bd. II. SPb.—Leipzig, 1781.
- Steller G. W. Tagebuch seiner Seereise aus dem Petripauls Hafen in Kamtschatka bis an die westlichen Küsten von Amerika, und seiner Begebenheiten auf der Rückreise. В кн.: «Neue Nordische Beiträge», Bd. V, VI. SPb.—Leipzig, 1793.
- Steller G. W. Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Commandeur-Capitän Bering. SPb., 1793.
- [Strahlenberg Ph.]. Vorbericht eines zum Druck verfertigten Werkes von der Großen Tartarey und dem Königreiche Sibirien mit einem Anhang von Groß-Rußland. Stockholm, 1726.

- Strahlenberg Ph. Das Nord- und östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.
- Teleki P. Atlas zur Geschichte der Kartographie der Japanischen Inseln. Budapest, 1909.
- Tilesius von Tilenau W. G. Iconum et descriptionum piscium Camtschaticorum continuatio tertia, tentamen monographiae generis Agoni Blochiani sistens. Mém. Acad. imp. Sci. SPb., sér. 5, t. IV, 1813.
- Trautvetter E. R. Grundriß einer Geschichte der Botanik in Bezug auf Rußland. SPb., 1837.
- Vaugondy de R. Mémoires sur les pays de l'Asie et de l'Amérique, situées au Nord de la Mer du Sud. Paris, 1744.
- [Vaugondy de R.] Lettre de m. Robert de Vaugondy à M... au sujet d'une carte systématique des pays septentrionaux de l'Asie et de l'Amérique. Paris, 1768.
- [Walch J. G.] Philosophisches Lexicon..., hrsg. von J. G. Walch. Leipzig, 1740.
- Watson W. A comparasion of different thermometrical observations in Siberia. Philos. trans., vol. 48, 1754, p. 1.
- Weber F. Des veränderten Rußlands dritter Theil. Hannover, 1740.
- Weiland C. Großer allgemeiner Hand-Atlas der ganzen Erde in 60 Charten. Weimar, 1823—1833.
- [Ch. Winsheim.] Kurzgefaßte politische Geographie zur Erläuterung eines kleinen in russischer Sprache publizierten Atlas entworfen bei der Kayserlichen Academie der Wissenschaften. SPb., 1745.
- Zittel K. A. Geschichte der Geologie und Paläontologie bis Ende des 19 Jahrhunderts. (Geschichte der Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit, Bd. XXIII). München — Leipzig, 1899.
-

**ПРИНЯТЫЕ В ТЕКСТЕ УСЛОВНЫЕ
СОКРАЩЕНИЯ**

- АВПР МИД СССР — Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР
- ВГО — Всесоюзное географическое общество
- ВУА — Военно-ученый архив
- ЛОИИ — Ленинградский отдел Института истории
- МАН — Материалы для истории Академии наук
- МРФ — Материалы для истории русского флота
- МГА МИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
- ЦГА ВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского Флота
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
- ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
-

**УКАЗАТЕЛЬ
ВАЖНЕЙШИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН**

- Абулхаир 217, 218—220, 376
Аврамов И. В. 299, 387
Аделунг И. (Adelung) 53
Адогуров В. Е. 388
Александров Б. В. 373, 375
Алексеев А. 387
Алексеев М. П. 334, 351, 378
Алексеев Федот см. Ф. А. Попов
Амосов Ф. 197
Амундсен Р. 93, 301, 354
Анвиль де (d'Anville) 43, 44, 228, 265, 344, 376
Андреев А. И. 8, 12, 13, 19, 20, 38, 45, 56, 63, 67, 70, вкл. между 124 и 125, 126—128, 136, 137, 142, 144, 145, 147, 148, 160, 161, 164, 166, 168, 169, 185, 244, 248, 266, 267, 277—279, 284, 286, 287, 299, 325, 334, 336—339, 341, 343—347, 351, 357, 360, 362, 365, 368—370, 374, 375, 381—383
Андреев С. 197—202, 210, 212, 372—375
Анжу П. Ф. 199, 373
Анучин Д. Н. 147, 302, 313
Апраксин Ф. М. 23, 24, 246, 336, 339, 340
Арапов 25, 295, 336
Арроусмит (Arrowsmith) 169
Арсеньев Ю. В. 381
Атласов В. 8—10, 273, 280, 323, 334
Афонин М. А. 314
Багров Л. С. (Bagrow) 32, 41, 42, 227, 236, 239, 244—246, 249, 254, 334, 339, 342—345, 377, 378, 381
Бадигин К. С. 197—201, 210, 373, 374
Базанов А. Г. 152
Байер Г. 142, 227, 324
Байков Ф. И. 328
Бакланова Н. А. 136, 137, 286, 287
Бакмейстер Л. И. 298, 299, 384
Банкрофт Г. (Bancroft) 184, 371
Бантыш-Каменский Н. Н. 64, 190, 249, 250, 384, 388
Баренц В. 301, 323
Барнет 307
Баскаков Д. 22, 86, 249, 250
Баскин С. И. 335, 336
Басов Е. С. 171, 172, 174, 175, 182, 370
Басгиан А. 147
Бахов Н. Г. 188—191, 205, 206, 210, 369, 370, 373
Бахрушин С. В. 134, 333
Башмаков П. 176, 177, 180, 371
Бегичев Н. А. 84, 353
Безобразов Д. 240
Бейдон А. И. 244, 249
Бейкер Д. 7
Бекенштейн 319
Бекетов П. 7
Бекович-Черкасский А. 215, 219, 236, 328, 377
Бекон Ф. 386
Белл Д. 231
Беллини Ж. 58
Белов М. И. 7—9, 23, 40, 45, 54, 72—77, 80, 83, 89, 96, 97, 99, 162, 166, 169, 188, 189, 191—194, 196, 198, 200, 201, 205, 242, 244, 334, 341, 342, 346—354, 367—369, 372—375, 378
Беневени Ф. 216
Берг Л. С. 20, 36, 50, 51, 93, 101, 103, 112, 115, 116, 120—122, 138, 147, 155, 156, 177, 181, 182, 185, 189, 200, 220, 234, 236, 283, 303, 304, 333—335, 337, 339, 340, 342, 343, 345, 347, 353, 355, 358, 359, 366, 367, 369, 370, 374—377
Бергман Р. 316, 387
Березин Г. 10
Беринг В. 9, 21—27, 30, 32—36, 38, 39, 41, 43, 44, 48—50, 55—57, 60—71, 76, 77, 79, 83, 86—88, 99, 100, 105, 106, 109—116, 121, 122, 124, 130, 132, 133, 137, 150, 151, 159—162, 164, 168, 174, 177, 181, 183, 185, 187, 188, 197, 205, 273, 280, 301, 321, 323, 334—336, 339—344, 346, 348—358, 360, 368
Беркан И. 130, 149
Берков П. Н. 319, 320
Бернулли Д. 62
Бертгольф Р. (Bertholf) 112, 117
Берх В. Н. 23, 30—33, 37, 38, 48, 176, 180—182, 185, 190, 200, 202, 241, 305, 307, 327, 336, 339—341, 368—372, 374, 384, 386
Бестужев Е. 242
Бечевин И. 180, 181, 371
Бибиков А. 251
Биллингс И. 193, 194, 199, 367, 374
Биллярский П. С. 265, 267—269, 299, 310, 325, 363, 381, 386, 387
Блюментрост Л. 16, 256, 257, 318, 344
Бобров Е. Г. 149
Бобынин В. В. 322
Богданов Е. А. 294

- Богданов М. А. 385
 Боднарский М. С. 246, 264, 345, 378, 379
 Болховитинов Е. (митрополит Евгений) 259, 326
 Бошлан Г. 265
 Борда Ж. 313
 Борисов М. 251
 Браин Фендрих 235
 Браун И. А. (Braun, Braunius) 314—317, 326, 384, 387
 Брейтфус Л. (Breitfuss) 163, 164, 168, 367
 Бриллиант В. А. 259
 Бриль А. 199, 210, 374
 Брюкнер И. (Brückner) 234, 262
 Брюе (Brüé) 169
 Брюс П. 237, 345
 Брюс Я. 23, 245, 260, 277, 340, 345, 382
 Буза Е. 321
 Буренин И. 305
 Бурханов В. 200
 Бутаков А. И. 376
 Бутин И. 10, 336, 370
 Бухгольц И. 216, 328
 Бухтеев А. 242
 Буш А. 10, 336, 337
 Бьеркбом К. (Björkbom) 343
 Бэр К. М. (Baer) 92, 200, 337—339, 354, 358
 Бюаш Ф. (Buache) 19, 46, 52, 108, 163, 165, 166, 301, 305, 340, 345, 367
 Бюэффон Ж. 164, 307, 326, 370, 386
 Бюшинг А. (Busching) 137, 145, 281, 365, 372, 375, 376, 388

 Вагин М. 202
 Ваксель С. 20, 66, 68, 109, 110, 112, 113, 116, 118—123, вкл. между 124 и 125, 129, 156, 164, 166, 168, 178, 189, 350, 355—360, 365
 Валуев И. 249, 250
 Вальтон В. 101, 102, 104, 106—108, 162, 354, 355, 368
 Вальх И. (Walch) 281
 Варениус Б. 281, 328, 384
 Васютинский П. 181, 184, 371
 Ватсон (Watson) 316
 Вахтин В. 24, 26, 27, 32, 33, 38, 42, 339—342
 Вахушти 262
 Вдовин И. С. 208, 374
 Вебер Х. (Weber) 23, 39, 381
 Вейланд (Weiland) 169
 Веймарн Г. 228, 230, 251—253
 Вельтман А. Ф. 314
 Вельяминов-Зернов К. В. 225
 Вениаминов И. Е. 120
 Венюков Н. 273
 Верден К. (Ван Верд, фон Верд) 22, 236—238, 260
 Веригин Ф. 213, 214
 Вернадский В. И. 303, 308, 309, 387
 Вертлюгов Ф. 185, 191, 192, 194—196, 205, 210, 212
 Верховуров П. 174
 Веселаго Ф. Ф. 157, 240, 242, 245, 378
 Веселовский Н. И. 222
 Весин Л. 329, 330

 Вид А. 243, 377
 Визе В. Ю. 199, 200, 340, 343, 347, 373
 Вилегин И. 197
 Вильд Г. 315
 Виниус А. 41, 42, 245, 334, 378
 Винков 242
 Винсгейм Х. (Winsheim) 259, 263, 264, 266, 271, 272, 279, 321, 323, 330, 340, 362, 380, 383, 388
 Витсен Н. 255, 266, 279, 323, 324, 343, 380
 Вогонди Р. (Vougondy) 108, 168, 169
 Воейков А. И. 304, 314
 Волынский А. П. 70, 71, 231, 377
 Вольтер Ф. 128, 147, 383
 Воробьев А. 371
 Воробьев И. Е. 199, 374
 Врангель Ф. П. 47, 91, 92, 99, 100, 193, 196, 199—201, 212, 327, 344, 354, 367, 368, 372, 373
 Всевидов А. 176
 Вудворд 307
 Вудруф Т. 238, 240
 Выродов 25, 336
 Выходцев М. Г. 76, 77, 80, 352
 Вятка Я. 197

 Г. С. см. Спасский Г. И.
 Гагарин М. П. 10, 338
 Гадлей Д. 310
 Газнус И. 36, 37, 41, 107, 261
 Галлей Э. 310
 Галофеев Л. 251
 Гальд Ж. дю (du Halde) 36, 41 вкл. между 42 и 43, 43, 339, 341, 342, 344
 Гама Жуан де 60, 162
 Гамель И. 227
 Гардеболь С. 46, 103, 349
 Гаррис Д. (Harris) 36, 107
 Гвоздев М. С. 46, 49—54, 108, 162, 196, 342, 345—347
 Геденштром М. 199, 212, 373
 Гейнзиус И. 263, 264, 321
 Гейнцельман И. 217, 218
 Гельмерсен Л. 197—199, 204, 374
 Генвей Д. (Hanway) 234, 238, 240
 Геннин В. де 212, 213, 375, 384
 Генс Я. 46, 48—50, 346, 369
 Георги И. Г. (Georgy) 339, 350
 Герасимов Д. 336
 Гербер И. 231—233, 235, 251, 272, 324, 327, 376
 Герберштейн С. 254
 Герритс Г. 243, 377, 378
 Герье В. 19
 Геснер К. 117, 358
 Геттон Д. 307
 Гладышев Д. 220, 222
 Глебов М. 333
 Глиноенский Н. П. 254
 Глотов С. Г. 177, 178, 180, 183—185, 305
 Гмелин И. (Gmelin) 16, 61, 62, 109, 130—135, 137—145, 148, 149, 151, 155, 157, 161, 280, 286, 315, 316, 319, 357, 360—363, 383, 384
 Гнучева В. Ф. 39, 61, 144, 149, 212, 256, 258, 259, 262—266, 268, 269, 272, 336,

- 338, 340, 344, 345, 348, 349, 366, 368,
369, 376, 380, 383, 386
Годунов П. И. 41, 244, 273, 334
Годунов Ф. Б. 377
Голдер Ф. (Golder) 22, 51, 58, 110—112,
116, 120, 122, 128, 148, 341, 344, 345,
348, 355—358, 360, 366—369
Голенищев-Кутузов И. Л. 360
Голиков И. И. 12, 184, 276, 336, 382
Голицын Н. В. 134
Голицын С. 234
Головин М. 74, 367
Головин Н. Ф. 57, 62, 64, 69, 70, 87, 96,
129, 137, 160, 348, 349, 351
Головин П. 333, 362
Головин Ф. А. 250
Головкин М. Г. 67, 382
Голубцов И. А. 243, 328
Гоман И. 9, 16, 27, 28, 30, 58, 254, 261,
335, 338, 344, 345
Гондус И. 254
Горин П. 372
Горланов А. П. 127, 130, 142, 144, 149
Горгер Д. 149
Горяилов Т. 48
Готье Ю. В. 352
Греков Б. Д. 298
Греков В. И. 191, 243
Греч И. М. 330
Григорьев А. А. 313
Григорьев Н. 225, 226
Грис М. 240
Гришов А. 266—268, 381
Гук Р. 307
Гулев И. 152
Гумбольдт А. 384
Гюбнер И. 279, 329, 330
- Давыдов Г. И. 120
Дагвилар М. 60, 367
Дауркин Н. 199, 203, 206, 208—210, 212,
374, 375
Девьер А. 346, 351
Дежнев С. И. 7—9, 21, 39, 86, 136, 148,
301, 334
Дезин П. фон 162, 367, 373
Декарт Р. 307
Декулон Д. 254, 261, 379
Делакроер Л. (де ла Кроер) 61, 87, 109,
110, 127, 130, 132, 133, 145, 149, 156,
157, 159, 163, 257, 349, 350, 366,
380
Деламартиньер Б. см. Мартиньер
Делиль Г. (de L'Isle) 19, 44, 58, 256
Делиль И. (de L'Isle) 16, 39, 41, 43, 46,
49, 52, 53, 57—62, 102, 107, 109—111,
157, 163—166, 168, 248, 249, 255—258,
260, 262, 263, 267, 280, 284, 285, 301,
343, 344, 348, 349, 366, 367, 379, 380
Делонг Д. (Лонг) 199, 304
Делюк Ж. 387
Деметьев А. М. 110, 125
Демидовы 153, 316, 382
Деопер 242
Дерхэм 314
Дивин В. А. 24, 50, 64, 108, 129, 342,
346, 348, 351, 366, 367
- Доброемыслов А. И. 217, 218, 226, 261
Долгоруков М. В. 46
Долл В. (Dall) 36
Долматов 237, 238
Дружинин П. 371
Друкорт А. 109
Дубровин М. 219, 220, 380
- Евгений (митрополит) см. Е. Болхови-
тинов
Евреинов И. М. 11—16, 18, 21, 22, 25,
42, 49, 58, 246, 260, 336—338, 344, 345
Евтеев О. А. 246, 247, 250, 336, 338, 379
Егерман Э. 169, 337, 354
Елагин И. Ф. 105, 108, 110, вкл. между
126 и 127, 127—129, 162
Елисеев А. А. 387
Елчин Я. А. 10, 11, 13, 335—337
Енисейский И. 12
Ефимов А. В. 8, 9, 12, 13, 20, 28, 29, 51—
53, 185, 195, 244, 250, 333—337, 340,
341, 343, 345, 347, 348, 367—371, 373,
375
Ефремов Ю. К. 354
- Жданко 260, 348
Жидовин 242
Жилкин И. 177, 372
Житков Б. М. 155
Жуков Ф. 176
- Заозерский А. И. 10
Зауер М. (Sauer) 193, 372
Зиновьев М. 9, 29, 30, 249, 250, 340
Зубкова З. Н. 177, 180, 370
Зубов Н. Н. 197—201, 210, 345, 348, 353,
373, 374
Зыбин А. 51, 152, 346
- Иванов А. (боцманмат) 122, 123
Иванов А. (геодезист) 130, 263
Иванов Л. 130
Иванов П. И. 247, 257, 378, 379
Игнатъев Р. Г. 296
Идес Избрант 42, 255, 343
Иноходцев П. Б. 237
Иофа Л. Е. 218, 379
Иохельсон В. И. 120
- Каан Г. (Cahen) 27, 30, 43, 159, 261, 340
Казимеров Л. 101, 104
Камшредон 336
Кан-Си 228, 229, 250, 260, 376
Кантемир Д. 231
Карамзин Н. М. 378
Карпатов В. 304
Касьянов В. 331
Квашнин Н. А. 381
Кейлен Ван 242
Кейнинг Я. (Keuning) 380
Кемпбел 36
Кешпен 294
Кемпфер Э. (Kaempfer) 58, 338, 378
Кинг Д. (King) 36, 42, 166
Киндяков И. 96, 98, 354
Киприянов В. О. 246, 380
Кирилов И. К. 9, 12, 16, 20, 21, 30, 41,

- 46, 56, 57, 61, 63, 64, 69, 107, 217, 218, 220, 246—249, 254—263, 268, 270, 272, 275—277, 279, 280, 290, 298, 328, 336, 337, 344, 375, 379, 380, 382—384
- Клавер Д. 242
- Клапрот 228
- Клепиков С. А. 259
- Клепшин А. 248, 378
- Княжецкая Е. А. 219, 377
- Кобелев И. 193, 194
- Кожин А. И. 236, 240
- Козыревский И. П. 9, вкл. между 9 и 10, 10, 16, 30, 46, 273, 327, 335—337, 345
- Кокс В. (Сохе) 184, 187, 194, 196, 202, 205, 212, 370, 372
- Колесников Г. П. 78, 352
- Колесов В. 335
- Колычев С. 340
- Коновалов Е. 197—199, 201
- Консетт Т. 314
- Копиевский 322
- Кордт В. А. 71, 256, 265, 334
- Корнилов А. К. 214, 300
- Коровин И. 371
- Корф И. 262
- Корчмин В. 380
- Косвен М. О. 342
- Косой А. И. 91
- Костомаров Н. И. 381
- Котельников С. С. 326
- Кочевщик Федот см. Ф. А. Попов
- Кошелев И. Н. 77, 78, 80, 367
- Красильников А. Д. 130, 157, 159, 263, 268, 364, 366
- Красильников В. 162, 185, 187, 189, 305, 368
- Красильников И. 218, 219, 222, 226, 270, вкл. между 270 и 271, 271, 292, 381, 385
- Красильников С. 176, 180
- Крафт Г. 313, 316, 318, 321, 328, 329, 388
- Крашенинников С. П. 8, 20, 130, 133, 138, 142—149, 153, 156, 164, 267, 272, 281, 286, 335—337, 346, 358, 361—365, 383, 384
- ✓ Креницын П. К. 180, 187, 305, 306
- Крестинин В. В. 214
- Крижанич Ю. 273, 274
- Кропоткин П. А. 301, 304, 314
- Крюйс К. 23, 240, 245, 314
- Кузаков 18
- Кузнецкий Б. 203
- Кук Д. (Cook) 36, 42, 147, 166, 187, 343, 386
- ✓ Кульковы Ф. и В. 371
- Куник А. А. 318, 319, 323, 326, 387
- Куркин 204
- Кутузов 240
- Куселев А. (Кошелев) 218, 219, вкл. между 234 и 235, 235, 249, 250
- Кювье Ж. 307
- Лавуазье А. 313
- Лагонтан 358
- Лазарев М. 181, 184
- Лаксман Э. 383
- Лактионов А. Ф. 386
- Ламанский 269, 270
- Ланг Л. 152, 153, 388
- Ланотников П. 79
- Ланте Д. Я. 86—88, 96—100, 106, 162, 189, 191, 196, 197, 204, 354, 368, 372, 373
- Лантев Х. П. 76, 81, 83, 86, 88—96, 162, 290, 353, 368, 384
- Ларионов В. И. 65, 70, 109
- Ласковский Ф. Ф. 379
- Лассениус П. 68, 86, 87, 98
- Лауридсен П. (Lauridsen) 23, 39
- Лебедев Д. М. 20, 110, 124—127, 129, 169, 187, 212, 216, 236, 243, 245, 259, 290, 333, 335—337, 350, 355—357, 359, 360, 369, 375, 377, 378
- Лебедева О. Я. 377
- Левашев М. Д. 180, 187, 305, 306
- Лейбниц Г. 19, 307, 339
- Лейст Е. (Leyst) 314—316, 387
- Лейтман 387
- Леонтьев И. 199—202, 374
- Лепехин И. И. 153, 291, 313, 383
- Лепехин Ф. 113, 114
- Леруа П. 213, 262
- Лерхе И. 141, 232, 234, 235, 315, 376, 377
- Линденау Я. 54, 136, 204, 206, 364, 374
- Линней К. 137, 155, 362, 365
- Лисовский Н. М. 388
- Литвинов Д. И. 113, 145, 149, 357, 365
- Литке Ф. П. 32, 74, 75, 100, 327, 339, 341, 368
- Лихарев П. М. 216, 328
- Ломоносов М. В. 44, 46, 53, 128, 146, 147, 153, 185, 213, 214, 265—270, 290, 291, 295—314, 317, 325, 326, 329, 332, 361, 363—366, 368, 371, 375, 381, 385—388
- Лошкин А. 96, 354
- Лошкин С. 214
- Лукин Ф. Ф. 11, 12, 14, 18, 22, 25, 26, 246, 260, 336—338
- Лунин 237, 377
- Лупандин 3, 153
- Льсов И. 199—202, 374
- Львов И. 9, 27, 334, 335, 345, 346, 371
- Люберас П. 240, 241
- Любимов Н. А. 314
- Люрсениус И. 130
- Лярский П. А. 297, 385
- Ляхов И. 202
- Ляцкий П. 377
- Майдель Г. (Maydell) 8, 193, 194, 200, 373
- Майер Ф. 314, 387, 388
- Майков Л. Н. 21, 339, 381
- Макаров А. В. 256, 257
- Макарова Р. В. 170—172, 175, 177, 183, 369, 370, 371
- Макшеев А. И. 218, 227, 228, 375
- Мальгин С. Г. 73—77, 162, 197, 213, 352, 367
- Мартиньер де ла (Деламартиньер, de la Martinier) 279, 281, 384
- Масса И. 71, 243, 351, 378
- Матвеев 240
- Матюшкин Ф. Ф. 193
- Медведев 85, 88, 89

- Медушевская О. М. 171, 172, 180, 181, 191, 192, 194, 205, 371—373, 375
 Мезенцев А. 243
 Мейер Е. 236
 Мельгер Д. 19, 305
 Мельников А. 54, 60, 204
 Менгден Ю. 245, 260
 Менделеев Д. И. 304, 312
 Меншиков А. Д. 348
 Меркатор Г. 254
 Мессершмидт Д. 16, 293, 338, 339
 Миддендорф А. Ф. 41, 55, 89—94, 155, 162, 338, 339, 343, 353, 367, 368
 Миллер Г. (Müller) 9, 10, 16, 23, 30, 35, 36, 45, 53, 54, 57, 61, 62, 64, 69, 78, 87, 107, 108, 127, 130—137, 142—145, 148, 149, 152, 156, 157, 159—161, 164, 166—168, 178, 180, 187, 197, 202, 210, 212, 216, 226, 231, 240, 241, 258, 259, 262, 263, 267—270, 279—281, 286—292, 296, 298, 299, 318, 319, 321, 323—328, 330, 333, 334, 336—338, 342—348, 354, 355, 357, 359—364, 366—372, 375—377, 379—381, 383—385, 387, 388
 Миллер К. 218, 219, 221
 Мильков Ф. Н. 294, 375, 385
 Милуков П. Н. 337
 Милютин В. А. 326, 388
 Минин Ф. А. 69, 77, 78, 80—83, 92, 353
 Миних Б. 254, 373
 Михайловский И. Н. 381
 Мишуков Э. 237
 Модзалевский Л. Б. 291, 364
 Моро А. 307
 Морозко-Старицын Л. 8, 276
 Москвитин И. Ю. 8, 25, 333
 Мотора С. И. 7, 333
 Мошков К. 10, 12, 18, 25, 27, 30, 48, 50
 Муравин И. 220, 222—224, 376
 Муравьев М. Н. 314
 Муравьев С. В. 72, 73, 75, 79, 213, 352
 Мюллер И. 381
 Мюнстер С. 280
 Мятлев В. А. 189—191
 Нагаев А. И. 32, 37, 106, 162, 240—242, 341, 377, 387
 Нагибин П. 10, 18
 Наквасин Д. 370
 Наковальнин С. Ф. 330
 Нартов А. А. 21
 Нартов А. К. 20, 21, 339
 Наседкин М. 197, 371
 Наход (Nachod) 58
 ✓ Невочиков М. 175, 185, 370
 Неплюев И. И. 217, 235, 270
 Неустроев А. Н. 322, 323, 388
 Нижегородов 54, 205, 208
 Никитин Н. П. 296
 Никифоров И. 172
 Никольский 147
 Новгородова М. П. 376
 Новиков Н. И. 363
 Новиков П. А. 364
 Новиков С. 188, 189, 205, 206, 210, 372
 Новикский Г. 141, 273, 274, 362, 381
 Новокомский П. И. 336
 Ногаткин 240
 Норденшельд А. (Nördenskjöld) 90, 167, 199, 200, 334, 339, 341, 343, 352, 368
 Овцын Д. Л. 68, 73, 76—80, 110, 122, 162, 280, 352, 360, 367, 368
 Оглоблин Н. Н. 8—10, 36, 188—191, 334, 372
 Огрызко И. И. вкл. между 9 и 10, 335
 Озерепковский Н. Я. 313
 Окладников А. П. 7
 Окунь С. Б. 148
 Олеарий 255
 Орехов А. 182
 Орлова Е. П. 206, 207, 374
 Ортелий А. 254
 Остерман А. И. 160, 348, 351
 Очередин А. 187
 Павлов А. П. 307
 Павлов М. С. 72, 73, 352
 Павлуцкий Д. И. 45, 46, 48—50, 53, 54, 56, 57, 61, 203—208, 210, 321, 346, 347, 349
 Пайков Д. 180, 371
 Паллас П. (Pallas) 16, 113, 120, 153, 168, 170, 171, 184, 187, 203, 212, 291, 296, 339, 356—359, 365, 366, 370, 374, 383
 Пальмквист Э. 71, 334, 352
 Пальмов Н. Н. 249
 Пекарский П. П. 16, 113, 134, 141, 149—153, 256, 262, 264, 267, 270, 277, 279, 291—293, 295, 296, 305, 310, 319, 321, 322, 326, 329, 330, 337, 338, 348, 356, 357, 361, 362, 364—366, 368, 380, 382—384, 386, 388
 Перевалов В. А. 161, 178, 180, 185, 214, 305—307, 367, 368, 371, 375, 386, 387
 Перевалов Т. 188, 189, 206—208, 210, 212, 372, 374
 Перовошиков Д. М. 269, 270, 314, 323, 380, 388
 Перри Д. 339
 Пестов И. 352
 Петерман А. 200
 Петрулини 251
 Петряев Е. Д. 387
 Пешель О. (Peschel) 138, 266
 Писарев А. вкл. между 234 и 235, 235
 Плаутин (инженер) 252
 Плаутин М. Г. 87, 110, 127, 351
 Плениснер Ф. 110, 113, 122, 192, 197—200, 202, 203, 204, 206, 210, 212, 307, 356, 373—375
 Плеханов Г. В. 277
 Плещеев А. Л. 132
 Плинигер Г. (Plieninger) 362
 Плутов 251
 Погодин М. П. 276
 Позднеев Д. М. 227, 355
 Покровский А. А. 20, 21, 347, 348, 351, 356, 369
 Полевой Б. П. 7
 Полевой С. 180
 Полиевктов М. А. 376
 Полонский А. С. 18, 20, 25—27, 32, 34, 51, 107, 174—177, 180—183, 185, 337, 339—341, 346, 355, 369, 370

- Полунин Ф. А. 281, 286, 336
 Помпоний Мела 254
 Пономарев С. Т. 177, 178, 180
 Попов (сотник) 54, 205, 208
 Попов А. Н. 216
 Попов Н. А. 284, 382, 383
 Попов Ф. А. (Федот Алексеев, Федот Кочевщик) 7, 39, 148, 334
 Пошп Н. (Porre) 227
 Потанин Т. Н. 245
 Поярков В. Д. 7, 249, 328, 381
 Прево А. (Prevost) 168
 Пржевальский Н. М. 227, 294
 Прончищев В. М. 68, 76, 83—88, 92, 270, 353, 367, 368
 Прончищева М. 83, 353
 Протасов А. 371
 Прянишников Ф. С. 77, 78, 80, 352
 Птуха М. В. 275
 Путилов Г. 22, 41
 Пушкарев А. 199—202
 Пушкарев Г. 181
 Пыпин А. Н. 381
 Рагузинский С. (Владиславич) 27, 30, 159, 249, 250, 260, 340
 Радлов В. В. 339
 Разумовский К. Г. 166, 265, 267, 269, 270, 326, 361
 Райков Б. Е. 320, 388
 Райнов Т. И. 377
 Расторгуев П. 162
 Рей Д. 127, 307
 Реклю Э. 138, 386
 Ремезов С. У. 8, 9, 21, 27, 41, 71, 86, 206, 215, 236, 244, 245, 249, 287, 338, 345
 Ренат И. вкл. между 226 и 227, 227, 228
 Ригельман И. 376
 Риттер К. 251, 386
 Рихман Г. 310, 318, 320, 321
 Робертсон В. (Robertson) 168, 370
 Романов 98
 Ртищев В. 86, 105, 108, 109
 Рубинштейн П. Л. 299
 Рукавкин Д. 224, 225, 376
 Рупрехт Ф. 137, 362
 Русаков 54, 205
 Руссов С. 376
 Рыбинский И. 176
 Рыкачев М. А. 304, 312, 314
 Рычков П. И. 218, 226, 255, 276, 271, 286, 290—292, 296, 297, 318, 326, 327, 375, 379, 381, 383—386
 Рябинин 242
 Савельев Л. 251, 379
 Савельев С. 125
 Салищев К. А. 378, 379
 Салтыков Ф. С. 336, 349
 Сандерс Т. 23, 57, 64
 Санников Е. 174
 Сарычев Г. А. 112, 120, 187, 193, 352, 357, 367, 368, 372, 374
 Свенске Ф. 218, 255, 257, 259, 261, 262, 266, 380, 383
 Свердрун Х. 354
 Свистунов И. 22, 159, 249, 250
 Сгибнев А. С. 8, 11, 18, 27, 49, 54, 69, 148, 189, 190, 204, 335, 337, 345, 346, 351, 372
 Селифонтов В. М. 73—75
 Сенявин И. А. 22, 23
 Сербина К. Н. 378
 Сергеев М. А. 340
 Сиверс П. 22, 23
 Симон Ф. 386
 Симомер П. 377
 Сидт И. 187, 189, 205, 206, 371, 374
 Скелтон (Skelton) 43, 344
 Скобельцын П. 22, 30, 41, 159, 210, 249, 250, 340, 342
 Скорняков-Писарев Г. Г. 56, 63, 69, 70, 106, 160, 348, 351, 378
 Скуратов А. 74—76, 79, 352, 367
 Скурихин П. 48, 50, 52, 346
 Смирнов С. К. 142
 Снегирев И. 172, 305
 Сноу И. 14
 Соймонов (ген.-лейт.) 217
 Соймонов Ф. И. 70, 71, 106, 107, 170, 172, 180, 181, 190, 192, 194, 197, 202, 203, 205, 228, 230—232, 236—241, 251—253, 259, 260, 289, 290, 305, 318, 327, 369, 371—373, 375, 377, 382, 384, 387, 388
 Соколов А. П. 20, 22, 23, 50, 56, 60, 67, 71, 72, 76—78, 81, 83—85, 88, 89, 91, 93, 94, 97, 100, 101, 103, 105—108, 110, 112, 127, 130, 160, 169, 198, 204, 234, 236—238, 240, 306, 340, 342, 343, 346, 349, 352, 354, 355, 366—368, 375—377, 386
 Соколов К. 10, 12, 26
 Соловьев И. М. 183, 371
 Соловьев М. С. 375
 ✓ Соловьев С. М. 159, 185, 218, 277, 338, 382
 Соссюр де (Saussure) 312
 Спарвенфельд А. 334
 Спасский Г. И. (Г. С.) 250, 372, 335
 Спасский М. Ф. 312
 Спафарий Н. 245, 273, 334, 378, 381
 ✓ Стадухин М. В. 7, 196, 333, 334
 Старых С. вкл. между 226 и 227, 227, 228
 Стебницкий И. И. 377
 Стейнегер Л. (Stejneger) 117, 118, 150, 155, 156, 163, 356, 358, 364, 369
 Стеллер Г. (Штеллер, Steller) 16, 20, 36, 109—123, 126, 130, 133, 137, 142, 144—147, 149—156, 163, 187, 292, 350, 356—358, 360, 361, 363—366, 369, 384
 Степанов А. 92, 352
 Степанов В. Н. 200
 Степанов Н. Н. 142, 145, 333, 363
 Стерлегов Д. В. 76, 77, 81—83, 89—91, 353
 Страленберг Ф. (Табберт) 9, 16, 21, 42, 58, 141, 254, 255, 261, 279, 280, 283, 328, 338, 362, 380, 383, 384
 Струве В. Я. 159, 366
 Струве О. В. 257
 Суворов Е. К. 174, 370
 Сумгин М. И. 362
 Сухотин И. 74, 75

- Табберт, см. Страленберг
 Танфильев Г. И. 348
 Татаршинов П. 27, 34, 340
 Татаринов Ф. 197—199, 201
 Татищев В. Н. 217, 218, 234, 248, 249, 260—263, 266, 270, 276—279, 286, 290, 292, 293, 296, 298, 329, 375, 380, 382—385
 Тауберт И. И. 267, 270, 291, 299, 300, 387
 Тебеньков М. Д. 108
 Тевкелев М. 217
 Тексейра 58
 Телеки (Teleki) 58
 Теплов Г. Н. 267, 270, 299, 361
 Тессинг Я. 245
 Тилезиус Г. 118, 155
 Титов А. 274, 334, 381
 Тихомиров И. 386
 Токмачев И. В. 240
 Толбухин Г. 70, 109
 Толстой Д. А. 363
 Толстых А. 176, 177, 181—185, 369, 371
 Голль Э. 199
 Травин М. 236
 Трапезников Н. 172, 175, 176, 182, 371
 Траурнихт Ф. 197
 Траутфеттер Е. (Trautvetter) 365
 Тредьяковский В. К. 387
 Трегубов А. 251
 Треска Н. 10, 12, 48, 336
 Третьяков В. 130, 142
 Троицкий В. Д. 146
 Трускотт И. 168, 266—268, 368
 Трушников Ф. 216
 Тэйлор Э. 147
- Угрюмов М. 216
 Унстон 307
 Унковский И. 216, 260, 324
 Ураносов 243
 Урусов В. 217, 236, 249
 Ушаков М. 76, 77, 130, 263, 352
- Фаггот 327
 Фарварсон А. 237, 238, 248, 384
 Фастинг Я. 240
 Федоров Е. К. 312
 Федоров И. 46, 48—54, 162, 196, 342, 346, 347
 Фель С. Е. 246—250, 254, 260, 378, 379
 Фик Г. 160
 Филькеев 11
 Фишер И. 130, 134, 168, 286, 361, 365, 368, 383
 Фомин Н. 90, 92
 Фонт де (de Fonte) 164—166, 168, 367
 Фонтенель Б. 336
 Фрадкин Н. Г. 313
 Франклин В. 310, 312
 Фраунддорф К. 228, 230, 251—253
 Фриз 58
 Фролов Н. Т. 369
- Хабаков А. В. 308, 320, 383, 388
 Хабаров Е. П. 328, 381
 Хавен П. фон 164
 Ханьков Я. В. 218, 219—224, 376
- Химков А. 213
 Химков И. 213
 Хитрово С. Ф. (Хитров) 109, 110, 112—115, 118, 121, 123, вкл. между 124 и 125, 162, 166, 178, 189, 356—358
 Хметевский В. 108, 152
 Хмызников П. К. 97
 Ходж 358
 Холодилов Ф. 176
 Хорошев К. 90, 91
 Хргиан А. Х. 313, 314
- Циттель (Zittel) 307
- Чаплин П. А. 24, 25, 27, 30, 32, 33, 35—44, 49, 52, 162, 212, 250, 260, 270, 339, 341—343
 Чебаевский А. 175, 371
 Чеботарев Х. А. 388
 Чекановский А. Л. 353
 Чекин Н. 83, 84, 88—92, 130, 263, 353
 Челюскин С. И. 83—85, 88, 90—94, 353, 354, 368
 Чередов И. Д. 328
 Черепанов С. 182
 Черненко М. Б. 193, 203, 373
 Черников А. 199, 202
 Чернышев И. Г. 307
 Чириков А. И. 21—24, 26, 27, 30, 32—36, 57, 60, 61, 65—68, 86, 99, 100, 109—111, 117, 123—129, 132, 157, 160—162, 164, 166, 168, 174, 181, 185, 189, 339—342, 350, 351, 357—359, 366, 367
 Чихачев И. Л. 110, 127
 Чичагов В. Я. 300, 305—307, 386
 Чичагов П. 22, 41, 216, вкл. между 216 и 217, 250, 375, 379
 Чичагов П. В. 177, 370
 Чичерин Д. И. 171, 180, 182, 198, 199, 205, 305, 371, 374
 Чулков М. Д. 369
 Чулпанов С. 218
 Чупров Я. 175
- Шалауров Н. П. 97, 183, 185, 188—194, 196, 201, 202, 210, 212, 369, 372—374
 Шафрановский К. И. 219, 237, 238, 377
 Шахматов А. А. 333
 Шахонский И. 210, 211
 Шванвиц М. 387
 Шевьрин С. 175, 180, 183
 Шейхпер И. 338
 Шелихов Г. И. 120, 184, 187, 206
 Шельтинг А. 101, 102, 105, 108, 354
 Шерер И. 145, 156, 365
 Шеслер К. 262
 Шестаков А. Ф. 9, 45—48, 53, 57, 197, 260, 301, 344—346, 369
 Шестаков В. А. 48, 49
 Шестаков И. 48, 49
 Шетилов В. 22, 159, 249, 250, 342
 Шибанов Ф. А. 159, 366, 378
 Шилов В. 182, 185, 186, 371
 Шишкин П. 178, 179, 185, 210
 Шлепер А. 296, 368
 Шмалев Т. И. 370, 372, 373
 Шмидт Я. 268

- Шобер Г. 231, 235, 327, 377, 382
Шокальский Ю. М. 386, 387
Шпанберг М. 22—24, 26, 27, 32—34,
50, 52, 53, 67—71, 101—103, 105—109,
128, 149, 150, 161, 162, 164, 166, 189,
265, 341, 346, 347, 350, 354, 355, 360,
368—370, 379
Шретер Э. 315, 316
Штелин Я. 185, 187, 269, 291, 369—372
Штеллер см. Стеллер
Шуберт Г. (Schubert) 159, 380
Шувалов И. И. 297, 325
Шувалов П. И. 189
Шульце, см. J. L. S.
Шумагин Н. 358
Шумахер И. 260, 264, 267, 361, 362, 380
Шумейко Г. К. 124
Шумилов В. Н. 13
Шхонбек А. 242
- Щербинин М. Я. 87, 97, 98, 354
Щукина Н. М. 260
- Эвальд Б. 270, 367, 373
Эйзельберг А. 110
Эйлер Л. 262, 263, 318, 319
Эйхвальд (Eichwald) 237
Эльтон Д. 217, 238
Энгель И. 316
Энгель С. (Engel) 168, 169, 261
Эпинус Ф. 267, 317, 318, 328, 329, 380
Эрт В. 102
Этерикан 202
- Югов Е. 176
Юнг 387
Юрлов 108
Юшин Х. 110, 116, 117, 120, 123, вкл.
между 124 и 125, 356—358, 360
- Яников Г. В. 80, 81, 83, 90, 96, 348, 351—
354, 369
Яхонтов И. 130, 142, 360, 387
Яцунский В. К. 275, 348
Яшин 346
J. L. S. (Шульце) 176, 177, 181, 184, 369,
371

УКАЗАТЕЛЬ
ВАЖНЕЙШИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абагайтуй, г. 132, 250
Абакан, р. 134, 139, 250, 252, 362
Авача, р. 121, 144, 356, 363
Авачинская губа 104, 105, 108, 109, 121, 129, 355
Авраамия, о. 121
Агатту, о. 127—129, 175, 176, 358, 360
Адах (Аях), о. 126, 177, 181, 371
Азовское (Меотическое) море 235, 260, 321
Айон (Заведей), о. 191
Аксу (Аскуть), р. 216
Актам, р. 236
Алазейское зимовье (Алазейск) 11, 54
Алаколь (Алакуголь), оз. 231
Албазин 272, 328
Албазиха, р. 159
Алдан, р. 7, 11, 25, 95, 140, 152, 333, 340
Александрбай, зал. 237, 238, 288
Алеутские о-ва 64, 110, 111—115, 117, 124, 129, 146, 156, 168, 170—177, 179—181, 183—188, 210, 305, 306, 357, 369, 370, 371
Алтай, г. 132, 138, 139, 251, 281, 290, 293
Альдехон см. Ольдой
Алькаквунь (Еловка, Елькан), р. 193
Аляска (Алах-тах, Алахшах, Оляшка) 51, 146, 166, 173, 177, 178, 180, 181, 185, 187, 188, 304—306, 341, 358, 371
Амга, р. 140
Амгуема (Омван, Омоян), р. 205, 208
Амля, о. 180, 181
Аму-Дарья (Улу-Дарья), р. 215, 216, 220, 222, 224, 225, 236, 381
Амур, р. 7, 10, 11, 27, 44, 48, 56, 62, 63, 107, 108, 130, 140, 152, 158, 159, 190, 224, 249, 250, 254, 260, 261, 270, 273, 328, 334, 336, 345, 366, 381, 388
Амурзея, р. 159
Амурское море см. Берингово море
Анабар, р. 84, 94, 95
Анабара, р. 334
Анадырск (Анадырский острог) 8, 18, 35, 48, 53—55, 88, 97—99, 188, 189, 192, 193, 197, 203—205, 288, 335, 340, 354, 372, 374
Анадырский залив 8, 30, 32, 188, 335, 345, 368
Анадырский нос см. Чукотский мыс
Анадырское море см. Берингово море
Анадырь, р. 7, 8, 25, 30, 33, 49, 54, 62, 86, 97, 98, 139, 180, 188, 192, 193, 196, 203—206, 334, 335, 345, 368, 372
Анахья см. Колочинская губа
Ангара (Верхняя Тунгуска), р. 24, 133, 139, 140, 160
Андрейновские о-ва 111, 126, 177—180, 182, 184, 371
Анианский пролив 19, 20, 339
Анцыферова (Дилкон), о. 354
Анжуй, р. 7, 333
Ашшеронский полуостров 232, 234, 237
Аракамчечен, о. 33
Аральское море 216, 218—220, 222, 224, 225, 236, 265, 285, 293, 376
Аргунские серебряные копи, заводы 16, 140
Аргунь, р. 138, 140, 190, 250
Аренсбург, см. Курессаре
Арктика 58, 300—302, 304, 332
Артемовск (Бахмут) 247
Архангельск 62, 72, 74, 76, 86, 100, 157, 161, 170, 257, 264, 289, 313, 336, 347, 349, 351, 367, 369, 375
Аскуть см. Аксу
Астрахань 16, 141, 215, 217, 225, 231, 232, 234, 236, 237, 271, 276, 279, 327, 376, 377, 382
Атлантический океан 19, 166, 272, 301, 303
Атласова (Афиноген), о. 354
Атту (Аттаку, Св. Федора), о. 127—129, 175, 176, 181, 182, 360
Атха, о. 120, 180, 181
Афиноген см. Атласова
Ачай см. Чаунская губа
Аях см. Адах
Байдарацкая губа 72
Байкал, оз. 16, 62, 63, 132, 138, 140, 141, 149, 244, 249, 250, 254, 274
Баку 232, 234, 377
Балтийское море 236, 240—242, 261, 270, 332
Балх см. Вазирабад
Балханский шор 220, 236, 240
Балхаш, оз. 219, 226, 231
Баран, о. 354
Барастала (Боротала), р. 228

- Баргузин, р. 149
 Баргузинский острог 142, 149
 Баргузинский хр. 366
 Баркультаг, хр. 226
 Бахмут см. Артемовск
 Бегичева, о. 88, 353
 Белая, р. 54, 296, 326
 Белое море 204, 236, 242, 245, 261, 348
 Белый, о. 73, 74, 352
 Березов 73, 74, 76, 77, 79, 133, 136, 262, 265, 288
 Беринга, о. 38, 111, 127, 129, 146, 150, 151, 155, 156, 162, 170, 174—177, 180, 181, 182, 187—189, 358, 359, 365, 366, 370, 372
 Берингов пролив 19, 36, 38, 50—53, 162, 168, 185, 187, 196, 205, 206, 212, 250, 346, 368, 372
 Берингово (Амурское, Анадырское) море 54, 187, 188, 203
 Бийская крепость 252
 Бия, р. 251, 252
 Ближние о-ва 121, 174, 175, 177
 Блудная, р. 88, 89
 Бобровая, р. 8
 Большая, р. 26, 42, 104, 142, 180, 335, 371
 Большая Еловая, р. 366
 Большая земля см. Сев. Америка
 Большерецк 12, 13, 26, 27, 38, 48, 49, 100, 103, 105, 108, 109, 128, 142, 144, 145, 151, 152, 161, 189, 347, 363, 365, 369, 371
 Большой Баранов, м. 97, 100, 161, 194, 367
 Большой Ляховский, о. 86, 202
 Большой Ситхин (Четхин), о. 180, 181
 Большой Шангар, о. 11
 Борисова, р. 87
 Боротала, см. Барастала
 Ботнический залив 241
 Братский острог 140
 Будды, о. 121
 Буорхая, губа 86, 96
 Буорхая, м. 87, 96
 Бурей, р. 388
 Бутальский острожек 7, 333
 Бухара 4, 137, 215, 217, 224—226, 228, 288, 295, 328, 376, 380
 Бухтарма, р. 251, 253
 Быковская протока р. Лены 84, 86, 96
 Бырранга, г. 94

 Вазирабад (Балх) 226
 Вайгач, о. 73
 Вауа, маяк 121, 126
 Великий Устюг 24, 369, 370
 Веркон см. Пегымель
 Верхне-Камчатский острог 343, 363
 Верхняя Тунгуска см. Ангара
 Верхоленск 68, 160
 Верхотурье 24, 134, 145, 213, 274
 Верхоянск 11, 139
 Визирь 222, 224
 Виллига, р. 108
 Виллой, р. 95
 Воевода см. Матуа
 Воровская, р. 108

 Восточная Сибирь 10, 45, 56, 64, 65, 94, 130, 156, 208, 210, 244, 254, 290, 333, 348, 370
 Восточно-Сибирское море 96
 Восточное море (Восточный океан) см. Тихий океан
 Врангеля, о. 202, 204, 304

 Газимур, р. 140, 250
 Галант см. Онекотан
 Гангуг см. Ханко
 Гвоздева, о. 346
 Гижигинская крепость 204
 Гильой, р. 159
 Гихиген см. Китиген
 Гогланд см. Сур-Сари
 Горбея, р. 26
 Горбца, р. 159, 190, 250
 Горганский залив 236, 237
 Гренландия, о. 303, 305
 Грумантский берег см. Гренландия
 Грязное, оз. 385
 Готланд, о. 240
 Гудзонов залив 166
 Гудзонов пролив 301
 Гурлян (Гурлен, Гурлянь) 222, 224.
 Гусиный Нос, м. 352
 Гыда, р. 78, 80
 Гыданский залив 78, 80, 352
 Гыданский п-ов 78, 80

 Дагерорт см. Кыпу
 Даго см. Хиума
 Далайнор, оз. 16, 250
 Дарим см. Гарим
 Даурия 16
 Двина см. Сев. Двина
 Де Гама (Жуан де Гама), земля 58, 60, 61, 102, 107, 108, 110, 111, 124, 168, 182, 260
 Дежнева, м. 21, 35—38, 50, 51, 60, 93, 205, 208
 Дербент 377
 Джунгария 216, 226—229, 251
 Диксон, о. 81
 Дилкон см. Анцыферова
 Диомида, о. 191, 373
 Диомида (Игалгы, Инахлин, Имяглин, Магли), о-ва, 9, 33, 35, 36, 51, 52, 205, 210, 342, 347, 374
 Дмитрия см. Ратманова
 Долгий, о. 74
 Дуда, р. 91
 Дудинка 90, 91
 Дудинка, р. 83
 Дусарташкан-Карасу, р. 219

 Евдокеевские о-ва см. Семиди
 Езо (Едзо, Есо, Ессо, Иедзо, Иезо) 58, 60, 63, 107, 162, 260, 265, 323, 335, 345
 Екатеринбург см. Свердловск
 Екатерининская гавань см. Кола
 Еловка (Елькан) см. Альяквунь
 Енисей, р. 13, 16, 24, 62, 66, 68, 69, 71, 76, 78—83, 85, 90, 91, 93—96, 132—134, 137—140, 216, 244, 250, 252, 270, 274, 289, 335, 349, 361, 368

- Енисейск 24, 25, 68, 79, 80, 83, 129, 132, 133, 140, 149, 274, 288, 360
 Енисейский залив 78, 80, 81
 Еткульская крепость 134
- Железинская крепость** 132, 139
 Жиганск 56, 94
 Жупановая, р. 363
- Забайкалье 132, 140, 362
 Заведей см. Айон
 Зайсан, оз. 226, 250
 Западная Сибирь 132, 231, 243, 333, 384
 Зеленый см. Кунашир
 Зеленый, м. 32
 Земля Андреева 197, 199, 200
 Земля Компании 58, 60, 63, 107, 156
 Земля Франца-Иосифа, о. 386
 Земля Якутского дворянина 180, 371
 Зеравшан (Куян), р. 215, 225
 Зея, р. 152, 159
 Зун-Горей, оз. 250
 Зунд, пролив 241, 377
- Игайту см. о-ва Ловушки
 Игалги см. о-ва Диомида
 Игнатия (Санкт Фаддея), м. 88, 91
 Иезо (Иедзо) см. Езо
 Изба Шалаурова, м. 193, 373
 Илга, р. 139, 160
 Или, р. 215, 231
 Илим, р. 24
 Илимск 24, 25, 27, 42, 132, 156, 160, 340
 Илия см. Маканруш
 Илья, р. 334
 Имиль см. Эмель
 Инахлин (Имяглин) см. о-ва Диомида
 Ингода, р. 139, 190, 250
 Индер, оз. 385
 Индигирка, р. 96, 97, 140, 197, 200, 202, 305, 373
 Индигирск 11
 Иня, р. 108
 Ирбит 288, 289
 Иргиз, р. 222, 224
 Иркутск 25, 68, 132, 133, 140, 141, 145, 149, 151—153, 157, 159, 160, 190, 264, 272, 274, 288, 289, 302, 338, 346, 361, 366, 369
 Иртыш, р. 13, 16, 80, 131, 132, 134, 137—139, 216, 226, 228, 244, 250, 251, 253, 270, 328
 Исеть, р. 385
 Исоц, м. 121
 Иссык-Куль, оз. 226, 231
 Итуруш (Надежды), о. 58, 101, 354
 Итыгран, о. 33
 Их-Караль, см. Маркаколь
 Ишим, р. 139, 215, 224, 251
- Кабарда 231, 279, 377
 Кагалакса (Кикигаласк), о. 177
 Кадык, о. 116, 177, 178, 183, 184
 Казань 12, 18, 131, 137, 141, 149, 157, 264, 365
 Калифорния 58, 60, 63, 110, 349
 Кама, р. 67, 149, 217, 251, 258, 261, 270, 293
- Камень Мусарт см. Музарт
 Камень Мустак см. Музарт
 Камчатка (Камчатская земля, Камчатский Нос, Камчатский мыс), п-ов 7—16, 18, 20, 26—28, 30, 32, 34, 36, 38, 39, 41—43, 45—50, 55—58, 60—64, 66, 83, 86—88, 98, 104—108, 110, 113—115, 117—123, 127, 128, 130, 132, 133, 137, 140, 142—153, 155—157, 159—162, 164, 166, 170—172, 174—178, 180—182, 184, 187, 190, 192, 196, 204, 205, 210, вкл. между 212 и 213, 254, 261, 265, 267, 272—274, 276, 280, 288, 304—306, 313, 323, 334—337, 341—345, 347—349, 351, 354, 356, 361, 363—366, 368—372, 380, 384
 Камчатка, р. 8, 10, 18, 26, 27, 30, 34, 36, 38, 42, 50, 51, 55, 62, 86, 174, 176, 181, 245, 334, 347
 Камчатское море см. Охотское море
 Канага, о. 181
 Канин Нос, п-ов 242, 265
 Канск 132
 Кантегир, р. 252
 Кара, р. 74
 Кара-Богаз-Гол, зал. 220, 236—238, 285
 Карага, р. 144, 363
 Карагинский, о. 18, 30, 46, 56, 147, 150, 175, 338
 Карское море 72—74, 76, 78
 Карчык, п-ов 191
 Каспийское (Хвалынское) море 84, 88, 89, 94, 96, 141, 213, 215, 216, 218, 220, 225, 231—240, 259—261, 265, 270, 285, 289, 293, 327, 332, 335, 345, 353, 376, 377
 Каттегат, пролив 241
 Катунь, р. 226, 251, 252
 Катырка см. Хатырка
 Кахтана, р. 108
 Кашгар 215, 216, 226
 Каяк, о. 112—114, 116, 357
 Кельвицкая (Келтицкая, Тельвицкая) 73 352
 Кемчик, р. 250, 252
 Кеть, р. 24
 Кизляр 234, 279
 Кикигаласк см. Кагалакса
 Кильдин, о. 242
 Кинга, о. 36, 51, 52, 347
 Киренск (Киренский острог) 71, 133, 149, 264, 272
 Китиген (Гихиген, Тикиген), земля 199, 203, 208
 Ковымское зимовье 54
 Ковыча, р. 334
 Коза см. Ушишир
 Коканд (Кукан) 225
 Кола, р. 367
 Кола (Екатерининская гавань) 306, 307
 Колпакова (Конпакова), р. 363
 Кольма, р. 7, 10, 18, 22, 25, 26, 33, 34, 39, 46, 56, 85—88, 96—100, 139, 162, 191—194, 196, 197, 205, 206, 208, 210, 212, 333, 334, 341, 344, 345, 367, 373
 Колымский острог 11, 88

- Кольымский хр. 206
 Кольский залив 242
 Кольский п-ов 157
 Колючин, о. 200, 208
 Колючинская губа 204—206, 208
 Командорские о-ва 155, 171—173, 368, 369
 Комсомольской Правды (Самуила), о-ва 353
 Кончедарья, р. 226
 Копаев, о. 46
 Корякский хр. 206
 Котлино, оз., см. Финский залив
 Краснодарский залив 237, 238, 240, 377
 Красногорск см. Харимкотан
 Креста (бухта Ночен) зал. 8, 32, 36, 54, 204
 Крестецкая протока р. Лены 84, 88
 Крестовка, р. 197, 198, 202, 374
 Крестовские см. Медвежьи
 Кривой см. Шиашкотан
 Кроноцкий, м. 38, 108
 Крузенштерна, о. 51, 347
 Крымский п-ов 243, 260, 376
 Крысьи, о-ва 121, 177, 371
 Кубачи (Кубеша) 231, 324, 376
 Кувандарья, р. 225
 Кувет (Хуата), р. 194, 373
 Кузнецк 132, 139
 Куйбышев (Самара), 251, 271
 Кукаан см. Коканд
 Кукумива см. Макарнуши
 Кукунор, оз. 215
 Кумах-Сурт, ур. 95
 Кунашир (Зеленый), о. 58, 103
 Куня-Ургенч 215
 Кура, р. 231, 232, 327
 Кургальджин, оз. 226
 Курессаре (Аренсбург) 242
 Курильские о-ва 8—16, 18, 26, 47—49, 56, 58, 62, 101—103, 105, 107—109, 119, 121, 146, 150, 162, 174, 182, 189, 196, 260, 265, 273, 335—337, 344, 345, 354, 369
 Кута, р. 24, 139
 Куян см. Зеравшан
 Кыпу (Дагерорт), п-ов 242, 366
 Кыска, о. 121, 177, 180
 Кяхта 132, 140, 157, 170, 288

 Лаврентия, зал. 208
 Ламское море см. Охотское море
 Лена (Тартар), р. 11, 13, 16, 24, 25, 38, 39, 41, 42, 56, 62, 71, 76, 81, 83—88, 92—96, 98, 100, 134, 137—141, 146, 159—161, 180, 188, 189, 190, 191, 194, 196, 197, 210, 244, 254, 260, 261, 274, 280, 301, 333, 334, 350, 367, 368, 370, 372, 373
 Ленинабад (Ходжент) 220
 Ленское море см. Чукотское море
 Лесная р. 144, 363
 Ливлиней (Сердце Камень), м. 36, 54, 347
 Лисьи, о-ва 177, 181, 183, 184, 187, 371
 Лобнор, оз. 226, 227

 Ловушки (Игайту), о-ва 14, 337
 Лопатка, м. 9, 14, 16, 26, 38, 42, 49, 109, 120, 304, 347, 359

 Магли см. о-ва Диомида
 Майна, р. 204
 Макарнуши (Илия, Кукумива), о. 337, 354
 Маковский острог 24, 25
 Мальгина, прол. 73
 Малый Ляховский, о. 86, 202
 Мангазей см. Туруханск
 Маркаколь (Их-Караль), оз. 251
 Маркиана, о. 121
 Марьякан см. Симушир
 Матвеев, о. 74
 Матколь, камень 35
 Матмай см. Хоккайдо
 Матуа (Воевода), о. 354
 Машауч см. Чиринкотан
 Мая, р. 7, 11, 25, 65, 66, 152, 333
 Медвежьи (Крестовские), о-ва 196—199, 201, 202, 372, 374, 375
 Медный, о. 129, 162, 171, 174—177, 182, 183, 187, 189
 Меотическое море см. Азовское море
 Мертвый Култук, зал. 236, 238, 240
 Мечигменская губа 203, 204, 208
 Монтегю (Цукли), о. 357
 Моржовка, р. 74
 Моржовый, о. 338
 Музарт (Камень Мусарт), перевал 216
 Музтаг (Камень Мустар), хр. 216, 226
 Мука, р. 24
 Мунгальская земля 138, 139, 213, 274
 Мутная (Омутная), р. 159
 Мутный, зал. 74

 Наварин (Св. Фаддея), м. 42, 93, 94, 188
 Нагай, о. 118
 Надежды см. Итуруп
 Нанабора, р. 334
 Нарген, о. 234
 Нарьян-Мар (Пустозерск) 73
 Нарым, 133, 149, 369
 Нарым, р. 251
 Наукан (Нухен), м. 208
 Нерчинск 11, 16, 132, 139, 140, 157, 159, 190, 274, 387
 Нерчинские заводы 175, 213, 387
 Нижне-Камчатск (Н. Камчатский острог) 12, 13, 26, 27, 38, 48, 49, 176, 189, 347, 363
 Нижне-Кольымский острог 97, 99, 191, 192, 197, 200, 354, 367, 370, 372
 Нижняя Таймыра (Таймура), р. 81, 84, 85, 89—91, 94, 162—353
 Нижняя Тунгуска, р. 16
 Нил, р. 321
 Нифон см. Хонсю
 Новая Земля, о. 54, 72, 73, 75, 214, 265, 303—305, 339
 Новая Сибирь, о. 200
 Новосибирские о-ва 201, 202, 304, 373
 Ном, м. 347
 Нордвик, бух. 88, 353
 Норденшельда, архипелаг 90

- Ночен см. Креста, зал.
 Нухен см. Наукан
 Ным-Ным, о. 208
 Нюгжа, р. 159, 366
- Обдорск см. Салехард
 Обская губа 72, 74, 76, 77, 79
 Обь, р. 13, 16, 24, 41, 42, 56, 62, 68, 72—77, 79, 80, 133, 138—140, 216, 243, 250, 336, 339, 347, 349, 350
 Оглукомина (Облуковина), р. 144
 Огурчинский, о. 240
 Ожогина, р. 206
 Оку-Езо, о. 58
 Олекма, р. 94, 159, 366
 Олекминский острог 264
 Оленёк, р. 84, 85, 88, 89, 94, 95, 133, 157, 196, 353, 373
 Ольдой (Алдекон) р. 159
 Ольховский см. Уруп
 Олюторка, р. 46, 48, 150, 205, 365
 Олюторский острог 46, 56, 335
 Омван см. Амгуема
 Омолой, р. 96
 Омолон, р. 206
 Омгаян см. Амгуема
 Омутная см. Мутная
 Омь, р. 134, 251
 Онекотан (Галант), о. 337, 354
 Оренбург 217, 218, 220, 224, 225, 265, 271, 293, 295, 376, 381, 385
 Орск (Орская крепость) 218—220, 222
 Орь, р. 217, 224
 Осыпный см. Райкоке
 Отчай см. Чаунская губа
 Охота, р. 10, 25
 Охотск (Охотский порт) 8, 10, 11, 14, 19, 24—26, 38, 39, 42, 44, 48—51, 56, 57, 62—68, 76, 101, 103—105, 108—110, 114, 123, 124, 129, 132, 133, 140, 142, 151, 152, 156, 157, 174, 181, 182, 188, 189, 203—205, 288, 313, 341—343, 346—348, 350, 351, 369—370
 Охотское (Камчатское, Ламское, Пенжинское) море, 7, 11, 14, 25, 45, 48, 49, 63, 103, 108, 115, 140, 146, 187, 189, 210, 334, 335, 342, 345, 369
- Парамушир (Пуремчин), о. 14, 354
 Пеггымель (Веркон), р. 193, 194, 373
 Пелым 288
 Пенжина, р. 10, 46, 98, 204
 Пенжинская губа см. Шелехова, зал.
 Пенжинское море см. Охотское море
 Персидский залив 235, 347
 Петропавловск-Камчатский 111, 112, 123, 126, 127, 129, 151, 157, 188, 264, 355, 366
 Печора, р. 73—75, 265, 270
 Подкаменная Тунгуска, р. 139
 Покровский монастырь 94
 Порт-Кларенс, бух. 347
 Преображения, бух. 32, 38
 Принца Узльского (Валлийского), м. 36, 51, 347
 Прончищева, кряж 94
 Пуремчин см. Парамушир
- Пустозерск см. Нарьян-Мар
 Пышма, р. 288
 Пурфан см. Турфан
 Пясина, р. 83, 89—92, 94, 96, 162, 353
- Райкоке (Осыпной, Шококи), о. 336, 337, 354
 Распуа (Сиучий), о. 14, 354
 Ратманова (Дмитрия, Св. Диомида), о. из группы о-вов Св. Диомида 37, 38, 42, 50, 51, 342, 344, 347
 Решт 377
 Рижский залив 242
 Русский архипелаг 90
 Русское устье (Русское жило), 97
 Рыи-Пески 385
- Сакмара, р. 271
 Салехард (Обдорск) 74, 76, 77, 80
 Самара см. Куйбышев
 Самара, р. 271, 379
 Самарканд 215, 226, 227
 Самаровский ям см. Ханты-Мансийск
 Самуила см. Комсомольской Правды, о-ва
 Санкт-Фаддея см. Игнатия, м.
 Санникова, земля 200
 Сарема (Эзель), о. 315, 380
 Сарысу, р. 215, 219, 293
 Сары-Чаганак, зал. 222
 Сахалин, о. 7, 58, 108, 210, 260, 345
 Саянский хр. 133, 138, 139, 252, 361
 Свердловск (Екатеринбург) 65, 131, 133, 141, 149, 213, 261, 265, 271, 278, 385, 387
 Св. Ильи, г. 112
 Св. Ильи, м. 112, 115, 120, 357
 Св. Иоанна, г. 120
 Св. Иулиана, о. 129
 Св. Лаврентия (губа Теняха), зал. 208
 Св. Лаврентия, р. 30, 32, 203, 205
 Св. Матвея, о. 189, 205
 Св. Нос, м. 86, 87, 96, 97, 191, 196, 197, 334, 368
 Св. Фаддея см. Наварин
 Св. Федора см. Атлу
 Сев. Америка (Большая земля) 46, 48—52, 54, 60, 166, 176, 192, 197, 203, 204, 208, 212, 304, 344—346
 Сев. Двина (Двина), р. 72, 242, 258, 260, 272, 336
 Сев. Донец, р. 251
 Северный морской проход 10, 19, 21, 39, 69, 168, 169, 307, 321, 349, 372, 386
 Северный Ледовитый океан (Северное Ледовитое море, Сибирский океан, Студеное море) 10, 18, 27, 33, 34, 54, 55, 62, 71, 75, 76, 80, 86, 87, 94, 95, 137, 139, 140, 161, 162, 168, 169, 180, 185, 190, 196, 200, 203, 213, 243, 265, 274, 298, 300—306, 321, 327, 333, 336, 339, 348—350, 367, 372, 373, 386
 Северный мыс 94
 Северо-восточный мыс 81, 90
 Северо-западный мыс 90, 353
 Сектях (Сиктак) 94, 157
 Селенга, р. 138, 140, 250, 274

- Селенгинск 132, 140, 157, 340, 361, 387
 Семечь (Шемечь), р. 146
 Семиди (Евдокеевские), о-ва 116
 Семичи, о-ва 121, 127, 176, 181
 Сердце-Камень см. Липлиной
 Сердце-Камень, м. 35
 Сибирский океан см. Северный Ледовитый океан
 Сиктак см. Сектях
 Симушир (Марьякан, Шимушир), о. 14, 337, 354
 Синдовы о-ва, 205
 Сиучий см. Расшуа
 Соликамск 153, 316, 365, 369
 Средняя Азия 10, 215—221, 225, 226, 235, 245, 251, 270, 293, 295, 332, 385
 Ставрополь (Куйбышевской обл.) 271
 Становой хр. 139, 140
 Стерлегова, м. 83, 91, 353
 Стефана, о. 121
 Столбовой см. Чпринкотан
 Студеное море см. Северный Ледовитый океан
 Сургут 24, 133, 288, 361
 Сур-Сари (Гогланд), о. 242
 Сыверма, возв. 94
 Сыр-Дарья, р. 215, 216, 218, 220, 224, 225, 228, 386
 Сьюард, п-ов 374
 Табин, м. 254
 Тагалах, о. 181
 Таз, р. 76, 80
 Тазовская губа 74, 76, 77, 80
 Тазовское зимовье 80
 Таймыр, о. 90
 Таймура см. Нижняя. Таймыра
 Таймурская губа см. Фаддея, зал.
 Таймырский п-ов 7, 71, 80—82, 88, 90—94, 162, 265, 349, 367
 Таймырское оз. 89, 94, 162
 Таканис, бух. 125
 Такла-Макан, пустыня 216, 228
 Талас, р. 219
 Таловка, р. 189
 Танага, о. 177
 Танома, р. 80
 Тара 68, 132, 134, 153, 369
 Тарим (Дарим), р. 226, 228
 Тартар см. Лена
 Тауйский острог 48, 49, 152
 Ташкент 215, 218, 219, 225, 226, 228
 Твереминде, 140
 Телецкое, оз. 228, 252
 Тельвицкая см. Кельвицкая
 Тенгиз, море 215
 Тенияха губа см. Св. Лаврентия зал.
 Терек, р. 231, 232
 Тигил, р. 144, 151, 363
 Тихий океан (Восточное море, Восточный океан) 9, 10, 13, 15, 18, 19, 27, 32, 42, 43, 45, 49—52, 54, 55, 57, 58, 62—65, 86, 100—102, 105, 107, 137, 139, 140, 146, 161, 162, 166, 169—171, 178, 179, 181—183, 186—188, 190, 196, 205, 245, 267, 285, 300, 301, 327, 332—335, 344, 346, 348, 350, 354, 355, 367—370, 372
 Ткачен, бух. 32
 Тобол, р. 139, 224, 251, 254, 265, 271, 288, 385
 Тобольск 11—13, 14, 24, 27, 32, 39, 41—43, 46, 50, 65, 67, 68, 76, 77, 80, 131—134, 141, 149, 157, 180, 185, 190, 192, 212, 215, 216, 228, 244, 273, 279, 287, 288, 334, 338, 340, 342, 350, 352, 369—371, 387
 Толстый Нос, м. 83
 Томск 132—134, 149
 Томь, р. 134, 136, 138, 139
 Трех сестер, о. 103, 354
 Тугур, р. 10, 62, 152
 Туманный см. Чирикова
 Тура, р. 139, 265
 Тургай, р. 219, 224, 228, 231
 Туринск 134, 288
 Туркестан 218, 219, 295
 Туруханск (Мангазея) 16, 78, 80, 81, 91, 94, 133
 Турфан (Шурфан) 216, 226—228
 Тюб-Караган 237, 238
 Тюмень 133, 153, 365
 Уба, р. 251
 Убинский острог 134
 Уда, р. 10, 62, 108, 152, 159
 Удский острог 11, 48, 108, 152, 336
 Узбой, сух. русло 225
 Уй, р. 271, 288
 Ука, р. 205
 Укамок см. Чирикова
 Улдзу, р. 250
 Улу-Дарья см. Аму-Дарья
 Улытау, г. 215
 Ульба, р. 251
 Улья, р. 7, 108, 333
 Умнак, о. 177, 178, 181, 183—185, 305, 371
 Уналашка, о. 177, 178, 183, 185, 187, 305, 306
 Ушмак, о. 179, 180
 Урак, р. 10, 11, 25, 66
 Урал (Янк), р. 134, 138, 139, 237, 271, 385
 Уральский хр. 132, 138, 139, 213, 215, 265, 280, 283, 288, 333, 384, 385
 Ургенч (Урганч) 222, 224, 225
 Урка, р. 159
 Урюкман, р. 140, 250
 Усть-Каменогорская крепость 132, 228, 251, 253
 Усть-Кутский острог 24, 132
 Уруп (Ольховский), о. 58, 354
 Ушишир (Коза), о. 14, 107, 354
 Уя, р. 271, 385
 Фаддея (Таймурская губа), зал. 84, 88, 90, 162, 353
 Ферро, о. 187, 222, 226, 247, 248, 258, 260, 264, 342, 349
 Фигурный (Шикотан), о. 103, 354
 Финский залив (Котлино, оз.) 240—243, 315
 Форрестер, о. 124
 Хами 226—228
 Хапки 220, 222, 224

- Ханко (Гангут), м. 240
Ханты-Мансийск (Самаровский ям) 80
Хараулах, р. 87
Харимкотан (Красногорск), о. 354
Харнузова, р. 205
Хатанга, р. 80, 81, 83, 89—91, 94, 95, 162
Хатангский залив (Хатонская губа) 84, 88, 89, 94, 96, 353
Хатырка (Катырка), р. 188
Хаяна, р. 159
Хвалынское море см. Каспийское море
Хеуверен, 208
Хива 215, 219, 220, 222—225, 276, 293, 295, 376
Хиват, р. 193, 194, 373
Хивинский залив 237, 238, 240, 377
Хиума (Даго, Дагдан), о. 247, 260, 366, 380
Ходжент см. Ленинабад
Хоккайдо (Матмай), о. 9, 58, 103, 335—337
Хонсю (Нифон), о. 9, 12, 58, 104
Хотан 226
Хотан (Хотень), р. 216
Хрома, р. 97, 354, 373
Хуата см. Кувет
Хубсугул, оз. 250
- Цитронный, о. 103, 354
Цуй см. Чу
Цукли см. Монтегю
Цурухайту 132, 136
- Чаплина, м. 32, 33, 50
Чаун, р. 194, 198, 199, 205, 208
Чаунская губа (Ачай, Отчай) 192—194, 196, 201, 206, 208, 210, 212
Чекановского, кряж 94
Челюскина, м. 84, 90, 91, 93, 162, 354, 367
Черный Иртыш, р. 250
Чегхин см. Б. Ситхин
Четырехстолбовый, о. 199, 374
Чеша, р. 242
Чешская губа 242
Чиньг-ан, м. 32
Чирикова (Туманный, Укамок), о. 116
Чирникотан (Машауч, Столбовой), о. 14, 337, 354
Чондон, р. 10
Чу (Цуй), р. 215, 219
Чуван-Дарья, р. 224
Чукотский мыс (Анадырский Нос, Чукотский Нос, Чукотский угол) 32, 33, 38, 42, 49, 88, 110, 205, 261, 343
Чукотский Нос (мыс Дежнева ?) 10, 18, 27, 34, 50, 51, 53, 54, 60, 61, 180, 212, 261, 303, 370, 374
Чукотский Нос (Шелагский мыс) 8, 35, 341, 373
Чукотский полуостров (Чукотская земля) 8, 9, 30, 33—35, 53, 54, 56, 61, 110, 166, 180, 185, 192, 197, 203—210, 212, вкл. между 212 и 213, 345, 347, 368, 371, 374, 375
Чукотский хр. 206
Чукотское (Ленское) море 334
- Чульшман, р. 251
Чусовая, р. 139, 213
- Шабина дага, г. 250
Шават 222
Шантарские о-ва 10, 48, 56, 62, 63, 108, 152
Шараповы кошки, о-ва 74
Шахтемир 224
Шелагский, м. 192—194, 196, 202, 304, 305, 373
Шелагский мыс (Чукотский Нос, Шелагский Нос) 8, 30, 35, 86, 162, 166, 206, 210, 212, 335, 341, 368, 373
Шелехова, зал. (Пенжинская губа) 14, 48, 140
Шемечь см. Семечь
Шиашкотан (Кривой, Сияскутан), о. 337, 354
Шикотан, о. 58
Шилка, р. 138, 190, 250
Шимушир см. Симушир
Шипунский мыс 121, 182
Шокальского, о. 78
Шококи см. Райкоке
Шпидберген, о. 213, 214, 300, 303—307, 375
Штатов, о. 58, 260
Шумагина (Шумагинские), о-ва 117, 120, 358—359
Шумшу (Шум), о. 14, 354
- Эби Нур, оз. 228
Эгача, р. 48
Эзель см. Сарема
Эмба (Еньба), р. 225, 294, 376
Эмель (Имиль), р. 231
Эркень см. Яркенд
- Югорский п-ов 71
Югорский Шар, прол. 7, 72—74
Юдома, р. 10, 11, 25, 26, 66, 68, 152, 340
Юдомский крест 25, 26, 48, 65—68
Юрацкая губа 78
- Яблон, р. 204
Яблоновый (Яблонный) хр. 139
Явай, п-ов 77, 78, 80, 352
Яик см. Урал
Яккун, м. 32
Якоби, о. 125
Якутск 7—9, 11, 24—27, 38, 42, 45, 46, 48, 49, 54, 62, 63, 65—70, 76, 86—88, 94—96, 99, 100, 109, 129, 132, 133, 136, 140, 142, 152, 157, 159, 174, 188, 192, 194, 203, 210, вкл. между 212 и 213, 264, 272, 274, 276, 288, 289, 321, 334, 335, 341, 350, 354, 360, 364, 369
Якутская провинция 65, 274, 383
Ялutorовский острог 134
Ямал, п-ов 48, 72, 74, 76, 77, 80, 352, 367
Ямышевская крепость 132
Яна, р. 10, 96, 97, 139, 191, 194, 196, 197, 373
Япония 8—11, 16, 19, 22, 38, 45, 55, 56, 58, 62—65, 68, 70, 71, 102, 103, 107, 130, 150, 162, 163, 169, 172, 265, 305, 336, 337, 339, 341, 344, 350, 355, 369
Яркенд (Эркень) 215, 216

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Исследования Сибири до Первой Камчатской экспедиции	7
Глава II. Первая Камчатская экспедиция	19
Глава III. Экспедиция Д. И. Павлуцкого и А. Ф. Шестакова	45
Организация экспедиции и поход А. Ф. Шестакова	45
Плавание И. Федорова и М. С. Гвоздева к берегам северо-западной Америки	49
Поход Д. И. Павлуцкого на Чукотский полуостров	53
Глава IV. Вторая Камчатская экспедиция	55
Организация и снаряжение экспедиции	55
Исследования и опись берегов Северного Ледовитого океана	71
Плавание от Архангельска до Оби	72
Плавание из устья Оби к устью Енисея	76
Плавание из устья Енисея к востоку	80
Плавание из устья Лены на запад к устью Енисея и на восток к Камчатке	83
Плавание к Японии	101
Плавание к берегам северо-западной Америки	109
Путешествие Академического отряда	130
Прекращение Второй Камчатской экспедиции	160
Глава V. Плавание промышленников к Алеутским островам	170
Глава VI. Исследования северо-востока России в 1748—1765 гг.	188
Плавание С. Новикова и И. Г. Бахова	188
Попытки возобновления деятельности Второй Камчатской экспедиции	189
Экспедиция Н. П. Шалаурова	190
Исследования островов у северных берегов Азиатского материка	196
Сведения о Чукотском полуострове, «Большой земле» и прилегающих островах, собранные Ф. Плениснером	203
Плавание И. Синдта	205
Карты и чертежи северо-востока Сибири и прилегающих районов	206
Плавание в европейских водах Северного Ледовитого океана	213
Глава VII. Экспедиции на юго-восток России, в Среднюю Азию и на побережье Каспийского моря	215
Краткий обзор состояния знаний о географии Средней Азии до 1725 г.	215
Оренбургская экспедиция	217
Экспедиции К. Миллера в Среднюю Азию	218
Экспедиции в Хиву	219
Известия о Бухаре и Ташкенте, сообщенные купцами Н. Григорьевым и Нутом Мухамедом	225
Карты Средней Азии и западной части Центральной Азии	226
Экспедиции в районы западного и южного побережий Каспийского моря	231
Глава VIII. Исследование и картирование Каспийского, Балтийского и Белого морей	236
Глава IX. Геодезические съемки, составление генеральных карт и атласов	243
Основные черты развития русской картографии до 1725 г.	243
Геодезические съемки для составления генеральной карты России	246
Картирование южных границ Сибири	249
Геодезические съемки и картографические работы Военного ведомства	251

Генеральные карты и атласы России И. К. Кирилова и Академии наук	254
Работы М. В. Ломоносова по исправлению атласа 1745 г.	266
Атлас Оренбургской губернии И. Красильникова. Попытка составления первого атласа мира	270
Глава X. Научные труды по географии, журнальная и учебная литература	273
Описания России и ее районов, составленные до второй четверти XVIII в.	273
Работы по описанию России 1725—1765 гг.	275
«Цветущее состояние Всероссийского государства...» И. К. Кирилова	275
Географические труды В. Н. Татищева	277
Работы Г. Миллера по описанию Сибири	286
Описание Сибири Ф. И. Соймонова	289
Описание Оренбургской губернии П. И. Рычкова	290
Научные труды М. В. Ломоносова	297
Труды по экономической географии	297
Работы по исследованию Арктики	300
Идеи М. В. Ломоносова о геологических явлениях и их значение для географии	307
Работы по изучению «явлений воздушных»	309
Организация Академией наук систематических метеорологических и гидро- логических наблюдений и попытки создания «теории погод»	314
Периодическая литература и учебники	318
Заключение	332
Примечания	333
Литература	389
Принятые в тексте условные сокращения	408
Указатель важнейших личных имен	409
Указатель важнейших географических названий	417

Вадим Иванович Греков

**Очерки из истории русских географических исследований
в 1725—1765 гг.**

*Утверждено к печати Институтом географии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Т. Д. Селявина*
Технический редактор *Т. В. Полякова*

РИСО АН СССР № 62—37. Сдано в набор 24/XII 1959 г.
Подписано к печати 23/III 1960 г. Формат 70×108^{1/16}. Печ. л.
26,75=36,65 + 10 вкл. Уч.-изд. л. 38,9 + 10 вкл. (2,2 уч.-изд. л.)
Тираж 2000 экз. Т-03038. Изд. № 3570. Тип. зан. № 2558

Цена 32 руб. 40 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА»

Имеются в продаже и готовятся к печати следующие книги:

БАРБАШЕВ Н. И. К истории мореходного образования в России. 1959, 216 стр., 8 р. 10 к.

Освещена история морского образования и морской науки в России XVIII—XX вв.

БАРХАТОВА Н. И. Геологические исследования Русского географического общества. (1845—1917). Материалы к истории отечественной геологии. 1955. 108 стр., 10 вкл., 7 р. 50 к.

В книге рассказано о геологических исследованиях, проводившихся членами Русского географического общества с момента его возникновения до Октябрьской социалистической революции. Приведена библиография геологической литературы, изданной Обществом за этот период.

ВИТТЕНБУРГ П. В. Жизнь и научная деятельность Э. В. Толля. 1960. 246 стр., 11 р. 10 к.

Книга знакомит читателя с геолого-географическими исследованиями Э. В. Толля на северо-востоке Азии, на Новосибирских островах, Таймырском полуострове, в Алабаре-Оленекском районе, Прианском крае. Особое место отводится последней экспедиции Э. В. Толля — так называемой Первой русской полярной экспедиции Академии наук, участвуя в которой Э. В. Толль безвременно погиб. Показаны также и многие стороны личной жизни Э. В. Толля.

Вопросы применения картографических методов при географических исследованиях. 11,5 л., 8 р. (Готовится к печати).

Статьи сборника посвящены развитию методов составления карт и использованию этих карт при географических исследованиях различного направления. В ряде статей рассматриваются вопросы техники составления и оформления географических карт.

ЕСАКОВ В. А. Александр Гумбольдт в России. 9 л. 5 р. 50 к. (Готовится к печати).

В работе рассматриваются основные этапы жизни и научной деятельности выдающегося немецкого естествоиспытателя XIX века А. Гумбольдта. Особое внимание уделено путешествию А. Гумбольдта по России в 1829 году, рассказывается о значении его путешествия для изучения географии Азии, раскрываются научные связи с русскими учеными и общественными деятелями. Наряду с опубликованными литературными источниками в работе использованы неизвестные до сего времени архивные материалы из хранилищ Москвы, Ленинграда, Свердловска и Казани. Большой интерес представляет переписка А. Гумбольдта с учеными и общественными деятелями России.

МУРЗАЕВ Э. М., ОБРУЧЕВ В. В., РЯБУХИН Г. Е. Владимир Афанасьевич Обручев. (Жизнь и деятельность). Научно-популярная серия. 1959. 302 стр., 6 р. 30 к.

Очерк жизни и деятельности выдающегося геолога и географа В. А. Обручева (1863—1956). Рассказывается о его путешествиях по Сибири, Средней Азии, Джунгарии, об основных научных проблемах, которыми он занимался, освещается его педагогическая и литературная деятельность.

ТИХОМИРОВ В. В. Геология в России первой половины XIX в. Часть I. 1960. 228 стр., 2 вкл., 11 р. 70 к.

Книга представляет собой исследование, основанное на обширном материале из архивов и сочинений русских геологов XIX в., освещающее развитие русской геологической науки в первой половине XIX в., историю геологических исследований Европейской и Азиатской частей России, Прибалтики, Урала, Украины, Кавказа и работы русских геологов за границей в этот период.

Труды Института истории естествознания и техники Академии наук СССР. Т. 27. История геолого-географических наук. 1959. 364 стр., 3 вкл., 18 р. 45 к.

Книга представляет собой сборник статей по истории развития географических наук в России: географии, геологии, геодезии и картографии. В статьях, основанных на большом фактическом материале, содержатся новые интересные сведения о деятельности известных и малоизвестных русских ученых, а также геологических и географических организаций, об истории исследования отдельных областей страны.

ФЕДОСЕЕВ И. А. Развитие гидрологии суши в России. Институт истории естествознания и техники Академии наук СССР. 1960. 302 стр., 2 вкл. 15 р. 80 к.

В книге освещены этапы развития гидрологии суши в России до 1917 г. Главное внимание уделено развитию гидрологических идей и теорий, связанных с пониманием круговорота воды, процессов речного стока и русловых явлений. История гидрологии суши в России излагается в связи с развитием гидрологической науки в других странах.

*Ваши заказы на книги
просим направлять по адресу:*

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10
Контора «Академкнига» Отдел «Книга — почтой»
или в ближайший из магазинов «Академкнига»:

Москва, ул. Горького, 6 (магазин № 1); Москва, 1-й Академический проезд, 55/5 (магазин № 2); Ленинград, Литейный проспект, 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; Баку, ул. Джапаридзе, 13

«Академкнига»